

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- С. В. Алексеев**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Ю. М. Антонян**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ
- А. В. Барков**,
доктор юридических наук, профессор
- Е. Н. Бегалиев**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник образования (Республика Казахстан)
- А. Р. Белкин**,
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- Е. В. Богданов**,
доктор юридических наук, профессор
- Г. А. Василевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист (Республика Беларусь)
- А. А. Власов**,
доктор юридических наук, профессор
- К. К. Гасанов**,
доктор юридических наук, профессор
- В. И. Елинский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный сотрудник Следственного комитета РФ
- А. Е. Епифанов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ, академик РАЕН
- О. В. Зиборов**,
доктор юридических наук, профессор
- С. В. Иванцов**,
доктор юридических наук, профессор
- О. Ю. Ильина**,
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников**,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ
- Р. А. Каламкарян**,
доктор юридических наук, профессор
- В. П. Камышанский**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего образования РФ
- Н. Н. Карпов**,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
заслуженный работник прокуратуры РФ
- О. Г. Карпович**,
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- А. И. Клименко**,
доктор юридических наук, доцент
- Н. А. Колоколов**,
доктор юридических наук, профессор

EDITORIAL BOARD

LEGAL SCIENCES

- S. V. Alekseev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- Yu. M. Antonyan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia
- A. V. Barkov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- E. N. Begaliev**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Education (Republic of Kazakhstan)
- A. R. Belkin**,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Member of RANS
- E. V. Bogdanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- G. A. Vasilevich**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer (Republic of Belarus)
- A. A. Vlasov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- K. K. Gasanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. I. Elinskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Investigate Committee of Russia
- A. E. Epifanov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia, Member of RANS
- O. V. Ziborov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- S. V. Ivantsov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. Yu. Il'ina**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan**,
Doctor of Legal Sciences, Professor
- V. P. Kamyshanskiy**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Education of Russia
- N. N. Karpov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Prosecutor of Russia,
Honored Worker of Prosecutor of Russia
- O. G. Karpovich**,
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- A. I. Klimentko**,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- N. A. Kolokolov**,
Doctor of Legal Sciences, Professor

А. М. Кононов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

И. И. Котляров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Н. Кузбагаров,
доктор юридических наук, профессор

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ

В. П. Малахов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Н. Ф. Медушевская,
доктор юридических наук, доцент

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. В. Михайлова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Р. С. Мулукаев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, академик РАН

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор

Ф. Г. Мышко,
доктор юридических наук, доцент

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

А. Ю. Олимпиев,
кандидат юридических наук,
доктор исторических наук

А. М. Осавельюк,
доктор юридических наук, профессор

М. В. Саудаханов,
кандидат юридических наук

К. Е. Сигалов,
доктор юридических наук, доцент

А. В. Симоненко,
доктор юридических наук, профессор

Д. П. Стригунова,
доктор юридических наук, доцент

Л. В. Туманова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

В. Ю. Федорович,
кандидат юридических наук, доцент

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

Н. М. Чепурнова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ

A. M. Kononov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

I. I. Kotlyarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. N. Kuzbagarov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia, Honored Worker of Science of Russia

V. P. Malakhov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

N. F. Medushevskaya,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. V. Mikhaylova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

R. S. Mulukaev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia, Member of RANS

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor

F. G. Myshko,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. Yu. Olimpiyev,
Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Historical Sciences

A. M. Osavelyuk,
Doctor of Legal Sciences, Professor

M. V. Saudahanov,
Candidate of Legal Sciences

K. E. Sigalov,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

A. V. Simonenko,
Doctor of Legal Sciences, Professor

D. P. Strigunova,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

L. V. Tumanova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

V. Yu. Fedorovich,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

N. M. Chepurnova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

В. Н. Чулахов,
доктор юридических наук, профессор

А. П. Шергин,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
заслуженный юрист РФ,
судья Конституционного суда РФ (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

А. Б. Янишевский,
доктор юридических наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Т. Н. Агапова,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАЕН

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

Р. П. Бульга,
доктор экономических наук, профессор

П. Г. Грабовой,
доктор экономических наук, доцент

Ю. В. Гнездова,
доктор экономических наук, доцент

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
академик РАЕН

Д. В. Дианов,
доктор экономических наук, профессор

Р. В. Илюхина,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Е. Н. Колесникова,
доктор экономических наук, доцент

М. А. Комаров,
доктор экономических наук, профессор

Е. И. Кузнецова,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрещенко,
доктор экономических наук, профессор

И. А. Майбуrows,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

М. М. Максимцов,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования РФ

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

Е. Е. Матвеева,
доктор экономических наук, доцент

V. N. Chulahov,
Doctor of Legal Sciences, Professor

A. P. Shergin,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Honored Lawyer of Russia, Judge
of the Constitutional Court of Russia (retired)

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics

A. B. Yanishevskiy,
Doctor of Legal Sciences

ECONOMIC SCIENCES

T. N. Agapova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Member of RANS

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

P. G. Grabovoy,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

Ju. V. Gnezdova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia,
Member of RANS

D. V. Dianov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. V. Ilyukhina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. N. Kolesnikova,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

M. A. Komarov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. I. Kuznetsova,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

I. A. Mayburov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

M. M. Maksimtsov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honorary Worker of Higher Professional Education of Russia

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

E. E. Matveeva,
Doctor of Economic Sciences, Associate Professor

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. Е. Суглобов,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист РФ

Н. Д. Эриашвили,
доктор экономических наук,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Г. Г. Ахмедов,
доктор педагогических наук, профессор,
иностраный член РАО (Азербайджан)

А. В. Вилкова,
доктор педагогических наук, доцент

М. Т. Громкова,
доктор педагогических наук, профессор

В. Н. Гуляев,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Э. В. Зауторова,
доктор педагогических наук, профессор

Л. А. Казанцева,
доктор педагогических наук, профессор

И. А. Калининченко,
кандидат педагогических наук

А. А. Ласкин,
доктор педагогических наук

Е. В. Протас,
доктор педагогических наук,
кандидат юридических наук, профессор

А. А. Реан,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

В. Ф. Родин,
доктор педагогических наук, профессор

А. А. Романов,
доктор педагогических наук, профессор

И. В. Ульянова,
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

В. Ю. Бельский,
доктор философских наук, профессор

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

О. И. Нестерова,
доктор исторических наук

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G. B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia,
Member of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. E. Suglobov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Economist of Russia

N. D. Eriashvili,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government
of Russia in the field of Science and Technics

PEDAGOGICAL SCIENCES

G. G. Ahmedov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Foreign Member of RAE (Azerbaijan)

A. V. Vilkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor

M. T. Gromkova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

V. N. Gulyaev,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

E. V. Zautorova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

L. A. Kazantseva,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. A. Kalinichenko,
Candidate of Pedagogical Sciences

A. A. Laskin,
Doctor of Pedagogical Sciences

E. V. Protas,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Candidate of Legal Sciences, Professor

A. A. Rean,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

V. F. Rodin,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

A. A. Romanov,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

I. V. Ul'yanova,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Honored Worker of Science of Russia

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. Yu. Belsky,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. I. Nesterova,
Doctor of Historical Sciences

ВЕСТНИК

ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Содержание № 1 • 2022

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Теоретико-исторические правовые науки

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Частноправовые (цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые науки

Амельчакова В. Н., Сулова Г. Н. Проблемы составления протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения	11
Антонян Ю. М. Поиск сущности экстремизма.....	14
Бакаев А. А., Иванова Ю. А., Радченко Т. В., Саудаханов М. В. К вопросу об основных направлениях деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол)	22
Барнинова О. А. Криминалистическое исследование изображений реквизитов документов: проблемы теории и практики.....	29
Бобовкин М. В., Марочкина В. В. Валидация как основа стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы	35
Волынская О. В. Предназначение переводчика в современном уголовном судопроизводстве	40
Воронина Н. А. Ретроспективный анализ процессуального статуса потерпевшего	43
Зуйкова Н. А., Головки С. А. Оценка заключения судебной экспертизы судом	48
Грачева А. С. Обеспечение взаимодействия при реализации положений ст. 160 УПК РФ	52
Грошев С. Н. Правовой статус мужчин в Древней Руси.....	56
Дёмин К. Е., Потокин Р. С. О комплексном использовании дактилоскопической информации, содержащейся в системе криминалистических учетов.....	59
Джафаров Н. К., Багдасарова А. Э. Коррупция в Российской Федерации как глобальная проблема государственно-властной системы	63
Журавлев В. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников советской милиции в 20–30 годах XX века	68
Зарина А. М., Мороз Т. С. Особенности применения наказания к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 292.1 УК РФ	72
Злобин С. Г. К вопросу о правовом регулировании списанного оружия на территории Российской Федерации	77
Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. О важном значении римского права для современной юриспруденции	81
Иванцов С. В., Саранов А. В. Актуальные вопросы предупреждения преступлений против личной свободы несовершеннолетних.....	85
Ильин И. С. Методологические основы криминологического исследования демонстративно-протестной преступности: цель, принципы, объективность исследования	99
Капинус О. С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности.....	107
Ковалева Н. В., Немченко С. Б., Шеншин В. М. Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации «регуляторной гильотины»	113

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.

Перерегистрировано: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-62944 от 31 августа 2015 г.

Научный редактор, ответственный за издание, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Врио главного редактора
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

Номер подготовили:
Л. С. Антоненко, А. И. Антошина

При участии:
М. И. Никитин

Дизайн и верстка
М. Е. Киселева

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
109028, Москва,
Малый Ивановский пер., д. 2
Тел. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvд.official>

Индекс по каталогу Агентства
«Урал-Пресс Округ» – 81108

- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.

- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.

Формат 60×84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
(1-й завод – 300).
Московский университет
МВД России
имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Заказ № 78

Подписано в печать
 25.03.2022 г.
 Цена свободная

Котляров И. И., Пузырева Ю. В., Зимина К. И.

Сотрудничество государств – членов Интерпола по противодействию
 незаконному обороту медицинской продукции в условиях пандемии 118

Кудряшов Д. А. Актуальные аспекты интеграции
 информационно-коммуникационных технологий
 в судебно-экспертной деятельности 125

Майлис Н. П. Использование процессов интеграции
 и дифференциации знаний в судебной экспертизе
 при решении идентификационных и диагностических задач 130

Мурашев П. М., Роцин Е. А., Кандауров А. В., Дадабаев В. К.
 Особенности экспертного исследования механизма ДТП
 с участием спецтранспорта 134

Мышко Ф. Г., Титор С. Е. Правовое регулирование
 и особенности риск-ориентированной модели государственного
 контроля (надзора) в сфере дошкольного образования 138

Неретина Н. С. Роль инновационных технологий
 в развитии судебной экспертологии 147

Осавелюк Е. А. Особенности законодательных полномочий парламента
 в области национальной безопасности России 151

Перепечина И. О. Генетическая идентификация и диагностика
 как области интеграции и дифференциации знаний 155

Пономарев В. В., Усков И. Н. Значение и функции лекции в дополнительном
 профессиональном образовании по специальности «Судебная экспертиза» 161

Прорвич В. А. Особенности получения доказательств
 по преступлениям в сфере цифровой экономики
 при интегрированном применении специальных знаний
 судебных экспертов-экономистов 167

Савченко М. М. Объект преступного посягательства
 на собственность и законные интересы субъектов кредитования,
 бюджетную систему Российской Федерации 172

Салганский Н. Е. Актуальные проблемы назначения и организации производства
 судебных экспертиз и исследований в сфере криминалистического
 документоведения в сотрудничестве с иностранными и международными
 правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями 176

Саудаханов М. В. Конституционный Суд РФ о социальной функции права
 частной собственности 181

Соколова О. А. Интеграция и дифференциация знаний
 в дактилоскопии и дерматоглифике 186

Федорова И. В., Калинин С. В. Профилактика безнадзорности
 и правонарушений несовершеннолетних 192

Харламова О. А. Решение экспертных задач при производстве
 комплексных экспертиз с учетом современных представлений
 о мыслительной деятельности эксперта 197

Хмыз А. И. Использование системы криминалистической регистрации
 при идентификации интерактивного пользователя 201

Чеснокова Е. В. Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной
 деятельности в условиях внедрения механизмов стандартизации 207

Четвергов М. А. К вопросу об интеграции современных технологий
 при выявлении следов рук на месте пожара 210

Чикалов О. В. К вопросу о функциональной характеристике
 правозащитного типа профессионального правосознания 215

Шувалов И. И. Элементы системы снабжения энергетическими ресурсами
 как правовые категории 220

Щербачева Л. В. Правовое регулирование деятельности агрегаторов
 в Соединенных Штатах Америки: особенности и проблемы 229

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Абрамов Р. А., Жигун Л. А. Роль магистратуры направления ГМУ в обеспечении устойчивого развития регионов в условиях вызовов	234
Азаренкова И. В., Дианов Д. В. Экономический анализ дебиторской задолженности в предотвращении банкротства организации	243
Волкова Т. В., Рахлина Л. В. Инвестиционная активность в России на фоне пандемии COVID-19	250
Гольцев Д. С. Современные проблемы проведения судебных экономических экспертиз в условиях цифровизации экономики	257
Грачев А. В. Негативные стороны безопасности как объект исследования для целей повышения ее уровня	260
Егорова Е. В. Значение системы внутреннего аудита в эффективном ведении финансово-хозяйственной деятельности организации	265
Коринной А. Г. Об отдельных элементах механизма регулирования оборота криптовалюты	271
Косов М. Е. Развитие накопительных механизмов пенсионного страхования	277
Кузнецова Е. И. Управление экономической безопасностью хозяйствующего субъекта на основе финансового планирования	283
Литвиненко А. Н., Тотоев Р. Р. Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств: организационный аспект	288
Пронина Е. Н., Ханова И. М. Оценка уровня обеспечения продовольственной безопасности Республики Башкортостан	295
Сафохина Е. А. Эффективность внутреннего аудита как элемент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта	301
Фирсов Д. В. Понятие инновации в разрезе национального экономического развития	307
Яковлев А. А. Вопросы анализа национального и регионального опыта некоторых государств в решении задач по обеспечению экономической безопасности	310

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Общая педагогика, история педагогики и образования Методология и технология профессионального образования

Казанцева Л. А., Красильников В. И., Казанцев С. Я. Актуальные проблемы профориентации школьников	315
Качалов В. В. Дополнительное профессиональное образование: понятие, особенности, виды	318
Никитская Е. А. Опыт подготовки курсантов университета МВД России к вожатской деятельности в детском оздоровительном лагере	323
Никоноров Е. А., Кулиничев А. Н., Третьяков А. А., Апальков А. В. Анализ функциональных свойств дыхательной системы спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне	330
Самойлов В. Д. Система подготовки военнослужащих ФРГ (историко-педагогический аспект зарубежного опыта)	334
Славко А. Л. Индивидуализация учебно-тренировочного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» на основе динамической и статической направленности физических нагрузок	339
Фрумина С. В. Изменение эффективности обучения при переходе на дистант	342

Журнал был учрежден в 2007 году с названием «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-27627 от 16 марта 2007 г.) и вот уже более восьми лет является одним из авторитетных и узнаваемых в научном сообществе изданий в области экономики, юриспруденции, педагогики и психологии.

На основании Заключения Президиума ВАК Минобрнауки России «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был неоднократно включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

В соответствии с Приказом МВД России № 716 от 24 июня 2011 г. Академия экономической безопасности МВД России с 1 сентября 2011 г. была реорганизована путем присоединения к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя. В результате реорганизации все права на журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» перешли к Московскому университету МВД России имени В.Я. Кикотя в порядке правопреемства.

В 2015 году журнал «Вестник Академии экономической безопасности МВД России» был перерегистрирован с новым названием – «Вестник экономической безопасности».

В настоящее время редакция обновленного журнала продолжает лучшие традиции этого периодического печатного издания.

Подписной индекс Агенства
«Урал-Пресс Округ» **81108**,
или на сайте Научной
электронной библиотеки:
<http://elibrary.ru>

The journal is registered by
Federal Surveillance Service for
Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-27627
dated 16.03.2007

Reregistered:
Registration certificate
PI № FS77-62944
dated 31.08.2015

*Scientific editor,
responsible for the publication,
Winner of the award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a Science and Technics,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor*

N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Acting Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

This issue has been prepared by:
L. S. Antonenko,
A. I. Antoshina

With participation of:
M. I. Nikitin

Design and layout
M. E. Kiseleva

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named
after V.Ya. Kikot

117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
109028, Moscow,
Malyj Ivanovskij per., d. 2
Tel. 628-57-16
<https://vk.com/mosumvd.official>

Zip Code at the List of the Agency
«Ural-Press Okrug» – 81108

BULLETIN

OF ECONOMIC SECURITY

Contents № 1 • 2022

JURISPRUDENCE

Theoretical and Historical Legal Sciences
Public Law (Public Law) Sciences
Private Law (Civil) Sciences
Criminal Law Sciences
International Law Sciences

Amelchakova V. N., Suslova G. N.

Problems of drawing up a protocol on an administrative offense
on a person who is intoxicated..... 11

Antonyan Yu. M. Search for the essence of extremism 14

Bakaev A. A., Ivanova Yu. A., Radchenko T. V., Saudakhanov M. V.

To the question of the main activities of the International
Criminal Police Organization (Interpol) 22

Barinova O. A. Forensic examination of images of document details:
problems of theory and practice..... 29

Bobovkin M. V., Marochkina V. V.

Validation as the basis for standardization of methodological
support of forensic handwriting examination 35

Volynskaya O. V. The appointment of an interpreter
in modern criminal proceedings..... 40

Voronina N. A. Retrospective analysis of the procedural status of the victim 43

Zuikova N. A., Golovko S. A. Evaluation of the conclusion
of the forensic examination by the court..... 48

Gracheva A. S. Ensuring interaction in the implementation of the provisions
of Article 160 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation 52

Groshev S. N. The legal status of men in Ancient Russia..... 56

Demin K. E., Potokin R. S. About complex use of fingerprint
information contained in the system of forensic accounting 59

Dzhafarov N. K., Bagdasarova A. E. Corruption in the Russian Federation
as a global problem of the state-power system..... 63

Zhuravlev V. V. Disciplinary responsibility of Soviet police officers
in the 20–30s of the twentieth century..... 68

Zarina A. M., Moroz T. S. Features of the application
of punishment to persons who have committed a crime provided
for by Article 292.1 of the Criminal Code of the Russian Federation..... 72

Zlobin S. G. Legal regulation of deactivated firearms
in the territory of the Russian Federation..... 77

Ivanov A. A., Matiyenko T. L., Eriashvili N. D.

On the importance of Roman Law for modern jurisprudence 81

Ivantsov S. V., Saranov A. V. Topical issues of prevention of crimes against
the personal freedom of minors 85

Ilyin I. S. Methodological foundations of criminological research
of demonstrative-protest crime:
purpose, principles, objectivity of the research 99

Kapinus O. S. Environmental crimes:
problems of criminal liability..... 107

Kovaleva N. V., Nemchenko S. B., Shenshin V. M.

Regulation of control and supervisory activities
in ensuring industrial safety during the implementation
of the «regulatory guillotine»..... 113

Kotlyarov I. I., Puzyreva Yu. V., Zimina K. I. Cooperation of the Interpol member states on combating illegal trafficking of medical products in the context of a pandemic.....	118
Kudryashov D. A. Actual aspects of the integration of information and communication technologies in forensic activities	125
Maylis N. P. Using the processes of integration and differentiation of knowledge in forensic expertise in solving identification and diagnostic tasks	130
Murashev P. M., Roshchin E. A., Kandaurov A. V., Dadabaev V. K. Features of the expert study of the mechanism of accidents with the participation of special transport.....	134
Myshko F. G., Titor S. E. Legal regulation and features of the risk-based model of state control (supervision) in the field of preschool education.....	138
Neretina N. S. The role of innovative technologies in the development of forensic expertology.....	147
Osavelyuk E. A. Features of the legislative powers of the Parliament in the field of national security of Russia.....	151
Perepechina I. O. Genetic identification and diagnostics as areas of integration and differentiation of knowledge.....	155
Ponomarev V. V., Uskov I. N. The meaning and functions of the lecture in additional professional education in the specialty «Forensic examination».....	161
Prorvich V. A. Features of obtaining evidence on crimes in the digital economy with the integrated application of special knowledge of forensic experts-economists	167
Savchenko M. M. Object of criminal encroachment on property and legitimate interests of lending entities, budget system of the Russian Federation.....	172
Salgansky N. E. Actual problems of appointment and organization of forensic examinations and research in the field of forensic documentation in cooperation with foreign and international law enforcement agencies and forensic expert institutions.....	176
Saudakhanov M. V. The Constitutional Court of the Russian Federation of the social function of the right of private property.....	181
Sokolova O. A. Integration and differentiation of knowledge in fingerprinting and dermatoglyphics.....	186
Fedorova I. V., Kalinina S. V. Prevention of neglect and juvenile delinquency.....	192
Kharlamova O. A. The solution of expert problems in the production of complex examinations, taking into account modern ideas about the mental activity of an expert	197
Hmyz A. I. The use of a forensic registration system for the identification of an interactive user	201
Chesnokova E. V. Integration and differentiation of knowledge in forensic activities in the context of the introduction of standardization mechanisms	207
Chetvergov M. A. On the issue of the integration of modern technologies in the identification of handprints at the site of a fire.....	210
Chikalov O. V. To the question of functional characteristics human rights type professional legal consciousness.....	215
Shuvalov I. I. Elements of the energy supply system as legal categories.....	220
Shcherbacheva L. V. Legal regulation of aggregators in the United States of America: features and problems	229

- The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

- At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

- In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

Format 60×84 1/8.
Offset printing
Circulation 1500 copies
(1st release – 300)
Moscow University of Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot 117997, Moscow, ul. Akademika Volgina, d. 12

Order № 78

Issued
25.03.2022.
The price is not fixed

The journal was established in 2007 with the name «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (registration certificate PI № FS77-27627 dated March 16, 2007) and for more than eight years is one of the most reputable and recognizable in the scientific community edition in the field of economics, law, pedagogy and psychology.

Based on the opinion of the Presidium of the HAC Ministry of education and science of Russia «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» has been repeatedly included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences.

According to the Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 716 of June 24, 2011 since September 1, 2011 the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia has been reorganized by joining to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. As a result of reorganization all rights to the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» were transferred to the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot in succession.

In 2015 the journal «Bulletin of the Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia» was re-registered with a new name – «Bulletin of economic security».

Currently, the editorial staff of the updated journal continues the best traditions of this printed edition.

Zip Code at the List of the Agency «Ural-Press Okrug» **81108**, or on the website Scientific electronic library: <http://elibrary.ru>

ECONOMIC SCIENCE

Regional and sectoral economy

- Abramov R. A., Zhigun L. A.** The master's degree role at SLG training scope on improve the quality of education in order to increase demand in the face of challenges 234
- Azarenkova I. V., Dianov D. V.** Economic analysis of accounts receivable in preventing the bankruptcy of the organization 243
- Volkova T. V., Rakhlina L. V.** Investment activity in Russia amid the COVID-19 pandemic 250
- Goltsev D. S.** Modern problems of conducting forensic economic examinations in the conditions of digitalization of the economy 257
- Grachev A. V.** Negative aspects of security as an object of research for the purpose of increasing its level 260
- Egorova E. V.** The importance of the internal audit system in the effective conduct of financial and economic activities of the organization..... 265
- Korinnoy A. G.** On certain elements of the mechanism for regulating cryptocurrency in circulation 271
- Kosov M. E.** Development of accumulative mechanisms of pension insurance..... 277
- Kuznetsova E. I.** Management of economic security of an economic entity on the basis of financial planning..... 283
- Litvinenko A. N., Totoev R. R.** Directions of financial struggle against illicit drug trafficking: organizational aspect..... 288
- Pronina E. N., Khanova I. M.** Assessment of the food security level of the Republic of Bashkortostan 295
- Safokhina E. A.** The effectiveness of internal audit as an element of ensuring the economic security of an economic entity 301
- Firsov D. V.** The concept of innovation in the context of national economic development 307
- Yakovlev A. A.** Issues of analysis of national and regional experience of some states in solving problems of ensuring economic security 310

PEDAGOGICAL SCIENCE

General pedagogy, history of pedagogy and education

Methodology and technology of vocational education

- Kazantseva L. A., Krasilnikov V. I., Kazantsev S. Ya.** Current problems of career orientation of high schoolers 315
- Kachalov V. V.** Additional professional education: concept, features, types 318
- Nikitskaya E. A.** Experience of training cadets from a university of the Russian Ministry of Internal Affairs in youth recreation camps 323
- Nikonorov E. A., Kulinichev A. N., Tretyakov A. A., Apalkov A. V.** Analysis of the functional properties of the respiratory system of athletes specializing in service biathlon 330
- Samoilov V. D.** The system of training of military personnel of Germany (historical and pedagogical aspect of foreign experience)..... 334
- Slavko A. L.** Individualization of the training process in the discipline «Physical training» on the basis of the dynamic and static direction of physical loads 339
- Frumina S. V.** Change in learning efficiency during the transition to distant..... 342

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-11-13>

NPON: 2015-0066-1/22-200

MOSURED: 77/27-011-2022-01-399

Проблемы составления протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения

Венера Наимовна Амелчакова¹, Галина Николаевна Сулова²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, venera_amel63@mail.ru

² Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Тверь, Россия, gn_suslova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы составления протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения.

Ключевые слова: правонарушение, административная ответственность, протокол, медицинское освидетельствование

Для цитирования: Амелчакова В. Н., Сулова Г. Н. Проблемы составления протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 11–13. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-11-13>.

Original article

Problems of drawing up a protocol on an administrative offense on a person who is intoxicated

Venera N. Amelchakova¹, Galina N. Suslova²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, venera_amel63@mail.ru

² Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Tver, Russia, gn_suslova@mail.ru

Abstract. The issues of drawing up a protocol on an administrative offense on a person who is intoxicated are considered.

Keywords: offence, administrative liability, protocol, medical examination

For citation: Amelchakova V. N., Suslova G. N. Problems of drawing up a protocol on an administrative offense on a person who is intoxicated. Bulletin of economic security. 2022;(1):11–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-11-13>.

Правоприменительная практика административно-правового принуждения постоянно связана с необходимостью, во-первых, противодействия административным правонарушениям, во-вторых, – обеспечения эффективного правоприменения, в том числе и соблюдения прав и свобод граждан.

Основной акцент при этом делается на технику и соблюдение законности при применении мер процессуального принуждения, однако проблема заключается в неурегулированности правоотношений в указанной области.

В связи с чем, видится необходимым выделить две основные проблемы:

– первой проблемой, на наш взгляд, является доказательственная база в отношении лица, находящегося в алкогольном опьянении, для привлечения его к административной ответственности, что является квалифицирующим признаком или отягчающим вину обстоятельством;

– второй проблемой является вопрос о законности составления протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения, сразу же после совершения противоправного деяния?

Вина правонарушителя доказывается при помощи метода медицинского освидетельствования, которое

должно подтвердить или опровергнуть наличие у проверяемого лица признаков опьянения [2]. В соответствии со ст. 27.12.1 КоАП РФ [1] лица, совершившие административные правонарушения, за исключением лиц, указанных в частях 1 и 1.1. ст. 27.12 КоАП РФ, в отношении которых имеются достаточно веские подозрения, о том, что они находятся в настоящий момент в состоянии опьянения, должны быть направлены на освидетельствование. Далее сотрудник полиции должен составить об этом протокол, отдав копию лицу, которое направлено на процедуру освидетельствования. Единственным документом, который может удостоверить, что данное лицо действительно находится в состоянии алкогольного опьянения, выступает акт о медицинском освидетельствовании, которое проводится в строгом соответствии с законодательством РФ. Также, согласно законодательству РФ, гражданин имеет право отказаться от проведения медицинского освидетельствования. В таком случае, сотрудник полиции должен это отразить в протоколе об административном правонарушении. Однако при привлечении лица к административной ответственности по ст.ст. 6.9 и 20.20 КоАП РФ обязательным является не только наличие акта медицинского освидетельствования, но и протокола о направлении на него как необходимого процессуального документа. Если в деле о направлении на медицинское освидетельствование протокол отсутствует, то такая коллизия влечет однозначное признание такого документа незаконным.

Однако любой гражданин имеет законное право отказаться от прохождения процедуры медицинского освидетельствования. Этот юридический фактор становится основанием для юридических коллизий, поскольку только ст.ст. 6.9, 12.26 и 20.20 КоАП РФ предусматривают наказание в виде административной ответственности, которая накладывается на гражданина, если имеется вероятность, что гражданин пребывает в алкогольном либо наркотическом опьянении. Во всех остальных случаях лицо может отказаться от прохождения медицинского освидетельствования. Статистические данные свидетельствуют о том, что более 40 % лиц, направляемых на медицинское освидетельствование, отказываются от его прохождения и остаются безнаказанными. В связи с чем было бы целесообразно внести изменения в КоАП РФ (по аналогии со ст.ст. 6.9, 12.26 и 20.20 КоАП РФ) за невыполнение требований должностных лиц о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лицами с явными признаками опьянения.

Еще одной проблемой в данном направлении является составление протокола об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения, сразу же после совершения противоправного деяния.

Ежегодно в состоянии только алкогольного опьянения совершается порядка 60 % административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность [3, с. 90]. Состояние опьянения при этом является квалифицирующим признаком ряда составов (например, ношение огнестрельного оружия лицом, находящимся в состоянии опьянения, п. 4.1 ст. 20.8 КоАП РФ; появление в общественных местах в состоянии опьянения, ст. 20.21 КоАП РФ и др.).

Сотрудники полиции в случае обнаружения гражданина, находящегося в общественном месте в состоянии опьянения и утратившего способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке, при необходимости оказывают ему первую помощь и организуют присутствие врачей, а том числе врачей скорой медицинской помощи, а также обеспечивают сохранность имущества лица, находящегося в состоянии опьянения по аналогии с ст. 165 УК РФ. В случае отказа бригады скорой помощи от госпитализации указанного лица и при отсутствии медицинских вытрезвителей, правонарушитель, как правило, доставляется в территориальный отдел внутренних дел. Если санкция вменяемой статьи не предусматривает наказания, назначаемого только судом, то протокол об административном правонарушении составляется сразу при доставлении. Насколько это является законным?

Представляется, что сотрудники полиции не вправе составлять протокол об административном правонарушении на лицо, находящееся в состоянии опьянения, совершившее противоправное деяние, до вытрезвления данного лица. Однако КоАП РФ не дает прямого ответа на этот вопрос. Так, в ч. 4 ст. 27.5 указано, что срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента вытрезвления. При этом общий срок времени вытрезвления лица, находящегося в состоянии опьянения, с момента его доставления и административного задержания такого лица не может превышать 48 часов. Логично было бы предположить, что и протокол об административном правонарушении такого лица составляется после его вытрезвления. Но практика свидетельствует о другом: граждане обращаются за юридической помощью и подают жалобы на постановления по делу об административных правонарушениях в связи с тем, что процессуальные акты, в том числе и протоколы об административных правонарушениях, их принуждают подписывать сразу же после доставления в отдел внутренних дел. Так происходит в случаях, когда алкогольное опьянение является как квалифицирующим признаком состава, так и обстоятельством, отягчающим административную ответственность.

В связи с чем считаем возможным дополнить статью 28.5 КоАП РФ частью 4 и изложить в следующей редакции: «в случае нахождения лица в состоянии опьянения протокол об административном правонарушении составляется после вытрезвления такого лица». Данное положение будет способствовать соблюдению принципа законности в деятельности правоохранительных органов.

Список источников

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 года, № 1 (ч. 1), ст. 1.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 января 2015 года № 37 «Об утверждении Правил направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения лиц, совер-

шивших административные правонарушения» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 5, ст. 817.

3. Дугенец А. С. Сибирское юридическое обозрение. 2020. Том 17, № 1.

References

1. The Code of the Russian Federation on administrative offenses as of December 30, 2001 № 195-FZ // Collection of the legislation of the Russian Federation dated January 7, 2002, № 1 (part 1), art. 1.
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of January 23, 2015 № 37 «On approval of Rules of referral to a medical examination for intoxication of persons who have committed an administrative offense» // Collection of the legislation of the Russian Federation. 2015. № 5, Article 817.
3. Dugenets A. S. Siberian Legal Review. 2020. Volume 17, № 1.

Информация об авторах

В. Н. Амелчакова – доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Г. Н. Суслова – доцент кафедры правовой и гуманитарной подготовки Тверского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. N. Amelchakova – Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

G. N. Suslova – Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Preparation of the Tver branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-14-21>

НИОН: 2015-0066-1/22-201

MOSURED: 77/27-011-2022-01-400

Поиск сущности экстремизма

Юрий Миранович Антонян

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Дается определение экстремизма, его основные виды и формы, рассмотрены личностные особенности рецидивистов, подчеркивается актуальная значимость этнорелигиозного экстремизма, раскрываются его основные черты. Особое внимание уделено терроризму, показаны его наиболее существенные особенности. Исследуются криминологические последствия миграции, предлагаются некоторые пути профилактики экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, миграция населения, причины экстремизма, личность экстремиста

Для цитирования: Антонян Ю. М. Поиск сущности экстремизма // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 14–21. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-14-21>.

Original article

Search for the essence of extremism

Yuryi M. Antonyan

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The definition of extremism, its main types and forms are given, the personal characteristics of repeat offenders are considered, the actual significance of ethno-religious extremism is emphasized, its main features are revealed. Special attention is paid to terrorism, its most significant features are shown. The criminological consequences of migration are investigated, and some ways of preventing extremism are proposed.

Keywords: extremism, terrorism, population migration, causes of extremism, extremist personality

For citation: Antonyan Yu. M. Search for the essence of extremism. Bulletin of economic security. 2022;(1): 14–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-14-21>.

Экстремизм представляет собой такое же древнее явление, как и само порождающее его человечество. Он является выходом за пределы, принятые и одобренные обществом и государством, общечеловеческой морали, за рамки закона, обычая, традиций, правил поведения.

Можно утверждать, что человечество никогда не жило без экстремизма, который представляет собой неисчезающую часть его существования, природы, социальной жизни. Экстремизм можно обнаружить, или чаще он сам себя покажет в любой сфере общества, начиная с высокой политики и кончая семьей, в призывах к разрушению психически нездорового человека до фанатичной толпы, громящей все на своем пути. Он может проявиться в любой форме – в идеологических учениях, индивидуальной крайне агрессивной позиции, террористических актах, клеветнических измышлениях о каком-либо народе и т. д.

Экстремизм, как можно полагать, возникает тогда, когда человек, группа людей, народ, нация или государство сталкиваются со сложной проблемой, понимаемой ими как угроза их чести, достатку, статусу и т. д. При этом вполне возможно, что на самом деле никакой опасности нет, но сложившаяся ситуация им, этим субъектам экстремизма, представляется именно угрожающей. В других случаях те же субъекты стремятся отстоять свои убеждения, распространить их в ближайшей среде или во всем мире, стать гегемоном, беспорным руководителем либо хотя бы повысить свой статус, желаемую значимость. Экстремизм способен произрастать из каких-то биологических особенностей человека, не облагороженных социумом; он может возникать и у группы, народа или нации как некоторый итог их истории, архетипов, символов, национального характера.

Так, германский нацистский экстремизм появился на свет не только потому, что люто разбойничал

нехороший человек Гитлер. Он, конечно, очень много сделал для того, чтобы одна из самых просвещенных наций на Земле создавала освенцимы, но нацистская агрессия вытекает еще из всей истории германского народа с древних времен, когда его воины мужественно сопротивлялись римлянам, и постепенно сформировались культ войны и военных, идея о том, что «Германия превыше всего», архетип белокурой бестии, агрессивной и беспощадной. Но необходимо отметить, что Освенцим показал не только то, на что способны нацисты, но и то, на что вообще способны люди. Это самое страшное.

Следует отметить, что экстремизм относится к числу самых популярных тем в мифологии. Так, в библейской мифологии иудео-христианский бог Яхве очень агрессивен, он пытается уничтожить все человечество путем всемирного потопа, на врагов избранного народа обрушивает всевозможные беды (например, на египтян), но и свой народ, когда посчитает нужным, тоже очень строго карает. Яхве способен принять экстремальные агрессивные меры против одного человека, ни в чем не виновного, причем только для того, чтобы показать свою бескрайнюю силу, – я имею в виду несчастного Иова [5] (см. «Книга Иова» Ветхого Завета).

Это одна из причин победы учения Христа, который олицетворяет доброту, прощение и милосердие, может считаться основоположником идеологии ненасилия. Но даже Новый Завет содержит крайне свирепый и жестокий Апокалипсис – «Откровение Святого Иоанна Богослова», ставший синонимом беспощадной агрессии и разрушения.

Знание личности экстремиста имеет огромное научное и практическое значение. Поскольку экстремизм многолик, проявляется в разных формах и разных сферах жизни, здесь будет дана лишь общая личностная характеристика экстремистов-преступников. Им свойственны такие качества: ригидность (застываемость), которая весьма способствует фанатичному поведению, в частности; эмоциональная неустойчивость, которую чаще можно заметить среди экстремистов в быту, в повседневной жизни; психопатия, которая поражает в человеке совесть, жалость, сочувствие, ее можно обнаружить у большинства террористов, что относимо к убийцам вообще, особенно к серийным; черно-белое видение мира, в котором важно и ценно лишь «мое», «наше»; высокая тревожность, которой отличаются в первую очередь преступные «вожди» (главари тоталитарных режимов) и фанатичные личности, совершающие агрессивные преступления, сюда надо отнести и страх смерти; некрофилия, влечение к смерти, мощное желание сделать живое неживым, причем некрофилия может быть амбивалентной, т. е. влечение к ней может сочетаться со страхом, даже ужасом в отношении нее.

Некрофилами были Гитлер [4, с. 319–409], Сталин, Пол Пот и другие тираны мировой истории.

Можно предложить такую типологию наиболее опасных видов экстремизма:

– политический, возникающий в ходе борьбы за власть партий и движений, а также отдельных личностей против государства и его учреждений. Очень опасен политический экстремизм толпы, он может носить крайне разрушительный характер, причем толпа часто не знает, что, собственно, ей нужно, кроме грабежа под прикрытием политики;

– государственный, заключающийся в преследовании государством своих противников, причем не в рамках закона, а попирая его, выходя за пределы общечеловеческой цивилизованной морали. В широком смысле слова сюда можно отнести и нападения на другие страны и их захват. Это тоже делает государство;

– этнорелигиозный, представляющий собой весьма опасную форму экстремизма в современном мире. Это, как правило, вооруженная борьба, террористические акты националистических групп и групп из стран, отстающих в культурном развитии, которые считают, что названная борьба и терроризм дают им возможность быстро установить желаемые ими порядки на религиозной основе. Из этой группы этнорелигиозных экстремистов в современном мире наиболее опасными являются этнорелигиозные фанатики. Этнорелигиозный экстремизм опирается якобы на ислам, но на самом деле не имеет с ним ничего общего и даже противоречит ему. «Этно» потому, что его представляют люди из исламских стран;

– националистический, опирающийся на «бесспорное» и безоговорочное признание превосходства своей нации над всеми другими, отсюда презрение и пренебрежение ко всем другим. Нередко националистический и этнорелигиозный экстремизм действуют сообща, в одном союзе;

– «религиозный» основывается на ложно понятом христианстве, а также иных верованиях, на современных модных течениях, подчас не имеющих ничего общего с религией. Поэтому название этого направления религиозным является условным, и взято нами в кавычки. В эту группу можно включить и неоязычество.

По данным И. Ю. Сундиева, наиболее резонансные преступления – ритуальные убийства людей и животных – совершаются членами сатанинских сект, общее количество которых по стране превышает несколько тысяч человек. На порядок больше «готов», поклонников «готического» направления в рок-музыке и потенциальных неофитов сатанинских сект. Благодаря средствам массовой коммуникации широкую известность приобрели секты «Южный крест», «Черный ангел», «Хабратц Хэреэ Хэор Бохер». Сата-

нисты имеют свои интернет-форумы, интернет-конференции, активно пользуются информационными технологиями, координируют свои действия с единомышленниками за рубежом. Молодежь в сатанинские секты привлекает не только атмосфера тайны, особая атрибутика, но, в первую очередь, противодействие всему, что наиболее привычно в обыденной жизни: нормам морали, сложившейся системе отношений между людьми, понятиям Добра и Зла. Среди других значимых причин участия в их деятельности адептами называется ощущение принадлежности к суперэлите и возможность магического получения Власти над другими людьми.

Тема магического обретения Власти над людьми, нарастающими темпами внедряется в молодежные субкультуры уже более 20 лет, но в последние три года она явно превалирует над остальными [3]. Причем речь идет о неформальной, не государственной власти.

Как уже отмечалось выше, экстремизм может иметь место в различных сферах жизни. Поэтому можно говорить о семейном экстремизме, который обычно выражается в терроре мужа против детей и жены, причем он нередко является садистом. Экстремизм (нередко под иными названиями) имеет место в учреждениях, предприятиях, спорте, даже науке, иногда обеспечивая ее прорыв. Наше внимание будет сосредоточено сейчас на этнорелигиозном и «религиозном» экстремизмах, наиболее опасных в современном мире, часто выступающих в форме терроризма.

В целом можно сказать, что экстремизм – понятие универсальное, оно включает в себя как опасные, даже крайне общественно опасные явления, так и полезные, преодолевая некие границы и показывая новые рубежи человеческих возможностей, которые потом могут стать нормой. Такое весьма вероятно в спорте, в научных изысканиях, основанных на эксперименте и опытах. Однако экстремизм и национализм в политике, например, и дальнейшем развитии человечества, может поставить его на грань катастрофы.

Основные черты этнорелигиозного и националистического экстремизма.

1. Этнорелигиозный экстремизм постоянно ставит перед собой цели, которые могут представляться труднодостижимыми или даже недостижимыми.

2. Экстремистские организации могут сами бороться за политическую власть либо их могут использовать в борьбе за политическую власть какие-либо сообщества.

3. Для таких организаций свойственно разделение мира на своих и чужих, на черное и белое, достаточно четкие представления врага, но в основном его внешних признаков и проявлений, которые вызывают зависть и чувство несправедливости. Враг – постоянная, непреходящая фигура, архетип.

4. Неуважительное отношение к другим культурам, которые представляются ненужными, вредными, подлежащими уничтожению или, во всяком случае, взятию под полный и жесткий контроль.

5. Постоянная озабоченность приобретением сторонников и союзников, во всяком случае, единомышленников из числа людей толпы, но толпы, не сборища людей, скажем, перед футбольным матчем, а толпы – массы народа, малограмотного, простодушного, доверчивого, в основном из среднего и низшего социальных слоев населения. Для этого экстремисты используют все доступные им средства массовой информации, Интернет, информационные сети.

Толпа-масса является главным творцом и хранителем этнорелигиозной и националистической мифологии. Толпа сама может спровоцировать и осуществить экстремистское насилие.

6. Самой благоприятной почвой для этнорелигиозного и националистического экстремизма является кризисное общество, но экстремизм может появиться и в благополучном обществе, стремясь к тому, чтобы сделать его кризисным, особенно если он получает помощь извне.

7. Если иметь в виду исламский этнорелигиозный (чаще религиозный) экстремизм, то следует отметить, что сам ислам утвердился на 6–7 веков позднее, чем, например, христианство. Следовательно, ислам – более молодая религия и, соответственно, созданная им культура. То, что сейчас делают экстремисты, основываясь на ложно понятых и извращенных положениях своей религии, особенно фанатики, 6–7 веков тому назад совершали христианские экстремисты (вспомним Варфоломеевскую ночь в средневековой Франции).

8. Технологическая оснащенность, свободное владение современными средствами связи, позволяющие вступать в борьбу с государственными органами связи и получать необходимую для террористов информацию.

Одной из причин значимости экстремизма в современной России является его длинный путь в истории нашей страны, причем в весьма опасной форме терроризма.

Доктябрьский российский терроризм составил особую строку в мировой истории – современный террор ведет свое начало с выстрела Каракозова 4 апреля 1862 г., возвестившего, что эпоха терроризма началась. С тех пор для Запада и России он стал вполне приемлемым и универсальным средством решения практически всех конфликтов и проблем, возникающих в обществе и государстве, более того, самым простым, не требующим ни интеллектуальных усилий, ни опоры на нравственные ценности, ни дипломатического искусства, ни экономических затрат. Особенно разрушительными оказались последствия

террористических десятилетий, конечно, для России, в которой общество, свыкшись с обильной кровью, без помех вошло в большевистский террор. В послесталинские годы он значительно ослаб, но переместился в другие страны, а теперь бумерангом вернулся к нам. Поэтому не нужно столь бурно возмущаться нынешними демократическими порядками, а честно признать, что Россия была страной террора, где он свирепствовал почти полтора десятилетия, и нет никаких признаков, свидетельствующих о возможности снижения уровня экстремизма (терроризм является его крайней формой, наиболее жестокой) в обозримом будущем. Вероятно, Клио, муза истории, с содроганием окидывает взглядом эти годы, вплоть до 1991 г.

Терроризм второй половины XIX – начала XX вв. отличали следующие весьма существенные черты: 1) необоснованно расширительное представление о насилии со стороны власти и господствующих групп населения, включение сюда экономического и социального неравенства, а поэтому оправдание своего террора упомянутым насилием; 2) характерное для многих революционеров черно-белое видение мира, разделение людей на своих и чужих и обоснование в этой связи возможности физического уничтожения вторых; 3) типичная для многих революционеров и революционных теорий примитивизация общественных отношений, игнорирование сложнейших взаимоотношений в обществе, противоречивых и внутренне конфликтных явлений и процессов, психологических факторов, природы человека; 4) доведение критики существующего права и основных правовых институтов до абсурда, до отрицания права вообще, а на основе этого формулирование положения о допустимости нарушения любых правовых норм при забвении того, что многие из них базируются на извечной и общечеловеческой морали; 5) стремление к нравственному оправданию терроризма ссылками на аморализм господствующих классов; 6) вера в то, что цель оправдывает средства и создание культуры насилия; 7) убежденность в возможности построить желаемое общество справедливости, невзирая на конкретные исторические условия и исторический опыт человечества; 8) максимальная нетерпимость и мессианские претензии многих лидеров революционно-террористического движения, ненависть ко всем людям, к жизни вообще значительной части террористов. Необходимо отметить, что практически все эти особенности были унаследованы большевиками и современными левыми экстремистами.

Оценивая терроризм тех лет в критериях нравственности, следует поставить такой непростой вопрос: допустимо ли убийство тирана, притом весьма жестокого и коварного? Например, марксизм, причем позднейший, более гуманистической поры, не предполагал огульного и внеисторического осуждения

всех политических покушений вне конкретных условий. Я полагаю, что убийство тирана – монарха или «пожизненного» президента – не может быть справедливо, во-первых, потому, что любое убийство (а не казнь по суду) порицаемо в принципе. Во-вторых, одно исключение для верховного правителя повлечет цепь других: действительно, если можно уничтожить его, то почему нельзя убрать местного начальника полиции, но если можно убить начальника полиции, то почему нельзя рядового полицейского, который ему во всем помогает, и т. д.

После октября 1917 г. начался ленинский террор, затем сталинский, унесший миллионы жизней. В послесталинский период экстремизм и терроризм продолжались, но уже не в прежних масштабах, причем эти явления были направлены против народа. Одним словом, насилие стало привычным способом разрешения проблем.

Наша страна, как известно, является многонациональной и многоконфессиональной, что может создавать благоприятную почву для проявления экстремизма. Но и в этом случае никакой экстремизм может не возникнуть, если представители разных наций и вероисповеданий сосуществуют в добрых отношениях, сотрудничают друг с другом и помогают; очень сближает совместный труд на предприятиях и стройках, даже если это люди разных наций, поклоняются разным богам и имеют неодинаковый материальный достаток.

Россия, если иметь в виду ее историческое прошлое, далека от этой идиллической картины. В до-революционной России все было иначе, это была страна со слабыми миграционными потоками; города, в которых все могли перемещаться, росли медленно. Промышленность только начала развиваться, хотя перспективы для нее были отличными. Но даже это было почти полностью разрушено Октябрьским большевистским переворотом, бизнес исчез вообще и преследовался в уголовном порядке вплоть до последних дней советской власти. Люди работали очень плохо, особенно после того, как бесследно пропал первоначальный послеоктябрьский энтузиазм.

Нищенская оплата труда, невозможность с его помощью добиться материального достатка сформировали особо циничное отношение к работе, когда государство делало вид, что она оплачивается, а люди – что работают. Это породило множество анекдотов, частушек, поговорок. Общегосударственная ситуация в сфере оплаты труда была основной причиной пьянства и алкоголизма в стране. Эта причина существует и сейчас и будет существовать, пока не изменится положение населения.

Люди оказались разделены еще и, так сказать, по административным причинам, когда «мудрые» вожди рассортировали нации. Очень «хорошие» получили статус союзных республик, «просто хорошие» –

автономных, далее следовали автономные округа и т. д. Это породило зависть и националистические отношения людей разных этносов между собой, однако верховная государственная власть старалась подавлять их. Но как только она ослабла, ненависть и вражда буквально захлестнули отдельные районы СССР (например, Среднюю Азию), а после его распада – некоторые бывшие союзные республики (например, Грузию).

С распадом СССР и по настоящее время труд еще не стал полем сплочения людей, его оплата не возросла намного, а малый и средний бизнес, несмотря на все призывы и усилия руководства страны, не стал локомотивом экономики. Это означает низкий материальный достаток населения, что признает и Президент России. А в целом – благодатный плацдарм для возникновения и развития экстремистских и даже фашистских настроений. У нас сейчас сложилась примерно такая же социальная ситуация, как в Германии после окончания Первой мировой войны, когда страны Антанты буквально задушили ее. Поэтому в России, которая столько претерпела от нацизма, его идеи получают все большее распространение, а некоторая, пусть и малая часть молодежи, поклоняется его символам.

Когда люди бедствуют, они очень тревожны и ищут причины своего неблагополучия. И здесь самое простое – обвинить тех, кто говорит на другом языке или молится другому богу, потому что эти другие совсем рядом, их легко достать, унижить, вытолкнуть и даже уничтожить.

Здесь действует человек толпы – низколобый, примитивный и злобный, наделенный способностью лишь черно-белого видения мира. Ему нужны готовые решения, и он будет действовать; такие люди есть во всех странах. Особую ненависть у него вызывают неграждане России, они чужие, виновники «наших» бед или, в лучшем случае, козлы отпущения, на которых можно вылить свою злобу.

Одним словом, труд и в постперестроечной России не стал ареной сближения людей, их сотрудничества и взаимопомощи, поэтому и не произошло формирования единой социальной общности – россиян, как и до этого – советских людей.

Приходится сказать об особой роли русских национально-религиозных традиций. В народе, прежде всего, среди крестьянства всегда был популярен призыв к тому, чтобы люди довольствовались малым и не стремились бы к значительным экономическим успехам, одним словом, жили бы в пределах самого необходимого. Во всяком случае, воздерживались от существенного материального достатка, а ведь его можно добиться только упорным трудом. Такая идеология во многом проложила дорогу большевизму, который тоже призывал к бедности и воздержанию ради светлого будущего – коммунизма, церковным

аналогом которого было блаженство души в раю. Иными словами, большевикам не нужно было «переделять» народ, он и так был беден, был убежден в праведности бедности. Таким образом, мы видим, что подобная идеология разобщала народ, объективно создавая условия для экстремизма.

К сожалению, для очень многих россиян воздержание от экономических выгод обернулось в советские годы повальным пьянством, что ощущается и сейчас. Я хочу сказать, что пьянство и алкоголизм в основном порождаются неумением и нежеланием работать, отсутствием стремления к экономической выгоде, а отсюда – бедность, ощущение выброшенности из жизни и собственной ненужности, озлобление на весь мир.

Таки образом, мы видим, что сплывающий людей труд является едва ли не главным средством борьбы с экстремизмом и, думается, что и с терроризмом тоже.

В западных странах тоже наличествует экстремизм, и, следовательно, имеются его причины. Но они несколько иные, что совершенно естественно. Часть из них активны и в России, но все-таки главным здесь остается разъединение людей из-за отсутствия общей, сближающей и объединяющей трудовой деятельности, из-за бедности основной части населения. Все это создает специфическую атмосферу озлобленности, в том числе среди молодежи. Ненависть к «нашим врагам» проявляется не только в уличных погромах и убийствах беснующихся молодых людей, но и, с позволения сказать, в публицистических и политических сочинениях, в которых с умным видом прославляются одни нации в ущерб другим, поднимаются идеи вождизма и т. д.

Социальная неудовлетворенность и полпытки преодолеть ее незаконными способами продолжают. Приобретение материальных и духовных благ, даже если они достигнуты упорным и добросовестным трудом, воспринимаются обездоленными слоями населения как приобретенные за их счет или путем обмана. По большей части здесь имеют место бессознательный перенос своих недостатков на других и отношение к ним как к носителям таких недостатков. Однако ненависть к другим в наших условиях практически никогда не приводит к повышению материального статуса и расширению социальных возможностей, по существу, исключенных из общества и оказавшихся на обочине экономического развития лиц.

Уровень преступности, экстремизма, алкоголизма, наркомании и самоубийств в России есть закономерный и неизбежный результат непомерного разрыва уровня и качества жизни сверхбогатого меньшинства (10–12 % населения) и бедного, полуничегого большинства. Некоторые публицисты связывали подобный разрыв только с уродливым развитием капи-

тализма в России в 90-х годах прошлого века. Но это совсем не так: в коммунистическом СССР основная масса населения была очень бедна по сравнению с номенклатурой (партийно-государственной верхушкой). Но и это уходит корнями в глубину российской истории, когда тоже был огромный разрыв в материальном обеспечении между безграмотными и закрепощенными массами, в основном крестьянством, и феодально-купеческой элитой. Кстати, русские писатели, в том числе крупнейшие, очень редко выражали сострадание своим сородичам-рабам и столь же редко призывали покончить с рабством.

Несомненно, этот разрыв был той почвой, которая взрастила российский экстремизм еще в XIX в., а затем на много поколений он достался и нам.

В числе факторов, которые стимулируют экстремизм, следует выделить небывалый ранее поток мигрантов в Россию. Это вполне современное явление, его не было в СССР, но и тогда была ненависть к другим социальным группам – дворянам, купечеству, врагам народа, капиталистам и т. д. Иными словами, в СССР и России всегда находились те, кого следовало ненавидеть на государственном, обывательском и государственно-обывательском уровнях. Сейчас среди российских обывателей существует стойкое мнение о повышенной криминогенности мигрантов. Это совершенно не соответствует действительности, поскольку количество совершенных ими преступлений невелико и проявляет тенденцию к снижению: если в 2016 г. на долю мигрантов приходилось 43 933 преступления, то в 2020 г. – 34 400 (снижение на 21,7 %). В западных странах их много больше, например, в Германии мигрантами совершается около 20 % всех преступлений.

Мало кто задумывается о том, что люди других стран приезжают к нам не от хорошей жизни у себя на родине, что большинство из них у нас честно и добросовестно работают, часто выполняя грязную и неквалифицированную работу, от которой отказываются местные жители. Между тем, местные власти нередко дискредитируют мигрантов и тем самым натравливают на них население. Впрочем, во всем этом нет ничего нового: чужого боялись и ненавидели всегда. Это архетип.

Вообще мигранты, даже в родной стране, переехавшие, например, из деревни в город, могут чувствовать себя в чужой сфере неуютно, опасаясь агрессии. Поэтому они сами агрессивны, готовы к отпору, настороженны и тревожны. В первую очередь это относится к молодым людям, в том числе подросткам, приехавшим в Россию из-за рубежа, из бедных стран. Их положение, взрослых тоже, усугубляет плохое знание или незнание русского языка, сужая возможности адаптации. Школьники могут стать предметом насмешек и даже оскорблений. В силу таких обстоя-

тельств приезжие (мигранты) могут создавать экстремистские организации, которые стали бы для них защитой.

Мигранты из национальных окраин России и из-за рубежа, став жителями город России, не способны расстаться с прежними обычаями и традициями и отстаивают их в новых местах проживания. Это еще больше усиливает их изоляцию и оторванность от актуального микроокружения и толкает их на объединение с другими такими же мигрантами. Их союз способен приобрести экстремистский характер.

В условиях глобализации не только в России, но и во всем мире будут усиливаться потоки миграции. Социальные последствия этого явления двойные. С одной стороны, развитие страны вырабатывает у себя толерантное отношение к приезжим и осуждает их преследование на почве национальной, расовой и/или религиозной вражды, а с другой, – растут ксенофобия, неприятие приезжих и их дискриминация. А это приводит к экстремизму.

Наблюдаемые сейчас обострение национальных чувств и подъем на этой волне националистических настроений во многом оказываются ответом на вызовы культурного глобализма. Изменение культурных профилей связывается в массовом сознании с потоками инोकультурной информации и иммиграции, которые воспринимаются как угроза не только экономическому и социальному благополучию, но и традиционным символам и смыслам. В повседневной жизни потребность в национальной целостности и единстве обеспечивается, в том числе насильственным путем, эффективность которого крайне низка.

Ненависть не только к приезжим, но и к любым другим людям вследствие их расовой, национальной или религиозной принадлежности представляет собой реальную угрозу существованию России.

Между тем, было бы грубой ошибкой считать, что экстремизм может быть проявлен лишь со стороны национальных или религиозных меньшинств. Экстремистами вполне могут стать и лица самой многочисленной нации или наиболее распространенного вероисповедания. Именно среди них возможны такие личности, которые по объективным или субъективным причинам недовольны существующими порядками, своим материальным положением и отсутствием перспектив в жизни, просто неудачами; среди них могут быть и те, у которых имеются расстройства психики. В числе таких людей вполне возможны любители поорать, пошуметь, пограбить, подраться, даже стать жертвой; другие создают конспиративные засекреченные организации для совершения экстремистских действий против власти – центральной или местной. Но те и другие часто не знают, что им, собственно, нужно, что конкретно им следует требовать, каковы их главные или конечные цели. Свои экстре-

мистские действия они могут оценивать как серьезный шаг вперед.

Нужно особо выделить людей с психическими расстройствами или акцентуациями характера. Можно полагать, что к экстремизму более склонны люди с психопатией, нарушениями центральной нервной системы, возбудимые и тревожные [1].

Можно выделить вопрос о тайных помещениях, в которых могут скрываться экстремисты, собираться там для совещаний, хранения оружия, литературы и других предметов, необходимых для экстремистской деятельности. Такие помещения имеют несомненную стимулирующую силу, убеждают в стабильности, возможности отступления и укрытия. Очень нужны помещения для деструктивных сект, где их члены могут осуществлять свои манипуляции, скрываться от властей и официальной церкви, даже от населения. Важно, что в тайных помещениях можно хранить экстремистскую литературу, которая позволяет приобрести новых сторонников, особенно среди молодежи. Литература самоценна и по той причине, что в ее текстах заключаются поучения о «единственно» верном пути, который способен привести всех к долгожданному благополучию.

Финансы, поступающие в экстремистские сообщества, в том числе из-за рубежа, имеют существенное, не только материальное значение, но и вселяют уверенность, что экстремисты делают важное дело. Иными словами, финансирование обладает немалой стимулирующей силой.

И. Ю. Сундиев справедливо выделяет из числа экстремистов, так называемых, пиарщиков – организаторов и исполнителей информационных акций. Эти люди обеспечивают соответствующее освещение терактов в средствах массовой коммуникации, создание необходимого заказчику образа экстремиста или террориста (борца за свободу своего народа, мстителя за гибель семьи от рук федерального правительства, любящего отца, «идейного» борца за свободу и т. п.), противодействие правительственным органам путем их дискредитации, организацию давления на правительство в целом со стороны международных организаций и структур и, наконец, координацию и корректировку деятельности террористов путем прямой демонстрации конкретных действий контртеррористических сил (типичный пример – ситуация с «Норд-Остом»). Этот компонент составляют владельцы (реальные или номинальные) средств массовой коммуникации, журналисты, владельцы интернет-сайтов. Их мотивация, как правило, многосторонняя. Владельцы СМИ и интернет-сайтов получают щедрые инвестиции и пожертвования, позволяющие, в том числе выплачивать журналистам высокие гонорары. Передаваемая террористами информация (требования, интервью) позволяет выходить с эксклюзив-

ными репортажами и статьями, повышающими рейтинг и статус самого СМИ. И у владельцев СМИ, и у журналистов возникает иллюзия прямого влияния на власть (власть вынуждена с ними сотрудничать), причастности к принятию судьбоносных решений, собственной исключительности (избранности). Это состояние сродни наркотическому опьянению – эйфория, искаженное восприятие реальности, отчуждение от других (простых) людей, возрастающая зависимость от источника наслаждения (возможности получать и передавать эксклюзивную информацию, повышающую статус и гонорары).

Если разделить данную группу на подгруппы, то их будут составлять: а) пишущие; б) снимающие; в) сценаристы. Все эти подгруппы объединяет общая интенция – способность к творчеству, незаурядная фантазия и максимальное отсутствие морально-нравственных ограничений. Эти их качества обладают высочайшей ценностью для представителей экстремистских и террористических организаций. Основными «крючками» при вербовке представителей СМИ являются слава, иллюзия власти и деньги. В качестве полей для поиска подобных кандидатов могут выступать радикальные интернет-издания, блоги и сообщества [2, с. 56].

Можно слышать утверждения, что экстремизм возникает в бедных странах и бедных слоях населения. Это не так или совсем не так. Экстремизм появляется и в самых богатых и развитых странах, например, в США, где в настоящее время возникло весьма нелепое и вредное трансгендерное движение и ряд других аналогичных течений, выбивающихся из общечеловеческого культурного кода. Это глупое выращивание нового «сорта» людей – тоже экстремизм, но относительно безобидный. Но таким заевшимся странам опасность грозит из-за рубежа, поскольку там считают, что первые жиреют за их счет.

Вместе с тем, бедность действительно является мощным криминогенным фактором. Люди возмущаются ею и ищут выход из создавшегося положения, они становятся лидерами соответствующих движений, формируют желания и требования, которые станут сердцевинной идеологического учения, которое всегда было основанием экстремизма. Идеология, идеалы (обычно не осуществимые) являются важной причиной экстремизма и должны быть объектом продуманных профилактических усилий.

В экстремизм верят (или веруют) далеко не только бедные, и не только бедные пополняют ряды экстремистских организаций, но и неудачники, неуверенные в себе, люди среднего достатка, желающие лучшей жизни, а также все те, которые жаждут такого слова, которое выведет их на правильный путь. Наконец, в идеалы экстремизма могут и не поверить или не поверить в него до конца, как многие авантюристы

и люди, не нашедшие своего места в жизни, но все они способны примкнуть к экстремистам.

В борьбе с экстремизмом особого внимания заслуживает молодежь в силу своей доверчивости, неопытности, прежде всего, в политике, готовности верить на слово, подчинения старшим в некоторых культурах. Молодые люди часто выступают в качестве исполнителя, еще движимые любопытством, жадой игры и приключений. В силу религиозной дезорганизации, социальной незащищенности, уровня криминализации такие люди легко воспринимают пришедшие извне экстремистские идеи. Отсюда быстрая и достаточно легкая исламизация некоторых молодых людей, в том числе в местах лишения свободы. Люди вообще меняют вероисповедание по той причине, что прежняя представляется им недостаточно эффективной именно для них, и ищут новое слово, в итоге нередко попадая в экстремистские сети. Поэтому идеологическая «охрана» молодых людей является актуальной профилактической мерой.

Важна работа по выявлению и привлечению к уголовной ответственности лидеров и активных членов террористических группировок, осуществляющих вербовку граждан России и СНГ, в основном, молодых для участия в вооруженных конфликтах на стороне, например, международных террористических организаций «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра», а также установление маршрутов переправки рекрутов.

Кроме того, в 2020 году деятельность радикальных «джаматов» пресекалась в республиках Дагестан, Калмыкия и Татарстан, Карачаево-Черкесии, Ставропольском крае, Волгоградской, Московской, Нижегородской, Пензенской и Ульяновской областях, г. Москве.

Сеть Интернет по-прежнему остается основной площадкой не только для экстремистских проявлений, но и для совершения преступлений террористического характера.

Сказанное позволяет думать, что одно только повышение материального благосостояния людей в нашем глобализованном мире недостаточно, чтобы успешно бороться с экстремизмом или даже ограничить его до минимальных размеров. То же самое

можно сказать и о наиболее опасной форме экстремизма – терроризме. Поэтому улучшение жизни миллионов граждан должно всегда сочетаться с воспитательной, разъяснительной работой, с помощью и поддержкой. Людям, особенно молодым, необходимо иметь моральные идеалы и цели. Цели должны быть понятными и достижимыми, а не расплывчатыми и неуловимыми; им необходимо соответствовать цивилизованной общечеловеческой морали.

Список источников

1. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев : Вища школа, 1981. 390 с.
2. Сундиев И. Ю. Экстремизм и терроризм в условиях развертывания глобального кризиса (экспозиция антикризисного инструментария) // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 51–63.
3. Сундиев И. Ю. Экстрим и экстремизм современной России. URL: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/ekstrim-i-ekstremizm-sovremennoj-rossii/> (дата обращения: 12.01.2022).
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : Республика, 1994. 448 с.
5. Юнг К. Г. Ответ Иову. М. : Канон, 1995. 352 с.

References

1. Leonhard K. Accentuated personalities. Kiev : Vishcha shkola, 1981. 390 p.
2. Sundiev I. Y. Extremism and terrorism in the context of the global crisis unfolding (exposition of anti-crisis tools) // New criminal situation: assessment and response. Moscow: Russian Criminological Association, 2009. P. 51–63.
3. Sundiev I. Y. Extreme and extremism of modern Russia. URL: <https://spkurdyumov.ru/forecasting/ekstrim-i-ekstremizm-sovremennoj-rossii/> (accessed 12.01.2022).
4. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. M. : Republic, 1994. 448 p.
5. Jung K. G. The answer to Job. M. : Canon, 1995. 352 p.

Информация об авторе

Ю. М. Антонян – главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Information about the author

Yu. M. Antonyan – Senior Researcher of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the RSFSR.

Статья поступила в редакцию 13.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 13.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-22-28>

НИОН: 2015-0066-1/22-202

MOSURED: 77/27-011-2022-01-401

К вопросу об основных направлениях деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол)

Анатолий Александрович Бакаев¹, Юлия Александровна Иванова², Татьяна Викторовна Радченко³,
Марат Вильданович Саудаханов⁴

^{1, 2, 3, 4} Российский технологический университет – МИРЭА, Москва, Россия

¹ bakaev@mirea.ru

² julia-ivanova-77@yandex.ru

³ radchenko.tv@mail.ru

⁴ viento_del_norte@bk.ru

Аннотация. Международная организация уголовной полиции Интерпол (International Criminal Police Organization – INTERPOL) – крупнейшая в мире международная межправительственная организация, принимающая участие в борьбе с общеуголовной преступностью. Территориальные подразделения НЦБ Интерпола действуют в 78 субъектах России. Интерпол обеспечивает широкое взаимное сотрудничество всех подразделений уголовной полиции, ведущееся в рамках существующего законодательства и в духе Всеобщей декларации прав человека, даже в тех случаях, когда между отдельными странами отсутствуют дипломатические отношения.

Ключевые слова: Интерпол, преступность, международное сотрудничество, уголовная полиция, ответственность, терроризм, экстремизм

Для цитирования: Бакаев А. А., Иванова Ю. А., Радченко Т. В., Саудаханов М. В. К вопросу об основных направлениях деятельности Международной организации уголовной полиции (Интерпол) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 22–28. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-22-28>.

Original article

To the question of the main activities of the International Criminal Police Organization (Interpol)

Anatoly A. Bakaev¹, Yulia A. Ivanova², Tatiana V. Radchenko³, Marat V. Saudakhanov⁴

^{1, 2, 3, 4} Russian Technological University – MIREA, Moscow, Russia

¹ bakaev@mirea.ru

² julia-ivanova-77@yandex.ru

³ radchenko.tv@mail.ru

⁴ viento_del_norte@bk.ru

Abstract. The International Criminal Police Organization (INTERPOL) is the world's largest international intergovernmental organization that takes part in the fight against ordinary crime. The territorial divisions of the NCB of Interpol operate in 78 subjects of Russia. Interpol ensures broad mutual cooperation between all criminal police bodies, conducted within the framework of existing legislation and in the spirit of the Universal Declaration of Human Rights, even in cases where there are no diplomatic relations between individual countries.

Keywords: Interpol, crime, international cooperation, criminal police, responsibility, terrorism, extremism

For citation: Bakaev A. A., Ivanova Yu. A., Radchenko T. V., Saudakhanov M. V. To the question of the main activities of the International Criminal Police Organization (Interpol). Bulletin of economic security. 2022;(1):22–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-22-28>.

В современный период исторического развития общества и государства проблемы безопасности и защищенности мирового сообщества приобретают особую остроту и актуальность, выходя на глобаль-

ный уровень в силу непрекращающейся, несмотря на предпринимаемые усилия, экспансии международного терроризма и экстремизма, роста национальной и межгосударственной преступности, обусловленной, благодаря повсеместному охвату и общедоступности информационно-телекоммуникационных сетей, взаимодействием интернациональных преступных групп.

В этих условиях существенно возрастает необходимость расширения международных контактов между правоохранительными органами ведущих мировых держав, определяющих направления борьбы с преступными проявлениями транснационального характера. Немаловажную роль в процессах межнациональной интеграции играет формирование глобального информационного пространства, существенно расширяющего границы международных отношений.

Современное межгосударственное сотрудничество по борьбе с преступностью осуществляется в различных формах с использованием разнообразных средств и методов. Особую значимость к настоящему времени приобрела система взаимодействия национальных полицейских органов в рамках Международной организации уголовной полиции – Интерпол. Ее последовательная эволюция демонстрирует одну из наиболее существенных тенденций – постепенное приближение арсенала средств и способов борьбы с международной преступностью к деятельности территориальных правоохранительных органов, в том числе на территории Российской Федерации.

Деятельность Интерпола как уникального международного полицейского органа привлекала внимание многочисленных исследователей уже с момента его образования. Вступление России в состав Интерпола еще больше усилило интерес теоретиков и практиков к Международной организации уголовной полиции.

Предпосылкой создания Интерпола считается прошедший в апреле 1914 года в Монако съезд руководителей уголовной полиции четырнадцати крупнейших государств, на котором участники обсудили важнейшие вопросы координации силовых ведомств разных стран в сфере противодействия преступности. Второй такой съезд состоялся только в 1923 году, однако количество участников возросло уже до двадцати. Также на конгрессе присутствовали не только представители полиции, но и дипломаты, ученые представляющие различные направления научных исследований. По результатам конгресса была учреждена Международная комиссия уголовной полиции. 7 сентября 1923 года стало официальным днем рождения Интерпола [6, с. 34].

Активное расширение деятельности международного полицейского органа произошло после окончания Второй Мировой войны. Значительно возросла роль полицейской организации в сотрудничестве и взаимодействии полиции различных государств в

сфере борьбы с уголовной преступностью. В дальнейшем термин «комиссия» был признан не отвечающим тем задачам, которые возлагались на полицейское международное ведомство, в связи с чем в 1956 г. на 25-й сессии, проходившей в Вене, было утверждено новое наименование – «Международная организация уголовной полиции» – Интерпол [4, с. 14].

Повышению статуса Интерпола способствовало его признание ООН, как международной межправительственной организации, что, в свою очередь, позволило Интерполу и его представителям заявить о себе как о полноправном субъекте международного права. С 1989 г. центральный орган управления Интерпола – штаб-квартира – получила место дислокации в г. Лионе (Франция) [5, с. 6].

Существенное расширение состава участников, Интерпол получил в 90-е гг. XX века, что было связано со вступлением в ряды субъектов международного противодействия преступности стран бывшего социалистического лагеря. При этом Россия стала полноправным участником Интерпола, юридически оставаясь в составе Союза Советских Социалистических Республик. Датой официального вхождения нашей страны в организацию международной полиции стало 7 апреля 1990 года. Именно в этот день увидело свет Постановление Совета Министров СССР № 338 «О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол».

Интерпол прошел длительный путь развития от съезда немногочисленных руководителей полицейских органов отдельных стран до крупнейшей международной организации в сфере правоохранительной деятельности. Сегодня в составе Интерпола функционируют представительства более 190 государств, что позволяет эффективно противодействовать международной преступности и транснациональным организованным преступным группировкам, пресекать незаконное перемещение через государственные границы похищенных предметов и ценностей, осуществлять розыск преступников и лиц, пропавших без вести; привлекать к сотрудничеству правоохранительные органы государств, формально не входящих в Интерпол.

Современное международное сотрудничество по линии Интерпола основывается на обмене информацией и оперативном реагировании на запросы, поступающие из правоохранительных органов других государств. Вся поступающая и направляемая информация подлежит обязательной защите от несанкционированного доступа, утечки, искажения либо уничтожения.

Международный розыск в рамках Интерпола осуществляется с целью задержания и экстрадиции преступников, скрывающихся от правосудия; выявления и оперативного сопровождения преступной деятель-

ности; установления местонахождения лиц, пропавших без вести, либо получения информации об их возможном местонахождении; розыск похищенных предметов, вещей, ценностей.

Все процедуры, связанные с организацией международного розыска по линии Интерпола, регулируются Правилами по обработке данных, утвержденные в ноябре 2011 г. на 80-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации (г. Ханой, Вьетнам) Резолюцией AG-2011-RES-07.

Интерпол организует большое количество учебных программ, как самостоятельно, так и в сотрудничестве с полицейскими ведомствами и учебными заведениями стран-членов. Особое внимание уделяется on-line обучению, для чего был создан и активно развивается Глобальный учебный центр Интерпола (Interpol Global Learning Center – IGLC). Все сотрудники правоохранительных органов, имеющие доступ в Интернет и соответствующую учетную запись в IGLC, могут в режиме online совершенствовать свои знания и навыки с помощью размещенных там обучающих программ. В то же время, на данный момент большинство программ, размещенных в IGLC, доступны только на английском и французском языках. Однако, поскольку все сотрудники Интерпола по всему миру обязаны владеть английским языком, это не создает языковых барьеров для полицейских.

При всем разнообразии форм и методов обучения в Интерполе, особое место занимает Программа Интерпола по международной подготовке полицейских кадров (ПРТР). Ее стратегической целью является помощь международному полицейскому сообществу в вопросах повышения эффективности и улучшения координации в борьбе с международной преступностью. Участники программы командированы в г. Лион (Франция), где проходят учебу и получают практические занятия в Генеральном секретариате Интерпола, обучаются способам борьбы с отдельными видами преступлений с использованием возможностей НЦБ и многочисленных сервисов Интерпола. Эта программа объединяет в себе теоретическое обучение и практический опыт в международном контексте.

Предметом изучения программы ПРТР являются:

- приобретение технических навыков для классификации и обработки сообщений и полицейской информации, получаемых как от правоохранительных органов, так и из НЦБ других стран и Генерального секретариата;
- изучение тенденций развития преступности на международном уровне;
- изучение функций Генерального секретариата и стран-членов в аспекте международного полицейского сотрудничества по каналам Интерпола;
- углубление знаний сотрудников полиции стран-членов в отношении возможностей и положительного

опыта НЦБ и Генерального секретариата, в особенности относящихся к использованию телекоммуникационной системы I-24/7 [2, с. 114].

На сегодняшний день эффективность деятельности Интерпола в сфере международного сотрудничества по линии борьбы с национальной и международной преступностью обеспечивается теми средствами и возможностями, которые предоставлены Интерполу современными информационными технологиями. Возможности по обмену информацией между органами полиции иностранных государств многократно возросли, что способствует быстрому и качественному решению сложных задач по противодействию международной преступности.

Необходимо отметить, что в период с 2003 г. по 2011 г. под руководством начальника НЦБ Т. А. Лахонина, Бюро стабилизировало свою деятельность. Были количественно увеличены территориальные подразделения. Официальный статус НЦБ Интерпола закреплен в федеральном законодательстве, подзаконных документах и ведомственных нормативных актах МВД России.

В первую очередь, необходимо указать, что в базовом нормативном акте, регулирующем деятельность полиции в РФ, – Федеральном законе «О полиции» – в ст. 10 определено взаимодействие полиции Российской Федерации с иными правоохранительными органами иностранных государств, которое осуществляется в соответствии с законодательством России и международными договорами.

Конкретизируются данные нормы также в подзаконных и ведомственных актах. Так, приказом МВД России от 31.05.2012 г. № 305 утверждено Положение об НЦБ, закрепляющее его статус органа по взаимодействию с полицейскими ведомствами зарубежных стран [1]. В данном документе функции и задачи НЦБ представлены в расширенном виде. Так, Положение об НЦБ определяет семь основных задач и свыше пятидесяти функций НЦБ и его филиалов.

НЦБ Интерпола возглавляет начальник, назначаемый на должность Президентом России. С 2011 г. НЦБ руководит генерал-майор полиции А. В. Прокочук. Помимо достижений в сфере правоохранительной деятельности, начальник НЦБ владеет пятью языками, является кандидатом экономических наук, входит в Исполнительный комитет Интерпола.

К функциям руководителя Интерпола Приказом МВД России № 305 отнесены:

- осуществление непосредственного руководства Бюро;
- распределение обязанностей между заместителями и делегирование им части своих полномочий с последующим осуществлением контроля;
- утверждение положений и планов работы Бюро;

- издание управленческих документов;
- организация деятельности вверенного подразделения по направлениям деятельности и множество других функций.

Приказ МВД России № 608 наделяет оперативные подразделения НЦБ Интерпола полномочиями по проведению ряда оперативно-разыскных мероприятий, в числе которых опрос, наведение справок и отождествление личности.

НЦБ Интерпола МВД России и его филиалы, создаваемые в субъектах Российской Федерации, имеют статус оперативных подразделений с полномочиями по производству оперативно-разыскных мероприятий в ограниченном объеме, что связано со спецификой деятельности НЦБ и ее международно-информационной направленностью.

Результаты активной работы НЦБ Интерпола являются наглядными и весомыми. Это розыск и задержание международных преступников; пресечение деятельности транснациональных преступных групп; блокировка каналов нелегального перемещения похищенного имущества и доходов от преступлений. Не случайно высокие показатели деятельности НЦБ Интерпола МВД России отмечаются как его руководителями, так и министрами внутренних дел ведущих зарубежных государств.

К функциям НЦБ относится обеспечение мероприятий по международному полицейскому взаимодействию, в том числе:

- обмен информацией о преступлениях, совершенных на территориях государств – членов Интерпола;
- направление и исполнение запросов по розыску, задержанию и выдаче лиц, причастных к совершению преступлений;
- розыск похищенного имущества;
- арест перемещенных за границу доходов от преступной деятельности и ряд иных направлений.

Современной системой связи, разработанной для обмена информацией между странами – членами Интерпола, является глобальная телекоммуникационная система I-24/7, в основе которой лежат самые современные информационные технологии.

В рамках действия системы I-24/7 всем пользователям, в том числе российским, предоставляется доступ непосредственно к базам данных информационной системы Mercosur, объединяющей учеты Аргентины, Бразилии и Уругвая по паспортам лиц, объявленных в розыск. Данный проект получил название «Обмен информацией с системой Меркосур» (Mercosur's Security Information Exchange System – SISME).

Преимуществами такой организации доступа являются высокая актуальность данных, находящихся в национальных базах данных, а также отсутствие не-

обходимости загрузки национальных учетов в базы данных Интерпола [3, с. 45].

Основное назначение специализированного аналитического программного обеспечения – снижение рутинного труда аналитика или группы аналитиков при обработке больших массивов данных, аналитические возможности по поиску и связыванию разнородной информации, визуализация результатов анализа и представление аналитических отчетов в виде диаграмм связей.

Аналитическое программное обеспечение предоставляет пользователям интерфейс поиска информации в базах данных. Поддерживаются наиболее известные системы управления базами данных, такие как Oracle, MS SQL Server, MS Access.

Одной из интересных возможностей аналитического программного обеспечения является привязка к местности и использование географических карт. Результатом любого правового анализа являются рекомендации, в соответствии с которыми осуществляется работа НЦБ.

В настоящее время специальное аналитическое программное обеспечение установлено в Центральном аппарате НЦБ Интерпола, а также в филиале НЦБ Интерпола в ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Однако аналитическое программное обеспечение может использоваться не только совместно с криминалистическими учетами органа внутренних дел, в котором оно установлено. Сегодня быстрыми темпами развивается система ЕИТКС ОВД. Каналы этой системы предоставляют возможность подключения к базам данных и учетам ее абонентов – подразделений системы МВД России. В свою очередь, интеграция в систему ЕИТКС ОВД систем и web-сервисов Генсекретариата Интерпола открывает для филиалов НЦБ Интерпола в субъектах Российской Федерации самые широкие возможности.

В последние годы, в связи с расширением взаимодействия МВД России и правоохранительных структур иностранных государств в деятельности ведомства все чаще используются международные информационные ресурсы, в частности, по линии Интерпола.

Помимо использования информационных ресурсов Интерпола при проведении международных мероприятий массового характера, МВД России совместно с иностранными коллегами разрабатывают и иные направления деятельности, непосредственно связанные с инновациями высокотехнологичной сферы. По линии Интерпола страны-участницы наиболее активно взаимодействуют по вопросам борьбы с такими транснациональными преступлениями, как торговля людьми, нелегальная миграция, вовлечение и организация занятия проституцией, распростра-

нение порнографических материалов, в том числе и детской порнографии. Все эти направления невозможно эффективно реализовывать без применения IT-технологий [7].

Учитывая важность деятельности НЦБ Интерпола в России в сфере организации международного сотрудничества по борьбе с транснациональной преступностью, необходимо целенаправленно повышать эффективность деятельности вышеуказанных подразделений посредством улучшения нормативно-методического обеспечения; повышения уровня технической оснащенности; усиления контроля за качеством служебной деятельности сотрудников НЦБ.

Сегодня Интерпол является мощной и эффективно действующей международной полицейской организацией, наделенной функциями и полномочиями по борьбе с международной преступностью. Высокий статус Интерпола обусловлен отнесением его к международным межправительственным организациям, что предоставило данному ведомству возможность принимать непосредственное участие в межгосударственном общении как полноправному субъекту международного права.

Интерпол, являясь полноценно функционирующей международной организацией, имеет достаточно разветвленную, но, в то же время, простую и понятную структуру и систему организации деятельности. Фактически работа Интерпола строится на трех уровнях: Национальные бюро – Региональные бюро – Центральный орган. Между структурными подразделениями Интерпола налажено полное взаимодействие, чему способствует бурное развитие информационных технологий, позволяющее практически мгновенно направлять и исполнять соответствующие запросы, а также наличие специального протокола связи, защищенного от чужого вмешательства.

Результаты работы Интерпола и Национальных бюро являются наглядными и весомыми. Это розыск и задержание международных преступников; пресечение деятельности транснациональных преступных групп; блокировка каналов нелегального перемещения похищенного имущества и доходов от преступлений. Не случайно высокие показатели деятельности Интерпола отмечаются как его руководителями, так и министрами внутренних дел ведущих зарубежных государств.

Вступление России в состав Организации стало важным шагом на пути к интеграции в мировое сообщество. Несмотря на относительно небольшой срок существования НЦБ Интерпола в составе МВД России, сотрудники НЦБ сумели наладить эффективную деятельность бюро и организовать взаимодействие со всеми структурными подразделениями как внутри страны, так и за рубежом. Министр внутренних дел

России В. А. Колокольцев неоднократно отмечал высокие достижения НЦБ в деле борьбы с международной и национальной преступностью.

В то же время, в деятельности Интерпола, как и любой международной организации, имеется ряд проблем, обусловленных сложностью выполняемых задач. В частности, ощущается настоятельная необходимость в заключении универсальной конвенции об экстрадиции, которая бы унифицировала имеющиеся на сегодняшний день международно-правовые нормы по этому вопросу. Региональные соглашения не могут в полной мере решить эту проблему.

Имеются проблемы и в деятельности российского НЦБ, большинство из которых связано с необходимостью повышения профессионального уровня сотрудников Бюро. Для успешной борьбы с преступностью и решения своих непосредственных задач от правоохранительных структур требуется современная информационно-техническая поддержка проводимых мероприятий, а от их сотрудников – профессиональная компетенция в вопросах использования соответствующих IT-технологий.

Для обеспечения данных требований, необходим новый современный подход к профессиональной подготовке, методическому и организационному обеспечению деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, непосредственно использующих в профессиональной деятельности достижения современных информационных технологий, в частности по линии взаимодействия с Международной организацией уголовной полиции – Интерполом.

Список источников

1. Приказ МВД России от 31.05.2012 г. № 305 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 14.02.2020) // Российская газета. 2012. 2 июня.
2. Водянов А. В. Международная программа Интерпола по подготовке полицейских кадров // Государство и право. 2012. № 11.
3. Информационный бюллетень НЦБ Интерпола. 2010. № 2 (9).
4. Малков С. П. Из истории Интерпола // Полиция без границ. 2009. № 1.
5. Овчинский В. С. Интерпол (в вопросах и ответах). М., 2001.
6. Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. СПб, 2004.
7. Фалалеев М. МВД укрепляет сотрудничество с Интерполом // Российская газета [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/11/05/kolokolcev-site.html>.

References

1. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 31.05.2012 № 305 «On approval of the Regulations on the National Central Bureau of Interpol of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (ed. from 14.02.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 2012. June 2.
2. Vodyanov A. V. The International Interpol program for the training of police personnel // State and Law. 2012. № 11.
3. Information bulletin of the NCB of Interpol. 2010. № 2 (9).
4. Malkov S. P. From the history of Interpol // Police without Borders. 2009. № 1.
5. Ovchinsky V. S. Interpol (in questions and answers). Moscow, 2001.
6. Samarin V. I. Interpol. International Criminal Police Organization. St. Petersburg, 2004.
7. Falaleev M. The Ministry of Internal Affairs strengthens cooperation with Interpol // Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource] URL: <http://www.rg.ru/2012/11/05/kolokolcev-site.html>.

Библиографический список

1. Ахмедов Р. М., Иванова Ю. А. Роль и значение международного сотрудничества по вопросу охраны и защиты окружающей среды // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 1.
2. Владимиров С. И. К вопросу о дефиниции «содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.
3. Данилов Д. А. Отдельные вопросы предупреждения преступлений оперативными подразделениями органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 2 (67).
4. Иванова Ю. А., Ахмедов Д. Р. Правовые аспекты противодействия проявлениям экстремизма и терроризма в окружающей среде. В сборнике : Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Генеральной Ассамблеей ООН Международной конвенции о

борьбе с финансированием терроризма 1999 г. 2019. С. 48–52.

5. Rules concerning the organization of General Assembly sessions, were adopted by the Organization's General Assembly at its 73rd session in Cancún, Mexico, in 2004 (Resolution AG-2004-RES-12) // INTERPOL [Электронный ресурс] URL: <http://www.interpol.com>.

6. Национальное центральное бюро Интерпола / Министерство внутренних дел Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

Bibliographic list

1. Akhmedov R. M., Ivanova Yu. A. The role and significance of international cooperation on environmental protection and protection // International Journal of Civil and Commercial Law. 2019. № 1.
2. Vladimirov S. I. On the question of the definition of «assistance of citizens to operational units of internal affairs bodies» // Actual problems of Russian law. 2017. № 6.
3. Danilov D. A. Certain issues of crime prevention by operational units of internal affairs bodies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukanov. 2016. № 2 (67).
4. Ivanova Yu. A., Akhmedov D. R. Legal aspects of countering manifestations of extremism and terrorism in the environment. In the collection : Current problems of international cooperation in the fight against crime. Collection of articles on the results of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the adoption by the UN General Assembly of the International Convention for the Suppression of the Financing of Terrorism in 1999. 2019. P. 48–52.
5. Rules concerning the organization of General Assembly sessions, were adopted by the Organization's General Assembly at its 73rd session in Cancún, Mexico, in 2004 (Resolution AG-2004-RES-12) // INTERPOL [Электронный ресурс] URL: <http://www.interpol.com>.
6. National Central Bureau of Interpol / Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation [electronic resource]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

Информация об авторах

А. А. Бакаев – заведующий кафедрой «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета – МИРЭА, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист России, Почетный работник высшего профессионального образования, Академик РАЕН;

Ю. А. Иванова – доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук, доцент;

Т. В. Радченко – доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета – МИРЭА, кандидат юридических наук;

М. В. Саудаханов – кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. A. Bakaev – Head of Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University – MIREA, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of Russia, Honorary Worker of Higher Professional Education, Academician of the Russian Academy of Sciences;

Yu. A. Ivanova – Associate Professor of the Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. V. Radchenko – Associate Professor of the Department «Legal Support of National Security» of the Russian Technological University – MIREA, Candidate of Legal Sciences;

M. V. Saudakhanov – Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.06.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Национальная безопасность. Под ред. Н. Д. Эриашвили, О. А. Мироновой, К. К. Гасанова. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. 271 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

В учебнике учитываются все направления политики государства, национальные приоритеты и интересы, отражаемые в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, законодательстве и иных нормативных актах. Исследуются вопросы теории и организации безопасности государства, общества, личности.

Раскрываются особенности государственного регулирования в экономической, военной, информационной, общественной, экологической сферах безопасности. Рассматривается зарубежный опыт конституционного обеспечения национальной безопасности в ряде зарубежных стран.

Для студентов юридических и экономических вузов, осуществляющих подготовку студентов (курсантов) по специальности «Экономическая безопасность», а также аспирантов (адъюнктов) и преподавателей.

Научная статья

УДК 343.98:347.948.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-29-34>

НИОН: 2015-0066-1/22-203

MOSURED: 77/27-011-2022-01-402

Криминалистическое исследование изображений реквизитов документов: проблемы теории и практики

Ольга Александровна Баринава^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,
ol.bondarenko2011@yandex.ru

² Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. В статье приводится анализ современного состояния практики исследования документов с изображениями реквизитов, а также доказательного значения результатов таких исследований. Установлено, что в экспертных учреждениях различной ведомственной принадлежности отношение к таким объектам не совпадают. К примеру, в экспертных учреждениях системы МВД России рекомендовано отказываться от идентификации исполнителя рукописи при предоставлении на исследование копий документов. В то же время в экспертных учреждениях Минюста России, допускают решение этой задачи.

Излагаются мнения ученых в отношении допустимости решения идентификационных задач по копиям документов. Описаны факторы, влияющие на качество копии.

Делается вывод о необходимости разграничения понятий копия документа и изображение документа, классификации способов воспроизведения информации оригинала документа, а также проведения экспериментальных исследований в целях выработки рекомендаций по исследованию изображений документов, полученных с использованием различных технологий, и определения критериев оценки, получаемых в ходе исследования данных.

Ключевые слова: копия документа, изображение документа, технология, признак, методика, почерковедческая экспертиза, идентификация

Для цитирования: Баринава О. А. Криминалистическое исследование изображений реквизитов документов: проблемы теории и практики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 29–34. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-29-34>.

Original article

Forensic examination of images of document details: problems of theory and practice

Olga A. Barinova^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,
ol.bondarenko2011@yandex.ru

² Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia

Abstract. The article provides an analysis of the current state of the practice of studying documents with images of props, as well as the evidentiary value of the results of such studies. It is established that in expert institutions of different departmental affiliation, the attitude to such objects does not coincide. For example, in the expert institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, it is recommended to refuse to identify the author of the manuscript when submitting copies of documents for research. At the same time, the expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation allow the solution of this problem.

The opinions of scientists regarding the admissibility of solving identification problems based on copies of documents are presented. The factors affecting the quality of the copy are described.

It is concluded that it is necessary to distinguish between the concepts of a copy of a document and an image of a document, classify ways of reproducing information from the original document, as well as conduct experimental

© Баринава О. А., 2022

studies in order to develop recommendations for the study of images of documents obtained using various technologies and determine criteria for evaluating the data obtained during the study.

Keywords: document copy, document image, technology, feature, methodology, handwriting expertise, identification

For citation: Barinova O. A. Forensic examination of images of document details: problems of theory and practice. Bulletin of economic security. 2022;(1):29–34. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-29-34>.

Постановка проблемы. Анализ практики назначения и производства почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов свидетельствует о том, что достаточно часто в качестве объектов исследования выступают изображения реквизитов документов. При этом большая доля таких объектов приходится на почерковедческие экспертизы, в ходе производства которой необходимо идентифицировать исполнителя рукописи. При производстве технико-криминалистической экспертизы документов исследованием изображений реквизитов документов необходимо установить факт монтажа либо изменения первоначального содержания документов.

Вместе с тем, в научной и методической литературе ведется острая дискуссия вокруг вопроса о возможности установления исполнителя рукописи по копии, поскольку имеющаяся в настоящее время теоретическая и научно-методическая база экспертного исследования в отношении копий документов остается наименее разработанной. Это связано со спецификой почерковедческого исследования копий документов, поскольку исследованию подлежит не сам почерковый объект – письменные реквизиты, а его изображение, на получение которого оказывает влияние особенности используемого знаковосинтезирующего устройства, степень износа отдельных деталей и узлов копировально-множительной техники. К примеру, в процессе копирования могут быть искажены некоторые общие и частные признаки почерка, воспринимаемые экспертом за выполнение почерковых объектов с подражанием, утрачены мелкие элементы письменных знаков из-за технологии получения копии. Кроме того, в копии документа могут отображаться некоторые дополнительные элементы, которые обусловлены неисправностями бумагопроводящего механизма, дефектами и неисправностями в прижимном валике, а также загрязнениями предметного стекла копирующего либо multifunctional устройства, а также сканера. Следовательно, в таких документах в зависимости от их качества и технологии выполнения, признаки, свидетельствующие об использовании средств копирования (копировальная бумага, самокопирующаяся бумага), технических устройств (факсимиле, плоттеров), приемов (предварительное нанесение записей и подписи карандашом, копирование реквизитов на просвет или с использованием проекционного способа и пр.) и признаки,

связанные с необычными условиями ее выполнения, большей частью не отображаются. Указанные обстоятельства, безусловно, оказывают влияние на возможность дифференциации начертательного письма от технической имитации реквизитов.

Поэтому, опираясь на результаты экспериментального тестирования экспертов-почерковедов с различным стажем производства данного вида экспертиз [1], а также анализа заключений, выполненных по копиям документов, с помощью которых был установлен факт наличия большого количества допустимых ими ошибок, Экспертно-криминалистическим центром МВД России (далее – ЭКЦ МВД России) рекомендовано отказаться от решения вопросов, когда объектами судебно-почерковедческой экспертизы являются копии документов [2]. При этом, заметим, что ранее подобные задачи решались, опираясь на исследование, проведенные сотрудниками указанного Центра и изложенные в 2000 году в информационном письме «Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов» [3]. В этом письме изложены:

- принципы исследования копий почерковых объектов, выполненных на копировально-множительных устройствах;
- критерии пригодности копий (изображений) для почерковедческого исследования;
- критерии оценки системы идентификационных и диагностических признаков почерка, отобразившихся в копиях почерковых объектов, выполненных различными способами копирования [3, с. 6–7].

В то же время, в экспертных учреждениях Российского Федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (далее – РФЦСЭ при Минюсте России), эксперты в некоторых случаях допускают возможность установления исполнителя рукописи по копиям документов [4]. Это зависит от качества копии, вида и характера выраженности диагностических признаков, наличия достаточного и сопоставимого сравнительного материала и других данных [4, с. 163].

Предложена рекомендация выводов эксперта, в которых необходимо отразить, что «вопрос о получении изображения подписи на исследуемом документе не разрешался, поскольку выходит за пределы компетенции эксперта-почерковеда».

Также авторами обращается внимание о необходимости производства комплексного исследования с

привлечением эксперта, в области судебно-технической экспертизы документов. Это связано с тем, что в соответствии с Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (приложение № 1 к приказу Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» [5]) экспертные специальности почерковедческая экспертиза и судебно-техническая экспертиза документов разделены.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ научной литературы, посвященной рассматриваемому вопросу, свидетельствует о том, что большинство ученых, допускают решение поставленной задачи в отношении заверенной в установленном порядке копии документа, рассматривая ее, наряду с оригиналом, как доказательство. Среди них – А. А. Волков [6], В. К. Лисиченко, Е. Р. Россинская [7, с. 72], Д. А. Шлыков [8] и другие. Кроме того, необходимость исследования копий документов изложены в трудах С. В. Волковой [9], Т. И. Исмаевой, М. Л. Подкатиловой [10], Г. В. Черепенько [11], Т. В. Толстухиной и Н. А. Рыбалкина [12] и других ученых. Так, данные работы содержат сведения о критериях качества копии, об общих и частных признаках почерка, которые отображаются в копии документа без искажений, признаки, которые видоизменяются, либо вовсе утрачиваются, а также признаки, возникающие в результате особенностей работы копировально-множительной техники. Предложены рекомендации по исследованию таких объектов в рамках комплексной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов и формулировки выводов. Также следует отметить, что в отношении документов с изображениями реквизитов могут отобразиться признаки монтажа документа и (или) использования компьютерных программ имитации реквизитов, например, High-Logic FontCreator, Font Creator 9.1, Handwriter, Синяк, Писец и пр. [13].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Несмотря на высокую теоретическую и практическую значимость работ ученых, следует признать, что их исследования касались лишь копий документов, полученных с его оригинала путем из копирования с помощью копировально-множительного устройства, реализующего электрофотографическую технологию печати либо использования сканирую-

щих печатающих устройств и последующей печати на электрофотографическом печатающем устройстве. Вместе с тем, авторами не рассмотрены иные способы воспроизведения информации оригинала документа, к примеру в документах, изготовленных на многофункциональном устройстве струйного типа, а также с применением средств факсимильной связи. Не в полном объеме изложены критерии качества копий.

Формулирование целей статьи. Основной целью работы является определение факторов, оказывающих влияние на качество копии, систематизация данных о способах получения копий документов и документов с изображениями реквизитов, выявление сложностей, которые возникают при исследовании копий документов и определение путей решения проблемы.

Изложение основного материала. Для определения факторов, влияющих на пригодность копии для идентификации исполнителя рукописи представляется целесообразным остановиться на работе, подготовленной Г. В. Черепенько. Так, автор справедливо указывает, что копии документа по качеству могут быть разделены на три группы: пригодные для исследования, ограниченно пригодные и непригодные. На качество копии оказывают влияние: способ получения копии, носитель, на котором расположена копия (файл, бумажный носитель), разрешающая способность изображения, резкость и контрастность изображения, цветность изображения (цветное, черно-белое), наличие или отсутствие пересечений с другими реквизитами документа (печатным текстом, оттиском печати, другими рукописными реквизитами), наличие или отсутствие геометрических искажений поверхности бумаги в месте расположения реквизита, вызванного размещением документа, с которого получена копия (например, когда копия сделана с документа, подшитого к материалам дела), наличие и интенсивность освещения подлежащих исследованию реквизитов, материал, используемый в качестве подложки на который нанесены исследуемые реквизиты (например, когда копия выполнена с документа, снабженного специальными средствами защиты от подделки, поскольку взаимное наложение защитной сетки с реквизитами вызывает их смешение, что ограничивает установление некоторых частных признаков).

В целом соглашаясь с приведенной автором классификацией и параметрами, используемыми для определения качества копии, считаем необходимым внести в нее дополнения и разграничить на две группы. К первой группе отнести факторы, обусловленные технологией изготовления оригинала документа, ко второй – факторы, возникшие в результате копирования.

К факторам 1 группы, кроме обозначенных ранее, таких как: наличие или отсутствие пересечений с другими реквизитами и их площади, наличие на бумаге специальных защитных элементов от подделки, считаем необходимым включить: цвет, вид материала письма в целом и его компонентный состав в частности, конструкцию пишущего узла прибора, нажим, темп письма, способ удержания пишущего прибора (угол наклона пишущего прибора относительно бумаги), особенности подложки, на которой располагалась бумага, свойства бумаги (способность впитывать красящее вещество, степень проклейки, плотность, гладкость). Эти свойства оказывают влияние на интенсивность окраски штрихов. Так, необычное удержание пишущего прибора, когда угол наклона пишущего узла по отношению к бумаге составляет менее 30° , может привести к значительному количеству неокрашенных участков, наличию загрязнений от грани пишущего узла, уменьшению ширины штрихов. Также большая площадь неокрашенных участков может наблюдаться при письме в быстром темпе, со слабым нажимом на твердой подложке пастами для шариковых ручек, чернилами для перьевых ручек. Следовательно, при получении даже первой копии с такого документа, в ней могут не отобразиться множество частных признаков, позволяющих установить исполнителя рукописи.

Использование шарикового и перьевого пишущего узла, может приводить к образованию сгустков красящего вещества и неокрашенных участков, за счет особенностей смачиваемости красящим веществом шарика или пера, а дефекты – неровности или царапины шарика или пера в штрихах будут отображаться в виде трасс.

Также на качество копии оказывают влияние и способ переноса информации на запечатываемый материал и дефекты бумаги (разрывы, потертости) в месте расположения изучаемых штрихов на оригинале. Их наличие может привести к появлению на копии новых элементов, которые не всегда можно отграничить.

Безусловно, не все особенности письма и используемых в этих целях материалов (бумаги и пишущего прибора), при выполнении оригинала документа будут отражаться в копии. Тем не менее их наличие оказывает значительное влияние на качество копии. Кроме того, указанный в работе Г. В. Черепенько такой фактор, как вид носителя, на котором расположена копия (файл, бумажный носитель) следует исключить, поскольку лишь документы, изготовленные на бумажном носителе будут выступать в качестве объектов почерковедческой экспертизы и технико-криминалистической экспертизы документов.

Признаками второй группы кроме обозначенных ранее таких как: принцип работы печатающего

устройства, его разрешающая способность, разрешающая способность изображения, цветность изображения, наличие или отсутствие геометрических искажений поверхности бумаги в месте расположения реквизита, вызванного особенностями размещения документа, с которого получена копия, наличие и степень освещения реквизитов при получении копии, следует включить кадрирование при получении фотоконии и особенности масштабирования при копировании. Так, в копиях, полученных с увеличением или уменьшением, нельзя установить такие признаки, как размер реквизитов, разгон, искажаются либо становятся недоступными для восприятия мелкие частные признаки.

На качество воспроизведения признаков почерка, как было сказано ранее, оказывают влияние технология воспроизведения информации оригинала документа и используемые в этих целях материалы и средства. Современные технологии получения документов с изображениями реквизитов, считаем необходимым разделить на 2 группы: 1 группа – с использованием специальных материалов для копирования (копировальной бумаги, самокопирующейся бумаги и, достаточно нового вида бумаги, оборотная сторона которой покрыта специальной, не имеющей цвета карбоновой краской); 2 группа – с использованием технических средств. При этом последнюю, считаем необходимым дифференцировать по способу получения отпечатков изображений оригинала документа на две подгруппы. В первую подгруппу считаем целесообразным включить полиграфический способ (с использованием средств оперативной полиграфии – как правило, офсетной печати, трафаретной печати, в том числе с применением технических устройств ротационной печати (ризографов, дубликаторов), а во вторую – репрографический (электрофотографии, термографии¹, репродукционной фотографии и пр.). Для получения изображений документов репрографическим способом используются копировально-множительные устройства (КМУ) и многофункциональные устройства (МФУ), устройства факсимильной связи (факсы), реализующие электрофотографическую, струйную, термографическую технологию воспроизведения изображений и фотографическое оборудование). Причем заметим, что с репрографическим способом могут быть получены изображения документов, оригиналы которых выполнены рукописным, машинописным, полиграфическим способом или одним из способов репрографии.

Как видим, многообразие способов воспроизведения информации оригинала документа требу-

¹ Термографическую технологию копирования документов реализуют средства факсимильной связи (факсы), в которых в качестве носителя информации выступает термобумага.

ет разработки методики исследования документов с изображениями удостоверительных реквизитов, поскольку имеющаяся на сегодняшний день методика исследования копий почерковых объектов базируется на общей методике почерковедческой экспертизы, используемой в отношении исследования оригиналов документов, а это может привести к упущениям важной, с криминалистической точки зрения информации, отображающейся в признаках, и формулировании недостаточно обоснованных, а хуже и не достоверных выводов.

В процессе разработки методик, необходимо обратить внимание на возможность дифференцирования материалов письма, используемых для изготовления оригинала документа и отображающихся в его копии, в зависимости от принципа работы копировального устройства, его разрешающей способности и способа обработки сигнала, технологии получения документа, используемого в качестве оригинала для копирования (например, когда в качестве оригинала для копирования служила копия документа, полученная способом термопечати). Игнорирование указанных выше особенностей может привести к существенным упущениям важной, с криминалистической точки зрения информации. Также, по мнению автора, еще недостаточно полно разработано понятие копия документа и ее отличие от изображения документа. А это имеет не только научное, но и практическое значение, поскольку технологии получения таких документов различные, соответственно и методика их исследования в целях установления обстоятельств изготовления документов также будет различаться.

В свете изложенного выше, потребностью экспертной практики является формулирование современного криминалистического понятия копия документов и изображение документов; формирование системы признаков, отображающихся в копии документа в зависимости от очередности ее получения, в целях установления, является ли документ копией оригинала или копией, полученной с копии, технологии копирования и используемых в этих целях средств; разработка методических основ комплексного экспертного исследования копий документов, в целом, и установления факта использования технических средств для нанесения удостоверительных реквизитов (подписи, оттиска печати) в документе, с которого изготовлена копия, в частности; определение критериев оценки получаемых в ходе исследования данных.

Список источников

1. Рубцова И. И., Волкова С. В. Проблемные вопросы исследований копий почерковых объектов // Современные возможности криминалистического исследования документов: материалы Межведомственной научно-практической конференции, 28 мая

2013 года. М. : Московский университет МВД России, 2013. С. 27–32.

2. Современные подходы к исследованию копий документов : Информационное письмо. М. : ЭКЦ МВД России, 2015.

3. Соколов С. В., Куранова Е. А., Розанкова Е. В. Экспертно-криминалистическое исследование факсимильных копий почерковых объектов : Информационное письмо. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2000. 8 с.

4. Ефремова М. В., Орлова В. Ф., Старосельская А. Д. Производство судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям: Информационное письмо // Теория и практика судебной экспертизы. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2006. № 1 (1). С. 157–165.

5. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» [Электронный ресурс]: офиц. тест: по состоянию на 14 октября 2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Волков А. А. Диагностика в технико-криминалистическом исследовании реквизитов документов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Волков. Саратов, 1999. 186 с.

7. Россинская Е. Р. Криминалистика : учебник / Е. Р. Россинская. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 464 с.

8. Шлыков Д. А. Теория и практика экспертизы копий почерковых объектов // Энциклопедия судебной экспертизы. Электронный журнал. Режим доступа http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/617/ (дата обращения: 06.08.2021).

9. Волкова С. В. Почерковедческое исследование изображений реквизитов документов, изготовленных с помощью копировально-множительной техники // Вопросы экспертной практики: Информационный бюллетень, М., 2016. Вып. 1. С. 1–12.

10. Подкатилина М. Л. Актуальные проблемы почерковедческого исследования копий почерковых объектов // Проблемы правопонимания и правоприменения в прошлом, настоящем и будущем цивилизации : Сб. статей Международной научно-практической конференции, Минск, 27 апреля 2016 г. : в 2 ч. Минск : Изд-во Международного ун-та МИТ-СО, 2016. Ч. 2. С. 133.

11. Черепенько Г. В. К вопросу о возможности расширения понятия «копия» в судебно-почерковедческой экспертизе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 212–221.

12. Толстухина Т. В., Рыбалкин Н. А. Проблемы производства судебно-почерковедческой экспертизы малообъемных почерковых объектов по электрофотографическим копиям // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2 (2). С. 52–59.

13. Барина О. А., Купин А. Ф. Установление факта применения программного средства FONTCREATOR при исследовании электрофотографических копий документов // Судебная экспертиза. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2018. № 3 (55). С. 93–101.

References

1. Rubtsova I. I., Volkova S. V. Problematic issues of research of copies of handwriting objects // Modern possibilities of forensic research of documents: materials of the Interdepartmental scientific and practical conference, May 28, 2013. M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. P. 27–32.

2. Modern approaches to the study of copies of documents : Information letter. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.

3. Sokolov S. V., Kuranova E. A., Rozankova E. V. Forensic examination of facsimile copies of handwriting objects : Informational letter. M. : GU ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. 8 p.

4. Efremova M. V., Orlova V. F., Staroselskaya A. D. Production of forensic handwriting expertise on electrophotographic copies: Information letter // Theory and practice of forensic examination. M. : RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, 2006. No. 1 (1). P. 157–165.

5. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 237 dated December 27, 2012 «On Approval of the List of Genera (types) of forensic examinations performed in Federal Budgetary Forensic expert Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the list of Expert Specialties for which the Right to Independently Conduct forensic examinations

in Federal Budgetary forensic expert institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation» [Electronic resource]: official test: as of October 14, 2014. Access from help.- the legal system «ConsultantPlus».

6. Volkov A. A. Diagnostics in the technical and forensic study of the details of documents : dis. ... cand. jurid. Sciences : 12.00.09 / A. A. Volkov. Saratov, 1999. 186 p.

7. Rossinskaya E. R. Criminalistics : textbook / E. R. Rossinskaya. M. : Norm : INFRA-M, 2018. 464 p.

8. Shlykov D. A. Theory and practice of examination of copies of handwriting objects // Encyclopedia of forensic examination. Electronic magazine. Access mode http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/pocherk/617/ (accessed: 06.08.2021).

9. Volkova S. V. Handwriting research of images of document details made with the help of copying and multiplying equipment // Issues of expert practice: Newsletter, M., 2016. Issue 1. P. 1–12.

10. Podatelna M. L. Actual problems of research of handwriting copies pokerowych objects // Problems of law and law enforcement in the past, the present and the future of civilization : Sat. articles of the International scientific-practical conference, Minsk, April 27, 2016 : 2 h. Minsk : Publishing house of the International University MITSO, 2016. Part 2. P. 133.

11. Cherepenko G. V. On the question of the possibility of expanding the concept of «copy» in forensic handwriting expertise // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2018. No. 7. P. 212–221.

12. Tolstukhina T. V., Rybalkin N. A. Problems of production of forensic handwriting examination of small-volume handwriting objects by electrophotographic copies // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 2 (2). P. 52–59.

13. Barinova O. A., Kупин A. F. Establishing the fact of using FONTCREATOR software in the study of electrophotographic copies of documents // Forensic examination. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. No. 3 (55). P. 93–101.

Информация об авторе

О. А. Барина – доцент кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент кафедры «Цифровая криминалистика» Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана, кандидат юридических наук.

Information about the author

O. A. Barinova – Associate Professor of the Chair of Weapon Analysis and Trasology of the Training and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Chair of Digital Forensics Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.09.2021; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted 23.09.2021; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 15.02.2022.

Научная статья

УДК 343.982.4

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-35-39>

НИОН: 2015-0066-1/22-204

MOSURED: 77/27-011-2022-01-403

Валидация как основа стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы

Михаил Викторович Бобовкин¹, Валерия Валерьевна Марочкина²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, mbobovkin@yandex.ru

¹ Российский университет транспорта, Москва, Россия

¹ Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, Москва, Россия

² Российский государственный университет правосудия, Москва, Россия, valeriya-marochkina@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются актуальные проблемы, касающиеся организационно-правовых, научно-методических аспектов производства судебно-почерковедческих экспертиз. В настоящее время все большее внимание уделяется вопросам унификации и стандартизации методического обеспечения, используемого при оформлении заключения экспертами различных ведомств, а также негосударственными судебными экспертами. Предпринятые попытки, направленные на достижение упорядоченности методического комплекса, не привели к ожидаемым результатам. Стандартизация должна иметь основу, которая позволит определить тот набор методических средств, который подлежит унификации. Таким инструментом мониторинга качества методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы может стать валидация.

Ключевые слова: валидация, стандартизация, унификация, судебно-почерковедческая экспертиза

Для цитирования: Бобовкин М. В., Марочкина В. В. Валидация как основа стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 35–39. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-35-39>.

Original article

Validation as the basis for standardization of methodological support of forensic handwriting examination

Mikhail V. Bobovkin¹, Valeriya V. Marochkina²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, mbobovkin@yandex.ru

¹ Russian University of Transport, Moscow, Russia

¹ Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow, Russia

² Russian State University of Justice, Moscow, Russia, valeriya-marochkina@yandex.ru

Abstract. The topical issues related to the organizational, legal, scientific and methodological aspects of the production of forensic handwriting examinations are considered. At present, more and more attention is paid to the issues of unification and standardization of the methodological support used in the preparation of the conclusion by experts from various departments, as well as by non-state forensic experts. The attempts made to achieve orderliness of the methodological complex did not lead to the expected results. Standardization should have a basis that allows you to determine the set of methodological tools that are subject to unification. Validation can become such a tool for monitoring the quality of methodological support of forensic handwriting examination.

Keywords: validation, standardization, unification, forensic handwriting examination

© Бобовкин М. В., Марочкина В. В., 2022

For citation: Bobovkin M. V., Marochkina V. V. Validation as the basis for standardization of methodological support of forensic handwriting examination. Bulletin of economic security. 2022;(1):35–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-35-39>.

Постановка проблемы. Развитие судебно-почерковедческой экспертизы происходит в русле актуальной научной картины мира, одной из важных характеристик которой, является усиление роли междисциплинарных интеграционных подходов. Современное почерковедение тесно связано с использованием математических, логико-комбинаторных методов, с комплексными исследованиями в области медицины, инженерии, различными информационными технологиями. В последнее время проводятся исследования, направленные на внедрение искусственного интеллекта в почерковедческую экспертизу [3]. Таким образом, границы судебного почерковедения значительно расширяются, что является позитивным аспектом науки, однако такой «методологический плюрализм» [8] не всегда способствует оптимизации и формированию единых методических подходов к решению практических экспертных задач.

Оборотной стороной медали, связанной с полиморфизмом научного знания в сфере судебно-экспертной деятельности, явилось отсутствие унифицированных стандартов при производстве почерковедческой экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях, принадлежащих разным ведомствам или в негосударственных судебно-экспертных организациях.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблемы, связанные с отсутствием единообразия методического обеспечения традиционных криминалистических экспертиз, уже имеют некоторую историю, поскольку возникли еще в середине 90-х годов. Общеизвестно, что в 1996 г. руководством МВД и Минюста России по согласованию с Верховным Судом и Генеральной прокуратурой Российской Федерации утверждено Положение о Федеральном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований. В состав Совета вошли представители Минюста и МВД России, руководители головных экспертных учреждений этих министерств, ведущие ученые в области криминалистики и судебной экспертизы, а также представители Верховного суда и Генеральной прокуратуры. Одним из результатов работы межведомственного координационно-методического совета по проблемам экспертной деятельности стал «Каталог регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств». Исходя из информации, изложенной на официальном сайте РФЦСЭ при Минюсте России, задачами паспортизации являются: структурированное изложение экспертных методик каждого рода экспертизы, апробирование методик и их последующее оформ-

ление по стандартам технологических, технических паспортов. В итоге паспортизированные и системно изложенные методики должны служить унифицированным методическим пособием для экспертов, а также руководством по проверке и оценке заключений лицами, осуществляющими производство по делу и не обладающими специальными познаниями.

Выделение ранее частей общей проблемы. Как известно, каталог одобрен координационно-методическим советом, при этом разработанные паспорта методик носят информационно-рекомендательный характер. Однако даже наличие каталога «Почерковедческая экспертиза» не исчерпывает весь перечень методик применяемых экспертами различных министерств, негосударственных организаций. Так, например, методика определения априорной информативности подписи для идентификации [6], принцип которой заключается в делении подписи на звенья, выявлении и оценке информативности признаков при помощи модельного метода, не вошла в каталог, однако широко используется экспертами Минюста России.

В 2010 году еще одной попыткой стандартизации судебно-экспертной деятельности явился сборник типовых экспертных методик исследования вещественных доказательств, подготовленный ЭКЦ МВД России [7], изучение возможностей которого, по мнению Г. Г. Омелянюка, обнаружило наличие существенной специфики, характерной для судебно-экспертной деятельности в специализированных учреждениях, которые созданы различными федеральными органами исполнительной власти [5, с. 209].

Наконец, проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», одобренный в первом чтении 20 ноября 2013 года Государственной Думой Федерального Собрания РФ, одним из назначений которого являлась ликвидация правового вакуума образовавшегося в сфере судебно-экспертной деятельности связанной с вопросами сертификации, валидации, стандартизации.

До сих пор методики судебно-почерковедческой экспертизы отличаются своей спецификой, исходя из принадлежности к тому или иному государственному ведомству, а также многообразием интерпретаций, используемых экспертами, относящимися к негосударственным судебно-экспертным организациям. Методические материалы остаются в различных источниках: учебных пособиях, публикациях, методических сборниках, монографиях и т. д. Такая разобщенность методического обеспечения приво-

дит не только к формализации процедуры проверки заключения субъектами назначившими экспертизу, а также многовариантности мнений специалистов при оценке заключения, но и влечет реальные экспертные ошибки.

Формулирование целей исследования. Как показывает опыт, предпринятые попытки по стандартизации методик судебно-почерковедческой экспертизы, по сих пор не дали ожидаемых результатов, поскольку не имели под собой общего научно-методического и организационно-правового фундамента, которым может стать валидация.

Наука о почерке представляет собой симбиоз знаний из области криминалистики, судебной экспертизы, физиологии, психологии, медицины, лингвистики, а также соприкасается с другими отраслями наук. Традиционно судебно-почерковедческая экспертиза, является одним из самых наукоемких видов экспертиз. Неудивительно, что возникают сложности при попытках решения задач по унификации и стандартизации научно-методической базы данного вида экспертизы. Совершенно справедливо отмечала Т. В. Аверьянова: «всякая попытка дать в законе тот или иной перечень допустимых методов экспертного исследования обречена на провал в силу невозможности составления такого перечня и непрерывного развития и пополнения экспертных методов, что отражает процесс поступательного развития науки, откуда черпаются методы» [1, с. 33]. Наша задача предложить концепцию стандартизации, основой которой станет инструмент непрерывного мониторинга методического обеспечения, качества заключений экспертов-почерковедов.

Изложение основного материала. Являясь неоднократным действием по оценке пригодности, валидация позволяет осуществлять постоянную проверку новых и уже действующих методов и методик, включая в себя, в том числе и систему оценки менеджмента качества для экспертов лабораторий судебно-почерковедческой экспертизы. Такой подход позволяет осуществлять непрерывный контроль качества экспертных исследований и предполагает поступательную динамику в работе по валидации и стандартизации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, в ключе общего развития теории судебного почерковедения.

Становление и развитие любой научной мысли начинается с понятийного аппарата. В настоящее время на территории отечественного правового поля не существует дефиниции валидации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы. Поэтому, нами сформулировано авторское понятие данного явления, под которым понимается процесс (алгоритм действий компетентных субъектов), направленный на демонстрацию и предоставление до-

кументальных свидетельств того, что определенная методика (метод) судебно-почерковедческой экспертизы будет постоянно обеспечивать ожидаемые от заданной методики (метода), объективные, научно-обоснованные, воспроизводимые результаты.

В целях проверки функционирования методических и методологических процессов, работы технического оборудования, результатов тестирования, работы персонала, применяются перспективные (проспективные), параллельные (сопутствующие), ретроспективные исследования. Учитывая особенности и специфику методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы, при разработке и проверке новых методик целесообразно идти по пути перспективной валидации. При этом уже существующие методики, внедренные в работу, но не прошедшие в свое время валидацию, в сегодняшнем понимании данного процесса необходимо проверять методами сопутствующей и ретроспективной валидации.

Каким бы ни был метод валидации, это всегда документированная процедура. Поэтому особое внимание стоит уделить разработке технологии валидации каждого вида, которая будет отражаться в протоколах валидации по конкретной методике.

Выводы, полученные по результатам валидации методики или метода, будут свидетельствовать о валидационном статусе: положительном, что обозначает способность проверяемой методики к достижению намеченных конкретных результатов, или отрицательном, что обозначает непригодность к решению предполагаемых задач. Также возможны и альтернативные выводы, в виде рекомендаций, например по снижению аналитических требований, дальнейшей разработке (корректировке) методики (метода).

В перспективе термин «валидированная методика», представляется целесообразным включить в проект национального стандарта «Судебно-почерковедческая экспертиза. Термины и определения»¹. А также существенно расширить информацию научно-методического характера, содержащуюся в каталоге регистрационных паспортов «Почерковедческая экспертиза», включив сведения о валидационном статусе методики.

Выводы из данного исследования и перспективы. Еще несколько лет назад валидация представлялась инновационным явлением в сфере судебно-экспертной деятельности. Возросший уровень состязательности в судопроизводстве иллюстрирует, что не только вновь создаваемые методы и методики нуж-

¹ Разработка стандартов в сфере судебной экспертизы ведется в рамках утвержденной в ноябре 2019 года «Программы национальной стандартизации на 2020 год». Работу возглавляет Технический комитет 134 «Судебная экспертиза» (ТК 134). Режим доступа <http://www.gostinfo.ru>.

даются в проверке соответствия ожидаемых результатов от используемых для этого средств, процессов, технических операций, оборудования, материалов. Качество экспертного исследования является ключевой характеристикой в оценке доказательств правоприменителем. Однако судебно-почерковедческая экспертиза, представляя собой один из наиболее наукоемких видов исследования, нагружена субъективным аспектом, а также полимофизмом методического обеспечения. Работа по стандартизации, сертификации в сфере судебно-почерковедческой экспертизы направлена как на повышение уровня экспертных исследований, так и на представление фактической, а не формальной возможности по оценке заключения эксперта-почерковеда субъектами правоотношений. Проведенное исследование показывает, что дальнейшая работа по стандартизации, унификации в сфере судебного почерковедения не может быть последовательной и логичной без валидации ее методического арсенала. Предполагается, что данная тематика требует последующего изучения и разработки, поскольку имеет прикладной характер и нацелена на повышение качества и эффективности такого важного компонента правосудия, как судебно-почерковедческая экспертиза.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Правовые совершенствования и использования методов экспертного исследования // Криминалистические аспекты совершенствования доказывания при расследовании преступлений. М. : Академия МВД, 1992.
2. Бобовкин М. В., Ручкин В. А. О валидации и сертификации методического обеспечения судебно-почерковедческой экспертизы по электрофотографическим копиям документов. М. : Издательство : Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2019. ISSN: 2411-1627.
3. Гусакова С. М. Комаров А. С. Интеллектуальная система для решения идентификационной задачи в почерковедении // Искусственный интеллект и принятие решений. 2010. № 4. С. 49–54.
4. Майлис Н. П., Моисеева Т. Ф. Стандартизация судебно-экспертной деятельности – необходимый аспект ее развития // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35259276_58990456.pdf.
5. Омелянюк Г. Г. Концептуальные подходы к стандартизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Материалы Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности»

(Москва, 21 января 2016 г.). М. : Проспект, 2016. 352 с.

6. Судебно-почерковедческая экспертиза малообъемных почерковых объектов: методическое пособие для экспертов. М., 1997.
7. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. М. : ЭКЦ МВД России, 2010.
8. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
9. ГОСТ Р ИСО 9004-2001. Система менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности. М. : Издательство стандартов, 2001.

References

1. Averyanova T. V. Legal improvement and use of methods of expert studies // Forensic aspects of improving the evidence in the investigation of crimes. M. : Academy, 1992.
2. Bobovkin M. V., Ruchkin, V. A. On validation and certification of methodological support of forensic handwriting examination in electrophotographic copies of documents. M. : Publishing house of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2019. ISSN: 2411-1627.
3. Gusakova S. M., Komarov A. S. An intelligent system for solving an identification problem in handwriting // Artificial intelligence and decision-making. 2010. № 4. P. 49–54.
4. Mailis N.P., Moiseeva T.F. Standardization of forensic expertise – a necessary aspect of its development // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2 (42). Access mode: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35259276_58990456.pdf.
5. Omelianyuk G. G. Conceptual approaches to standardization of forensic expert activity in the Russian Federation // Materials of the International scientific and practical conference «Problems of classification of forensic examinations, certification and validation of methodological support, standardization of forensic expert activity» (Moscow, January 21, 2016). M. : Prospect, 2016. 352 p.
6. Forensic handwriting examination of small-volume handwriting objects : a methodological guide for experts. M., 1997.
7. Standard expert methods of investigation of material evidence. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
8. Feyerabend P. Selected works on the methodology of science. M., 1986.
9. GOST R ISO 9004-2001. Quality management system. Recommendations for improving activities. M. : Publishing House of Standards, 2001.

Информация об авторах

М. В. Бобовкин – профессор кафедры исследования документов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс криминалистика» Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ)), профессор кафедры цифровой криминалистики Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана, доктор юридических наук;

В. В. Марочкина – негосударственный судебный эксперт, аспирант кафедры криминалистики, судебно-экспертной деятельности, оперативно-розыскной деятельности Российского государственного университета правосудия.

Information about the authors

M. V. Bobovkin – Professor of the Department of Document Research of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Russian University of Transport (RUT (MIIT)), Professor of the Department of Digital Forensics of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman;

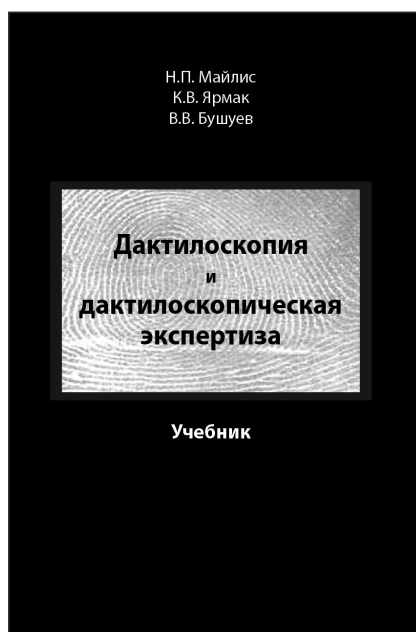
V. V. Marochkina – Non-state Forensic Expert, Postgraduate Student of the Department of Criminalistics, Forensic Expert Activity, Operational Investigative Activity of the Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted 04.04.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 17.01.2022.

Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза. Майлис Н. П., Ярмак К. В., Бушуев В. В. Учебник. 264 с. Гриф Международного НИЦ судебной экспертизы и исследований. Гриф НИИ образования и науки.

Излагается материал по учебной дисциплине «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза» для обучающихся по специальности высшего образования 40.05.03 «Судебная экспертиза».

Рассматриваются научные основы дактилоскопии и дактилоскопической экспертизы. Раскрываются частные методики экспертных исследований.

Для слушателей и преподавателей экспертно-криминалистических факультетов вузов МВД России.

Может быть полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений, адъюнктов, а также интересующихся данной тематикой.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-40-42>

НИОН: 2015-0066-1/22-205

MOSURED: 77/27-011-2022-01-404

Предназначение переводчика в современном уголовном судопроизводстве

Ольга Владимировна Волинская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ovolinskaya@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы вовлечения в уголовное судопроизводство переводчика и отдельные аспекты совершенствования данного института в целях формирования единой платформы как законодательной, так и судебной-следственной деятельности в условиях цифровизации современного правового поля.

Ключевые слова: переводчик, специалист, защитник, централизованная база данных, критерии относимости, информационные технологии

Для цитирования: Волинская О. В. Предназначение переводчика в современном уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 40–42. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-40-42>.

Original article

The appointment of an interpreter in modern criminal proceedings

Olga V. Volynskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, ovolinskaya@mail.ru

Abstract. The issues of involving a translator in criminal proceedings and certain aspects of improving this institution in order to form a single platform for both legislative and judicial investigative activities in the context of digitalization of the modern legal field are considered.

Keywords: translator, specialist, defender, centralized database, criteria of relevance, information technology

For citation: Volynskaya O. V. The appointment of an interpreter in modern criminal proceedings. Bulletin of economic security. 2022;(1):40–2. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-40-42>.

В обновленном тексте Конституции РФ в ч. 2 ст. 26 предусмотрено, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения...» [1]. Положения ст. 18 УПК РФ как одного из основополагающих принципов уголовного судопроизводства не только коррелируются с вышеупомянутым тезисом, но и определяют конкретное направление в исследовании института переводчика на основе как анализа отечественного законодательства, так и национального опыта других государств. Эта вводная ориентирует на весьма значимые для нашего многонационального государства проблемы теоретико-практической направленности, связанной с участием переводчика в уголовном судопроизводстве. Их много и реализация важна на всех

стадиях уголовного процесса. Однако, остановимся лишь на некоторых из них.

В юридической литературе прозвучало мнение, что переводчик приобретает свой процессуальный статус с момента вынесения постановления (определения) о назначении конкретного лица в таком качестве со ссылкой на ч. 2 ст. 58 УПК РФ [3, с. 97]. С такой позицией невозможно согласиться в полном объеме. Это связано с тем обстоятельством, что принятие такого решения, выраженное в определенной процессуальной форме возможно и в рамках возбужденного производством уголовного дела, т. е. в предшествующей стадии предварительного расследования. Здесь явно не учтены особенности вовлечения лица, обладающего специальными познаниями

© Волинская О. В., 2022

в сфере владения языком уголовного судопроизводства, навыками сурдоперевода и т. п. на этапе связанном со стадией возбуждения уголовного дела. В этом контексте услуги переводчика могут потребоваться уже с момента появления повода к возбуждению уголовного дела, к примеру, поступления заявления (сообщения о преступлении) на языке, которым владеет лицо, его подавшее, не говоря уже о потребности участия переводчика в следственных и иных процессуальных действиях, допускаемых в порядке ст. 144 УПК РФ.

Деятельность переводчика обусловлена прежде всего понятием, вытекающим из смысла принципа языка уголовного судопроизводства (ст. 18 УПК РФ), которая связана с оказанием услуг «лицу, не владеющему языком уголовного судопроизводства». В одной из работ, посвященной указанной проблематике ... справедливо отмечено, что несмотря на отсутствие законодательного определения этого термина, его восприятие со стороны судебно-следственной практики уже достаточно прочно закрепилось. При этом к вышеупомянутой категории лиц, автор называет один из критериев, вызывающих сомнения. То есть к «не владеющим языком уголовного судопроизводства признается лицо» (среди прочих) – «не понимающее применяемые при производстве по уголовному делу специальные термины и их разъяснение в понятной и доступной форме». Думается названное разъяснение относится к одной из функциональных обязанностей следователя (дознателя), суда.

Тем более, что далее тем же автором справедливо указывается один весьма значимый, по нашему мнению, аспект, связанный с тем, что недопустимо ставить знак тождества между не владением языком, на котором осуществляется судоговорение и «общую неграмотность ...», что не является основанием для назначения переводчика, а лишь обязывает следователя (дознателя), суда более внимательно разъяснять ... положения, связанные с уголовным судопроизводством» [3, с. 98].

В рамках настоящей статьи хотелось бы обратить внимание и на различный подход процессуалистов к содержательной составляющей процессуального статуса переводчика. Полагаем ошибочно среди функций переводчика называть сочетательность специалиста и защитника. Мы не можем согласиться с обозначенным мнением в полном объеме. Если переводчика условно можно рассматривать в качестве специалиста, то есть лица, обладающего специальными познаниями, к примеру, лингвистического характера [2, с. 4]. Думается, что в этих же рамках можно рассматривать и сурдопереводчика, то есть лицо обладающего специальными познаниями в конкретной сфере. Что же касается защитника, то законодательный ответ по этому поводу содержится в тексте ч. 1 ст. 49 УПК РФ.

Из смыслового значения указанных норм следует, что предназначение защитника – оказывать в установленном законом порядке не только защиту прав и интересов подозреваемого (обвиняемого), но и оказывать им всестороннюю юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Опять же обозначенное в законе направление ориентирует лишь на защиту интересов вышеупомянутых участников. При этом законодатель не исключает возможности воспользоваться таковым правом ни потерпевшему, ни свидетелю. Что же касается стадии возбуждения уголовного дела, то, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ, лицам, вовлеченным в производство проверки, по поступившему сообщению (заявлению) о совершенном или готовящемся преступлении, так же предоставляется вышеобозначенное право на получение квалифицированной юридической помощи. Думается, в определенном контексте допустимо предположить, что защитник – это специалист, т.е. лицо, обладающее специальными познаниями в сфере юриспруденции. Однако у этих участников различное предназначение. Более того, п. 1 ч. 1 ст. 72 УПК РФ конкретно указывает на основание отвода защитника, если он ранее участвовал в производстве по конкретному уголовному делу, в том числе и как переводчик.

Актуальность и настоятельная необходимость в продолжении разработки процессуального статуса переводчика вызвана современными потребностями (реалиями). К их числу следует отнести возможность привлечения в качестве переводчиков, не только лиц, обладающих специальным и профессиональным образованием в этой области, но и иных, свободно владеющих языком уголовного судопроизводства, соответствующих критериям, которые были высказаны в свое время В. А. Пономаренко и другими авторами [4, с. 43–44] и отражают до сих пор реальные потребности правоприменительной практики. В подтверждение этой позиции полагаем целесообразным упомянуть, что ранее уже выдвигалась идея создания единой централизованной базы данных, отражающих сведения о лицах, отвечающих необходимым критериям и давшим согласие на привлечения их в качестве переводчиков, при производстве по уголовному делу.

Следует с сожалением отметить, что на официальном (государственном) уровне эта идея так и не получила своего развития и дальнейшего законодательного закрепления. Справедливости ради упоминаем, что она нашла свое отражение и в частном (негосударственном) порядке, который, разумеется, не в состоянии охватить все потребности правоприменительной практики по данному направлению, а также является весьма дорогостоящим средством. Здесь же следует упомянуть, что, если в крупных городах мегаполисах еще представляется возможным

найти такого рода специалистов, то в отдаленных регионах это весьма затруднительно. Также допустимо привлекать студентов языковых вузов, чей уровень квалификации можно подтвердить сведениями об их успеваемости, полученных из высшего учебного учреждения, тем более что согласно ч. 1 ст. 59 УПК РФ уровень профессионального образования в этой области не является единственным критерием вовлечения упомянутого лица при производстве по уголовному делу.

Более того, современное развитие информационных технологий способствует возможности использования «услуг» переводчика в сфере уголовного судопроизводства путем применения, к примеру, возможностей видео-конференц связи и других правил, определенных в ст. 164 УПК РФ. Полагаем небезынтересным обратить внимание и на электронные ресурсы, к которым следует отнести и особо привлекательную на сегодняшний день, так называемую систему использования искусственного интеллекта. Очевидна правота тех исследователей, которые исходят из того, что, прежде всего, в этом контексте необходимо начать с разработки специального языка программного обеспечения в этой области. При чем это должно предполагать сочетанную выработку как правовых, так и технических регламентов с последующим апробированием этой системы, и лишь после того – его формулировку на законодательном уровне применительно к институту переводчика в том числе в рамках уголовного судопроизводства. Репрезентативность предложенного в настоящей статье может

способствовать устранению проблем названного института в условиях цифровизации общества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. М. : ООО «Контакт», 2020.
2. Бунова И. И. Использование специальных знаний переводчиком в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2010. № 16. С. 4–6.
3. Жороев Н. Н. Особенности участия переводчика в досудебном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8. С. 97–102.
4. Пономаренко В. А. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 3. С. 41–48.

References

1. Constitution of the Russian Federation. M. : LLC «Contact», 2020.
2. Bunova I. I. The use of special knowledge by a translator in criminal proceedings // Russian investigator. 2010. № 16. P. 4–6.
3. Zhoroev N. N. Features of the participation of a translator in pre-trial proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 8. P. 97–102.
4. Ponomarenko V. A. Implementation of the principle of the language of criminal proceedings // Legal policy and legal life. 2010. № 3. P. 41–48.

Информация об авторе

О. В. Волынская – профессор кафедры уголовного процесса московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Volynskaya – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 343.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-43-47>

НИОН: 2015-0066-1/22-206

MOSURED: 77/27-011-2022-01-405

Ретроспективный анализ процессуального статуса потерпевшего

Нина Анатольевна Воронина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nina-voronina96@yandex.ru

Аннотация. Представлена динамика становления процессуального статуса потерпевшего в различные периоды развития уголовно-процессуального законодательства России: от Русской Правды XI века до сегодняшнего времени.

Ключевые слова: ретроспективный анализ, потерпевший, пострадавший, нормы отечественного законодательства, уголовный процесс

Для цитирования: Воронина Н. А. Ретроспективный анализ процессуального статуса потерпевшего // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 43–47. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-43-47>.

Original article

Retrospective analysis of the procedural status of the victim

Nina A. Voronina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nina-voronina96@yandex.ru

Abstract. The dynamic of the formation of the procedural status of the victim in various periods of the development of the criminal procedure legislation of Russia: from the Russian Truth of the XI century to the present time is presented.

Keywords: retrospective analysis, victim, victim, norms of domestic legislation, criminal procedure

For citation: Voronina N. A. Retrospective analysis of the procedural status of the victim. Bulletin of economic security. 2022;(1):43–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-43-47>.

Потерпевший является одним из ключевых участников уголовного судопроизводства, поэтому его процессуальный статус имеет богатую историю.

Первым историко-юридическим памятником, заложившим основы правового положения потерпевшего, является Русская Правда. Несмотря на то, что в данном источнике права не закреплено понятие «потерпевший», упоминание о лице, которому причинен вред «обидой» (противоправным деянием) все же содержится.

Приведем несколько примеров из первоисточника. Статья 80 Краткой Русской Правды гласит: «А кто пакошами конь порежет или скотину, продаже 12 гривенъ, а пагубу господину оурокъ платити». Видится, что в статье указано на лицо, которому причинен вред и его право на компенсацию причиненного ему вреда.

Статья 17 Краткой Русской Правды: «А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети

държати у себе, то приати скота у него; а иже есть изломил, аще ли начнет приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будетъ на нем». Из текста статьи – «скотом ему заплатити», мы понимаем, что речь идет о компенсации вреда потерпевшему. Говоря современным языком, в данной норме идет речь о праве потерпевшего на изъятие имущества у незаконного владельца, а также о возмещении ему вреда.

Ученые, анализируя положения Русской Правды, пытались сформулировать свое видение относительно понятия потерпевшего.

Так, В. Е. Лоба и С. Н. Малахов, проводя исследование Русской Правды, сделали вывод: потерпевшим являлось физическое лицо, обладающее свободой и относящееся к категории дееспособных граждан. Потерпевшими могли быть не только граждане древнерусского государства, но иностранцы – варяги, чужеземцы. Стоит отметить, что иностранцы, прибы-

вающие на Русской земле, в отношении которых совершено преступление, обладали такими же правами, что и потерпевшие, относящиеся к гражданам древнерусского государства [12, с. 64].

С мнением вышеупомянутых нами ученых согласны не все. Это обусловлено тем, что другие авторы полагают, что потерпевшими признавались все граждане древнерусского государства, в том числе и относящиеся к категории несвободных – рабы, холопы [7, с. 60–64].

После Русской Правды положения о лицах, которым причинялся вред противоправным деянием, закреплялись и в ряде других правовых актов.

Считаем необходимым отдельно отметить Судебник 1497 года, который легально закрепил определение потерпевшего, назвав его жалобником [13, с. 224–226]. Но в нем не содержалось широкого толкования данного термина. Однако, полагаем, что, если в более ранних источниках правовое положение потерпевшего в основном сводилось к праву получить возмещение за причиненный преступлением вред, то в Судебнике XV века речь идет о «жалобнике» – лице, инициирующем уголовное судопроизводство.

Новое наименование – «челобитчик» – данный участник уголовного процесса получает в XVII столетии.

С принятием Соборного Уложения 1649 года статус потерпевшего – челобитчика значительно изменился по сравнению с более ранними документами, так как увеличилось количество норм, направленных на его защиту. К примеру, этот законодательный акт закреплял положения об отводе судьи, который допускался, если он находится в приятельских отношениях с лицом, совершившим преступное деяние, в результате которого челобитчику причинен вред [10, с. 36–38]. Уже в то время были заложены задатки, направленные на защиту интересов потерпевших.

Существенное значение в становлении статуса потерпевшего сыграло принятие в 1715 году Краткого изложения процессов и судебных тяжб. Так, в нем впервые было закреплено понятие челобитчик (пункт 1 глава 3):

«Челобитчик есть оный, который другого некоторой ради причины в суд показывает, и от судьи правомерного приговору и вспоможения в правом своем деле требует». Говоря современным языком, челобитчик – человек, требующий от судьи справедливого приговора.

На последующих этапах исторического развития статус челобитчика претерпевал незначительные изменения вплоть до реформы середины XIX столетия.

Истоком современного состояния процессуального статуса потерпевшего, без всякого сомнения, яв-

ляется Устав уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС), который выступает, по свидетельству профессора И. Я. Фойницкого, «...одним из ключевых этапов истории российского уголовного процесса...» [14, с. 45].

Именно данный правовой акт впервые закрепил термин «потерпевший» [15, с. 143]. В нем не имелось строгой формулировки понятия потерпевшего (впрочем, как и других участников процесса). Однако, в отношении этой категории лиц применялись такие термины: «потерпевшие от преступления», «обиженные», «жалобщик», «частный обвинитель», «гражданский истец». Каждый из представленных статусов наделял лицо, потерпевшее от преступления, абсолютно разным объемом прав и обязанностей. Этот факт указывает на то, что УУС не предусматривал унифицированного статуса для потерпевшего, а наоборот, его статус трансформировался, исходя из конкретной ситуации. Так, например, частный обвинитель выступал «полным господином процесса...» [14, с. 31], в то время как в других правовых ситуациях потерпевший статусом «статусом» не наделялся.

Следующей вехой в становлении процессуального положения потерпевшего стало принятие УПК РСФСР 1922 года и УПК РСФСР 1923 года.

В первом советском УПК уже стала проследиваться попытка установления баланса статусов потерпевшего и обвиняемого, что усматривается, к примеру, в ст. 117 УПК РСФСР 1922 года. Эта норма устанавливала следующее: «Обвиняемый и потерпевший могут присутствовать при осмотре, допросах и других следственных действиях и задавать вопросы свидетелям и экспертам. Следовательно вправе отказать им в осуществлении обозначенных прав, если признает, что присутствие и участие их при производстве следственных действий может препятствовать раскрытию истины и сохранению в тайне тех сведений, преждевременное оглашение которых может помешать ходу предварительного следствия» [3].

Изучение УПК РСФСР 1923 года позволяет сделать вывод о том, что потерпевший стал пассивным участником уголовного судопроизводства. Так, на судебных стадиях уголовного процесса основным правом потерпевшего выступало лишь право на дачу показаний. Потерпевший был не вправе задавать вопросы свидетелю или обвиняемому, что, в какой-то мере, указывает на ущемление прав потерпевшего. Отметим также, что потерпевший не мог участвовать в исследовании доказательств [4].

Все же отметим, что УПК РСФСР 1923 года имел ряд прогрессивных норм, касающихся процессуального статуса потерпевшего: потерпевший как полноценный участник уголовного процесса участвовал по делам частного обвинения, а также выступал как

гражданский истец. Отметим, что это положение потерпевшего сохранилось и в нормах УПК РСФСР 1960 года [5].

Следующим этапом в развитии процессуально-го статуса потерпевшего стало принятие 25 декабря 1958 года Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик [6]. Отметим, именно этот исторический памятник нормативно закрепил процессуальную дефиницию «потерпевший». Так, в статье 24 Основ указано: «Потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред».

В эпоху социализма в России уголовно-процессуальное законодательство легально закрепляло в своих нормах двух самостоятельных субъектов уголовного процесса: потерпевшего и гражданского истца. Следует отметить, что функции данных субъектов осуществлялись одним и тем же лицом.

Так, например, до момента утверждения Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 года предусматривалось только два случая вступления в уголовный процесс гражданина, потерпевшего от противоправного деяния:

1) в случае, когда ущерб предполагал имущественный вред, вследствие чего имел возможность выступать в качестве гражданского истца;

2) в случаях, когда уголовное дело возбуждалось на основании заявления (дела частного обвинения).

Основы 1958 года полностью изменили законодательную формулировку понятия потерпевшего, оно стало более полным, нежели до его принятия.

УПК РСФСР от 27 октября 1960 года воспроизвел этот термин без кокой-либо корректировки. Однако этот кодекс закреплял другие существенные для процессуального статуса потерпевшего новеллы, в основном связанные с расширением прав. Законом устанавливалось, что потерпевший вправе участвовать в следственных действиях (обыск, осмотр, следственный эксперимент и другие), присутствовать в зале суда, заявлять ходатайства и отводы, приносить жалобы, пользоваться родным языком. Отметим, что именно в этот период потерпевший становится полноценным участником процесса.

Переходя к постсоветскому времени, отметим, что одной из причин принятия УПК РФ в 2001 году послужили противоречия, которые возникали между положениями УПК РСФСР 1960 года и положениями Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года, в которой, в частности, закреплено, что «права потерпевших от преступлений ... охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба» (ст. 52) [1].

Считаем верной позицию О. В. Гладышевой «...действующий УПК РФ в корне изменил пара-

дигму в отношении объекта обеспечения, основополагающее значение приобрели интересы частных лиц, организаций, потерпевших от преступлений, а также интересы личности, привлекаемой к уголовной ответственности, в отношении которой применяются меры государственного принуждения» [8, с. 84–85].

Так, в УПК РФ, принятом 18 декабря 2001 года, произошли существенные изменения в процессуальном статусе потерпевшего [2]. Причем реформы коснулись, прежде всего, определения «потерпевшего». В отличие от УПК РСФСР 1960 года, УПК РФ наделяет процессуальным статусом потерпевшего не только физических лиц, но и юридических. По мнению некоторых ученых, закрепление данной нормы является безусловным достижением российского уголовного судопроизводства [11, с. 33].

Считаем необходимым отдельно упомянуть, что важную роль в развитии процессуального статуса потерпевшего сыграли принятые в 2013 году изменения в ч. 1 ст. 42 УПК РФ.

Так, в п. «а» ч. 3 ст. 3 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 432 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» закреплены изменения, касающиеся момента признания лица потерпевшим. На сегодняшний день, действующий уголовно-процессуальный закон устанавливает положение, согласно которому решение о признании лица потерпевшим должно быть принято *незамедлительно* с момента возбуждения уголовного дела. В силу того, что УПК РСФСР 1960 года подобных норм не содержал, мы можем с уверенностью отметить, что в нормах нынешнего УПК РФ прослеживаются серьезные шаги законодателя, направленные на модернизацию процессуального статуса потерпевшего в сторону улучшения и обеспечения реализации *доступа к правосудию*.

Представляется, что эти изменения в процессуальном статусе потерпевшего далеко не последние, так как в целях совершенствования противоречивых уголовно-процессуальных норм постоянно принимается целый комплекс поправок, существенно расширяющих границы правового положения потерпевшего в уголовном процессе [9, с. 17–20].

В заключении следует отметить, что процессуальный статус потерпевшего имеет длительную историю; если следовать классической периодизации отечественного уголовного процесса, он прошел несколько этапов: дореволюционный; революционный; советский и постсоветский; современный.

На каждом из представленных этапов статус потерпевшего постоянно подвергался модернизации в зависимости от особенностей исторического раз-

вития нашего государства. Менялись наименования данного участника, постепенно расширялись и трансформировались его права и обязанности. По нашему мнению, наиболее значимой тенденцией в становлении и развитии процессуального статуса потерпевшего является то, что изначально присущее ему право на возмещение вреда, причиненного в результате преступления, постепенно дополнялось чисто процессуальными правами, позволяющими ему полноценно участвовать в уголовном судопроизводстве. В этой связи право на доступ к правосудию, закрепленное на самом высоком, на конституционном уровне, является не просто субъективным правом участника уголовного процесса, но может рассматриваться как одно из фундаментальных положений всего уголовного процесса.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.07.2020. № 31. Ст. 4398.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52. Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. : принят постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета 25.05.1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 5. Ст. 117.
4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. : принят постановлением 4 сессии Всероссийского Центрального исполнительного комитета 15.02.1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960, ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) // Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40. Ст. 592.
6. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // СПС «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi> (дата обращения: 08.02.2022).
7. Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В. Объективные элементы и признаки состава преступления в уголовном праве Древней Руси // Сибирский юридический вестник. 2013. № 3. С. 60–64.
8. Гладышева О. В. Теоретические основы обеспечения законных интересов личности в уголовном судопроизводстве : монография / науч. ред. В. А. Семенцов. М. : Юрлитинформ, 2012. 150 с.

9. Зайцева Е. А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1. С. 34–38.

10. Исаев М. А. История Российского государства и права. Учебник. Изд. 3-е., перераб. и доп. М. : Статут, 2013. 371 с.

11. Круглов С. В. Развитие правового положения потерпевшего в уголовном процессе // Следователь. 2006. № 1. С. 89–91.

12. Лоба В. Е., Малахов С. Н. Уголовное право Древней Руси (по данным Русской Правды) : монография. М., 2011. 210 с.

13. Филиппов А. Н. История Русского права. Учебник. М. : Юнити-Дана. 2014. 674 с.

14. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. М. : Альфа. 1996. 312 с.

15. Шаров Д. В. Понятие потерпевшего по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 141–143.

References

1. The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 4398.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated 18.12.2001 (ed. dated 30.12.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 24.12.2001. № 52. Art. 4921.
3. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1922, adopted by the Decree of the all-Russian Central Executive Committee 25.05.1922 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1922. № 5. Art. 117.
4. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR in 1923 : resolution adopted by the 4th session of the all-Russian Central Executive Committee 15.02.1923 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1923. № 7. Art. 106.
5. The Criminal Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Council of the RSFSR 27.10.1960, ed. from 29.12.2001, with the change from 26.11.2002) // Gazette of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1960, № 40. Art. 592.
6. Basis of criminal procedure of the USSR and Union republics // SPS «ConsultantPlus» (accessed 03.02.2022).
7. Georgievsky E. V., Kravtsov R. V. Objective elements and signs of the corpus delicti in the criminal law of Ancient Russia // Siberian Legal Bulletin. 2013. № 3. P. 60–64.
8. Gladysheva O. V. Theoretical foundations of ensuring the legitimate interests of the individual

in criminal proceedings: monograph / scientific ed. V. A. Sementsov. M. : Yurlitinform, 2012. 150 p.

9. Zaitseva E. A. Three times the victim // Legality. 2015. № 1. P. 34–38.

10. Isaev M. A. History of the Russian State and law. Textbook. Ed. 3rd, reprint. and add. M. : Statute. 2013. 371 p.

11. Kruglov S. V. The development of the legal status of the victim in the criminal process // Investigator. 2006. № 1. P. 89–91.

12. Loba V. E., Malakhov S. N. Criminal law of Ancient Russia (according to the Russian Truth) : monograph. M., 2011. 210 p.

13. Filippov A. N. History of Russian law. Textbook. M. : Unity-Dana, 2014. 674 p.

14. Foyntsky I. Ya. Course of criminal proceedings. M. : Alpha, 1996. 312 p.

15. Sharov D. V. The concept of the victim according to the Statute of criminal proceedings of 1864 // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3. P. 141–143.

Информация об авторе

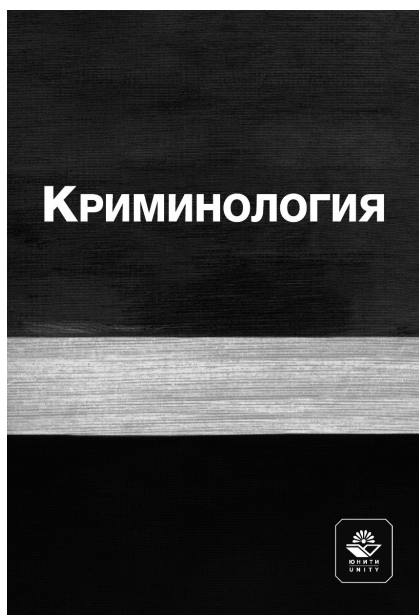
Н. А. Воронина – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. A. Voronina – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 18.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 18.03.2022.

Криминология. Учебное пособие. Под ред. С. В. Иванцова, Е. А. Антонян [Я. Л. Алиев и др.] 5-е изд. 319 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Рассматриваются преступность как социально-правовое явление, причины и условия ее возникновения, особенности личности преступника, а также механизмы совершения конкретных преступлений.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, подробно изложены криминологические особенности и меры предупреждения корыстной, насильственной, организованной, рецидивной, профессиональной, неосторожной преступности, преступности в сфере экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин.

Пособие в значительной степени может облегчить процесс усвоения основополагающих знаний по дисциплине. В предельно сжатые сроки студенты могут проверить свои знания по наиболее важным учебным вопросам благодаря тесту, представленному в конце пособия, и, воспользовавшись словарем криминологических терминов и понятий, расширить свой собственный криминологический тезаурус.

Научная статья

УДК 343.98:347.948.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-48-51>

НИОН: 2015-0066-1/22-207

MOSURED: 77/27-011-2022-01-406

Оценка заключения судебной экспертизы судом

Надежда Александровна Зуйкова¹, Сергей Александрович Головко²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. В статье проанализированы особенности оценки заключения эксперта в судах различных инстанций.

Принято считать, что оценку доказательствам дают только суд первой и апелляционной инстанции, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, а вышестоящий суд, не оценивая доказательства по существу, лишь изучает, каким образом оценивал доказательства по делу суд нижестоящей инстанции. Однако, без оценки доказательств вышестоящий суд не имеет возможности проверить правильность и обоснованность обвинения, а потому не может решить вопрос и о том, правильно ли было решено дело судом нижестоящей инстанции.

Делается вывод о том, что вышестоящие суды, проверяя законность и обоснованность приговоров, не только оценивают по существу заключение эксперта, положенное в основу приговора, но и проверяют правильность оценки, данной этому доказательству органами следствия и суда.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта, вышестоящий суд, эксперт, доказательство

Для цитирования: Зуйкова Н. А., Головко С. А. Оценка заключения судебной экспертизы судом // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 48–51. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-48-51>.

Original article

Evaluation of the conclusion of the forensic examination by the court

Nadezhda A. Zuikova¹, Sergey A. Golovko²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the features of the evaluation of the expert opinion in the courts of various instances.

It is generally assumed that only the court of first instance and the court of appeal, the prosecutor, the investigator, and the person conducting the inquiry evaluate the evidence, and the higher court, without evaluating the evidence on the merits, only studies how the lower court evaluated the evidence in the case. However, without an assessment of the evidence, the higher court is not able to verify the correctness and validity of the charge, and therefore cannot decide whether the case was correctly decided by the lower court.

It is concluded that the higher courts, checking the legality and validity of sentences, not only evaluate the essence of the expert opinion, which is the basis of the sentence, but also check the correctness of the assessment given to this evidence by the investigation and court bodies.

Keywords: judicial examination, conclusion of an expert, the superior court, the expert evidence

For citation: Zuikova N. A., Golovko S. A. Evaluation of the conclusion of the forensic examination by the court. Bulletin of economic security. 2022;(1):48–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-48-51>.

Постановка проблемы. На всех стадиях уголовного судопроизводства главным субъектом доказывания является суд, которому принадлежит руководящая роль в процессе доказывания. Поэтому суд оценивает доказательства с точки зрения достоверности, допустимости, относимости и достаточности. В суде первой инстанции создаются условия, способствующие пол-

ноте, всесторонности и объективности исследования доказательств в судебном разбирательстве. Но оценка доказательств производится и вышестоящими судами при рассмотрении дела в кассационном порядке или в порядке надзора и имеет свои особенности.

Заключение эксперта, как доказательство, в процессе его оценки требует знания ряда вопросов, отно-

сящихся к проверке подлинности и достаточности исследованных вещественных доказательств и образцов; научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном конкретном случае; логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования; полноты и объективности заключения и т. д.

Оценка заключения эксперта в судах нижестоящих и вышестоящих инстанций имеет свои особенности.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам оценки заключения эксперта посвящены труды ученых процессуалистов и криминалистов Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, А. Р. Белкина, Ю. Г. Корухова, П. Г. Кулагина, В. И. Лановенко, Н. П. Майлис, Е. Р. Россинской, Ю. К. Орлова, А. Р. Шляхова и других ученых.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Вопросу оценки заключения эксперта, как доказательства, уделено достаточное внимание в специальной литературе. Однако, данная тема рассматривается, как правило, относительно отдельных стадий судопроизводства. Так, в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства в суде первой инстанции, определен круг вопросов, которые подвергаются проверке для оценки данного доказательства. Но в судах вышестоящих инстанций предметом проверки являются судебные решения, вступившие в законную силу, на предмет их законности. Возникает вопрос о возможности оценки такого источника доказательств, как заключение эксперта, с целью установления законности вынесенного судебного решения

Формулирование целей статьи. Заключение эксперта может быть использовано в качестве судебного доказательства только в том случае, если оно соответствует требованиям относимости, допустимости и достоверности, соответствует экспертному заданию и полноте научной обоснованности. Для установления этих данных проводится его оценка, которая может осуществляться в судах разных инстанций.

Изложение основного материала. В российском судопроизводстве вышестоящие суды осуществляют проверку законности и обоснованности приговоров, вынесенных судами первой инстанции. При рассмотрении дела в апелляционном порядке вышестоящий суд изучает все материалы дела, устанавливает взаимосвязь и взаимозависимость установленных по делу доказательств, и это дает ему основания сделать вывод о том, законно ли вынесен приговор и в достаточной ли мере он обоснован. Суд, пересматривающий дело в кассационном и надзорном порядке, проверяет законность и обоснованность приговора.

Неправильно считать, что оценку доказательствам дают только суд первой и апелляционной ин-

станции, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, а вышестоящий суд, не оценивая доказательства по существу, лишь изучает, каким образом оценивал доказательства по делу суд нижестоящей инстанции.

Без оценки доказательств вышестоящий суд не имеет возможности проверить правильность и обоснованность обвинения, а потому не может решить вопрос и о том, правильно ли было решено дело судом первой инстанции.

Вышестоящие суды оценивают каждое доказательство и в отдельности, и в совокупности с другими доказательствами по делу. Критерии оценки доказательств одинаковы как для суда первой инстанции, так и для вышестоящих судов, рассматривающих дела в кассационном и надзорном порядке. Оценка доказательств, даваемая судами кассационной и надзорной инстанции, имеет свои особенности, которые заключаются в том, что вышестоящий суд ограничен материалами, содержащимися в деле, и лишен возможности воспринимать их в условиях гласности, устности и непосредственности.

Заключение эксперта, как и всякое другое доказательство, оценивается судом в процессе изучения материалов дела, поступившего к нему в кассационном или надзорном порядке. Вышестоящий суд устанавливает достоверность заключения эксперта и правильность оценки, данной этому доказательству судом первой инстанции.

Сгруппировав критерии оценки, можно сделать вывод о том, что они относятся: к организации экспертизы, к обоснованности выводов заключения эксперта, к правильности оценки заключения эксперта судом.

К первой группе относятся: правильность выбора эксперта с точки зрения его объективности и достаточной научной квалификации, полнота и доброкачественность направленных на исследование материалов, соблюдение процессуальных норм.

Ко второй группе следует отнести соблюдение экспертом пределов своей компетенции, полноту использования материалов, представленных ему следователем и судом, применение научно обоснованных методов исследования, отсутствие противоречий между ходом исследования и выводами, содержащимися в заключение эксперта.

К третьей группе можно отнести соответствие выводов эксперта материалам дела, а если между ними имелись противоречия, то устранены ли они судом нижестоящей инстанции в ходе судебного следствия, правильность выбора одного из двух противоречивых выводов экспертизы.

Назначая судебную экспертизу и решая вопрос о выборе эксперта, следователь обязан учитывать следующее: эксперт должен быть не заинтересован в ис-

ходе дела и в достаточной мере компетентен в соответствующей области знаний.

Первое требование является для всех видов экспертиз общим. Что касается второго, то следует отметить, что в решении этого вопроса для судебной экспертизы есть специфика, которая заключается в том, что работники судебно-следственных органов не всегда имеют ясное представление о пределах и возможностях исследований и не всегда в достаточной мере представляют себе необходимость глубины научных знаний у лиц, которым поручается производство экспертизы. Это приводит к тому, что судебная экспертиза поручается иногда специалистам, не имеющим научной квалификации. Что касается требования разрешать вопросы в пределах компетенции эксперта, то вышестоящие суды указывают на необходимость разрешения экспертом только тех вопросов, которые не выходят за пределы его компетенции. Вышестоящие суды обязаны требовать от судебных и следственных органов соблюдения этих процессуальных норм.

Большую роль при назначении экспертизы играет сбор и подбор материалов, которые необходимы для проведения судебной экспертизы. Как бы ни был квалифицирован эксперт, какие бы последние достижения науки и техники он не использовал – если объекты исследования недостаточно или они непригодны для исследования, заключение эксперта не может быть достоверным доказательством по делу.

Оценивая заключение эксперта, вышестоящие суды исходят не только из самого факта, установленного экспертом, но и из достоверности этого факта, т. е. выводы надо рассматривать с точки зрения их обоснованности.

Сомнение в достоверности тех объектов, исследование которых привело эксперта к определенным выводам, влечет за собой сомнение в достоверности самого заключения, что в свою очередь сомнение в законности и обоснованности приговора, в основу которого положено такое заключение. Как экспертная, так и следственная и судебная практика сталкиваются со случаями, когда сомнение в достоверности направляемых на исследование объектов сводит к нулю всю работу следователя, суда и экспертов, проводящих эти экспертизы. Нарушение процессуальных законов, обеспечивающих подлинность и сохранность вещественных доказательств, а также невыполнение соответствующих инструкций о порядке изъятия и хранения вещественных доказательств ведет к тому, что направленные на экспертизу предметы теряют силу вещественных доказательств, а выводы экспертов, основанные на исследовании таких объектов теряют доказательственное значение по делу.

Заключение эксперта – особый источник доказательств. Отличительной особенностью заключения

эксперта является то, что эксперт сообщает в нем следствию и суду о фактах, установленных им на основе использования данных той или иной области науки, техники, искусства. Эксперт, проводя исследование, основывается на своих специальных знаниях, дающих возможность ответить на вопросы, поставленные перед ним органами следствия или суда. Выводы эксперта имеют доказательственное значение, а выводы свидетеля, обвиняемого и подсудимого относительно того или иного факта доказательственной силы не имеют.

Вышестоящие суды обращают внимание на необходимость оценки заключений экспертов с точки зрения их научной достоверности. Это относится ко всякому виду экспертиз.

Оценка заключения эксперта с точки зрения его научной достоверности весьма сложный процесс. В это понятие входят правильность выбранных экспертом научных методов исследования, отвечающих требованиям науки и техники, логическая последовательность стадий исследования (раздельное, сравнительное, эксперимент) и возможность ответить на поставленные вопросы на современном уровне развития науки и техники.

Вышестоящие суды, проверяя законность и обоснованность приговоров, не только оценивают по существу заключение эксперта, положенное в основу приговора, но и проверяют правильность оценки, данной этому доказательству органами следствия и суда. Вышестоящие суды обращают на это обстоятельство особое внимание, указывая на конкретные ошибки, которые допускались нижестоящими судами и следственными органами.

Заключение эксперта – особое доказательство, к нему должны быть предъявлены определенные требования, и в первую очередь – научная обоснованность, ясность, четкость выводов эксперта.

Развитие науки и техники дает возможность все более широко применять их достижения для разрешения интересующих суд и следствие вопросов.

Институт судебной экспертизы играет огромную роль в деле установления объективной истины по уголовным делам. Органы следствия и суда должны основывать свои выводы только на фактах, достоверность которых не вызывает никаких сомнений, и криминалистическая экспертиза, устанавливающая эти факты, призвана помогать следственным и судебным органам в осуществлении правосудия.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021).
2. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Экспертиза в гражданском, админи-

стративном, уголовном процессе : учебник для вузов. М. : Норма, 2003.

3. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика : учебник для вузов. Под ред. Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, профессора Р. С. Белкина. М. : Норма.

Bibliographic list

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 63-FZ of 13.06.1996 (ed. From

12/30/2020) (with amendments and additions, intro. effective from 01.03.2021).

2. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E. R. Expertise in civil, administrative, criminal proceedings : textbook for universities. М. : Norm, 2003.

3. Averyanova T. V., Belkin R. S., Korukhov Yu. G., Rossiyskaya E. R. Criminalistics : textbook for universities. Ed. Honored Worker of Science of the Russian Federation, Professor R. S. Belkin. М. : Norm.

Информация об авторах

Н. А. Зуйкова – старший преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

С. А. Головкин – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

N. A. Zuikova – Senior Lecturer of the Department of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

S. A. Golovko – Lecturer of the Department of Forensic Activity of the Educational and Scientific Complex of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.03.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 04.03.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-52-55>

НИОН: 2015-0066-1/22-208

MOSURED: 77/27-011-2022-01-407

Обеспечение взаимодействия при реализации положений ст. 160 УПК РФ

Анастасия Сергеевна Грачева

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, nastyabooble@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы взаимодействия следователя (дознателя) при реализации положений ст. 160 УПК РФ. Порядок его осуществления: цели, принципы и структура применительно к попечительным и обеспечительным мерам. Проанализированы нормы уголовно-процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, регламентирующих порядок осуществления «сотрудничества» при применении таких мер.

Ключевые слова: формы взаимодействия, попечительные меры, обеспечительные меры, задержанный (заключенный под стражу) подозреваемый (обвиняемый)

Для цитирования: Грачева А. С. Обеспечение взаимодействия при реализации положений ст. 160 УПК РФ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 52–55. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-52-55>.

Original article

Ensuring interaction in the implementation of the provisions of Article 160 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation

Anastasiya S. Gracheva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, nastyabooble@mail.ru

Abstract. The article deals with the problematic issues of the interaction of the investigator (interrogator) in the implementation of the provisions of art. 160 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The order of its implementation: objectives, principles and structure in relation to guardianship and interim measures. Analyzed the norms of criminal procedure legislation, departmental regulations governing the procedure for the implementation of «cooperation» in the application of such measures.

Keywords: forms of interaction, custody measures, interim measures, detainee (taken into custody) suspect (accused)

For citation: Gracheva A. S. Ensuring interaction in the implementation of the provisions of Article 160 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(1):52–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-52-55>.

Вопросы взаимодействия дознавателя (следователя) в рамках производства по уголовному делу, как внутреннего, так и межведомственного становятся объектами научно-практических исследований, однако и на сегодняшний день некоторые из актуальных вопросов остаются неразрешенными.

Зачастую воля законодателя в процессе правоприменения нуждается в дополнительной интерпретации и подтверждении судебно-следственной практикой.

Кроме того, в тексте уголовно-процессуального закона невозможно предусмотреть каждый алгоритм действий. Так, положения статьи 160 УПК РФ фактически не имеют соответствующего механизма применения, в связи с этим должностные лица, на которых данной нормой возложена обязанность по применению попечительных и обеспечительных мер, должны действовать, основываясь, как правило, на личном опыте и собственном усмотрении. Однако в силу

© Грачева А. С., 2022

того, что обеспечение обозначенных мер выходит за рамки уголовного судопроизводства, их эффективность возможна только при условии оказания необходимого содействия при их реализации.

Полагаем, что в зависимости от того, какая конкретно мера, при наличии какого основания и при каких условиях она применяется – требуется соответствующая форма взаимодействия. Но, независимо от этого, его целью остается реализация назначения уголовного судопроизводства и достижение оптимальных результатов на любом этапе производства по конкретному уголовному делу. Только комплексное использование сил и средств различных структур и государственных органов позволяет соблюдать права и свободы участников уголовного судопроизводства, находясь в определенной степени корреляции с достижением предполагаемого результата при применении попечительных и обеспечительных мер.

Обозначенная цель в рамках рассматриваемого взаимодействия может быть достигнута с помощью решения следующих задач:

- осуществление социальной функции государства (реализация международных норм, а также положений ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ [1]);
- обеспечение конституционных прав подозреваемого (обвиняемого), подверженного задержанию или заключению под стражу;
- соблюдение принципа законности при применении мер процессуального принуждения;
- передача на попечение несовершеннолетних или иных иждивенцев;
- обеспечение сохранности имущества (жилища) подозреваемого (обвиняемого);
- обеспечение прав третьих лиц (иждивенцев);
- превентивный характер безнадзорности, и, как следствие, предупреждение преступлений;
- исключение бесхозяйственного обращения с имуществом.

Принципами взаимодействия, исходя из анализа нормативных документов о совместной деятельности [2], в данном случае будут являться:

- соблюдение законности, конституционных прав и свобод граждан;
- комплексное использование сил и средств органов внутренних дел;
- персональная ответственность за принятие и осуществление попечительных и обеспечительных мер;
- самостоятельность следователя (дознателя) в принятии решений;
- самостоятельность сотрудников, на которых возложена реализация мер, в их выборе;
- согласованность осуществляемой деятельности;
- непрерывность взаимодействия в организаторской деятельности, расследовании и раскрытии

преступлений до принятия решения по уголовному делу [3].

Обозначенные положения являются общими и должны действовать и применяться при любой форме взаимодействия в том числе и применительно к обозначенной в данной статье проблеме.

В соответствии с принципом законности, взаимодействие должно осуществляться в строго установленном законом порядке. Кроме того, с точки зрения основополагающего тезиса о самостоятельности соответствующих должностных лиц, необходимо отметить, что дознаватель (следователь) всегда будет играть руководящую роль в рамках взаимодействия. Каждый из участников взаимодействия несет персональную ответственность за качество, своевременность выполнения «согласованного плана». В таком случае самостоятельность содействующих лиц может быть достигнута, путем выбора конкретных мер попечения или обеспечения сохранности (при этом их перечень может указываться в соответствующем процессуальном акте, а поскольку упоминание о таковом в законе отсутствует, правоприменитель вправе действовать исходя из своего внутреннего убеждения и опыта работы). При этом важно отметить, что содействие не должно мешать осуществлению, как внутриведомственных задач, так и самостоятельности взаимодействующих субъектов [5, с. 26].

Думается, что системное межотраслевое толкование норм ст.160 УПК РФ, а также практика их применения свидетельствуют об отсутствии единства в практике применения закона, в том числе и в части, касающейся обеспечения сохранности жилища. Одним из показателей этого является предъявление лицами, заключенными под стражу и осужденными, исков о возмещении ущерба, причиненного их имуществу, а также обжалования приговоров, в которых не разрешен вопрос об охране имущества [4, с. 26].

Анализ научных взглядов и правоприменительной практики по вопросам реализации положений ст.ст. 160, 313 УПК РФ свидетельствует о том, что применение мер попечения об иждивенцах и обеспечения сохранности жилища и имущества возлагаются на:

- органы внутренних дел;
- территориальные подразделения Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации;
- организации, обслуживающие жилищный фонд;
- органы опеки;
- органы местного самоуправления [6, с. 125].

Иллюстративным примером может послужить содержание Постановления Конституционного Суда РФ от 09.07.2020 № 34-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи

с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск», ч. 2 ст. 313 УПК РФ признали частично противоречащей Конституции РФ. Предметом жалобы послужило решение суда о возложении обязанностей по охране жилого помещения осужденного на период отбывания им наказания на администрацию города. В силу того, что ч. 2 ст. 313 УПК РФ, равно как и ч. 2 ст. 160 УПК РФ, не предусматривает соответствующего алгоритма реализации и осуществления мер по обеспечению сохранности имущества, сложилась практика передачи обязанностей администрации муниципалитета города.

Проблема заключается в том, что нормативная регламентация такого взаимодействия отсутствует, а, кроме того, и субъекты применения обеспечительных мер прямо не предусмотрены в УПК РФ, что вызывает оспаривание и невыполнение законных требований как суда, так и сотрудников правоохранительных органов. В условиях отсутствия четкого законодательного регулирования все существующие позиции являются уязвимыми.

В структуре взаимодействия, разграничивая его, можно выделить:

- внутриведомственное
- межведомственное.

Решение о применении мер, предусмотренных ст. 160 УПК РФ должно быть процессуально оформлено (при этом на сегодняшний день, в силу пробельности законодательного урегулирования, отсутствует указание на то, какой именно документ должен составляться). Результаты проведенного соискателем опроса свидетельствуют о следующем: более половины опрошенных, а именно 64,6 % считают, что решение должно быть процессуально оформлено в виде постановления; 18,3 % считают, что в виде протокола; 14,1 % – в виде рапорта; 2,8 % предлагают составлять акт.

На наш взгляд, прежде всего дознаватель (следователь) должен вынести постановление о применении мер, направленных на обеспечение сохранности имущества. В этом постановлении, помимо органов, на выполнение которых они будут возложены указываются:

- для реализации мер попечения: лицо, которому передается иждивенец с указанием адреса его регистрации (места жительства); учреждение или социальное учреждение, в которое необходимо поместить иждивенца, сроки;
- для реализации мер по обеспечению сохранности: имущество, перечень возможных действий, необходимых для обеспечения его сохранности, а также сроки их выполнения.

В таком случае действия дознавателя (следователя) будут носить организационно-управленческий характер. Организационные функции будут заклю-

чаться в установлении наличия оснований; условий и выявлении иждивенцев; имущества, сохранность которого должна быть обеспечена. Управленческие функции, полагаем, в обязанности исполнения соответствующего постановления. К примеру, в рамках ведомственного взаимодействия возможно оформление отдельного поручения органу дознания с описанием вышеуказанных элементов. В порядке ч. 2 ст. 160 УПК РФ следователь дает органу дознания отдельное поручение на обеспечение сохранности опечатанного жилища и принятие мер к исключению свободного доступа посторонних лиц на территорию домовладения.

Согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ, отдельное поручение может подаваться для выполнения только оперативно-разыскных и следственных действий. Анализируемые в данной работе попечительные и обеспечительные меры под них не подпадают. Отнесении мер попечения и обеспечения сохранности имущества к иным процессуальным действиям. В силу отсутствия законодательно закрепленного определения, в связи с этим сложно установить конкретный перечень таких действий. Анализ уголовно-процессуального закона позволил выделить группу иных процессуальных действий, которые направлены на реализацию обязанностей должностных лиц, ведущих предварительное расследование, по обеспечению прав иных участников, к которым и будут отнесены меры, предусмотренные в тексте ст. 160 УПК РФ.

Вследствие этого можно сделать вывод о существовании самостоятельного вида процессуального взаимодействия в ходе реализации мер как попечительного, так и обеспечительного характера. Отдельным видом процессуального взаимодействия будет являться поручение о производстве иных процессуальных действий – принятия мер в виде помещения на попечение иждивенца в специализированное учреждение или по обеспечению сохранности имущества.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Приказ Генпрокуратуры России, МВД России, ФСБ России, ГТК России от 25 ноября 1997 г. № 69/777/425/700 «Об утверждении инструкции по взаимодействию правоохранительных органов Российской Федерации при расследовании и раскрытии преступлений, связанных с посягательствами на культурные ценности России» // Таможенные ведомости. № 2. 1998.
3. Приказ Министерства Внутренних дел Российской Федерации № 334 от 20 июня 1996 года «Ин-

струкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии» (в редакции приказов МВД России от 13 февраля 1997 года № 90, от 18 января 1999 года № 30).

4. Борченко В. А. Особенности реализации жилищных прав лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы // Вестник Самарского юридического института. № 4 (26). 2017. С. 23–27.

5. Седелников П. В. Поручение следователя органу дознания // Законодательство и практика № 1. 2017. С. 24–28.

6. Шугрина Е. С., Булыгин А. В. Особенности реализации полномочий по охране жилища лиц, заключенных под стражу и осужденных к лишению свободы // Юридическое образование и наука. № 4. 2016. С. 123–133.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during a nationwide vote on 01.07.2020).

2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the

FSB of Russia, the State Customs Committee of Russia of November 25, 1997 № 69/777/425/700 «On approval of instructions for the interaction of law enforcement agencies of the Russian Federation in the investigation and disclosure of crimes related to encroachment on cultural property Russia» // Customs Bulletin. № 2. 1998.

3. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation № 334 of June 20, 1996 «Instruction on the organization of interaction between units and services of the internal affairs bodies in investigation and disclosure» (as amended by orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 90 of February 13, 1997, of January 18, 1999 № 30)

4. Borchenko V. A. Features of the implementation of housing rights by persons serving a sentence of imprisonment // Bulletin of the Samara Law Institute. № 4 (26). 2017. P. 23–27.

5. Sedelnikov P. V. Investigator's order to the body of inquiry // Legislation and Practice. № 1. 2017. P. 24–28.

6. Shugrina E. S., Bulygin A. V. Features of the implementation of powers to protect the home of persons imprisoned and sentenced to imprisonment // Legal Education and Science. № 4. 2016. P. 123–133.

Информация об авторе

А. С. Грачева – адъюнкт 3-го года обучения Факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

A. S. Gracheva – Adjunct of the 3rd year of study at the Faculty of Training Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.12.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 09.12.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 34.01

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-56-58>

НИОН: 2015-0066-1/22-209

MOSURED: 77/27-011-2022-01-408

Правовой статус мужчин в Древней Руси

Сергей Николаевич Грошев

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, groshev_sergej@mail.ru

Аннотация. В статье затронута проблематика правового статуса мужской гендерной группы в Древней Руси. В работе с помощью сравнительно-правового метода показана динамика развития правового положения мужчин и показаны факторы, повлиявшие на тенденции роста императивной составляющей правового статуса мужской гендерной группы древнерусского государства.

Ключевые слова: «Русская Правда», гендерные группы, семейно-брачные отношения, князь, община, христианизация, домовладка

Для цитирования: Грошев С. Н. Правовой статус мужчин в Древней Руси // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 56–58. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-56-58>.

Original article

The legal status of men in Ancient Russia

Sergey N. Groshev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, groshev_sergej@mail.ru

Abstract. The article touches upon the problems of the legal status of the male gender group in Ancient Russia. Using the comparative legal method, the paper shows the dynamics of the development of the legal status of men and shows the factors that influenced the growth trends of the imperative component of the legal status of the male gender group of the ancient Russian state.

Keywords: «Russkaya Pravda», gender groups, family and marriage relations, prince, community, Christianization, homeowner

For citation: Groshev S. N. The legal status of men in Ancient Russia. Bulletin of economic security. 2022;(1): 56–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-56-58>.

Приступая к исследованию правового положения мужчин в Древней Руси в IX–XI вв. стоит отметить, что на объем прав и обязанностей мужской гендерной группы существенным образом повлияли следующие обстоятельства: формирование государственных структур; зарождение феодальных институтов; христианизация страны. Первоначально, государство в лице князя опиралось на правовое регулирование, основанное на нормах обычного права, не меня кардинально объем прав и обязанностей мужчин. Традиционализм в сфере социальных связей на Руси IX–XI вв. выступал непоколебимой основой построения крепкой государственности, в которой так нуждалась публичная власть.

Правовое регулирование, базирующееся на консервативной идее в аспекте изменения статусов гендерных групп, выступало также и стабилизирующим

механизмом в древнерусском обществе. Мало того, если и наблюдалось некоторое колебание в сфере правового статуса мужчин, то оно было вызвано сугубо интересом правящих классов, а не заботой соблюдения прав человека. Примечательно то, что обычное право крестьянских общин просуществовало преимущественно без изменений вплоть до середины XIX столетия.

Ведя речь о факторе христианизации и его влиянии на трансформацию правового статуса мужчин можно отметить, что именно христианская церковь существенно урезала объем мужских прав в сфере брачно-семейного уклада. Христианский культ безапелляционно нормировал второстепенность женщины в семье и безоговорочное доминирование мужчины в брачно-семейных отношениях. Однако аспект привития уважения и почитания женщины вывел ее

© Грошев С. Н., 2022

с позиций объекта вещного права, поставив в ряд субъектов семейных правоотношений. Христианский культ почитания «Богоматери» также сыграл роль запрета на произвол мужчины во взаимоотношениях со своей супругой [1, с. 251–255].

Кроме особенностей религиозного христианского культа определенные правила христианского поведения резко осуждали мужчин ведущих разгульный образ жизни, плохо заботящихся о своей семье, а также уличенные в промискуитете. С введением христианства в Древней Руси вводились серьезные рамки мужского поведенческого паттерна, которые постулировали статус мужчины как главы семьи через призму обязанности материально содержать свою супругу и оказывать ей морально-нравственные знаки внимания. Мало того, насилие мужа над женой резко осуждалось церковью, даже когда мужчина наносил побои своей супруге на территории своего домовладения. В этом аспекте можно увидеть серьезную трансформацию мужского права в аспекте императивности во взаимоотношениях со своими домочадцами, которыми мужчина как глава семьи в языческий период управлял на основе ярко выраженного произвола и отсутствия правовых и моральных ограничений. Кроме того, под влиянием христианской церкви светское законодательство ввело суровые санкции за изнасилование женщин [5, с. 7].

Правовой статус мужчин в сфере института многоженства с введением христианства также был существенно поколеблен. Церковь также раскритиковала и практику содержания наложниц, которых держали у себя состоятельные домовладыки из имущих социальных слоев. Если учесть, что даже «креститель Руси» князь Владимир обладал огромным «гаремом», в котором насчитывалось пять жен и восемьсот наложниц, то трансформация правового положения мужчин в Древней Руси была осуществлена кардинально. Церковный запрет официального и неофициального промискуитета затронул и права несовершеннолетних. Так, появление института незаконнорожденных детей во много осложнило сферу социальных взаимоотношений, табуировав ряд привычных поведенческих актов в мужской среде.

В целом можно констатировать факт серьезно влияния христианской церкви на правовой статус мужчин через аспект запрета произвола в отношении членов семьи, серьезного урона идее «отцовского» права и введения нового спектра обязанностей в отношении супруги. С другой стороны сам факт нормирования церковью семейного быта определил женщине подчиненное положение, параллельно смягчив жесткую дохристианскую парадигму правового регулирования в отношении женской гендерной группы. Резкой критике со стороны государства и церк-

ви подвергались и пережитки языческих традиций, связанные с многоженством, похищением невесты, а также умерщвлением молодых девушек в ритуальных целях.

Огромное влияние на смену парадигмы развития правового положения мужчин в Древней Руси оказали тесные сношения Руси с Византией. Стабильная поэтапная рецепция римского права и имплементация передового на тот момент правового регулирования коренным образом изменили взгляд правоприменителя на статус мужчины как главы семьи и подданного. Нормативный инструментарий, основанный на принципах римского права, осуществил масштабное вторжение в те сферы социальных связей, которые ранее ускользали от внимания государства, а идея доминирования обязанностей субъекта над его правами существенно урезала диспозитивные моменты правового статуса мужской гендерной группы во многих сферах общественной жизни. В связи с этим, мужчина как глава семьи, подданный и защитник государства наделялся существенным долженствованием, на фоне которого обычный для указанного периода юридический перекокс в сторону увеличения прав мужчин терял свою привлекательность.

Процессуальное законодательство Древней Руси указанного периода также демонстрирует, что мужская гендерная группа намного чаще выступает в роли активного субъекта судебного процесса, что показывает высокую степень наложенной на мужчин ответственности, которая также соответствует духу эпохи, когда правовое регулирование основывалось на физиологических характеристиках субъекта правоотношений.

Правовое регулирование в Древней Руси IX–XI веков характеризуется признанием принципа равных компенсационных принципов в сфере преступных посягательств в аспекте гендерных групп. В частности, ст. 12 «Русской Правды» гласит: «А за ремесвенника и за ремесвенницу, то 12 гривен», закрепляя принцип гендерного равенства в сфере юридической ответственности. Тем не менее, из указанного правила можно вычлениить и исключения, которые затрагивали привилегированность женщины в аспекте юридической ответственности, так как в некоторых случаях «Русская Правда» охраняла право женщины на жизнь существенней, чем жизнь мужчины. В частности, за убитого свободного землепашца мужчину или мужчину из категории зависимого населения предполагался штраф в пять гривен. В то же время за убитую женщину из социальной категории зависимого населения штраф составлял шесть гривен, а если убитая женщина была работой-кормилицей, то штраф увеличивался вдвое (ст.ст. 25–27 Краткой редакции Русской Правды по академическому списку) [2, с. 47–49].

Можно предположить, что в указанный период в Древней Руси истоком всех трансформаций правового положения гендерных групп выступал интерес публичной власти в лице князя, в том числе дрейф диспозитивности правового статуса мужчин в сферу императивности их поведения, а также нормативного внедрения имущественной дискриминации для женской гендерной группы. Так, в ст. 90 «Русской Правды» отражается следующее: «Аже смердь умереть, то задницу князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им» [4, с. 132]. Все это нормирует ситуацию, при которой в случае смерти домохозяина, не имеющего сыновей, его земельный участок становится собственностью князя, при том, что дочери умершего наследуют лишь часть наследства, да и то лишь в случае если они были не замужем. В то же время ст. 91 «Русской Правды» нормирует следующее положение: «Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не вдеть, но оже не будуть сыновь, а дщери возмутъ» [3, с. 118], закрепляя право дочерей знатного человека наследовать имущество умершего отца без всяких ограничений.

Все эти противоречивые моменты в правовом регулировании Древней Руси исследуемого периода можно объяснить, прежде всего, особым статусом крестьянской общины и обязанностями домохозяинов состоящих в ней. Мало того, обязанным субъектом в сложных взаимоотношениях крестьянской общины и государства мог выступать исключительно мужчина, как и наследовать земельные наделы. В семьях же знатных подданных подобной связи между имущественными правами и обязанностями перед государством не существовало, в связи с чем отсутствовала и имущественная дискриминация по гендерному признаку.

Таким образом, анализ древнерусского нормативного материала демонстрирует в IX–XI вв. тенденцию выравнивания правового статуса гендерных групп и увеличение объема обязанностей мужчин,

инициированных внедрением христианского культа и укреплением государственности.

Список источников

1. Дмитриев Д. В. Культ Богоматери в народной русской культуре // Вестник РХГА. 2015. № 1. С. 251–255.
2. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. В 9 т. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1984. 430 с.
3. Памятники русского права. Вып. I. Памятники права Киевского государства / сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 195. 287 с.
4. Правда Русская. В 2 т. Т. 1. Тексты. М. : Изд-во АН СССР, 1940. 506 с.
5. Ярмонова Е. Н. Правовое положение женщин на Руси с IX по XV век : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2004. 19 с.

References

1. Dmitriev D. V. The Cult of the Mother of God in the folk Russian culture // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 1. P. 251–255.
2. Legislation of Ancient Russia / Responsible editor Corresponding member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences Professor V. L. Yanin. In 9 t. T. 1. M. : Legal literature, 1984. 430 p.
3. Monuments of Russian law. Issue I. Monuments of the law of the Kievan state / comp. A. A. Zimin. M. : Gosyurizdat, 195. 287 p.
4. The truth is Russian. In 2 vols. Vol. 1. Texts. M. : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1940. 506 p.
5. Yarmonova E. N. The legal status of women in Russia from the IX to the XV century : abstract of the dis. ... cand. jurid. sciences'. Stavropol : Stavropol State University, 2004. 19 p.

Информация об авторе

С. Н. Грошев – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

S. N. Groshev – Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 27.10.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 343.982.35

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-59-62>

НИОН: 2015-0066-1/22-210

MOSURED: 77/27-011-2022-01-409

О комплексном использовании дактилоскопической информации, содержащейся в системе криминалистических учетов

Константин Евгеньевич Дёмин¹, Роман Сергеевич Потокин²

¹ Юридический институт Российского университета Транспорта (МИИТ), Москва, Россия, diomin.costia@yandex.ru

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Россия, Roman.p.kmv@mail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемы использования данных, содержащихся в дактилоскопических учетах в ходе раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: АДИС «Папилон», дактилоскопические учеты, криминалистические учеты, информационное обеспечение раскрытия и расследования преступлений

Для цитирования: Дёмин К. Е., Потокин Р. С. О комплексном использовании дактилоскопической информации, содержащейся в системе криминалистических учетов // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 59–62. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-59-62>.

Original article

About complex use of fingerprint information contained in the system of forensic accounting

Konstantin E. Demin¹, Roman S. Potokin²

¹ Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, diomin.costia@yandex.ru

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, Roman.p.kmv@mail.com

Abstract. The article discusses the use of data contained in the fingerprint registered in the course of disclosure and investigation of crimes.

Keywords: ADIS «Papilon», fingerprint records, forensic accounting, information disclosure and investigation of crimes

For citation: Demin K. E., Potokin R. S. About complex use of fingerprint information contained in the system of forensic accounting. Bulletin of economic security. 2022;(1):59–62. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-59-62>.

При расследовании преступлений центральное место занимает изучение личности преступника, потерпевшего, а также иных лиц, вовлеченных в сферы уголовного судопроизводства. Наиболее полная криминалистически значимая информация сосредоточена в системе криминалистических учетов, которые по существу представляют собой, условно говоря, срез современного криминалитета, в абсолютном своем большинстве состоящий из профессиональных преступников, которые совершали различные преступления, отбывали наказания или по иным причинам «обозначены» в этой системе. Главной задачей

функционирования данной системы является оперативный поиск необходимой информации с наименьшими временными и функциональными затратами. На решение указанной проблемы ориентирована вся система информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений. С учетом внедрения компьютерной техники, специальных программных комплексов, единства информационных потоков, на наш взгляд, основной целью, стоящей на современном этапе развития криминалистической регистрации должна быть разработка и внедрение единого аппаратно-программного комплекса, объединяющего

© Дёмин К. Е., Потокин Р. С., 2022

информационно-электронные формы всех имеющихся видов криминалистических учетов в единую систему с возможностью получения смежных ответов на конкретный запрос, например, наряду с проверкой по дактилоскопическим учетам получение иных данных о его криминологических характеристиках, в том числе социальные и криминальные связи, потенциальные, криминальные навыки, психологический портрет с учетом прогнозирования преступных действий при определенных условиях и т. д. Однако, отсутствие единой системы ведения различных учетов, узко ведомственная их направленность, несовместимость программного обеспечения, невозможность согласованной работы системы «вопрос-ответ», к сожалению, констатирует малую эффективность указанной деятельности.

Общеизвестным фактом является то, что результатом проверки по учетам является составление справки специалиста, которая по действующему уголовно-процессуальному законодательству не относится к источникам доказательств и в большинстве случаев к материалам уголовного дела она не приобщается. Однако, в ходе дальнейшего расследования уголовного дела возникает объективная необходимость производства судебной экспертизы по тем же объектам с решением тех же задач. При этом, резолютивная часть заключения эксперта и справки, как правило, совпадают. В связи, с чем происходит дублирование значительной по трудоемкости работы, что, в конечном счете, ведет как к увеличению сроков расследования, так снижению эффективности функционирования следственных органов. Авторами разделяется точка зрения многих ученых криминалистов, предлагающих при определенных условиях признать результаты проверок по учетам (справок) в качестве источников доказательств [1, с. 420–424; 4, с. 56–584; 7, с. 181–184].

Интеграционные процессы функционирования системы криминалистических учетов эффективно обеспечиваются применением соответствующих специализированных информационно-телекоммуникационных систем, которые систематизируют, сосредотачивают, хранят и обеспечивают поиск и передачу соответствующих данных. Последние десятилетия отмечаются резким ростом информационных потоков, так количество лиц состоящих на дактилоскопическом учете в ЭКЦ МВД России в системе АДИС «Папилон» составляет более 90 миллионов человек, картотека следов рук, изъятых с нераскрытых мест происшествий составляет более 2 миллионов следов. Данная система позволяет не только вводить и хранить в компьютере дактилокарты, а также отдельные следы, но и улучшать качество следов путем обработки изображений. Помимо этого, переход на данную систему дактилоскопической регистрации во всех экспертных подразделениях МВД России позволяет оперативно обме-

ниваться дактилоскопической информацией между регионами страны и между регионами и центром, оперативно производить проверку по дактилокартам и следам, хранящимся в различных территориях. Примером последнего может служить раскрытие преступления по «горячим следам» – грабежа в отношении престарелой гражданки Ч., 1930 г. р. Так, 29 октября 2014 г. около 3 ч 30 мин группой неустановленных лиц в д. 64 по ул. Ковровская г. Муром Владимирской области был совершен грабеж с последующим поджогом дома. Осмотр места происшествия был затруднен ввиду того, что в доме после возгорания были закопчены все предметы, а следы обуви, обнаруженные в огороде дома, были залиты прошедшим дождем. Однако, сотрудниками 8 отдела ЭКЦ УМВД России по Владимирской области позволили обнаружить и изъять комплекс вещественных доказательств, включая следы рук и обуви. По возвращении следственно-оперативной группы в ММ ОМВД России «Муромский» изъятые следы рук были незамедлительно исследованы и проверены с использованием АДИС «Папилон». В результате по горячим следам было установлено, что следы рук, изъятые при ОМП на предметах в доме оставлены гр. Ж. Данная информация была незамедлительно доведена до сотрудников ОУР ММ ОМВД России «Муромский». В ходе дальнейших ОРМ сотрудниками ППС были задержаны 3 лица цыганской национальности, в том числе Ж. При отработке данных лиц они дали признательные показания в совершении данного грабежа и были взяты под стражу. В ходе проведения дальнейших оперативно-разыскных мероприятий было установлено, что данные лица причастны к совершению серии квартирных краж и грабежей как на территории г. Муром, так и Вязниковского района Владимирской области (всего 15 преступлений).

Далее необходимо отметить, что наряду с дактилоскопическими криминалистическими учетами, основными задачами которых, как известно, являются установление личности по отпечаткам и следам пальцев рук и ладоней, в том числе путем проведения оперативных проверок по оттиску пальца в режиме реального времени; идентификация неопознанных трупов; установление причастности личности к ранее совершенным преступлениям; а также объединение преступлений, совершенных одним и тем же лицом [5, с. 401; 6, с. 67; 8, с. 14–16], действует система гражданской дактилоскопической регистрации. Основной ее целью является установление личности законопослушного гражданина в случае его смерти или невозможности сообщения им своих анкетных данных.

Стоит остановиться также на вопросе всеобщего дактилоскопирования в Российской Федерации. На наш взгляд, с учетом современного общественного менталитета, данная задача невыполнима по ряду причин, основной из которых является отрицательное от-

ношение к данной инновации большинства населения ввиду боязни подвергнуться уголовному преследованию из-за экспертной ошибки, недобросовестности деятельности отдельных сотрудников правоохранительных органов и т. д. Вместе с тем, преодолению данного явления должна способствовать гарантия соответствующих государственных органов по недопущению использования дактилоскопических данных законопослушных граждан для их дискретизации, а также просветительская работа, направленная на популяризацию данного процесса.

При работе различных электронных компьютерных систем потребитель сталкивается с процессами производства не только идентификации, но и аутентификации. Сущность процесса производства аутентификации состоит в производстве вторичного отождествления, т. е. подтверждении того, что первоначальная идентификация пользователя была произведена правильно. Можно привести следующий алгоритм аутентификации. Большинство современных систем ограниченного доступа должны содержать несколько контрольных барьеров, только после преодоления, которых возможен доступ к информационному ресурсу. В качестве ключей к ним могут быть использованы различного рода пароли, биометрические, в том числе дактилоскопические индивидуальные признаки пользователя, электронные чипы (контактные и бесконтактные карты, электронные таблетки), определенная последовательность элементов частотного или звукового ряда и т. д. Так, широко используемая система доступа в охраняемые помещения включает в себя несколько этапов аутентификации, на первом – пользователем предъявляется, например, пластиковая карта и набирается персональный идентификационный код (PIN). На последующем этапе в подтверждение правильности набора PIN кода законный обладатель прикладывает палец руки, ладонь или радужную оболочку глаза к «живому сканеру» для производства идентификации. На втором этапе вторичное опознавание электронными системами, по своей сути, является производством аутентификации пользователя [2, с. 147–161]. Необходимо отметить, что при разнообразном ассортименте электронных информационных систем использование процесса аутентификации существенно снижает вероятность несанкционированного доступа к информационным ресурсам. Закрытость подобных информационных массивов и разграничение доступа к ним особенно важны, вследствие перспективного внедрения в жизнь российского общества электронных носителей личностной информации (электронных паспортов, удостоверений личности, социальных карт и т. д.) и создания в этой связи соответствующих регистрационных информационных порталов и соответствующих баз данных [3, с. 243–250].

Так, в соответствии со вступившим в силу с 4 января 2013 г. Указом Президента РФ от 29 декабря 2012 г. № 1709 «О паспорте гражданина Российской Федерации, удостоверяющем личность гражданина Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации, содержащем на электронном носителе информации дополнительные биометрические персональные данные его владельца» разрешено вмонтировать пластиковую страницу с «микрочипом», на котором имеются дополнительные биометрические персональные данные его владельца (изображение папиллярных узоров двух пальцев рук). В паспорте предусмотрено использование технологий ЭЦП с применением для идентификации владельца паспорта технологий открытого и закрытого ключа, которые должны обеспечить эффективное производство идентификации личности при пересечении государственной границы, где наряду с наличием электронного паспорта будет необходимо применение пограничной службой закрытого ключа. 19 сентября 2013 г. на заседании Правительственной комиссии по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов руководитель ФМС Константин Ромодановский доложил о планируемой полной замене бумажных паспортов до 2025 г. Заметим, что введение «электронного паспорта», по мнению его разработчиков, позволит увеличить степень надежности и безошибочность идентификации личности, существенно сократить время при пересечении границы. Считается, что изготовить подобный поддельный документ в обозримом будущем будет практически невозможно, в том числе и вследствие применения нано-технологий, современных способов шифрования и ЭЦП [9].

Подводя итог сказанному следует отметить, что только интегративный подход использования дактилоскопической информации в общей системе криминалистической регистрации, содержащей криминалистические, статистические и другие составляющие, позволит провести всесторонний анализ преступного деяния, изобличить виновных лиц, установить причины и условия совершения преступления и тем самым повысить эффективность следствия.

Список источников

1. Беляев М. В., Гусева М. А. Использование информационных технологий в учетно-регистрационной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы : международный опыт, проблемы, перспективы : сборник научных трудов I Международного форума (7–8 июня 2017 г.) : научное электронное издание (90,4 МБ). М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017.
2. Васильев А. А., Дёмин К. Е. Криминалистические аспекты получения доказательственной

информации с электронных носителей данных // Публичное и частное право. 2011. № 3 (11).

3. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2008.

4. Дёмин К. Е. Криминалистическая регистрация, как один из элементов информационного обеспечения раскрытия и расследования заказных убийств : сборник. Вып. 2. М. : Московский университет МВД России, 2005.

5. Криминалистическая техника : учебник / под ред. К. Е. Дёмина. М. : Юридический институт МИИТ, 2017.

6. Суденко В. Е. Криминалистика. Пятигорск, 2008.

7. Хмыз А. И. Инициативные экспертно-криминалистические учеты как источники получения оперативно-розыскной информации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 12.

8. Яковлева А. С. Современное состояние информационного обеспечения дактилоскопии, способствующее эффективному раскрытию и расследованию преступлений // «Вестник Московского университета» № 3 (43).

9. <http://www.yfms-passport.ru>

References

1. Belyaev M. V., Guseva M. A. Use of information technologies in accounting and registration activities //

Theory and practice of forensic expertise : international experience, problems, prospects : collection of scientific works of the I International forum (7–8 June 2017) : scientific electronic publication (90.4 MB). М. : Moscow University of the MIA of Russia named after V. J. Kikot, 2017.

2. Vasiliev A. A., Demin K. E. Criminalistic aspects of obtaining evidentiary information from electronic data carriers // Public and private law. 2011. № 3 (11).

3. Vekhov V. B. Fundamentals of criminalistic teaching about the study and use of computer information and its processing tools : monograph. Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2008.

4. Demin K. E. Criminalistic registration as one of the elements of information support for disclosure and investigation of contract murders : collection. Issue 2. М. : Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2005.

5. Criminalistic technique: textbook / ed. by K. E. Demin. М. : Law Institute of МИИТ, 2017.

6. Sudenko V. E. Forensics. Pyatigorsk, 2008.

7. Hmiz A. I. Initiative expert and forensic accounting as sources of obtaining operational and investigative information // Historical, philosophical, political and legal Sciences, cultural studies and art studies. Questions of theory and practice. Tambov : Gramota, 2015. № 12.

8. Yakovleva A. S. Modern state of information support for fingerprinting, contributing to effective disclosure and investigation of crimes // Bulletin of the Moscow University. № 3 (43).

9. <http://www.yfms-passport.ru>

Информация об авторах

К. Е. Дёмин – доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета Транспорта (МИИТ), доцент кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

Р. С. Потокин – эксперт отдела дактилоскопических экспертиз и учетов Экспертно-криминалистического центра МВД России.

Information about the authors

K. E. Demin – Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT), Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

R. S. Potokin – Expert of the Department of Fingerprint examinations and records of the Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2021; одобрена после рецензирования 25.01.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 29.05.2021; approved after reviewing 25.01.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-63-67>

НИОН: 2015-0066-1/22-211

MOSURED: 77/27-011-2022-01-410

Коррупция в Российской Федерации как глобальная проблема государственно-властной системы

Наваи Камирович Джафаров¹, Анаид Эдуардовна Багдасарова²

^{1,2} Московский Авиационный Институт (МАИ) Национальный Исследовательский Институт,
Москва, Россия

¹ dnkrus@mail.ru

² banaid@yandex.ru

Аннотация. Предмет исследования в настоящей статье составляет феномен коррупции как угрозы экономической, национальной и финансовой безопасности РФ. Представлен анализ содержания понятия коррупции, ее форм выражения в государственно-властных структурах; рассмотрено современное состояние коррупционных проявлений в Российской Федерации. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования и конкретики законодательных актов, направленных на борьбу с коррупцией в части терминологического аппарата, мер борьбы и противодействия. Определяя основополагающие векторы модернизации действующего законодательства в области исследуемой проблематики в рамках национального права, авторы делают упор на изучение статистических данных, доктринальные взгляды на исследуемое явление; предлагают собственное видение решения выявленных проблем.

Ключевые слова: коррупция, феномен коррупции, государство, власть, противодействие коррупции, анти-коррупционное законодательство

Для цитирования: Джафаров Н. К., Багдасарова А. Э. Коррупция в Российской Федерации как глобальная проблема государственно-властной системы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 63–67. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-63-67>.

Original article

Corruption in the Russian Federation as a global problem of the state-power system

Navai K. Dzhafarov¹, Anaid E. Bagdasarova²

^{1,2} Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

¹ dnkrus@mail.ru

² banaid@yandex.ru

Abstract. The subject of research in this article is the phenomenon of corruption as a threat to the economic, national and financial security of the Russian Federation. The article presents an analysis of the content of the concept of corruption, its forms, and the current state of corruption manifestations in the Russian Federation. The conclusion that it is necessary to improve and specify legislative acts aimed at combating corruption in terms of terminology, measures to combat and counteract is substantiated. Defining the fundamental vectors of modernization of the current legislation in the field of the studied issues within the framework of national law, the authors focus on the study of statistical data, doctrinal views on the phenomenon under study; offer their own vision of solving the identified problems.

Keywords: corruption, corruption phenomenon, state, government, anti-corruption, anti-corruption legislation

For citation: Dzhafarov N. K., Bagdasarova A. E. Corruption in the Russian Federation as a global problem of the state-power system. Bulletin of economic security. 2022;(1):63–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-63-67>.

© Джафаров Н. К., Багдасарова А. Э., 2022

Проблема коррупции – тема особо актуальная для России, так как данное социально-правовое явление дестабилизирует обстановку как по РФ в целом, так и в ее отдельных субъектах, вызывая огромные экономические потери, а также нарушая эффективную работу различных государственно-властных структур, требуя от государства решительных мер противодействия.

В разделе II. пункта 12 части 18 Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. [4] в качестве основной угрозы суверенитету и экономической безопасности РФ назван достаточно высокий на сегодняшний день уровень коррупции в стране, а основной задачей (раздел III. пункта 16 части 15) – борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой.

Общероссийский показатель зарегистрированных коррупционных преступлений за последние три года остается практически стабильным от 30,5 до 31 тыс. (2018 г. – 30 495, 2019 г. – 30 991, 2020 г. – 30 813).

Однако, за семь месяцев 2021 года согласно официально опубликованным данным сайта Генпрокуратуры РФ было зафиксировано 24,5 тысячи коррупционных преступлений [6], что представляет собой абсолютный рекорд за последние восемь лет. Вместе с тем такие статистические данные существенно разнятся с реальным количеством совершенных преступлений. Так, по словам экспертов почти 95 % преступлений, тем либо иным образом связанных с коррупцией, являются латентными [5].

Являясь высоко латентными, данный преступный сегмент оказывает негативное влияние на весь государственный аппарат в целом, пронзая практически весь комплекс взаимоотношений населения с государственными структурами, причиняя вред либо создавая угрозу его причинения и иным общественным отношениям (общественной безопасности, собственности и др.). Тем самым представляя повышенную общественную опасность.

По утверждению специалистов, исследующих данный негативный феномен современности, наиболее коррумпированными областями являются: бюрократический аппарат, правоохранительные и судебные органы, органы ГИБДД, налоговые службы [15].

Законодателем понятие «коррупции» сформулировано в ч. «а» п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. [3] путем технического перечисления деяний, имеющих коррупционный характер. Это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки

законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами».

В современной доктрине права отсутствует единство взглядов на определение термина «коррупция». Для уяснения сущностного значения данной категории обратимся к воззрениям авторитетных исследователей.

Аккумулировав точки зрения ученых последних лет на проблему понятийной нагрузки, можно прийти к выводу, что в науке коррупция рассматривается в нескольких значениях:

- как социально-правовое явление широкого масштаба [11];
- в качестве системы противоправных посягательств уголовно-правового характера [12];
- как особая совокупность противоправных деяний, имеющих гражданско-правовой, административный, служебный, уголовно-правовой характер [8].

В свою очередь, авторы сходятся во мнении, что само понятие коррупции объединяет в себе следующие группы преступных посягательств:

- деяния коррупционной направленности, которые следует признать основными;
- сопутствующие деяниям коррупционной направленности;
- так называемые «околокоррупционные» преступления.

Представляются достаточно интересными суждения авторов об обособлении в рамках действующего УК РФ отдельной главы с названием «Преступления коррупционной направленности» [7].

Вместе с тем законодатель пошел по иному пути. Полагаем, такой подход связан, прежде всего, с самой сущностью исследуемого социально-правового явления коррупции, находящего проявление в различных сферах жизнедеятельности (скажем, образования) и государственного (муниципального) управления; каждая из которых имеет свой особый объект преступного посягательства.

В данном вопросе мы поддерживаем позицию авторов считающих, что «набор отдельных случаев коррупционного поведения, типологизированных в двух группах (первая содержит закрытый перечень уголовно-правовых деяний, вторая – неконкретизированный объем коррупционных деликтов) делает термин «коррупция» расплывчатым, противоречащим дефинитивным правилам законодательной техники» [13; 9].

Кроме того, на наш взгляд, не совсем верным, при формировании дефиниции «коррупция», исходить из теоретических воззрений только лишь в области уголовного права, несмотря на то, что такой термин

широко используется в различных областях научных знаний.

Полагаем, что коррупция – это осознанный взаимный двусторонний акт, подразумевающий использование государственно-властными органами, их должностными лицами, а также представителями управленческого персонала коммерческих и некоммерческих организаций и иными лицами своего служебного положения или определенного статуса, с одной стороны, и физических или юридических лиц, обратившихся для удовлетворения своих интересов к таким субъектам, с другой, имеющий целью незаконное извлечение выгод имущественного либо неимущественного характера, противоречащий законным интересам как всего общества и государства, так и отдельных субъектов права.

Данное определение вполне может претендовать на вхождение в научный оборот, поскольку в нем наиболее полно отражены все характерные признаки исследуемого негативного социально-правового явления.

Вместе с тем не только сама легальная дефиниция «коррупции», но и ныне предусмотренные меры по борьбе с ней нуждаются в дальнейшем реформировании, что предопределено их очевидной неэффективностью.

Действующее законодательство в своем сегодняшнем виде оказалось не способным должным образом защитить всю сферу общественных отношений жизнедеятельности общества и государства, выступающими объектами посягательств в исследуемой сфере, в целом нуждается в совершенствовании, требуя, в том числе и научных разработок.

В п. 2. ст. 1 273-ФЗ [3] противодействие коррупции определено как деятельность федеральных и региональных органов власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц по трем направлениям:

- профилактика коррупции,
- борьба с коррупцией,
- и минимизация и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Однако российский законодатель не выработал единый кодифицированный нормативный акт федерального уровня, содержащий единый перечень мер противодействия коррупции, а также определяющий их существенное содержание.

Само же понятие «меры противодействия коррупции» представляет собой простую их классификацию. Находит свое развитие в научных изысканиях, в частности в трудах Ф. Г. Кулуевой [10], Е. С. Червонной, К. А. Тишкова [14] и др.

Технико-юридический анализ научных публикаций и законодательных актов в области противодействия коррупции позволяет обозначить следующие

юридически значимые выводы и практические предложения:

– всю систему мер по борьбе с коррупционными проявлениями следует подразделить на две группы, а именно: уголовно-правовые и административно-правовые;

– административно-правовыми мерами противодействия коррупции следует считать предусмотренную на законодательном уровне совокупность элементов воздействия на общественные отношения, складывающиеся в сфере государственного и муниципального управления, имеющие своей целью профилактику и борьбу с коррупционными проявлениями, ликвидацию и минимизацию таких последствий.

Среди таких мер предлагаем выделить: антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов; планирование антикоррупционной стратегии; антикоррупционный мониторинг; антикоррупционную пропаганду и просвещение; антикоррупционные ограничения, запреты и обязанности; антикоррупционные требования к служебному поведению.

Кроме того, нам представляется целесообразным, используя положительный опыт зарубежных стран в исследуемом контексте, реформировать систему государственных органов по борьбе с коррупцией, внести следующие дополнения в антикоррупционное законодательство РФ:

– учредить единую федеральную систему государственных органов по борьбе с коррупцией путем создания специализированного суда антикоррупционной направленности; уполномоченного по противодействию коррупции;

– разработать и принять ФЗ «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов».

Таким образом, приходим к выводу о том, что обеспечение коррупционной безопасности, в том числе посредством усовершенствования действующего законодательства соответственно, – одна из приоритетных задач современного правового государства, коим является РФ; вместе с тем, такая задача должна разрешаться комплексно, т. е. включать в себя усовершенствование и прозрачность деятельности органов государственной власти, а также повышение уровня правосознания граждан путем воспитания в них нетерпимости к любым проявлениям коррупционных действий.

Список источников

1. Конституция РФ 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ, от 05 февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ, с изменениями,

одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 24.11.2021).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2021).

3. О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.05.2021) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.11.2021).

4. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 24.11.2021).

5. Аналитическая справка «О работе в сфере профилактики коррупционных проявлений. Гласность в деятельности органов прокуратуры Российской Федерации». Доклады, отчеты, статистическая информация Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_cfo/activity/combating-corruption/library/methodic/review (дата обращения: 24.11.2021).

6. Правовая статистика. Сайт Генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 24.11.2021).

7. Бесчастнова О. В., Мухамбетов Р. М. Уголовно-правовая сущность коррупционного преступления // Научные вести. 2018. № 5. С. 37–43.

8. Вашкевичус В. В. Сущность коррупции и методы борьбы с коррупцией в России // Студенческий вестник. 2020. № 27–1 (125). С. 45–46.

9. Койнова Е. С. Коррупция как угроза экономической безопасности : оценка восприятия коррупции и пути совершенствования антикоррупционного законодательства // Россия и регионы мира : воплощение идей и экономика возможностей. Материалы XI Евразийского экономического форума молодежи. В 3-х томах. Екатеринбург, 2021. С. 241–243.

10. Кулуева Ф. Г. Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1 (65). С. 71–75.

11. Логунова Ю. В. Понятия «коррупция» и «административно-правовые меры противодействия коррупции» в российской правовой доктрине и законодательстве // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. 2021. № 8. С. 120–125.

12. Мырзалиев М. Б., Султаналиева А. К. Понятие коррупции и факторы ее проявления // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2021. Т. 21. № 7. С. 100–104.

13. Тархова Я. Р. Понятие коррупции и противодействия коррупции // Аллея науки. 2020. Т. 2. № 12 (51). С. 477–480.

14. Червоная Е. С., Тишков К. А. Развитие концепции противодействия коррупции в РФ (по результатам сравнительного анализа национальных планов противодействия коррупции в РФ) // МНСК-2019. Государство и право. Материалы 57-й Международной научной студенческой конференции. 2019. С. 54–55.

15. Шарапова И. Д. Современное состояние и перспективы развития экспертной профилактики при противодействии коррупции // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 2. С. 235–238.

References

1. The Constitution of the Russian Federation on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, № 7-FKZ of December 30, 2008, № 2-FKZ of February 05, 2014, № 11-FKZ of July 21, 2014, with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 24.11.2021).

2. The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 01.07.2021) (with amendments and additions, effective from 22.08.2021) // [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 24.11.2021).

3. On combating corruption : Federal Law № 273-FZ of 25.12.2008 (ed. of 26.05.2021) // [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 24.11.2021).

4. On the Strategy of Economic security of the Russian Federation for the period up to 2030 : Decree of the President of the Russian Federation dated 13.05.2017 № 208 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: 24.11.2021).

5. Analytical report «On the state of work on the detection of corruption crimes, investigation and prosecutor's supervision of criminal procedural activities of law enforcement agencies in the fight against corruption for 2020». Access mode: <http://genproc.gov.ru/anticor/> (accessed: 24.11.2021).

6. Legal statistics. Website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation [Electronic resource]. Access mode: <http://www.genproc.gov.ru> (accessed: 24.11.2021).

7. Beschastnova O. V., Mukhambetov R. M. Criminal-legal essence of corruption crime // Scientific news. 2018. № 5. P. 37–43.

8. Vashkevichus V. V. The essence of corruption and methods of combating corruption in Russia // Student Bulletin. 2020. № 27–1 (125). P. 45–46.

9. Koynova E. S. Corruption as a threat to economic security : assessment of corruption perception and ways to improve anti-corruption legislation // Russia and the regions of the world : the embodiment of ideas and the economy of opportunities. Materials of the XI Eurasian Economic Youth Forum. In 3 volumes. Yekaterinburg, 2021. P. 241–243.

10. Kulueva F. G. The national strategy for combating corruption and the national plan for combating corruption // Science, technology and education. 2020. № 1 (65). P. 71–75.

11. Logunova Yu. V. The concepts of «corruption» and «administrative and legal measures to combat corruption» in the Russian legal doctrine and legislation // Modern Science : actual problems of theory and practice. Series : Economics and Law. 2021. № 8. P. 120–125.

12. Myrzaliev M. B., Sultanalieva A. K. The concept of corruption and the factors of its manifestation // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2021. Vol. 21. № 7. P. 100–104.

13. Tarkhova Ya. R. The concept of corruption and anti-corruption // Alley of Science. 2020. Vol. 2. № 12 (51). P. 477–480.

14. Chervonnaya E. S., Tishkov K. A. Development of the concept of anti-corruption in the Russian Federation (based on the results of a comparative analysis of national anti-corruption plans in the Russian Federation) // MNSK-2019. State and law. Materials of the 57th International Scientific Student Conference. 2019. P. 54–55.

15. Sharapova I. D. The current state and prospects for the development of expert prevention in countering corruption // Gaps in Russian legislation. 2021. Vol. 14. № 2. P. 235–238.

Информация об авторах

Н. К. Джафаров – старший преподаватель кафедры «Государственное управление и социальные технологии» Московского Авиационного Института (МАИ) Национальный Исследовательский Институт;

А. Э. Багдасарова – доцент кафедры «Государственное управление и социальные технологии» Московского Авиационного Института (МАИ) Национальный Исследовательский Институт, кандидат юридических наук.

Information about the authors

N. K. Dzhafarov – Senior Lecturer of the Department of public administration and social technologies of the Moscow Aviation Institute (National Research University);

A. E. Bagdasarova – Associate Professor of the Department of public administration and social technologies of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-68-71>

НИОН: 2015-0066-1/22-212

MOSURED: 77/27-011-2022-01-411

Дисциплинарная ответственность сотрудников советской милиции в 20–30 годах XX века

Владимир Вячеславович Журавлев

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, Россия,
vz15111982@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов развития дисциплинарных правоотношений в органах внутренних дел в 20–30 годах XX века. В работе анализируются дисциплинарные уставы, регламентировавшие трудовые и служебные отношения в системе советской милиции в указанный период. В целях изучения становления дисциплинарного права в системе органов внутренних дел сопоставляются материальные и процессуальные нормы, регламентировавшие стадии и порядок производства по делам о дисциплинарных проступках, содержащиеся в дисциплинарных уставах, утвержденных в 1923, 1926 и 1931 годах.

Ключевые слова: дисциплина, милиция, принуждение, трудовые отношения, государственная служба, дисциплинарный устав

Для цитирования: Журавлев В. В. Дисциплинарная ответственность сотрудников советской милиции в 20–30 годах XX века // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 68–71. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-68-71>.

Original article

Disciplinary responsibility of Soviet police officers in the 20–30s of the twentieth century

Vladimir V. Zhuravlev

Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',
Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the development of disciplinary legal relations in the internal affairs bodies in the 20–30 years of the twentieth century. The paper analyzes the disciplinary statutes that regulated labor and service relations in the Soviet police system during the specified period. In order to study the formation of disciplinary law in the system of internal affairs bodies, the material and procedural norms regulating the stages and procedure of proceedings in cases of disciplinary offenses contained in the disciplinary statutes approved in 1923, 1926 and 1931 are compared.

Keywords: discipline, police, coercion, labor relations, public service, disciplinary statute

For citation: Zhuravlev V. V. Disciplinary responsibility of Soviet police officers in the 20–30s of the twentieth century. Bulletin of economic security. 2022;(1):68–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-68-71>.

Начало 1921 года было ознаменовано необходимостью проведения глубоких рыночных реформ, призванных решить остро стоящие перед руководством РСФСР вопросы стабилизации основных макроэкономических показателей в финансовой сфере и формирования сбалансированного государственного бюджета. На X съезде РКП (б) принимается решение о начале проведения новой экономической политики, пришедшей на смену политике «военного коммунизма». Ее реализация потребовала от органов государ-

ственной власти переработки существующих нормативно-правовых актов, регулирующих, в том числе, трудовые и дисциплинарные отношения. Подчеркивая важность укрепления дисциплины, В. И. Ленин писал, что она является тем важнейшим фактором, который позволит вывести экономику Советского государства из глубочайшего кризиса и разрухи [2, с. 5]. В этой связи неудивительно, что вопрос поддержания служебной дисциплины в органах правопорядка вновь стал как никогда актуальным. Как отмечает

Н. П. Маюров, занимавшийся исследованием истории советской милиции, состояние дисциплины в рассматриваемый исторический период являлось неудовлетворительным. В начале 1922 года после ряда проверок, проведенных органами ВЧК, были выявлены многочисленные факты нарушения служебной дисциплины и законности в деятельности подразделений милиции: халатное отношение к выполнению служебных обязанностей, необоснованное применение насилия к гражданам, взяточничество, вымогательство, пьянство и прогулы [3, с. 24]. Все это, безусловно, не способствовало повышению уровня общественного доверия и поддержки граждан к советской милиции, что, в свою очередь, потребовало принятия неотложных мер по укреплению служебной дисциплины среди личного состава органов внутренних дел.

16 августа 1923 года утверждается новый Дисциплинарный устав Рабоче-Крестьянской Красной милиции (далее – ДУ РККМ). В отличие от предшествующей редакции ДУ РККМ вновь пронизан идеологической составляющей, которая предписывала каждому сотруднику милиции развивать в себе воинский дух и революционную честь. Воинский дух предполагал проявление сотрудником органов внутренних дел мужества, храбрости, самоотверженности, безропотного перенесения всех тягот и невзгод службы, то есть воспитание в себе качеств, которые в настоящее время предусмотрены Присягой. Введение понятия революционной чести фактически стало прообразом для последующего закрепления и ныне существующих принципов деятельности правоохранительных органов: соблюдение и уважение прав и свобод граждан, бережное отношение к государственному имуществу, повышения доверия граждан через ведение достойного образа жизни на службе и в быту и др. [1, с. 21–22]. ДУ РККМ, будучи нормативно-правовым актом, направленным на повышение служебной дисциплины, довольно подробно излагал отдельные и наиболее часто встречаемые в практической деятельности элементы служебных правоотношений: исполнение приказов, виды, порядок наложения и обжалования дисциплинарных взысканий. Вопросам исполнения приказа начальника дисциплинарный устав уделяет особое внимание, детально описывая порядок действий, как должностного лица, отдающего его, так и исполняющего. Важность исполнения приказов руководителей в боевой обстановке подчеркивается особенно, предусматривая право начальника использовать крайнюю меру дисциплинарного принуждения в виде применения оружия. Рассматривая вопросы дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, ДУ РККМ впервые закрепляет понятие дисциплинарного проступка, как «нарушение установленных законом и уставами обязанностей и правил поведения

или недобросовестное, невнимательное и небрежное отношение к службе, не заключающее в себе признаков состава уголовно-наказуемого деяния» [1, с. 23]. В сравнении с дисциплинарным уставом 1919 года виды взысканий, закрепленных в ДУ РККМ, претерпели достаточно существенные изменения. Из числа возможных наказаний были исключены: наряд вне очереди и увольнение из рядов рабочей милиции, а также возможность применения такой меры дисциплинарного принуждения, как занесение в «черный список». Одновременно перечень взысканий был дополнен наказанием, предусматривающим наложение запрета на покидание казарменного помещения на период до двух недель (для сотрудников милиции, обязанных проживать в казармах), ограничение права на повышение по службе или получение поощрений и наград на срок от четырех до восьми месяцев. Кроме этого, максимальный срок дисциплинарного ареста был увеличен с десяти до тридцати суток.

При принятии решения о применении конкретного вида наказания и его размера начальнику, налагающему взыскание, следовало всесторонне и объективно изучать обстоятельства происшествия, в том числе смягчающие и отягчающие ответственность, устанавливая: степень вины, поведение, предшествующее проступку, степень обученности и общего развития сотрудника милиции, продолжительность его службы и состояние здоровья, в особенности в момент совершения деяния, послужившего основанием для возбуждения дисциплинарного производства.

Одним из факторов риска, влияющих на состояние служебной дисциплины, являлось пьянство среди сотрудников милиции. В этой связи, особое внимание в ДУ РККМ уделялось профилактике злоупотреблений личным составом напитков и веществ, вызывающих опьянение. Так, за появление в состоянии опьянения в общественном месте сотрудник милиции подвергался дисциплинарному аресту на срок тридцать дней или понижению в должности. Нахождение на службе в состоянии опьянения считалось уголовным преступлением, ответственность за которое была предусмотрена статьей 109 Уголовного Кодекса.

Довольно важным положением, впервые закрепленным в ДУ РККМ, следует признать нормативное определение срока давности привлечения сотрудника милиции к дисциплинарной ответственности, который составлял три месяца с момента совершения деяния или тот же срок в случаях невозможности приведения взыскания к исполнению. Следует признать, что осознавая важность поддержания служебной дисциплины, ДУ РККМ подчеркивал необходимость соблюдения прав сотрудников милиции в части защиты от необоснованного привлечения к юридической ответственности, что выразилось в нормативном закреплении одного из самых объемных его разделов,

посвященного организационно-правовым основам рассмотрения жалоб. Из наиболее важных, по нашему мнению, положений выделим следующие: во-первых, сотруднику милиции запрещалось подавать жалобы на строгость наказания, за исключением случаев явного превышения начальником своей власти; во-вторых, дисциплинарный устав закрепил четкую регламентацию сроков обжалования взыскания (не позднее пяти дней) и основания для восстановления этого срока при наличии уважительных причин; в-третьих, закреплены формы подачи жалоб (устные и письменные), обязательность их учета и регистрации, а также недопустимость рассмотрения анонимных обращений; в-четвертых, нашел свое отражение принцип оперативности дисциплинарного производства, который выражался в максимально коротких сроках рассмотрения жалобы (не позднее трех дней, а в исключительных случаях не более четырнадцати дней); в-пятых, подтверждением важности поддержания служебной дисциплины и законности среди личного состава рабочей милиции могут служить нормы, предусматривающие уголовную ответственность лица, в случае изложения в жалобе заведомо ложных обстоятельств, и ответственность (дисциплинарную или уголовную) руководителя, допустившего необоснованное нарушение закона или прав подчиненного [1, с. 26–27].

7 июля 1926 г. НКВД утверждается новый Дисциплинарный Устав Рабоче-Крестьянской милиции (далее – ДУ РКМ). Его содержание в целом соответствовало предшествующей редакции, однако имелись и определенные различия. Так, впервые закрепляется действие ДУ РКМ по кругу лиц, в число которых входили строевые подразделения милиции, сотрудники подразделений уголовного розыска и административно-хозяйственного состава. Кроме того, из внутренней структуры был изъят раздел «О мерах поощрения». В части, касающейся дисциплинарного производства, доработке были подвергнуты ряд материальных и процессуальных норм: во-первых, прекратил свое действие такой вид наказания как запрет покидания казарменного помещения, а минимальный срок лишения права на повышение по службе и получение поощрений снизился с четырех до двух месяцев; во-вторых, подверглась коррекции норма, предусматривающая ответственность за нахождение сотрудника милиции в состоянии опьянения в общественном месте во внеслужебное время, предусмотрев наличие состава дисциплинарного проступка только при нахождении в форменном обмундировании; в-третьих, статьи раздела «О жалобах» подверглись уточнению в части увеличения срока подачи жалобы на неправомерные действия должностного лица с пяти до семи дней, снизился максимальный срок рассмотрения особо сложных обращений с четырнадцати до семи дней.

Летом 1930 года Советом народных комиссаров РСФСР был заслушен развернутый доклад НКВД «О состоянии и работе Рабоче-Крестьянской милиции и уголовного розыска», в котором общая оценка работы подразделений милиции признавалась «удовлетворительной». В том же докладе уровень дисциплины в органах внутренних дел был отмечен как «неудовлетворительный» [3, с. 27]. Вопрос необходимости принятия кардинальных мер, направленных на нравственное воспитание личного состава подразделений милиции, вновь стал как никогда актуальными. Спустя год, приказом Главного управления Рабоче-крестьянской милиции при Совете Народных Комиссаров РСФСР от 22 июля 1931 года № 40 утверждается новый Дисциплинарный устав. Его переработка, стала очередным шагом к упорядочиванию дисциплинарных правоотношений в органах внутренних дел. ДУ РКМ впервые закрепляет понятие дисциплины, под которым понимается сознательное и точное соблюдение установленного законами и уставами порядка, и беспрекословное исполнение приказов и распоряжений начальников. Следует отметить, что ДУ РКМ не только остался источником агитационной работы, но и продолжил развитие идеологической составляющей, лежащей в основе дисциплины, увязав необходимость ее повышения классово-борьбой, построением социализма в стране и преданностью пролетарскому государству [1, с. 39]. Из новелл, введенных рассматриваемой версией ДУ РКМ, отметим появление понятия коллективного совершения дисциплинарного проступка или выступления, а также подстрекательство к ним, которые признаются наиболее опасными видами нарушения служебной дисциплины и рассматриваются, как правило, судом. Важной видится и первая попытка нормативного закрепления необходимости повышения уровня поддержки и доверия к милиции со стороны советских граждан, которая выразилась в недопустимости совершения действий, дискредитирующих или подрывающих авторитет органов внутренних дел в глазах трудящихся. Следующей вехой в развитии можно считать закрепление не только видов дисциплинарных взысканий, но и широкого перечня поощрений, большинство из которых активно используются и в настоящее время: объявление благодарности, вручение грамот, денежных наград, ценного подарка, оружия, орденов. Возвращаясь к видам дисциплинарных взысканий отметим, что они вновь подверглись переработке и стали напоминать существующую систему мер, реализуемую в том числе и в образовательных учреждениях: замечание, выговор, строгий выговор, запрет на покидание расположения части на срок до одного месяца, назначение в наряд вне очереди, арест на срок до 20 суток, понижение в должности, увольнение. Применение дисциплинарных взысканий теперь более конкретизировано. Так, ДУ РКМ четко регламентирует, что за

совершение одного проступка может быть наложено одно наказание, как и в случаях, когда одно деяние содержит признаки нескольких дисциплинарных правонарушений. В случаях, когда сотрудник милиции, признанный виновным, заболел, исполнение взыскания приостанавливалось до его выздоровления. Важной видится норма, которая ввела требование о наложении дисциплинарных взысканий только в письменной форме путем издания приказа, который в обязательном порядке доводится до сведения сотрудника милиции.

Раздел, регламентирующий порядок подачи жалоб лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности не претерпел существенных изменений. Возможно отметить некоторую коррекцию отдельных норм: во-первых, вновь был разрешен устный порядок подачи жалоб, но только при инспекторском опросе, во-вторых, изменился сроки подачи жалоб (с семи до пяти дней) и проведения служебного расследования (с трех до пяти дней). Важным дополнением ДУ РКМ стало введение нового раздела, регламентирующего порядок учета мер дисциплинарного воздействия. В соответствии с содержащимися там нормами учет поощрений и дисциплинарных взысканий является обязательным элементом кадровой работы с личным составом рабочей милиции. В соответствии с ДУ РКМ на каждого сотрудника заводилась дисциплинарная карточка, куда вносились сведения о мерах дисциплинарного воздействия, которая подлежала направлению вместе с личным делом сотрудника при его переводе или хранению в архиве при увольнении из органов внутренних дел [1, с. 39]. И, наконец, впервые начинает реализовываться принцип единообразия в дисциплинарном производстве, который нашел свое выражение в унификации служебных документов: журнала жалоб и дисциплинарной карточки.

Таким образом, оценивая работу по укреплению служебной дисциплины и законности в подразделениях рабоче-крестьянской милиции в 20–30 годах XX века можно сделать следующие выводы:

1. Низкий уровень служебной дисциплины среди сотрудников органов внутренних в рассматриваемый период являлся одной из наиболее существенных проблем, на которую руководство РСФСР обращало

пристальное внимание. Следствием этого явилось частое обновление источников дисциплинарного права, как попытка выработать действенный механизм противодействия дисциплинарным проступкам.

2. Дисциплинарные уставы того времени имеют ярко выраженную идеологическую основу, предписывающую каждому сотруднику милиции развивать в себе воинский дух и революционную честь, как необходимый элемент в классовой борьбе.

3. Делаются первые попытки осмысления в дисциплинарном праве отдельных формулировок, формируются понятия дисциплины и дисциплинарного проступка, закрепляется множество процессуальных норм, регламентирующих этапы дисциплинарного производства, порядок учета наложенных наказаний.

4. В попытках выработать действующий механизм дисциплинарного принуждения виды и размеры дисциплинарных взысканий подвергаются частым корректировкам, принимаются первые попытки по реализации мер, направленных на повышение уровня доверия и поддержки деятельности милиции среди советских граждан.

Список источников

1. Дисциплинарные уставы органов внутренних дел : хрестоматия / авт.-сост. Я. Л. Ванюшин. Тюмень : Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2020. 134 с.

2. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. 741 с.

3. Маюров Н. П. Дисциплинарные правоотношения в советской милиции (1917–1991 гг.) : Историко-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : СПб., 2005. 48 с.

References

1. Disciplinary charters of internal affairs bodies : textbook / author-comp. Ya. L. Vanyushin. Tyumen : Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 134 p.

2. Lenin V. I. The next tasks of the Soviet power // Full. sobr. Soch . Vol. 36. 741 p.

3. Mayurov N. P. Disciplinary legal relations in the Soviet militia (1917–1991) : Historical and legal research : abstract of the dissertation of Dr. legal sciences : SPb., 2005. 48 p.

Информация об авторе

В. В. Журавлев – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

V. V. Zhuravlev – Senior Lecturer of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Rязan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 09.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 09.03.2022.

Научная статья

УДК 343.353

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-72-76>

НИОН: 2015-0066-1/22-213

MOSURED: 77/27-011-2022-01-412

Особенности применения наказания к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 292.1 УК РФ

Александра Михайловна Зарина¹, Татьяна Сергеевна Мороз²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

² Международная полицейская академия ВПА, Тула, Россия, tat.moroz2009@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы квалификации и применения наказания к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 292.1 УК РФ. Отмечается необходимость ужесточения уголовно-правовых санкций в данной сфере посредством включения в ч. 2 ст. 292.1 УК РФ такой меры наказания как лишение свободы. Судебным органам важно более внимательно и беспринципно относиться к привлечению к ответственности и соблюдать в данном случае принцип неотвратимости наказания относительно таких субъектов как должностные лица, имеющие статус высокопоставленных должностных лиц.

Ключевые слова: незаконное приобретение гражданства, паспорт, официальный документооборот, лишение свободы

Для цитирования: Зарина А. М., Мороз Т. С. Особенности применения наказания к лицам, совершившим преступление, предусмотренное ст. 292.1 УК РФ // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 72–76. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-72-76>.

Original article

Features of the application of punishment to persons who have committed a crime provided for by Article 292.1 of the Criminal Code of the Russian Federation

Alexandra M. Zarina¹, Tatyana S. Moroz²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, sistersashenka86@yahoo.com

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

² WPA International Police Academy, Tula, Russia, tat.moroz2009@yandex.ru

Abstract. The problems of qualification and application of punishment to persons who have committed a crime under Article 292.1 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. The necessary to tighten criminal law sanctions in this area by inclusion in part 2 of Article 292.1 of the Criminal Code of the Russian Federation such a measure of punishment as imprisonment is noted. It is important for the judicial authorities to be more attentive and unscrupulous about bringing to justice and to observe in this case the principle of the inevitability of punishment with respect to such subjects as officials who have the status of high-ranking officials.

Keywords: illegal acquisition of citizenship, passport, official document, imprisonment

For citation: Zarina A. M., Moroz T. S. Features of the application of punishment to persons who have committed a crime provided for by Article 292.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(1):72–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-72-76>.

На современном этапе особую актуальность приобретают вопросы привлечения к ответственности лиц в сфере незаконной миграции. Согласно данным

судебной статистики по ст. 292.1 УК РФ¹ в 2020 г.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс».

© Зарина А. М., Мороз Т. С., 2022

осуждено 7 человек, в 2019 г. – 12, в 2018 г. – 8¹. Наблюдается определенная стабильность показателей, несмотря на то, что миграционные потоки в Российской Федерации имеют тенденцию увеличения. На наш взгляд, следует отметить латентность данного преступления, в связи с чем необходима детальная проработка не только практики применения данной статьи, но и вопросов реализации мер ответственности – наказания по ст. 292.1 УК РФ.

Учитывая изменения в современном экономическом, политическом и правовом пространстве ст. 292.1 УК РФ можно классифицировать как преступное деяние, которое нарушает правила официального документооборота в Российской Федерации. Также отдельно следует выделить ее коррупционный характер.

В настоящее время ведется активная политика по противодействию информационной преступности, среди отдельных составов необходимо обозначить состав преступления, предусмотренный ст. 292.1 УК РФ. В связи с чем рекомендуется ужесточение уголовно-правовых санкций в данной сфере, также необходимо более внимательно и беспринципно относиться к привлечению к ответственности и соблюдению в данном случае принципа неотвратимости наказания относительно таких субъектов как должностные лица, имеющие особый высокий статус.

В практической деятельности правоприменительные органы допускают такие «огрехи» как реализации санкций на свое усмотрение – по принципу выборки. Так, в случае если лицо находится на определенной должности, суд может по своему усмотрению допустить снижение применяемой к нему санкции. В отношении лиц, которые не обладают высокопоставленным должностным положением и не обладает отдельными должностными полномочиями, мы видим реализацию достаточно суровых мер наказания. Безусловно, принятие решения зависит не только от личности виновного, но и от наличия фактов по конкретному уголовному делу, подтверждающих те или иные обстоятельства.

Разъясняя и анализируя современную судебную практику, Председатель Центрального районного суда г. Тулы А. В. Пушкин указывает на парадокс, который заключается в том, что за особо тяжкое преступление санкция предусматривает наказание как за преступление небольшой тяжести. Такое положение справедливо объясняется ведением государства политики гуманизации отдельных уголовно-правовых норм. Интересным является то, что реализация принципа гуманизации должна быть направлена на субъектов, которые относятся к насильственному типу преступности, и совершают преступные деяния следующих категорий – небольшой и/или средней тяжести.

¹ Агентство правовой информации. Судебная статистика // <http://stat.апи-пресс.рф/>

На наш взгляд, следует отметить, что даже самый скрупулезный и индивидуальный подход к изучению личности осужденного, не дает, да и не может дать суду достаточных оснований для решения вопроса о возможности его исправления в условиях, не связанных с изоляцией от общества. Ведь исправление преступника, это, прежде всего, изменение его сознания, корректировка мотивации на правомерное поведение.

Справедливость наказания – категория универсальная, распространяемая как на виновное лицо, так и на потерпевшего и общество в целом [5, с. 27].

Интересным является пример из судебной практики. Гр. С. признал обвинение в том, что он совершил следующие преступные действия, а именно 10.05.2015 г. в 1 ч. 00 мин., находясь по адресу: г. Нерчинск, ул. Луговая д. 15, имея умысел на совершение тайного хищения – кражи, незаконно вскрыл дверь магазина и проник в помещение, изъяв оттуда следующую продукцию: гречневую крупу на сумму 60 руб., три пачки цикория на сумму 130 руб., соль поваренную на сумму 35 руб., булочку городскую на сумму 20 руб., чипсы и 2 бутылки коньяка на сумму 1 100 руб. Ущерб, причиненный указанным гражданином равен 1 345 руб.². Направленность преступного деяния реализована в корыстном умысле. Приговор гр. С. вызывает неоднозначную реакцию, так как меры, принятые к нарушителю, носят достаточно суровый характер. Гр. С. был осужден на 1 год и 8 месяцев лишения свободы, отбывание наказания определено в колонии общего режима. Однако, нельзя не отметить то, что хищение не носило оконченного характера, действия рассматривались как покушение на кражу. Также ущерб, нанесенный юридическому лицу, не был значительным.

Следующий пример является полной противоположностью выше приведенному приговору. Гр. Ж. осужден и признан виновным в преступлении, предусмотренном ст. 292.1 УК РФ, его действия заключались в незаконной выдаче паспортов граждан РФ³. Всего данным лицом совершено 45 преступных эпизодов, которые были реализованы в период времени с 5 мая 2013 г. по 1 июля 2013 г. Судебные органы

² Постановление Президиума Забайкальского краевого суда от 17.12.2015 г. № 44у-187/2015. Приговор: По п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу. Постановление: Приговор изменен частично, действия осужденного переквалифицированы на ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, наказание снижено, по совокупности приговоров назначено 2 года 1 месяц лишения свободы // Консультант плюс (документ опубликован не был).

³ Постановление Президиума Ростовского областного суда от 27.11.2014 г. № 44у-256. Приговор: По 46 эпизодам по ч. 1 ст. 292.1 УК РФ за незаконную выдачу паспорта гражданина РФ. Постановление: Приговор изменен, осужденному снижено за каждое из 46 совершенных преступлений дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности в подразделениях ФМС РФ // Справочная правовая система «Консультант плюс».

вынесли гр. Ж. наказание в виде лишения свободы на срок 1 год и 5 месяцев в колонии-поселении, также лишили права занятия определенных должностей в органах Федеральной миграционной службы на 2 года. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что районный суд применял к лицу дополнительное наказание – лишение права занятия определенных должностей в Федеральной миграционной службе на срок 2 года и 2 месяца, апелляционная инстанция опустила данный «порог» наказания на 2 месяца.

Фактически на лицо применение идентичных мер наказания, однако характер последствий в приведенных примерах разный. Вторая ситуация намного сложнее чем первая, о чем свидетельствует множественный эпизодичный характер преступлений, наличие специального субъекта – должностного лица. На сегодняшний день вызывает много вопросов правоприменительная практика судебной системы РФ относительно реализации отдельных мер наказания, и как следствие у граждан формируется отсутствие доверия не только к органам судебной власти, но и к правоохранительным органам в целом.

Следует согласиться с Л. А. Букаловой [2], считающей, что для преступлений в сфере экономической деятельности, в том числе с признаками коррупционной направленности, целесообразней будет назначить такое наказание как штраф. Обращаясь к должностным преступлениям, она указывает на продуктивность применения наказания – лишение права занятия отдельных должностей и реализации определенной деятельности. Именно такие меры наказания реализованы в санкции преступления, предусмотренного ст. 292.1 УК РФ. Как отмечает М. А. Белова [1] важно четко разграничивать ч. 1 и ч. 2 ст. 292.1 УК РФ, так как санкции разнятся, в первой части предусмотрено лишение свободы, во второй оно отсутствует. Законодатель справедливо учитывает в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ умышленный характер совершенного деяния, а также зачастую данное преступление применяется в совокупности с иными составами преступлений, предусмотренными УК РФ.

Факт вины должностных лиц не всегда легко доказать, зачастую он носит скрытый завуалированный характер. Так, документы, которые удостоверяют гражданство Российской Федерации, могут быть составлены с нарушениями законодательно определенного порядка, но процесс доказывания носит сложный или безрезультатный характер, в связи с чем, представляется затруднительным возбуждение уголовного дела по рассматриваемой статье.

Исходя из положений статьи 292.1 УК РФ, а конкретно ее названия, которое включает в себя следующие словосочетание «внесение заведомо ложных сведений в документы», можно говорить о квалификации отдельных случаев преступных деяний в сово-

купности статей 292 УК РФ («Служебный подлог») и статьи 327 УК РФ («Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков»). Для правильной квалификации преступных деяний и исключения ошибок в судебно-следственной деятельности правоприменителю необходимо иметь ясное представление о признаках данных статей и правилах их разграничения.

Актуальным будет привести пример, который свидетельствует о наличии сложностей расследования обозначенных преступлений в практической деятельности правоохранительных органов. Нами будет рассмотрена квалификация выше указанных статей в совокупности. При обжаловании приговора от 15.03.2015 г. по уголовному делу № защитником вынесено решение суда о невозможности удовлетворения требований адвоката, а жалоба оставлена без рассмотрения. Гр. Д. осудили за незаконные действия, направленные на покушение на организацию противоправной миграции. Лицо действовало умышленно, а именно реализовало действия, которые были выражены в незаконном нахождении на территории Российской Федерации иностранных граждан. Следует отметить, что преступные действия не были доведены до конца по независящим от гр. Д. обстоятельствам. Также его осудили за пособничество, которое направлено на противоправную выдачу должностным лицом правоустанавливающего документа – паспорта гражданина Российской Федерации иностранному гражданину¹. Таким образом, налицо наличие совокупности ст. 292.1 УК РФ с иными составами преступлений, выраженных в соучастии лиц – подделке правоустанавливающих документов и др.

Интересным является решение суда, в котором исключена ст. 292.1 УК РФ, однако подлежит применению ст. 292 УК РФ, то есть налицо конкуренция общей и специальной нормы. Гр. Д. А. привлечен к уголовной ответственности и осужден как специальный субъект – должностное лицо, который был наделен функциями представителя власти, работал на должности участкового уполномоченного полиции ОМВД № 1 города Н. Данное лицо совершило преступление следующим образом – он использовал служебные полномочия вопреки государственным интересам службы, мотивом послужила личная заинтересованность, что повлекло как следствие – существенное

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 23.03.2015 г. по делу № 10-3145/15 Приговор: По ст. 327 ч. 3, ст. 291 ч. 4 п. «б», ст. 30 ч. 3, ст. 322.1 ч. 1, ст. 33 ч. 5, ст. 292.1, ст. 322.1 ч. 2 п. «а» УК РФ за использование заведомо подложного документа (шесть преступлений), дачу взятки, покушение на организацию незаконной миграции, пособничество в незаконной выдаче должностным лицом паспорта, организацию незаконной миграции. Определение: Приговор оставлен без изменения // Справочная правовая система «Консультант плюс».

нарушение прав и законных интересов граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Гр. Д. А. привлечен к ответственности по ст. 292 УК РФ, так как признаки ч. 1 ст. 292.1 УК РФ отсутствовали, он произвел внесение в официальную документацию сведений заведомо ложного характера по мотиву личной заинтересованности, что впоследствии повлекло за собой значительное нарушение прав и законных интересов граждан и охраняемых законом общества и государства¹. Статья 292 УК РФ и 292.1 УК РФ соотносятся как общая и специальные нормы, правила применения которых реализуются в условиях конкуренции норм. Следует отметить, что ст. 292.1 УК РФ содержит определение служебного подлога, в связи с чем отпадает необходимость в дополнительном применении ст. 292 УК РФ в совокупности [4].

В. Н. Гладких справедливо замечает, что в анализируемой статье отсутствует упоминание об ответственности за использование официальной документации, которая может быть изготовлена противоправным путем с целью получения гражданства Российской Федерации. Сам факт использования паспорта, полученного незаконным путем, может являться основанием для легализации прав иностранца на территории страны, что свидетельствует о повышении уровня преступности [3, с. 76]. В данном случае законодатель ограничился административной ответственностью (ст. 19.18 КоАП РФ)².

В связи с приведенными доводами рекомендуется увеличить размер санкции, предусмотренный ст. 292.1 УК РФ. Обращает на себя внимание тот факт, что санкция в виде лишения свободы помещена только в первую часть данной статьи. Максимальный размер лишения свободы для лица, совершившего указанное преступление 5 лет. Совсем противоположная ситуация наблюдается во второй части ст. 292.1 УК РФ – отсутствует такой вид наказания как лишение свободы. На наш взгляд, актуальным на сегодняшний день будет ужесточение уголовной ответственности, а именно необходимо предусмотреть в части 2 ст. 292.1 УК РФ лишение свободы, установив максимальный предел в виде одного года лишения свободы.

Соглашаясь с М. А. Беловой и В. Н. Гладких, предлагается внести изменения в виде дополнения статьи квалифицирующих признаков:

- совершение преступления группой лиц;
- совершение преступления организованной группой лиц [3, с. 98].

¹ Апелляционное постановление № 22-5935/2016 от 1 ноября 2016 г. по делу № 22-5935/2016 // <http://sudact.ru/law/rf/statia-292.1/> (документ опубликован не был) // Справочная правовая система «Консультант плюс».

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант плюс».

Однако следует отметить, что соучастие – это умышленное совершение преступления двумя и более лицами, а, следовательно, неосторожная форма вины исключается, описанная в ч. 2 ст. 292.1 УК РФ. На основании выше изложенных позиций ученых и соглашаясь с ними, рекомендуем включить в ч. 1 ст. 292.1 УК РФ обозначенные квалифицирующие признаки в качестве пунктов «а» и «б» соответственно.

Таким образом, резюмируя все умозаключения и позиции авторов по обозначенным проблемам применения мер наказания и реализации ст. 292.1 УК РФ предлагаем изложить ее содержание в новой редакции.

«Статья 292.1 «Незаконная выдача паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации»

1. Незаконная выдача должностным лицом или государственным служащим паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации,

а) совершенные группой лиц по предварительному сговору:

б) совершенные организованной преступной группой;

– наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом или государственным служащим своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло незаконную выдачу паспорта или иного документа, подтверждающего гражданство Российской Федерации, иностранному гражданину или лицу без гражданства,

– наказываются штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на один год».

Список источников

1. Белова М. А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение

заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации : уголовно-правовой аспект. дис. ... канд. юрид. наук. РУДН, М., 2011.

2. Букалерова Л. А. Информационные преступления в сфере государственного и муниципального управления : законотворческие и правоприменительные проблемы. дис. ... докт. юрид. наук. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, М., 2007.

3. Гладких В. Н. Уголовно-правовые проблемы незаконной выдачи паспорта гражданина Российской Федерации, а равно внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшего незаконную выдачу паспорта гражданина Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД РФ», Ростов н/Д, 2011.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2-х т. (постатейный). Т. 2. 2-е изд. Под ред. А. В. Бриллиантова. М. : «Проспект», 2015.

5. Пушкин А. В. Парадоксы уголовного закона при назначении справедливого наказания (по материалам Тульской области) // Современные проблемы квалификации преступлений. Сборник научных статей. Отв. ред. Н. Г. Кадников. Материалы Всесоюзной научной конференции «Квалификация преступлений : закон, теория, практика и проблемы преподавания (памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Л. Д. Гаухмана)». М., 25–26 мая 2017. С. 27–32.

References

1. Belova M. A. Illegal issuance of a passport of a citizen of the Russian Federation to a foreign citizen or a stateless person or the introduction of deliberately false information in documents that entailed the illegal acquisition of citizenship of the Russian Federation : criminal-legal aspect. dis. ... Cand. of Legal Sciences. RUDN, M., 2011.

2. Bukalero L. A. Information crimes in the sphere of state and municipal management: legislative and law enforcement problems. Dis. ... Doctor of Legal Sciences. Lomonosov Moscow State University, M., 2007.

3. Gladkikh V. N. Criminal law problems of the illegal issuance of the passport of the citizen of the Russian Federation and the introduction of false information in the documents that resulted in the illegal issuance of a passport of a citizen of the Russian Federation. Dis. ... Candidate of Legal Sciences. Rostov law Institute of MIA of Russia, Rostov-on-don, 2011.

4. Commentary on the Criminal code of the Russian Federation : in 2 volumes (itemized). Vol. 2. 2nd edition. Ed. by A. V. Brilliantov. M. : «Prospect», 2015.

5. Pushkin A. V. Paradoxes of the criminal law in the appointment of a fair punishment (based on the materials of the Tula region) // Modern problems of crime qualification. Collection of scientific articles. Resp. editor N. G. Kadnikov. Materials of the All-Union Scientific Conference «Qualification of crimes : law, theory, practice and problems of teaching (in memory of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor L. D. Gaukhman)». M., May 25–26, 2017. P. 27–32.

Информация об авторах

А. М. Зарина – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доцент Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент;

Т. С. Мороз – доцент кафедры психологии и педагогики Международной полицейской академии ВПА, кандидат психологических наук, доцент.

Information about the authors

A. M. Zarina – Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Associate Professor of the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

T. S. Moroz – Associate Professor of the Department of Psychology and Pedagogics of the WPA International Police Academy, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья
УДК 343.983.22
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-77-80>
НИОН: 2015-0066-1/22-214
MOSURED: 77/27-011-2022-01-413

К вопросу о правовом регулировании списанного оружия на территории Российской Федерации

Сергей Геннадьевич Злобин

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, expert-zlobin@yandex.ru

Аннотация. Проводится правовой анализ норм законодательства об оружии в части регулирования оборота списанного оружия, и приводятся предложения по их совершенствованию. Рассматриваются изменения в закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ в отношении списанного оружия, вступившие в силу в июле 2022 года.

Ключевые слова: списанное оружие, охолощенное оружие, деактивированное оружие, огнестрельное оружие, переделка оружия

Для цитирования: Злобин С. Г. К вопросу о правовом регулировании списанного оружия на территории Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 77–80. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-77-80>.

Original article

Legal regulation of deactivated firearms in the territory of the Russian Federation

Sergey G. Zlobin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, expert-zlobin@yandex.ru

Abstract. A legal analysis of the norms of the gun law in terms of regulating the circulation of deactivated firearms is shown and the proposals for their improvement are provided. The amendments to the Russian gun law in relation to deactivated firearms taking effect in July 2022 are considered.

Keywords: decommissioned firearms, deactivated firearms, improvised firearms, firearms

For citation: Zlobin S. G. Legal regulation of deactivated firearms in the territory of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(1):77–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-77-80>.

Понятие «списанное оружие» и соответствующие ему объекты уверенно вошли в обиход круга лиц, интересующихся огнестрельным оружием, в том или ином аспекте. Отсутствие дефицита товаров этой категории на прилавках специализированных магазинов позволяет гражданам в полной мере реализовывать свои права на приобретение данного оружия. Согласно данным статистики Яндекс¹ только за май 2021 года запросов, похожих на «списанное оружие», было более 85 000². Однако, вследствие высокого уровня его популярности не редки и факты

его неправомерного (пример – имитация выстрелов в не отведенных для этого местах) и криминального использования (например, незаконное изготовление огнестрельного оружия), что подтверждается соответствующими судебными решениями³.

Понятие «списанное оружие» как юридический термин возникло в правовом поле Российской Федерации 10 июля 2012 года после внесенных изменений⁴ в Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996

¹ URL: <https://wordstat.yandex.ru/#!/?words=списанное%20оружие> (дата обращения июнь 2021).

² При подсчете запросов, в том числе учитывались запросы «купить охолощенный», «схп купить», «купить охолощенный пистолет» и т. п.

³ URL: https://sudact.ru/law/koap/razdel-ii/glava-20/statia-20.13_1/ (дата обращения: июнь 2021); URL: https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt=переделка+списанного+оружия®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=#searchResult (дата обращения: июнь 2021).

⁴ Федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии». Доступ из

№ 150-ФЗ (далее – ФЗ «Об оружии»), которое законодатель изложил в следующей редакции:

«списанное оружие – огнестрельное оружие, в каждую основную часть которого внесены технические изменения, исключающие возможность производства выстрела из него или с использованием его основных частей патронами, в том числе метаемым снаряжением, и которое предназначено для использования при осуществлении культурной и образовательной деятельности с возможностью имитации выстрела из него патроном светозвукового действия (охолощенное оружие) или без возможности имитации выстрела из него (учебное оружие) либо для изучения процессов взаимодействия частей и механизмов оружия (разрезное оружие)»¹.

Стоит дополнить, что предпосылки для урегулирования отношений, связанных с оборотом огнестрельного оружия с конструктивными изменениями, исключающими возможность его использования с производством выстрела (применением боеприпаса), возникли задолго до принятия вышеназванного закона и обуславливались спросом гражданского населения на различные «сигнальные устройства, изготовленные на базе снятого с вооружения боевого огнестрельного оружия» [2] и изымаемое из оборота оружие с вышеуказанными признаками с неизвестной историей происхождения, наиболее известными из которых являлись так называемые «украинские ММГ» [1]. Военно-исторические реконструкции, экспонирование в музеях, съемки кинофильмов и частное коллекционирование – далеко не полный перечень нуждающихся в таком оружии. Мотивацию к ведению понятия «списанное оружие» анализом законопроекта № 162784-3 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» (по вопросу особенностей порядка и условий оборота оружия, имеющего культурную ценность), установить не удалось². Стоит отметить, что данный законопроект был внесен в Государственную Думу 17 декабря 2001 года и был принят в первом чтении 1 ноября 2002 года, и только лишь спустя около 10 лет был рассмотрен во втором чтении, однако к этому времени содержание его претерпело существенные изменения, и в этот период появился вышеуказанный термин.

Вместе с тем, установлены положения, согласно которым списанное оружие относится к гражданскому оружию, которое используется в образовательных и культурных целях:

«Гражданское оружие подразделяется на:

...

справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Федеральный закон «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/162784-3> (дата обращения: июнь 2021).

б) оружие, используемое в культурных и образовательных целях:

...

списанное оружие»³.

Обязательным требованием к списанному оружию выступает критерий соответствия приведения основных частей в негодность в целях невозможности производства выстрела при замене (в том числе изъятию или внесением изменений) таких частей в его конструкции, а также нанесение ясно видимой маркировки, которую невозможно удалить (внести изменения) без применения механической обработки.

Исходя из положений статьи 7 ФЗ «Об оружии», следует, что требования к списанному оружию, а также формы оценки соответствия устанавливаются в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании, а также:

«Обязательному подтверждению соответствия подлежат все производимые на территории Российской Федерации, ввозимые в Российскую Федерацию и вывозимые из Российской Федерации модели гражданского и служебного оружия и патронов к нему, метаемые снаряды к охотничьему метательному стрелковому оружию, а также конструктивно сходные с оружием изделия». Из этого следует, что на территории РФ они должны соответствовать ГОСТ Р 50529-2015 «Оружие гражданское и служебное огнестрельное, устройства производственного и специального назначения. Требования безопасности и методы испытаний на безопасность», в свою очередь, в котором приведены требования безопасности к списанному оружию, его маркировке, а также методы испытаний списанного оружия вместе с рекомендуемыми способами внесения конструктивных изменений в основные части огнестрельного оружия для его перевода в категорию списанного оружия.

Вместе с тем, также устанавливается соответствие такого оружия криминалистическим требованиям.

В соответствии с положениями статьи 13 ФЗ «Об оружии» однозначно понимается, что образцы списанного оружия не лицензируются соответствующими органами по реализации государственной политики в сфере оборота оружия и могут приобретаться гражданами Российской Федерации, достигшими 18-ти летнего возраста.

Установлено, что конструктивно-измененные основные части списанного оружия, не могут использоваться при производстве других видов гражданского оружия не летального действия.

Федеральным законом от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об

³ Федеральный закон от 10 июля 2012 г. № 113-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» с июля 2022 года вносятся следующие изменения в отношении списанного оружия – приобретение, экспонирование и коллекционирование все также не подлежат лицензированию, однако, собственникам списанного оружия устанавливают обязательство в уведомлении федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере оборота оружия, со дня приобретения в двухнедельный срок для его регистрации. Вместе с тем, такое уведомление должно будет осуществлять лицо, осуществившее продажу или дарение по месту его учета. Также определяется что замена или изменение частей списанного оружия, которые повлекли изменение их технических характеристик, устанавливаемых при сертификации оружия (обязательном подтверждении соответствия), а также уничтожение или изменение маркировочных обозначений на их поверхностях – попадает под понятие «переделка оружия», что, в свою очередь, является деянием, за которое в соответствии с положениями ст. 223 Уголовного кодекса РФ предусмотрена уголовная ответственность.

Мнения о некорректности сформулированного законодателем понятия «списанное оружие», как для обозначения категории объектов гражданского оружия находили свои отражения в научных публикациях. Этимологически, слово «списанное» является страдательным причастием в прошедшем времени от «списать», что в свою очередь имеет следующее значения согласно толковых словарей русского языка:

– «Документально оформляя, записывая как израсходованное или негодное. Считать недействительным, отменять, снимать (задолженность, долг)» (Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой);

– «Записать в расход. С. сто рублей. С. устаревшую технику» (Толковый словарь русского языка С. И. Ожегов);

– «Записать, отметить. Показать, как израсходованное (бух.). Списать со счета. Списать сто рублей в расход» (Толковый словарь Д. Н. Ушакова).

Вместе с тем, в соответствии с положением о списании федерального имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации утвержденным Приказом Министра обороны РФ от 30 декабря 2011 г. № 2666 «Об утверждении Положения о списании федерального имущества в Вооруженных Силах Российской Федерации», также имеется трактовка такого понятия:

«II. Списание имущества Вооруженных Сил Российской Федерации»

2. В настоящем Положении под списанием имущества понимается комплекс действий, связанных с признанием имущества непригодным для дальнейшего использования по целевому назначению и (или) распоряжению вследствие полной или частичной утраты

потребительских свойств, в том числе физического или морального износа, либо выбывшим из владения, пользования и распоряжения вследствие гибели или уничтожения, а также с невозможностью установления его местонахождения». Что соотносится с определениями из толковых словарей, приведенными выше.

Из этого следует, что в понятии «списанное оружие», причастие «списанное» – в своем значении не отражает соответствия с принятыми в русском языке, что вводит граждан в заблуждение при применении такой терминологии к этому оружию. Имеет место дополнить, что значение слова «списать» имеет и другие значения¹ [3; 4]:

– «посчитать кого-либо, что-либо причиной какого-либо события, явления. Взрыв бомбы в центре Москвы списали на хулиганство»;

– «скопировать письмом. Списать с доски»;

– «школьн. смощенничать на контрольной работе или экзамене, воспользовавшись шпаргалкой, чужой работой, электронным гаджетом. Во время занятий один из студентов обратился к другому с просьбой дать списать контрольную».

Вышесказанное демонстрирует, что термин «списанное» применяемое к такому оружию некорректен, вводит граждан в когнитивный диссонанс. Такое употребление хорошо сочетается при его применении в организациях, на вооружении которых состоит оружие, в отношении которого проводятся либо были проведены мероприятия по снятию с баланса, вне зависимости от причины. Где одновременно гражданское оружие, используемое для культурных и развлекательных целей, имеет идентичное наименование.

В международной правоприменительной практике существует понятие, определение которого, имеет прямое отношение к такому оружию и звучит как «Deactivated firearms» с англ. «Деактивированное огнестрельное оружие». В соответствии п. 6. ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»: «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общепотребительных аналогов в русском языке».

В русском языке имеется слово «деактивировать», которое в соответствии с толкованием, указанным в словарях русского языка, имеет единственное значение: «перевод или переход чего-либо в неактивное состояние». Что полностью соответствует объектам, которые сегодня именуются в соответствии с ФЗ «Об оружии» как «списанное оружие». Так как при его производстве,

¹ URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/списать> (дата обращения: июль 2021).

образцы боевого ручного огнестрельного оружия, целевым назначением которых является «поражение цели на расстоянии метаемым снаряжением при помощи энергии сгорающих пороховых газов», которые переводят в другое целевое назначение для «использования в культурных и образовательных целях, «исключающих возможности использования в них боеприпасов».

В связи с этим, более удачной (относительно исходного) версией видится переработка содержания, принятого в ФЗ «Об оружии» понятия:

«*деактивированное* оружие – огнестрельное оружие, в каждую основную часть которого внесены *необратимые* технические изменения, исключающие возможность производства выстрела из него или с использованием его основных частей патронами, в том числе метаемым снаряжением, и которое предназначено для использования при осуществлении культурной и образовательной деятельности с возможностью имитации выстрела из него патроном светозвукового действия (охлажденное оружие) или без возможности имитации выстрела из него (учебное оружие) либо для изучения процессов взаимодействия частей и механизмов оружия (разрезное оружие)».

Также, свойство «необратимости» внесенных изменений в основные части, видится целесообразным закрепить в основном понятии, как указано выше.

Требуемое клеймо на частях охлажденного оружия заменить на известное и применяемое повсеместно гражданами «СХП», аббревиатура которого расшифровывается как «стрельба холостыми патронами».

Наименование и содержание такого понятия будет полностью соответствовать русскому языку, а также повсеместно применяемой на сегодня терминологией среди потребителей.

Вышеизложенное позволяет резюмировать, что поспешные изменения в ФЗ «Об оружии», в части легитимизации объектов, определенных как списанное оружие, принятые законодательным органом, имеют за собой последствия, выразившиеся в формулировании некорректного наименования термина «списанное», отсутствии закрепленного понятия в отношении конструктивно-измененных основных частей такого оружия, порядка хранения такого оружия. Решение вышеуказанной проблемы видится во внесении изменений в ФЗ «Об оружии», нивелирующих выявленные недостатки и упущения.

Информация об авторе

С. Г. Злобин – преподаватель кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

S. G. Zlobin – Lecturer of the Department of Weapon Science and Traceology of the Educational and Scientific Complex of Forensic of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 17.01.2022.

Список источников

1. Кокин А. В., Мартышкин А. В. Проблемы нормативного регулирования оборота макетов массо-габаритных стрелкового огнестрельного оружия и их экспертного исследования // Судебная экспертиза. 2012. № 2 (30).

2. Коровкин Д. С. Проблемные вопросы исследования списанного огнестрельного оружия, копий и реплик антикварного огнестрельного оружия // Криминалистика и судебная экспертиза : прошлое, настоящее и взгляд в будущее : материалы междунауч. науч.-практ. конф. Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017.

3. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999 (электронная версия) URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma422413.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: июль 2021).

4. Толковый словарь русского языка // под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940) / (электронная версия) URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us443714.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 07.2021).

References

1. Kokin A. V., Martynnikov A. V. Problems of normative regulation of the turnover of models of mass-dimensional small firearms and their expert research // Forensic examination. 2012. № 2 (30).

2. Korovkin D. S. Problematic issues of research of decommissioned firearms, copies and replicas of antique firearms // Criminalistics and forensic examination : past, present and a look into the future : materials of the International scientific-practical conf. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017.

3. Dictionary of the Russian language : in 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. Research; Edited by A. P. Evgenieva. 4-e edit., ster. M. : Rus. lang. ; Polygraphists, 1999 (electronic version) URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma422413.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: July 2021).

4. Explanatory dictionary of Russian language, edited by D. N. Ushakova (1935–1940) / (e-version) URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/18/us443714.htm?cmd=0&istext=1> (accessed: July 2021).

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-81-84>

NIJON: 2015-0066-1/22-215

MOSURED: 77/27-011-2022-01-414

О важном значении римского права для современной юриспруденции

Алексей Алексеевич Иванов¹, Татьяна Львовна Матиенко², Нодари Дарчоевич Эриашвили³

^{1,2,3} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

² pet4332@yandex.ru

³ professor60@mail.ru

Аннотация. Доказывается важнейшее значение базовых основ римского права в современной юриспруденции. Причем, как для теоретической разработки (науки), так и для правоприменительной практики. Настоятельно рекомендуется расширять сферы изучения римского права.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, древнеримская цивилистика, западноевропейские и российские традиции изучения римского права, юридическое образование, догма римского права

Для цитирования: Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д. О важном значении римского права для современной юриспруденции // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 81–84. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-81-84>.

Original article

On the importance of Roman Law for modern jurisprudence

Aleksey A. Ivanov¹, Tatyana L. Matiyenko², Nodari D. Eriashvili³

^{1,2,3} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

² pet4332@yandex.ru

³ professor60@mail.ru

Abstract. The most important significance of the basic principles of Roman law in modern jurisprudence is proved. Moreover, both for theoretical development (science) and for law enforcement practice. It is strongly recommended to expand the scope of the study of Roman law.

Keywords: civil law regulation, Ancient Roman civilization, Western European and Russian traditions of studying Roman law, legal education, the dogma of Roman law

For citation: Ivanov A. A., Matiyenko T. L., Eriashvili N. D. On the importance of Roman Law for modern jurisprudence. Bulletin of economic security. 2022;(1):81–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-81-84>.

Гражданское право представляет из себя фундаментальную юридическую науку, изучающую закономерности гражданско-правового регулирования общественных отношений. Особое место науки гражданского права обеспечивается ее предметом, местом в системе юридических наук и значением для кардинальных преобразований современного российского общества.

Гражданско-правовое регулирование охватывает важнейшие, ключевые сферы жизни общества – собственность, имущественный оборот, защиту личных неимущественных прав граждан и т. д.; гражданское право является базовой отраслью права, определяющей содержание и развитие целой группы отраслей – трудовое право, семейное право, гражданско-процессуальное право, а также ряда комплексных отраслевых образований (предпринимательского права, медицинского права и др.); гражданское право, сосредоточивая основные категории и ценности частного права, призвано выражать и развивать эти категории и ценности и в сочетании с другими, смежными, отраслями обеспечивать достойное положение частного права как одной из важнейших основ гражданского общества, утверж-

данское право является базовой отраслью права, определяющей содержание и развитие целой группы отраслей – трудовое право, семейное право, гражданско-процессуальное право, а также ряда комплексных отраслевых образований (предпринимательского права, медицинского права и др.); гражданское право, сосредоточивая основные категории и ценности частного права, призвано выражать и развивать эти категории и ценности и в сочетании с другими, смежными, отраслями обеспечивать достойное положение частного права как одной из важнейших основ гражданского общества, утверж-

© Иванов А. А., Матиенко Т. Л., Эриашвили Н. Д., 2022

дение и развитие передовой товарно-рыночной экономики.

Гражданское право является догматической отраслью знаний, т. е. наукой, осваивающей действующие юридические нормы, правоотношения, меры защиты и другие элементы гражданско-правовых отношений. Вместе с тем наука гражданского права призвана обеспечивать и углубленное изучение рассматриваемой отрасли – ее экономические, социальные, политические основания, юридическую логику ее норм и институтов, ее построение (конструкции), ее функции, место и роль в общественной жизни [1, с. 34–35].

Как отрасль права гражданское право регулирует имущественно-стоимостные и связанные с ними личные неимущественные отношения, отличающиеся самостоятельностью и независимостью их участников в целях осуществления ими своих гражданских прав, интересов и потребностей.

В этом ряду чрезвычайно высоко значение древнеримской цивилистики. И это не случайно, так как в основе современного гражданского права прочно лежат положения, выработанные тысячелетней практикой древнейших государств, блестяще переработанные Древним Римом. Доведя их до максимально возможного уровня технико-правового совершенства, римская юриспруденция «передала» этот бесценный опыт государствам, возникшим позже Рима и на его прочных государственно-правовых традициях.

Западноевропейские страны ощутили потребность в стройных началах правового регулирования уже с XII–XIII вв., следствием чего стала активная рецепция римского права. В России же с ее вековыми традициями крепостничества и натурального хозяйствования, совершенным отсутствием элементов гражданского общества и общей неразвитостью торгового оборота, конструкции римского права, направленные на обеспечение частной собственности, то есть интересов отдельного человека (индивида), долгое время были совершенно не востребованы.

Однако при широко развернутых кодификационных работах первой половины XIX в. вопрос об изучении и восприятии римского права в России встал чрезвычайно остро. Вдруг потребовались какие-то общие теоретические начала, четкий категориально-понятийный аппарат, которых в дореформенной России совершенно не было. Именно в это время началось изучение основ римского права, уже не только хорошо известного странам Западной Европы, где оно являло собой саму правовую основу общественной жизни, но и, прежде всего, переосмысленного и приспособленного к условиям современного общества. С тех пор российское классическое юридическое образование стало связываться именно с усвоением основных начал римского права и латинского

языка. Как отметил по этому поводу Н. Л. Дювернуа: «только от юристов, которые образовывались в такой школе, можно требовать, чтобы они были действительно юристами не по одному только имени» [2, с. 54].

Именно познание римского права и включение некоторых его элементов в формирующуюся российскую правовую систему позволили отечественной юриспруденции и ее представителям, в буквальном смысле этого слова, заговорившим на одном языке со своими западными коллегами, сблизиться с многоопытной европейской правовой наукой. С ее прочными правовыми традициями, основанными на тех же незыблемых основах римского права.

В советское время изучение римского права началось довольно поздно, только во второй половине прошлого века. Но и тогда оно рассматривалось, в большей степени, с точки зрения историко-правовых подходов, как сфера, в условиях социалистического хозяйства не имеющая никакой практической ценности, но явившаяся основой (критикуемого) буржуазного права.

Современное российское общество открывает для себя многие положения римского права, сформировавшегося за пятьсот лет до нашей эры, блестяще «поднятого» дооктябрьскими правоведами, только сейчас – по прошествии двух с половиной тысяч лет. И такое обращение к римскому праву обусловлено переходом к рыночной экономике, основанной на частной собственности во всех ее проявлениях. Очень ярко об этом высказался Ф. Энгельс: «Римское право является настолько классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений» [3, с. 412]. Происходит унификация того или иного законодательства, очевидны тенденции сближения правовых систем государств отдельных регионов и союзов (например, в рамках СНГ или стран Европейского сообщества).

Среди важнейших особенностей гражданского права следует отметить прежде всего его яркую частно-правовую сущность. На это указывает даже само название этой отрасли права, которая сложилась как средство обеспечения и защиты индивидуальных интересов членов очень тесной общины (цивитас), но для реализации гармонии складывающихся в ней отношений.

Основой гражданского права (*ius civile*, частное, гражданское право), получившего свое название с созданием в середине V в. до н. э. Законов XII таблиц, было право квиристов (*ius Quiritium*) – древнейшая система римского права, выступающая как собственно национальное право граждан римской общины (кви-

ритов) и характеризующееся сакральностью происхождения и сущности, а также крайней строгостью и предельным формализмом. Цивильное право, базируясь на древнейших законах и на решениях народных собраний, постановлениях сената и интерпретационной деятельности магистратов, распространялось исключительно на всех полноправных римских граждан – патрициев и плебеев, всех остальных относил к чужакам (врагам), и в лучшем случае, позволяя им жить «по своему праву»: «То право, которое каждый народ установил для себя, является собственным правом государства и называется цивильным правом».

Частное право (*ius privatum*, от «свой, собственный, частный») в Древнем Риме представляло собой совокупность правовых норм и отношений, выражающих и защищающих частные интересы отдельных лиц и при этом основывавшихся на началах юридического равенства и самостоятельности участников общественных отношений, неприкосновенности их частной собственности, свободы договора, независимой судебной защиты нарушенных прав. По словам Домиция Ульпиана (170–228 гг.) в сфере права, «... которое относится к пользе отдельных лиц» находятся отношения вещного и обязательственного права, а также нормы семейного, наследственного и, в значительной мере, процессуального права.

Говоря о непревзойденном значении римского права для современной цивилистики, следует также обязательно отметить его базовые термины и понятия.

Практически весь язык современного гражданского права в виде его понятийно-категориального аппарата и значительная часть терминологии публичного права была разработана еще древнегреческими философскими школами и древнеримскими юридическими мыслителями. Подавляющее большинство юридических понятий и категорий присутствует практически в неизменном виде и в современной жизни в виде правовых терминов, которыми мы, совершенно не замечая того, ежедневно оперируем, вступая в те или иные правовые отношения.

Четкость определений римского права, совершенство юридических конструкций стала результатом богатейшей и активной правовой жизни древнеримского государства на всем протяжении его существования. Это стало возможным в условиях существования определенного культа права, имевшего для римлян сакральное содержание.

Между тем, уделяя основное внимание частным вопросам правового регулирования и стремясь к совершенству конструкций отдельных институтов, римские юристы не придавали какого-либо важного значения обобщениям. Поэтому римляне сознательно уходили от создания каких-либо дефиниций. Об этом очень ярко сказал в свое время один из известнейших правоведов Древнего Рима Яволен: «Всякое

определение в цивильном праве опасно, ибо мало случаев, когда оно не может быть опровергнуто» (D. 50. 17. 202).

Однако с позиции сегодняшнего дня у нас имеется несколько иной взгляд на рассматриваемую проблему. Во-первых, приведенные слова Яволена относились к римскому праву в пору его стремительного развития или, по крайней мере, ко времени его непосредственной реализации. Во-вторых, учитывая начала состязательности и равенства сторон, пронизывающих гражданское право и процесс в Древнем Риме, эти слова всецело отражали имеющиеся реалии, демократизм права, существование многочисленных механизмов защиты прав и интересов субъектов права, благодаря которым можно было оспорить практически любое юридически значимое решение. В третьих, создаваемые правоведом практические комментарии отдельных правовых проблем, положений толкования норм и ситуаций, чрезвычайно востребованные для ежедневных нужд активного торгового оборота, так или иначе, приводили к выявлению определенных закономерностей и тенденций правового регулирования, были насыщены обобщающими выводами и, в конечном счете, содержали в себе общие принципы и правила (*regulae*), достаточно высокой степени абстракции. «Правило – краткое выражение того, что есть; не из правила выводится право, а из существующего права – правило» (Павел). Так, в стремлении максимально возможно раскрыть особенности того или иного юридического института и явления, правоведы доходили до самых их «элементарных частиц», до той правовой «первоматерии», которая была их основой и быть подвергнутой дальнейшему анализу сама по себе уже не могла. Так, не стремясь к тому и не понимая этого, и даже не догадываясь об этом, римские юристы создавали догму права на все последующие времена, в том числе и в виде того, что сейчас именуется категориями и понятиями права.

В Дигестах Юстиниана, основе древнеримского Свода римского гражданского права (*Corpus juris civilis*), имеется немало положений, содержащих определенные дефиниции и абстрактные конструкции юридических институтов, которые можно рассматривать как основы общей теории права. И, представляется, это далеко не случайно. Как теория государства и права является базой всей современной юриспруденции, так и римское право является таким же надежнейшим и естественным фундаментом для самой теории права.

И даже несмотря на то, что иногда разрабатываемые доктриной понятия и категории иногда не находят своего непосредственного воплощения (отражения) в законодательных предписаниях, они тем не менее имеют важнейшее значение в деле освоения соответствующего учебного материала и надлежа-

щей ориентации в сложных практических вопросах правового регулирования общественных отношений. Служат надежным связующим звеном между поколениями юристов, между юристами различных стран, между теоретиками и практиками.

В настоящее время российское право стремительно наполняется новыми институтами и явлениями, ранее совершенно не востребуемыми правовой практикой, а поэтому в большинстве своем известными разве что некоторым юристам-теоретикам. Сейчас в условиях теснейшей день ото дня интеграции самых различных правовых систем настоящий специалист в области юриспруденции просто не вправе не знать важнейших основ современного права европейских стран, базой которого является именно римское право.

Сейчас институты римского права имеют качество своеобразной догмы цивилистики и потому могут выступать определенными канонами соответствующей сферы общественных отношений. Освоение этих догм с помощью четких и ясных дефиниций является прочным подспорьем для усвоения специфики и основ юриспруденции. И не только римского права, но и определенных аспектов современного частного правового блока отраслей права.

Подводя итоги сказанному, с сожалением следует отметить, что в рамках подготовки юристов в специ-

ализированных вузах системы МВД России далеко не всегда учитывается важность понимания обучающимися глубинных корней современного права, его базовых институтов и конструкций. Отмеченное выше со всей очевидностью указывает на то, что те или иные аспекты римского права должны быть включены в материал рабочих программ и учебно-методических комплексов соответствующих дисциплин, тем более при преподавании отраслей частного правового блока юридических наук.

Список источников

1. Гражданское право / Алексеев С. С., Гонгалов Б. М., Мурзин Д. В. и др. / Под общ. ред. С. С. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
2. Дювернуа Н. Л. Значение римского права для русских юристов. Ярославль, 1872.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.

References

1. Civil law / Alekseev S. S., Gongalov B. M., Murzin D. V. et al. / Under the general editorship of S. S. Alekseev. 2nd ed., reprint. and additional M., 2009.
2. Duvernois N. L. The meaning of Roman law for Russian lawyers. Yaroslavl, 1872.
3. Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 21.

Информация об авторах

А. А. Иванов – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

Т. Л. Матиенко – профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент;

Н. Д. Эриашвили – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Information about the authors

A. A. Ivanov – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

T. L. Matiyenko – Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

N. D. Eriashvili – Professor of the Department of the Civil and Labor Law, Civil Process of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Candidate of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Laureate of the prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 341.4:343.4

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-85-98>

НИОН: 2015-0066-1/22-216

MOSURED: 77/27-011-2022-01-415

Актуальные вопросы предупреждения преступлений против личной свободы несовершеннолетних

Сергей Вячеславович Иванцов¹, Алексей Валерьевич Саранов²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, isv1970@mail.ru

² Адвокатская палата г. Москвы, Москва, Россия, saranov@mail.ru

Аннотация. Раскрываются особенности торговли несовершеннолетними, связанные с отдельными элементами состава данного преступления, излагаются аргументы относительно целесообразности дальнейшей дифференциации ответственности за его совершение, приводятся рекомендации по восприятию положительного зарубежного опыта в данной области. В качестве общего вывода отмечается, что повышение эффективности противодействия торговле несовершеннолетними на территории СНГ невозможно без непрерывного совершенствования международно-правовой основы и национального законодательства соответствующих стран, в том числе направленного на унификацию уголовно-правовых норм об ответственности рассматриваемое преступление.

Ключевые слова: интересы семьи и несовершеннолетних, свобода личности, торговля людьми, торговля несовершеннолетними, уголовное законодательство государств – участников СНГ, уголовно-правовые меры противодействия

Для цитирования: Иванцов С. В., Саранов А. В. Актуальные вопросы предупреждения преступлений против личной свободы несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 85–98. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-85-98>.

Original article

Topical issues of prevention of crimes against the personal freedom of minors

Sergey V. Ivantsov¹, Aleksey V. Saranov²

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, isv1970@mail.ru

² Moscow Bar Association, Moscow, Russia, saranov@mail.ru

Abstract. The peculiarities of trafficking in minors associated with individual elements of the corpus delicti of this crime are revealed, the arguments regarding the advisability of further differentiation of responsibility for its commission are outlined, recommendations on the perception of positive foreign experience in this area are given. As a general conclusion, it is noted that increasing the effectiveness of combating trafficking in minors on the territory of the CIS is impossible without continuous improvement of the international legal framework and national legislation of the respective countries, including those aimed at unifying the criminal law norms on the responsibility of the crime in question.

Keywords: interests of family and minors, personal freedom, trafficking in persons, trafficking in minors, criminal legislation of the CIS member states, criminal legal countermeasures

For citation: Ivantsov S. V., Saranov A. V. Topical issues of prevention of crimes against the personal freedom of minors. Bulletin of economic security. 2022;(1):85–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-85-98>.

В докладе Генерального секретаря ООН от 7 августа 2020 г.¹ подчеркивается, что, несмотря на уси-

лия международного сообщества, торговля людьми остается относительно масштабным социально не-

¹ См.: Доклад Генерального секретаря ООН «Торговля женщинами и девочками» (7 августа 2020 г., 75 сессия Генеральной

Ассамблеи ООН) // Сайт ООН: URL: <https://www.undocs.org/ru/A/75/289> (дата обращения: 28.10.2021).

готивным явлением, имеющим транснациональный характер. Так, только за два года (2017 г. и 2018 г.) в более чем 110 государствах выявлено 74 514 жертвы торговли людьми, из которых примерно 70 % составляют женщины с постоянным возрастанием среди них доли девочек. Примерно 77 % выявленных жертв женского пола становятся объектами торговли в целях сексуальной эксплуатации, 14 % – в целях принудительного труда, а другие – для иных форм эксплуатации (принудительные и подневольные браки, детские браки, подневольный труд в домашнем хозяйстве, принудительная беременность).

Данный вид криминальной деятельности, как отмечается в указанном докладе Генерального секретаря ООН, имеет все предпосылки для своего продолжения и наращивания масштабов, поскольку ежегодно приносит виновным более 150 млрд долларов США криминального дохода и не предполагает высоких рисков разоблачения и привлечения к ответственности. Виновными используются такие факторы, как нищета и неравенство, вынужденная миграция, этническая принадлежность, инвалидность и т. д., тогда как жертвы торговли расплачиваются своими свободой, здоровьем и достоинством. В сложных условиях, складывающихся в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции и мерами противодействия последней, отмеченная ситуация усугубляется. Кроме того, торговцы людьми все активнее задействуют информационно-коммуникационные технологии и иные современные средства для того, что вербовать и эксплуатировать новых жертв, особенно тех, кто в наибольшей степени пострадал от экономического кризиса.

Отмеченные факторы активно используются виновными лицами и для осуществления противоправных посягательств на свободу детей, в том числе для совершения действий, относящихся к торговле людьми [1; 2; 3; 4].

Проблема формирования и реализации эффективных методов и средств противодействия торговле людьми, в особенности торговле несовершеннолетними, находится в центре внимания мирового сообщества, что, в частности, находит свое отражение в содержании ряда международных правовых актов [5; 6; 7]. В соответствующих документах основной акцент делается на вопросы предупреждения торговли людьми в целом, в том числе подчеркивается необходимость установления юридической ответственности за совершение образующих ее действий, тогда борьба с торговлей детьми, на наш взгляд, остается несколько в тени и не получает должной регламентации, несмотря на повышенную значимость и специфику международного сотрудничества в данной области [8, с. 349–380; 9; 10, с. 1–12; 11].

Так, основу современного международно-правового понимания торговли людьми, прежде всего,

образуют положения, содержащиеся в Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, в особенности женщинами и детьми, и наказании за нее¹ (далее – Протокол), дополняющем Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности². Это первый международный инструмент, имеющий юридическую силу, в рамках которого изложено согласованное определение торговли людьми.

Согласно подпунктам «а», «b» и «с» ст. 3 Протокола торговля людьми характеризуется следующими признаками: 1) осуществляется с целью эксплуатации, включающей, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или иные формы сексуальной эксплуатации, принудительные труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов; 2) выражается в таких альтернативных действиях, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем применения определенных средств воздействия, заключающихся в угрозе силой либо в ее применении, а равно в иных формах принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо в подкупе, в виде платежей или выгод, для того, чтобы получить согласие лица, которое контролирует другое лицо; 3) согласие жертвы на запланированную эксплуатацию не учитывается, если виновными использовались какие-либо из указанных выше средств воздействия; 4) вербовка, перевозка, передача, укрывательство либо получение ребенка с целью эксплуатации являются торговлей людьми даже в тех случаях, когда при этом не было применено какое-либо из указанных средств воздействия.

Анализ рассматриваемого международно-правового определения торговли людьми, в том числе в части, касающейся ее осуществления в отношении несовершеннолетних потерпевших, позволяет заключить, что оно нуждается в дальнейшем развитии, направленном на исключение излишних и введение недостающих признаков для обеспечения эффектив-

¹ См.: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирован Российской Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ, вступил в силу для России 25 июня 2004 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 46–55.

² См.: Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирована Федеральным законом от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ с заявлениями, вступила в силу для России 25 июня 2004 г.) // Бюллетень международных договоров. 2005. № 2. С. 3–33.

ного противодействия соответствующему негативному явлению.

Во-первых, считаем не вполне обоснованным отнесение цели эксплуатации к обязательным признакам всех без исключения действий, образующих торговлю людьми, поскольку у лиц, осуществляющих куплю-продажу, а равно иные сделки по поводу человека, особенно несовершеннолетнего, такая цель может вовсе отсутствовать или же доказать ее наличие имеющимися оперативно-разыскными и уголовно-процессуальными средствами не представляется возможным. Прежде всего, отмеченная проблема актуальна на стадии выявления соответствующих общественно опасных действий, их пресечения и принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Во-вторых, представляется, что торговля детьми должна рассматриваться в качестве специфического, отдельного вида преступных посягательств, в связи с чем в рассматриваемом Протоколе целесообразно сформулировать и закрепить самостоятельное определение торговли несовершеннолетними, учитывающее, что соответствующие действия являются преступлением вне зависимости от целей и способов их совершения.

В ст. 5 Протокола говорится об обязанности государств-участников принять меры к криминализации перечисленных выше действий, образующих торговлю людьми, совершенных умышленно, а также покушения на их совершение и соучастие в них, в том числе организацию других лиц и руководство ими с целью совершения соответствующих деяний. Тем самым подчеркивается, что торговля людьми является исключительно умышленной криминальной деятельностью, как правило, осуществляемой преступными группами с распределением ролей, в том числе имеющими организованный характер. Поскольку уголовная наказуемость стадии покушения и общественно опасных действий организационного характера вытекает из институтов неоконченного преступления и соучастия в преступлении, на наш взгляд, введение в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) норм, специально посвященных борьбе с покушениями на торговлю людьми и организации последней, не требуется.

Кроме того, важно учитывать, что согласно ст. 4 Протокола, если в нем не указано иное, его положения имеют ограниченную сферу применения, а именно в части, касающейся предупреждения, расследования и уголовного преследования в связи с совершением преступлений, признанных таковыми в соответствии со ст. 5 Протокола, если эти деяния носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы, а также к защите жертв таких преступлений. Следовательно, данный международный правовой акт имеет узкую сферу применения, поскольку за его рамками, в частности, оставлено

противодействие торговле людьми, осуществляемое внутри отдельно взятых государств и (или) без участия в их совершении организованных групп. Между тем, практика показывает, что соответствующая преступная деятельность в каждом конкретном случае может зарождаться и какое-то время протекать либо вовсе оставаться в границах определенного государства, ее могут осуществлять отдельные лица или их объединения, не являющиеся организованными группами или преступными сообществами (преступными организациями), кроме того, не следует исключать ситуации, когда торговля людьми имеет разовый, а не продолжительный характер [12, с. 27–29; 13, с. 40–44].

Согласно ст. 35 Конвенции ООН о правах ребенка, принятой в 1989 г.¹ на государства-участники возложена обязанность принятия всех необходимых мер для предотвращения похищения детей, торговли детьми или их контрабанды в любых целях и в любой форме. В развитие данного положения в п. «а» ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятом в 2000 г.², дано определение торговли детьми, под которой понимается любой акт или сделка, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение.

Не умаляя значение данных международных правовых положений, тем не менее, отметим некоторую несогласованность последних, проявившуюся в том, что в п. «а» ст. 2 Факультативного протокола имеет место необоснованное отступление от предписания, содержащегося в ст. 35 Конвенции о правах ребенка, на наш взгляд, излишне сужающее понятие торговли детьми за счет указания на то, что все совершаемые с ними сделки связаны с передачей и получением вознаграждения или иного возмещения. Данное отступление оставляет за рамками приведенного определения торговли детьми действия лиц, безвозмездно (без какого-либо вознаграждения или иного возмещения) передавших и получивших ребенка, выступившего, например, объектом дарения.

На уровне Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) действует Соглашение о сотрудниче-

¹ См.: Конвенция о правах ребенка (принята Резолюцией 44/25 ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-I вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

² См.: Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии (принят в г. Нью-Йорке 25 мая 2000 г. Резолюцией 54/263 на 97-ом пленарном заседании 54-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирован Россией Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 75-ФЗ, вступил для России в силу 24 октября 2013 г.) // Бюллетень международных договоров. 2014. № 6. С. 8–15.

стве соответствующих стран в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека 2005 г.¹, где торговля людьми, так же, как и в рассмотренном выше Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, в особенности женщинами и детьми, и наказании за нее, определяется через указание на цель эксплуатации и виды противоправных действий, заключающихся в вербовке, перевозке, передаче, укрывательстве или получении людей посредством угрозы силой или ее применения либо других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.

В соответствии со ст. 10 Модельного закона о противодействии торговле людьми для государств – участников СНГ² (далее – Модельный закон) в соответствующих странах должны быть приняты законодательные и иные меры, которые необходимы для признания и квалификации в качестве уголовно наказуемых деяний (преступлений) всех форм торговли людьми, включающих в себя общественно опасные деяния, непосредственно составляющие торговлю людьми, или являющиеся связанными с последней.

В ст. 3 Модельного закона содержатся определения основных понятий, в том числе торговли людьми, под которой понимается купля-продажа человека либо осуществление в его отношении иных незаконных сделок, в которых он выступает в качестве объекта собственности, а равно осуществляемые, независимо от согласия жертвы, в целях ее эксплуатации или извлечения незаконной выгоды иным способом, предложение, вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека с использованием принуждения, обмана, злоупотребления виновным своим служебным положением, злоупотребления доверием или уязвимым положением жертвы либо подкупа лица, в зависимости от которого она находится.

Представляется, что широкое использование гражданско-правовых терминов при описании преступного поведения, посягающего на свободу личности, особенно при характеристике потерпевших через категорию собственности, является не вполне обоснованным юридико-техническим приемом. Например, вместо указания на человека как на объект

собственности в данном случае вполне можно было использовать формулировку «человек, в силу возрастных и (или) иных психофизиологических особенностей не способный осознавать характер и последствия совершаемых с ним действий и (или) препятствовать их осуществлению».

В той же ст. 3 Модельного закона определены такие понятия, как «вербовка», «детская порнография», «детский секс-туризм», «долговая кабала», «жертва торговли людьми», «иные незаконные сделки в отношении жертвы торговли людьми, в которых она выступает как объект собственности», «крепостное состояние», «купля-продажа человека», «обращение и (или) удержание в рабстве или подневольном состоянии», «организация детской проституции», «подневольное состояние», «положение (состояние), сходное с рабством» и т. д. Также в Модельном законе выделяются понятия, являющиеся специальными (частными) по отношению к более общим дефинициям. Примером тому служит определение торговли детьми как частного проявления торговли людьми в целом. При этом торговлей детьми, то есть лицами до 18 лет, признаются любые акт или сделка, посредством которых ребенок незаконно передается родителем, иным законным представителем или другим лицом (группой лиц), на постоянном или временном попечении которого находится несовершеннолетний, другому лицу (группе лиц) за материальное вознаграждение или иное возмещение с целью его эксплуатации либо получения материальной или иной выгоды, а равно с целью незаконного усыновления (удочерения) ребенка, вне зависимости от используемых при этом способов.

Считаем, что содержание приведенного рекомендательного определения торговли детьми имеет следующие недостатки: во-первых, в нем необоснованно сужается круг субъектов незаконной сделки или иной передачи ребенка другим лицам за счет указания на то, что таковыми признаются только те лица, на постоянном или временном попечении которых находится несовершеннолетний, тогда как последний, например, может быть похищен, незаконно лишен свободы для последующей продажи или иной нелегальной передачи; во-вторых, в этом определении приведен такой излишний признак как материальное вознаграждение или иное возмещение, являющееся условием незаконной передачи жертвы торговли детьми, что не позволяет считать таковой безвозмездную незаконную передачу (дарение) ребенка; в-третьих, обязательный характер цели торговли несовершеннолетними, состоящей в эксплуатации или получении материальной или иной выгоды, либо в незаконном усыновлении (удочерении) ребенка, не только усложняет процесс доказывания наличия состава соответствующего преступления, но и выводит из сферы ответственности те случаи нелегальных передачи и получения детей, ког-

¹ См.: Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (заключено в г. Москве 25 ноября 2005 г., вступило в силу для России 12 февраля 2007 г.) // Бюллетень международных договоров. 2007. № 6. С. 5–11.

² См.: Модельный закон о противодействии торговле людьми (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 3 апреля 2008 г. № 30-11) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2008. № 42. С. 301–353.

да виновные не преследуют ни одной из указанных целей либо цель совершения деяния по делу установить не представилось возможным.

Отметим, что рассматриваемый Модельный закон касается не только торговли людьми, но еще и ряда преступлений, связанных с ней (например, незаконное изъятие органов и (или) тканей человека; обращение человека в рабство, подневольное положение (состояние) или положение (состояние), сходное с рабством; насильственные действия сексуального характера; понуждение к действиям сексуального характера и др.).

В развитие данного Модельного закона соответствующие национальные законы в разное время приняты в Азербайджанской Республике (от 28 июня 2005 г. № 958-ПQ)¹, в Республике Беларусь (от 7 января 2012 г. № 350-З)², Кыргызской Республике (от 17 марта 2005 г. № 55)³, Республике Молдова (от 20 октября 2005 г. № 241-XVI)⁴, Республике Таджикистан (от 26 июля 2014 г. № 1096)⁵, Туркменистане (от 15 октября 2016 г.)⁶ и в Республике Узбекистан (от 17 апреля 2008 г. № ЗРУ-154)⁷. В России, равно как и в Армении и Казахстане, такой специальный закон в настоящее время отсутствует, хотя настоятельная необходимость в его разработке и принятии подчеркивается экспертами⁸.

¹ См.: Закон Азербайджанской Республики от 28 июня 2005 г. № 958-ПQ (в ред. от 08.10.2019) «О борьбе с торговлей людьми» // Электронный ресурс: URL: <https://www.mia.gov.az/?/ru/content/336/> (дата обращения: 04.11.2021).

² См.: Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми» // Электронный ресурс: URL: <https://lex.uz/docs/1339438> (дата обращения: 04.11.2021).

³ См.: Закон Кыргызской Республики от 17 марта 2005 г. № 55 (в ред. от 11.01.2018) «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» // Электронный ресурс: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1650> (дата обращения: 04.11.2021).

⁴ См.: Закон Республики Молдова от 20 октября 2005 г. № 241-XVI (ред. от 16.03.2018) «О предупреждении и пресечении торговли людьми» // Электронный ресурс: URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=313051&lang=2> (дата обращения: 04.11.2021).

⁵ См.: Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1096 (в ред. от 02.01.2019) «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» // Электронный ресурс: URL: <http://ncz.tj/content/> (дата обращения: 04.11.2021).

⁶ См.: Закон Туркменистана от 15 октября 2016 г. (в ред. от 20.10.2018) «О противодействии торговле людьми» // Электронный ресурс: URL: <https://minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/108> (дата обращения: 04.11.2021).

⁷ См.: Закон Республики Узбекистан от 17 апреля 2008 г. № ЗРУ-154 (в ред. от 17 августа 2020 г. № ЗРУ-633) «О противодействии торговле людьми» // Электронный ресурс: URL: <https://belzakon.net/> (дата обращения: 04.11.2021).

⁸ См., напр.: Борьба с современным рабством. Казахстану нужен закон о противодействии торговле людьми // Электронный ресурс: URL: <https://informburo.kz/interview/primet-li-kazaxstan-otdelnyi-zakon-po-borbe-s-torgovlei-lyudmi> (дата обращения: 04.11.2021).

По нашему мнению, то обстоятельство, что не во всех государствах – участниках СНГ действуют соответствующие законы, равно как и существенно различающиеся сроки их принятия, являются негативными факторами, снижающими эффективность международного сотрудничества в области противодействия торговле людьми в целом и торговле несовершеннолетними, в частности. Также обращает на себя внимание и различающееся понимание торговли людьми в указанных выше национальных законодательных актах отдельных стран-участниц СНГ.

Отметим, что в данных законах с той или иной степенью полноты и точности заимствовано определение торговли людьми, закрепленное в Модельном законе о противодействии торговле людьми для государств – участников СНГ. Вместе с тем при регламентации этого определения в национальном законодательстве большинства стран – участниц СНГ были допущены определенные отступления от рекомендательной формулировки Модельного закона. Например, в ч. 1.0 ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с торговлей людьми», в. 1 ст. 2 Закона Республики Молдова «О предупреждении и пресечении торговли людьми» и в ст. 3 Закона Республики Узбекистан «О противодействии торговле людьми» указана одна цель данного преступления – эксплуатация человека, причем являющаяся обязательной для всех действий, образующих торговлю взрослыми или несовершеннолетними людьми; в ст. 1 Закона Кыргызской Республики «О предупреждении и борьбе с торговлей людьми» такой целью, также обязательной для всех действий, относящихся к торговле людьми, признается эксплуатация человека или получение иной выгоды. При этом отражение специфики торговли несовершеннолетними и противодействия таковой в положениях национального законодательства не прослеживается.

Отметим, что еще в одном рекомендательном законодательном акте – в Модельном Уголовном кодексе для государств – участников СНГ⁹ (далее – Модельный кодекс) изначально не содержалась норма об ответственности за торговлю людьми, вместе с тем в ст. 140 данного Кодекса предусматривался состав такого преступления против личной свободы, чести и достоинства, как вербовка людей для сексуальной или иной их эксплуатации, совершенная путем обмана (преступление небольшой тяжести), в том числе в отношении заведомо несовершеннолетнего (тяжкое преступление). В ст. 169 Модельного кодекса устанавливалась ответ-

⁹ См.: Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17 февраля 1996 г. Постановлением 7-5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) (ред. от 27.11.2015) // Сайт Межпарламентской Ассамблеи СНГ <http://iacis.ru/> (дата обращения: 29.10.2021).

ственность за торговлю детьми, отнесенную к преступлениям против семьи и интересов несовершеннолетних. При этом в ч. 1 данной статьи торговля детьми определялась как действия, направленные на куплю или продажу несовершеннолетнего вне зависимости от того, в какой форме они производились (тяжкое преступление). То есть торговля детьми признавалась оконченным преступлением с самого начала осуществления действий, относящихся к купле-продаже ребенка, при этом иные сделки в отношении последнего формально были оставлены за рамками объективной стороны этого состава, что, по нашему мнению, не отвечало потребностям полной охраны интересов несовершеннолетних от соответствующих общественно опасных посягательств на их личную свободу.

Квалифицирующие признаки торговли детьми согласно ч. 2 ст. 169 Модельного кодекса имели место при совершении этого деяния в составе группы лиц по предварительному сговору; лицом, использующим служебное положение; с незаконным вывозом ребенка за границу либо с незаконным ввозом его из другой страны; в целях вовлечения жертвы в преступление или иное антиобщественное поведение, а равно для изъятия органов или тканей с целью трансплантации (тяжкое преступление). Особо тяжким это преступление признавалось при его совершении организованной группой (ч. 3 ст. 169 Модельного кодекса).

19 ноября 2013 г. статьи 140 и 169 Модельного кодекса были признаны утратившими силу с одновременным введением ст. 140¹ об ответственности за торговлю людьми, понимаемую как купля-продажа или иные сделки в отношении человека, а равно совершенные в целях его эксплуатации или извлечения иных выгод вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение (тяжкое преступление)¹. Совершение данных действий в отношении несовершеннолетнего в соответствии с п. «е» ч. 2 ст. 140¹ Модельного кодекса рекомендовано было рассматривать в качестве квалифицированного состава торговли людьми (тяжкое преступление).

Указанные изменения и дополнения, внесенные в Модельный кодекс, по сути, стали отражением особенностей развития национального уголовного законодательства Российской Федерации и ряда других стран СНГ.

Отметим, что уголовная ответственность за торговлю людьми в России была введена в два этапа и изначально устанавливалась исключительно за со-

вершение данного преступления в отношении несовершеннолетних. Соответствующее законодательное решение было принято в 1995 г. спустя пять лет после того, как СССР ратифицировал Конвенцию о правах ребенка. Федеральным законом от 7 марта 1995 г. № 28-ФЗ² глава 3 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР 1960 г.) «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» была дополнена статьей 125² «Торговля несовершеннолетними», основывающейся на международно-правовом понимании данного преступления.

В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 125² УК РСФСР 1960 г. торговлей детьми признавались купля-продажа несовершеннолетних или совершение в их отношении иных сделок в форме передачи и завладения ими. Квалифицирующими признаками данного состава преступления являлись повторность деяния, его совершение группой лиц по предварительному сговору или лицом, использующим свое служебное положение (ч. 2 ст. 125¹ УК РСФСР 1960 г.). Особо квалифицирующими признаками выступали: совершение деяния из низменных побуждений, наступление тяжких или особо тяжких последствий, сопряженность деяния с незаконным вывозом несовершеннолетних за границу или невозвращением их из-за границы (ч. 3 ст. 125² УК РСФСР 1960 г.).

Несмотря на то, что ст. 125² УК РСФСР 1960 г. в полной мере соответствовала положениям ст. 35 Конвенции о правах ребенка, тем не менее, на наш взгляд, при ее формулировании законодатель не использовал имеющиеся возможности для дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за торговлю детьми. Во-первых, в данной уголовно-правовой норме отсутствовал квалифицирующий признак в виде совершения деяния в отношении двух или более несовершеннолетних. Во-вторых, не выделялась такая категория потерпевших от рассматриваемых действий, как малолетние дети. Наконец, в третьих, не учитывалась возможность совершения торговли несовершеннолетними организованными группами, несмотря на то, что в 1994 г. эта наиболее опасная форма соучастия в преступлении получила подробную законодательную регламентацию, в том числе посредством ее определения в Общей части (ст. 171) и введения соответствующего квалифицирующего признака в ряд статей Особенной части Уголовного кодекса³. Также

¹ См.: Изменения и дополнения в модельные Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы для государств – участников СНГ по вопросам борьбы с торговлей людьми (приняты в г. Санкт-Петербурге 29 ноября 2013 г. Постановлением 39-24 на 39-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 60 (ч. 2).

² См.: Федеральный закон от 7 марта 1995 г. № 28-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Кодекс о браке и семье РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 11. Ст. 939.

³ См.: Федеральный закон от 1 июля 1994 г. № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 10. Ст. 1109.

обращало на себя внимание использование оценочных признаков, не способствовавших единообразному толкованию уголовного закона, заключавшихся в низменных побуждениях и наступлении тяжких или особо тяжких последствий.

На момент принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ) ответственность за торговлю детьми была предусмотрена в ст. 152, содержащейся в главе 18 УК РФ о преступлениях против семьи и несовершеннолетних. В этой статье практически полностью было воспроизведено содержание ранее действовавшего уголовно-правового запрета торговли несовершеннолетними, а также введены отсутствовавшие до этого квалифицирующие признаки, в том числе связанные с посягательством на двух или более потерпевших, совершением деяния в составе организованной группы. Кроме того, была произведена частичная конкретизация указанных выше оценочных признаков, дифференцирующих уголовную ответственность за торговлю людьми: вместо низменных мотивов были указаны альтернативные цели – вовлечение ребенка в совершение преступления, осуществление антиобщественных действий или действий сексуального характера; исключено указание на особо тяжкие последствия и дан ориентир для понимания содержания и объема понятия тяжких последствий посредством приведения такой их разновидности, как наступление смерти несовершеннолетнего по неосторожности.

Следующий этап развития российского уголовного законодательства связан с имплементацией положений Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколов к ней. В рамках данного этапа в 2003 г. статья 152 УК РФ была признана утратившей силу с одновременным дополнением главы 17 УК РФ о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности статьями 127¹ «Торговля людьми» и 127² «Использование рабского труда»¹. При этом ответственность за торговлю заведомо несовершеннолетними была установлена в п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ в качестве квалифицированного состава торговли людьми. Использование такого юридико-технического приема криминализации торговли несовершеннолетними обусловило распространение на данный квалифицированный состав тех недостатков, которые были присущи регламентации признаков основного состава преступления – торговли людьми в диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ, что, в частности, негативно сказалось на полноте и эффективности уголовно-правовой охраны личной свободы

детей, а также иных интересов семьи и несовершеннолетних.

Так, в диспозиции ч. 1 ст. 127¹ УК РФ в первоначальной редакции торговля людьми определялась как купля-продажа человека, его вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, совершенные в целях его эксплуатации. То есть законодатель на тот момент признал цель эксплуатации обязательным признаком для всех действий, образующих торговлю людьми, а также не учел, что данное преступление может быть совершено путем осуществления как купли-продажи, так и иных сделок по поводу человека. Как следствие, на практике стали возникать проблемы, прежде всего, связанные с тем, что по ст. 127¹ УК РФ невозможно было привлечь к ответственности тех, кто продавал или покупал человека без цели эксплуатации, либо такая цель не была доказана по делу (для ее установления проводились оперативно-разыскные мероприятия, в том числе оперативный эксперимент, проверочная закупка, однако в ряде случаев продавцы и (или) покупатели никак не обозначали цели своих действий).

Кроме того, ст. 127¹ УК РФ в первоначальной редакции не могла быть применена к лицам, совершившим в отношении человека такие сделки, как, например, его дарение или мена, тогда как ст. 152 УК РФ «Торговля несовершеннолетними», утратившая силу, предусматривала ответственность за куплю-продажу несовершеннолетнего или совершение иных сделок с ним и не содержала указания на цель. Поэтому после признания данной статьи, утратившей силу, и ведения ст. 127¹ УК РФ возник пробел в части иных сделок с потерпевшим и совершения таковых, равно как и купли-продажи, без цели эксплуатации, что было особенно актуальным применительно к детям. Этот пробел был устранен в 2008 г.², при этом цель эксплуатации человека сохранила свое обязательное значение для таких действий, относящихся к объективной стороне торговли людьми, как вербовка, перевозка, укрывательство, передача и получение. Между тем, все эти действия или отдельные из них могут выступать и, как правило, фактически выступают элементом осуществления купли-продажи или иных сделок с человеком, т. е. они совершаются соучастниками, содействующими тем самым соответствующей сделке, поэтому нельзя признать обоснованным отмеченное различие в законодательной регламентации субъективной стороны преступления в зависимости от того, какую именно часть объективной стороны торговли людьми выполнило определенное лицо. В связи с этим считаем необходимым указать в диспозиции

¹ См.: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

² См.: Федеральный закон от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в статью 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 48. Ст. 5513.

ст. 127¹ УК РФ после слов «укрывательство или получение» следующую формулировку: «, если такие действия не являлись соучастием в купле-продаже или иных сделках в отношении человека, совершаемых иным лицом (иными лицами)».

Отметим, что первоначально указанный выше законопроект о внесении изменений в ст. 127¹ УК РФ не предусматривал дополнение диспозиции ч. 1 данной статьи указанием на совершение иных сделок, тогда как в пояснительной записке предлагалось широко трактовать куплю-продажу человека и включать в объем данного понятия «проигрыш людей в азартные игры». Однако в дальнейшем Правительство РФ, являвшееся разработчиком данного законопроекта, учло замечание, высказанное в официальном отзыве Верховного Суда РФ, обратившего внимание на то, что правовое содержание термина «купля-продажа» не может охватывать какие-либо другие действия в отношении человека, для обозначения которых в уголовном законе необходимо указать словосочетание «иные сделки»¹.

Как следует из официальной статистики, торговля людьми, в том числе несовершеннолетними, не является распространенным преступлением. Так, в 2017 г. по ст. 127¹ УК РФ по основной и дополнительной квалификации было осуждено 31 лицо, из которых 8 лиц (25,81 %) – за совершение этого преступления в отношении несовершеннолетнего (п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ), в 2018 г. – 19 и 13 лиц (68,42 %) соответственно, в 2019 г. – 25 и 8 лиц (53,33 %) и в 2020 г. – 16 и 13 лиц (81,25 %) ².

Для эффективного противодействия торговле людьми в целом и торговле несовершеннолетними, в частности, важно принимать во внимание трансграничный характер соответствующей преступной деятельности, предполагающий протекание последней на территории как минимум двух государств [14, с. 93–94; 15, с. 3–5; 16, с. 34–38], например, при перемещении потерпевшего через Государственную границу РФ. В таких условиях большое значение имеет оперативность и согласованность усилий сотрудничающих стран, при этом одной из главных предпосылок к тому служит унификация положений национального уголовного законодательства об ответственности за торговлю людьми. Особую актуальность данное направление совершенствования нормативной основы для борьбы с торговлей совершен-

нолетними и несовершеннолетними потерпевшими приобретает для стран, прилегающих друг к другу, имеющих общие исторические, политические и иные предпосылки, как для осуществления рассматриваемой трансграничной преступной деятельности, так и для сотрудничества в рамках противодействия последней [17, с. 67–70; 18, с. 269–270]. Примером таких стран являются государства-участники СНГ, ранее входившие в состав СССР.

Выше мы остановились на международно-правовой основе сотрудничества данных государств в сфере уголовно-правового противодействия торговле несовершеннолетними, далее же обратимся к сопоставлению национального уголовного законодательства стран-участниц СНГ об ответственности за данное преступление. При этом полагаем целесообразным подразделить эти страны на три группы: 1) страны, уголовное законодательство которых предусматривает ответственность за торговлю несовершеннолетними в качестве квалифицированного состава торговли людьми; 2) страны, в которых ответственность за торговлю людьми и торговлю несовершеннолетними распределена по двум самостоятельным статьям Особенной части Уголовного кодекса; 3) страна, где ответственность за торговлю несовершеннолетними рассредоточена по двум статьям Особенной части Уголовного кодекса, в которой также существует отдельная статья, содержащая состав торговли людьми.

К первой группе помимо России также относятся Азербайджан, Беларусь, Кыргызстан, Туркменистан и Узбекистан. Во вторую группу входят Казахстан, Молдова и Таджикистан. К третьей группе относится одно государство-участник СНГ – Армения. Вместе с тем можно утверждать, что даже при общности законодательного подхода к регламентации уголовной ответственности за соответствующие деяния, присущей той или иной группе стран, внутри каждой из них одновременно имеются отличия, в том числе существенные, при определении признаков составов преступлений в виде торговли людьми и торговли несовершеннолетними (при наличии).

Так, в странах, отнесенных нами к первой группе, в уголовном законодательстве которых определение торговли людьми одновременно распространяется на квалифицированные виды состава этого преступления, в том числе на торговлю несовершеннолетними, имеет место несогласованность в части раскрытия понятия соответствующего преступления. Например, в диспозиции ч. 1 ст. 144¹ УК Азербайджана³ при определении торговли людьми вместо гражданско-правовых терминов «купля-продажа» и «иные

¹ См.: Паспорт проекта Федерального закона № 476214-4 «О внесении изменений в статью 127¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» (по уточнению понятия «торговля людьми» и детализации уголовной ответственности)» (внесен Правительством РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Данные судебной статистики»: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 21.09.2021).

³ См.: Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. // Электронный ресурс: URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353#sub_id=1670000 (дата обращения: 05.11.2021).

сделки» использована формулировка «передача или принятие лица», что, на наш взгляд, является положительным законодательным опытом в исследуемой области. Вместе с тем действие данной нормы сужается за счет того, что цель эксплуатации в ней признается обязательным признаком для всех действий, образующих торговлю людьми, а также указывается исчерпывающий перечень альтернативных способов совершения таких действий: угроза применения насилия или его применение, угрозы или иные средства принуждения, похищение, мошенничество, обман, злоупотребление возможностью давления или беспомощностью, предоставление или получение материальных и прочих ценностей, привилегий или льгот для получения согласия лица, контролирующего другое лицо [19]. Представляется, что одновременное указание в уголовно-правовом определении торговли людьми не только цели, но еще и данных способов является излишним, равно как и использование термина «мошенничество», характеризующего одну из форм хищения чужого имущества и вполне заменяемого присутствующим здесь же термином «обман».

Сходное содержание имеет и диспозиция ч. 1 ст. 181 УК Беларуси¹, за исключением меньшего круга способов (мер) воздействия на жертву торговли людьми, к которым белорусский законодатель отнес обман, злоупотребление доверием, применение насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, угрозу применения такого насилия. Кроме того, в п. 9 ч. 2 ст. 181 УК Беларуси, содержащем квалифицирующий признак этого преступления в виде совершения этого деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего, указано, что состав данного преступления имеет место вне зависимости от того, оказывались ли на потерпевшего меры воздействия, перечисленные в ч. 1 этой статьи, или нет. Безусловно, такая оговорка является обоснованной, однако ее эффект сводится практически к нулю за счет сохранения обязательного значения цели эксплуатации для всех видов торговли людьми, включая совершение этого преступления в отношении детей. Вместе с тем заслуживает внимания включение в число особо квалифицирующих признаков торговли людьми (ч. 3 ст. 181 УК Беларуси) указания на совершение этого деяния в отношении заведомо малолетнего, что позволяет учесть повышенную степень общественной опасности посягательства на лицо, не способное оказать сопротивления виновному, и тем самым дифференцировать уголовную ответственность последнего в зависимости от возраста жертвы рассматриваемого преступления.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь: URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Nk9900275> (дата обращения: 05.11.2021).

В диспозиции ч. 1 ст. 171 УК Кыргызстана² при определении торговли людьми так же, как и в азербайджанском и белорусском уголовном законодательстве, не используются термины «купля-продажа» и «иные сделки», указываются способы (меры) воздействия на жертву, включая сходные мошенничество и обман, однако цель, состоящая в эксплуатации или получении иной выгоды, обоснованно, на наш взгляд, не признается здесь обязательным признаком действий, образующих данное преступление. Также указывается, что общественно опасные действия, образующие торговлю людьми, могут быть совершены с согласия или без согласия жертвы. Кыргызский законодатель дифференциация уголовной ответственности в зависимости от возраста несовершеннолетнего – если в п. 2 ч. 2 ст. 171 УК Кыргызстана указан квалифицирующий признак в виде совершения деяния в отношении несовершеннолетнего, то в п. 3 ч. 3 данной статьи, как и в ч. 3 ст. 181 УК Беларуси, – говорится о малолетнем возрасте потерпевшего от этого преступления как об особо квалифицирующем признаке его состава.

Уголовно-правовой запрет торговли людьми, предусмотренный ст. 129¹ УК Туркменистана, по своему содержанию в целом является схожим с регламентацией состава этого преступления в ст. 127¹ УК РФ, за исключением указания на способы совершения вербовки, перевозки, передачи, укрывательства либо получения человека (угроза, принуждение, обман, злоупотребление доверием или уязвимым положением жертвы, подкуп лица, от которого она зависит). Согласно п. 3 примечания к данной статье вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка признаются уголовно наказуемой торговлей людьми даже в тех случаях, когда к жертве не применялись указанные выше средства воздействия. Вместе с тем цель эксплуатации здесь выступает обязательным признаком состава преступления не зависимости от возраста потерпевшего, и не распространяется только на куплю-продажу и иные незаконные сделки в отношении человека.

При определении торговли людьми в диспозиции ч. 1 ст. 135 УК Узбекистана³ национальным законодателем использован термин «купля-продажа», но не указано на совершение этого преступления путем осуществления других сделок по поводу человека, хотя данный пробел может быть восполнен за счет при-

² См.: Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 217 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527> (дата обращения: 05.11.2021).

³ См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХII // Электронный ресурс: URL: https://online.zakon.kz /document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 05.11.2021).

знания таких сделок проявлениями передачи и получения потерпевшего, упоминаемыми в рассматриваемой статье. В отличие от уголовного законодательства Азербайджана, Беларуси и Кыргызстана, здесь не указываются способы (меры) воздействия на жертву торговли людьми, а совершение деяния в отношении заведомо несовершеннолетнего признается особо квалифицированным видом состава этого преступления. При этом цель эксплуатации является обязательным признаком для всех видов торговли людьми, предусмотренных ст. 135 УК Узбекистана, включая ее совершение в отношении несовершеннолетнего.

Нет единства в регламентации признаков торговли людьми, в том числе несовершеннолетними, и в уголовном законодательстве стран-участниц СНГ, включенных нами во вторую группу, характеризующуюся наличием двух самостоятельных статей, разделяющих между собой составы торговли взрослыми и торговли детьми.

Например, как следует из диспозиции ч. 1 ст. 128 УК Казахстана¹, эксплуатация может выступать либо одним из альтернативных действий, образующих торговлю людьми, либо обязательной целью вербовки, перевозки, передачи, укрывательства, получения или иных деяний, за исключением купли-продажи или иных сделок с человеком. При этом ответственность за торговлю несовершеннолетними в ст. 135 УК Казахстана регламентирована абсолютно также, как и ответственность за торговлю взрослыми, в том числе в части криминообразующих и квалифицирующих признаков, за исключением указания на соответствующий возраст потерпевшего, включения квалифицирующего признака в виде цели деяния – вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений или иных антиобщественных действий, а также усиления строгости наказания за совершение рассматриваемых действий в отношении детей (например, по ч. 1 ст. 128 пределы срока лишения свободы составляют от 4 до 7 лет, а по ч. 1 ст. 135 УК Казахстана – от 5 до 9 лет). Одновременно вызывает вопросы обоснованность отнесения к числу квалифицирующих признаков составов данных преступлений таких обстоятельств, как совершение деяния путем обмана или злоупотребления доверием, использование материальной или иной зависимости жертвы. Считаем, что такие обстоятельства характеризуют типичные способы совершения торговли взрослыми или несовершеннолетними потерпевшими, в связи с чем они должны рассматриваться в качестве криминообразующих, а не квалифицирующих признаков составов данных преступлений.

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан: URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K140000226> (дата обращения: 05.11.2021).

По сравнению с уголовным законодательством других государств – участников СНГ, в ч. 1 ст. 165 УК Молдовы² содержится наиболее полное определение торговли людьми в части раскрытия целей совершения действий, образующих это преступление (вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение взрослого человека вне зависимости от наличия его согласия), альтернативно состоящих в стремлении осуществить коммерческую либо некоммерческую сексуальную эксплуатацию, эксплуатацию принудительного труда либо услуг, попрошайничество, присвоение помощи, пособий, социальных выплат, незаконное использование в медицинских или научных испытаниях или экспериментах, эксплуатацию в рабстве или условиях, сходных с рабством, использование в вооруженных конфликтах или в преступной деятельности, изъятие человеческих органов, тканей и (или) клеток, использование женщины в качестве суррогатной матери или в репродуктивных целях. Считаем, что по своей сути все перечисленные намерения сводятся к одной общей цели – эксплуатации жертвы данного преступления [20, с. 159–165]. Также отметим, что в этом определении указывается семь возможных способов (мер) воздействия на жертву или лицо, его контролирующее, включая похищение потерпевшего.

Ответственность за торговлю детьми установлена в ст. 206 УК Молдовы, при этом в определении данного преступления в значительной степени воспроизводится содержание состава торговли людьми за исключением следующих отличий: 1) в качестве жертвы преступления назван ребенок; 2) дача или принятие платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего ребенка, указаны в качестве альтернативных действий, образующих торговлю детьми, а не способов (мер) воздействия на это лицо; 3) способы воздействия на жертву торговли в диспозиции ч. 1 ст. 206 УК Молдовы не названы; 4) в диспозиции ч. 1 ст. 206 УК Молдовы использован другой юридико-технический прием – альтернативные цели преступления изложены не в виде части единой формулировки, а посредством закрепления каждой цели в самостоятельном пункте (всего 13 пунктов), при этом указаны такие отсутствующие в диспозиции ч. 1 ст. 165 УК Молдовы цели, как использование ребенка в иных низменных целях (сопоставимых с попрошайничеством), его продажа или покупка, незаконное усыновление. Также имеются отличия, связанные с регламентацией квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков состава преступления, при этом наиболее важным из них и заслуживающим осо-

² См.: Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV / Сайт Парламента Республики Молдова: URL: <http://lex.justice.md/ru/331268/> (дата обращения: 05.11.2021).

бого внимания является указание на совершение деяния в отношении ребенка, находившегося под опекой, покровительством, защитой, на воспитании или лечении у виновного лица (п. «е-1» ч. 3 ст. 206 УК Молдовы). Полагаем, что повышение строгости наказания за совершение торговли детьми данными лицами является социально обусловленной мерой, отвечающей интересам дифференциации уголовной ответственности за данное преступление [21, с. 177–178].

В УК Таджикистана¹ ответственность за торговлю людьми предусмотрена в ст. 130 (1), согласно которой данное преступление включает следующие альтернативные действия: купля-продажа или иные незаконные сделки вне зависимости от целей их совершения; предложение, вербовка, перевозка, укрывательство, передача или получение жертвы, совершаемые с согласия жертвы или без такового, в целях ее эксплуатации или иного извлечения незаконной выгоды и посредством таких способов, как принуждение, обман, злоупотребление своим служебным положением, доверием или уязвимым положением жертвы, подкуп лица, в зависимости от которого она находится. Несмотря на то, что злоупотребление служебным положением здесь включено в содержание основного состава преступления, в п. «е» ч. 2 ст. 130 (1) УК Таджикистана одновременно указан квалифицирующий признак в виде совершения деяния должностным лицом, представителем власти, использующими свое положение по службе, равно как и лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Также вызывает обоснованность отнесение к особо квалифицирующим признакам этого преступления наступление смерти жертвы торговли несовершеннолетними или иных тяжких последствий (п. «а» ч. 3 ст. 130 (1) УК Таджикистана), поскольку при этом не конкретизируется форма вины и указывается лицо, являющееся потерпевшим от другого преступления, предусмотренного ст. 167 УК Таджикистана, – торговли детьми, причем в п. «а» ч. 3 данной статьи указано аналогичное особо отягчающее обстоятельство.

Определение торговли детьми, содержащееся в диспозиции ч. 1 ст. 167 УК РФ, практически полностью воспроизводит соответствующую формулировку, рекомендованную для восприятия национальными законодателями в ст. 3 Модельного закона о противодействии торговле людьми для государств – участников СНГ. Согласно данному определению объективная сторона состава торговли детьми включает любой акт или сделку, вследствие которых ребенок незаконно передается другому лицу (группе лиц) за

материальное вознаграждение или иное возмещение; субъектом признается родитель, иной законный представитель или другое лицо (группа лиц), на постоянном или временном попечении которого находится ребенок с целью его эксплуатации либо получения материальной или иной выгоды, а равно с целью незаконного усыновления (удочерения) ребенка, независимо от того, какие при этом применяются способы; субъективная сторона характеризуется обязательными альтернативными целями, заключающимися в стремлении эксплуатировать жертву, получить материальную или иную выгоду, незаконно усыновить (удочерить) ребенка. Соответственно, к содержанию данного уголовно-правового запрета применимы высказанные выше замечания по поводу определения торговли детьми в модельном законодательстве, в том числе касающиеся необоснованно узкого круга субъектов торговли людьми и избыточного включения обязательной цели этого преступления. Квалифицирующие признаки торговли людьми здесь не обладают спецификой.

Особняком в предложенной классификации государств – участников СНГ с точки зрения регламентации в национальном уголовном законодательстве ответственности за торговлю несовершеннолетними стоит Армения, в Уголовном кодексе которой соответствующее деяние является предметом запрета двух статей его Особенной части. В первой из них – в ст. 132² УК Армении² криминализованы «трафикинг» или эксплуатация ребенка или лица, лишенного вследствие психического расстройства возможности осознать характер и значение своего деяния либо руководить им, заключающиеся в таких действиях, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение соответствующих лиц с целью эксплуатации, а также их эксплуатация либо приведение в состояние эксплуатации, а равно содержание в этом состоянии. Эти деяния, равно как и «трафикинг» или эксплуатация взрослого человека (ст. 132 УК Армении), отнесены к группе преступлений против свободы, чести и достоинства личности, тогда как в числе преступлений, направленных против интересов семьи и ребенка, содержится и состав купли ребенка с целью опеки над ним или продажа ребенка с целью передачи его лицу, взявшему на себя опеку над ребенком (ст. 168 УК Армении). Последняя статья направлена на охрану узкой сферы общественных отношений, поскольку все иные противоправные действия, относящиеся к торговле детьми, в том числе купля-продажа несовершеннолетнего, не связанная с его опекой, входят в предмет запрета, установленного ст. 132² УК

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан : URL: <http://ncz.tj/content/> (дата обращения: 05.11.2021).

² См.: Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. // Сайт Парламента Республики Армения : URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus#29> (дата обращения: 05.11.2021).

Армении. Применительно к последней уголовно-правовой норме также отметим, в качестве одного из способов совершения преступления на уровне его квалифицированного состава названо похищение (п. 5 ч. 2 ст. 132² УК Армении).

Проведенное исследование особенностей уголовно-правового противодействия торговле несовершеннолетними на территории государств – участников СНГ позволяет утверждать, что национальное уголовное законодательство данных стран об ответственности за указанное преступление не отличается единством и согласованностью как в части определения места состава торговли детьми в структуре Особенной части Уголовного кодекса каждой из этих стран, так и в части закрепления конститутивных и квалифицирующих признаков состава этого преступления.

Кроме того, отметим, что в национальном уголовном законодательстве государств – участников СНГ отсутствует единство относительно определения строгости наказания за торговлю несовершеннолетними. Так, в уголовных кодексах стран, включенных нами в первую группу, где ответственность за торговлю людьми предусмотрена на уровне квалифицированного (особо квалифицированного) состава торговли людьми, наиболее высокие пределы наказания в виде лишения свободы установлены в ч. 3 ст. 181 УК Беларуси – от 12 до 15 лет (при совершении деяния отношении заведомо малолетнего) и в ч. 2 ст. 129¹ УК Туркменистана¹ – от 8 до 15 лет, а самые низкие пределы – в ч. 2 ст. 171 УК Кыргызстана – от 5 до 7,5 лет (при совершении деяния в отношении несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, тогда как при его совершении в отношении малолетнего – от 7,5 до 10 лет). В уголовном законодательстве государств – участников СНГ, отнесенных нами ко второй группе, где ответственность за торговлю детьми предусмотрена в самостоятельной статье, включенной в главу о преступлениях против интересов семьи и несовершеннолетних, на уровне основного состава наиболее строгим является наказание за данное преступление, установленное в санкции ч. 1 ст. 206 УК Молдовы – лишение свободы на срок от 10 до 12 лет, тогда как в санкциях ч. 1 ст. 135 УК Казахстана и ч. 1 ст. 167 УК Таджикистана – на срок от 5 до 8 лет и от 5 до 9 лет, соответственно. В санкции ч. 1 ст. 132² УК Армении об ответственности за «трафикинг» или эксплуатацию ребенка или лица, лишенного вследствие психического расстройства возможности осознать характер и значение своего деяния либо руководить им, пределы лишения свободы составляют от 7 до 10 лет, а в санкции ч. 1

ст. 168 этого Кодекса об ответственности за куплю ребенка с целью опеки над ним или продажу ребенка с целью передачи его лицу, взявшему на себя опеку над ним, – от 2 до 5 лет.

Считаем, что отмеченные существенные различия в регламентации состава торговли несовершеннолетними и наказания за совершение данного преступления в национальном уголовном законодательстве государств – участников СНГ не способствуют налаживанию эффективного сотрудничества по соответствующим уголовным делам, в том числе в рамках выдачи лиц, обвиняемых в таких деяниях, и исполнении запросов по соответствующим уголовным делам.

Подчеркнем, что мы придерживаемся позиции, согласно которой любые действия, относящиеся к торговле детьми, вне зависимости от способа их совершения, участвующих в них лиц и иных обстоятельств, должны являться уголовно наказуемыми, при этом эффективное противодействие рассматриваемому негативному явлению на внутригосударственном и международном уровнях невозможно без формирования и применения адекватных и согласованных уголовно-правовых мер, обладающих необходимой адаптационной емкостью и позволяющих решать задачи, стоящие перед уголовным законом, в условиях постоянно изменяющихся общественных отношений, в том числе при появлении новых приемов и методов посягательств на личную свободу детей.

На основе проведенного сравнительно-правового исследования мы пришли к выводу о том, что одним из перспективных и важных направлений совершенствования национальных уголовно-правовых мер противодействия торговле несовершеннолетними является выделение соответствующих общественно опасных действий в предмет отдельного уголовно-правового запрета, закрепляемого в самостоятельной статье, входящей в главу Уголовного кодекса о преступлениях против интересов семьи и несовершеннолетних. Не менее важным является дальнейшее развитие дифференциации уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними, в том числе посредством включения в состав данного преступления квалифицирующих признаков, связанных с его совершением в отношении малолетнего, а равно с участием в деянии родителя, опекуна или иного лица, отвечающего за воспитание и безопасность ребенка.

Для формирования единых подходов к установлению и реализации уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними в национальном законодательстве государств – участников СНГ и иных стран целесообразно продолжить формирование и генезис международно-правовой основы для сотрудничества в данной области, учитывающей современные особенности и тенденции преступлений, посягаю-

¹ См.: Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 221-I // Электронный ресурс : URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 25.06.2021).

щих на личную свободу детей и иные интересы семьи и несовершеннолетних, и позволяющей применять необходимые охранительные меры вне зависимости от форм и целей совершения соответствующих общественно опасных действий.

Список источников

1. Иванцов С. В. Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: вопросы предупреждения / С. В. Иванцов // Криминологический журнал. 2019. № 2. С. 35–39.

2. Campana P. (2017). The market for human smuggling into Europe : A macro perspective / P. Campana // *In Policing*, vol. 11(4), P. 448–456.

3. Walts K. (2017). Child labor trafficking in the United States : a hidden crime / R. Walts // *Social Inclusion*, vol. 5(2), P. 59–68.

4. Chuang J. A. (2014). Exploitation creep and the unmaking of human trafficking law / J. A. Chuang // *The American Journal of International Law*, vol. 108, № 4, P. 609–649.

5. Бисярина А. Н. Роль международно-правовых актов в формировании и развитии внутригосударственных основ противодействия торговле несовершеннолетними / А. Н. Бисярина // *Международное публичное и частное право*. 2020. № 2. С. 17–21.

6. Нигматуллин Р. В. Международно-правовые и уголовно-правовые аспекты противодействия торговле детьми : история и тенденции развития / Р. В. Нигматуллин, Л. А. Букалорова, А. Н. Бисярина // *Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 4 (40). С. 175–180.

7. Van-Impe K. (2000). People for Sale : The Need for a Multidisciplinary Approach to Human Trafficking / K. Van-Impe // *International Migration*, vol. 38.3, P. 113–130.

8. Akee R. (2014). Transnational Trafficking, Law Enforcement, and Victim Protection : A Middleman Trafficker's Perspective / R. Akee, A. K. Basu, A. Bedi, N. H. Chau // *The Journal of Law & Economics*, vol. 57, № 2, P. 349–386.

9. Babatunde A. O. (2014). Human Trafficking and Transnational Organized Crime: Implications for Security in Nigeria / A.O. Babatunde // *Peace Research*, vol. 46, № 1, P. 61–84.

10. Vlachová, M. (2005). Trafficking in Humans : The Slavery of Our Age / M. Vlachová // *Connections*, vol. 4, № 4, P. 1–16.

11. Winterdyk J. (2010). Human trafficking : Issues and Perspectives / J. Winterdyk, P. Reichel // *European Journal of Criminology*, vol. 7 (1), P. 5–10.

12. Зеленин С. Р. Похищение человека, незаконное лишение свободы и торговля людьми : разъясне-

ния Пленума ВС РФ / С. Р. Зеленин, С. В. Борисов // *Уголовный процесс*. 2020. № 4. С. 22–30.

13. Юшенкова С. Ю. Иные сделки в отношении человека как одно из действий, образующих торговлю людьми / С. Ю. Юшенкова // *Безопасность бизнеса*. 2017. № 4. С. 40–45.

14. Иванцов С. В. Миграционные процессы и миграционная безопасность в странах СНГ / С. В. Иванцов, П. В. Несмелов, М. В. Назаров // *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2016. № 2. С. 93–97.

15. Хабриева Т. Я. Миграционное право : сравнительно-правовое исследование : монография / Т. Я. Хабриева. М. : ИЗИСП, Юриспруденция, 2019. 400 с.

16. Решняк М. Г. Сравнительное правоведение как инструмент совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за торговлю людьми / М. Г. Решняк // *Международное публичное и частное право*. 2020. № 2. С. 34–39.

17. Сакаева О. И. Международно-правовые проблемы сотрудничества в сфере противодействия торговле людьми / О. И. Сакаева // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 4. С. 67–74.

18. Bales K. (2007). What predicts human trafficking / K. Bales // *International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice*, vol. 31(2), P. 269–279.

19. Гасанов Р. Т. Борьба с торговлей людьми в Совете Европы и законодательстве Азербайджанской Республики / Р. Т. Гасанов // *Право и общество*. 2011. № 8. С. 174–182.

20. Алихаджиева И. С. О понятии сексуальной эксплуатации в международном праве // И. С. Алихаджиева // *Актуальные проблемы российского права*. 2017. № 10. С. 159–167.

21. Хатуев В. Б. Уголовно-правовое значение особых свойств потерпевшего от преступления как основных или квалифицирующих признаков преступлений / В. Б. Хатуев // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 3. С. 177–193.

References

1. Ivantsov S. V. Crimes committed using information and telecommunication technologies: issues of prevention / S. V. Ivantsov // *Criminological Journal*. 2019. № 2. P. 35–39.

2. Campana P. (2017). The market for human smuggling into Europe : A macro perspective / P. Campana // *In Policing*, vol. 11(4), P. 448–456.

3. Walts K. (2017). Child labor trafficking in the United States : a hidden crime / R. Walts // *Social Inclusion*, vol. 5(2), P. 59–68.

4. Chuang J. A. (2014). Exploitation creep and the unmaking of human trafficking law / J.A. Chuang // *The*

American Journal of International Law, vol. 108, № 4, P. 609–649.

5. Bisyarina A. N. The role of international legal acts in the formation and development of domestic foundations for countering trafficking in minors / A. N. Bisyarina // International public and private law. 2020. № 2. P. 17–21.

6. Nigmatullin R. V. International legal and criminal legal aspects of countering child trafficking: history and development trends / R. V. Nigmatullin, L. A. Bukalerova, A. N. Bisyarina // Legal Science and Practice : Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4 (40). P. 175–180.

7. Van-Impe K. (2000). People for Sale : The Need for a Multidisciplinary Approach to Human Trafficking / K. Van-Impe // International Migration, vol. 38.3, P. 113–130.

8. Akee R. (2014). Transnational Trafficking, Law Enforcement, and Victim Protection : A Middleman Trafficker's Perspective / R. Akee, A. K. Basu, A. Bedi, N. H. Chau // The Journal of Law & Economics, vol. 57, № 2, P. 349–386.

9. Babatunde A. O. (2014). Human Trafficking and Transnational Organized Crime: Implications for Security in Nigeria / A.O. Babatunde // Peace Research, vol. 46, № 1, P. 61–84.

10. Vlachová, M. (2005). Trafficking in Humans : The Slavery of Our Age / M. Vlachová // Connections, vol. 4, № 4, P. 1–16.

11. Winterdyk J. (2010). Human trafficking : Issues and Perspectives / J. Winterdyk, P. Reichel // European Journal of Criminology, vol. 7 (1), P. 5–10.

12. Zelenin S. R. Kidnapping, illegal imprisonment and human trafficking : explanations of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation /

S. R. Zelenin, S. V. Borisov // Criminal process. 2020. № 4. P. 22–30.

13. Yushenkova S. Yu. Other transactions with respect to a person as one of the actions forming human trafficking / S. Yu. Yushenkova // Business security. 2017. № 4. P. 40–45.

14. Ivantsov S. V. Migration processes and migration security in the CIS countries / S. V. Ivantsov, P. V. Nesmelov, M. V. Nazarov // International Journal of Constitutional and State Law. 2016. № 2. P. 93–97.

15. Khabrieva T. Ya. Migration law : comparative legal research : monograph / T. Ya. Khabrieva. M. : IZiSP, Jurisprudence, 2019. 400 p.

16. Reshnyak M. G. Comparative jurisprudence as a tool for improving Russian criminal legislation on responsibility for human trafficking / M. G. Reshnyak // International public and private law. 2020. № 2. P. 34–39.

17. Sakaeva O. I. International legal problems of cooperation in the field of combating human trafficking / O. I. Sakaeva // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2018. № 4. P. 67–74.

18. Bales K. (2007). What predicts human trafficking / K. Bales // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice, vol. 31(2), P. 269–279.

19. Gasanov R. T. The fight against human trafficking in the Council of Europe and the legislation of the Republic of Azerbaijan / R. T. Gasanov // Law and Society. 2011. № 8. P. 174–182.

20. Alikhajieva I. S. On the concept of sexual exploitation in international law // I. S. Alikhajieva // Actual problems of Russian law. 2017. № 10. P. 159–167.

21. Khatuev V. B. The criminal-legal significance of the special properties of the victim of a crime as the main or qualifying signs of crimes / V. B. Khatuev // Actual problems of Russian law. 2019. № 3. P. 177–193.

Информация об авторах

С. В. Иванцов – профессор кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Саранов – адвокат, член Адвокатской палаты г. Москвы.

Information about the authors

S. V. Ivantsov – Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. V. Saranov – Lawyer, Member of the Moscow Bar Association, Moscow.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 343.97

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-99-106>

НИОН: 2015-0066-1/22-217

MOSURED: 77/27-011-2022-01-416

Методологические основы криминологического исследования демонстративно-протестной преступности: цель, принципы, объективность исследования

Илья Сергеевич Ильин

Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия,
isilyin@yandex.ru

Аннотация. Цель криминологического исследования демонстративно-протестной преступности заключается в том, чтобы теоретически выверенным и практико-ориентированным языком описать эту преступность, продемонстрировать ее характеристики, закономерности и тенденции, имеющие значение для текущей и перспективной работы по ее предупреждению. Методологические принципы исследования демонстративно-протестной преступности не могут отличаться от принципов познания иных видов преступности. В статье обосновано, что уголовно-правовой и девиантологический подходы, образуя каждый свой интервал в понимании демонстративно-протестной преступности, должны не противопоставляться друг другу, но быть органично соединены. Определены исходные методологические принципы и методические требования к криминологическому анализу демонстративно-протестной преступности в России.

Ключевые слова: протест, принципы, анализ, метод, протестное поведение, преступление, закон, ярлык, протестные акции

Для цитирования: Ильин И. С. Методологические основы криминологического исследования демонстративно-протестной преступности: цель, принципы, объективность исследования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 99–106. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-99-106>.

Original article

Methodological foundations of criminological research of demonstrative-protest crime: purpose, principles, objectivity of the research

Ilya S. Ilyin

Northwest Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Saint-Petersburg, Russia,
isilyin@yandex.ru

Abstract. The purpose of the criminal study of demonstrative-protest crime is to describe this crime in a theoretically verified and practice-oriented language, to demonstrate its characteristics, patterns and trends that are important for the current and future work on its prevention. The methodological principles of the study of demonstrative-protest crime cannot differ from the principles of cognition of other types of crime. The article substantiates that the criminal-legal and deviantological approaches, forming each of their own intervals in the understanding of demonstrative-protest crime, should not be opposed to each other, but be organically combined. The initial methodological principles and methodological requirements for the criminological analysis of demonstrative-protest crime in Russia are defined.

Keywords: protest, principles, analysis, method, protest behavior, crime, law, label, protest actions

For citation: Ilyin I. S. Methodological foundations of criminological research of demonstrative-protest crime: purpose, principles, objectivity of the research. Bulletin of economic security. 2022;(1):99–106. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-99-106>.

© Ильин И. С., 2022

Криминологическое исследование демонстративно-протестной преступности, безусловно важно как для понимания ее объемов, тенденций развития и степени опасности, так и для разработки эффективной стратегии предупреждения, сопровождается многими проблемами и сложностями методического характера, связанными с поиском, обработкой источников информации, установлением и проверкой необходимых данных, презентацией и интерпретацией полученных результатов. В связи с этим важным условием результативности изучения преступности выступает установление и предварительное решение некоторых вопросов методического характера, раскрывающих организацию криминологического исследования, источники эмпирической информации о преступности, методы, технику и пределы работы с ними.

В науке под методикой криминологического исследования в самом общем виде понимаются «приемы и принципы познания, но именно конкретные, приложимые к познанию определенной сферы действительности (тех или иных проблем преступности)» [1, с. 37]. Требование конкретизации методики позволяет говорить о существовании множества криминологических исследовательских методик – методики изучения личности, причин преступности, методики прогнозирования, комплексной методики анализа преступности и т. д. В рамках настоящего раздела мы сосредоточим внимание на методике криминографии демонстративно-протестной преступности, принципах и методах описания и оценки ее текущего состояния. Описание и оценка – две тесно (диалектически) связанных научных задачи. Как пишет А. И. Долгова, «нельзя давать оценки преступности без предварительного изучения ее «фотографии», то есть ее познания, и практически невозможно ее познавать, действуя бесцельно, не имея никаких гипотез и задач» [2, с. 110].

Необходимость разработки методики криминографии демонстративно-протестной преступности, как представляется, оправдана тем «простым» обстоятельством, что сама эта преступность в современной криминологической науке элементарно не описана. У нас нет четкого представления о масштабах, структуре, тенденциях и закономерностях демонстративно-протестной преступности. Имеющееся знание, по большей части, является субъективно-оценочным, эмоционально окрашенным, зачастую политически ангажированным, что делает его заведомо далеким от собственно научного знания. В таких условиях рассуждать о предупреждении демонстративно-протестной преступности на научно-методической основе не представляется возможным. Кроме того, что особенно важно, научное исследование демонстративно-протестной преступности имеет ряд существенных особенностей, которые должны быть познаны,

осмыслены и представлены в качестве необходимых методических правил, призванных гарантировать от ошибок и заблуждений, обеспечить точность предлагаемых результатов.

Любое криминологическое исследования, в том числе криминографическое, должно быть подчинено определенной цели, которая определяет содержание, направления изучения объекта, его ориентированность на получение того или иного результата. В самом первом приближении криминография предполагает исследование качественно-количественных характеристик преступности, познание ее состояния, уровня, динамики, структуры и по этой причине она связана с обращением исследователя к значительному объему цифрового материала. Отсюда – и первые методические проблемы, связанные с точностью криминологического измерения и значением полученных при его проведении цифр. Разумеется, чем точнее и полнее цифровая информация о преступности, чем больший участок социального пространства в географическом и историческом аспектах она охватывает, чем больше графиков и формул позволяет представить, тем лучше, тем точнее и объективнее наши знания о преступности. Однако не стоит забывать, что криминология – это не статистика и не математика, это наука социальная (или социально-юридическая), а потому значение чисел в ней нельзя переоценивать (как, впрочем, и недооценивать).

В этом отношении сложно согласиться с суждением С. Г. Олькова о том, что «элементарные методы исследований – наблюдение, сравнение, анкетирование, интервьюирование, эксперимент, изучение истории вопроса, анализ прессы, использование первичной статистической отчетности, метод Монте-Карло, «мозговой штурм» и т. п. – сами по себе не дают научных результатов, а лишь ведут к накоплению данных, подлежащих соответствующей математической обработке» [3, с. 8]. Во-первых, «элементарность» перечисленных методов далеко не означает их «простоты» и «обыденности», каждый из них представляет собой набор достаточно сложных в интеллектуальном отношении операций. А во-вторых, возникает резонный вопрос о том, что принципиально нового в теоретическом отношении и полезного с точки зрения криминологической практики предупреждения преступности принесет «соответствующая» математическая обработка данных и насыщение криминологии цифровым материалом.

Как верно пишут специалисты, «особой проблемой криминологических исследований является их эффективность. Последнее требует ориентации этих исследований на их конечные результаты. Сейчас уже недостаточно, чтобы повышение криминологических исследований было связано только с разработкой новых теоретических положений, обусловленных

развитием соответствующей науки. Наибольший эффект в результате криминологических исследований достигается тогда, когда одновременно с решением определенной задачи исследователи будут добиваться повышения эффективности в работе практикой, потребляющих их «продукцию». Поэтому ориентация на конечные результаты научных исследований предполагает, как необходимое условие, ориентацию на нужды практики, учет ее интересов» [4, с. 107]. С точки зрения практики гораздо важнее не цифра, полученная в процессе математической обработки данных и не новая формула, а интерпретация этих цифр, возможность их использования для организации противодействия демонстративно-протестной преступности. «Числа не управляют миром, но показывают, как управляется мир» – весьма точно охарактеризовал ситуацию Гете.

В связи с изложенным совершенно верными представляются суждения М. М. Бабаева и М. С. Крутера о том, что «спор о степени точности того или другого показателя имеет лишь строго ограниченный практический смысл. И уж совсем неразумно абсолютизировать любые цифры... Цель анализа должна состоять не в том, чтобы «добыть» какую-то конкретную цифру, а в том, чтобы определить более или менее устойчивую тенденцию динамики преступности, направление развития, общие темпы, масштабы изменений тех или иных показателей, точки «перелома» тенденций и т. д.» [5, с. 82].

Таким образом, цель криминологического исследования демонстративно-протестной преступности состоит не в том, чтобы собрать, обработать и представить максимально возможный набор цифр и данных о состоянии преступности (даже в своей совокупности эти цифры делают любые результаты исследования заведомо неполными и оспоримыми), а в том, чтобы теоретически выверенным и практико-ориентированным языком описать эту преступность, продемонстрировать ее характеристики, закономерности и тенденции, имеющие значение для текущей а главное – перспективной работы по ее предупреждению.

В разряде таких характеристик имеют решающее значение:

- степень общей распространенности и общественной опасности демонстративно-протестной преступности в конкретных условиях места и времени, ее состояние и тенденции;
- социальные характеристики преступности, указывающие на особенности ее функционирования (мотивация, социальная направленность, социально-групповая, социально-территориальная распространенность);
- собственные внутренние характеристики (устойчивость, активность, организованность) [6, с. 108].

Исследование состояния, закономерностей и тенденций развития демонстративно-протестной преступности, будучи по природе своей эмпирическим и прикладным, должно, разумеется, опираться на строгий теоретический и методологический фундамент. Методологические принципы ее исследования не могут отличаться от принципов познания иных видов преступности, подтверждая и подчеркивая тот неоспоримый факт, что демонстративно-протестная преступность, при всех ее особенностях, является частью общей преступности в стране, подчиняется не только специфическим для нее, но и общим для иных видов девиантности закономерностям. Таковыми принципами традиционно выступают:

– вытекающие из диалектического мировоззрения признание постоянства и изменчивости элементов, составляющих преступность, учет историчности изучаемых явлений и процессов, признание значения противоречий в развитии преступности [7, с. 107];

– обусловленные требованиями системного подхода положения о том, что преступность не сводится к сумме образующих ее статистических элементов, но обладает свойствами эмерджентности и цельности, демонстрирует наличие выраженной структуры, системные связи как между компонентами этой структуры, так и связи структуры как целого с окружающей социальной средой, возможности познания преступности как процесса, прежде всего, с точки зрения возможности управления ею [8; 9];

– связанные с интервальной методологией представления о ограниченности любого интервала или подхода в познании преступности (интервал – разделяющая и ограничивающая, а не исключающая противоположные научные истины граница, в пределах которой система идей может быть истинной и справедливой) [10];

– оправданный интегративным подходом к познанию преступности принцип преодоления ограниченных возможностей любого метода через методологическую триангуляцию, т. е. совместное использование (синтез) различных количественных и качественных методов, взаимодополняющих друг друга и минимизирующих недостатки каждого, что исключает фрагментарность и ограниченность выводов проводимых исследований [11, с. 658].

Опираясь на эти методологические установки, органично и непротиворечиво сочетая их исходные требования, исследователь может гарантировать подлинную научность презентуемой им системы знаний о демонстративно-протестной преступности и ее объективность. Объективность, пожалуй, один из ключевых параметров исследования демонстративно-протестной преступности, и один из наиболее сложных. Любые сведения о противоправном поведении участников массовых публичных акций и их личности из-

начально характеризуются полярностью оценок, которая обусловлена политической, социальной и идеологической позицией субъекта, представляющего эти сведения. В первую очередь это находит отражение в используемой терминологии. Даже без подтверждающих ссылок можно уверенно признавать устоявшейся традицией ситуацию, при которой одни и те же лица позиционируются как «политики», «гражданские активисты», «оппозиционер», с одной стороны, и как «иностранные агенты», «экстремисты», «нарушители общественного порядка», «преступники» – с другой, а их действия, соответственно, описываются в таких принципиально различающихся категориях, как «проявление свободы собраний и мнений», «борьба с политической и социальной несправедливостью» либо «злоупотребление гражданскими правами», «преступность», «экстремизм», «политический терроризм».

Значимость «ярлыков» в криминологии известна достаточно давно и активно обсуждается в рамках теории стигматизации [12, с. 97–100; 13; 14]. Однако сегодня она выходит на принципиально иной уровень, а используемый для описания социальной действительности язык становится частью большой методологической проблемы любой социальной науки. Утверждение Л. Витгенштейна о том, что «границы моего языка означают границы моего мира» [15, с. 174] позволяет особым образом смотреть на возможности объяснения и моделирования социальных процессов посредством использования тех или иных слов и языка в целом.

В области исследования демонстративно-протестной преступности, которая мотивационно и детерминационно прямо связана с различающимися идеологическими позициями власти и участников массовых публичных акций, идеологическая окраска языка становится существенным элементом и общественных, и научных дискуссий. Как отмечают исследователи, дискурс, структурированный при помощи различных идеологических механизмов, «предоставляет возможность некоторым группам (определяемым по степени и длительности доступа к средствам воспроизводства власти) корректировать языковое сознание реципиентов в аспекте оценок социальной реальности, социальных объектов и явлений», оказывать «целенаправленное воздействие на интеллектуальную и эмоциональную стороны восприятия реципиентом информации, подаваемой через лингвистические институты власти (например, дискурс СМИ и интернет-дискурс), о социальной действительности, социальных объектах и явлениях» [16, с. 18, 19].

В таких условиях вопрос политической и идеологической беспристрастности научного исследования и его тезаурус приобретают повышенное значение.

В российских научных источниках для обозначения исследуемого нами феномена используются термины «протестная активность», «конфликтная ситуация» [17]. Тарроу также использует слово «протест» для обозначения «разрушительного коллективного действия, направленного против институтов, элит, властей или других групп от имени коллективных целей действующих лиц или тех, кого они якобы представляют» [18, с. 11]. Боди-Жандро «масштабные, разрушительные публичные мероприятия, направленные против доминирующего социального порядка, которые могут включать акты гражданского неповиновения и прямые действия, столкновения с правоохранительными органами и противодействие протестующим, а также поведение, такое как грабежи, поджоги и физическое насилие», именует «гражданскими беспорядками» [19].

Между тем, представляется, что считать сам протест объектом криминологического исследования, равно как отождествлять протест исключительно с «разрушительными коллективными действиями» вряд ли верно. По этой причине мы продолжим использовать обоснованный ранее термин «демонстративно-протестная преступность», который в свете рассматриваемой проблемы: (а) подчеркивает связь противоправных деяний с массовыми публичными акциями, но не отождествляет их полностью; (б) подчеркивает формально противоправный характер исследуемых нами действий, абстрагируясь от их политической и идеологической оценки.

Само понятие преступности при этом также требует некоторых дополнительных пояснений. Теоретическому пониманию преступности посвящен значительный объем научных сочинений, обзор которых выходит далеко за пределы нашей темы. А потому воспользуемся в качестве основы обобщением, выполненным Л. В. Кондратюком и В. С. Овчинским, которое позволило им выделить несколько наиболее типичных подходов [20, с. 8–13]. Развивая их идеи и придерживаясь авторской терминологии, отметим, что имеющиеся представления о преступности могут быть сведены в несколько групп, исходя из различных критериев, значимых для построения программы ее исследования.

Во-первых, в зависимости от соотношения объективного и субъективного, формального и неформального в понимании преступности выделяется: (а) уголовно-правовой (фундаментальный или доктринальный) подход, усматривающий в преступности, прежде всего, совокупность исключительно уголовно-противоправных деяний (И. И. Карпец, Н. Ф. Кузнецова и др.), и (б) девиантологический (релятивно-конвенциональный или естественно-конвенциональный) подход, признающий договорной и относительный характер уголовно-правового марки-

рования деяний в качестве преступных и допускающих в силу этого несовпадение криминологического и юридического понимания преступления (Я. И. Гилинский, Д. А. Шестаков и др.).

Во-вторых, в зависимости от отношения к детерминантам преступности и ее природе выделяется: (а) личностный подход (А. И. Долгова), включающий в проявления преступности не только сами преступления, но также личность преступников и их объединения и (б) безличностный (О. В. Старков), усматривающей в преступности подчеркнута социологический феномен, свойство или характеристику общества.

Этот небольшой экскурс в теорию преступности призван показать, что вне решения фундаментального методологического вопроса о том, что же есть по природе своей демонстративно-протестная преступность, содержание ее анализа может существенно различаться.

В рамках реализуемого нами исследования представляется необходимым определить собственный взгляд на проблему. В нашем представлении преступность не может быть адекватно понята без осознания того, что любое преступление, как элемент массива преступности, является актом поведения конкретного человека, условия формирования и личностные особенности которого накладывают свой отпечаток и на процессы детерминации преступления, и на его внешние проявления, и на специфику предупреждения. Потому «рабочие» определения преступности как совокупности преступлений и лиц, их совершающих [21, с. 18], признаются нами вполне оправданными. Криминологическая характеристика преступности во многом определяется полом, возрастом, социальным, правовым, психическим статусом лиц, совершающих те или иные преступления. По этой причине анализ преступности вне анализа криминологических особенностей личности преступника будет заведомо неполноценным.

Что касается соотношения уголовно-правового и криминологического понимания преступления и преступности. Это один из наиболее сложных и важных в теоретико-методологическом отношении вопрос, обсуждение которого, как представляется, вряд ли когда-либо завершится. Мы, безусловно, признаем ценность формального подхода к определению преступности, руководствуясь которым, в принципе, можно с самого начала исследования четко установить неоспариваемые границы его объекта [22, с. 653]. Но в тоже самое время, следуя принципам интервальной методологии, надо признать его ограниченность и узость. И дело здесь не только в известной исторической изменчивости круга преступных деяний. Применительно к объему демонстративно-протестной преступности с особой остротой проявляется

проблема условности границы между преступлением и административным проступком, в частности, когда речь идет о преступных деяниях, предусмотренных ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» или ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». Деяние, которое сегодня оценивается в качестве непроступного (административно наказуемого) через короткий промежуток времени может быть оценено (без трансформации уголовного закона) уже как непосредственно преступное. Игнорировать это обстоятельство в криминологическом анализе преступности, как представляется недопустимо. Кроме того, как отмечалось, в предыдущем параграфе исследования, ограничение объекта анализа исключительно уголовно-противоправными формами проявления демонстративно-протестной преступности, без связи с самим протестом и массивом административных правонарушений, не позволит вскрыть качественные особенности изучаемого объекта.

В решении вопроса о соотношении опасного и уголовно-противоправного, содержательного и формального в преступности, отечественная наука предложила несколько вариантов ответов, каждый из которых может в той или иной степени служить основой для того, чтобы, выходя за узко-юридические рамки преступности, вместе с тем оставаться в пределах ее криминологического познания. Так, Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер пишут о возможности и целесообразности совмещения диалектического и метафизического подходов к исследованию преступности. «Различие в подходах диалектического и метафизического методов познания состоит в концепциях определения преступления, а именно в его формальном или материальном определении, а также в характеристике детерминант преступности, понимании личности преступника и проблем предупреждения преступности. ... Одностороннее использование методов диалектики сказалось на том, что некоторые исследователи отстаивают формальный подход к определению понятия преступления, наиболее часто применяемый в уголовных законодательствах различных стран. Они утверждают, что преступлением является такое поведение человека, которое указано в уголовном законе в качестве такового, и только. Никаких сущностных свойств, характеризующих преступление как деяние, отличное от других видов человеческого поведения, не существует, поскольку государство давало разную правовую оценку одним и тем же видам человеческого поведения в зависимости от особенностей конкретной исторической эпохи. Такая позиция не позволяет определить, какие

объективные критерии необходимо использовать законодательно при криминализации деяний. Полагаем, что метафизика позволяет эти критерии выявить» [23, с. 109]. «Метафизический подход к понятию преступления и преступности является более предпочтительным. Его сторонники исходят из материального определения преступления, суть которого состоит в том, что деяние может быть включено в круг уголовно наказуемых деяний, если оно по своей правовой природе является преступлением» [24, с. 247]. И если Л. М. Прокументов и А. В. Шеслер на роль природообразующего свойства изучаемых криминологией деяний выдвигают греховность, то, к примеру, Д. А. Шестаков – вполне светский признак «значительной опасности» [25, с. 147].

Ю. М. Антонян в рассматриваемых целях корректирует представления о предмете криминологии. «Она изучает деяния, которые установлены законом в качестве преступных, но этим связь криминологии с законом и ограничивается. Криминология изучает социологические, психологические, при необходимости экономические, педагогические и иные проблемы преступности и преступного поведения, но не правовые. Поэтому определение преступности как правового явления носит условный характер. В связи с этим хотелось бы отметить, что криминология изучает не только преступность и преступное поведение, но и околопреступные проявления, которые являются фоном для преступности, активно способствуя ей. ... Не являясь преступными, эти действия теснейшим образом связаны с преступностью и влияют на совершение преступлений. Статистические и прочие данные о них весьма полезны для криминологии, хотя и характеризуют не состояние преступности, а общественного порядка и нравственности» [26, с. 57].

Наконец, теоретическое разграничение понятий «преступление» и «преступное поведение». С. И. Курганов, рассуждая о связи криминологии и уголовного права в определении преступности, пишет: «Криминолог, стараясь установить причины и последствия отклонения от нормы, в сферу своего изучения включает и предкриминальное, и посткриминальное поведение. Для уголовного права факта отклонения от нормы, факта противоправности деяния, недостаточно – необходимо установить степень общественной опасности, виновность и наказуемость этого отклонения. И далеко не каждый акт индивидуального преступного поведения будет квалифицирован как преступление. Поэтому понятия преступления и преступного поведения не совпадают не только в качественном, но и количественном отношении: второе по объему больше первого». И далее: «Понятие преступного поведения позволяет криминологии выйти за рамки чисто статистического анализа

и уголовно-правового подхода», «позволяет более органично (по сравнению с понятием преступности) вписать в криминологическую проблематику вопрос о личности преступника» [27, с. 101, 102, 122].

Таким образом, и на уровне методологии, и на уровне определения предмета криминологии, специалисты однозначно и вполне категорично говорят о необходимости преодоления узко-юридического, уголовно-правового понимания преступности. В связи с чем отмеченные выше уголовно-правовой и девиантологический подходы, образуя каждый свой интервал в понимании демонстративно-протестной преступности, должны не противопоставляться друг другу, но быть органично соединены. В любом случае это предполагает выход за пределы познания исключительно тех, совершенных во время протестных акций деяний, которые квалифицированы в качестве преступлений, но также исследование непреступных деяний, обладающих опасностью и (или) создающих риски причинения вреда – самих протестных акций и совершаемых во время их проведения административных правонарушений. Только при таком комплексном подходе научное представление о состоянии и тенденциях демонстративно-протестной преступности может считаться объективным и полным.

Список источников

1. Панкратов В. В. Методология и методика криминологического исследования. М. : Юридическая литература, 1972.
2. Криминология. Учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Инфра-М, Норма, 1997.
3. Ольков С. Г. Аналитическая криминология (курс лекций) : учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. Казань : Познание, 2008.
4. Криминология : учебник для студентов вузов / под ред. Г. А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010.
5. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодежная преступность. М. : Юрист, 2006.
6. Криминология : учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Инфра-М, Норма, 1997.
7. Криминология : учебник для студентов вузов / под ред. Г. А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010.
8. Сутурин М. А. Преступность как система // Сибирский юридический вестник. 2005. № 4. С. 62–67.
9. Иванцов С. В. Теоретические предпосылки развития системного подхода в криминологических исследованиях преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11. С. 125–128.

10. Пудовочкин Ю. Е., Игнатов А. Н., Кашкаров А. А. Интервальная методология в исследовании преступности : сущность, преимущества и перспективы // *Общество и право*. 2020. № 2 (72). С. 55–60.
11. Судакова Т. М. Криминологическое исследование : теоретико-методологические основы // *Все-российский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 4.
12. Гилянский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
13. Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2016. № 2 (24). С. 6–14.
14. Сироткин Ю. Л. Стигматизация как социокультурный феномен // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2015. № 2 (20). С. 100–106.
15. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон РООИ «Реабилитация», 2008.
16. Каменева В. А. Теоретические основы идеологических исследований. Краткий обзор // *Политическая лингвистика*. 2017. № 3 (63).
17. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства : пособие / П. В. Агапов и др. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017.
18. Tarrow, S. (1991). *Struggle, Politics, and Reform: Collective Action, Social Movements, and Cycles of Protest*. Ithaca, NY : Cornell University Press, P. 11.
19. Body-Gendrot, S. (2017). *Public Disorder and Globalization*. New York : Routledge. 188 p.
20. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение / под ред. К. К. Горяинова. М. : Норма, 2008.
21. Артюшина О. В. Криминологическая характеристика насильственной преступности в современной России // *Вестник Казанского юридического института МВД России*. 2015. № 2 (20).
22. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд. Моск. ун-та, 1969 // Кузнецова Н. Ф. *Избранные труды / предисл. В. Н. Кудрявцева*. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
23. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Методы криминологического исследования // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2020. № 37. С. 109.
24. Шеслер А. В. Методы криминологического исследования групповой преступности // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 446. С. 247.
25. Шестаков Д. А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006.
26. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М. : Логос, 2004.
27. Курганов С. И. Криминологическая теория: предпосылки и основания. М. : Юрлитинформ, 2015.

References

1. Pankratov V. V. *Methodology and methodology of criminological research*. M. : Legal Literature, 1972.
2. *Criminology. Textbook for jurists. universities / under the general editorship of A. I. Dolgova*. M. : Infra-M, Norm, 1997.
3. Olkov S. G. *Analytical criminology (course of lectures) : textbook. 2nd ed., add. and ispr*. Kazan : Cognition, 2008.
4. *Criminology : textbook for university students / edited by G. A. Avanesov. 5th ed., reprint. and additional*. M. : Unity-Dana, 2010.
5. Babaev M. M., Kruter M. S. *Youth crime*. M. : Lawyer, 2006.
6. *Criminology : textbook for jurists. universities / under the general editorship of A. I. Dolgova*. M. : Infra-M, Norm, 1997.
7. *Criminology : textbook for university students / edited by G. A. Avanesov. 5th ed., reprint. and additional*. M. : Unity-Dana, 2010.
8. Suturin M. A. *Crime as a system // Siberian Legal Bulletin*. 2005. No. 4. P. 62–67.
9. Ivantsov S. V. *Theoretical prerequisites for the development of a systematic approach in criminological studies of crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. No. 11. P. 125–128.
10. Pudovochkin Yu. E., Ignatov A. N., Kashkarov A. A. *Interval methodology in crime research: essence, advantages and prospects // Society and Law*. 2020. No. 2 (72). P. 55–60.
11. Sudakova T. M. *Criminological research: theoretical and methodological foundations // All-Russian Journal of Criminology*. 2017. Vol. 11, No. 4.
12. Gilinsky Ya. I. *Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other «deviations»*. SPb. : Law Center Press, 2004.
13. Komlev Yu. Yu. *The theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, meaning // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2 (24). P. 6–14.
14. Sirotkin Yu. L. *Stigmatization as a socio-cultural phenomenon // Bulletin of the Kazan Law Institute of the*

Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2 (20). P. 100–106.

15. Wittgenstein L. Logical and philosophical treatise. M. : Canon of the ROOI «Rehabilitation», 2008.

16. Kameneva V. A. Theoretical foundations of ideological research. A brief overview // Political Linguistics. 2017. No. 3 (63).

17. Activities of the Prosecutor's Office for the prevention of crimes against the foundations of the constitutional system and the security of the state : manual / P. V. Agapov et al. M. : Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2017.

18. Tarrow, S. (1991). Struggle, Politics, and Reform: Collective Action, Social Movements, and Cycles of Protest. Ithaca, NY : Cornell University Press, P. 11.

19. Body-Gendrot, S. (2017). Public Disorder and Globalization. New York: Routledge. 188 p.

20. Kondratyuk L. V., Ovchinsky V. S. Criminological dimension / edited by K. K. Goryainova. M. : Norma, 2008.

21. Artyushina O. V. Criminological characteristics of violent crime in modern Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 2 (20).

22. Kuznetsova N. F. Crime and criminality. M. : Moscow Publishing House. University, 1969 // Kuznetsova N. F. Selected works / foreword by V. N. Kudryavtseva. SPb. : Law Center Press, 2003.

23. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Methods of criminological research // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2020. No. 37. P. 109.

24. Shesler A. V. Methods of criminological research of group crime // Bulletin of Tomsk State University. 2019. No. 446. P. 247.

25. Shestakov D. A. Criminology. New approaches to crime and criminality. Criminogenic laws and criminological legislation. Countering crime in a changing world : textbook. 2nd ed., reprint. SPb. : Law Center Press, 2006.

26. Antonyan Yu. M. Criminology. Selected lectures. M. : Logos, 2004.

27. Kurganov S. I. Criminological theory: prerequisites and foundations. M. : Yurlitinform, 2015.

Информация об авторе

И. С. Ильин – доцент кафедры правопедия Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

I. S. Ilyin – Associate Professor of the Department of Jurisprudence of the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-107-112>

НИОН: 2015-0066-1/22-218

MOSURED: 77/27-011-2022-01-417

Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности

Оксана Сергеевна Капинус

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, rector@agprf.org

Аннотация. Статья посвящена вопросам законодательной регламентации уголовной ответственности за экологические преступления. На основе действующего уголовного и экологического законодательства, а также доктрины уголовного права, судебной практики и правовой статистики анализируются проблемы, связанные с бланкетными признаками составов экологических преступлений. Рассматриваются особенности внутри- и межотраслевой конкуренции норм об этих преступлениях.

Ключевые слова: экологические преступления, бланкетные признаки состава преступления, конкуренция уголовно-правовых норм, межотраслевая конкуренция норм уголовного и административного права

Для цитирования: Капинус О. С. Экологические преступления: проблемы уголовной ответственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 107–112. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-107-112>.

Original article

Environmental crimes: problems of criminal liability

Oksana S. Kapinus

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, rector@agprf.org

Abstract. The article is devoted to the issues of legislative regulation of criminal liability for environmental crimes. On the basis of the current criminal and environmental legislation, as well as the doctrine of criminal law, judicial practice and legal statistics, the problems associated with blanket signs of environmental crimes are analyzed. The features of intra- and intersectoral competition of norms on these crimes are considered.

Keywords: environmental crimes, blanket signs of a crime, competition of criminal law norms, intersectoral competition of criminal and administrative law norms

For citation: Kapinus O. S. Environmental crimes: problems of criminal liability. Bulletin of economic security. 2022;(1):107–12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-107-112>.

Стабильно ухудшающееся состояние окружающей природной среды стало для мирового сообщества одним из глобальных вызовов современности. При этом негативные антропогенные факторы приводят к ужасающим последствиям для экологии. Так, на протяжении многих лет существует Большое тихоокеанское мусорное пятно из пластика и иных отходов, которое находится в северной части Тихого океана. Занимая, по приблизительным оценкам специалистов, площадь от 700 тыс. до 1,5 млн км² (от 0,4 до 0,8 % общей площади Тихого океана), оно вмещает более 100 млн тонн мусора¹. И это далеко не един-

ственный источник, который несет реальную угрозу мировой экологии.

На этом фоне обращает на себя внимание тот факт, что до настоящего времени не существует международных договоров, в соответствии с которыми осуществлялась бы криминализация деяний, посягающих на экологическую безопасность. В то же время в других сферах, например в области противодействия коррупции или торговли людьми, такие документы подписаны.

Эффективная защита окружающей среды значительно осложняется тем, что вред экологии наносится как на международном уровне (для Российской Федерации это особенно актуально ввиду близости

¹ Официальный сайт ИД «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

© Капинус О. С., 2022

Китай с его динамично развивающейся экономикой, создающей существенную нагрузку на природные ресурсы, и недостаточным вниманием к охране природы), так и внутри страны (в результате промышленной деятельности крупных корпораций; преступных организаций, осуществляющих незаконное изъятие и контрабанду биологических ресурсов). В частности, из доклада российского отделения международной организации «Greenpeace», представленного в марте 2020 г., следует, что в России скопилось до 100 млрд тонн опасных отходов, которые угрожают здоровью и жизни 17 млн человек¹.

Причина создавшейся ситуации видится в противоречии экономических и экологических интересов развитых государств. Обратная сторона возросшего масштаба мировой экономики заключается в ее разрушительном воздействии на окружающую природную среду. К тому же зачастую стремление получить максимальную прибыль при минимуме затрат ведет к пренебрежению элементарными требованиями экологической безопасности, экономии на установке очистных сооружений, отказу от внедрения современных технологий переработки отходов и т. д.

Достаточно вспомнить экологические катастрофы техногенного характера, произошедшие в России за последние пять лет: в 2018 г. – прорыв дамбы алмазодобывающей компании «АЛРОСА» в Республике Саха (Якутия) и выброс в атмосферу сернистого ангидрида в городе Армянске; в 2019 г. – прорыв дамбы на реке Сейба в Красноярском крае; в 2020 г. – взрыв цистерны с мазутом в городе Находке и утечка дизельного топлива в селе Рыбное Красноярского края; в 2021 г. – взрыв подводного газопровода и пожар на реке Обь в Нижневартовске. Наконец, чрезвычайной ситуацией федерального масштаба обернулась утечка около 20 тыс. тонн дизельного топлива на ТЭЦ-3 Норильско-Таймырской энергетической компании в 2020 г., в результате которой площадь загрязнения почвы и водных объектов достигла 180 тыс. квадратных метров. Росприроднадзор оценил ущерб, нанесенный окружающей среде этой крупнейшей экологической катастрофой, почти в 148 млрд руб., из них вред объектам животного мира причинен на сумму 494 млн руб.²

Помимо этого необходимо отметить, что антропогенное воздействие является одним из ведущих факторов, обуславливающих ежегодные масштабные лесные пожары³. Так, в 2021 г. площадь, пройденная

огнем, достигла почти 19 млн га⁴, а ущерб превысил 10 млрд руб.⁵

Возникает закономерный вопрос – какой колокол должен прозвонить, чтобы ситуация изменилась? Между тем вопросы обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации приобретают в последнее время особое значение, учитывая, что наша страна, реализуя политику импортозамещения, наращивает собственное производство, а наличие теневого рынка в сфере природопользования и существенное проникновение в нее представителей криминала уже давно являются одним из главных вызовов современности.

В 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин провозгласил в качестве одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года создание комфортной и безопасной среды для жизни, что предполагает снижение выбросов опасных загрязняющих веществ, оказывающих наибольшее негативное воздействие на окружающую среду и здоровье человека, в два раза, а также ликвидацию наиболее опасных объектов накопленного вреда окружающей среде и экологическое оздоровление крупных водных объектов⁶.

В том же году после экологической катастрофы в Норильске под председательством Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова прошла коллегия о состоянии законности и практике прокурорского надзора за исполнением законодательства об охране и использовании недр; в структуре Главного следственного управления Следственного комитета России был создан специализированный отдел по расследованию экологических преступлений и преступлений с нарушением санитарно-эпидемиологических правил.

Одну из серьезных угроз экологической безопасности России представляют экологические преступления. Противдействию им уделяется самое пристальное внимание руководства страны и правоохранительных органов. Не в последнюю очередь это обусловлено стремлением принять исчерпывающие меры к минимизации размера ущерба от экологиче-

www.mnr.gov.ru/press/news/viktoriya_abramchenko_provela_vserossiyskoe_soveshchanie_po_podgotovke_k_pozharoopasnomu_sezonu_v_le/?sphrase_id=428606 (дата обращения: 02.03.2022).

⁴ Официальный сайт ФБУ «Центральная база авиационной охраны лесов «Авиалесоохрана». URL: https://public.aviales.ru/main_pages/openform1.shtml?2021-12-31 (дата обращения: 02.03.2022).

⁵ В Минприроды оценили экономический ущерб от лесных пожаров в России в 2021 году. Официальный сайт агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13265341> (дата обращения: 02.03.2022).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Доклад Greenpeace: эксперты оценили масштабы накопленного экологического ущерба в России [Электронный ресурс] // URL: <https://greenpeace.ru/news> (дата обращения: 02.03.2022).

² <https://sledcom.ru> (дата обращения: 01.03.2022).

³ Виктория Абрамченко провела всероссийское совещание по подготовке к пожароопасному сезону в лесах. Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <https://>

ских преступлений, значительная часть которого приходится на лесную отрасль. Неслучайно Президентом Российской Федерации в 2020 году был жестко поставлен вопрос о необходимости декриминализации лесной сферы¹.

Так, в 2021 г. по окончанным производством уголовным делам об экологических преступлениях размер причиненного материального ущерба составил 6,5 млрд руб. (в 2020 г. – 3,2 млрд руб., в 2019 г. – 3,6 млрд руб.). Еще больший размер он составил по делам, производство по которым было приостановлено, – более 17 млрд руб. в 2021 г. и более 16 млрд руб. в 2020 и 2019 гг. Дополнительно к этому более 25 млн руб. приходится на имущественный ущерб по материалам об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим обстоятельствам (в 2020 и 2019 г. этот показатель составлял более 9 и 26 млн соответственно)². По сравнению с приведенными цифрами суммы, добровольно выплаченные лицами, виновными в совершении экологических преступлений, очень малы: в 2021 г. – 1 млрд руб., в 2020 г. – 0,6 млрд руб., в 2019 г. – 0,4 млрд руб.

В связи с этим примечательным является тот факт, что в условиях ухудшения экологической обстановки случаи привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении экологических преступлений, относительно немногочисленны. Так, в 2021 г. зарегистрировано 20 289 экологических преступлений (за первое полугодие осуждено 2619 лиц), в 2020 г. зарегистрировано 22 676 указанных преступлений, осуждено 5299 лиц. Аналогичные показатели в 2019 г. составили 22 230 преступлений и 6 189 лиц, в 2018 г. 23 899 преступлений и 7 347 лиц, в 2017 г. – 24 379 преступлений и 7 825 лиц соответственно³.

Между тем в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) содержится 18 статей, объединенных в гл. 26 и устанавливающих ответственность за преступления, объектом которых выступают общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности, использования определенных компонентов природной среды. В общей сложности данные нормы содержат 47 составов преступлений, абсолютное большинство которых составляют деяния, относящиеся в соответствии со ст. 15 УК РФ

к категории преступлений небольшой и средней тяжести. Это обстоятельство в определенной степени ограничивает возможности полномасштабного проведения всего комплекса оперативно-разыскных мероприятий.

Нормы гл. 26 УК РФ относительно стабильны. На протяжении всего времени действия УК РФ с 01.01.1997 ни одно из экологических преступлений не было декриминализовано. Законодатель корректировал только санкции норм, а диспозитивные части ст. 246–262 УК РФ, за исключением нескольких норм, оставались неизменными.

Вместе с тем за последние 10 лет были криминализованы действия, нарушающие законодательство Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 3 ст. 253 УК РФ), самовольная добыча янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ч. 2–3 ст. 255 УК РФ), а также незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации (ст. 2581 УК РФ). В настоящее время перспективы по криминализации экологических правонарушений связаны с использованием института административной преюдиции в уголовном праве. Например, предлагается использовать данную модель применительно к установлению ответственности за сокрытие или искажение экологической информации (ст. 8.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), в условиях постоянно ухудшающейся экологической обстановки получение достоверной экологической информации приобретает критически важное значение [3, с. 57–60].

Особенностью законодательной регламентации уголовной ответственности в рассматриваемой сфере является комплексность, поскольку в систему соответствующих норм включены нормы не только уголовного, но и иных отраслей права: земельного, лесного, водного, горного, природоохранного и т. д. Это обусловило высокую степень бланкетности норм об ответственности за экологические преступления.

Использование бланкетного способа конструирования указанных уголовно-правовых норм является оптимальным для нужд законодателя, однако вызывает трудности в правоприменении. В таких нормах используется значительное количество специальных терминов из иных отраслей науки (например, «биологические агенты и токсины», «эпизоотии», «стимуляторы роста растений» и т. д.), в силу

¹ Совещание о развитии и декриминализации лесного комплекса. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64116> (дата обращения: 02.03.2022).

² Здесь и далее, если не указано иное, сведения приводятся на основании данных статистических форм № 1-ЕГС, 2-ЕГС и 4-ЕГС.

³ Данные приводятся на основании статистической формы № 1-ЕГС и формы № 10а Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017–2021 годы.

чего существует вероятность интерпретационных ошибок при их толковании. Особенно это актуально в случаях расхождения терминов, используемых в уголовном и ином отраслевом законодательстве. Яркими примерами являются ст. 246, 247, 248 и 254 УК РФ.

Так, в ст. 248 УК РФ «Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами» законодатель использует термины «микробиологические агенты», «биологические агенты», «токсины», хотя в биологии и медицине применяются иные понятия – «патогенные микроорганизмы», «патогенные биологические агенты».

Схожие замечания можно высказать и относительно диспозиции ст. 254 УК РФ «Порча земли», в которой содержатся такие специальные термины, как «удобрения», «ядохимикаты», «стимуляторы роста растений». Между тем земельное законодательство оперирует понятиями «пестициды» и «агрохимикаты», относя к последним химические мелиоранты и отдельные виды удобрений (Федеральный закон от 19.07.1997 № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами»). Термины «ядохимикаты» и «стимуляторы роста растений» не используются ни в одном федеральном законе, кроме УК РФ.

Сложность установления бланкетных признаков экологических преступлений приводит к тому, что в приговорах суда не всегда указывается, какие конкретно нормы экологического законодательства были нарушены подсудимым. Вместо этого делается ссылка на несоблюдение виновным своей должностной инструкции либо общих норм, содержащихся в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [6, с. 326–327]. Существенным препятствием является и то, что до настоящего времени и в теории, и в правоприменении отсутствует единое и бесспорное понимание экологического вреда, его справедливого измерения и оценки.

Помимо проблем, обусловленных бланкетностью норм об экологических преступлениях, указанные нормы имеют недостатки, которые затрудняют ограничение составов преступлений, предусмотренных гл. 26 УК РФ, от административных правонарушений, предусмотренных гл. 8 КоАП РФ. На практике это приводит к «избирательному» правоприменению, к принятию процессуальных решений по личному усмотрению, подмене уголовной ответственности мерами административно-правового характера, что является коррупциогенным фактором и влечет за собой существенное нарушение прав граждан. Данный вывод отчасти подтверждается постепенным снижением статистических показателей экологических преступлений на фоне роста числа смежных административных правонарушений в условиях относительной

стабильности уголовного и административного законодательства в этой сфере. Так, если в 2017–2020 гг. органами МВД России было пресечено соответственно 33 101, 31 535, 57 215 и 35 989 деяний, предусмотренных гл. 8 КоАП РФ «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», то в 2021 г. соответствующий показатель составил уже 113 183 правонарушения¹.

Ярким примером обозначенной проблемы является разграничение ст. 8.38 КоАП РФ и ст. 257 УК РФ, диспозиции которых, предусматривающие ответственность за нарушение правил охраны водных биологических ресурсов, являются фактически идентичными. Аналогичным образом добыча (уничтожение) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации либо охраняемых международными договорами, признается одновременно как уголовно, так и административно наказуемым деянием (ст. 8.35 КоАП РФ и ст. 258¹ УК РФ). Ученые полагают, что «при таких обстоятельствах единственным критерием разграничения видов публично-правовой ответственности являются положения части 2 статьи 14 УК РФ о малозначительности деяния, предоставляющие достаточно широкие возможности для усмотрения правоприменителя» [6, с. 314], что, безусловно, является недостатком законодательного регулирования.

В связи с этим ряд ученых обосновывают целесообразность дифференциации экологических преступлений и правонарушений в зависимости от конструкции составов, полагая, что предпочтительная модель такого разграничения заключается в отнесении материальных составов к сфере уголовно-правового регулирования, а формальных составов и составов поставления в опасность – к административно-правовой сфере [4, с. 313–317; 5, с. 160]. Однако в действующем законодательстве составы экологических преступлений и административных правонарушений сконструированы как по типу материальных, так и по типу формальных. В целом разделяя доктринальную точку зрения о нежелательности материальных составов административных правонарушений в сфере экологии, отметим, что с учетом особенностей посягательств на окружающую среду и ее отдельные компоненты, обусловленных возможностью причинения значительного и многообразного вреда, безусловный приоритет правовой охраны должен принадлежать УК РФ как единственному законодательному акту, способному обеспечить соразмерность ответственности за посягательства на природные объекты уровню их общественной опасности.

¹ Сведения приводятся на основании статистической формы № 1-АП (577) за 2017–2021 гг.

Другим аспектом обозначенной проблемы является конкуренция норм. Часто соотношение норм об экологических преступлениях бывает очень сложным, что требует неоднократного применения различных правил конкуренции норм при квалификации содеянного.

Дело в том, что нормы об экологических преступлениях образуют сложную систему. Часть норм посвящена защите отдельных компонентов природной среды: воды, морской среды (ст. 250, 252 УК РФ); атмосферного воздуха (ст. 251 УК РФ); земли, почв (ст. 254 УК РФ); недр (ст. 255 УК РФ); животного и растительного мира (ст. 248, 249, 256, 257, 258, 260, 261 УК РФ). Другие нормы запрещают определенные действия, которые ведут или могут привести к причинению вреда природной среде: проектирование, размещение, строительство, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию различных объектов с нарушением правил охраны природы (ст. 246 УК РФ); производство, транспортировка, хранение, захоронение, использование опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ); нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК РФ); нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов (ст. 262 УК РФ).

Например, при незаконной рубке лесных или иных насаждений на особо охраняемой природной территории, если при этом причиняется ущерб в значительном размере, действия виновного лица могут быть квалифицированы как по ст. 260 «Незаконная рубка лесных насаждений», так и по ст. 262 «Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов» УК РФ. При этом на практике встречается квалификация как по совокупности преступлений, так и по одной из указанных статей. Правильная уголовно-правовая оценка лежит в плоскости разрешения конкуренции этих норм, которые соотносятся как общая (ст. 262 УК РФ) и специальная (ст. 260 УК РФ), поскольку незаконная рубка лесных или иных насаждений на особо охраняемой природной территории является одним из возможных способов нарушения режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов. Однако эти обстоятельства, как правило, неочевидны для правоприменителей, что приводит к ошибкам при квалификации преступлений.

Наконец, проблемным вопросом привлечения к ответственности за совершение экологических преступлений является установление субъективных признаков рассматриваемых преступлений. Суды в приговорах по делам об экологических преступлениях зачастую не анализируют содержание их субъективной стороны (форму вины, вид умысла или неосторожности). Это обусловлено рядом причин: большой

сложностью процесса установления и доказывания признаков субъективной стороны; отсутствием во многих составах экологических преступлений юридической характеристики субъективной стороны; недооценкой значения субъективных признаков преступления как факторов, оказывающих влияние на его квалификацию и на назначение наказания [1, с. 151–154; 2, с. 7].

Подводя итог, отметим, что экологическая сфера является крайне важной для здоровья и благополучия населения, а охрана окружающей среды относится к числу первостепенных задач государства. Эти обстоятельства обуславливают перспективность дальнейшей разработки проблем юридической ответственности за совершение экологических преступлений ввиду обширного фактического материала, иллюстрирующего недостатки ее законодательной регламентации и реализации.

Успешное решение проблем ответственности за экологические преступления, которые обусловлены бланкетностью соответствующих правовых норм, видится в унификации специальной терминологии, используемой в уголовном законе и ином отраслевом законодательстве. Проблемы отграничения экологических преступлений от смежных преступных посягательств и административных правонарушений, а также установления субъективных признаков рассматриваемых деяний должны решаться комплексно: путем расширения и актуализации разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посредством научного-методического обеспечения правоприменительной деятельности, а также за счет повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов. Проблемы, которые связаны с трудноразрешимой конкуренцией норм, могут быть преодолены посредством совершенствования законодательной регламентации уголовной и административной ответственности за посягательства на экологическую безопасность.

Список источников

1. Баумштейн А. Б. Определение субъективной стороны в составах экологических преступлений // Новый юрид. журн. 2011. № 4.
2. Жевлаков Э. Н. Экологические преступления (уголовно-правовой и криминологический аспекты). М., 2002.
3. Карабанова Е. Н., Цепелев К. В. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Рос. юстиция. 2020. № 11.
4. Кузнецова Н. Ф. Преступления и иные правонарушения // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф.,

посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та имени М.В. Ломоносова, 27–28 мая 2004 г. М., 2005.

5. Староверов А. В. Разграничение преступлений и административных правонарушений по объективной стороне составов // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3.

6. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления : проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.

References

1. Baumstein A. B. Definition of the subjective side in the composition of environmental crimes // New law journal. 2011. № 4.

2. Zhevlakov E. N. Environmental crimes (criminal and criminological aspects). М., 2002.

3. Karabanova E. N., Tsepelev K. V. To the question of the prospect of using administrative prejudice in the criminal law of Russia // Russian justice. 2020. № 11.

4. Kuznetsova N. F. Crimes and other offenses // Correlation of crimes and other offenses : modern problems. Proceedings of the IV International scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of the founding of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, 27–28 мая 2004. М., 2005.

5. Staroverov A. V. Differentiation of crimes and administrative offenses on the objective side of the compositions // Bulletin of economic security. 2018. № 3.

6. Timoshenko Yu. A. Designing criminal law norms on responsibility for environmental crimes : problems of theory and practice : doctor of law dissertation. М., 2019.

Информация об авторе

О. С. Капинус – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. S. Kapinus – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 04.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 17.03.2022.

The article was submitted 04.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 614.8

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-113-117>

НИОН: 2015-0066-1/22-219

MOSURED: 77/27-011-2022-01-418

Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации «регуляторной гильотины»

Наталья Витальевна Ковалева¹, Станислав Борисович Немченко², Виктор Михайлович Шеншин³

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

^{2,3} Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

² nemchenko-st@mail.ru

³ vitya-shen@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются предпосылки и причины реформы контрольно-надзорной деятельности, цели, задачи и направления «регуляторной гильотины». Показана динамика изменений правового режима промышленной безопасности в сфере контрольно-надзорной деятельности. Освещены изменения процедуры лицензирования в сфере экспертизы промышленной безопасности, внедрения обязательного досудебного обжалования решений контрольно-надзорных органов, нового порядка регистрации опасных производственных объектов и федерального государственного горного надзора, дистанционного контроля и электронного документооборота на опасных производственных объектах. Приведен перечень нормативных актов, утративших силу. Сделан вывод, что одним из критериев эффективности и успешности изменений режима промышленной безопасности в условиях «регуляторной гильотины» должна стать динамика количества чрезвычайных ситуаций в промышленности.

Ключевые слова: промышленное законодательство, промышленная безопасность, контроль, надзор, регуляторная гильотина

Для цитирования: Ковалева Н. В., Немченко С. Б., Шеншин В. М. Регламентация контрольно-надзорной деятельности при обеспечении промышленной безопасности в ходе реализации «регуляторной гильотины» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 113–117. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-113-117>.

Original article

Regulation of control and supervisory activities in ensuring industrial safety during the implementation of the «regulatory guillotine»

Natalia V. Kovaleva¹, Stanislav B. Nemchenko², Viktor M. Shenshin³

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, doktor.kovaleva.nv@yandex.ru

^{2,3} Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Saint Petersburg, Russia

² nemchenko-st@mail.ru

³ vitya-shen@mail.ru

Abstract. The prerequisites and reasons for the reform of control and supervisory activities, goals, objectives and directions of the «regulatory guillotine» are considered. The dynamics of changes in the legal regime of industrial safety in the field of control and supervisory activities is shown. The changes in the licensing procedure in the field of industrial safety expertise, the introduction of mandatory pre-trial appeal of decisions of control and supervisory authorities, the new procedure for registration of hazardous production facilities and federal state mining supervision, remote control and electronic document management at hazardous production facilities are highlighted. The list of normative acts that have become invalid is given. It is concluded that one of the criteria for the effectiveness and success

© Ковалева Н. В., Немченко С. Б., Шеншин В. М., 2022

of changes in the industrial safety regime in the conditions of the «regulatory guillotine» should be the dynamics of the number of emergencies in industry.

Keywords: industrial legislation, industrial safety, control, supervision, regulatory guillotine

For citation: Kovaleva N. V., Nemchenko S. B., Shenshin V. M. Regulation of control and supervisory activities in ensuring industrial safety during the implementation of the «regulatory guillotine». Bulletin of economic security. 2022;(1):113–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-113-117>.

Обеспечение промышленной безопасности – это важное направление укрепления национальной безопасности страны [8]. Несмотря на то, что промышленная безопасность не названа в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации как сфера национальной безопасности, не вызывает сомнений, что промышленные объекты представляют угрозу безопасности российского государства [4]. Неуклонное соблюдение хозяйствующими субъектами требований и норм в рамках промышленного законодательства [2, с. 394] гарантирует достижение главной цели – обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Помимо потенциальной угрозы, промышленное производство во всей его совокупности, обеспечивает экономическое развитие государства и жизнедеятельность общества [3, с. 78–85]. Следовательно, государство предпринимает попытки по улучшению деятельности хозяйствующих субъектов. Важным и необходимым элементом такой планомерной работы выступает реформа контрольно-надзорной деятельности федеральных органов исполнительной власти.

По некоторым данным, всего в России действуют около 2 млн видов обязательных требований и 221 вид государственного контроля и надзора. Следовательно, большинство видов государственного контроля и надзора затрагиваются сегодня «регуляторной гильотиной» [5, с. 143–165].

По данным Правительства Российской Федерации, сейчас в России существует 46 контрольно-надзорных ведомств, которые проводят около 220 видов проверок на федеральном уровне, 50 проверок на региональном и 16 на муниципальном уровне. Обязательные требования к бизнесу при проверках содержат более 2 млн норм (из которых более 9 тысяч времен СССР), что затрудняет предпринимательскую деятельность [6, с. 102–109].

Указанное создает немало сложностей при регламентации такого рода отношений, поэтому возник вопрос об их упорядочивании и сокращении числа нормативных правовых актов, не соответствующих современным требованиям.

Для построения эффективной системы государственного контроля (надзора) Правительство Российской Федерации приняло решение провести административную реформу контрольно-надзорной деятельности путем отмены всех неактуальных нормативных актов в сфере надзора и контроля. Данная деятель-

ность получила название «регуляторной гильотины» [1, с. 108–109].

При реформировании контрольно-надзорной деятельности первостепенное значение имеет программа «Реформа контрольной и надзорной деятельности», утвержденная 21 декабря 2016 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (срок реализации – до 2025 г.)¹.

Механизм «регуляторной гильотины», первые подвижки к запуску которого наблюдались еще в 2015–2016 годах, заработал в полную силу в 2019 году. Применение механизма «регуляторной гильотины» стало основой масштабной стратегической реформы контрольно-надзорной деятельности. Данный механизм направлен на реформирование деятельности органов государственного контроля и надзора, актуализацию нормативных актов, некоего упрощения и доступности законодательства для бизнеса и создания более благоприятной атмосферы для предпринимательства.

Необходимость реформы контрольно-надзорной деятельности была очевидна уже после 2010 года. Так, в Книге жалоб и предложений российского бизнеса за 2014 год делался акцент на избыточности требований подзаконных актов – отраслевых и межотраслевых правил, а также на несоответствие норм и правил современным технологиям². Регулярное поступление от предпринимателей предложений по упрощению процедур проверок также подтверждают необходимость нового подхода к регламентации данных правоотношений.

В ежегодных посланиях Федеральному Собранию Российской Федерации Президент Российской Федерации регулярно акцентировал внимание на необходимости: завершения реформы контрольно-надзорной деятельности³; прекращения с 1 января 2021 года действия всех существующих в настоящее

¹ Утвержден паспорт приоритетной программы «Реформа контрольной и надзорной деятельности» // Сайт Правительства России. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://government.ru/news/25930/> (дата обращения: 10.09.2021).

² Книга жалоб и предложений российского бизнеса за 2014 год – доклад Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Росс.газ. 2020. 16 янв.

время нормативных актов в сфере контроля, надзора и ведомственных региональных приказов, писем и инструкций, при участии делового сообщества нужно обновить нормативную базу, сохранить только те документы, которые отвечают современным требованиям, остальные – сдать в архив¹.

Реализация задач, поставленных Президентом Российской Федерации, прослеживается в поэтапном признании недействительными устаревших актов, изданных органами государственного управления РСФСР и СССР, а также их отдельных положений². В результате происходит систематизация российского законодательства в рамках механизма «регуляторной гильотины», которая, по мнению Д. А. Медведева, относится к числу новых формирующихся стратегических долгосрочных институтов и механизмов общественной и экономической жизни.

По мнению А. Кудрина, «регуляторная гильотина» – «это не просто отмена старых инструкций или их переписывание в новые форматы, это та часть работы, которую требуется провести. Реформирование контрольно-надзорной деятельности должно иметь свой КРІ: сокращение списка контролируемых функций министерств и ведомств в два раза, а не просто отмену или переписывание старых инструкций. По многим направлениям контролирующие органы должны перейти на уведомительный анализ и на мониторинг через базы данных, то есть без всякой отчетности, разрешительных процедур должны анализировать, что происходит» [9, с. 178–186].

Целью регуляторной гильотины, как пишет А. В. Мартынов, является комплексное обновление обязательных требований, принятых ранее середины 2010 года, с одновременным проведением анализа фактических положительных (отрицательных) последствий принятия нормативных правовых актов, а также достижения заявленных целей регулирования [5, с. 144].

Одной из главных причин реформы контрольно-надзорной деятельности является устаревшая нормативная правовая база. Механизм «регуляторной гильотины» лег в основу реформы контрольно-надзорной деятельности Российской Федерации по той причине, что для внедрения новых, более эффективных алгоритмов и правил возникла необходимость в отмене устаревших подзаконных актов. До 2019 года Правительство Российской Федерации и комитеты при Министерствах делали упор на принятие феде-

ральных законов, упуская из виду подзаконные акты. Поэтому результаты анализа, проведенного членами рабочих групп, продемонстрировали, что практически во всех сферах экономики действуют нормативные правовые акты, которые впервые были приняты еще во времена СССР, а затем продлевались 2 и более раза.

Нормативная правовая база, частично состоящая из подзаконных актов, принятых до 1990 года, не соответствует запросам современной экономики и выступает искусственной преградой для развития предпринимательской деятельности. Специально созданные рабочие группы, руководствуясь Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 августа 2018 года № 1026³, признали избыточными и морально устаревшими 3 003 подзаконных акта, в числе которых – приказы, инструкции, межотраслевые и отраслевые правила, пр.

Главными причинами, по которым эти документы были признаны утратившими актуальность, является:

несоответствие инструкций и требований к технологическим процессам современным технологиям;

наличие в подзаконных актах, разработанных во времена СССР, требований, которые невозможно выполнить в современных реалиях;

наличие большого числа избыточных и дублирующих норм и правил в межотраслевых и отраслевых правилах, инструкциях и пр.;

отсутствие в устаревшей нормативно-правовой базе ряда норм, правил и механизмов, позволяющих осуществлять контроль за законностью коммерческой деятельности в отдельных сферах экономики [7, с. 723–727].

Реформирование на современном этапе включает в себя два направления:

1) построение новой системы обязательных требований, соответствующих современному уровню технологического развития и риск-ориентированному подходу;

2) установление детальных правил, относящихся к организации контрольно-надзорной деятельности⁴.

Работа по реализации концепции «регуляторной гильотины» в Российской Федерации проводится в соответствии с утвержденной Правительством Рос-

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20.02.2019 «Послание Президента Федеральному Собранию» // Росс.газ. 2019. 21 февр.

² Свыше 450 актов советских госорганов признаны недействительными // Сайт Правительства России. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://government.ru/news/39884/> (дата обращения: 10.09.2021).

³ Постановление Правительства РФ от 30.01.2015 № 83 (ред. от 31.12.2020) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения оценки фактического воздействия нормативных правовых актов») // www.pravo.gov.ru

⁴ Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утверждены Председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым 29 сентября 2018 г. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс».

сийской Федерации «дорожной картой»¹ с обязательным привлечением всех заинтересованных сторон – представителей предпринимательского, экспертного, научного сообществ – с применением разработанной Методики ее исполнения.

В целях реализации п. 2 «дорожной карты» Минэкономразвития Российской Федерации разработан проект Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», определяющий понятие обязательного требования, а также регламентирует процесс разработки и принятия таких требований, устанавливает цели и основные принципы их закрепления в законодательстве, обеспечивает закрепление на законодательном уровне механизма отмены с 1 января 2021 г. ранее действовавших обязательных требований.

Для эффективной реализации «регуляторной гильотины» издан Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», которым предусмотрено совершенствование такой деятельности. Принятие указанного акта позволило создать системное процессуальное регулирование контрольно-надзорной деятельности, которое должно минимизировать административное давление на бизнес.

«Регуляторная гильотина», в первую очередь, затронула наиболее зарегулированные отрасли: транспорт, экологию, промышленную безопасность, ветеринарию, санитарно-эпидемиологический надзор.

Контрольно-надзорная деятельность в сфере промышленной безопасности является ключевым элементом государственного регулирования промышленной безопасности.

Изменения правового режима промышленной безопасности в области контрольно-надзорной деятельности затронули следующие сферы:

1. Лицензирование в сфере экспертизы промышленной безопасности.
2. Обязательное досудебное обжалование решений контрольно-надзорных органов.
3. Новый порядок федерального государственного горного надзора
4. Отмена ряда нормативных актов.
5. Внедрение дистанционного контроля и электронного документооборота на опасных производственных объектах.
6. Новый порядок регистрации опасных производственных объектов.

Внедрение риск-ориентированного подхода с одной стороны, обусловлено защитой интересов граждан

и государства, а также снижением издержек, с другой – такой подход не всегда принесет ощутимую пользу, поскольку охват подконтрольных лиц и количество их проверок снизится, за счет чего может произойти дисбаланс в деятельности хозяйствующих субъектов, в результате чего возникает риск причинения существенного ущерба (вреда) охраняемым законом интересам.

Таким образом, в связи с применением «регуляторной гильотины» в правовом режиме промышленной безопасности сейчас происходит масштабная систематизация законодательства и смена парадигмы контрольно-надзорной деятельности.

Внедрение «регуляторной гильотины» в контрольно-надзорной деятельности в сфере промышленной безопасности повлечет позитивные последствия: позволит сформировать системное регулирование контрольно-надзорной деятельности, минимизировать административное давление, сократить излишние контрольно-надзорные проверки.

Однако исследователями подчеркивается, что «регуляторная гильотина» в указанной сфере кроме перспектив, требует серьезных организационно-правовых и управленческих усилий, а также таит в себе немало опасностей и сложностей для промышленных предприятий.

Список источников

1. Александров О. В. «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса // Торговая политика. 2019. № 1 (17).
2. Ковалева Н. В. Государственное управление в сфере производства. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития: монография / под общ. ред. проф., заслуженного юриста Российской Федерации Запольского С. В.; руководитель авторского коллектива Синичкина Ю. Л. М.: Прометей, 2017.
3. Ковалева Н. В. Значение регуляторов в управлении цифровой экономикой. Публично-правовые средства эффективности развития экономики и финансов. Том. Ч. 1. Публично-правовые средства цифровизации управления, экономического и социального пространства: монография / кол.авторов; под ред. Г. Ф. Ручкиной, М. А. Лапиной. М.: РУСАЙНС, 2020. 256 с.
4. Ковалева Н. В. Особенности регламентации отношений с участием алгоритмов (научная монография). Публично-правовые средства эффективности развития экономики и финансов. Ч. 1. Публично-правовые средства цифровизации управления, экономического и социального пространства: монография / кол.авторов; под ред. Г. Ф. Ручкиной, М. Ф. Лапиной. М.: РУСАЙНС, 2021. 256 с.

¹ План мероприятий («Дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины», утвержденный Председателем Правительства Российской Федерации Д. А. Медведевым от 29.05.2019 г. № 4714п-ПЗ6 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Мартынов А. В. Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5.

6. Овчинникова В. А., Власова Е. Л. О некоторых вопросах «регуляторной гильотины» в Российской Федерации // Мировая наука. 2021. № 5 (50).

7. Подколзина Е.А. Реформирование контрольно-надзорной деятельности Российской Федерации как правовое решение проблемы избыточности и морального устаревания нормативно-правовой базы // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 26.

8. Тихомирова Л. А. Пределы осуществления контрольно-надзорных мероприятий в области промышленной безопасности // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.

9. Шеншин В. М. Применение механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности Росгвардии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1.

References

1. Alexandrov O. V. «Regulatory guillotines» : international experience in removing obstacles for business // Trade policy. 2019. № 1 (17).

2. Kovaleva N. V. State management in the field of production. Forms and methods of public administration in modern conditions of development : monograph / under the general editorship of Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation Zapolsky S. V. ; head of the author's team Sinichkina Y. L. M. : Prometheus, 2017.

3. Kovaleva N. V. The importance of regulators in the management of the digital economy. Public-legal means of economic and financial development efficiency. Tom. P. 1. Public legal means of digitalization of management, economic and social space : monograph / Col.authors; edited by G. F. Ruchkina, M. A. Lapina. M. : RUSAINS, 2020. 256 p.

4. Kovaleva N. V. Features of regulation of relations involving algorithms (scientific monograph). Public-legal means of economic and financial development efficiency. P. 1. Public-legal means of digitalization of management, economic and social space : monograph / Col.authors ; edited by G. F. Ruchkina, M. F. Lapina. M. : RUSAINS, 2021. 256 p.

5. Martynov A. V. Prospects for the use of the «regulatory guillotine» mechanism in reforming control and supervisory activities // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2019. № 5.

6. Ovchinnikova V. A., Vlasova E. L. On some issues of the «regulatory guillotine» in the Russian Federation // World Science. 2021. № 5 (50).

7. Podkolzina E.A. Reforming the control and supervisory activities of the Russian Federation as a legal solution to the problem of redundancy and obsolescence of the regulatory framework // Innovations. The science. Education. 2021. № 26.

8. Tikhomirova L. A. Limits of implementation of control and supervisory measures in the field of industrial safety. Prepared for the ConsultantPlus system, 2020.

9. Shenshin V. M. Application of the mechanism of the «regulatory guillotine» in reforming the control and supervisory activities of Rosgvardiya // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2021. № 1.

Информация об авторах

Н. В. Ковалева – доктор юридических наук, доцент;

С. Б. Немченко – кандидат юридических наук, доцент;

В. М. Шеншин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. V. Kovaleva – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

S. B. Nemchenko – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

V. M. Shenshin – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.10.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 15.10.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 341

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-118-124>

НИОН: 2015-0066-1/22-220

MOSURED: 77/27-011-2022-01-419

Сотрудничество государств – членов Интерпола по противодействию незаконному обороту медицинской продукции в условиях пандемии

Иван Иванович Котляров¹, Юлия Владимировна Пузырева², Кристина Ивановна Зимина³

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ ikotlyarov@mail.ru

² yuliya_dugina@mail.ru

³ ashiha.ouwen5@gmail.com

Аннотация. Проведен анализ воздействия пандемии COVID-19 на транснациональную организованную преступность в фармацевтической сфере, в частности, в сфере незаконного оборота медицинской продукции. В материалах выявлены устойчивые тенденции таких изменений и определены потенциальные стратегии по противодействию меняющимся криминальным угрозам в рамках международного полицейского сотрудничества под эгидой Интерпола.

Ключевые слова: незаконный оборот медицинской продукции, фальсифицированная медицинская продукция, международное полицейское сотрудничество, Интерпол, уведомления, пандемия COVID-19

Для цитирования: Котляров И. И., Пузырева Ю. В., Зимина К. И. Сотрудничество государств – членов Интерпола по противодействию незаконному обороту медицинской продукции в условиях пандемии // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 118–124. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-118-124>.

Original article

Cooperation of the Interpol member states on combating illegal trafficking of medical products in the context of a pandemic

Ivan I. Kotlyarov¹, Yuliya V. Puzyreva², Kristina I. Zimina³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ ikotlyarov@mail.ru

² yuliya_dugina@mail.ru

³ ashiha.ouwen5@gmail.com

Abstract. The article analyzes the impact of the COVID-19 pandemic on transnational organized crime in the pharmaceutical sector, in particular, in the field of illicit trafficking in medical products. The materials identify stable trends of such changes and identify potential strategies for countering changing criminal threats within the framework of international police cooperation under the auspices of Interpol.

Keywords: illegal trafficking of medical products, falsified medical products, international police cooperation, Interpol, notifications, COVID-19 pandemic

For citation: Kotlyarov I. I., Puzyreva Yu. V., Zimina K. I. Cooperation of the Interpol member states on combating illegal trafficking of medical products in the context of a pandemic. Bulletin of economic security. 2022;(1):118–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-118-124>.

Пандемия COVID-19, охватившая земной шар в начале 2020 г., негативным образом отразилась на всех сферах человеческой жизнедеятельности. Однако для преступных групп отрицательная эпидемиоло-

гическая обстановка в мире послужила основой для реализации новых криминальных возможностей на теневом рынке медицинской продукции и извлечения колоссальной выгоды из сложившейся глобальной

© Котляров И. И., Пузырева Ю. В., Зимина К. И., 2022

проблемы нехватки медицинских и человеческих ресурсов. Ввиду этого преступная активность, связанная с незаконным оборотом медицинской продукции¹ (далее – НОМП), в условиях пандемии достигла беспрецедентных масштабов, что обусловило необходимость скорейшего и соразмерного реагирования со стороны международных полицейских организаций [2].

В мае 2021 г. Интерполом была проведена четырнадцатая по счету операция «Пангея»², в которой участвовали компетентные органы из 92 стран. По итогам проведенной операции было изъято 9 млн единиц фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции общей стоимостью 23 млн долларов США, задержано 277 подозреваемых. Было выявлено и закрыто рекордное со времени проведения первой операции «Пангея» в 2008 г. количество незаконных веб-сайтов – 113.000 единиц³.

Для понимания критического роста преступности в сфере НОМП приведем показатели и результаты операции Пангея за прошлый год. В марте 2020 г. Интерполом была проведена тринадцатая по счету операция «Пангея», в которой принимали участие компетентные органы из 91 государства. По итогам было изъято 4.4 млн единиц фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции общей стоимостью 14 млн долларов США, задержаны 121 подозреваемый, закрыто более 2 500 незаконных веб-сайтов, включая веб-сайты, страницы в социальных сетях, онлайн-магазины и онлайн-рекламу незаконных фармацевтических препаратов, связанных с COVID-19. Совместными

¹ В данных материалах под *незаконным оборотом медицинской продукции* будут пониматься правонарушения, к которым относятся: разработка, изготовление, производство, сбыт, приобретение в целях сбыта, отпуск, передача, поставка на любых условиях, хранение в целях сбыта, перевозка, пересылка, транзит, импорт или экспорт фальсифицированной, недоброкачественной и/или незарегистрированной медицинской продукции, а также покушение, пособничество, подстрекательство к совершению данных деяний и/или изготовление поддельных документов в целях совершения данных деяний. См.: Котляров И. И., Зимина К. И. Проблемы терминологической унификации предмета незаконного оборота медицинской продукции в нормах внутривнутригосударственного и международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 196–199.

² Операция «Пангея» – масштабное мероприятие, организованное Генеральным секретариатом Интерпола совместно с Всемирной таможенной организацией, которое проводится ежегодно с 2008 г. Международная операция направлена на противодействие торговле в сети Интернет незарегистрированными, фальсифицированными и контрафактными лекарственными средствами и медицинскими изделиями.

³ Operation Pangea // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2021/INTERPOL-launches-project-to-tackle-digital-piracy-following-COVID-19-linked-surge> (дата обращения: 27.07.2021).

усилиями правоохранительных органов была пресечена деятельность 37 организованных преступных групп⁴.

Результаты специализированных операций «Пангея» показывают, что основным предметом фальсификации по-прежнему являются лекарственные средства образа жизни и препараты, необходимые для спасения человеческой жизни⁵. Также был выявлен новый тренд в части предмета НОМП, а именно, фальсификация медицинской продукции, пользующейся повышенным спросом в период пандемии: медицинские маски и перчатки, санитайзеры, витамин С, противовирусные и противовоспалительные средства, наборы для детекции новой коронавирусной инфекции⁶.

Не менее сложные преступные тенденции были выявлены по мере разработки, признания и распространения вакцин от COVID-19 по всему миру.

В декабре 2020 г. все государства – члены Интерпола были призваны к повышенной готовности в отношении деятельности организованных преступных групп, направленной на фальсификацию наборов для детекции SARS-CoV-2 и вакцин от новой коронавирусной инфекции, а также подрывающих легальные цепи их поставок на реальном и виртуальном рынках медицинской продукции⁷.

Таким образом, пандемия COVID-19 вновь подтвердила высокую адаптивность преступников к актуальной ситуации на мировом и локальных рынках медицинской продукции и создала идеальные условия для совершенствования их преступной деятельности с учетом роста спроса на те или иные препараты. Это в свою очередь потребовало от Интерпола принятия своевременных и соразмерных решений

⁴ Global operation sees a rise in fake medical products related to COVID-19 // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2020/Global-operation-sees-a-rise-in-fake-medical-products-related-to-COVID-19> (дата обращения: 27.07.2021).

⁵ К таким препаратам относятся: таблетки от эректильной дисфункции, противораковое лекарство, успокоительные и седативные средства, анаболические стероиды, анальгетики/обезболивающие агенты нервной системы, дерматологические средства, витамины.

⁶ Поддельные лекарства могут быть опасны по целому ряду причин. Возможно, они были сфальсифицированы или намеренно неправильно маркированы. Запрещенные лекарства часто содержат неправильное количество активного ингредиента (слишком мало, слишком много или вообще ничего). Некоторые поддельные лекарства содержат ртуть, мышьяк, крысиный яд или цемент. В других случаях лекарства могут быть подлинными, но украденными, а затем плохо хранящимися или с истекшим сроком годности. Это означает, что они могут быть неэффективными или загрязненными.

⁷ INTERPOL warns of organized crime threat to COVID-19 vaccines // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-warns-of-organized-crime-threat-to-COVID-19-vaccines> (дата обращения: 27.07.2021).

для преодоления возникшей проблемы. Эффективное сотрудничество между национальными правоохранительными и регуляторными органами было признано жизненно необходимым условием обеспечения здоровья и благополучия граждан.

С учетом серьезности угрозы и в целях повышения оперативности реагирования на новые вызовы Интерпол выпустил уведомление с оранжевым углом, распространяющее информацию о потенциальной преступной активности, связанной с фальсификацией, хищением либо незаконным рекламированием вакцин против гриппа и COVID-19. Информация, размещенная в уведомлении, также включала детали и изображения подлинных вакцин и разрешенных методов доставки, предоставленных фармацевтическими компаниями для оказания помощи в идентификации поддельных флаконов [4].

Следует отметить, что своевременная рассылка Интерполом уведомлений о незаконных действиях преступных групп, связанных с вакциной против COVID-19, привела к проведению успешных полицейских операций в первые месяцы 2021 г. Уже в марте было объявлено о первых международных арестах и изъятиях в связи с поддельными вакцинами в Китае и Южной Африке.

Так, Южноафриканские органы власти изъяли на складе в Джермистоне (штат Гаутенг) около 400 ампул поддельных вакцин COVID-19, что эквивалентно 2 400 дозам, и большое количество поддельных защитных противовирусных масок. Проведение операции привело к аресту трех граждан Китая и гражданина Замбии¹. В Китае полиция успешно выявила сеть, продающую поддельные вакцины COVID-19, провела обыски в производственных помещениях, в результате чего было арестовано около 80 подозреваемых, изъято более 3 000 поддельных вакцин на месте происшествия. Расследование было поддержано и облегчено Программой Интерпола по незаконным товарам и глобальному здравоохранению (IGGH) – INTERPOL's Illicit Goods and Global Health (IGGH) Programme.

Помимо принятия мер по противодействию НОМП в условиях пандемии на глобальном уровне, Интерполом была проделана крупная аналитическая работа по выявлению основных трендов таких угроз на региональном уровне в целях выработки соразмерных локальных стратегий по борьбе с криминальными угрозами. В силу особой остроты НОМП на африканском континенте, в период пандемии Интерполом было уделено особое внимание данному региону [5].

¹ Fake COVID vaccine distribution network dismantled after INTERPOL alert // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2021/Fake-COVID-vaccine-distribution-network-dismantled-after-INTERPOL-alert> (дата обращения: 27.07.2021).

В 2017 г. Интерполом при финансовой поддержке Европейского союза был запущен проект ENACT для борьбы с организованной преступностью в Африке. Роль ИНТЕРПОЛА в этом проекте заключается в оказании помощи полицейским органам африканских государств в принятии активных стратегий борьбы с организованной преступностью, содействию обмену оперативной информацией и совершенствованию следственных и аналитических навыков при раскрытии и расследовании транснациональных преступлений². В рамках данного проекта осуществляется ряд комплексных инициатив, включая план «MEDISAFE», направленный на противодействие НОМП в восточном и центральном африканских регионах с целями борьбы с контрафактными и некачественными лекарствами и улучшения качества жизни и здоровья населения³. Проект имеет комплексный характер и охватывает шесть ключевых стратегий борьбы с производством и распространением фальсифицированных лекарств: повышение общественной осведомленности о проблеме НОМП, усиление правового регулирования в сфере обращения медицинской продукции и унификация законодательств государств африканского региона, совершенствование технического потенциала, развитие межведомственного и международного сотрудничества, обеспечение безопасности легальных цепей поставок фармацевтической продукции⁴.

С появлением пандемии COVID-19 с февраля 2020 г. проект MEDISAFE был сосредоточен на проведении анализа и мониторинга ситуации в странах в отношении некачественных и фальсифицированных лекарств, медицинских материалов и расходных материалов для COVID-19.

Аналитические исследования, проведенные в рамках проекта ENACT и MEDISAFE по исследуемому направлению за 2020 г., служат основанием для *следующих выводов*.

Основным источником фальсификата, поставляемого на африканский рынок, по-прежнему является азиатский регион, преимущественно Китай. Порт Момбаса, Республика Кения, выступает ключевым звеном нелегальной цепи поставок фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции на территорию Африки. В период пандемии поток такой продукции по данному направлению увеличился в разы, что существенно осложнило борьбу со

² Project ENACT // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/How-we-work/Criminal-intelligence-analysis/Project-ENACT> (дата обращения: 27.07.2021).

³ Assessment of COVID-19 pandemic impact on illicit medication in East Africa. Analytical report. December 2020. – INTERPOL, European Union, 2020. P. 4–5.

⁴ MEDISAFE. Action plan // MEDISAFE. URL: <https://www.medisafe-p66.eu/> (дата обращения: 27.07.2021).

второй и третьей волнами COVID-19 в африканском регионе. В качестве основных причин допущения столь значительного разрастания проблемы НОМП выступают коррупция и отсутствие унификации в сфере правового регулирования обращения медицинской продукции африканских государств, что существенно осложняет контроль за рынком и цепями поставок.

Основными субъектами НОМП выступают крупные организованные преступные группы, активно использующие общественную панику, вызванную пандемией, и средства ложного информирования с использованием сети Интернет для извлечения выгоды. Одним из примеров дезинформирования явилась активная пропаганда пользы сиропов от кашля для лечения COVID-19, что привело к многочисленным смертельным исходам в результате передозировки содержащимся в них кодеином¹. Ввиду беспрецедентного скачка количества преступлений, связанных с НОМП, в африканском регионе в 2020 г. в 11 африканских государствах, при поддержке Интерпола и во взаимодействии с ЕАРССО (East African Police Chiefs Coordination Organization) были учреждены контактные пункты для обмена информацией об актуальной ситуации на внутренних рынках медицинской продукции².

Изучая вклад Интерпола в организацию полицейского взаимодействия по борьбе с НОМП в период пандемии, следует отметить масштабную превентивную и профилактическую работу, проводимую данной организацией в условиях стремительного роста совершаемых преступлений, связанных с НОМП, а также в связи с повышенной виктимностью граждан, выражающих доверие информации на различных веб-сайтах и нетрадиционной медицине³.

В 2020 г. Интерполом была проведена широкомасштабная просветительская работа с населением о масштабах угрозы, основных методах и средствах совершения данных преступлений, а также трендах преступности в период пандемии путем публикации специализированных материалов на официальном сайте организации, печати информационных листовок, создания видеоматериалов по профилактике виктимного поведения.

Среди данных ресурсов можно выделить Рекомендации по выявлению фальсифицированной и

недоброкачественной медицинской продукции или Правило «Six Ps», обобщающее ключевые аспекты, позволяющие отличить оригинальный товар. А именно:

1. Место покупки (приобретение медицинской продукции на неизвестных вебсайтах и у непроверенных поставщиков опасно для жизни);

2. Рецепт (онлайн-аптеки, не требующие рецепта врача, когда он необходим, или выдающие его на основании прохождения тест-опроса без консультации фармацевта, не заслуживают доверия);

3. Обещания (многообещающие заявления, такие как «лекарство от всех болезней», «ограниченное количество – закупайте заранее», «нет риска для здоровья», «гарантия возвращения денежных средств», символизируют о возможной фальсификации продукции);

4. Цена (необходимость сравнения цен в проверенных компаниях и источниках с ценами на сайте приобретения, так как значительное снижение цены может являться признаком фальсификации либо некачественности);

5. Конфиденциальность (ввод персональных данных до удостоверения безопасности платежной системы сайта создает угрозу стать жертвой мошенничества с кредитными картами либо кражи личности);

6. Товар (необходимость сравнения товара с ранее приобретенным. Медицинская продукция опасна в случаях, если: содержит отличный состав или долю активных веществ; в инструкции по применению указаны дополнительные сферы применения либо побочные эффекты; отличается по размерам, цвету, форме или вкусу; маркировка отсутствует либо неверна; срок годности товара истек либо не указан; отсутствует информация о рекомендуемых условиях хранения; упаковка повреждена либо ненадлежащего качества; наличие орфографических или грамматических ошибок на упаковке или в инструкции по применению).

В случае возникновения сомнения относительно качества приобретенной медицинской продукции, Интерпол призывает граждан немедленно обращаться в полицию⁴.

Немаловажным аспектом деятельности Интерпола в период пандемии явилась крупномасштабная работа по обеспечению безопасности и здоровья не только населения, но и личного состава правоохранительных органов, что свидетельствует о комплексности работы организации.

Так, еще во время первой волны новой коронавирусной инфекции Интерполом было разработано Ру-

¹ Assessment of COVID-19 pandemic impact on illicit medication in East Africa. Analytical report. December 2020. – INTERPOL, European Union, 2020. P. 12.

² Combating falsified medicines in Eastern Africa. MEDISAFE Expertise France. 2020. P. 8.

³ Online vaccine scams: INTERPOL and Homeland Security Investigations issue public warning // INTERPOL. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2021/Online-vaccine-scams-INTERPOL-and-Homeland-Security-Investigations-issue-public-warning> (дата обращения: 27.07.2021).

⁴ Fake medicines // Официальный сайт Интерпола. URL: <https://www.interpol.int/Crimes/Illicit-goods/Shop-safely/Fake-medicines> (дата обращения: 30.07.2021).

ководство по организации деятельности правоохранительных органов в условиях пандемии COVID-19, содержащее основные рекомендации по обеспечению и защите здоровья граждан. В ноябре 2020 г. вышло второе издание данного Руководства с учетом международного опыта по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции и охране здоровья. Немаловажно, что руководство содержит подробные инструкции для поддержки сотрудников национальных правоохранительных органов в столь сложный период, ставящий под смертельную угрозу их собственное здоровье. Среди них можно выделить следующие:

1. Подробные рекомендации для сотрудников по организации и использованию защитных мер на службе и в быту в целях снижения риска инфицирования COVID-19.

2. Рекомендации по организации мер по привлечению сотрудников правоохранительных органов к работе по выявлению заболевших лиц и лиц, входивших с ними в социальный контакт, в целях снижения темпов распространения заболевания. Данный вид деятельности включает три основных этапа:

а) аналитическая работа, включающая определение местонахождения заболевших, выявление их вероятных контактов с другими людьми, отслеживание их перемещений в рамках национального законодательства с учетом необходимости соблюдения основных прав и свобод человека;

б) опросы заболевших и лиц, входивших с ними в контакт;

в) оперативная работа по выявлению вероятных заболевших, отказывающихся соблюдать режим самоизоляции, а также лиц, контактировавших с ними.

3. Рекомендации по обеспечению безопасности поставляемой медицинской продукции, необходимой для сохранения человеческой жизни, включая аппараты ИВЛ, средства индивидуальной защиты, респираторы и др., в силу повышенной угрозы их хищения по причине ограниченности ресурсов и общественной паники.

4. Рекомендации по своевременному и достоверному информированию населения о ситуации, связанной с пандемией COVID-19, включая ответы на вопросы общественности, опровержение недостоверной информации, привлечение специалистов из релевантных областей для консультирования граждан. Общественная пропаганда со стороны правоохранительных органов в условиях пандемии представляется особенно значимой, так как в период эпидемиологического кризиса и повышенной общественной тревожности полиция наряду с медицинскими учреждениями выступила первоочередной

инстанцией для оказания психологической помощи гражданам.

5. Рекомендации по своевременному реагированию на случаи умышленного распространения заболевания, такие как: умышленное нахождение заболевших лиц в местах скопления граждан и вхождение в контакт с прохожими, кашель и плевок в сторону сотрудников полиции, продажа зараженных человеческих выделений. Среди них: борьба с киберпреступностью, информирование сотрудников о возможных угрозах и мерах реагирования¹.

Другим представляющим интерес результатом аналитической работы Интерпола, по нашему мнению, является разработанная данной организацией в 2020 г. собственная классификация предмета НОМП, необходимость которой, согласно отчетам Интерпола, обуславливается повышенной сложностью и неоднозначностью дефиниций, принятых ВОЗ.

Согласно Интерполу, предмет НОМП образуют:

1. Фальсифицированная медицинская продукция – продукция, реальный состав которой не соответствует составу, заявленному на упаковке или в сопроводительной документации. Объект посягательства: здоровье и безопасность. Рекомендуемая квалификация: мошенничество, связанное с оборотом медицинской продукции.

2. Недоброкачественная медицинская продукция – продукция, не соответствующая стандарту качества (имеются повреждения, нарушены условия хранения и проч.). Объект посягательства: здоровье и безопасность. Рекомендуемая квалификация: мошенничество, связанное с оборотом медицинской продукции – административное санкционирование.

3. Просроченная медицинская продукция – продукция с истекшим сроком годности. Объект посягательства: здоровье и безопасность. Рекомендуемая квалификация: мошенничество, связанное с оборотом медицинской продукции.

4. Незарегистрированная медицинская продукция – продукция, не прошедшая установленную процедуру государственной регистрации, утверждения или лицензирования. Объект посягательства: установленный порядок ведения экономической деятельности, здоровье и безопасность. Рекомендуемая квалификация: мошенничество, связанное с оборотом медицинской продукции – административное санкционирование.

5. Медицинская продукция, произведенная с нарушением торговой марки или торгового знака. Объект посягательства: установленный порядок ведения экономической деятельности. Рекомендуемая квали-

¹ COVID-19 PANDEMIC. Protecting police and communities guidelines for law enforcement. Second Edition. November 2020. – INTERPOL, 2020. P. 5–11.

фикация: преступления, нарушающие права интеллектуальной собственности.

6. Медицинская продукция, произведенная с нарушением патента или дизайна. Объект посягательства: установленный порядок ведения экономической деятельности. Рекомендуемая квалификация: преступления, нарушающие права интеллектуальной собственности.

7. Медицинская продукция, изъятая из легального оборота – легальная продукция, сбываемая по нелегальным каналам. Объект посягательства: установленный порядок ведения экономической деятельности или налогообложения. Рекомендуемая квалификация: мошенничество, связанное с оборотом медицинской продукции – административное санкционирование.

8. Иная – нелегальная медицинская продукция, не подпадающая под вышеназванные категории¹.

По нашему мнению, данная классификация представляется несколько спорной относительно ее содержания и заявленной простоты. Подход ВОЗ относительно предмета НОМП является значительно более емким и структурирующим все составляющие предмета данного вида преступности с учетом законов логики, анализа норм законодательств и обычаев государств всех регионов мира и многолетнего опыта квалификации преступлений, связанных с НОМП. Ключевым же фактором нашего предпочтения классификации ВОЗ является ее новелла в части призыва международного сообщества к квалификации данных преступлений с точки зрения угрозы общественному здравоохранению, в то время как Интерпол рассматривает «фармацевтические преступления» преимущественно с точки зрения нарушения прав интеллектуальной собственности и экономических преступлений.

Учитывая тот факт, что Интерпол признается универсальной международной организацией, имеющей заслуженный авторитет на международной арене, полагаем, что данная квалификация, противоречащая глобальной концепции ВОЗ и Конвенции СЕ «Медикрим» относительно предмета НОМП, может усложнить дальнейшие процессы унификации и интеграции законодательств государств в сфере противодействия НОМП, а также вызвать затруднения в ходе правоприменительной практики [1; 3].

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что пандемия COVID-19 создала идеальные условия для процветания теневого рынка медицинской продукции. Данный факт вновь свидетельствует о готовности преступников использовать глобальные вызовы

человечеству для извлечения собственной материальной выгоды любыми средствами и жертвами, что, по нашему мнению, указывает на необходимость дальнейшего регулирования данной сферы на внутригосударственном и международном уровнях, а также ужесточения мер контроля за оборотом медицинской продукции и санкций за преступления, связанные с НОМП.

Принимаемые Интерполом во время пандемии меры в отношении противодействия НОМП свидетельствуют о всестороннем анализе данной организацией возникшей проблемы, что позволяет ей успешно разрабатывать комплексные стратегии по противодействию фармацевтической преступности во взаимодействии с многопрофильными компетентными органами государств с целями поддержания международного правопорядка, обеспечения безопасности и здоровья граждан.

Список источников

1. Конвенция Совета Европы о борьбе с фальсификацией медицинской продукции и сходными преступлениями, угрожающими здоровью населения (Конвенция «Медикрим») от 28 октября 2011 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211/htm>.
2. Зими́на К. И. Международное сотрудничество в борьбе с фармацевтическими преступлениями как одно из актуальных направлений деятельности Интерпола // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 19–21.
3. Котляров И. И., Зими́на К. И. Проблемы терминологической унификации предмета незаконного оборота медицинской продукции в нормах внутригосударственного и международного права // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 196–199.
4. Пузырева Ю. В. Тенденции развития транснациональной организованной преступности под влиянием пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2021. № 1. С. 143–146.
5. Пузырева Ю. В. Укрепление международного полицейского сотрудничества в свете вызовов и угроз со стороны транснациональной организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 173–176.
6. Assessment of COVID-19 pandemic impact on illicit medication in East Africa. Analytical report. December 2020. – INTERPOL, European Union, 2020. 25 p.
7. COVID-19 PANDEMIC. Protecting police and communities guidelines for law enforcement. Second Edition. November 2020. – INTERPOL, 2020. 28 p.

¹ INTERPOL Illicit Goods and Global Health Program, last updated June 2020.

8. CYBERCRIME: COVID-19 IMPACT. Analysis Report. August 2020. – INTERPOL, 2020. 20 p.

References

1. The Council of Europe Convention on Combating the Falsification of Medical Products and Similar Crimes that Threaten Public Health (the Medicrim Convention) dated October 28, 2011 // Official website of the Council of Europe. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/211/htm>.

2. Zimina K. I. International cooperation in the fight against pharmaceutical crimes as one of the most relevant areas of Interpol activity // Bulletin of Economic Security. 2017. No. 4. P. 19–21.

3. Kotlyarov I. I., Zimina K. I. Problems of terminological unification of the subject of illegal turnover of medical products in the norms of domestic and international law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 6. P. 196–199.

4. Puzyreva Yu. V. Trends in the development of transnational organized crime under the influence of the COVID-19 pandemic // Actual problems of medicine and biology. 2021. No. 1. P. 143–146.

5. Puzyreva Yu. V. Strengthening international police cooperation in the light of challenges and threats from transnational organized crime // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 6. P. 173–176.

6. Assessment of COVID-19 pandemic impact on illicit medication in East Africa. Analytical report. December 2020. – INTERPOL, European Union, 2020. 25 p.

7. COVID-19 PANDEMIC. Protecting police and communities guidelines for law enforcement. Second Edition. November 2020. – INTERPOL, 2020. 28 p.

8. CYBERCRIME: COVID-19 IMPACT. Analysis Report. August 2020. – INTERPOL, 2020. 20 p.

Информация об авторах

И. И. Котляров – профессор кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России;

Ю. В. Пузырева – заместитель начальника кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

К. И. Зими́на – кандидат юридических наук.

Information about the authors

I. I. Kotlyarov – Professor of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russia;

Yu. V. Puzyreva – Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

K. I. Zimina – Candidate of Legal Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.09.2021; одобрена после рецензирования 07.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 07.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-125-129>

НИОН: 2015-0066-1/22-221

MOSURED: 77/27-011-2022-01-420

Актуальные аспекты интеграции информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности

Дмитрий Александрович Кудряшов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия,

dima.kudryashov.d@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены современные направления развития информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности по отдельным основаниям. Изучены основные пути внедрения современных технологий в экспертную практику.

Всесторонне рассмотрены практическая и дидактическая позиции применения информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности.

Обозначены возможности экспертных технологий при производстве судебных экспертиз и экспертных исследований, а также проблематика их нормативно-правового регулирования.

Ключевые слова: судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, информационно-коммуникационные технологии, экспертные технологии, информационные системы, информационное обеспечение, информационные фонды

Для цитирования: Кудряшов Д. А. Актуальные аспекты интеграции информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности. Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 125–129. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-125-129>.

Original article

Actual aspects of the integration of information and communication technologies in forensic activities

Dmitry A. Kudryashov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

dima.kudryashov.d@mail.ru

Abstract. The current trends in the development of information and communication technologies in forensic activities on certain grounds have been considered. The main ways of introducing modern technologies into expert practice have been examined.

The practical and didactic positions of the use of information and communication technologies in forensic activities are comprehensively considered.

The possibilities of expert technologies in the production of forensic examinations and expert research, as well as the problems of their legal regulation are indicated.

Keywords: forensic examination, forensic activity, information and communication technologies, expert technologies, information systems, information support, information funds

For citation: Kudryashov D. A. Actual aspects of the integration of information and communication technologies in forensic activities. Bulletin of economic security. 2022;(1):125–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-125-129>.

В последнее время в результате многочисленных достижений научно-технологического прогресса про-

исходит и технологический рост оснащенности различных отраслей практической деятельности, в том

© Кудряшов Д. А., 2022

числе судебно-экспертной и криминалистической деятельности.

Современный этап развития института судебной экспертизы характеризуется активным распространением и внедрением в практическую деятельность информационно-коммуникационных систем. Практически во всех экспертных областях специальных научных знаний наблюдается интеграция инновационных цифровых и IT-технологий, что, в свою очередь, существенно увеличивает общий уровень развития экспертных технологий.

Как справедливо отмечают отдельные авторы [1, с. 180], процесс внедрения современных технологий в экспертную практику может осуществляться двумя основными путями.

Первый путь предполагает творчески использовать достижения математических, технических и естественных наук в целях приспособления современных цифровых технологий и информационных систем для нужд судебно-экспертной деятельности.

Другой путь – сложнее. Он требует формализации криминалистических и судебно-экспертных знаний, выделения базовых структур в этих сферах и создания на этой основе специализированных систем.

Современные экспертные технологии представляют собой динамическую систему программно-технических комплексов интеграции криминалистически значимой информации. Их основным назначением является применение современных и инновационных систем, в частности информационно-коммуникационных систем, для получения необходимой криминалистически значимой информации.

Представляется, что повсеместное использование данных систем позволяет значительно сокращать временные, трудовые и финансово-экономические затраты, связанные с организацией и производством судебных экспертиз. В частности, вышесказанное способствует более эффективному, качественному, а также, немало важно, своевременному и оперативно-му получению и использованию криминалистически значимой информации.

Таким образом, внедрение новейших инновационных информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертную и криминалистическую деятельность дает возможность: автоматизировать некоторые обыденные операции при производстве различных экспертных исследований; смоделировать решение самых сложных и разнообразных криминалистических ситуаций, при проведении комплексных и ситуационных (ситуалогических) экспертиз; расширить возможности поиска преступника по «горячим следам»; значительно уменьшить возможность допущения на практике следственных, экспертных и иных ошибок; а также многое другое.

Проанализировав криминалистическую и экспертную литературу, а также следственную и судебно-экспертную практику назначения, организации и производства судебных экспертиз, можно заключить, что одним из основных путей интеграционного развития экспертных технологий в судебно-экспертной деятельности является внедрение и использование информационно-коммуникационных технологий.

Вышеобозначенные технологии получили широкое распространение в связи со сложившейся в настоящее время эпидемиологической обстановкой и обозначали свою эффективность, в том числе в процессе организации и производстве экспертных исследований. Применение таких технологий в экспертно-криминалистической деятельности может способствовать следующему: открытости данных для определенного круга процессуальных субъектов; дистанционному взаимодействию; свободному доступу экспертов и сотрудников экспертных учреждений к электронным информационным сборникам (фондам); электронному консультированию; электронному информированию и прочему.

Внедрение и использование вышеобозначенных технологий в экспертной практике может осуществляться по нескольким основаниям. К таковым можно отнести:

- характер математического аппарата;
- характер решаемых экспертных вопросов;
- характер решения экспертных задач по оптимизации и повышению эффективности производства судебных экспертиз;
- также для выделения основных направлений развития информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности могут использоваться и другие основания.

Выделение характера математического аппарата, на базе которого функционируют информационно-коммуникационные технологии позволяет, на основе системно-структурного анализа, определять отдельные закономерности развития конкретных технологий. Например, особенности развития 3D сканирования отдельных объектов экспертного исследования.

Определение характера решаемых экспертных вопросов позволяет использовать конкретные экспертные технологии для решения: диагностических вопросов (определение пригодности и исправности огнестрельного оружия; определение пригодности и исправности патронов к огнестрельному оружию; установление способа их изготовления; установление пригодности следов для идентификации и т. д.); идентификационных вопросов (определение экземпляра огнестрельного оружия, из которого были выстрелены пули; определение экземпляра огне-

стрельного оружия, в котором были стреляны гильзы и т. д.); классификационных вопросов (классификация самодельного огнестрельного оружия; установление типа, вида патрона и т. д.); ситуационных вопросов (определение возможности производства выстрела без нажатия на спусковой крючок в заданных условиях; установление места нахождения стрелявшего и иных обстоятельств применения огнестрельного оружия и т. д.); а также прочих экспертных вопросов.

Установление характера решения экспертных задач по оптимизации и повышению эффективности производства судебных экспертиз позволяет выявлять актуальные в судебно-экспертной деятельности направления использования современных инновационных технологий.

Как, справедливо отмечают отдельные авторы [цит. по: 2, с. 52], к ним относятся: автоматизация измерений и первичной обработки данных; создание и эксплуатация автоматизированных банков данных о свойствах разнообразных объектов экспертного исследования; решение сложных вычислительных задач, возникающих как в научно-исследовательской деятельности, так и в судебно-экспертной практике, в частности, при проведении сложных комплексных и ситуационных экспертиз; создание и эксплуатация программного обеспечения для логического анализа данных; использование автоматизированных систем для решения различных экспертных задач, учета кадров, сбора статистических данных в области судебной экспертизы и многое другое.

Изучение зарубежного и отечественного опыта свидетельствует о том, что эффективность использования и применения информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности значительным образом связано с увеличением уровня автоматизации ее информационного обеспечения. Проанализировав экспертно-криминалистическую научную литературу, можно выделить закономерности формирования информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности. К таким закономерностям можно отнести:

– объектами экспертного исследования, в современном понимании их содержания, могут быть всевозможные разновидности веществ, материалов и изделий из них, каждые из которых характеризуются определенным комплексом признаков (морфологических, общих и частных);

– оперативное получение и использование криминалистически-значимой информации о конкретном объекте экспертного исследования и ее анализ с использованием современных автоматизированных систем и комплексов;

– одними из ключевых аспектов процесса автоматизации информационного обеспечения судебно-экс-

пертной деятельности становятся организационно-управленческие аспекты назначения и производства судебных экспертизы;

– прочие объективные закономерности формирования информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Однако, как подчеркивают некоторые авторы [2, с. 53], при анализе деятельности практических работников обращает на себя внимание следующее. Во-первых, слабое взаимодействие или же отсутствие обмена накопленной информации между участниками раскрытия и расследования преступлений. Большая часть оперативной информации остается в оперативных подразделениях и не используется в процессе раскрытия и расследования преступлений. Информация, получаемая в процессе судебно-экспертной деятельности, не всегда бывает востребована следователем. Во-вторых, сложилась негативная практика, когда для решения новой задачи создается специальная информационная система. На данное время, например, при решении сходных задач созданы и эксплуатируются свыше шести систем учета дактилоскопической информации, размещенных в субъектах федерации.

Если с первым обстоятельством, в части недостаточного взаимодействия обмена накопленной судебно-криминалистической информации между процессуальными участниками можно согласиться, в частности, данное обстоятельство наиболее актуально на межведомственном уровне, то второе утверждение, с нашей точки зрения, является спорным. Представляется не совсем корректным говорить о негативной практике создания специальных информационных систем под решения новых экспертных задач, так как эффективность использования информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности неразрывно связано с уровнем автоматизации ее информационного обеспечения, о чем обозначено ранее.

Одним из основных направлений использования современных информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной практике в последние годы является создание интерактивных систем искусственного интеллекта. Такие системы могут представлять собой составную часть автоматизированного рабочего места эксперта.

Использование подобных современных автоматизированных рабочих мест эксперта позволяет своевременно и беспрепятственно получить доступ к электронным информационным фондам, необходимым для производства судебных экспертиз и экспертных исследований. Электронные информационные фонды судебной экспертизы могут быть представлены в форме автоматизированных информационно-поисковых систем криминалисти-

чески значимых характеристик объектов экспертного исследования, программных комплексов для решения различных экспертных задач, электронных архивов экспертных заключений, справочников, каталогов и т. д.

Анализ теории и практики, свидетельствует о том, что применение на сегодняшний день информационно-коммуникационных экспертных технологий наиболее эффективно в процессе производства наиболее сложных комиссионных, комплексных или ситуационных (ситуалогических) судебных экспертиз и экспертных исследований. Также данные технологии, в последнее время, достаточно активно применяются в дидактическом и учебном процессе, при подготовке экспертных кадров, а их отдельные компоненты, в настоящее время, стали практически неотъемлемыми элементами современных образовательных дистанционных технологий.

Следовательно, представляется, что применение информационно-коммуникационных технологий в судебно-экспертной деятельности возможно рассматривать с практической и дидактической позиций.

С практической позиции, информационно-коммуникационные экспертные технологии можно рассматривать как процессы и методы взаимодействия между собой различных участников судопроизводства (суда, следователя, эксперта, руководителя экспертного учреждения, специалиста и т. д.), связанные с назначением, организацией и производством судебных экспертиз, реализация которых осуществляется с применением устройств вычислительной техники и технологий телекоммуникаций по средствам поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения криминалистически значимой информации.

С дидактической позиции, информационно-коммуникационными экспертными технологиями являются отдельные методики и программы обучения курсантов и студентов, обучающихся по специальности 40.05.03 – «Судебная экспертиза», а также сотрудников экспертных подразделений, осуществляющих обучение в рамках повышения их квалификации по отдельным экспертным специальностям и специализациям, которые в дидактическом процессе обучения предполагают применение современных инновационных технологий и систем, в частности, современных дистанционных образовательных технологий.

Данные методики и программы профессионального обучения должны своевременно изменяться, дополняться, совершенствоваться, улучшаться и регулироваться контролирующими органами по мере изменения: действующего законодательства, регулирующего образовательную сферу; научно-техни-

ческого прогресса; стоящих оперативно-служебных задач и пр.

Таким образом, соглашаясь с позицией отдельных авторов [3, с. 140], можно заключить, что на сегодняшний день, информационно-коммуникационные технологии представляют собой сложный механизм материальных взаимодействий. В данном контексте представляется актуальной проблематика нормативно-правового регулирования инновационных информационно-коммуникационных технологий.

В заключении, результаты вышесказанного подчеркивают тот факт, что активное внедрение в судебно-экспертную и криминалистическую практику информационно-коммуникационных технологий и их дальнейшее развитие в настоящее время затруднено. Однако, изучение передового опыта в аспекте возможностей современных информационно-коммуникационных технологий подчеркивает актуальность их дальнейшего развития и совершенствования, что значительно расширяет возможности производства как моноэкспертиз, так и более сложных и трудоемких комиссионных, комплексных и ситуалогических (ситуационных) экспертиз и экспертных исследований.

Список источников

1. Камалова Г. Г. Цифровые технологии в судебной экспертизе: проблемы правового регулирования и организации применения. // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. Т. 29. Вып. 2. 2019. С. 180–186.
2. Шеина Е. И. Информационно-коммуникационные технологии в судебно-экспертной деятельности // Актуальные проблемы информационного права и правовой информатики : матер. Межвуз. студ. конф. (Воронеж, 13 мая 2015 г.) / под ред. Ю. Г. Просвирнина, Л. Е. Мистрова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2015. С. 51–55.
3. Смирнова С. А., Колдин В. Я. Судебно-экспертные технологии: современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. Т. 14. № 4. 2019. С. 137–144.

References

1. Kamalova G. G. Digital technologies in forensic science: problems of legal regulation and organization of application. // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law. T. 29, No. 2. 2019. P. 180–186.
2. Sheina E. I. Information and communication technologies in forensic science // Actual problems of information law and legal informatics : mater.

Interuniversity. stud. conf. (Voronezh, May 13, 2015) / ed. SOUTH. Prosvirmina, L. E. Mistrova. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2015. P. 51–55.

3. Smirnova S. A., Koldin V. Ya. Forensic technologies : modern appearance and prospects // Theory and practice of forensic examination. Vol. 14, No. 4. 2019. P. 137–144.

Информация об авторе

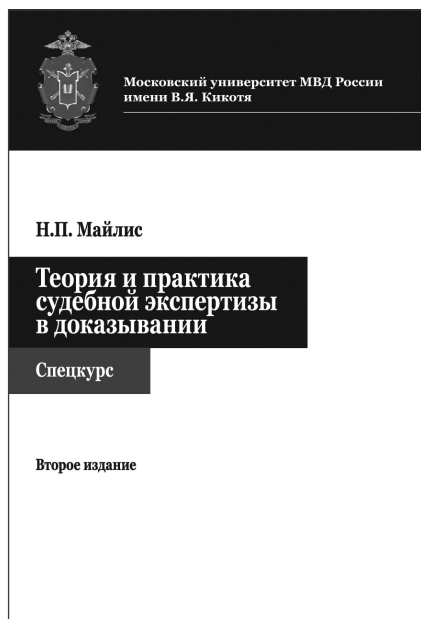
Д. А. Кудряшов – старший преподаватель кафедры оружейведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

D. A. Kudryashov – Senior Lecturer of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 04.07.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 04.07.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Теория и практика судебной экспертизы в доказывании. Спецкурс. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Майлис Н. П. 255 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Изложены истоки формирования и развития теории судебной экспертизы, основные теоретические понятия. Рассмотрены теория идентификации и диагностики, современная классификация судебных экспертиз, субъекты судебно-экспертной деятельности и система государственных экспертных учреждений. Раскрыто правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным и административным законодательством рассмотрены основные виды экспертиз, назначаемых правоохранительными органами.

Подробно изложены технологическое обеспечение производства судебных экспертиз, их доказательственное значение в раскрытии и расследовании преступлений. Должное внимание уделено информационному обеспечению судебно-экспертной деятельности, комплексным исследованиям, экспертной этике и экспертным ошибкам.

Для студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-130-133>

НИОН: 2015-0066-1/22-222

MOSURED: 77/27-011-2022-01-421

Использование процессов интеграции и дифференциации знаний в судебной экспертизе при решении идентификационных и диагностических задач

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются возможности использования процессов интеграции и дифференциации при решении идентификационных и диагностических задач. Определено значение интеграции при производстве комплексных и ситуалогических экспертиз. Показаны современные подходы использования интегрированных знаний при применении инновационных технологий.

Ключевые слова: интеграция, дифференциация, комплексные и ситуалогические экспертизы

Для цитирования: Майлис Н. П. Использование процессов интеграции и дифференциации знаний в судебной экспертизе при решении идентификационных и диагностических задач // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 130–133. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-130-133>.

Original article

Using the processes of integration and differentiation of knowledge in forensic expertise in solving identification and diagnostic tasks

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

Abstract. The article discusses the possibilities of using integration and differentiation processes in solving identification and diagnostic problems. The importance of integration in the production of complex and situational examinations is determined. Modern approaches to the use of integrated knowledge in the application of innovative technologies are shown.

Keywords: integration, differentiation, complex and situational expertise

For citation: Maylis N. P. Using the processes of integration and differentiation of knowledge in forensic expertise in solving identification and diagnostic tasks. Bulletin of economic security. 2022;(1):130–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-130-133>.

Актуальность темы предопределяет необходимость изучения процессов интеграции и дифференциации в судебно-экспертной деятельности, их взаимообусловленности при производстве судебных экспертиз. Большое внимание вопросам интеграции и дифференциации знаний, уделяла Т. В. Аверьянова. Еще в 1994 г. ею была издана монография «Интеграция и дифференциация научных знаний как источники и основы новых методов судебной экспертизы». Эта работа послужила формированию общей теории

судебной экспертизы, и как отмечала Т. В. Аверьянова, «саму возможность ее создания как результата научно-технического прогресса специфической сферы человеческой деятельности», имея ввиду судебную экспертизу. Позже в своей книге «Судебная экспертиза. Курс общей теории» 2006 г., она более подробно рассматривала проблемы интеграции и дифференциации знаний в судебно-экспертной деятельности и на основе анализа этих процессов, обозначала прогнозирование развития судебной экспертизе.

© Майлис Н. П., 2022

В настоящее время процессы интеграции в судебной экспертизе занимают прочное место и доминирующее положение по сравнению с дифференциацией. Объясняется такой подход рядом факторов. Благодаря заимствованию судебной экспертизой методов и технических средств из разных областей знаний, а также за счет появления новых инновационных технологий, осуществляется более эффективное решение экспертных задач. Интеграция, в которой происходит синтез юридических, естественных и технических знаний, сближение наук, которые не только взаимодействуют, но и взаимно обогащают друга, ставит ее на более высокую ступень при решении экспертных задач. При этом интеграция научных знаний может проявляться в разных формах. В судебно-экспертной деятельности она осуществляется и в унификации понятийного аппарата, и взаимопроникновении методов, например, при производстве комплексных экспертиз, и во многих других проявлениях. В этой связи, можно выделить и такие формы интеграции, как внутридисциплинарную и междисциплинарную. Так, например, в трасологии, учитывая большое разнообразие исследуемых объектов, на внутридисциплинарном уровне на основе интеграции выделены: сама трасология в класс и в ней новые роды и виды экспертиз.

На междисциплинарном уровне выделяется ситуалогическая экспертиза, в которой, в свою очередь, сформированы ситуационные судебно-трасологические, ситуационные судебно-баллистические, ситуационные взрыво-технические. Междисциплинарный уровень является более высоким, на котором, на основе интеграции знаний решаются ситуалогические медико-трасологические, ситуалогические медико-баллистические и другие задачи.

Несмотря на значимость интеграции, не менее важное значение в судебной экспертизе занимают и процессы дифференциации. Дифференциация наук с исторической точки зрения, была прогрессивным явлением, но, как справедливо отмечает М. Г. Чепиков, «со временем этот процесс стал носить «узковедомственный» характер наук, затруднял их взаимодействие в дальнейшем ...предметы исследования, объективная логика познания единого мира настоятельно требовали объединения наук, синтеза знаний» [1]. Дифференциация предвзяла процессы интеграции и исходя из предмета судебной экспертизы, благодаря дифференциации формировались новые роды и виды судебных экспертиз. Анализ экспертной деятельности позволяет утверждать, что несмотря на доминирующее положение интеграции в современных условиях, нельзя пренебрегать процессами дифференциации, они продолжают и будут осуществляться, исходя из различных объектов, задач и методов исследования.

Исходя из контекста обозначенной темы, кратко рассмотрим процессы интеграции при решении идентификационных и диагностических задач, отметив их особенности в каждом направлении.

Как известно, при решении идентификационных задач устанавливается групповая принадлежность или конкретное тождество исследуемых объектов. В тех случаях, когда невозможно решить такие задачи на уровне одного экспертного направления, к экспертизе привлекаются специалисты из других областей знаний и на основе их интеграции проводятся совместные исследования.

Классическим примером является проведение комплексных и ситуалогических экспертиз при исследовании различных свойств объектов. При производстве, например, трасологических экспертиз при исследовании механических повреждений на одежде, привлекаются судебно-медицинские эксперты для изучения травмы на теле, при обнаружении на оружии травмы (ноже) волокон от одежды – эксперты-химики, при обнаружении посторонних наложений в виде частиц эпителия, клеток внутренних органов, крови – судебные медики биологии. Более широкий круг задач с использованием интегрированных знаний может быть использован по делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями. В этих случаях расширен и круг исследуемых объектов. Например, при наезде на человека, изучаются и следы на транспортном средстве, и следы и повреждения на одежде и теле человека, и волокна от одежды потерпевшего на транспортном средстве, и микрочастицы лакокрасочного покрытия от автомобиля на одежде и многие другие включения растительного и почвенного происхождения. При этом характерным для интеграции является использование методов из других наук.

При производстве ситуалогических экспертиз также используются интегрированные знания, но несколько в ином виде. В большей мере решаются диагностические задачи, в частности, определяется алгоритм их решения при установлении механизма совершения преступления, способы передвижения преступника, выявление последствий от его действий и других факторов. Исходя из теории диагностики, в которой рассматриваются закономерности процесса распознавания объектов по их признакам, установление механизма события, определения факта изменения свойств и признаков объекта, удастся установить его сущность, связанного с событием преступления. При этом осуществляется его сравнение с объектом, его признаками и их отображениями, не связанными с событием преступления.

В то же время проводятся и идентификационные исследования различных объектов. Анализируя их результаты, с учетом решения диагностических за-

дач, формулируются общие выводы в виде экспертных алгоритмов.

Как правило, при решении ситуационных задач производится экспертный эксперимент. Он осуществляется в целях реконструкции произошедшего события, на основе комплексного изучения вещной обстановки места происшествия, которую составляют и следы, и объекты, обнаруженные на месте происшествия, а также различные факторы, влияющие на механизм их образования, например, физическое состояние участников происшествия, метеорологические условия, освещение, время суток и др. В некоторых случаях, когда производится следственный эксперимент, для участия в нем может быть приглашен и эксперт. По результатам следственного эксперимента, эксперт может получить полезную информацию для решения поставленных перед ним вопросов при производстве конкретной экспертизы.

В практике проведения криминалистических экспертиз, экспертный эксперимент проводится в рамках ситуалогической экспертизы после определенного количества собранной доказательственной базы, например, после проведения первичных экспертиз (дактилоскопической, биологической, инженерно-технической и др.). В практике судебно-медицинских экспертиз, принято проводить ситуалогическую экспертизу во время осмотра места происшествия или сразу после него [2].

На наш взгляд, целесообразнее проводить такие экспертизы, как было отмечено выше, после частично собранного фактического материала, и на основании его изучения и анализа, с учетом проведенных экспериментов, восстановить (реконструировать) событие происшествия.

В настоящее время, в век использования высоких технологий, информатизации, компьютеризации и автоматизации в судебно-экспертной деятельности, интеграция знаний занимает важнейшее место, так как способствует более эффективному раскрытию и расследованию преступлений. Это подтверждается накоплением эмпирических данных, в том числе не только в других науках, но и с развитием инновационных технологий, при которых осуществляется интеграция и дифференциация знаний. На этой основе соответственно происходит совершенствование методов при производстве судебных экспертиз.

Как известно, достаточно широким внедрением на уровне интеграции при производстве судебных экспертиз научно-технических средств является использование таких современных технологий, как 3D-технологии, 3D-моделирования, 3D-сканирования. Но, как показывает практика производства судебных экспертиз, несмотря на то, что по отдельным экспертным направлениям внедрение

таких технологий осуществляется, например, в компьютерно-технической экспертизе, но по ряду других, например, в судебно-трасологической, судебно-баллистической, идет достаточно медленно. Определенные подходы использования современных технологий, в частности, в судебно-трасологической экспертизе, предлагались в специальной литературе [3], но пока на практике эффективного внедрения их не наблюдается.

На наш взгляд, в настоящее время требуется более интенсивно использовать информационные технологии при исследовании различных видов объектов и следов. В этой связи, целесообразно разрабатывать частные методики с использованием современных инновационных технологий, в том числе, по объектам трасологической и дактилоскопической экспертизы, которые наиболее часто встречаются при осмотре мест происшествий.

Выводы. В целом же, интеграция знаний позволяет выполнять не только требования уголовно-процессуального законодательства при проведении экспертных исследований в аспекте объективности и достоверности, но и их полноты. Полнота, в свою очередь, может быть обеспечена за счет взаимодействия различных наук, т. е. благодаря комплексному подходу. При использовании его удастся объединить усилия различных специалистов при решении общей задачи и установить фактические данные, способствующие раскрытию и расследованию преступлений.

Список источников

1. Чепиков М. Г. Интеграция науки. М., 1975. С. 110.
2. Майлис Н. П. Проблемы совершенствования научных и методических основ ситуалогической экспертизы. Сб. «Труды симпозиума». ФГБУ РЦСМЭ Минздрава России. М., 2020.
3. Несмиянова И. О. 3D сканирование в экспертной деятельности: понятие, сущность, возможности и технические пути реализации // System and management. 2020. Т 2. № 2. С. 50–67.

References

1. Chepikov M. G. Integration of science. M., 1975. P. 110.
2. Mailis N. P. Problems of improving the scientific and methodological foundations of situational expertise. Sb. «Proceedings of the symposium». FSBI RCSME of the Ministry of Health of Russia. M., 2020.
3. Nesmeyanova I. O. 3D scanning in expert activity: concept, essence, possibilities and technical ways of implementation // System and management. 2020. T. 2. № 2. P. 50–67.

Информация об авторе

Н. П. Майлис – профессор кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

N. P. Maylis – Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Educational and Scientific complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor

Статья поступила в редакцию 06.04.2021; одобрена после рецензирования 17.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 06.04.2021; approved after reviewing 17.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Концепция учения о следах и проблемы в судебной экспертизе. Майлис Н. П. Науч. издание. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия.

Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-134-137>

НИОН: 2015-0066-1/22-223

MOSURED: 77/27-011-2022-01-422

Особенности экспертного исследования механизма ДТП с участием спецтранспорта

Павел Михайлович Мурашев¹, Евгений Александрович Рошин², Анатолий Васильевич Кандауров³, Владимир Кадырович Дадабаев⁴

^{1,2,3} Научно-исследовательская судебно-экспертная группа «Содействие», Тверь, Россия

⁴ Тверской государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Тверь, Россия

¹ myptver@gmail.com

² evro.83@mail.ru

⁴ VKDadabaiev@yandex.ru

Аннотация. В статье подробно представлены особенности экспертного исследования механизма ДТП с участием спецтранспорта.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, Федеральный закон РФ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 05 апреля 2001 г., экспертное исследование, судебная экспертиза, исходные данные, компетенция эксперта, автотехническая экспертиза, непосредственная техническая причина ДТП, механизм ДТП, безопасность дорожного движения, техническая квалификация действия водителей, спецтранспорт, ДТП с патрульными транспортными средствами, спецсигнал

Для цитирования: Мурашев П. М., Рошин Е. А., Кандауров А. В., Дадабаев В. К. Особенности экспертного исследования механизма ДТП с участием спецтранспорта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 134–137. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-134-137>.

Original article

Features of the expert study of the mechanism of accidents with the participation of special transport

Pavel M. Murashev¹, Evgeny A. Roshchin², Anatoly V. Kandaurov³, Vladimir K. Dadabaev⁴

^{1,2,3} Research Forensic Expert Group «Assistance», Tver, Russia

⁴ Tver State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Tver, Russia

¹ myptver@gmail.com

² evro.83@mail.ru

⁴ VKDadabaiev@yandex.ru

Abstract. The article presents in detail the features of an expert study of the mechanism of road accidents with the participation of special vehicles.

Keywords: Russian Federation, legislation, Federal Law of the Russian Federation «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» dated April 05, 2001, expert research, forensic examination, initial data, expert competence, auto-technical expertise, immediate technical cause of the accident, accident mechanism; road safety, technical qualification of the action of the drivers, special transport, traffic accidents with patrol vehicles, special signal

For citation: Murashev P. M., Roshchin E. A., Kandaurov A. V., Dadabaev V. K. Features of the expert study of the mechanism of accidents with the participation of special transport. Bulletin of economic security. 2022;(1):134–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-134-137>.

С учетом того обстоятельства, что движение дованных спецсигналами (световыми и звуковыми), спецтранспорта, т. е. транспортных средств, оборуду- регламентируется отдельными нормами и требова-

© Мурашев П. М., Рошин Е. А., Кандауров А. В., Дадабаев В. К., 2022

ниями ПДД РФ, что, в свою очередь, налагает дополнительные обязанности на остальных участников дорожного движения, экспертное установление механизма ДТП с участием таких транспортных средств требует особого методического подхода. Именно анализ этих особенностей и является предметом данной статьи.

В полном соответствии с нормами и требованиями п. 3.1 ПДД РФ для получения преимущества в движении водители транспортных средств, оборудованных специальными сигналами, выполняя неотложное служебное задание, могут отступать от некоторых требований Правил (подробнее об этом ниже) исключительно при условии обеспечения безопасности движения.

Для получения преимущества перед другими участниками движения водители таких транспортных средств должны включить проблесковый маячок синего цвета и специальный звуковой сигнал.

При этом важнейшей нормой, обеспечивающей безопасность движения и представленной в этом пункте Правил, является следующая: «Воспользоваться приоритетом они могут, только убедившись, что им уступают дорогу».

Что касается остальных водителей, то в полном соответствии с нормами и требованиями п. 3.2 ПДД РФ они обязаны уступить дорогу для обеспечения беспрепятственного проезда транспортного средств со спецсигналами.

Следует отметить, что сочетание приведенных выше положений пунктов 3.1 и 3.2 ПДД РФ еще раз подтверждает принцип обоюдности требований к участникам движения по обеспечению безопасности движения в условиях их взаимодействия в дорожном движении.

В этой связи важнейшими вопросами автотехнической экспертизы при установлении механизма ДТП с участием транспортных средств со спецсигналами является оценка технической возможности реализации каждым водителем, причастным к такому ДТП, всех относящихся к нему норм и требований п.п. 3.1 и 3.2 ПДД РФ.

Конкретно речь может идти о возможности водителя спецтранспорта оценить, что ему уступают дорогу, и он может отступать от соответствующих требований ПДД РФ, т. е. о наличии условия обеспечения безопасности движения.

Экспертная практика расследования ДТП с участием спецтранспорта позволяет назвать дорожные ситуации, когда водитель такого транспортного средства технически не может убедиться, что ему уступают дорогу, т. е. убедиться в безопасности движения.

Это, например, ситуация на перекрестке, когда из-за других транспортных средств, в силу ограничения видимости и обзорности, водитель спецтранспорта

не может видеть транспорт, приближающийся по пересекемой дороге.

Ясно, что в такой ситуации возможности убедиться в том, что ему уступают дорогу, нет возможности, несмотря на включенные спецсигналы, в силу того, что отсутствует визуальный контакт, а звуковой сигнал далеко не всегда идентифицируется другими водителями в части направления, откуда приближается спецтранспорт.

Другая ситуация. Водитель спецтранспорта движется, опережая транспортный поток, например по проезжей части встречного направления. Водители движущихся впереди автомобилей могут воспринимать лишь звуковой сигнал, но в условиях городской застройки далеко не всегда имеется возможность установить, с какого направления приближается спецтранспорт, в связи с чем возникает ситуация, когда спецтранспорту дорогу не уступают.

Достаточно часто водители такого транспорта включают специальный звуковой сигнал слишком поздно, лишая тем самым других водителей возможности адекватно и своевременно оценить реальную дорожную обстановку и уступить дорогу спецтранспорту.

Это означает, что требование к водителям такого транспорта относительно возможности отступать от требований ПДД РФ и получать преимущество в движении, исключительно после того, как они убедятся, что им уступают дорогу, является безальтернативным и предполагает неукоснительное выполнение этой нормы, т. е. убедиться в том, что другие участники движения уступают дорогу.

Тщательное экспертное исследование этого обстоятельства является необходимым условием для объективного установления механизма ДТП с участием спецтранспорта.

Далее следует привести методические особенности для экспертного исследования действий остальных водителей в плане оценки возможностей реализации ими норм и требований п. 3.2 ПДД РФ с учетом реальных дорожных условий и психофизиологических возможностей человека.

Совершенно очевидно, что в случае, когда транспорт с включенными спецсигналами приближается в поле видимости и обзорности водителя иного транспортного средства, то в полном соответствии с нормами и требованиями п.п. 3.2 и 10.1 ПДД РФ каждый водитель должен воспринимать это обстоятельство (сочетание мигающего проблескового маячка синего цвета и специального звукового сигнала) как объективный признак реальной опасности для движения.

В таком случае техническая возможность реализации норм и требований п. 10.1 ПДД РФ, а именно, «принять возможные меры к снижению скорости транспортного средств вплоть до остановки» должна

оцениваться путем сопоставления величины исходного расстояния от автомобиля до линии движения спецтранспорта (его траектории) в момент его обнаружения водителем, с величиной расстояния, необходимого для остановки при условии движения с разрешенной в данном месте скоростью.

Такая оценка позволит сделать обоснованный вывод о наличии, либо отсутствии у водителя технической возможности предотвратить столкновение со спецтранспортом и обеспечить безопасность движения путем реализации норм и требований п. 3.2 ПДД РФ.

Что касается тех случаев, когда на участке приближения к месту пересечения траекторий спецтранспорта и других видов транспортных средств прямой визуальный контакт между их водителями отсутствует, то речь может идти о возможности определения водителями по специальному звуковому сигналу лишь направления, с которого может приближаться спецтранспорт.

При этом такая возможность существенно зависит от того, движется ли спецтранспорт со встречного, попутного, либо поперечного направления.

По различным экспертным оценкам, время надежной и достоверной идентификации направления, с которого приближается транспорт со специальным звуковым сигналом водителем, другого транспортного средства может составлять от 2 до 5 секунд.

Ясно, что за такое время исходное расстояние между этими транспортными средствами может существенно сократиться.

В этой связи с экспертной точки зрения, имея в виду, что специальный звуковой сигнал также можно рассматривать как косвенный признак возникновения опасной дорожной ситуации, можно констатировать также необходимость в полном соответствии с нормами и требованиями п. 10.1 ПДД РФ снижения скорости транспортного средств.

Иначе говоря, даже при отсутствии прямого визуального контакта со спецтранспортом каждый водитель должен воспринимать специальный звуковой сигнал как объективный признак опасной дорожной ситуации.

При этом в Правилах дорожного движения указаны соответствующие технические меры обеспечения безопасности движения, позволяющие не допустить преобразования опасной дорожной ситуации в аварийную, как водителем спецтранспорта, так и иными водителями.

Необходимость и актуальность совершенствования методики экспертного расследования дорожно-транспортных происшествий с участием спецтранспорта были продиктованы существенным увеличением количества подобных ДТП в последнее время, особенно с автомобилями СМП.

Таким образом, можно со всей определенностью констатировать, что никакого абсолютного приоритета в движении транспорта с включенными спецсигналами в ПДД РФ нет, этот приоритет приобретает в каждой конкретной дорожной ситуации лишь при условии, что водитель спецтранспорта имеет возможность убедиться и убеждается, что ему уступают дорогу.

Библиографический список

1. Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изменениями и дополнениями).
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 г. Москва «О судебной экспертизе по уголовным делам».
3. ГОСТ 34.401-90. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Средства технические периферийные автоматизированных систем дорожного движения. Типы и технические требования.
4. ГОСТ Р 52282-2004 Технические средства организации дорожного движения. Светофоры дорожные. Типы и основные параметры. Общие технические требования. Методы испытаний (с Изменением № 1).
5. ГОСТ Р 52290-2004 Технические средства организации дорожного движения. Знаки дорожные. Общие технические требования (с Поправками, с Изменениями № 1, 2, 3).
6. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 26.03.2020) «О Правилах дорожного движения» (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения»).
7. Расследование дорожно-транспортных происшествий. Под редакцией В. А. Федорова и Б. Я. Гаврилова. М., 2003.
8. Евтюков С. А., Васильев Я. В. Дорожно-транспортные происшествия : расследование, реконструкция, экспертиза. ДНК. 2008.
9. Методические рекомендации для экспертов РФЦ СЭ МЮ. 1995 г.

Bibliographic list

1. Law «On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation» dated May 31, 2001 No. 73-FZ (with amendments and additions).
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 28 of December 21, 2010, Moscow «On forensic examination in criminal cases».
3. GOST 34.401-90. Information technology. A set of standards for automated systems. Technical peripheral

means of automated traffic systems. Types and technical requirements.

4. GOST R 52282-2004 Technical means of traffic management. Traffic lights are on the road. Types and basic parameters. General technical requirements. Test methods (with Amendment № 1).

5. GOST R 52290-2004 Technical means of traffic management. Road signs. General technical requirements (as Amended, with Amendments № 1, 2, 3).

6. Decree of the Government of the Russian Federation № 1090 dated 23.10.1993 (ed. dated

26.03.2020) «On the Rules of the Road» (together with the «Basic Provisions on the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety»).

7. Investigation of traffic accidents. Edited by V. A. Fedorov and B. Ya. Gavrilov. M., 2003.

8. Evtuykov S. A., Vasiliev Ya. V. Traffic accidents: investigation, reconstruction, expertise. DNA. 2008.

9. Methodological recommendations for experts of the Russian Federation SE MU. 1995.

Информация об авторах

П. М. Мурашев – председатель Научно-исследовательской судебно-экспертной группы «Содействие», ведущий судебный эксперт;

Е. А. Рошин – ведущий судебный эксперт Научно-исследовательской судебно-экспертной группы «Содействие», ведущий судебный эксперт;

А. В. Кандауров – ведущий судебный эксперт Научно-исследовательской судебно-экспертной группы «Содействие», кандидат технических наук, доцент;

В. К. Дадабаев — доцент кафедры судебной медицины с курсом правоведения Тверского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор медицинских наук, доцент.

Information about the authors

P. M. Murashev – Chairman of the Scientific Research Forensic Expert Group «Assistance», Leading Forensic Expert;

E. A. Roshchin – Leading Forensic Expert of the Scientific Research Forensic Expert Group «Assistance», Leading Forensic Expert;

A. V. Kandaurov – Leading Forensic Expert of the Scientific Research Forensic Expert Group «Assistance», Candidate of Technical Sciences, Associate Professor;

V. K. Dadabaev – Associate Professor of the Department of Forensic Medicine with the course of Jurisprudence of the Tver State Medical University of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation, Doctor of Medical Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-138-146>

НИОН: 2015-0066-1/22-224

MOSURED: 77/27-011-2022-01-423

Правовое регулирование и особенности риск-ориентированной модели государственного контроля (надзора) в сфере дошкольного образования

Федор Георгиевич Мышко¹, Светлана Евгеньевна Титор²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Россия

¹ fg_myshko@guu.ru

² setitor@mail.ru

Аннотация. На основе анализа законодательной базы и правоприменительной практики выявлены особенности регулирования государственного контроля (надзора) в сфере дошкольного образования, в том числе с применением риск-ориентированной модели. По результатам анализа определены принципы регулирования дошкольного образования, соотношения федерального, регионального регулирования и регулирования органами местного самоуправления дошкольного образования. Установлены группы нормативных правовых актов, регулирующих дошкольное образование. Выявлены специальные критерии, позволяющие отнести дошкольные образовательные организации к соответствующей категории риска.

Ключевые слова: дошкольное образование, риск-ориентированный подход, категории риска, виды нарушений в сфере дошкольного образования

Для цитирования: Мышко Ф. Г., Титор С. Е. Правовое регулирование и особенности риск-ориентированной модели государственного контроля (надзора) в сфере дошкольного образования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 138–146. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-138-146>.

Original article

Legal regulation and features of the risk-based model of state control (supervision) in the field of preschool education

Fyodor G. Myshko¹, Svetlana E. Titor²

^{1,2} State University of Management, Moscow, Russia

¹ fg_myshko@guu.ru

² setitor@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the legislative framework and law enforcement practice, the features of regulation of state control (supervision) in the field of preschool education, including with the use of a risk-oriented model, are revealed. Based on the results of the analysis, the principles of regulation of preschool education, the ratio of federal, regional regulation and regulation by local self-government bodies of preschool education are determined. Groups of normative legal acts regulating preschool education have been established. Special criteria have been identified that make it possible to attribute preschool educational organizations to the appropriate risk category.

Keywords: preschool education, risk-oriented approach, risk categories, types of violations in the field of preschool education

For citation: Myshko F. G., Titor S. E. Legal regulation and features of the risk-based model of state control (supervision) in the field of preschool education. Bulletin of economic security. 2022;(1):138–46. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-138-146>.

Вопросы образования, в том числе дошкольного образования, являются вопросами совместного ведения России и ее субъектов и регламентируются Феде-

ральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1] (далее – Закон об образовании), решаются органами государ-

© Мышко Ф. Г., Титор С. Е., 2022

ственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования, а также органами местного самоуправления муниципальных районов и городских округов и образовательной организацией.

Соотношение регионального и федерального регулирования дошкольного образования строится на следующих принципах:

– нормы, регулирующие отношения в сфере образования и содержащиеся в законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, должны соответствовать Закону об образовании и не могут ограничивать права или снижать уровень предоставления гарантий по сравнению с гарантиями, установленными этим законом;

– в случае несоответствия норм, содержащихся в актах регионального законодательства об образовании, нормам Закона об образовании применяются нормы федерального закона.

Среди законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых субъектами Российской Федерации с целью регулирования образовательных отношений, можно выделить нормативные правовые акты:

– регулирующие общие вопросы образования в конкретном регионе (например, Закон г. Москвы от 20 июня 2001 г. «О развитии образования в городе Москве» [2], Закон Республики Дагестан от 16 июня 2014 г. «Об образовании в Республике Дагестан» [3] и др.). Данные нормативные правовые акты устанавливают принципы деятельности органов государственной власти субъекта Российской Федерации по развитию образования, регулируют формы участия органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, образовательных учреждений и организаций, физических и юридических лиц в развитии образования в субъекте и направлены на обеспечение прав жителей субъекта Российской Федерации на получение образования, а также на поддержку развития образовательной деятельности;

– нормативно-правовые акты, принимаемые по вопросам, отнесенным к компетенции субъектов Российской Федерации (например, Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 407-ПП «О мерах по развитию дошкольного образования в городе Москве» [4], указ Президента Республики Башкортостан от 31 декабря 2009 г. «Об утверждении Концепции развития национального образования в Республике Башкортостан» [5] и др.). Данные нормативно-правовые акты разрабатываются с целью совершенствования и дальнейшего развития дошкольного образования;

– нормативные правовые акты, закрепляющие особые гарантии для участников образовательных правоотношений (например, Закон г. Москвы от

28 апреля 2010 г. «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве» [6], Закон Хабаровского края от 14 февраля 2005 г. «О мерах социальной поддержки работников образовательных учреждений и дополнительных гарантиях права на образование отдельным категориям обучающихся» [7]). Данные нормативные правовые акты закрепляют дополнительные гарантии для некоторых категорий граждан, таких как дети с ограниченными возможностями здоровья, дети-инвалиды и т. д., а также стимулирующие работников образовательных организаций;

– нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы установления родительской платы и компенсации части родительской платы за присмотр и уход за детьми в образовательных организациях (постановление Ленинградской области от 13 апреля 2018 года № 125 «Об утверждении Порядка обращения за получением компенсации части родительской платы за присмотр и уход за детьми в образовательных организациях Ленинградской области, реализующих образовательную программу дошкольного образования, а также ее выплаты» [8]).

Муниципальные образования наделяются определенными полномочиями в сфере образования Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [9], Федеральным законом от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]. В соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления [9] в Российской Федерации» к вопросам местного значения относятся:

– организация предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам;

– организация предоставления дополнительного образования детям и общедоступного бесплатного дошкольного образования на территории муниципального образования;

– организация отдыха детей в каникулярное время и т. д.

Согласно статье 9 Закона об образовании к полномочиям органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов по решению вопросов местного значения в сфере образования относятся:

1) организация предоставления общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования по основным общеобразовательным программам в муниципальных образовательных организациях (за исключением полномочий по финансовому обе-

спечению реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами);

2) организация предоставления дополнительного образования детей в муниципальных образовательных организациях (за исключением дополнительного образования детей, финансовое обеспечение которого осуществляется органами государственной власти субъекта Российской Федерации);

3) создание условий для осуществления присмотра и ухода за детьми, содержания детей в муниципальных образовательных организациях;

4) создание, реорганизация, ликвидация муниципальных образовательных организаций (за исключением создания органами местного самоуправления муниципальных районов муниципальных образовательных организаций высшего образования), осуществление функций и полномочий учредителей муниципальных образовательных организаций;

5) обеспечение содержания зданий и сооружений муниципальных образовательных организаций, обустройство прилегающих к ним территорий;

6) учет детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, закрепление муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа;

7) осуществление иных установленных настоящим Федеральным законом полномочий в сфере образования.

Как и применительно к нормативным правовым актам, принимаемым на уровне субъекта Российской Федерации в отношении муниципальных правовых актов, регулирующих образовательные отношения, Законом об образовании устанавливается требование о соответствии содержащихся в нем норм предписаниям федерального закона. Этот принцип обеспечивает единство и непротиворечивость законодательства об образовании.

Среди муниципальных нормативно-правовых актов в сфере дошкольного образования следует выделить следующие документы:

– нормативно-правовые акты об установлении учредителем платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми, осваивающими образовательные программы дошкольного образования в дошкольных образовательных организациях (например, постановление Свободненского района Амурской области от № 915 от 10 октября 2017 «Об установлении платы, взимаемой с родителей (законных представителей) ребенка в образовательных организациях Свободненского района, реализующих программы дошкольного образования» [10], постановление Администрации муниципально-

го района № 368 «Об установлении размера родительской платы за присмотр и уход за детьми, осваивающими образовательные программы дошкольного образования в образовательных организациях муниципального района «Шилкинский район» [11] и т. д.);

– нормативно-правовые акты о порядке комплектования муниципальных дошкольных образовательных организаций и дошкольных групп в муниципальных общеобразовательных организациях (постановление Администрации муниципального района «Борзинский район» Забайкальского края от 16 апреля 2018 № 152 «О порядке комплектования муниципальных дошкольных образовательных организаций и дошкольных групп в муниципальных общеобразовательных организациях «Борзинского района», реализующих основную образовательную программу дошкольного образования» [12] и т. д.);

– нормативно-правовые акты, закрепляющие определенные территории за муниципальными образовательными организациями (постановление Администрации города Кировска от 31 января 2019 «О закреплении территорий муниципального образования город Кировск с подведомственной территорией за муниципальными образовательными организациями» [13] и т. д.);

– нормативно-правовые акты, регламентирующие предоставление информации об организации общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях» (например, постановление Администрации МО «Оловянинский район» Забайкальского края «Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Предоставление информации об организации общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях» [14] и т. д.).

Согласно статье 30 Закона об образовании образовательная организация принимает локальные нормативные акты, содержащие нормы, регулирующие образовательные отношения (далее – локальные нормативные акты), в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Российской Федерации в порядке, установленном ее уставом.

При принятии локальных нормативных актов, затрагивающих права обучающихся и работников образовательной организации, учитывается мнение советов обучающихся, советов родителей, представительных органов обучающихся, а также представительных органов работников (при наличии таких представительных органов) в порядке и в случаях, которые предусмотрены трудовым законодательством.

Локальные акты можно разделить на группы по следующим категориям: локальные акты, регламентирующие образовательные отношения, и локальные акты, регламентирующие трудовые отношения.

Локальные нормативные акты, регламентирующие образовательные отношения:

1. Образовательная программа (основная образовательная программа, дополнительная общеразвивающая программа). Документ, обеспечивающий образовательную деятельность дошкольной организации.

2. Режим занятий. Регулирует порядок и условия проведения занятий, формы их проведения и время.

3. Правила приема в дошкольную образовательную организацию. Разрабатываются образовательной организацией в соответствии с частью 9 статьи 55 Закона об образовании в части, не урегулированной федеральным законодательством об образовании. Правила регламентируют порядок приема на обучение по программам дошкольного образования, порядок ознакомления родителей (законных представителей) с уставом, лицензией на осуществление образовательной деятельности, с образовательными программами и другими документами, регламентирующими организацию и осуществление образовательной деятельности, права и обязанности воспитанников.

4. Порядок и основания перевода, отчисления и восстановления воспитанников. Регламентирует перевод воспитанников из одной группы в другую, с общеобразовательной программы на обучение по адаптированной образовательной программе, порядок отчисления воспитанников по инициативе родителей (законных представителей) воспитанников.

5. Порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся.

6. Порядок, регламентирующий посещение мероприятий, которые проводятся в организации, осуществляющей образовательную деятельность, и не предусмотрены учебным планом.

7. Порядок создания, организации работы, принятия решений комиссией по урегулированию споров между участниками образовательных отношений и их исполнения.

8. Порядок, регламентирующий пользование лечебно-оздоровительной инфраструктурой, объектами культуры и объектами спорта дошкольных образовательных организаций.

9. Положение о внутренней системе оценки качества образования в образовательной организации. Определяет цели, задачи, принципы системы оценки качества образования в образовательной организации, ее организационную и функциональную струк-

туру, реализацию (содержание процедур контроля и экспертной оценки качества образования).

10. Правила внутреннего распорядка образовательной организации. Регулируют отношения между участниками образовательных отношений, устанавливают правила поведения воспитанников и родителей (законных представителей) в образовательной организации.

11. Договор об образовании. Предметом договора являются оказание образовательной организацией воспитаннику образовательных услуг по реализации основной образовательной программы дошкольного образования в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования, содержание воспитанника в образовательной организации, присмотр и уход за воспитанником.

12. Порядок оказания платных образовательных услуг. Данный документ разрабатывается в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг» [15] и определяет порядок оказания платных образовательных услуг в данной конкретной организации, а также регулирует отношения, возникающие при оказании платных образовательных услуг.

Локальные нормативные акты, регламентирующие трудовые отношения:

1. Коллективный договор. Регулирует социально-трудовые отношения в организации, заключается между работниками и работодателем в лице их представителей;

2. Правила внутреннего трудового распорядка. Регулируют отношения между работниками, устанавливают права и обязанности администрации образовательной организации и работников, ответственность за их соблюдение и исполнение, определяют режим работы;

3. Должностные инструкции работников образовательной организации. Разрабатываются согласно приказу Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих» [16] с учетом профессиональных стандартов и ФГОС дошкольного образования. Должностные инструкции используются работниками для выполнения основных трудовых задач по реализации образовательной программы дошкольного образования, организации присмотра и ухода за воспитанниками, обеспечению безопасных условий и качественного образования и воспитания детей дошкольной образовательной организацией;

4. Положение об оплате труда и материальном стимулировании работников образовательной орга-

низации. Определяет порядок и условия оплаты труда и материального стимулирования работников дошкольной образовательной организации, формирует их заработную плату в зависимости от квалификации, сложности выполняемой работы, количества и качества затраченного труда;

5. Положение о распределении стимулирующей части фонда оплаты труда работников образовательной организации. Положение о распределении стимулирующей части фонда оплаты труда дошкольной образовательной организации разрабатывается в целях повышения качества образовательного и воспитательного процесса, развития творческой активности и инициативы при выполнении поставленных задач, успешного и добросовестного исполнения должностных обязанностей;

6. Нормы профессиональной этики педагогических работников дошкольной образовательной организации.

Анализ нормотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации позволяет выделить в системе дошкольного образования специальные критерии, позволяющие относить дошкольные образовательные организации к различным категориям риска. Такие критерии могут быть представлены через определение наиболее типичных нарушений, встречающихся в практике дошкольного образования:

– в образовательной программе дошкольного образования (далее – программа) отсутствует дополнительный раздел программы: текст ее краткой презентации;

– в каждом из основных разделов программы отсутствует часть, формируемая участниками образовательных отношений;

– в содержательном разделе программы отсутствует описание вариативных форм, способов, методов и средств реализации программы с учетом возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников, специфики их образовательных потребностей и интересов;

– отсутствует организационный раздел – описание материально-технического обеспечения программы, обеспеченности методическими материалами и средствами обучения и воспитания, распорядка и/или режима дня, а также особенностей традиционных событий, праздников, мероприятий; особенностей организации развивающей предметно-пространственной среды;

– структура программы не соответствует требованиям федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования.

При этом зачастую источником потенциальных нарушений со стороны дошкольной образовательной организации становятся региональные и муниципальные органы публичной власти, неспособные

четко регламентировать образовательные отношения на территории субъекта Российской Федерации и муниципального образования.

Среди типовых нарушений со стороны органов власти:

1. Нарушения, связанные с регулированием учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования, закрепления муниципальных образовательных организаций за конкретными территориями муниципального района, городского округа:

– превышение закрепленных полномочий при регулировании вопросов учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования;

– установление в нормативно-правовых актах норм, ухудшающих положение граждан по сравнению с установленными в законодательстве об образовании;

– установление в нормативно-правовых актах ограничения по постановке на учет отдельных категорий иностранных граждан, ограничения права граждан, проживающих на территории городского округа, но не имеющих регистрации, а также имеющих регистрацию по месту пребывания;

– неполнота правового регулирования вопросов учета детей, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного образования, отсутствие всех административных процедур, требования к порядку их выполнения, в том числе особенности выполнения административных процедур в электронной форме, формы контроля за исполнением утвержденного порядка;

– наличие в тексте нормативных правовых актов искажения понятий: так, среди указанных категорий граждан, имеющих право на внеочередное и первоочередное право на прием детей в образовательную организацию, реализующую программу дошкольного образования, все категории объединены в категорию с наименованием «преимущественное право». Таким образом, при учете таких детей могут возникнуть затруднения, спорные моменты, связанные с реализацией прав указанными категориями граждан в сфере образования.

2. Нарушения, связанные с регулированием выплат компенсаций:

– выход за пределы установленных полномочий, а именно установление в муниципальном нормативно-правовом акте порядка и размера выплаты компенсации части родительской платы за присмотр и уход за детьми в муниципальных образовательных организациях, в то время как размер компенсации, порядок обращения за ее получением и порядок выплаты, а также определение критериев нуждаемости устанавли-

ливаются нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации;

– наличие коллизий норм внутри одного нормативно-правового акта касательно того, кто имеет право на получение компенсации.

3. Нарушения, связанные с разработкой административных регламентов по предоставлению муниципальных услуг в сфере дошкольного образования:

– наличие в административных регламентах норм, установление которых выходит за пределы полномочий, установленных законодательством в сфере образования, например установление порядка досрочного прекращения образовательных отношений между родителями (законными представителями) детей и образовательной организацией;

– в административных регламентах допускается смешение нескольких видов муниципальных услуг, отсутствуют по каждой из них состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур, требования к порядку их выполнения, в том числе особенности выполнения административных процедур в электронной форме, а также особенности выполнения административных процедур в многофункциональных центрах; нет изложения требований к помещениям, где осуществляются административные процедуры;

– в административных регламентах отсутствуют, не конкретизированы либо необоснованно завышены сроки для получения муниципальных услуг, тем самым ущемляются права родителей на своевременное и доступное получение муниципальных услуг;

– в административных регламентах отсутствуют нормы, регламентирующие текущий контроль за осуществлением и предоставлением муниципальных услуг, устанавливающие требования к помещениям, где осуществляются административные процедуры;

– в административных регламентах отсутствуют нормы, устанавливающие круг заявителей для получения муниципальной услуги;

– наличие в административном регламенте коллизий права; установление в административном регламенте широких дискреционных полномочий должностных лиц;

– указанное в нормативно-правовом акте наименование муниципальной услуги не соответствует официальному перечню государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в субъекте Российской Федерации, кроме того, отсутствует конкретизация по отдельным видам муниципальных услуг;

– структура нормативно-правового акта не соответствует требованиям Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [17];

– включение в нормативно-правовой акт неконкретизированных формулировок «не в полном объ-

еме», «с нарушением требований», «форс-мажорные обстоятельства», которые представляют собой неоднозначное толкование, что может затруднить реализацию права ребенка на получение дошкольного образования в образовательных организациях.

4. Нарушения, связанные с разработкой текстов нормативно-правовых актов:

– указание в нормативно-правовом акте ссылки на недействующий нормативно-правовой акт;

– использование в нормативно-правовом акте определений с юридическо-лингвистической неопределенностью;

– в регламенте отсутствуют реквизиты нормативно-правового акта, которыми утвержден и принят регламент; отсутствует дата принятия и утверждения, номер.

5. Нарушения, связанные с открытостью и доступностью нормативных правовых актов:

– отсутствие на официальных сайтах органов местного самоуправления нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы в сфере образования;

– низкое качество представления нормативных правовых актов, в том числе не в полном объеме, на официальных сайтах органов государственного управления в сфере образования субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в сфере образования;

– нормативно-правовые акты представлены без указания даты утверждения и номера;

– на официальном сайте размещены нормативно-правовые акты, утратившие силу.

6. Нарушения в региональных и муниципальных нормативно-правовых актах, устанавливающих размер платы за присмотр и уход за детьми в образовательных организациях, реализующих дошкольную образовательную программу:

– нормативные правовые акты органа местного самоуправления устанавливают максимальные размеры родительской платы, взимаемой с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми в муниципальных образовательных организациях муниципального района, реализующих образовательные программы дошкольного образования, которые не соответствуют максимальным размерам родительской платы, установленным для данного муниципального образования региональным органом исполнительной власти;

– включение расходов на реализацию образовательной программы дошкольного образования, а также расходов на содержание недвижимого имущества государственных и муниципальных образовательных организаций, реализующих образовательную программу дошкольного образования, в родительскую плату за присмотр и уход за ребенком в таких организациях;

– не конкретизированы типы образовательных организаций, в отношении которых выполняет функции учредителя орган местного самоуправления, для которых установлен размер платы, что относится к такому коррупциогенному фактору, как юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера;

– в нормативно-правовом акте предусмотрено взимание родительской платы за дни непосещения ребенком дошкольной образовательной организации без уважительных причин, однако, что является «уважительными причинами», актом не установлено;

– не конкретизированы типы организаций, за посещение которых взимается плата с родителей (законных представителей) за присмотр и уход за детьми;

– отсутствуют точные критерии принятия решения о пересмотре размера родительской платы или же, напротив, оставления размера родительской платы без изменения в случае «уменьшения/увеличения затрат», ограничения по периодичности, срокам принятия решения;

– наличие в нормативно-правовом акте положения о том, что «в случае несвоевременного сообщения родителями о невозможности посещения родителями дошкольного образовательного отделения первый день непосещения подлежит оплате», однако не указываются точные сроки и способы уведомления родителями дошкольной образовательной организации;

– не определен период, за который взимается родительская плата за присмотр и уход за ребенком в детских дошкольных образовательных организациях муниципального образования, реализующих основную общеобразовательную программу дошкольного образования;

– установление максимального размера родительской платы за присмотр и уход за детьми для муниципальных образовательных организаций, а не для каждого муниципального образования.

Реализация риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в системе дошкольного образования, исходя из приведенных выше нормативных и методических разработок, имеет несколько основных особенностей:

– отсутствие единого федерального нормативно-правового порядка регулирования отношений при реализации риск-ориентированного подхода в системе дошкольного образования;

– система оценки образовательных организаций дошкольного образования выстроена на основе методических рекомендаций, разработанных Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки Российской Федерации;

– особенности нормативного правового регулирования вопросов образования и отнесение их

к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации предопределяют существование широкой палитры подходов при реализации риск-ориентированной модели контрольно-надзорной деятельности в сфере дошкольного образования;

– активное региональное нормотворчество и правоприменение свидетельствуют о формировании различных оценочных систем с разными критериями для образовательных организаций, расположенных в субъектах Российской Федерации;

– активное муниципальное нормотворчество способствует введению дополнительных критериев для оценки дошкольных образовательных организаций при реализации контрольно-надзорных полномочий.

Список источников

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Закон г. Москвы от 20 июня 2001 г. «О развитии образования в городе Москве». <http://www.mos.ru>.

3. Закон Республики Дагестан от 16 июня 2014 г. «Об образовании в Республике Дагестан». <https://docs.cntd.ru/document/412328744>.

4. Постановление Правительства Москвы от 31 августа 2011 г. № 407-ПП «О мерах по развитию дошкольного образования в городе Москве». <https://docs.cntd.ru/document/537907029>.

5. Указ Президента Республики Башкортостан от 31 декабря 2009 г. «Об утверждении Концепции развития национального образования в Республике Башкортостан». <https://docs.cntd.ru/document/935118883>.

6. Закон г. Москвы от 28 апреля 2010 г. «Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья в городе Москве». <https://sudrf.cntd.ru/document/3718801>.

7. Закон Хабаровского края от 14 февраля 2005 г. «О мерах социальной поддержки работников образовательных учреждений и дополнительных гарантиях права на образование отдельным категориям обучающихся». <https://docs.cntd.ru/document/995112087>.

8. Постановление Ленинградской области от 13 апреля 2018 года № 125 «Об утверждении Порядка обращения за получением компенсации части родительской платы за присмотр и уход за детьми в образовательных организациях Ленинградской области, реализующих образовательную программу дошкольного образования, а также ее выплаты». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4700201804170005>.

9. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». <https://online.consultant.ru>.

10. Постановление Свободненского района Амурской области от № 915 от 10 октября 2017 «Об установлении платы, взимаемой с родителей (законных представителей) ребенка в образовательных организациях Свободненского района, реализующих программы дошкольного образования». <https://www.svobregion.ru>.

11. Постановление Администрации муниципального района № 368 «Об установлении размера родительской платы за присмотр и уход за детьми, осваивающими образовательные программы дошкольного образования в образовательных организациях муниципального района «Шилкинский район». <https://шилкинскийрайон.рф/docs/постановление-№368-об-установлении-раз>.

12. Постановление Администрации муниципального района «Борзинский район» Забайкальского края от 16 апреля 2018 № 152 «О порядке комплектования муниципальных дошкольных образовательных организаций и дошкольных групп в муниципальных общеобразовательных организациях «Борзинского района», реализующих основную образовательную программу дошкольного образования». <http://moou.borz.zabedu.ru>.

13. Постановление Администрации города Кировска от 31 января 2019 «О закреплении территорий муниципального образования город Кировск с подведомственной территорией за муниципальными образовательными организациями». https://kirovsk.ru/npa/nra_adm/2019/post_146_2019.

14. Постановление Администрации МО «Оловянинский район» Забайкальского края «Об утверждении административного регламента по предоставлению муниципальной услуги «Предоставление информации об организации общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, а также дополнительного образования в общеобразовательных учреждениях». <http://moou.olvn.zabedu.ru/wp-content/uploads/2016/04/адм.-регламент-РКО-по-предост-общ.обр-я.pdf>.

15. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1441 «Об утверждении Правил оказания платных образовательных услуг». <http://www.pravo.gov.ru>.

16. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 26 августа 2010 № 761н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих». <https://online.consultant.ru>.

17. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». <http://www.pravo.gov.ru>.

References

1. Federal Law № 273-FZ of December 29, 2012 «On Education in the Russian Federation». <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Law of Moscow of June 20, 2001 «On the development of education in the city of Moscow». <http://www.mos.ru>.

3. Law of the Republic of Dagestan of June 16, 2014 «On education in the Republic of Dagestan». <https://docs.cntd.ru/document/412328744>.

4. Resolution of the Government of Moscow dated August 31, 2011 № 407-PP «On measures for the development of preschool education in the city of Moscow». <https://docs.cntd.ru/document/537907029>.

5. Decree of the President of the Republic of Bashkortostan dated December 31, 2009 «On approval of the Concept of development of national education in the Republic of Bashkortostan». <https://docs.cntd.ru/document/935118883>.

6. Law of Moscow of April 28, 2010 «On education of persons with disabilities in the city of Moscow». <https://sudrf.cntd.ru/document/3718801>.

7. The Law of the Khabarovsk Territory of February 14, 2005 «On measures of social support for employees of educational institutions and additional guarantees of the right to education for certain categories of students». <https://docs.cntd.ru/document/995112087>.

8. Resolution of the Leningrad Region № 125 dated April 13, 2018 «On approval of the Procedure for applying for compensation of part of the parental fee for the supervision and care of children in educational organizations of the Leningrad Region implementing the educational program of preschool education, as well as its payments». <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4700201804170005>.

9. Federal Law № 131-FZ of October 6, 2003 «On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation». <https://online.consultant.ru>.

10. Resolution of the Svobodnensky district of the Amur Region № 915 of October 10, 2017 «On the establishment of fees charged from the parents (legal representatives) of the child in educational organizations of the Svobodnensky district implementing preschool education programs». <https://www.svobregion.ru>.

11. Resolution of the Municipal District Administration № 368 «On the establishment of the amount of parental fees for the supervision and care of children mastering educational programs of preschool education in educational organizations of the municipal district «Shilkinsky district». <https://шилкинскийрайон.RF/docs/resolution-No.368-on-establishment-times>.

12. Resolution of the Administration of the Borzinsky District Municipal District of the Trans-Baikal Territory dated April 16, 2018 № 152 «On the procedure

for completing municipal preschool educational organizations and preschool groups in municipal educational organizations of the Borzinsky district implementing the basic educational program of preschool education». <http://mouo.borz.zabedu.ru>.

13. Resolution of the Administration of the City of Kirovsk dated January 31, 2019 «On securing the territories of the municipal formation of the city of Kirovsk with the subordinate territory for municipal educational organizations» https://kirovsk.ru/npa/npa_adm/2019/post_146_2019.

14. Resolution of the Administration of the MO «Olovyanninsky district» of the Trans-Baikal Territory «On approval of the administrative regulations for the provision of municipal services «Provision of information on the organization of public and free preschool, primary general, basic general, secondary general education,

as well as additional education in general education institutions». <http://mouo.olvn.zabedu.ru/wp-content/uploads/2016/04/адм.-регламент-РКО-по-предост-общ.обр-ва.pdf>.

15. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1441 dated September 15, 2020 «On Approval of the Rules for the Provision of paid educational services». <http://www.pravo.gov.ru>.

16. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation № 761n dated August 26, 2010 «On approval of the Unified Qualification Directory of positions of managers, specialists and employees». <https://online.consultant.ru>.

17. Federal Law № 210 of July 27, 2010 «On the Organization of the Provision of State and Municipal services». <http://www.pravo.gov.ru>.

Информация об авторах

Ф. Г. Мышко – доктор юридических наук, доцент;

С. Е. Титор – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

F. G. Myshko – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

S. E. Titor – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-147-150>

НИОН: 2015-0066-1/22-225

MOSURED: 77/27-011-2022-01-424

Роль инновационных технологий в развитии судебной экспертологии

Надежда Сергеевна Неретина

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия, nsneretina@msal.ru

Аннотация. В статье показана роль инноваций в развитии науки о судебной экспертизе. Анализируется влияние новых технологий на всю систему судебной экспертологии, показаны перспективные инновационные направления судебно-экспертной деятельности, среди которых автором выделяются 3D-технологии, нанотехнологии и применение искусственных нейронных сетей.

Ключевые слова: судебная экспертология, система судебной экспертологии, инновации, инновационные технологии

Для цитирования: Неретина Н. С. Роль инновационных технологий в развитии судебной экспертологии // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 147–150. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-147-150>.

Original article

The role of innovative technologies in the development of forensic expertology

Nadezhda S. Neretina

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), Moscow, Russia, nsneretina@msal.ru

Abstract. The article shows the role of innovation in the development of forensic science. The influence of new technologies on the entire forensic expert system is analyzed, promising innovative areas of forensic expert activity are shown, among which the author stands out 3D technologies, nanotechnologies and the use of artificial neural networks.

Keywords: forensic expertology, system of forensic expertology, innovations, innovative technologies

For citation: Neretina N. S. The role of innovative technologies in the development of forensic expertology. Bulletin of economic security. 2022;(1):147–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-147-150>.

Актуальность темы связана со все увеличивающимся проникновением инновационных процессов в область судебно-экспертной деятельности. Для того, чтобы успешно противостоять вызовам и угрозам в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступных посягательств, судебно-экспертной деятельности необходимо постоянно совершенствоваться и пополнять свой научно-технический арсенал.

Рассматривая развитие судебно-экспертной деятельности в исторической перспективе, мы можем наблюдать, что инновационные технологии пронизывают ее целиком.

Под инновациями мы понимаем нововведения в области техники, технологии, организации труда и управления, основанные на использовании до-

стижений науки и передового опыта, обеспечивающие качественное повышение эффективности производственной системы или качества продукции [1, с. 96].

Появление судебных экспертиз находится в тесной связи не только с развитием юриспруденции, но и отдельных отраслей науки и техники, поскольку формирование родов и видов судебных экспертиз, новых методик исследования базируется на открытиях большой науки и технологий.

Ряд новых судебных экспертиз могли быть образованы только после того, как технический прогресс позволил создать приборы, инструменты, которые, во-первых, стали объектами экспертизы, и во-вторых, технические средства, с помощью которых они исследовались [2, с. 27].

© Неретина Н. С., 2022

Но инновационные технологии сыграли большую роль не только в становлении и развитии судебно-экспертной деятельности, но и судебной экспертологии как науке. Судебная экспертология, опираясь на научные открытия и новые технологии, вбирая в себя инновации, преобразовывает научные идеи в результаты, имеющие практическое применение в деятельности конкретного эксперта.

Анализируя влияние инновационных технологий на всю систему судебной экспертологии, можно отметить следующее.

Первый блок системы, общая теория судебной экспертологии, включает в себя в качестве составляющих как концептуальные основы судебной экспертологии, так и учение об объектах, их свойствах и признаках, учение о закономерностях формирования и развития родов и видов судебных экспертиз, учение о частных экспертных теориях и др.

Появление в результате применения инновационных технологий новых объектов, как принципиально не существовавших ранее, так и трансформировавшихся из уже имеющихся, способствует открытию новых свойств и проявлению новых признаков этих свойств, что, в свою очередь приводит к генезису новых родов и видов судебных экспертиз. Уровень развития науки, техники и технологии в целом, постоянный экспоненциальный рост и усложнение научной информации, процессы интеграции и дифференциации научного знания имеют ключевое значение для судебной экспертологии, формирования и развития родов (видов) судебных экспертиз.

Претерпевает изменения и учение о частных экспертных теориях. Наряду с такими традиционными теориями экспертной идентификации, экспертной диагностики, экспертной профилактики, экспертного прогнозирования, в последнее время высказываются идеи об отнесении к их числу и создающейся теории о цифровизации судебно-экспертной деятельности.

В силу все более глобального характера цифровизации, по мнению Е. Р. Россинской, теория (учение) о цифровизации судебно-экспертной деятельности, также может быть отнесена к ряду частных теорий, положения которых в равной степени распространяются как на процесс экспертного исследования в целом, так и на экспертные исследования отдельных родов и видов судебных экспертиз. Данное формирующееся учение, как представляется, должно содержать общие принципы, методологию и условия исследования цифровых следов и их носителей, а также технологии их судебно-экспертного исследования [3, с. 366].

Второй блок системы судебной экспертологии объединяет правовое обеспечение судебно-экспертной деятельности. И он давно требует законодательных инноваций, поскольку в современных условиях

социально-экономического состояния общества и государства, Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», за 20 лет своего существования уже значительно устарел.

Наблюдается отсутствие единообразия судебно-экспертной деятельности, в процессуальном положении судебного эксперта, поскольку права, обязанности и ответственность эксперта разнятся не только от вида процесса, в котором он проводит судебно-экспертное исследование, но и от того, сотрудником какого экспертного учреждения он является. Значительно различается также объем и содержание прав, предоставляемых руководителям государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений. Изучение ведомственных приказов, регламентирующих деятельность судебно-экспертных учреждений, также позволяет утверждать об отсутствии единообразия по ряду позиций: существуют различия как в делении на роды и виды, так и в наименованиях экспертиз, разрешающих одни и те же экспертные задачи [4, с. 50].

Проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности» с 2013 года находится на стадии рассмотрения. Изменение регулирования судебно-экспертной деятельности требует проведения серьезных комплексных организационно-правовых мероприятий с привлечением представителей как государственных судебно-экспертных организаций, так и негосударственных судебно-экспертных учреждений. Отдельные изменения в Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и процессуальное законодательство не могут восполнить необходимость полноценного регулирования судебно-экспертной деятельности, все большее и больше требуя нового единого подхода.

Третий блок в системе судебной экспертологии связан с организационным обеспечением судебно-экспертной деятельности и включает в себя такие составные части как организацию, структуру, функции государственных и негосударственных судебно-экспертных учреждений, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности, подготовку судебного эксперта и др.

Практическая возможность использования инноваций во многом зависит от профессиональной подготовки судебных экспертов.

С 1 января 2021 года введен в действие новый образовательный стандарт высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (далее – ФГОС), в соответствии с которым у выпускника должны быть сформированы универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции. Если первые названные категории

находят свое закрепление в ФГОС, то профессиональные компетенции согласно п. 3.4 должны определяться на основе профессиональных стандартов соответствующей профессиональной деятельности выпускников (при наличии).

Разработку профессионального стандарта «Специалист в области судебной экспертизы» завершает под руководством профессора Е. Р. Россинской Палата судебных экспертов имени Ю. Г. Корухова (СУДЭК) совместно с Российским Федеральным центром судебных экспертиз при Минюсте России. Предложенный проект активно обсуждается в экспертном сообществе.

И четвертый блок системы судебной экспертологии составляют судебно-экспертные технологии, включающие в себя методологию судебно-экспертной деятельности, процесс экспертного исследования и его стадии, судебно-экспертные методики, их стандартизацию и т. д.

Судебная экспертология тесно связана с иными отраслями науки, которые являются для нее обосновывающим знанием. Специальные знания, требующиеся для установления обстоятельств, имеющих значение для дела, могут быть заимствованы из самых разных областей научного знания. И для успешного разрешения поставленных вопросов судебная экспертиза активно внедряет в собственную практику идеи, методы, приемы «большой» науки.

К наиболее перспективным направлениям использования инновационных технологий, по нашему мнению, следует отнести:

- широкое применение 3D-технологий: 3D-моделирование, 3D-сканирование;
- применение искусственных нейронных сетей;
- использование нанотехнологий.

Как указывают ряд исследователей, для производства судебных баллистических экспертиз применяются автоматизированные баллистические идентификационные системы. Переход от оптических сканирующих устройств (сканеров) следовоспринимающих поверхностей пуль и гильз с дальнейшим формированием плоского изображения развертки боковой поверхности пули и фланца гильзы, к 3-D сканерам, обладающим встроенными устройствами прямых бесконтактных изменений, которые обеспечивают не просто получение трехмерных изображений, а твердотельных электронных копий отсканированных объектов.

Это позволит включить автоматизированные комплексы в единую систему, обеспечив единые параметры оптических систем и сканирующих устройств, стандартную структуру базы данных, параметры полученных после сканирования изображений пуль и гильз и унифицированный способ кодирования информации в этих системах [5, с. 277].

Использование 3D-сканирования может использоваться не только при проведении баллистических экспертиз, но и дактилоскопических исследований, трасологических и судебно-медицинских экспертиз и др.

Технологии искусственного интеллекта также одно из перспективных направлений судебно-экспертной деятельности. В настоящий момент имеются исследования, направленные на внедрение искусственного интеллекта в почерковедческой экспертизе [6], в автороведческой экспертизе [7], в судебно-портретной экспертизе [8]. Имеются предположения об использовании искусственного интеллекта в автотехнической экспертизе [9].

С использованием нанотехнологий открываются принципиально новые возможности решения экспертных задач. В настоящий момент разработаны и запатентованы новые методы многопараметрического анализа молекулярных маркеров и многочисленные тест-системы на основе биочипов для идентификации личности по генетическим маркерам при проведении судебно-медицинских экспертиз [10, с. 211].

Выводы. Таким образом, области применения инноваций в судебной экспертизе очень широки. Они пронизывают собой всю систему судебной экспертологии в целом.

Применение инновационных технологий значительно качественно изменяет судебно-экспертную деятельность и саму науку судебную экспертологию, открывает большой потенциал для ее дальнейшего развития, что, в свою очередь, может не только расширить возможности судебных экспертиз путем решения экспертных задач, ранее считавшихся неразрешенными, но и повысить достоверность и объективность заключений экспертов.

Список источников

1. Ковалевская Е. А., Ревина Е. В. Педагогические инновации в современной системе образования // Альманах современной науки и образования. 2012. № 9 (64). С. 96–98.
2. Неретина Н. С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 152 с.
3. Россинская Е. Р. Научная школа судебной экспертологии кафедры судебных экспертиз и ее роль в исследовании проблем цифровизации судебно-экспертной деятельности // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференции : в 5 ч. Ч. 4. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 362–367.
4. Неретина Н. С. Стандартизация судебно-экспертной деятельности на современном этапе : про-

блемы и перспективы // Вестник криминалистики. 2020. № 4 (76). С. 49–54.

5. Владимиров В. Ю., Макаров И. Ю., Данилов И. А. Развитие и совершенствование цифровизации судебных баллистических экспертиз // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки : материалы конференции: в 5 ч. Ч. 4. М. : РГ-Пресс, 2021. С. 276–281.

6. Иванов А. И., Газин А. И., Качайкин Е. Я., Андреев Д. Ю. Автоматизация почерковедческой экспертизы, построенная на обучении больших искусственных нейронных сетей // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2016. № 1 (17). С. 249–257.

7. Соколова Т. П. Судебное автороведение как междисциплинарная область знания // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 132–142.

8. Подволоцкий И. Н. Организация портретной экспертизы в цифровой сфере // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 6. С. 89–100.

9. Попов В. Л. Проблемы и перспективы использования нейросетевых технологий при производстве судебных экспертиз в транспортной сфере // Транспортное право и безопасность. 2020. № 3 (35). С. 65–75.

10. Ларионова Е. Ю., Медведева С. А. Нанотехнологии в судебно-экспертной деятельности. Перспективы развития // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 4 (87). С. 207–213.

References

1. Kovalevskaya E. A., Revina E. V. Pedagogical innovations in the modern education system // Almanac of modern science and education. 2012. № 9 (64). С. 96–98.

2. Neretina N. S. Methodological, legal and organizational aspects of the formation and development of new genera and types of forensic

examinations : monograph. M. : Yurlitinform, 2017. 152 p.

3. Rossinskaya E. R. Scientific School of Forensic Expert Studies of the Department of Forensic Examinations and its role in the study of the problems of digitalization of forensic expertise // Novelties of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science : materials of the conference : at 5 p. m. 4. M. : RG-Press, 2021. P. 362–367.

4. Neretina N. S. Standardization of forensic expert activity at the present stage: problems and prospects // Bulletin of Criminalistics. 2020. No. 4 (76). P. 49–54.

5. Vladimirov V. Yu., Makarov I. Yu., Danilov I. A. Development and improvement of digitalization of forensic ballistic examinations // Novellas of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of legal science : materials of the conference: at 5 p. m. 4. M. : RG-Press, 2021. P. 276–281.

6. Ivanov A. I., Gazin A. I., Kachaykin E. Ya., Andreev D. Yu. Automation of handwriting expertise based on the training of large artificial neural networks // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society. 2016. No. 1 (17). P. 249–257.

7. Sokolova T. P. Judicial authorship as an interdisciplinary field of knowledge // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2019. No. 5. P. 132–142.

8. Podvolotsky I. N. Organization of portrait expertise in the digital sphere // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2020. No. 6. P. 89–100.

9. Popov V. L. Problems and prospects of using neural network technologies in the production of forensic examinations in the transport sector // Transport law and security. 2020. No. 3 (35). P. 65–75.

10. Larionova E. Yu., Medvedeva S. A. Nanotechnology in forensic activity. Development prospects // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 4 (87). P. 207–213.

Информация об авторе

Н. С. Неретина – заместитель заведующего кафедрой судебных экспертиз, доцент кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук.

Information about the author

N. S. Neretina – Deputy Head of the Department of Forensic Examinations, Associate Professor of the Department of Forensic Examinations of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 30.05.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 30.05.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья

УДК 342.52

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-151-154>

НИОН: 2015-0066-1/22-226

MOSURED: 77/27-011-2022-01-425

Особенности законодательных полномочий парламента в области национальной безопасности России

Елена Алексеевна Осавелюк

Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия, osaveluk@mail.ru

Аннотация. На основе анализа положений Конституции РФ, законодательства и Регламента Государственной Думы раскрыты основные особенности законодательных полномочий Федерального Собрания РФ по вопросам национальной безопасности, включая внешнеполитическую деятельность Российской Федерации.

Особое внимание уделено анализу ведущей роли Президента России в законотворчестве в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: Президент РФ, парламент, законодательные полномочия, национальная безопасность

Для цитирования: Осавелюк Е. А. Особенности законодательных полномочий парламента в области национальной безопасности России // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 151–154. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-151-154>.

Original article

Features of the legislative powers of the Parliament in the field of national security of Russia

Elena A. Osavelyuk

Griboedov Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia, osaveluk@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation, legislation and Regulations of the State Duma, the main features of the legislative powers of the Federal Assembly of the Russian Federation on national security issues, including foreign policy activities of the Russian Federation, are revealed.

Special attention is paid to the analysis of the leading role of the President of Russia in lawmaking in the field of national security.

Keywords: President of the Russian Federation, Parliament, legislative powers, national security

For citation: Osavelyuk E. A. Features of the legislative powers of the Parliament in the field of national security of Russia. Bulletin of economic security. 2022;(1):151–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-151-154>.

Законодательные полномочия Федерального Собрания Российской Федерации, в целом, и в области национальной безопасности России, в частности, имеют некоторые особенности [1; 2]. Прежде всего, в Конституции РФ нет главы о внешней политике и национальной безопасности, что не позволяет отразить особенность данных полномочий парламента в Основном Законе; заложить основу совершенствования вопросов законодательного регулирования в этой области.

Отдельные положения (п. г) – д) ст. 106 Конституции РФ), которые касаются: ратификации и де-

нонсации международных договоров России; статуса и защиты государственной границы Российской Федерации; войны и мира, отражают только особенность одобрения Советом Федерации принятых Государственной Думой федеральных законов. В соответствии с положениями данной статьи принятые Государственной Думой федеральные законы по указанным вопросам подлежат обязательному рассмотрению в Совете Федерации¹.

Еще одной особенностью российского парламента является та, что в Конституции РФ нет статей, за-

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

© Осавелюк Е. А., 2022

крепляющих полномочия парламента в целом. Хотя конституции некоторых зарубежных государств закрепляют такие полномочия. Например, в Конституции Казахстана ст. 53 закрепила полномочия Парламента. К ним относятся и полномочия по регулированию вопросов безопасности государства¹. Конституция Таджикистана также предусматривает компетенцию Парламента, к которой отнесены наиболее важные и сложные вопросы государственной жизнедеятельности, в том числе и безопасность (ст. 55) [3].

Отсутствие в российской Конституции главы о внешнеполитических отношениях и законодательных полномочий парламента в целом не снижают эффективность законодательных полномочий Федерального собрания в этом вопросе. Мы солидарны с Е. П. Тарасовой в том, что отсутствие в Конституции РФ отдельно «выделенной» компетенции Федерального Собрания РФ, отсутствие возможности организационно осуществлять парламентские функции обеими палатами одновременно, не дает основания полагать, что палаты Федерального Собрания являются самостоятельными органами государственной власти. Поскольку Федеральное Собрание РФ является единым федеральным законодательным и представительным органом государственной власти – парламентом, компетенция которого складывается из компетенции его палат [4, с. 11].

Хотя в другом вопросе мы не согласны с ее утверждениями что «полномочия палат уравновешены, в том числе в законодательном процессе. При этом особо отмечается, что Конституцией РФ и федеральным законодательством достаточно четко определен статус обеих палат Федерального Собрания как составных частей единого органа» [4, с. 12].

Во-первых, содержание и перечень полномочий палат российского парламента различен (ст. 102 и 103 Конституции РФ). Во-вторых, в законодательном процессе (ст. 105 Конституции РФ) доминирует Государственная Дума².

Показательным является также механизм законотворческой работы, свидетельствующий о комплексном подходе к согласованию и экспертизе текстов законов и многостороннем сотрудничестве по этому вопросу. Например, Ю. А. Савенко, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по обороне, председательствовавший на парламентских слушаниях «Законодательное обеспечение государственной политики в области развития оборонно-промышленного комплекса в соответствии с целями и задачами реформирования Вооруженных Сил РФ», проводимых Комитетом по обороне совместно с Ко-

митетом по промышленности, отмечает, что на слушания пригласили «около 150 участников, среди которых депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации, представители Совета Безопасности РФ, Военно-промышленной комиссии при Правительстве России, федеральных органов исполнительной власти, Счетной палаты РФ, интегрированных структур и государственных корпораций, РАН, профсоюзов и других организаций, деятельность которых непосредственно связана с вопросами оборонно-промышленного комплекса и обеспечения Вооруженных Сил современным комплексным вооружением»³.

Нередко проблемы с ратификацией международных договоров связаны с тем, что часть депутатов – членов Комитета по международным делам, а иногда и весь Комитет, ставили под сомнение выгодность для России отдельных положений договоров. В других случаях проблемой является недостаточная проработанность направляемых в Госдуму соглашений и сопроводительных материалов, обусловленная, как правило, терминологической и понятийной некорректностью» [5].

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с А. Пономаревым в том, что «необходима разработка рациональной, научно-выверенной системы всех субъектов внешнеэкономической и политической деятельности Российской Федерации. Главными элементами этой схемы могут быть академические институты РАН, научные фонды, отдельные ученые, группы анализа при Президенте РФ, Правительстве РФ, Федеральном Собрании, региональные научные организации, выполняющие функции анализа и прогнозирования, консультации и экспертной оценки экономической и политической деятельности России на международной арене. При Президенте РФ и Правительстве РФ вполне реально создание одного общего института разработки и реализации межгосударственной деятельности России.

При Федеральном Собрании целесообразно также создание общего, единого и для Думы, и для Совета Федерации, рабочего института (управления, отдела), призванного выполнять функции консультанта и эксперта законодательной власти» [5].

Роль Президента РФ в законодательном регулировании внешней политики и безопасности России. Прежде всего, следует подчеркнуть ведущую роль Президента РФ в законодательном регулировании внешней политики и безопасности России,

¹ https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution.

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

³ Аналитический вестник 17. Законодательное обеспечение государственной политики в области развития оборонно-промышленного комплекса в соответствии с целями и задачами реформирования Вооруженных Сил Российской Федерации (по материалам парламентских слушаний, состоявшихся в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации 3 июня 2010 года) // <http://iam.duma.gov.ru/node/8/4589/16016>.

которая вытекает из его конституционно-правового статуса. Поскольку только он в соответствии с Конституцией РФ и федеральными законами определяет основные направления внутренней и внешней политики государства. Президент РФ представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях (ст. 80 Конституции).

Президент РФ сам является и субъектом законодательной инициативы и высшим официальным представителем Российской Федерации в стране и в международных отношениях (ст. 80, 83 и 104 Конституции РФ)¹. А также тем, что в соответствии с п. д¹) ст. 83 Конституции РФ, он назначает на должность и освобождает от должности руководителей федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, которые непосредственно подчиняются Президенту РФ.

Еще одна особенность вытекает из первых двух и является их следствием. Поскольку в ней также проявляется особая роль Президента РФ. Она состоит в том, что в соответствии со ст. 16 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры, решения о подписании которых были приняты Президентом РФ, вносятся в Государственную Думу на ратификацию Президентом РФ².

Эффективность законодательного регулирования в указанных сферах проявляется в том числе и в законодательной активности Президента РФ. В частности, Примерная программа законопроектной работы Государственной Думы в период осенней сессии 2018 г. в части законопроектов, подлежащих первоочередному рассмотрению, утвержденная постановлением Государственной Думы от 11 сентября 2018 года № 4787-7 ГД³, состоящая из 6 разделов, включала 150 проектов федеральных законов. Из них по вопросам обороны, безопасности и ратификация международных договоров Российской Федерации Президентом РФ и Правительством РФ было внесено 15 законопроектов, что составляет 10 % от всей законодательной программы. Это является достаточно высоким показателем законодательной активности федеральной исполнительной власти. Не говоря уже о том, что по остальным разделам Программы Президентом РФ и Правительством РФ было внесено 118 из 135 (87,4 %) законопроектов⁴.

Аналогичная тенденция сохранялась и в последующие годы. Например, Примерная программа весенней сессии 2021 г. включала 146 законопроектов. Из них по вопросам обороны, безопасности и ратификация международных договоров Российской Федерации Президентом РФ и Правительством РФ было внесено 21 законопроект, что составляет 14,4 % от всей законодательной программы⁵.

Подробно ведущая роль Президента РФ в законодательном регулировании национальной безопасности, а также вопросы взаимодействия Президента РФ с депутатами Государственной Думы урегулированы положениями двух глав Регламента Государственной Думы. Глава 25 «Порядок рассмотрения внешнеполитических вопросов» посвящена общему регулированию внешнеполитической деятельности, а глава 26 «Ратификация международных договоров Российской Федерации».

Формами реагирования Государственной Думы по указанным вопросам являются принимаемые палатой обращения и заявления, выражающие позицию палаты по общим или отдельным вопросам внешней политики Российской Федерации, а также по вопросам международных отношений в целом. Инициатива внесения проектов обращений и заявлений Государственной Думы может исходить от субъектов права законодательной инициативы (ст. 187).

Статья 188 Регламента предусматривает профессиональный подход к реализации этого полномочия. Поскольку она устанавливает, что проекты обращений и заявлений Государственной Думы, касающиеся внешнеполитических вопросов, предварительно рассматриваются Комитетом Государственной Думы по международным делам и (или) Комитетом Государственной Думы по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, в случае необходимости и другими комитетами палаты по профилю их деятельности⁶.

Статья 189 Регламента устанавливает, что проект федерального закона о ратификации международного договора Российской Федерации вносится в Государственную Думу только Президентом РФ вместе с заверенной копией официального текста этого договора⁷. Ответственный комитет по решению Государственной Думы может проводить парламентские слушания по данному вопросу.

Подчеркивая ведущую роль Президента РФ в указанных вопросах, п. 3 ст. 193 Регламента предлагает Совету Государственной Думы включить проект федерального закона о ратификации вне очереди⁸.

656FE4C2-77CE-4BD1-B14C-2668F634BE34.

¹ http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/

³ http://sozd.parliament.gov.ru/planning_document/656FE4C2-77CE-4BD1-B14C-2668F634BE34.

⁴ Подсчитано по: https://sozd.duma.gov.ru/planning_document/

⁵ Там же.

⁶ <https://www.gosduma.net/about/regulations/razdel5/GL25.pdf>.

⁷ <https://www.gosduma.net/about/regulations/razdel5/GL26.pdf>.

⁸ Там же.

Среди других мер эффективного взаимодействия между Президентом РФ и парламентом следует выделить работу представителей Президента РФ в палатах Парламента, деятельность согласительных комиссий, проведение неформальных «круглых столов» и встреч, а также президентское «вето».

Таким образом, законодательные полномочия парламента России в области национальной безопасности отличаются ведущей ролью Президента РФ, который не только является основным субъектом права законодательной инициативы, имеет своих полномочных представителей в обеих палатах Федерального Собрания РФ, но также обладает правом «вето». Кроме того, большинство проектов законов в данной области являются законами о ратификации международных договоров, по которым государство при их подписании уже выразило свою волю, что существенно сужает возможности депутатов.

Список источников

1. Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. Система коллективной безопасности как основа национальной безопасности России // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1. С. 39–46.
2. Осавелюк А. М., Осавелюк Е. А. О совершенствовании конституционно-правового механизма обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика 2013. № 1. (97). С. 111–116.

Информация об авторе

Е. А. Осавелюк – проректор по учебной работе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Osavelyuk – Vice Rector for Academic Affairs of the Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.12.2021; одобрена после рецензирования 08.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 28.12.2021; approved after reviewing 08.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

3. Якубова С. Н. Конституционно-правовой статус : Маджлиси Оли (парламента) Республики Таджикистан : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 21–22.

4. Тарасова Е. П. Правовой статус палат Федерального Собрания Российской Федерации : состояние и перспективы : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11–12.

5. Пономарев А. Роль Государственной Думы в формировании внешней политики государства // http://www.observer.materik.ru/observer/N08_96/8_03.htm.

References

1. Osavelyuk A. M., Osavelyuk E. A. Collective security system as the basis of Russia's national security // Economics and law. XXI century. 2013. No. 1. P. 39–46.
2. Osavelyuk A. M., Osavelyuk E. A. On improving the constitutional and legal mechanism for ensuring national security of the Russian Federation // Law and State: theory and practice 2013. No. 1. (97). P. 111–116.
3. Yakubova S. N. Constitutional and legal status : Majlisi Oli (Parliament) of the Republic of Tajikistan : Abstract. dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2008. P. 21–22.
4. Tarasova E. P. The legal status of the Chambers of the Federal Assembly of the Russian Federation: state and prospects : dis. ... cand. jurid. sciences. M., 2006. P. 11–12.
5. Ponomarev A. The role of the State Duma in the formation of the foreign policy of the state // http://www.observer.materik.ru/observer/N08_96/8_03.htm.

Научная статья
УДК 343.983.25
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-155-160>
НИОН: 2015-0066-1/22-227
MOSURED: 77/27-011-2022-01-426

Генетическая идентификация и диагностика как области интеграции и дифференциации знаний

Ирина Олеговна Перепечина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, smi-100@mail.ru

Аннотация. Высокая степень интеграции и дифференциации знаний, характерные для генетической идентификации и диагностики, обуславливают ряд особенностей, которые необходимо учитывать, как в теоретических разработках в области судебной экспертизы, так и в практической экспертной деятельности. Рассмотрены и предложены к обсуждению некоторые проблемные вопросы, касающиеся ведомственных классификаций судебных экспертиз, а также принятого Росстандартом ГОСТа Р 57343-2016 «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения».

Ключевые слова: генетическая идентификация, диагностика, ДНК, интеграция, дифференциация, судебная экспертиза, криминалистика, судебная медицина, стандарт

Для цитирования: Перепечина И. О. Генетическая идентификация и диагностика как области интеграции и дифференциации знаний // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 155–160. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-155-160>.

Original article

Genetic identification and diagnostics as areas of integration and differentiation of knowledge

Irina O. Perepechina

Griboyedov Institute of International Law and Economics, Moscow, Russia, smi-100@mail.ru

Abstract. The high degree of integration and differentiation of knowledge, characteristic of genetic identification and diagnosis, determines a number of features that must be taken into account both in theoretical developments in the field of forensic examination and in practical expert activity. Some problematic issues related to departmental classifications of forensic examinations, as well as GOST R 57343-2016 «Forensic molecular genetic examination. Terms and Definitions», were considered and proposed for discussion.

Keywords: genetic identification, diagnostics, DNA, integration, differentiation, forensic science, criminalistics, forensic medicine, standard

For citation: Perepechina I. O. Genetic identification and diagnostics as areas of integration and differentiation of knowledge. Bulletin of economic security. 2022;(1):155–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-155-160>.

Постановка проблемы. Генетическая идентификация и диагностика – междисциплинарные области, для которых характерна высокая степень интеграции и дифференциации знаний. Это обуславливает ряд особенностей, которые необходимо учитывать как в теоретических разработках, так и в практической деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Один из важных аспектов связан с вопросами классификации и понятийным аппаратом судебных

экспертиз, в рамках которых осуществляется генетическая идентификация и диагностика. Эти вопросы рассматривались нами ранее в целом ряде работ [4; 5; 6; 7; 8]. Сохраняющаяся актуальность затронутых в них проблем заставляет, опираясь на опубликованные ранее исследования, вернуться к данной теме.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Особенности, связанные с интеграцией и дифференциацией знаний в сфере генетической идентификации и диагностики, недостаточно учтены

© Перепечина И. О., 2022

в действующих нормативно-правовых актах, что ведет к неточностям, неполноте понятий и спорности классификаций. Это может отражаться на судебно-экспертной деятельности, а учитывая, что она осуществляется в правовом поле, – создавать проблемы также и юридического плана.

Формулирование целей статьи. Цель статьи – с позиций интеграции и дифференциации знаний рассмотреть и предложить к обсуждению некоторые проблемные вопросы, касающиеся ведомственных классификаций судебных экспертиз, а также принятого Росстандартом ГОСТа Р 57343-2016 «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения»¹.

Изложение основного материала.

Как было отмечено профессором Т. В. Аверьяновой, «на современном этапе развития никто уже не отрицает, что процесс интеграции наук и научных знаний является закономерным и вызван взаимосвязью явлений в самой действительности, общностью проблем» [1, с. 126].

Генетическая идентификация – междисциплинарное направление криминалистики и судебной медицины, представляющее собой обширную область интеграции знаний. Рассмотрение генетической идентификации как частной криминалистической теории в рамках общей теории криминалистической идентификации показывает, что она интегрирует, преобразуя, знания из целого ряда фундаментальных наук, с использованием которых, преломляясь через призму решения криминалистических задач, разрабатывается система теоретических положений и принципов, а также арсенал специальных криминалистических методик [6].

Интеграция знаний, обусловленная методологией генетической идентификации, имеет место на различных уровнях. Идентификационное исследование объектов биологического происхождения многоэтапно, начинаясь с определения природы объектов. В зависимости от предполагаемой природы объектов с этой целью используются цитологический, спектральный методы, методы хроматографии и иммунохроматографии, иные методы. За рубежом в последние годы для установления природы объектов разработан также ряд молекулярно-генетических методов [10], реальное значение которых для экспертной практики изучается. Для определения видовой принадлежности объекта используются иммунологические методы, иммунохроматография, иммуноэлектрофорез, ДНК-анализ. Половая принадлежность устанавливается цитологическим методом

или с помощью ДНК-анализа – одновременно с исследованием полиморфных локусов. Исследование генетического полиморфизма, являющегося источником индивидуализирующих признаков, возможно как на уровне анализа непосредственно молекулы ДНК (ДНК-анализ), так и на уровне детерминируемых ею структур (антигенов, изоферментов) иммунологическими, биохимическими методами. Молекулярно-генетические методы предназначены для исследования различных регионов ДНК и включают в себя методы STR-анализа аутосомных локусов и половых хромосом, SNP-анализа, митохондриального ДНК-анализа и др. Интеграция проявляется также в устойчивой тенденции к использованию мультиплексных систем – комплексному, в рамках одной полимеразной цепной реакции (ПЦР), исследованию совокупности изучаемых локусов, одномоментному исследованию генетического полиморфизма и половой принадлежности. Неотъемлемой частью методологии генетической идентификации, помимо лабораторного исследования, является математическая обработка данных, в ходе которой устанавливается идентификационная значимость выявленных генетических признаков. Она осуществляется на основе теории вероятностей и математической статистики. В расчетах используют данные популяционных генетических исследований.

Генетическая идентификация тесно связана с диагностикой. Помимо указанных выше диагностических исследований, которые выполняются в рамках идентификации на первых ее этапах (определение природы объекта, видовой, половой принадлежности), важное значение приобрело установление механизма слеодообразования, оценка результатов генетической идентификации в ситуационном контексте, использование методов генетического анализа следов крови в комплексе с трасологическим методом исследования следов. Все это, имея большое криминалистическое значение, еще более расширяет зону интеграции знаний в сфере генетической идентификации и диагностики, которые представляют собой обширный сплав знаний и методов.

Столь выраженная интеграция в рассматриваемой области закономерно инициирует процесс дифференциации, однако она и препятствует ему; этот кажущийся парадокс находится в согласии с законом диалектики об единстве и борьбе противоположностей. Так, дифференциация, бесспорно, затрагивает научную разработку данной сферы, что вообще характерно для науки. В силу же многомерности и междисциплинарности знаний, лежащих в основе указанного направления, сложности и трудоемкости используемых в его рамках технологий, процесс дифференциации здесь особенно выражен. С позиций дифференциации неизбежно и рассмотрение весьма, впрочем, дискуссионного вопроса о том, должен ли

¹ ГОСТ Р 57343-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2016 № 2009-ст) / СПС КонсультантПлюс.

эксперт владеть всем комплексом методов исследования одних и тех же объектов с целью решения одной и той же, идентификационной, задачи. Однако, по моему глубокому убеждению, дифференциация в сфере генетической идентификации не должна затронуть классификацию экспертиз – таким образом, чтобы новый, пусть и значительно более информативный, метод выделился из идентификационного методического комплекса в качестве нового вида экспертизы.

Обоснование этому было приведено мною еще в начале 2000-х годов. Исследование, проводимое с целью установления лица, являющегося источником происхождения интересующего биологического объекта, является единым идентификационным процессом. Методы исследования, используемые на разных его этапах, различаются только по содержанию получаемой генетической информации и способам ее получения, но различия не затрагивают идентификационный механизм в целом. Являясь звеньями одной идентификационной цепи, все используемые на разных этапах идентификационного процесса методы должны составлять единый методический комплекс и рассматриваться в контексте всей экспертизы. Выделение какого-либо из методов в автономное экспертное исследование, а тем более в отдельный вид экспертизы не имеет оснований, может вести к нарушению идентификационного процесса и отрицательно сказываться на качестве экспертизы. Это касается и ДНК-анализа, отнесение которого к отдельному виду экспертизы столь же необоснованно, как отнесение к отдельным видам экспертизы спектральных, цитологических, иммунологических и иных методов, используемых на разных стадиях идентификационного процесса для решения идентификационной задачи [4]. Данная концепция полностью согласуется с имеющимся в теории криминалистической идентификации не оспариваемым положением о том, что «процесс идентификации по задачам, методике, средствам, взаимосвязи стадий и научно-техническому содержанию является единым, целостным процессом» [3, с. 84].

Применение ДНК-анализа не только тесно связано с исследованиями другими методами, но и само возникновение необходимости в использовании ДНК-анализа и особенности его проведения определяются результатами этих исследований. ДНК-анализ нельзя рассматривать вне традиционных исследований не только в силу сложившейся экспертной практики, но и принципиально. Несмотря на тенденцию расширения ареала применения ДНК-анализа, вряд ли можно будет говорить о полном вытеснении им всех остальных методов даже в будущем. Многоэтапность экспертизы, многообразие свойств ее объектов, особенности, обусловленные различиями следственно-экспертных ситуаций, а также ограничения, которые

имеет любая технология, какой бы эффективной она ни была, – требуют наличия в арсенале экспертизы разных методов [7].

Необходимость обеспечения методической целостности генетической идентификации требует и соответствующей организации экспертизы: выполнения всех ее этапов в рамках одного структурного подразделения с единой координацией всего процесса исследования. В случае же придания этим подразделениям организационной и методической независимости идентификационный процесс перестает быть непрерывным и целостным, что ведет к негативным последствиям. Проведение всего исследования объекта от начала до конца в рамках единой экспертизы, в одном лабораторном подразделении имеет неоспоримые преимущества. Особое значение целостность экспертизы имеет в случае микрообъектов, «контактных» следов. В этих условиях искусственное разделение исследований, выполнение их в рамках разных экспертиз в разных экспертных подразделениях недопустимо, так как это ведет к потерям материала и более сложной интерпретации результатов [4].

Интеграционный характер генетической идентификации, со всеми вытекающими из этого последствиями, важными для экспертного исследования, полностью игнорирован при разработке ГОСТа Р 57343-2016 «Судебная молекулярно-генетическая экспертиза. Термины и определения». Данное название не отражает сложную структуру знания и комплексную методологию, являющиеся базисом экспертизы, выполняемой на основе исследования генетических свойств. С учетом этого более уместным было бы, например, название «судебно-генетическая экспертиза», которое бы позволило перенести акцент с метода на изучаемые свойства. Если же название, по замыслу разработчиков стандарта, действительно предусмотрено для обозначения исследования, выполняемого исключительно молекулярно-генетическими методами, то в стандарте должно быть указано, в рамках какой экспертизы (экспертиз) осуществляются исследования иными методами, без использования которых не могут быть решены задачи, выполняемые молекулярно-генетической экспертизой, и каков регламент. Однако никаких сведений по поводу этого в стандарте нет.

Поскольку речь идет о классификации судебной экспертизы как вида *практической* деятельности, которая, к тому же, осуществляется в *правовом* поле, это требует предельной точности и определенности формулировок. В силу этого подход к построению классификации судебных экспертиз исходя из метода исследования по целому ряду причин проблематичен. Отмечено, что «многие ученые, в прошлом сторонники этой классификации, изменили свою точку зрения и в трудах последних десятилетий отказались от клас-

сификации судебных экспертиз по методам исследования» [9, с. 169].

Следует прокомментировать и толкование термина «генетическая идентификация», под которым в ГОСТе Р 57343-2016 понимается «установление тождества биологических объектов посредством анализа ДНК». Очевидно, что данное определение существенно сужает круг методов, которые могут быть использованы с целью решения идентификационной задачи. Более точным представляется следующее определение: «генетическая идентификация – установление тождества биологических объектов посредством анализа ДНК или детерминируемых ею структур»¹. В сложившейся системе понятий изучение генетических свойств посредством анализа непосредственно молекулы ДНК принято называть «ДНК-идентификацией», в то время как «генетическая идентификация» – более широкое понятие, включающее в себя исследование как ДНК-маркеров, так и генетических маркеров иной биохимической природы.

Несмотря на то, что стандарт вступил в действие еще 01.04.2017 г., он до сих пор не нашел отражения в действующих нормативно-правовых актах. В настоящее время, как и ранее, отсутствует единообразие названий экспертиз, в рамках которых выполняется генетическая идентификация в разных ведомствах.

Так, в «Перечне родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»² род «Экспертиза тканей и выделений человека, животных» включает в себя такой вид экспертиз, как «Исследование ДНК». Стоит отметить, что исследования, выполняемые в рамках генетической идентификации методами, не связанными с непосредственным исследованием ДНК, остались за пределами классификации.

¹ В генетическом анализе, под которым понимается совокупность методов исследования наследственных свойств организма (генотипа), используются самые различные методы, позволяющие комплексно изучать генетический материал. Молекулярно-генетический метод предназначен для непосредственного, биохимического и физико-химического, исследования структуры и функции генетического материала, другие методы (иммуногенетический, цитогенетический и др.) позволяют изучать генетический материал опосредованно, через признаки, контролируемые теми или иными элементами генотипа [2, с. 124].

² Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарег. в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) / СПС КонсультантПлюс.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 28.11.2020)³, а также Приказу Минздрава России от 11.03.2013 № 121н (ред. от 25.03.2019)⁴, в позиции «судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств и исследование биологических объектов» в числе прочих выделены генетическая, судебно-биологическая и судебно-цитологическая экспертизы. Указанные три разных вида экспертизы появились вместо единого по своей идентификационной сути экспертного исследования, когда ДНК-анализу был придан не свойственный ему статус самостоятельного вида экспертизы, и он в качестве генетической экспертизы был отделен от судебно-биологической экспертизы. От последней затем «отпочковалась» также и судебно-цитологическая экспертиза.

Данная классификация не выдерживает никакой критики ни терминологически, ни по существу. Терминологически, из противопоставления судебно-биологической экспертизы судебно-цитологической и генетической следует, что цитологическое и генетическое исследования не являются биологическими; в свою очередь, те исследования, которые, будучи также направлены на изучение генетических свойств, в рамках судебно-биологической экспертизы выполняются традиционными методами, в условиях такой классификации становятся «негенетическими».

Однако еще более важно другое. Профессор Т. В. Аверьянова совершенно справедливо отмечала, что проблема классификации судебных экспертиз имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение: «От классификации судебных экспертиз зависит также организация работы экспертного учреждения, направлений совершенствования при-

³ Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 (ред. от 28.11.2020) «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)» (вместе с «Положением о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково»)») / СПС КонсультантПлюс.

⁴ Приказ Минздрава России от 11.03.2013 № 121н (ред. от 25.03.2019) «Об утверждении Требований к организации и выполнению работ (услуг) при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях» (Зарег. в Минюсте России 06.05.2013 № 28321) / СПС КонсультантПлюс.

борной базы, подготовки специалистов-экспертов» [1, с. 302]. В результате указанного выше разделения экспертиз в судебно-медицинской службе произошло обособление молекулярно-генетических лабораторий от судебно-биологических отделений, их автономность. Такое обособление, сопровождаемое получением каждым из направлений «своей» экспертизы, привело на практике к возникновению «водораздела» между стадиями единого по своей сути идентификационного процесса и методами, «работающими» на одну и ту же задачу, в необходимости назначения для исследования одного и того же объекта разных экспертиз, усложнению «логистики», повышению контаминационного риска и т. д. Из автономии экспертиз последовала автономия экспертных исследований, заключений, выводов. Это не могло не сказаться отрицательно на тактике проведения экспертиз, их качестве и правильности выводов. Отрадно было узнать, что в Бюро судебно-медицинской экспертизы Департамента здравоохранения г. Москвы вернулись к нормальной организационной структуре – судебно-биологическому отделению с молекулярно-генетической лабораторией, и теперь в рамках единого подразделения выполняется весь спектр экспертных исследований объектов биологического происхождения.

Однако даже если не касаться существа и результатов исследований, вся эта понятийно-классификационная неразбериха в нормативно-правовых актах – как говорится, ждет хороших адвокатов. В конкретных уголовных делах даже очень незначительные неточности, неопределенность, неоднозначность толкования названий, терминов могут привести (и приводят) к тому, что результаты важнейших экспертиз могут не быть признаны судом, а повторить исследование уже не представится возможным из-за отсутствия материала.

Практика по-своему отражает ситуацию с классификацией рассматриваемых экспертиз, в приговорах суда какие только названия ни фигурируют: и «генотипоскопическая экспертиза», и «судебная биологическая (по исследованию ДНК)», и просто «судебная», и т. д.

В нормативно-правовых актах все неоднозначные моменты требуют коррекции или, как минимум, внесения уточнений и пояснений. Можно, конечно, полагать, что «судебная молекулярно-генетическая экспертиза», по умолчанию, подразумевает и использование методов, не относящихся к молекулярно-генетическим. Либо что такие методы надлежит применять за пределами стандарта в рамках не указанных в нем иных экспертиз. Можно также считать, что и «исследование ДНК» охватывает всю методологию экспертного исследования объектов биологического происхождения. Однако известно, что недостатки

юридической техники при подготовке правовых актов влекут за собой проблемы практики.

В связи с этим особого внимания заслуживает порядок их разработки. Нет сомнений, что разработка документов такого уровня, как национальные стандарты в области судебной экспертизы, должна включать в себя реальное предварительное обсуждение в профессиональной среде. Этому необходимо посвящать специальные круглые столы или конференции. Вероятно, текст проекта стандарта ГОСТ Р 57343-2016 положенное время был где-то размещен и, формально, этап обсуждения как бы состоялся. Однако реально он принимался узким кругом лиц, без рассылки проекта специалистам и даже без уведомления о том, что такой проект существует.

Выводы и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Высокая степень интеграции и дифференциации знаний, характерные для генетической идентификации и диагностики, обуславливает ряд особенностей, которые необходимо учитывать, как в теоретических разработках в области судебной экспертизы, так и в практической экспертной деятельности. Важное значение здесь имеет порядок разработки национальных стандартов, которые до принятия должны проходить реальное обсуждение в профессиональном сообществе. После принятия стандартов ведомственные нормативно-правовые документы в установленный срок должны быть приведены в соответствие с ними.

Рене Декарт сказал: «Уточняйте значения слов – и вы избавите свет от половины его заблуждений». Точность понятий, классификаций в юридическом поле – исключительно важна. При определении понятий и классификаций, имеющих отношение к судебной экспертизе, следует учитывать и такие явления, как интеграция и дифференциация знаний.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. М. : Норма, 2006.
2. Биологический энциклопедический словарь / М. : Советская энциклопедия, 1989.
3. Колдин В. Я. Судебная идентификация. М. : ЛексЭст, 2002.
4. Перепечина И. О. Анализ понятий теории криминалистической идентификации применительно к генетической идентификации личности в судебно-медицинской экспертизе // Гражданин и право. 2002. № 5. С. 33–45.
5. Перепечина И. О. Место ДНК-анализа в судебной идентификационной экспертизе // Сборник научных трудов «Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики». Ч. III. Академия управления МВД России. М., 2004. С. 73–76.

6. Перепечина И. О. Генетическая идентификация как частная криминалистическая теория и новая отрасль криминалистической техники // Современная криминалистика : проблемы, тенденции, перспективы : Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Н. П. Яблокова. М., 2015. С. 82–87.

7. Перепечина И. О. Классификационные вопросы судебной генетической идентификации // Криминалистика и судебная экспертиза : наука, обучение, практика : сб. науч. трудов в 2-х т. Харьков. 2014. С. 329–339.

8. Перепечина И. О. Идентификация человека на основе его генетических свойств как междисциплинарное экспертное направление (вопросы классификации) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2014. С. 76–88.

9. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И., Зинин А. М. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016.

10. Sijen T. Molecular approaches for forensic cell type identification : on mRNA, miRNA, DNA methylation and microbial markers // Forensic Science International : Genetics. 2015. V. 18. P. 21–32.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination: A course of general theory. M. : Norm, 2006.

2. Biological Encyclopedic dictionary / M. : Soviet Encyclopedia, 1989.

3. Koldin V. Ya. Judicial identification. M. : Lexest, 2002.

4. Perepechina I. O. Analysis of the concepts of the theory of forensic identification in relation to the genetic identification of a person in forensic medical examination // Citizen and law. 2002. No. 5. P. 33–45.

5. And Perepechina. O. The place of DNA analysis in forensic identification expertise // Collection of scientific papers «Actual problems of theory and practice of criminal proceedings and criminalistics». Ch. Section III. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2004. P. 73–76.

6. Perepechina I. O. Genetic identification as a private forensic theory and a new branch of forensic technology // Modern criminalistics : problems, trends, prospects : Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of N. P. Yablokov. M., 2015. P. 82–87.

7. Perepechina I. O. Classification issues of forensic genetic identification // Criminalistics and forensic examination : science, education, practice : collection of scientific works in 2 volumes Kharkiv. 2014. P. 329–339.

8. Perepechina I. O. Identification of a person based on his genetic properties as an interdisciplinary expert direction (questions of classification) // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2014. P. 76–88.

9. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I., Zinin A.M. Theory of forensic examination (Forensic expert science) : textbook / ed. by E. R. Rossinskaya. 2nd ed., reprint. and additional M. : Norm : INFRA-M, 2016.

10. Sijen T. Molecular approaches to forensic identification of cell types : by mRNA, microRNA, DNA methylation and microbial markers // International Forensic Science : Genetics. 2015. Vol. 18. P. 21–32.

Информация об авторе

И. О. Перепечина – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор медицинских наук.

Information about the author

I. O. Perepechina – Professor of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Medical Sciences.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 06.04.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья

УДК 343.98

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-161-166>

НИОН: 2015-0066-1/22-228

MOSURED: 77/27-011-2022-01-427

Значение и функции лекции в дополнительном профессиональном образовании по специальности «Судебная экспертиза»

Виктор Васильевич Пономарев¹, Игорь Николаевич Усков²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ iponom2014@yandex.ru

² uskov.igor13@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена значению лекции в процессе дополнительного образования по специальности «судебная экспертиза». Затронуты проблемы: необходимости использования рассматриваемого вида занятий; значения лекции для организации дополнительного профессионального образования; объема остаточных знаний, приобретаемых обучающимися, по итогам рассматриваемого вида занятий; опытности и мастерства лектора как базовых основ эффективности лекций. Приводится мнение авторов о том, что в дополнительном профессиональном образовании лекция по-прежнему занимает ведущую информационную и обучающую роль.

Ключевые слова: дополнительное профессиональное образование, судебная экспертиза, объем остаточных знаний, личностно-ориентированное обучение, мастерство лектора, функции лекции, информационная и обучающая роль

Для цитирования: Пономарев В. В., Усков И. Н. Значение и функции лекции в дополнительном профессиональном образовании по специальности «Судебная экспертиза» // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 161–166. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-161-166>.

Original article

The meaning and functions of the lecture in additional professional education in the specialty «Forensic examination»

Viktor V. Ponomarev¹, Igor N. Uskov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ iponom2014@yandex.ru

² uskov.igor13@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the importance of the lecture in the process of additional education in the specialty «Forensic examination». Problems that were touched on: the need to use the considered type of classes; the importance of the lecture for the organization of additional professional education; the amount of residual knowledge acquired by students based on the results of the considered type of classes; the experience and skill of the lecturer as the basic foundations of the effectiveness of lectures. The authors' opinion is given that the lecture still occupies a leading informational and educational role in additional professional education.

Keywords: additional professional education, forensic examination, the amount of residual knowledge, personally-acquainted training, the skills of the lecturer, the functions of the lecture, information and training role

For citation: Ponomarev V. V., Uskov I. N. The meaning and functions of the lecture in additional professional education in the specialty «Forensic examination». Bulletin of economic security. 2022;(1):161–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-161-166>.

Многие авторы, труды которых посвящены дидактическим проблемам, начиная разговор о таком виде занятий как лекция, обращаются к высказыванию выдающегося ученого и педагога Н. Е. Жуков-

ского, который писал следующее: «По силе впечатлений лекционный способ стоит выше всех других приемов преподавания и ничем не заменим. Вместе с тем, он есть и самый экономичный по времени»

© Пономарев В. В., Усков И. Н., 2022

[1]. При этом анализ публикаций как специалистов в области педагогики и психологии, так и преподавателей других гуманитарных и естественно-технических дисциплин, которые, как правило, не являются изначально специалистами в педагогике и методике преподавания, показывает наличие дискуссии по поводу необходимости и эффективности использования лекции в системе образования, в том числе места и значения лекции в системе дополнительного профессионального образования. В работах, посвященных этой тематике, обсуждаются и подробно анализируются как недостатки, так и достоинства лекционной формы проведения занятий [2].

В качестве основных недостатков лекции как формы учебного занятия большинство авторов выделяют ее субъективность, недостаточный объем излагаемого материала, невозможность адекватно анализировать и осмысливать слушателями содержание лекции при одновременном ее конспектировании, подача материала в виде монолога снижает внимание слушателей, невозможность соблюдения одного из основных принципов личностно-ориентированного обучения, затрудненность контроля преподавателя за индивидуальной работой слушателей. Некоторые исследователи к недостаткам лекции относят также отсутствие или недостаточность обратной связи, низкую активность слушателей, сложность решения проблемных ситуаций. По их мнению, слушатели могут ограничить свои знания лекционной информацией и не будут изучать другие источники, в том числе учебники [3, с. 21–24].

Перечисленные недостатки лекции, на первый взгляд, кажутся настолько существенными, что ее использование в процессе обучения должно быть ограничено, либо вообще исключено. Однако анализ указанных недостатков свидетельствует о том, что подавляющее большинство из них при творческом и профессиональном подходе преподавателя может быть легко устранено либо нивелировано формой подачи знаний и видом выбранной лекции. В системе дополнительного профессионального образования с учетом контингента обучающихся, имеющих высшее образование и определенный профессиональный и жизненный опыт, с данными недостатками при чтении лекций преподаватели, как правило, вообще не сталкиваются.

А относительно субъективного подхода к излагаемому материалу, следует иметь в виду, что каждая лекция, являясь авторской, предусматривает рассмотрение различных точек зрения, существующих в конкретной отрасли знаний, при этом преподаватель вправе изложить и свой взгляд на решение спорных вопросов, подчеркнув то, что это его личное мнение, которого слушатели не обязаны придерживаться. В случае необходимости преподаватель может выбрать соответствующую лекционную форму и провести

данное занятие в виде лекции-дискуссии, либо проблемной лекции.

При подготовке и чтении лекции преподаватель не должен ставить целью дать слушателям как можно больший объем материала. Профессионализм преподавателя заключается в том, чтобы для проведения лекции выбрать наиболее важные положения раскрываемой темы, на основе которых слушатель сможет самостоятельно в соответствии с рекомендуемой литературой изучать данную дисциплину.

Подавляющее большинство слушателей в системе дополнительного профессионального образования имеет опыт обучения в высших учебных заведениях и, следовательно, необходимые навыки работы на лекции, связанные с осмысленным конспектированием материала лекции, выделением главных мыслей, умением слушать, записывая только значимые для освоения темы тезисы. При этом существуют определенные методические рекомендации, соблюдение которых при чтении преподавателем лекции позволяет слушателям одновременно осмысливать и конспектировать излагаемый материал [4]. Следует согласиться с тем, что если преподаватель предпочитает излагать материал лекции в виде монолога, это может привести к быстрой утомляемости слушателей и притуплению их внимания. Однако данный недостаток легко устраняется еще на стадии подготовки к чтению лекции. Во-первых, существуют определенные виды лекции, предусматривающие активное участие слушателей в процессе изложения материала преподавателем. К таким видам относятся лекции-беседы, лекции-дискуссии, визуализированные лекции. Во-вторых, в процессе изложения материала необходимо учитывать имеющийся профессиональный опыт слушателей, обсуждать конкретные примеры из экспертной практики, что с учетом возрастных особенностей слушателей позволит в отведенное для лекции время поддерживать качественное и продуктивное внимание к излагаемому материалу.

Многие исследователи исходят из того, что преподаватель на лекции является абсолютным авторитетом, особенно в глазах слушателей, поэтому любые его мысли, высказывания, точки зрения воспринимаются ими как непререкаемая истина, а это, в свою очередь, не мотивирует обучающихся к поиску истины, к желанию дискутировать и искать себя в науке [5]. Однако следует отметить, что далеко не все преподаватели в силу недостаточного профессионального и педагогического опыта воспринимаются слушателями как единственный источник объективных знаний. В условиях информационного общества слушатели имеют возможность получить необходимую информацию из других источников, включая доступную научную литературу, и поэтому получаемую на лекции информацию нередко воспринимают критически с

точки зрения ее объективности, научной новизны и практической значимости.

Одним из основных недостатков лекционной формы обучения считается наличие большой аудитории слушателей, что существенно усложняет соблюдение принципа лично-ориентированного обучения, а значит и индивидуального общения со слушателями. Лекция чаще проходит в поточной аудитории, лектор с кафедры в процессе чтения лекции не всегда может проконтролировать работу отдельных слушателей. Однако, как показывает практика формирования групп на курсах ПК и ФПК Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, группы слушателей формируются из расчета не более 25 человек, занятия проводятся, как правило, в специализированных аудиториях. Перед началом проведения занятий преподаватель достаточно подробно знакомится не только с анкетными данными слушателей, но в процессе их тестирования и личного собеседования с каждым слушателем получает всю необходимую информацию об общем образовательном и профессиональном уровне слушателей и их практических навыках. Поэтому в ходе проведения лекции он имеет возможность следовать принципу лично-ориентированного обучения и индивидуального подхода к каждому обучаемому.

Следующим недостатком лекций, по мнению психологов и педагогов, является тот факт, что уровень остаточных знаний после лекции оказывается намного ниже, чем в результате творческих работ, семинарских и практических занятий. Однако целью лекции никогда не являлось предоставление преподавателем исчерпывающего объема знаний по изучаемой теме. Как известно, лекция – это только начальная стадия получения знаний по теме, которые впоследствии будут расширяться, углубляться, уточняться при проведении семинарских, практических и иных занятий. Естественно, если оценивать остаточные знания после проведения всего комплекса проведенных занятий, то они будут на порядок выше, чем непосредственно после проведения лекции.

Авторами настоящей статьи в процессе проведения сравнения уровня остаточных знаний, определяемых после лекционных и семинарских занятий, было подтверждено мнение, что уровень остаточных знаний по результатам проведенных лекций ниже, чем после семинарских или иных творческих занятий. Вместе с тем уровень освоения темы в процессе семинара, который проводился на основе самостоятельной подготовки слушателей (без предварительного проведения лекции по этой теме) оказался ниже по сравнению с итогами аналогичного семинара, который состоялся после лекционного занятия.

Таким образом, при всем многообразии мнений о необходимости лекции в системе дополнительного профессионального образования или отказа от тако-

вой, длительный опыт педагогической деятельности авторов показывает, что лекция, несмотря на ее отдельные весьма дискуссионные и легко устранимые недостатки, должна оставаться одной из основных форм обучения, от которой отказываться ни в коем случае не следует. В противном случае это может разрушить четкую системность и последовательность учебного процесса, что в конечном итоге приведет к падению качества в системе дополнительного профессионального образования.

Сама лекционная форма подачи знаний имеет ряд неоспоримых преимуществ перед другими формами обучения. Так, только с помощью лекции за небольшое количество времени можно преподнести достаточно большой объем материала, что делает данную форму наиболее экономичным способом передачи информации слушателям. При этом на лекции можно дать материал из передовых научных исследований, которого нет еще в учебниках; а при отсутствии учебника материал лекции может быть единственным источником получения информации по данной дисциплине, что позволит не нарушать систему обучения и ее основные принципы. Лекция незаменима, когда вся дисциплина, или отдельные ее части вызывают определенные трудности и могут быть неоднозначно восприняты в процессе самостоятельного изучения слушателями, тем более что по отдельным вопросам или темам дисциплины могут существовать в научном сообществе разные точки зрения и противоречия. Преподаватель на лекции может охарактеризовать сразу несколько актуальных точек зрения.

Именно лекция на начальном этапе освоения дисциплины создаст условия слушателям для формирования специализированной, понятийной платформы; интересная, эмоциональная подача материала преподавателем не только стимулирует мыслительную деятельность слушателей, но и пробуждает интерес к дисциплине, который в будущем может вылиться в интерес к исследовательской деятельности сегодняшнего слушателя курсов дополнительного профессионального образования.

Творческая лекция предполагает в том числе и общение аудитории и преподавателя, при котором происходит взаимопонимание между слушателями и лектором, рождается будущее творческое общение, при котором слушатели принимают преподавателя, а значит и читаемую им дисциплину на личностном уровне.

Лекция, прочитанная преподавателем хорошим профессиональным языком с научной, профессиональной, ораторской точек зрения, будет ярким примером для слушателей курсов, а в будущем и нормой их повседневной, образовательной и научной деятельности.

Необходимость и достоинства лекции обусловлены также ее функциями, которые определяют не только ее содержание, а также конкретные цели, на-

правленные на получение знаний и воспитание профессионалов. Лекция призвана реализовывать целый ряд компетенций и выполнять определенный перечень функций.

По мнению Б. Ц. Бадмаева, к основным функциям лекции относятся информационная, ориентирующая, разъясняющая (объясняющая), убеждающая, увлекающая [6, с. 74].

Информационная функция лекции. Это одна из ведущих функций лекции, потому что именно лекция способствует передаче слушателям основного содержания дисциплины и является неким теоретическим основанием для дальнейшего увеличения массива информации (самостоятельное изучение, семинары, практические, лабораторные и контрольные работы).

Лекция информирует о достижениях науки, об основных положениях учебной дисциплины, раскрывает особенности каждой конкретной темы или знакомит с отдельной проблемой, решенной в науке или решаемой сейчас. Лекция для слушателей – это источник адаптированной для их восприятия источник научной информации.

В рамках ориентирующей функции лекция помогает слушателю сориентироваться в огромном количестве научных и учебных источников, но не только и не столько за счет ссылок на научные публикации различных авторов, а в основном путем рассмотрения генезиса теорий, современных концепций: когда и какими учеными они были предложены и определены, какими объективными жизненными потребностями они были обусловлены и, наконец, где об этом можно получить дополнительную информацию, необходимую для более глубокого их усвоения. Разумеется, изложение лектором списка рекомендуемой литературы тоже направлено на достижение ориентирующей функции лекции. Полезно бывает на лекции рекомендовать обучающимся и последовательность изучения дополнительных источников, что способствует облегчению процесса усвоения материала, и реализует организационную функцию лекции. Кроме того, именно на лекции преподаватель рассказывает о требованиях к процедуре освоения дисциплины и результатах, которые должны быть достигнуты.

Существенное значение имеет разъясняющая, объясняющая функция лекции. Одна из основных задач рассматриваемого вида занятий оказать помощь слушателям в формировании системы понятий, применяемых в рамках изучаемой дисциплины, преподаваемой темы. Объясняя сущность теории, необходимо достигать адекватного понимания научного содержания понятий, их связи друг с другом, иерархического подчинения. Поскольку научное понятие – это объективно существующее вне сознания субъекта знание, но обобщенное, абстрагированное от конкретных предметов и их частных, несущественных для рассмо-

трени в данном научном аспекте свойств, признаков, то важно донести до слушателей содержание понятия без искажений, вызванных собственной субъективной трактовкой преподавателем или вольными интерпретациями самих слушателей. Профессиональная подготовка экспертов в системе дополнительного образования требует совершенно иной глубины подачи и усвоения знаний, формирования ее четкой системы.

В рамках лекции в целях доходчивого объяснения теоретических положений нельзя обойтись без разъяснения дефиниций; разъяснить дефиницию – это значит объяснить смысл каждого слова, входящего в нее, что является основной целью объяснительной функции лекции. Некоторые темы или разделы дисциплины могут являться сложными для самостоятельного изучения как при подготовке к семинару, практике или при подготовке к зачету, экзамену, поэтому лектор должен преподнести материал, несколько упростив его, снабдив значимыми практическими примерами.

Убеждающая функция реализуется, прежде всего, через доказательность утверждений лектора. Конечно же, можно и нужно подчеркивать «важность» той или иной информации во время лекции, но в лучшем случае эта информация запоминается или берется слушателями на веру из уст авторитетного для них человека – лектора, специалиста в данной области. Иначе говоря, если слушатели верят сказанному, это еще не значит, что они убеждаются. Чтобы убедить, надо доказать, что дело обстоит именно так и быть иначе не может – лишь тогда убеждение в истинности полученного знания сформируется у слушателей. При подготовке экспертов лучшим доказательством истинности того или иного утверждения является анализ примеров из экспертной практики, в том числе выводов в заключениях эксперта которые были подтверждены другими доказательствами и соответственно оценены судом. Таким образом, убеждающая лекция – это доказательная лекция. Доказательность стоит на первом месте среди всех других признаков хорошей лекции, что также способствует формированию у слушателей определенного мировоззрения [7].

Заинтересованный, целеустремленный лектор со свойственной ему эмоциональностью, искренней верой в то, что он говорит, уже на первых лекциях выстраивает мировоззрение слушателей или хотя бы создает условия для формирования такового.

Увлекающая или воодушевляющая функция лекции состоит в том, что помимо сообщения важной и нужной для слушателей научной информации, она должна породить заинтересованность идеями и перспективами, увлечь ими настолько, чтобы сподвигнуть на серьезное и углубленное занятие данной дисциплиной. Любой слушатель, в котором лектор пробудил интерес к содержанию излагаемого материала, скажет, что лекция была интересной и увлекательной.

Это отнюдь не означает, что она обязательно должна быть развлекательной, хотя не исключаются элементы занимательности, юмор, шутка. Между тем среди преподавателей бытует мнение, что научная лекция не обязательно должна быть интересной и увлекательной. Главное ее достоинство – объективное содержание, донесенное до слушателей пусть даже скучным языком; многие полагают, что есть такие темы и проблемы, которые невозможно изложить интересно. Можно предположить, что это недоразумение проистекает из неверного толкования функции учебной лекции только как процесса передачи знаний от преподавателя к слушателю. Лекция обязательно должна эмоционально затрагивать слушателей, при этом основной переживаемой эмоцией слушателей должен быть интерес. Субъективно эта эмоция переживается как положительная, обеспечивая позитивный настрой на приобретение знаний, открытие нового, что способствует мотивации обучения. При подготовке к лекциям преподавателю есть смысл особое внимание обратить на те вопросы, изложение которых может оказаться скучным, и специально подобрать яркий иллюстративный материал, примеры по возможности из личной экспертной практики.

Преподавателю надо постараться обеспечить развертывание такой «эмоциональной цепочки» в переживаниях слушателей: удивление – интерес – радость. Это позволит поддерживать эффективность лекций на высоком уровне.

Наряду с указанными основными функциями лекции многие исследователи считают не менее важными также следующие функции лекции:

– *методическая*: метод с греческого переводится «путь», так вот преподаватель – лектор на протяжении всей работы со слушателями на лекции, прокладывая путь, указывает наиболее важные направления изучения дисциплины, акцентирует внимание слушателей на определенных вопросах и темах, заранее зная, с какими трудностями и на каких этапах они столкнутся в данной дисциплине;

– *воспитательная*: как известно, образование – это всегда двуединый процесс, связывающий обучение и обязательно всегда воспитание; несомненным является то, что лекция, как и другие виды и формы обучения, включает в себя реализацию воспитательных целей. Воспитательная функция должна рассматриваться с позиции профессиональной специализации. Одним из аспектов воспитательной функции всегда является сегмент социализации и адаптации человека к профессиональной деятельности в определенных учреждениях и конкретных коллективах. В данном случае, с учетом контингента слушателей, воспитательная функция должна быть направлена на разрешение проблем, которые могут возникнуть в связи с адаптацией к работе в практических экспертных

подразделениях, а также при взаимодействии с сотрудниками оперативно-следственных и иных служб, что будет способствовать социализации специалиста и его дальнейшему росту в профессиональной сфере;

– *проблемно-развивающая*: очень часто, особенно молодые преподаватели, представляют лекцию как трансляцию уже готового материала. И это заблуждение. Преподаватель на лекции может ставить проблемы по темам, может поднимать проблемы дисциплины, у которых нет однозначного решения, а это, в свою очередь, стимулирует слушателей к поиску, а значит саморазвитию;

– *научно-исследовательская*: преподаватель на лекции закладывает не только основы возможных будущих исследований в рамках данной дисциплины, но и обучает методам научного исследования, рассказывает о методах анализа собственного опыта и научных исследований своих коллег [8].

Подводя итог изложенному, считаем возможным отметить, что в дополнительном профессиональном образовании лекция как форма организации обучения и сегодня занимает ведущую информационную и обучающую роль в процессе преподавания дисциплин. Лекторы стараются на своих занятиях следовать различным инновационным подходам, использовать новые приемы и методы для повышения качества современной лекции, воздействовать на слушателей с позиции воспитания. И мы разделяем мнение И. В. Башлакова-Николаева о том, что: «Лекционное занятие (или лекция) является основной формой организации учебного процесса, где наиболее контрастно проявляются талант и способности педагога (лектора) как творческой личности. Лекция требует порой от лектора особого физического, умственного и душевного напряжения, энтузиазма. Заурядно прочитанная лекция никогда не вызовет оживления аудитории и, как правило, никогда не достигнет своей цели и будет забыта сразу же после своего прочтения. Аналогичными могут быть последствия и для лекции, автор которой не покажет высокого уровня знаний и профессионализм, не сумеет обосновать актуальности и необходимости учебного материала для практики» [9].

Список источников

1. Дьяченко Н. В. Плюсы и минусы использования лекции в дополнительном профессиональном образовании // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 11 [Электронный ресурс] URL: <http://human.snauka.ru/2018/11/25343> (дата обращения: 27.05.2021).
2. Бордовская Н. В. Педагогика : учебник для вузов / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. СПб. : Питер, 2013. 304 с.
3. Кирова И. В., Костюк И. В., Попова Т. Л. Лекции в высшей школе : вечная классика или уходящий

жанр? // Автомобиль. Дорога. Инфраструктура. 2018, № 1 (15). С. 20–27.

4. Попков В. А. Дидактика высшей школы : учебное пособие / В. А. Попков, А. В. Коржуев. М. : Академия, 2001. 136 с.

5. Левченко В. В. Недостатки лекции как части семинарской формы обучения в современных вузах // Дискуссия. 2013, № 9 (39) URL:<https://docviewer.yandex.ru/view> (дата обращения 09.07.2021).

6. Бадмаев Б. Ц., Иванов А. Е., Нечаев Н. Н., Садчиков Ю. И., Съедин С. И., Фисенко А. Т. Психолого-педагогические основы агитационно-пропагандистской работы в полку (на корабле). М. : Военно-политическая академия им. В.И. Ленина, 1974. 204 с.

7. Вачков И. В. Методика преподавания психологии : учебное пособие. М. : «Ось-89», 2008. С. 68.

8. Дьяченко Н. В. Лекция в дополнительном профессиональном образовании: вчера и сегодня // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. № 3 (36), 2018. С. 86–91.

9. Башлаков-Николаев И. В. Методические рекомендации по подготовке и проведению лекционных занятий по дисциплинам, закрепленным за кафедрой «Антимонопольное регулирование» <https://mgou.ru/wp-content/uploads/2018/05/> (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Dyachenko N. V. Pros and cons of using lectures in additional professional education // Humanitarian scientific research. 2018. № 11 [Electronic resource]

URL: <http://human.snauka.ru/2018/11/25343> (accessed: 27.05.2021).

2. Bordovskaya N. V. Pedagogy : textbook for universities / N. V. Bordovskaya, A. A. Rean. St. Petersburg : Peter, 2013. 304 p.

3. Kirova I. V., Kostyuk I. V., Popova T. L. Lectures in higher school : eternal classics or a passing genre? // Car. Road. Infrastructure. 2018. № 1 (15). P. 20–27.

4. Popkov V. A. Didactics of higher school : a textbook / V. A. Popkov, A. V. Korzhuev. M. : Academy, 2001. 136 p.

5. Levchenko V. V. Disadvantages of lectures as part of the seminar form of education in modern universities // Discussion. 2013. № 9 (39) URL:<https://docviewer.yandex.ru/view> (accessed: 09.07.2021).

6. Badmaev B. C., Ivanov, A. E., Nechaev N. N., Sadchikov, Y. I., Syedin S. I., Fisenko A. T. Psychological and pedagogical foundations of advocacy in the shelf (on a ship). M. : Military-political Academy im. V. I. Lenin, 1974. 204 p.

7. Vachkov I. V. Methods of teaching psychology : a textbook. M. : «Axis-89», 2008. P. 68.

8. Dyachenko N. V. Lecture in additional professional education: yesterday and today // Scientific support of the personnel training system. No. 3 (36). 2018. P. 86–91.

9. Bashlakov-Nikolaev I. V. Methodological recommendations for the preparation and conduct of lectures on the disciplines assigned to the Department of «Antimonopoly regulation» <https://mgou.ru/wp-content/uploads/2018/05/> (accessed: 10.06.2021).

Информация об авторах

В. В. Пономарев – доцент кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

И. Н. Усков – доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. V. Ponomarev – Associate Professor of the Department of Forensic Expertise of Educational-Scientific Complex of Forensics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

I. N. Uskov – Associate Professor of the Department of Document Research of Educational-Scientific Complex of Forensics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 11.03.2022.

The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 11.03.2022.

Научная статья

УДК 343.1:343.37:004

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-167-171>

НИОН: 2015-0066-1/22-229

MOSURED: 77/27-011-2022-01-428

Особенности получения доказательств по преступлениям в сфере цифровой экономики при интегрированном применении специальных знаний судебных экспертов-экономистов

Владимир Антонович Прорвич

Московская академия Следственного комитета РФ, Москва, Россия, kse60@mail.ru

Аннотация. Расследование уголовных дел о преступлениях в сфере цифровой экономики связано с необходимостью выполнения судебно-экономической экспертизы эмиссионных ценных бумаг и производных финансовых инструментов. Поскольку они выпускаются только в виде электронных документов, а их обращение происходит в системе цифровых прав, связанных с определенными информационными системами, выполнении экспертных исследований требует применения новых методик. Рассмотрены основные подходы к разработке алгоритмов выполнения экономических экспертиз цифровых финансовых активов. Для этого предлагается интегрированное применение специальных знаний в сфере экономики, финансового права, информатики, цифрового права и иных смежных отраслях научного знания. Сделан ряд акцентов на организационное и кадровое обеспечение подобных «электронно-экономических» и «программно-сетевых» финансовых экспертиз.

Ключевые слова: преступления в сфере цифровой экономики, эмиссионные ценные бумаги, судебно-экономические экспертизы, электронные документы, цифровые права, цифровые финансовые активы, алгоритмы экспертных исследований, интерактивные экспертные системы

Для цитирования: Прорвич В. А. Особенности получения доказательств по преступлениям в сфере цифровой экономики при интегрированном применении специальных знаний судебных экспертов-экономистов // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 167–171. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-167-171>.

Original article

Features of obtaining evidence on crimes in the digital economy with the integrated application of special knowledge of forensic experts-economists

Vladimir A. Prorvich

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, kse60@mail.ru

Abstract. The investigation of criminal cases of crimes in the digital economy is connected with the need to carry out forensic economic examination of emission securities and derivatives. Since they are produced only in the form of electronic documents, and their circulation takes place in the system of digital rights associated with certain information systems, the implementation of expert research requires the application of new methods. The main approaches to the development of algorithms for performing economic examinations of digital financial assets are considered. To do this, it proposes an integrated application of expertise in economics, financial law, computer science, digital law and other related fields of scientific knowledge. A number of emphasis is placed on the organizational and personnel support of such «electronic-economic» and «software-network» financial expertise.

Keywords: digital economic crimes, emission securities, forensics, electronic documents, digital rights, digital financial assets, expert research algorithms, interactive expert systems

For citation: Prorvich V. A. Features of obtaining evidence on crimes in the digital economy with the integrated application of special knowledge of forensic experts-economists. Bulletin of economic security. 2022;(1):167–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-167-171>.

© Прорвич В. А., 2022

При расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере цифровой экономики нередко возникают проблемы получения необходимых доказательств средствами судебно-экономической экспертизы. В частности, уже в самом начале доследственной проверки по преступлениям, связанным с манипулированием рынком (ст. 185³ УК РФ), следователь сталкивается с тем, что предмет преступления – эмиссионные ценные бумаги и иные финансовые инструменты в соответствии с действующим законодательством выпускаются в электронном виде [1].

Более того, осуществление сделок с такими ценными бумагами осуществляется и регистрируется также в электронном виде, а «первичные» и «производные» электронные документы, отражающие соответствующие операции, в том числе, криминальные, оформляются и хранятся в определенных информационных системах. При этом необходимо учитывать особенности недавно введенной системы цифровых прав, которые законодатель связал с информационными системами и их «обладателями». Именно в рамках таких систем и осуществляет криминал свои «высокотехнологичные» деяния, которые приводят к причинению крупного и особо крупного ущерба правообладателям таких ценных бумаг, измеряемого в реальных рублях.

Понятно, что для надлежащего выявления признаков преступлений данного вида, их раскрытия и успешного расследования соответствующих уголовных дел, необходимы не только новые криминалистические методики. Для надлежащей обработки электронных документов необходимы современные информационные технологии с применением обширного комплекса специальных знаний, позволяющие выявить и зафиксировать следы таких преступлений, которые носят весьма необычный, информационный характер. К тому же, преступники принимают меры для их кодирования и маскировки, чтобы противодействовать выявлению и раскрытию таких преступлений.

Соответствующие проблемы, как и основные подходы к их решению, исследованы в недавно вышедших монографиях [2; 3]. При этом важно обратить внимание на ряд новых задач, возникающих при организации использования специальных знаний на уровне взаимодействия следователей с судебными экспертами и специалистами при работе с электронными документами, приобретенными следователем к уголовному делу. Фактически, речь идет об интегрированном применении профессиональных компетенций самого следователя и привлекаемых им к участию в деле сведущих лиц.

В рамках такого взаимодействия важно учитывать требования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие работу с электронны-

ми документами – как следователя, так и судебного эксперта и специалиста при получении необходимых доказательств по расследуемому уголовному делу. Прежде всего, необходимо обратить внимание на положения ч. 3 ст. 164¹ УПК РФ, в соответствии с которыми следователь в ходе производства следственного действия вправе осуществлением копированием информации, содержащейся на электронном носителе. В протоколе следственного действия должны быть указаны технические средства, применяемые при копировании информации, порядок их применения, электронные носители информации, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. К протоколу прилагаются электронные носители информации, содержащие скопированную информацию в ходе данного следственного действия.

То есть, тем самым законодатель предусмотрел возможность включения в состав материалов уголовного дела электронных документов на электронных носителях информации. При этом идентичность оригинала электронного документа, обнаруженного следователем в определенной информационной системе и его дубликата на электронном носителе информации, использованном следователем, удостоверяет сам следователь документом на бумажном носителе информации.

Если в состав этих электронных документов были включены следствием как дубликаты сами эмиссионные ценные бумаги, изъятые у преступников, так и документация, отражающая факты, связанные с их эмиссией и хранением в определенных информационных системах, а также совершение сделок и их регистрации в других информационных системах, включая оплату этих сделок с помощью электронных денег, то возникает возможность не только восстановить детали преступного замысла. Весь этот комплекс электронных документов из состава материалов уголовного дела может быть передан следствием эксперту-экономисту в качестве объекта судебно-оценочной экспертизы по оценке стоимости этих цифровых финансовых активов. На основании соответствующего заключения эксперта может быть установлен размер причиненного ущерба и незаконно полученного дохода. Здесь важно учитывать основные источники рисков совершения следственных и экспертных ошибок, а также принимать меры к их устранению [4].

Результаты изучения основных особенностей осуществления биржевых и внебиржевых транзакций с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами показывают, что они осуществляются с помощью нескольких специализированных компьютерных программ. Для их надлежащего использования электронные биржи, брокеры, банки и другие профессиональные участники рынка цен-

ных бумаг привлекают к оперированию такими пакетами программ высококвалифицированных программистов.

Следует обратить внимание на то, что до сих пор в теории и практике судебной экспертизы в подобных случаях принято вначале использовать возможности компьютерно-технической экспертизы, по итогам которой эксперт отражает в своем заключении на бумажном носителе содержание считанных им с помощью сертифицированных компьютерных программ электронных документов. Такая практика сложилась более 20 лет назад, когда широко практиковалось изъятие системных блоков, жестких дисков и иных устройств памяти из компьютеров, используемых различными организациями для ведения бухгалтерской документации. Для «визуализации» тех документов, которые хранились в памяти компьютеров, в рамках компьютерно-технических экспертиз использовалось «фирменное», «сертифицированное» и «лицензированное» программное обеспечение.

Но применительно к преступлениям рассматриваемого вида, связанным с манипулированием рынком, действующее законодательство предусматривает выпуск и обращение ценных бумаг только в электронной форме, как и их хранение и обращение. Создание копий или дубликатов электронных документов на бумажных носителях при этом не предусмотрено. Тем более, если такая копия заверяется не биржей, на которой были осуществлены соответствующие электронные сделки с электронными ценными бумагами, а экспертом, занимающимся компьютерно-техническими экспертизами, который не обладает необходимыми правовыми и экономическими знаниями в сфере документирования банковской, биржевой и иной деятельности и профессиональными компетенциями для обработки соответствующей финансовой документации.

Кроме того, упоминавшиеся выше транзакции с ценными бумагами и производными финансовыми инструментами осуществляются профессионалами рынка ценных бумаг с помощью специалистов, владеющих технологиями работы с документированной финансовой информацией в электронном виде. При этом попытки ее визуализации с помощью «фирменного» программного обеспечения нередко приводят лишь к распечатке «служебной» информации, циркулирующей в рамках специального программного обеспечения, используемого конкретной биржей, брокером или иным участником рынка ценных бумаг. Такая служебная информация отражает особенности используемого языка программирования и даже с помощью специалиста по программированию далеко не всегда в ней удастся выделить замаскированные и закодированные информационные следы конкретного преступления.

Из-за этого следователю приходится привлекать большое количество специалистов, владеющих таким специальным программным обеспечением, чтобы выполнить обширный комплекс «программно-сетевых» экспертиз, нацеленных на «визуализацию» всего комплекса операций с самой разнообразной электронной документацией. При этом необходимо учитывать, что эта электронная документация прошла через десятки информационных систем, владельцы которых могут устанавливать определенные правила оформления и учета транзакций с электронными ценными бумагами различных видов.

Но даже если все эти проблемы будут успешно решены, следствие получит в свое распоряжение тысячи копий документов, удостоверенных экспертом, о совершенных биржевых транзакциях в течение нескольких дней. При этом, как показывает правоприменительная практика, для преступлений, связанных с манипулированием рынком, характерны периоды преступных манипуляций в несколько месяцев и даже лет. Поэтому при расследовании преступлений данного вида придется столкнуться с необходимостью «ручной» обработки содержательных особенностей сотен тысяч бумажных копий электронных документов, что находится на грани и даже за гранью реальных возможностей следствия даже с помощью десятков специалистов и экспертов. Более того при этом риски совершения следственных и экспертных ошибок резко возрастают.

Вместе с тем, при современном развитии информационных технологий создаются принципиально новые возможности для выполнения таких судебно-экономических экспертиз непосредственно по электронной документации, связанной с выпуском и обращением электронных ценных бумаг. Но для выполнения таких «электронно-экономических» или «программно-сетевых» финансовых экспертиз необходимо интегрированное применение специальных знаний в сфере экономики, финансового права, информатики, цифрового права и иных смежных отраслях научного знания. На соответствующем интегрированном научном фундаменте могут быть разработаны проблемно-ориентированные алгоритмы обработки данных электронных документов и созданы программно-аппаратные комплексы в виде интерактивных экспертных систем, нацеленных на помощь следователям в разрешении проблемных вопросов в диалоговом режиме.

В качестве первого шага могут быть рассмотрены те подходы к созданию иерархических систем алгоритмов для современного информационного обеспечения уголовного судопроизводства по преступлениям в сфере экономики, которые были описаны в уже упоминавшихся монографиях [2; 3]. При этом значительную часть данных алгоритмов возможно

в достаточно короткие сроки адаптировать к специфическим особенностям преступлений, связанных с манипулированием рынком. Более того, структура многих из них может быть детализирована на основе применения интегрированных специальных знаний в сфере экономики, финансов, ценных бумаг и информатики.

В свою очередь, сами специальные знания в сфере экономики, финансов и ценных бумаг, используемые при создании информационного обеспечения по преступлениям, связанным с манипулированием рынком, носят интегрированный характер. В составе таких знаний имеются не только те, которые обозначены в их названии, но и большой комплекс вопросов правового регулирования отношений экономических субъектов в рассматриваемой сфере. Без них специальные экономические знания в сфере цифровой экономики и финансов выхолащиваются до уровня громоздких арифметических расчетов, результаты которых изначально могут содержать неустраняемые ошибки, связанные с игнорированием правовых норм, регламентирующих отношения соответствующих экономических субъектов.

Чтобы сформировать такие интегрированные специальные знания и профессиональные компетенции у экспертов-экономистов, либо у экспертов-программистов, необходимо организовать не только профессиональный отбор тех из них, которые интересуются «смежными» проблемами занимаются самообразованием. Безусловно, необходимо создать систему их проблемно-ориентированной профессиональной переподготовки.

По результатам обобщения многолетнего практического опыта повышения квалификации и профессиональной переподготовки судебных экспертов-экономистов можно сделать вывод об их преимущественной ориентации на дифференциацию экономических знаний с приоритетом специальных знаний и профессиональных компетенций в сфере бухучета. При этом главные акценты большинство из них считали необходимым делать на конкретные методы анализа бухгалтерской документации, подчеркивая, что они практики, сориентированные на выполнение «типовых» экспертиз в весьма ограниченные сроки.

В то же время категорически отвергались не только предложения освоить современные компьютерные программы для экономических расчетов, не говоря уже об изучении основ информатики, но и попытки организации круглых столов со следователями, чтобы обсудить наиболее актуальные проблемы взаимодействия с ними. Поэтому рассчитывать на возможное участие в столь серьезных и наукоемких исследованиях и разработках экспертов-экономистов из ведомственных экспертных учреждений не приходится.

Чтобы подготовить необходимые кадры разработчиков соответствующих алгоритмов для создания проблемно-ориентированного программно-аппаратного комплекса, интерактивных экспертных систем, необходимо интегрирование усилий ученых в соответствующих сферах научного знания и специалистов-практиков. Для обеспечения взаимопонимания финансистов и программистов и фокусирования их усилий на решении конкретных проблем алгоритмизации информационного обеспечения всего комплекса процессуально регламентированных действий по преступлениям, связанным с манипулированием рынком, бремя общей организации таких исследований и разработок должны принять на себя представители юридической науки, разрабатывающие методическое обеспечение для расследования преступлений данного вида.

В качестве формы такого взаимодействия могут обсуждаться не только проблемы организации временных творческих коллективов на базе одного или нескольких правоохранительных органов. Возможно создание и соответствующего научного центра с участием правоохранительных органов, банковского сообщества и профессиональных участников рынка ценных бумаг, заинтересованных в создании надежной уголовно-правовой защиты всех субъектов данного рынка. Это особенно актуально с учетом быстрого нарастания обсуждаемых проблем в условиях перехода к информационному обществу и экономики знаний и активизации высокотехнологичного криминала.

Важно сделать ряд акцентов на то, что выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере манипулирования рынком силами даже самых лучших следователей и оперативных сотрудников в сложившихся условиях вряд ли возможно. Этот вывод следует не только из анализа особенностей диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы, которая прямо предусматривает установление экономических признаков преступлений данного вида силами сведущих лиц, обладающих высоким уровнем специальных знаний не только в сфере экономики и финансов, но и в организации биржевой деятельности и используемых при этом информационных технологиях. Правоприменительная практика показывает, что за 10 лет после криминализации деяний рассматриваемого вида удалось завершить расследование и довести до рассмотрения в суде лишь одно уголовное дело [5].

Поэтому возникает объективная необходимость в создании условий для интегрирования профессиональных компетенций и специальных знаний следователей, специалистов высшей квалификации и судебных экспертов принципиально нового типа, оснащенных современными информационными тех-

нологиями. Для этого необходимо еще раз обратить внимание на ряд новых возможностей университетской науки в создании системы государственных экспертных лабораторий, сориентированных на обеспечение уголовно-правовой защиты субъектов цифровой экономики и финансов [6].

Объединение возможностей ученых и специалистов ведущих университетов, готовящих кадры высшей квалификации в различных сферах цифровой экономики и финансов, информатики и искусственного интеллекта, во взаимодействии с коллегами, разрабатывающими проблемы теории и практики уголовно-правовой защиты новых общественных отношений в данной сфере, позволит решить обозначенные проблемы. Основываясь на уже имеющемся практическом опыте, можно сделать оптимистические оценки по поводу создания прототипов соответствующих интерактивных экспертных систем и подготовки кадров экспертов, обладающих необходимыми интегрированными специальными знаниями и профессиональными компетенциями в течение ближайшего времени.

Список источников

1. Организация и методика расследования отдельных видов экономических преступлений / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. М. : «Спутник+», 2016.
2. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Компьютерная криминалистика в системе уголовно-правовой защиты «традиционной» и цифровой экономики : монография. М.: Экономика, 2020.
3. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. Электронное судопроизводство по преступлениям в сфере экономики (научно-практические аспекты) : монография. М. : Экономика, 2019
4. Ошибки при раскрытии и расследовании экономических преступлений / под ред. А. И. Бастрыкина, А. Ф. Волынского, В. А. Прорвича. М. : Спутник+, 2018.
5. Опальский А. П., Прорвич В. А., Иванов Е. В. и др. Методика доследственной проверки по делам о

манипулировании рынком и неправомерном использовании инсайдерской информации. Научно-практическое пособие. М. : Альпен-Принт, 2020.

6. Волынский А. Ф., Прорвич В. А. О перспективах реализации потенциала университетской науки при реформировании системы государственной судебной экспертизы / Труды Международной научно-практической конференции «Право и государство будущего: эволюционные стратегии развития». М., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 18–19 апреля 2019 г.

References

1. Organization and methodology of investigation of certain types of economic crimes / edited by A. I. Bastrykin, A. F. Volynsky, V. A. Prorvich. M. : «Sputnik+», 2016.
2. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Computer criminalistics in the system of criminal legal protection of the "traditional" and digital economy : monograph. M.: Economics, 2020.
3. Volynsky A. F., Prorvich V. A. Electronic legal proceedings on crimes in the field of economics (scientific and practical aspects) : monograph. M. : Economics, 2019.
4. Errors in the disclosure and investigation of economic crimes / edited by A. I. Bastrykin, A. F. Volynsky, V. A. Prorvich. M. : Sputnik+, 2018.
5. Opalsky A. P., Prorvich V. A., Ivanov E. V., etc. The methodology of pre-investigation verification in cases of market manipulation and misuse of insider information. Scientific and practical manual. Moscow: Alpen-Print, 2020.
6. Volynsky A. F., Prorvich V. A. On the prospects of realizing the potential of university science in reforming the system of state forensic examination / Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Law and the State of the Future : Evolutionary development Strategies». Moscow, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), April 18–19, 2019.

Информация об авторе

В. А. Прорвич – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ, доктор юридических наук, доктор технических наук, профессор.

Information about the author

V. A. Prorvich – Professor of the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Doctor of Technical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.04.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 06.04.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 343.721

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-172-175>

НИОН: 2015-0066-1/22-230

MOSURED: 77/27-011-2022-01-429

Объект преступного посягательства на собственность и законные интересы субъектов кредитования, бюджетную систему Российской Федерации

Майя Михайловна Савченко

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия,

maya.savchenko@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается объект преступления, связанного с незаконным получением кредита. Анализируются статистические данные, делаются выводы о латентности исследуемого состава, о важности уголовно-правовой охраны вопросов кредитования как одной из наиболее важных сторон финансовой жизни в стране. Рассматриваются позиции известных ученых, исследователей уголовного права, относительно непосредственного объекта состава преступления по статье 176 УК РФ.

Ключевые слова: кредитование, уголовная ответственность, преступление, экономическая деятельность, объект преступления

Для цитирования: Савченко М. М. Объект преступного посягательства на собственность и законные интересы субъектов кредитования, бюджетную систему Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 172–175. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-172-175>.

Original article

Object of criminal encroachment on property and legitimate interests of lending entities, budget system of the Russian Federation

Maia M. Savchenko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia, maya.savchenko@gmail.com

Abstract. This article deals with the subject of the offence of illegal credit. Statistical data are analyzed, conclusions are made on the latency of the study composition, on the importance of criminal law protection of credit issues as one of the most important aspects of financial life in the country. The positions of famous scientists, researchers of criminal law, regarding the direct object of the corpus delicti under article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered.

Keywords: lending, criminal liability, crime, economic activity, object of crime

For citation: Savchenko M. M. Object of criminal encroachment on property and legitimate interests of lending entities, budget system of the Russian Federation. Bulletin of economic security. 2022;(1):172–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-172-175>.

Договорные обязательства являются основой гражданско-правовых отношений, поскольку они позволяют приводить в законную форму конкретные сделки, связанные с извлечением потенциальной выгоды для обеих сторон, вступающих в нее. Кредитование в настоящее время входит в число одних из самых распространенных обязательств, существующих в отечественном правовом пространстве. Кредиты пользуются огромной популярностью, распростра-

няясь как услуги, предоставляемые банками, а также небанковскими кредитными организациями. Вступать в такие правоотношения имеет право широкий круг субъектов: как юридические, так и физические лица, а также индивидуальные предприниматели.

Договор займа как часть гражданского права зародился еще в период Древнего Рима и правления в нем императора Юстиниана. Интересным является тот факт, что сама юридическая конструкция договора

займа в современном законодательстве очень близка формулировкам, использовавшимся более двух тысяч лет назад – с этих пор институт мало в чем изменился. Это позволяет сделать вывод о его относительно стабильности и крайней степени эффективности при использовании в жизнедеятельности граждан.

Доступность кредитных операций и широкая распространенность организаций, осуществляющих кредитование, обуславливают привлекательность кредитования для криминального сектора. Это общая закономерность, характерная и для России. Так, в настоящее время количество правонарушений, связанных с обманом граждан и организаций в сфере банковского и небанковского кредитования, составляет весьма значительную долю от общего количества зарегистрированных преступлений¹. Весьма разнообразны и способы совершения преступлений в кредитной сфере. Злоумышленники активным образом пытаются скрыть свои истинные корыстные намерения. Для этого они используют как традиционные приемы обмана, введения в заблуждение, так и различного рода технологические средства для совершения преступления и последующего ухода от юридической ответственности. На фоне роста объемов кредитования возрастают и потери банков и небанковских кредитных организаций, прямо связанные с мошенническим получением кредитов. Такие преступные посяательства широко распространены в сфере как потребительского кредитования, так и кредитования юридических лиц, индивидуальных предпринимателей [1].

Соккрытие злоумышленниками корыстных мотивов своих обманных действий, как справедливо отмечают многие ученые, затрудняет квалификацию содеянного ими [2]. В связи с этим в правоприменительной практике существует проблема разграничения мошенничества и, собственно, незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) [3].

О наличии правоприменительных проблем свидетельствуют статистические данные по России, подтверждающие *нераспространенность* фактов привлечения к уголовной ответственности по ст. 176 УК РФ². К настоящему времени количество зарегистрированных преступлений по ст. 176 УК РФ существенно снизилось и составляет ничтожную долю от общего количества преступлений, совершенных обманным способом. В 2020 г. по ст. 176 УК РФ осуждено всего 16 лиц³.

¹ См.: Состояние преступности // Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762> (дата обращения: 16.10.2021).

² На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Ф.010КН.01-СВ. Россия) за 2003–2020 г. // По данным ГИАЦ МВД России.

³ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ [Электронный

ресурс]. Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 16.10.2021).

В условиях коллизии уголовно-правовых норм и, в частности, ст. 159 и 176 УК РФ, проблема юридической квалификации наиболее актуальна для правоприменителя, обязанного такую квалификацию произвести. Он должен соблюсти «дух и букву» уголовного закона при разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 159 и 176 УК РФ. Проблема обладает как теоретическим, так и практическим характером.

Наряду с проблемой квалификации незаконного получения кредита, имеющему место в следственно-судебной практике, в уголовно-правовой науке встречаются точки зрения о том, что состав мошенничества и состав незаконного получения кредита (получение кредита мошенническим или обманным путем) соотносятся между собой как общая и специальная норма соответственно либо являются смежными, то есть их конструкции обладают аналогичными элементами, схожими признаками [4, с. 260].

Несовершенство юридической техники при конструировании норм, сочетающееся с отсутствием единства среди ученых в толковании объективных и субъективных признаков составов незаконного получения кредита (ст. 176 УК РФ) и мошенничества (ст. 159 УК РФ) обуславливают серьезные проблемы в их применении. В этой связи с точки зрения юридической науки и правоприменительной практики целесообразно определить природу и сущность обманного получения кредита [5]. Для этого обратимся к анализу его объективных и субъективных признаков.

Понятие незаконного получения кредита раскрывается исходя из диспозиции части 1 статьи 176 УК РФ, где говорится о том, что критерий «незаконности» основывается на вступлении субъекта в правоотношения кредитования с предоставлением заведомо ложных сведений о хозяйственном или финансовом положении соответствующего экономического субъекта деятельности, в интересах которого сам кредит и получается [6]. При этом, уголовно наказуемым является как само получение кредита, так и получение на основе обозначенных сведений каких-либо льготных условий кредитования. Обязательно и наличие последствий в виде крупного ущерба.

Часть 2 статьи 176 УК РФ раскрывает иной состав преступления, по конструкции схожий с рассмотренным ранее, однако, сама сфера кредитования смещается с поля ведения различных кредитных организаций, в вопросы государственного кредитования [7]. Здесь уголовная ответственность устанавливается не только за незаконное получение целевого кредита, но и за его нецелевое расходование [8].

ресурс]. Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 16.10.2021).

Объектом преступления по делам, предусмотренным ст. 176 УК РФ, являются общественные отношения в экономике, а именно – в кредитно-банковской сфере [9]. То есть общественные отношения, складывающиеся в связи и по поводу кредитования управомоченными на то специальными организациями¹ (банками, небанковскими кредитными организациями) физических лиц и организаций.

Относительно непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления в уголовно-правовой науке отсутствует единое мнения. Так, И. А. Бобраков, относит к таковому общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок кредитования [10, с. 391]. В этом смысле, под такой категорией подразумевается существующий порядок выдачи кредитов и иных займов и ссуд, а также аспекты назначения льготного кредитования. Иной точки зрения придерживается Н. А. Лопашенко, которая при формулировании непосредственного объекта состава преступления по статье 176 УК РФ обращает внимание на то, что вред наносится экономическим отношениям, выстраиваемым по принципу добропорядочности субъектов [11]. Указанная позиция видится нам, в большей мере, обобщенной, а потому опровергнуть или согласиться с ней достаточно сложно.

В контексте задачи конкретизации объекта незаконного приобретения кредита, любопытна точка зрения М. В. Феоктистова, признающего в качестве основного непосредственного объекта незаконного получения кредита финансовую систему Российской Федерации, порядок кредитования граждан и хозяйствующих субъектов. В свою очередь, законные экономические интересы кредиторов являются дополнительным объектом [12].

Вместе с тем вышеуказанные мнения ученых-криминалистов нуждаются в уточнении.

Следует понимать, что мошенничество в сфере кредитования в достаточной мере отличается от иных разновидностей данной преступной деятельности [13]. При совершении таких преступлений происходит посягательство, в первую очередь, на законные интересы субъектов, осуществляющих кредитование. Кроме того, фактически страдают также их право собственности, ввиду того, что деньги, выдаваемые в качестве кредита, выбывают из пользования, владения и распоряжения кредитных организаций и попадают субъектам, предоставившим недостоверные данные [14]. Помимо указанных, происходит посягательство и на дополнительный непосредственный объект – бюджетную и финансовую системы Россий-

ской Федерации, ввиду того, что одним из их столпов является именно кредитование.

Подводя итог вышесказанному, целесообразно сделать ряд следующих выводов и обобщений. Кредитование является одной из наиболее распространенных в финансовой системе государства услуг. Поэтому защита возникающих в данной сфере общественных отношений находится в плоскости уголовно-правового регулирования. УК РФ в статье 176 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за незаконное получение кредита, само понятие, лежащее в названии, раскрывается в диспозиции нормы. Указанные преступления обладают высокой степенью латентности и нередко трудны для выявления, что сказывается на общей статистике. В научной среде нет единого мнения относительно непосредственного объекта незаконного получения кредита. Мы склонны принять позицию М. В. Феоктистова, который говорит, что к таковому следует относить финансовую систему Российской Федерации, общественные отношения, возникающие в связи с реализацией системы кредитования хозяйствующих субъектов в стране.

Список источников

1. Ларичев В. Д., Спиринов Г. М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. М. : Экзамен, 2001. С. 57–60.
2. Костюк М., Сердюк П. Вопросы квалификации мошенничества в сфере банковского кредитования // Уголовное право. 2007. № 4. С. 42–46.
3. Кадников Н. Г. О некоторых проблемах уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательства // Общество и право. 2017. № 3 (61). С. 22–25.
4. Трайнин А. Н. Состав преступления по советскому уголовному праву. М. : Юридическая литература, 1951. 388 с.
5. Осокин Р. Б. Об интеллектуально-психологических качествах субъекта мошеннических посягательств // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2017. № 3. С. 49–50.
6. Осокин Р. Б. Официальный документ как предмет служебного подлога // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 января 2007 года. М. : ТК Велби, 2007. С. 493–496.
7. Трунцевский Ю. В. Преступления в сфере использования Федеральной собственности. Теория и практика противодействия коррупции // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 11 (182). С. 106–114.
8. Осокин Р. Б. Нецелевое расходование бюджетных средств : соотношение уголовной и административной ответственности // Актуальные вопросы юридической науки и практики : сборник научных трудов членов Тамбовского регионального отделения

¹ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 02.07.2021) «О банках и банковской деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268> (дата обращения: 16.10.2021).

Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» / Ассоциация юристов России, Тамбовское региональное отделение. Тамбов : ТГУ имени Г.Р. Державина, 2010. С. 149–155.

9. Луценко О. А. Расследование хищений в сфере банковской деятельности : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 28 с.

10. Уголовное право Российской Федерации / Под ред. И. А. Бобракова, А. А. Телегина. Брянск : Брянский филиал МосУ МВД России, 2008. 627 с.

11. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону. М. : Волтерс Клувер, 2007. 673 с.

12. Феоктистов М. В. Ответственность за незаконное получение кредита и уклонение от погашения кредиторской задолженности : проблемы теории и практики // Банковское право. 2001. № 1. С. 76–83.

13. Осокин Р. Б. Некоторые проблемы отграничения мошенничества от смежных с ним составов преступлений и гражданско-правовых деликтов // Некоторые аспекты правоохранительной деятельности в современных условиях : информац. бюллетень. Тамбов : Тамбовский филиал ЮИ МВД России, 2001. С. 24–27.

14. Осокин Р. Б. Особенности уголовно-правовой характеристики способов совершения мошенничества // Актуальные проблемы правовой реформы в Российской Федерации : сб. статей. М. : МосУ МВД России, 2002. С. 348–351.

References

1. Larichev V. D., Spirin G. M. Commercial fraud in Russia. Methods of commission. Methods of protection. M. : Examination, 2001. P. 57–60.

2. Kostyuk M., Serdyuk P. Questions of qualification of fraud in banking / credit/ Criminal law. 2007. No. 4. P. 42–46.

3. Kadnikov N. G. About some problems of criminal liability for fraud in the field of entrepreneurship // law and Society. 2017. № 3 (61). P. 22–25.

4. Traynin A. N. The offense under Soviet criminal law. M. : Legal literature, 1951. 388 p.

5. Osokin R. B. On the intellectual and psychological qualities of the subject of fraudulent encroachments //

International Journal of Psychology and Pedagogy in official activity. 2017. No. 3. P. 49–50.

6. Osokin R. B. Official document as the subject of forgery // Criminal law : development strategy in the XXI century : proceedings of the 4th International scientific-practical conference, Moscow, 25–26 January 2007. M. : TK velbi, 2007. P. 493–496.

7. Truntsevsky Yu. V. Crimes in the field of use of Federal property. Anti-corruption theory and practice// Property relations in the Russian Federation. 2016. № 11 (182). P. 106–114.

8. Osokin R. B. Misuse of budget funds: the ratio of criminal and administrative responsibility // Topical issues of legal science and practice: a collection of scientific works of members of the Tambov regional branch of the All-Russian Public Organization «Association of Lawyers of Russia» / Association of Lawyers of Russia, Tambov regional branch. Tambov : TSU named after G.R. Derzhavin, 2010. P. 149–155.

9. Lutsenko O. A. Investigation of embezzlement in the field of banking : dis. ... Cand. lawyer. sciences. Krasnodar, 1998. 28 p.

10. Criminal Law of the Russian Federation / Ed. I. A. Bobrakov, A. A. Telegin. Bryansk : Bryansk branch of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 627 p.

11. Lopashenko N. A. Crimes in the sphere of economics : the author's commentary on the criminal law. M. : Volters Kluver, 2007. 673 p.

12. Feoktistov M. V. Responsibility for illegally obtaining a loan and evading repayment of accounts payable : problems of theory and practice // Banking law. 2001. № 1. P. 76–83.

13. Osokin R. B. Some problems of distinguishing fraud from related crimes and civil law torts // Some aspects of law enforcement in modern conditions : information bulletin. Tambov : Tambov branch of the Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. P. 24–27.

14. Osokin R. B. Features of criminal and legal characteristics of methods of committing fraud // Actual problems of legal reform in Russia : Collection of articles. M. : MosU of the Ministry of Internal Affairs Russia, 2002. P. 348–351.

Информация об авторе

М. М. Савченко – доцент кафедры «Экономическая безопасность» Калининградского государственного технического университета, кандидат экономических наук.

Information about the author

M. M. Savchenko – Associate Professor of the Department of Economic Security of the Kaliningrad State Technical University, Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 343.983

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-176-180>

ИПОН: 2015-0066-1/22-231

MOSURED: 77/27-011-2022-01-430

Актуальные проблемы назначения и организации производства судебных экспертиз и исследований в сфере криминалистического документоведения в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями

Никита Евгеньевич Салганский

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, ni14c@yandex.ru

Научный руководитель: профессор кафедры исследования документов УНК СЭ

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук,

профессор **М. В. Бобовкин**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ряда актуальных проблем, возникающих при назначении и организации производства экспертных исследований в сфере криминалистического документоведения в сотрудничестве с зарубежными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями. Цель настоящей работы – создание такого организационно-тактического обеспечения указанной процедуры, которое позволит максимально эффективно использовать возможности международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Результаты исследования могут быть использованы при организации международного взаимодействия в области судебно-экспертного сотрудничества, а также в целях совершенствования законодательства.

Ключевые слова: судебная экспертиза, криминалистическое документоведение, международное сотрудничество, судебно-экспертная деятельность, наука

Для цитирования: Салганский Н. Е. Актуальные проблемы назначения и организации производства судебных экспертиз и исследований в сфере криминалистического документоведения в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 176–180. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-176-180>.

Original article

Actual problems of appointment and organization of forensic examinations and research in the field of forensic documentation in cooperation with foreign and international law enforcement agencies and forensic expert institutions

Nikita E. Salgansky

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia,

ni14c@yandex.ru

Scientific supervisor: Professor of the Department of Document Research of UNK SE

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot',

Doctor of Legal Sciences, Professor **M. V. Bobovkin**

Abstract. The article is devoted to the consideration of a number of topical problems that arise when appointing and organizing the production of expert research in the field of forensic documentation in cooperation with foreign law enforcement agencies and forensic expert institutions. The purpose of this work is to create such organizational and tactical support for this procedure, which will allow the most effective use of the opportunities of international cooperation in the fight against crime. The results of the study can be used in the organization of international cooperation in the field of forensic expert cooperation, as well as in order to improve legislation.

© Салганский Н. Е., 2022

Keywords: forensic examination, forensic documentation, international cooperation, forensic activity, science

For citation: Salgansky N. E. Actual problems of appointment and organization of forensic examinations and research in the field of forensic documentation in cooperation with foreign and international law enforcement agencies and forensic expert institutions. *Bulletin of economic security*. 2022;(1):176–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-176-180>.

Анализ современной практики различных государств показал, что производство судебных экспертиз и исследований в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями, как правило, инициируется в следующих случаях:

- отсутствие в распоряжении запрашивающей стороны материально-технической базы, необходимой для проведения экспертного исследования;
- отсутствие в распоряжении запрашивающей стороны методического обеспечения, необходимого для проведения экспертного исследования;
- отсутствие в распоряжении запрашивающей стороны сравнительных образцов, необходимых для проведения экспертного исследования;
- отсутствие на территории запрашивающей стороны судебных экспертов (специалистов), обладающих должной квалификацией для проведения экспертного исследования;
- необходимость исключить влияние на объективность результатов конкретного экспертного исследования различных внутрисполитических сил государства – запрашивающей стороны;
- при ведении совместного международного расследования (с участием представителей двух и более государств) в формате интегрированной следственной группы.

Ввиду отсутствия в распоряжении запрашивающей стороны соответствующей материально-технической базы, а также судебных экспертов (специалистов), обладающих должной квалификацией, экспертные исследования с международным участием по понятным причинам назначают, в основном, правоохранительные органы развивающихся стран. Институт судебной экспертизы в данных государствах, как правило, находится лишь в процессе становления, а возможности судебных экспертов не всегда позволяют проводить исследования современного уровня. Так, у судебно-экспертных учреждений Российской Федерации существует относительно богатая практика производства судебных экспертиз для стран ближнего зарубежья.

Специфический характер носят случаи назначения экспертного исследования иностранным экспертам с целью исключить влияние на объективность его результатов различных внутрисполитических сил запрашивающей стороны. Такой шаг представляется возможным лишь при исключительном доверии, оказываемом запрашиваемой стороне, и, соответствен-

но, реализуется крайне редко. В качестве примера следует привести ситуацию, сложившуюся вокруг резонансного убийства крупного политического деятеля Азербайджанской Республики, произошедшего на территории этого государства в 2019 году. В ходе расследования указанного преступления у правоохранительных органов возникла необходимость назначения экспертизы материалов, веществ и изделий. Тогда сторонники убитого, опасаясь пристрастных результатов судебной экспертизы, проведенной в судебно-экспертных учреждениях страны, заявили о намерении запросить правовую помощь в производстве экспертного исследования в России. В дальнейшем им удалось получить консультацию у представителей российских правоохранительных органов и достигнуть предварительных договоренностей по данному вопросу. Однако назначение судебной экспертизы в рамках международного сотрудничества двух государств так и не состоялось. Причиной послужило в том числе отсутствие конкретного правового механизма взаимодействия в указанной области со стороны Азербайджанской республики.

Что же касается назначения экспертного исследования иностранному эксперту при ведении совместного международного расследования в формате интегрированной следственной группы, то здесь необходимо отметить следующее. Указанная процедура за счет непосредственного взаимодействия ее участников (представителей различных государств) носит упрощенный характер и, как правило, сама по себе не вызывает трудностей. Кроме того, модель интегрированной следственной группы довольно редко используется в практике производства совместных международных расследований, что обусловлено проблемой соблюдения суверенитета стран [5, с. 56–57].

Для правоохранительных органов России наиболее актуальными причинами, обуславливающими необходимость назначения судебных экспертиз и исследований с международным участием, являются отсутствие соответствующих методик и сравнительных образцов в отечественных судебно-экспертных учреждениях. С такими проблемами российские судебные эксперты (специалисты), в основном, сталкиваются при производстве почерковедческих и автороведческих экспертиз и исследований, а также технико-криминалистических экспертиз и исследований документов. В частности, на сегодняшний день в отечественных судебно-экспертных учреждениях отсутствуют:

– методики диагностических почерковедческих экспертиз и исследований объектов, выполненных на иностранном языке, а также методики идентификационных экспертиз и исследований объектов, выполненных с помощью письменности, имеющей отличное от кириллицы начертание букв и цифр;

– методики автороведческих экспертиз и исследований объектов, выполненных на иностранном языке;

– образцы значительного количества бланков иностранных документов (описания их защитных комплексов).

Таким образом, для производства экспертных исследований в отношении соответствующих объектов совершенно необходимым представляется привлечение иностранных коллег. Данной позиции придерживаются как интервьюированные нами практические сотрудники правоохранительных органов различных ведомств, так и ряд ученых.

Вместе с тем применение в данных целях инструмента международного сотрудничества не получило должного распространения в деятельности отечественных правоохранительных органов. Если судебно-экспертные учреждения России регулярно проводят экспертные исследования в рамках исполнения запросов о правовой помощи, полученных от иностранных государств, то российские следователи, дознаватели, суды и судьи фактически не используют аналогичный ресурс. Данный факт во многом объясняется значительным количеством до сих пор неразрешенных затруднений, с которыми сопряжена процедура назначения и организации производства судебных экспертиз и исследований в сфере криминалистического документоведения в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями.

К настоящему времени отечественными учеными рассмотрены, в основном, проблемы направления международных запросов о правовой помощи в целом, тогда как порядок назначения и организации производства экспертных исследований в рамках таких запросов освещен лишь поверхностно.

Так, по данному вопросу в литературе можно найти ряд отдельных рекомендаций. Например, В. М. Волженкина пишет: «назначению экспертного исследования за рубежом должно предшествовать производство экспертизы в Российской Федерации» [1, с. 179]. Аналогичной позиции придерживается и Ш. Н. Хазиев, утверждая, что для назначения производства экспертизы с международным участием, необходимо прежде поручить ее производство отечественным экспертам. Лишь получение от них мотивированного отказа от ее производства за неимением соответствующих методик, справочно-информацион-

ной литературы или должной квалификации послужит основанием для запроса о проведении исследования в другой стране [6, с. 123].

Приведенные выше позиции, несомненно, требуют уточнения. Принимая во внимание неравенство методического и информационного обеспечения судебно-экспертных учреждений различных ведомств Российской Федерации, а также разный уровень квалификации судебных экспертов, следует учитывать вероятность ситуации, когда производство экспертного исследования может быть осуществлено без участия иностранных коллег, несмотря на вывод о невозможности решения поставленных вопросов, полученный от конкретного эксперта (например, экспертом головного судебно-экспертного учреждения или судебно-экспертного учреждения другого ведомства). Очевидно, что назначение экспертного исследования за рубежом в абсолютном большинстве случаев будет нерациональным, если его производство возможно в России. В то же время инициатору экспертного исследования, не обладающему специальными знаниями, затруднительно судить о компетенции отечественных судебных экспертов. Именно поэтому важную роль при назначении судебных экспертиз и исследований в сфере криминалистического документоведения в отношении объектов, выполненных на иностранном языке или по иностранным технологиям, играет консультация специалиста.

При необходимости назначения экспертного исследования в сфере криминалистического документоведения в отношении вышеперечисленных объектов следователю (дознавателю, судье или суду) надлежит установить страну происхождения объекта или язык, на котором он выполнен. При возникновении затруднений следует обратиться за помощью к специалисту-языковеду. Специалист-языковед может не только определить язык, на котором выполнен тот или иной объект, но и выявить, например, грамматические ошибки в документах, что, в свою очередь, позволит предположить нелегальность их происхождения [3, с. 173–174].

Следующий шаг предполагает консультацию у специалиста в области почерковедения (автороведения, технико-криминалистического исследования документов) о возможности производства исследования такого объекта. В случае получения отрицательного ответа инициатору следует обратиться за аналогичной консультацией к специалистам головных судебно-экспертных учреждений (в том числе других ведомств). Если в конечном итоге будет установлено, что производство экспертного исследования в сфере криминалистического документоведения в Российской Федерации невозможно по причине отсутствия соответствующих методик или экспертов должной квалификации, необходимо принять решение о его

назначении за рубежом. Если же причина невозможности производства экспертного исследования будет заключаться лишь в отсутствии сравнительных образцов, инициатору надлежит направить запрос в компетентные органы соответствующего государства об их предоставлении. Исходя из вышесказанного, назначение технико-криминалистических экспертиз и исследований иностранных документов зарубежным экспертам (специалистам) следует считать неэкономичным, поскольку возможности исследования таких объектов в России ограничены исключительно наличием тех или иных образцов бланков документов или описаний их защитных комплексов.

Также следователь (дознатель, судья или суд) должен учитывать о необходимости документального закрепления факта невозможности производства экспертного исследования отечественными судебными экспертами, установленного в ходе консультаций у соответствующих специалистов. Такой шаг позволит мотивировать действия инициатора перед участниками процесса. Отказ судебного эксперта (специалиста) от производства судебной экспертизы или исследования по причине отсутствия необходимых методик или должной квалификации целесообразно излагать в виде вывода о невозможности решения поставленных вопросов в резолютивной части заключения эксперта или справки об исследовании. Это связано еще и с тем, что, по разделяемому нами мнению ряда ученых, объекты, направляемые на исследование с участием зарубежных специалистов, должны быть тщательнейшим образом изучены и описаны с указанием наиболее важных признаков, а также сфотографированы (во избежание последствий их утраты, фальсификации и проч.) [5, с. 91]. Наиболее рационально соблюсти данные рекомендации в рамках исследования, назначенного отечественному судебному эксперту. Здесь важно отметить, что во избежание последствий утраты или фальсификации объекта перед назначением судебной экспертизы за рубежом инициатору следует провести все необходимые процессуальные действия в его отношении (например, предъявление для опознания).

Таким образом, назначению производства почерковедческих и автороведческих экспертиз и исследований документов в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями, в обязательном порядке должно предшествовать назначение производства судебной экспертизы или исследования в отечественном судебно-экспертном учреждении (отечественному судебному эксперту или специалисту).

Получив заключение отечественного эксперта (справку об исследовании специалиста) с вывода-

ми о невозможности решения поставленных перед ним вопросов и приняв решение о привлечении к производству исследования зарубежных экспертов (специалистов), инициатор, по сути, заново должен осуществить тот же комплекс действий, что и при назначении судебной экспертизы (исследования) в Российской Федерации, но с определенными корректировками. В частности, ему необходимо решить следующие вопросы:

- определить объекты, подлежащие исследованию (в том числе образцы для сравнительного исследования и материалы дела, относящиеся к предмету исследования);
- определить и сформулировать вопросы, выносимые на разрешение эксперта (специалиста);
- определить время производства судебной экспертизы (исследования);
- выбрать экспертное учреждение или лицо (лица), которым планируется поручить производство судебной экспертизы (исследования), а также место ее проведения;
- вынести постановление (определение) о производстве судебной экспертизы и ознакомить с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя, свидетеля, а также разъяснить им права (если назначается предварительное исследование, то составить письменное задание) [2, с. 189];
- подготовить и направить запрос о производстве судебной экспертизы (исследования) судебно-экспертным учреждением или судебным экспертом (специалистом) иностранного государства (международной организации) в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности (ст. 453 УПК РФ).

На данном этапе возникает ряд характерных для судебной экспертизы проблем. Это связано, во-первых, с различными требованиями, предъявляемыми к объектам исследования в российских и зарубежных судебно-экспертных учреждениях. Так, например, необходимое количество сравнительных образцов при производстве почерковедческих и автороведческих исследований может варьироваться в зависимости от особенностей самого исследуемого объекта. Во-вторых, формулирование вопросов, выносимых на разрешение иностранного эксперта (специалиста), требует от инициатора знания возможностей экспертных методик исследования, применяемых за рубежом.

Очевидно, что эффективное решение указанных проблем подразумевает взаимодействие инициатора с иностранным специалистом. Однако консультативная помощь специалиста предусмотрена лишь некоторыми (как правило, межведомственными) между-

народными соглашениями Российской Федерации [4]. В большинстве же случаев получить ее довольно затруднительно ввиду отсутствия правовой регламентации и ввиду того, что сообщение между сотрудниками правоохранительных органов различных государств представляет собой в значительной степени централизованный процесс.

Таким образом, практика назначения судебных экспертиз и исследований в сотрудничестве с иностранными и международными правоохранительными органами и судебно-экспертными учреждениями значительно расширяет возможности правоохранительных органов в борьбе с преступностью. В особенности это касается вопросов назначения и организации производства экспертных исследований в сфере криминалистического документоведения. В то же время существует острая необходимость регламентации указанной процедуры, создания ее организационно-тактического обеспечения, в том числе решения вопросов взаимодействия следователя (дознателя, судьи или суда) и иностранного специалиста, а также обеспечения сохранности объектов исследования.

Список источников

1. Волженкина, В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе / В. М. Волженкина. СПб., 2001.
2. Криминалистика : учебник / М. В. Савельева, А. Б. Смушкин. М. : Издательский дом «Дашков и К», 2009.
3. Павлушов, В. И. Теоретические и методические основы идентификационного исследования рукописей, выполненных арабской письменностью : дис. ... канд. юр. наук : 12.00.09 / В. И. Павлушов. М., 1985.
4. Соглашение о сотрудничестве между Министерством юстиции Российской Федерации и Министерством юстиции Лаосской Народно-Демократической Республики [Электронный ресурс] : заклю-

чено в г. Москве 13.10.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902336946> (дата обращения: 21.08.2021).

5. Судебная экспертиза в международном правоприменении / С. А. Смирнова, И. Э. Никитина, Ш. Н. Хазиев, А. И. Усов, Г. Г. Омелянюк, Е. В. Чеснокова, С. А. Кузьмин. М., 2019.

6. Хазиев, Ш. Н. Вопросы судебной экспертизы в рамках международного сотрудничества Российской Федерации в сфере уголовного судопроизводства / Ш. Н. Хазиев // Труды института государства и права Российской академии наук, 2009. № 6. С. 119–138.

References

1. Volzhenkina, V. M. Norms of international law in the Russian criminal process / V. M. Volzhenkina. St. Petersburg, 2001.
2. Criminalistics : textbook / M. V. Savelyeva, A. B. Smushkin. M. : Publishing House «Dashkov and K», 2009.
3. Pavlushov, V. I. Theoretical and methodological foundations of identification research of manuscripts made in Arabic script : dis. ... cand. of legal sciences : 12.00.09 / V. I. Pavlushov. M., 1985.
4. A cooperation agreement between the Ministry of justice of the Russian Federation and the Ministry of justice of the Lao people's Democratic Republic [Electronic resource] : signed in Moscow on 13.10.2011. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902336946> (accessed: 21.08.2021).
5. Judicial examination in the international law enforcement / S. A. Smirnova, I. E. Nikitin, S. N. Khaziev, A. I. Usov, G. G. Omelyanyuk, E. V. Chesnokov, A. S. Kuzmin. M., 2019.
6. Khaziev, Sh. N. Questions of forensic examination in the framework of international cooperation of the Russian Federation in the field of criminal justice / Sh. N. Khaziev // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2009. No. 6. P. 119–138.

Информация об авторе

Н. Е. Салганский – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

N. E. Salgansky – Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 14.09.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 14.09.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 342.56

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-181-185>

НИОН: 2015-0066-1/22-232

MOSURED: 77/27-011-2022-01-431

Конституционный Суд РФ о социальной функции права частной собственности

Марат Вильданович Саудаханов

МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия,

viento_del_norte@bk.ru

Научный консультант: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ **Б. С. Эбзеев**

Аннотация. Проанализированы правовая доктрина и правовые позиции Конституционного Суда РФ, сформулированные в решениях по вопросам правового регулирования и реализации отношений, связанных с социальной функцией частной собственности в России. Показана разница правовых позиций Конституционного Суда РФ по делам о содержании и сущности права частной собственности и ее социальной функции.

Особое внимание уделено анализу правовых последствий указанной разницы правовых позиций Суда. Предложено авторское видение правовых последствий разницы позиций Конституционного Суда РФ по делам о содержании и сущности права частной собственности и ее социальной функции.

Ключевые слова: частная собственность, социальная функция собственности, правовые позиции Конституционного Суда РФ

Для цитирования: Саудаханов М. В. Конституционный Суд РФ о социальной функции права частной собственности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 181–185. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-181-185>.

Original article

The Constitutional Court of the Russian Federation of the social function of the right of private property

Marat V. Saudakhanov

MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia,

viento_del_norte@bk.ru

Scientific consultant: Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation **B. S. Ebzeev**

Abstract. The article analyzes the legal doctrine and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in decisions on the legal regulation and implementation of relations related to the social function of private property in Russia. The difference between the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in cases on the content and essence of the right of private property and its social function is shown.

Special attention is paid to the analysis of the legal consequences of this difference in the legal positions of the Court. The author's vision of the legal consequences of the difference in the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in cases on the content and essence of the right of private property and its social function is proposed.

Keywords: private property, social function of property, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation

For citation: Saudakhanov M. V. The Constitutional Court of the Russian Federation of the social function of the right of private property. Bulletin of economic security. 2022;(1):181–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-181-185>.

© Саудаханов М. В., 2022

Постановка проблемы. Вопросы собственности занимают значительную долю среди решений Конституционного Суда РФ. Например, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает, что половина из более чем 20 тысяч обращений граждан и их объединений касается экономических и социальных вопросов, которые завязаны на проблемах собственности и справедливого использования доходов от нее [6].

Вместе с тем правовые позиции Конституционного Суда РФ по этим вопросам распределены неравномерно. Конституционный Суд многократно высказывался о содержании права частной собственности, ее сущности, особенностях ее реализации и защиты. Вместе с тем, о социальной функции частной собственности четких правовых позиций Конституционного Суда РФ нет. Только в отношении охраны отдельных видов публичной собственности, как достояния многонационального народа России, находящейся в силу этого в федеральной собственности и имеющей специальный правовой режим¹.

Анализ последних исследований и публикаций. Нет единства мнений о социальной функции частной собственности и среди авторов, которые проводят исследования в данной сфере. Многие авторы связывают социальную функцию частной собственности с социальным государством. Например, В. Д. Зорькин отмечает, что «из системной связи ст. 35 Конституции с другими ее положениями о социальном государстве (ст. 7), относящимся к основам конституционного строя Российской Федерации, а также с другими положениями (ч. 1 ст. 9, ч. 3 ст. 17, ст. 34, ч. 2 ст. 36, ст. 39), следует, что право собственности не имеет абсолютного характера и осуществляется под условием тех обязанностей и обременения, которые вытекают из ее функций в современном социальном государстве» [5, с. 202]. Аналогичную позицию высказывает и А. И. Василянская [3, с. 16–17].

В отличие от них Г. Х. Чукаева считает, что «ограничение частной собственности принудительными государственными мерами сдерживает развитие экономических отношений. Для собственника очень важно иметь чувство хозяина, которое кардинально зависит от степени его экономической свободы.

Частный собственник, действующий как предприниматель, рискует своим имуществом более, чем кто-либо. Риск как элемент экономического содержания собственности приводит к тому, что ему требуется большая свобода для использования имущества более эффективно» [12, с. 9].

Е. М. Примаков с еще большей определенностью высказывается о социальном государстве и частной собственности в России. Со ссылкой на Global World Report он отмечает, что «на 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов. Это в два раза больше, чем в США, Европе, Китае, и в 4 раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30 % всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше мирового» [11]. Представленные цифры не только не указывают на социальную функцию частной собственности, но и вызывают сомнения в социальности государства.

В. И. Осейчук также утверждает, что «многие демократические ценности в Конституции оказались на «задворках», «Конституция России стоит на позиции неограниченного права частной собственности, позиции, которую цивилизованный мир уже преодолел» [4; 10, с. 11].

И действительно, ст. 35 Конституции РФ провозглашает лишь, что «право частной собственности охраняется законом. Каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения»². Трудно в подобном тексте обнаружить социальную функцию.

Считается, что сущность социальной функции частной собственности состоит в том, что она должна служить общему благу³. Подобное мнение базируется, прежде всего, на положениях конституционно-правовых актов, главным примером которых является ст. 14 Основного закона ФРГ 1946 г. В ней провозглашается, что «собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу» [7, с. 214].

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Из вышеизложенного видно, что не только Конституционный Суд РФ по-разному относится к различным аспектам реализации права частной соб-

¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 92-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке соответствия Конституции Российской Федерации отдельных положений Конституций Республики Адыгея, Республики Башкортостан, Республики Ингушетия, Республики Коми, Республики Северная Осетия – Алания и Республики Татарстан // СЗ РФ. 2000. № 29. Ст. 3117; Постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 1998 г. № 1-П по делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 1998. № 3. Ст. 429 и др.

² http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/bcddb9060e44ed6085b65a1af0fb90aa3ef0175/

³ Близкую позицию высказывает Бухонова Л. Р.: Некоторые аспекты реализации социальной функции частной собственности в зарубежных странах // Современное общество и право. 2015. № 4 (21). С. 12–17.

ственности и отношений в этой сфере, но и в науке не сформировалась четкая позиция относительно социальной функции частной собственности.

Формулирование целей статьи. Поэтому нами поставлена задача проанализировать разные постановления Конституционного Суда РФ, чтобы выявить его правовую позицию по этим вопросам.

Изложение основного материала. Можно вполне согласиться с первым предложением позиции Л.Р. Бухоновой, которая отмечает, что «значимость социальной функции собственности сложно переоценить. Она позволяет сглаживать социальные конфликты, перераспределяет собственность, способствует защите экономических, социальных, экологических, культурных интересов общества. Между тем при изъятии частной собственности в общественных интересах государства не всегда выплачивают собственнику справедливую компенсацию, а иногда и вовсе не выплачивают ее» [2, с. 53].

Трудно согласиться с ее мыслью об изъятии собственности. Во-первых, потому что в изъятии нет доброй воли собственника, скорее наоборот. Во-вторых, независимо от наличия или отсутствия, а также степени компенсации государством собственнику, это касается его, а не интересов общества и государства. В-третьих, главное, как уже отмечалось, социальная функция частной собственности состоит в том, что она должна служить общему благу по воле самого собственника, а не как результат принуждения со стороны государства.

Трудно согласиться и с другой научной позицией, в соответствии с которой «публичный контроль является внешним элементом, непосредственно не входящим во внутреннее содержание права частной собственности, хотя, безусловно, влияет на реализацию данного права. В этом как раз и проявляется *социальная функция частной собственности*» [3, с. 60].

Поскольку «внешний элемент» в форме публичного контроля лежит за пределами права собственности и поэтому не отражает его сущности. Кроме того, в публичном контроле проявляется (пусть даже косвенно) элемент некоторого насилия над волей собственника и по этой причине трудно говорить о «чистоте» ее реализации. Как мы уже отмечали выше, в социальной функции частной собственности должен присутствовать определенный элемент добровольности самого собственника.

Косвенно близкую позицию по этому вопросу сформулировал Конституционный Суд РФ. В Постановлении от 26 мая 2011 г. № 10-П¹ Конституционный Суд завершил борьбу государственных судов (общей юрисдикции и арбитражных) против добровольного

разрешения разногласий в третейском судопроизводстве в вопросах собственности. Спор о возможности разрешать разногласия о переходе прав собственности завершился в пользу саморегулирования посредством третейского разбирательства.

Примечательно и мнение судьи Конституционного суда РФ К. В. Арановского к данному Постановлению: «Право может осуществлять себя не только через институты государственности, но и помимо них»².

Это означает, во-первых, что социальная функция частной собственности может быть реализована не только по воле государства. И даже не столько по воле государства, но и посредством институтов, создаваемых самим обществом. Во-вторых, что среди подобных институтов, создаваемых обществом вполне могут быть сами собственники. И, в-третьих, самое главное – в основе норм, регламентирующих деятельность подобных институтов, лежат нормы нравственности, составляющие основу саморегулирования.

О наличии в социальной функции собственности нравственных начал писал, например, И. А. Ильин. Он подчеркивал, что «частная собственность есть право: этому праву соответствуют не только юридически выговоренные обязанности, но и нравственно-социальные и патриотические, нигде не оформленные и не выговоренные обязательства. Частная собственность означает самостоятельность и самостоятельность человека: нельзя исходить от предположения, что каждый из нас «от природы» созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни. ...воспитание должно связать внутреннее переживание частной собственности и внешнее распоряжение ею с благородными мотивами и социальными побуждениями человеческой души и соответственно вскрывать и обезвреживать дурные мотивы и побуждения» [см., 8].

Кроме того, в Определении Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 704-О указано, что п. 2 ст. 107 Семейного кодекса РФ «направлен на обеспечение баланса интересов несовершеннолетних детей и их родителей в рамках алиментных отношений, неопределенности не содержит и не может рассматриваться как нарушающий конституционные права»³.

К принципам, сформулированным Конституционным Судом РФ в сфере алиментирования и за-

² Мнение судьи Конституционного Суда РФ К.В. Арановского к Постановлению Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 года № 10-П // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114541/cb37e4a3c8e64afcf3f357a88c6ea9de15e1bb6b/.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 5 апреля 2016 г. № 704-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шармай Елены Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 107 Семейного кодекса Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197088/

¹ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

служивающим нормативного закрепления, следует отнести: принципы презумпции добросовестности родительской заботы о детях; приоритета добровольного исполнения родителями обязанности содержать своих несовершеннолетних детей; необходимости обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментных отношений – принцип индивидуализации алиментных правоотношений [9].

В другом деле, также связывая принципы равенства сторон и свободы договора, Суд отметил, что эти принципы «не исключают предоставление определенных гарантий экономически слабой стороне, каковой в договоре банковского вклада обычно является гражданин – вкладчик, с тем, чтобы реально обеспечивалось соблюдение принципа равенства сторон в договоре в соответствии со статьями 19 и 34 Конституции Российской Федерации»¹.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Таким образом, на основании проведенного анализа его решений можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РФ в вопросах определения социальной функции частной собственности занимает весьма осторожную позицию.

Поскольку, рассматривая дела об имущественных спорах в разных сферах (алиментных отношениях, банкротстве, банковских вкладах и др.) Конституционный Суд РФ формулирует правовые позиции, в соответствии с которыми необходим поиск баланса между разными принципами, лежащими в основе соответствующих отношений. При этом речь нередко идет о поиске баланса между принципами, которые составляют основу не только разных институтов права, но даже и разных отраслей.

В то время как по вопросам правомочий собственника, сущности частной собственности и др. Конституционный Суд РФ формулирует четкие и конкретно выраженные правовые позиции² в которых речь шла, например, о неприкосновенности частной собственности, о недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела и т. д.

В этой связи мы частично разделяем позицию, А. Э. Карнауховой, которая отмечает: «Разумеется, процесс поиска *баланса* не может удовлетворить все социальные запросы и, следовательно, имеют место критические подходы к указанной *позиции*» [9, с. 74].

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 3 июля 2001 г. № 10-П // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 3058.

² См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 15 апреля 2020 г. № 18-П // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73802718/>; от 14 июля 2005 г. № 9-П // СЗ РФ. 2005. № 30 (Ч. 2). Ст. 3200; от 16 мая 2000 г. № 8-П // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

Более того, соответствующие принципы, имея универсальное содержание, сами по себе «подчиняют» своему регулирующему воздействию значительное количество различных «рядовых» норм, а их сочетание и поиск баланса между ними значительно расширяет сферу такого воздействия.

Таким образом, сочетание принципов и поиск баланса между ними невольно может способствовать появлению правовой неопределенности в правовом регулировании в данной сфере. Невольно получается, что сочетание принципов и поиск баланса между ними противоречит правовой позиции Конституционного Суда РФ о необходимости исключения правовой неопределенности.

Сказанное не только не подтверждает прямой связи между социальной функцией частной собственности и социальном государстве. Более того, правовая позиция Конституционного Суда РФ о необходимости сочетания принципов и поиска баланса между ними в вопросах регулирования и реализации социальной функции частной собственности способствует интересам крупных собственников и тормозит развитие рыночных отношений и развития среднего и мелкого бизнеса. Представляется, что Конституционному Суду РФ при рассмотрении дел о социальной функции частной собственности следует переходить от правовой позиции «сочетания принципов» к правовой позиции, основанной на конкретных принципах, как например, неприкосновенности частной собственности.

Список источников

1. Бухонова Л. Р. Некоторые аспекты реализации социальной функции частной собственности в зарубежных странах // Современное общество и право. 2015. № 4 (21). С. 12–17.
2. Бухонова Л. Р. Тенденции и перспективы развития конституционного права частной собственности в современном мире // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). С. 53.
3. Василянская А. И. Конституционное право на частную собственность в современной России. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
4. Добрынин Н. М. Новеллы Конституции России : настоящее и будущее. Работа над ошибками... или на результат? // Государство и право. 2021. № 6. С. 128–139.
5. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010.
6. Зорькин: отмена смертной казни в России необратима // <http://www.pravo.ru/review/face/view/23436/>
7. Избранные конституции зарубежных стран : учебное пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. М. : Изд-во Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 214.

8. Ильин И. А. О частной собственности // <http://www.because.ru/culture/cu04.shtml>.

9. Карнаухова А. Э. О «Конституционной социальности» права частной собственности // *Образование и право*. 2017. № 6. С. 74–75.

10. Осейчук В. И. О необходимости нового этапа конституционной реформы в России // *Конституционное и муниципальное право*. 2006. № 5.

11. Примаков Е. М. Реформы и зуд приватизатора // URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-12-25/13_primakov.html.

12. Чукаева Г. Х. Развитие института права частной собственности и особенности его реализации в российском праве (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

References

1. Bukhonova L. R. Some aspects of the realization of the social function of private property in foreign countries // *Modern society and law*. 2015. No. 4 (21). P. 12–17.

2. Bukhanova L. R. Trends and prospects of development of the constitutional right of private property in the modern world // *Actual problems of Russian law*. 2016. No. 1 (62). p. 53.

3. Vasilyanskaya A. I. Constitutional right to private property in modern Russia. Dis. ... cand. jurid. M., 2011.

4. Dobrynin N. M. Novelties of the Constitution of Russia: present and future. Work on mistakes... or on the result? // *State and Law*. 2021. No. 6. P. 128–139.

5. Zorkin V. D. *Modern World, Law and Constitution*. M., 2010.

6. Zorkin: the abolition of the death penalty in Russia is irreversible // <http://www.pravo.ru/review/face/view/23436/>

7. *Selected constitutions of foreign countries : a textbook* / ed. by B. A. Strashun. M. : Yurayt Publishing House; Yurayt Publishing House, 2011. P. 214.

8. Ilyin I. A. On private property // <http://www.because.ru/culture/cu04.shtml>.

9. Karnaukhova A. E. On the «Constitutional sociality» of private property rights // *Education and Law*. 2017. No. 6. P. 74–75.

10. Oseychuk V. I. On the need for a new stage of constitutional reform in Russia // *Constitutional and municipal law*. 2006. № 5.

11. Primakov E. M. Reforms and the itch of privatisation // URL: http://www.ng.ru/scenario/2012-12-25/13_primakov.html

12. Chukaeva G. H. The development of the institute of private property law and the specifics of its implementation in Russian law (historical and legal aspect) : abstract. dis. ... cand. jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2006.

Информация об авторе

М. В. Саудаханов – доцент кафедры государственного и административного права МИРЭА – Российского технологического университета, кандидат юридических наук.

Information about the author

M. V. Saudakhanov – Associate Professor of the Department of State and Administrative Law of the MIREA – Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 28.09.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 25.02.2022.

The article was submitted 28.09.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 25.02.2022.

Научная статья
УДК 343.983.25
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-186-191>
НИОН: 2015-0066-1/22-233
MOSURED: 77/27-011-2022-01-432

Интеграция и дифференциация знаний в дактилоскопии и дерматоглифике

Ольга Александровна Соколова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, Sokolova-o-a@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние процессов интеграции и дифференциации на современное состояние дактилоскопии и дерматоглифики. Проведенным исследованием установлено, что в настоящее время недостаточно внимания уделяется второму направлению, как в научном, так и в практическом плане. Прогнозируется развитие дактилоскопии и дерматоглифики с учетом влияния на них процессов интеграции и дифференциации, а также нового интегрального направления – папилляроскопии.

Ключевые слова: интеграция, дифференциация, уровни интеграции, дактилоскопия, дерматоглифика, прогнозирование, папилляроскопия

Для цитирования: Соколова О. А. Интеграция и дифференциация знаний в дактилоскопии и дерматоглифике // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 186–191. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-186-191>.

Original article

Integration and differentiation of knowledge in fingerprinting and dermatoglyphics

Olga A. Sokolova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, Sokolova-o-a@mail.ru

Abstract. The influence of integration and differentiation processes on the current state of fingerprinting and dermatoglyphics is considered. The study found that currently insufficient attention is paid to the second direction, both in scientific and practical terms. The development of fingerprinting and dermatoglyphics is predicted, taking into account the influence of integration and differentiation processes on them, as well as a new integral direction – papillaroscopy.

Keywords: integration, differentiation, levels of integration, fingerprinting, dermatoglyphics, prediction, papillaroscopy

For citation: Sokolova O. A. Integration and differentiation of knowledge in fingerprinting and dermatoglyphics. Bulletin of economic security. 2022;(1):186–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-186-191>.

Постановка проблемы. Исходя из закономерностей развития научного знания, одной из которых является интеграция и дифференциация, представляется важным рассмотреть их влияние на параллельно развивающиеся направления, изучающие один объект исследования – папиллярные линии и их отображения – дактилоскопию и дерматоглифику. Данная проблема напрямую связана с получением новых научных результатов и на основе этой информации – решением практических задач, направленных на рас-

крытие и расследование преступлений. Как известно, дактилоскопия в настоящее время является наиболее разработанным направлением, как в теоретическом, так и в практическом плане. В отличие от дактилоскопии дерматоглифике, по нашему мнению, уделяется недостаточно внимания. В связи с этим возникает закономерный вопрос о перспективах дальнейшего их развития, ответ на который следует искать во взаимоотношенных процессах интеграции и дифференциации.

© Соколова О. А., 2022

Анализ последних исследований и публикаций.

В теоретическом плане, прежде всего, необходимо выделить работы Т. В. Аверьяновой, Г. Л. Грановского, В. Е. Корноухова, Н. П. Майлис, Т. Ф. Моисеевой, С. С. Самищенко, О. А. Соколовой, Л. Г. Эджубова, В. Н. Звягина, А. П. Божченко, В. А. Ракитина, Н. Н. Богданова, Н. А. Селиванова, В. В. Пономарева, К. Е. Демина и др.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Дактилоскопия, пройдя значительный этап экспериментального естествознания, в настоящее время находится на достаточно высоком уровне теоретического знания – методологической базы науки – по мнению некоторых ученых, достигла пика своего развития, так и ее практического применения для целей уголовного судопроизводства.

Что касается второго направления – дерматоглифики, то комиссией при Российской Академии Наук (РАН) в 2016 г. по борьбе с лженаукой дерматоглифика официально признана таковой. В меморандуме, подготовленном специалистами по антропологии, генетике, медицине и биостатистике при поддержке Просветительского фонда «Эволюция», зафиксировано, что «практика оказания услуг дерматоглифического тестирования и применение их результатов не имеют научного обоснования». Отметим, что в нем речь идет об оказании коммерческих услуг – тестировании предрасположенности к различным заболеваниям, профессиональной ориентации, определению черт личности и другим прогнозам на основе изучения отпечатков пальцев по папиллярным узорам человека.

Доказывая, что нет каких-либо оснований считать предлагаемые методы тестирования для получения значимой или достоверной информации научными, в меморандуме отмечено, что в применяемых дерматоглифических тестах содержатся принципиальные методологические ошибки, поскольку определение врожденных особенностей личности по анализу отпечатков пальцев не является генетическим тестированием, как это указывают некоторые компании, предлагающие такие услуги [9]. Подчеркнем, что данный вывод экспертов однозначен только для лиц и компаний, предлагающих дерматоглифическое тестирование, использующих внешнее наукоподобие, вводя тем самым в заблуждение своих клиентов и контрагентов, вплоть до нанесения вреда физическому и психическому здоровью тестируемому.

Формулирование целей статьи. Исходя из указанных выше проблем, целесообразно определить влияние интеграции и дифференциации на дактилоскопию и дерматоглифику, на основе которых возможно прогнозировать как самостоятельное развитие рассматриваемых направлений, так и возможности нового интегрального направления – папиллярскопического.

Изложение основного материала. Говоря о первом направлении – интеграции – отметим, что достижения фундаментальных наук, таких, как физика, химия, биология и др., а также прикладных, к числу которых отнесены криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия и др., позволяют усовершенствовать классические, уже известные и повсеместно применяемые методы идентификации личности, являющиеся источником доказательств в уголовном судопроизводстве. Общеизвестно, что проводимая идентификация личности в дактилоскопии получила новый виток развития благодаря исследованию дезоксирибонуклеиновой кислоты – ДНК потожирового вещества отпечатков пальцев. Этому способствовал процесс интеграции, позволивший соединить (объединить) в единое целое разрозненных сторон одного объекта позволило поднять на новый уровень методы криминалистической идентификации. Однако в этом плане нельзя не отметить ряд проблем, связанных с ошибками, имеющими место при исследовании ДНК. Объем данной работы не позволяет подробно рассмотреть это направление.

Для уяснения сущности процесса интеграции в дактилоскопии и дерматоглифике важно определить принципы, на которых она может быть осуществлена. В интеграции знаний в науке выделяют три принципа, по которым она осуществляется: горизонтальный, вертикальный и диагональный. Первый принцип – горизонтальный – объединяет объекты, которые по своему развитию находятся на одном уровне и могут взаимовыгодно сотрудничать, при реализации второго принципа – вертикального – происходит объединение объектов, связанных между собой объективной терминологической зависимостью, третий же принцип – диагональный – характерен для объектов находящихся на различных уровнях развития, не связанных между собой.

Применительно к тематике нашей работы отметим, что дальнейшее развитие дактилоскопии не может проводиться только в рамках одной научной дисциплины, оно не возможно без дальнейшего процесса интеграции. Поэтому интеграция дактилоскопии и дерматоглифики может быть основана на горизонтальном принципе, поскольку их объединение обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, они начали развиваться практически одновременно, во-вторых, и находятся на одном уровне развития, и, в-третьих, могут взаимно дополнять друг друга, тем самым взаимно обогащаясь информацией, что, несомненно, будет способствовать их дальнейшему развитию.

В этом плане актуальным является одно из направлений интеграции, выделенных Т. В. Аверьяновой, а именно перенос идей и представлений из одной области знания в другие [1, с. 127]. Поскольку

ку при этом эти идеи должны носить эвристический характер и сопровождаться эффективным использованием понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств одних областей науки другими, постольку этот процесс должен сопровождаться разработкой общей терминологии, ее унификацией. Взаимопроникновение и их взаимообогащение специальными знаниями в совокупности обеспечивает общий объект исследования, о котором мы упоминали ранее, папиллярные линии в дактилоскопии и гребешки или дерматоглифы в дерматоглифике. Общими или интегральными признаками, которые активно используются как в дерматоглифических исследованиях, так и дактилоскопических, являются индекс Гальтона, плотность папиллярных линий в потоке, гребневый счет и др. Данное направление также заслуживает отдельного рассмотрения, поэтому мы на нем подробно останавливаться не будем.

Отметим, что интеграция представляет собой не только объединение отдельных частей в целое, но и непосредственно сам процесс, ведущий к этому объединению. Обобщение теоретических положений дактилоскопии и обмен опытом, накопленных в других видах экспертиз и областях знаний или научных направлениях, в частности, дерматоглифике, в настоящее время получают конкретное разрешение в виде нового научного интегрального научного направления – папиллярскопии – изучающего общие признаки объектов исследования, как в дактилоскопии, так и в дерматоглифике – папиллярные линии и их микропризнаки.

Использование методологии взаимодействия наук позволяет прогнозировать развитие папиллярскопического направления, что подтверждается потребностями следственной и судебной практики и оперативных подразделений.

В этом плане интерес представляет применение термина «папиллярскопия». В 1961 г. советским ученым Г. Л. Грановским обосновывалось значение детального изучения папиллярных узоров в целях установления папиллярскопической информации для идентификации личности [3, с. 105]. Отметим, что данный термин не был востребован учеными-криминалистами в течение длительного времени.

В 1997 г. Г. Н. Степанов и А. И. Бронников авторы-составители справочника криминалиста «Трасология» в т.1, посвященном изучению следов человека – гомеоскопии – использовали данный термин наряду с термином «лофоскопия», как составляющие разделы дактилоскопии, выделив в отдельные группы пороскопию, эджеоскопию, хейлологию, пальмоскопию, плантоскопию [17, с. 14]. Очевидно, что в основание выделения данных разделов дактилоскопии положена классификация по объектам исследования:

ладони, стопы ног, пальцы рук, края папиллярных линий и поры.

Другая группа ученых в 2000 г. отмечает, что термин «папиллярскопия» охватывает по смыслу более широкую группу объектов, чем термин «дактилоскопия», включая в него помимо пальцев рук человека его ладони и стопы ног [7, с. 120].

В 2002 г. Л. Г. Эджуновым и Н. Н. Богдановым было предложено интегрировать дактилоскопию и дерматоглифику в новое научное направление, изучающее папиллярные линии – в папиллярскопию [18, с. 12].

В 2009 г. В. В. Пономарев в своем диссертационном исследовании в отдельную группу идентифицирующих объектов выделяет фрагментарные следы папиллярного узора. По его мнению, «экспертиза данных следов предполагает, в том числе их микропапиллярскопическое исследование». Под микропапиллярскопией автор понимает «раздел дактилоскопической экспертизы фрагментарных следов папиллярных узоров, изучающий возможности использования в целях идентификации микропризнаки, характеризующие детали папиллярного узора и сами папиллярные линии, а также пороскопические и эджеоскопические признаки» [11, с. 17].

Таким образом, анализ представленных точек зрения в данных областях знания, предполагает систематизацию накопленной информации с целью определения предмета исследования папиллярскопической информации, задач, подлежащих решению и т. д.

Как известно, общепризнанной в этом вопросе является позиция большинства ученых-криминалистов, согласно которой пороскопические и эджеоскопические исследования являются составной частью дактилоскопической экспертизы. Они проводятся в случае, если для решения идентификационной задачи недостаточно частных признаков, позволяющих в своей совокупности образовать индивидуальный комплекс признаков, являющийся достаточным основанием для проведения идентификационного исследования.

Что касается второго направления, то, как справедливо отмечает Т. В. Аверьянова, развитие научного знания не ограничивается интеграционными процессами, хотя интеграция наук имеет определяющий характер. Но она осуществляется на фоне постоянной дифференциации, никогда не давая такого единства знаний, «когда ученым осталось бы лишь детализировать и уточнять их» [8, с. 53]. Поэтому вторая закономерность – дифференциация, подразумевает разделение целого на многообразные формы и ступени. На втором направлении – дифференциации в дактилоскопии и дерматоглифике, следует остановиться подробнее.

В науке дифференциация означает выделение из определенного научного направления новых дис-

циплин по мере накопления знаний. Данный процесс неотделим от научного прогресса. По мнению Т. В. Аверьяновой, С. С. Самищенко и др. исследования в рамках узкой специализации позволяет глубже проникнуть в суть явлений и процессов. Этот процесс подобен цепной реакции, когда по мере накопления информации из «материнской» науки выделяется «дочернее» направление. Оно развивается и при расширении и углублении знаний о своем объекте, при этом дифференцируясь еще на несколько научных дисциплин. И так может продолжаться до бесконечности.

В этом плане мы согласны с мнением С. С. Самищенко, что именно узконаправленные дифференцированные исследования позволяют систематизировать все знания в одной области, что приводит к созданию ее стройной системы. В частности, им было предложено выделить современную дактилоскопию из «материнской» науки – трасологии, а в самой дактилоскопии – шесть частей: дактилоскопическую диагностику, дактилоскопическую идентификацию, дактилоскопическую регистрацию и др. [13, с. 305–306].

В криминалистике и теории судебной экспертизы дифференциация – это выявление и оценка признаков различия между объектами, принадлежащими к одной или разным группам (родам). Как правило, дифференциация всегда происходит по каким-либо общим признакам. Анализ специальной литературы позволяет прийти к выводу, что в дактилоскопии этот процесс наблюдается с 90-х гг. XX в.

Так, в 1990 г. Н. А. Селивановым, Е. Н. Викторовой и А. И. Дворкиным было предложено выделить пороскопическую экспертизу в самостоятельный вид. Несмотря на то, что в криминалистической литературе пороскопия рассматривается как вспомогательное исследование в дактилоскопии, ими были разработаны основы пороскопической экспертизы. Согласно их мнению, последняя является самостоятельным видом экспертизы, поскольку изучает «свой самостоятельный объект, свои специфические закономерности» [14, с. 204]. Очевидно, для времени издания данной работы, такое предложение явилось несвоевременным и недостаточно аргументированным.

В 2011 г. В. Е. Корноуховым, Ю. Ю. Ярославом, Т. В. Яровенко пороскопическая экспертиза была выделена в самостоятельный вид с учетом закономерностей строения пор и их отражения. По их мнению, значение исследований в области пороскопии и «эджископии» заключается в том, что они позволяют решить задачу идентификации по значительно большему количеству следов, изымаемых при осмотре места происшествия [4, с. 61–63].

Следует отметить, что в 2004 г. в специальной литературе содержится описание «первой классической

пороскопической экспертизы», проведенной в 1942 г. в Ташкенте (СССР) [10, с. 38]. В следе пальца, изъятном с места кражи экспертом Назаровым, в небольшом, но довольно четко отобразившемся участке папиллярных линий, помимо такого частного признака, как вилка, было выявлено 27 особенностей строения пор, отмеченных в фототаблице.

Составитель словаря основных терминов дактилоскопической экспертизы К. Е. Демин, под микропапилляроскопией понимает раздел дактилоскопической экспертизы фрагментарных следов папиллярных узоров, изучающий возможности использования в целях идентификации микропризнаков, характеризующих отдельные детали папиллярного узора и сами папиллярные линии, а также признаки, характеризующие поры и края папиллярных линий. Пороскопия и эджископия им представлены разделами экспертизы следов папиллярных узоров. Первое изучает возможности использования отпечатков выводных отверстий потовых желез на папиллярных линиях в целях идентификации, второе – использование неровностей (выступов и впадин) на краях папиллярных линий в целях идентификации. [5, с. 22, 38, 48].

В. В. Пономарев, сохраняя смысловую сторону определения термина «микропапилляроскопия», предложенного в 2009 г., в 2020 г. относит ее к не «разделу дактилоскопической экспертизы фрагментарных следов папиллярных узоров» к самостоятельному разделу дактилоскопии [12, с. 47].

По аналогии с трасологией, в которой дактилоскопия является ее одотраслью и выделена как учебная дисциплина, в ней в качестве самостоятельного раздела выделена статистическая дактилоскопия. В ней определяется стандарт дактилоскопической идентификации на основе методики подсчета частоты встречаемости деталей папиллярного узора, выявлении статистических закономерностей и связей между признаками папиллярного узора и характеристиками личности [5, с. 40; 17].

Помимо статистической дактилоскопии, нами в 2013 г. были выделены некоторые направления развития дактилоскопии, включая автоматизацию, собственно дактилоскопическое, интеграционное и биологическое направления [15, с. 29–30].

Следует отметить, что в разделе криминалистической техники, помимо трасологии и дактилоскопии, отдельно выделена декадактилоскопия, в которой разрабатываются системы дактилоскопической регистрации, основанной на использовании признаков папиллярных узоров всех пальцев рук человека [5, с. 11].

Таким образом, процесс дифференциации, наблюдающийся в настоящее время в дактилоскопии позволяет выделять составляющие ее части (разделы), тем самым детализируя и уточняя ее содержание.

Что касается дерматоглифики, то, как нам представляется, что ее развитие происходило именно под влиянием процесса дифференциации. Доказательством этого служат ее составные части (направления), которые развивались самостоятельно, независимо друг от друга в рамках общей дерматоглифики, которая обогащалась знаниями, заимствованными, в том числе из дактилоскопии.

Так, по мнению В. Н. Звягина и А. В. Ракитина, к основным направлениям развития современной дерматоглифики относятся: расово-этническая, антропологическая (сравнительно-антропометрическая), антропогенетическая и конституционная, медицинская, медико-криминалистическая (судебно-медицинская дерматоглифика) [6, с. 110].

Данная классификация несколько отличается от приведенной ранее Н. Н. Богдановым и В. Г. Солониченко, выделивших следующие разделы дерматоглифики: антропологический (включающий собственно антропологический, этнический и антропогенетический подразделы), физиологический, медицинский и собственно генетический [2, с. 39–58].

Не останавливаясь подробно на этих направлениях, заслуживающих отдельного рассмотрения, подчеркнем, что в настоящее время дерматоглифика имеет прикладную направленность, основу которой составляют интеграционные знания из различных областей наук и смежных с ней, включая медицину, биологию, антропологию, дактилоскопию и т. д.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении. Таким образом, на определенном этапе развития дактилоскопии и дерматоглифики, эти самостоятельные направления становятся теоретической и методологической основой для дальнейшего дифференцированного и более углубленного их исследования. Впоследствии процессы дифференциации перестают играть преобладающую роль, поскольку они начинают одновременно протекать с противоположными процессами интеграции, тем самым способствуя, как их самостоятельному развитию, так и их совместного интегрального папиллярскопического направления.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2006.
2. Богданов Н. Н., Солониченко В. Г. История и основные тенденции развития дерматоглифики // Папиллярные узоры : идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). М., 2002.
3. Грановский Г. Л. Папиллярскопическая идентификация личности // Теория и практика криминалистической экспертизы. М., 1961.

4. Дактилоскопическая экспертиза : современное состояние и перспективы развития / В. Е. Корноухов, Ю. Ю. Ярослав, Т. В. Яровенко. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011.

5. Словарь основных терминов дактилоскопической экспертизы : учебное пособие / сост. К. Е. Демин. М. : Юридический институт МИИТ, 2015.

6. Звягин В. Н., Ракитин В. А. Дерматоглифика : энциклопедический словарь. Пермь : Пресстайм, 2012.

7. Криминалистика : учебник для вузов / И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Е. П. Ищенко и др. ; Под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 2000.

8. Материалистическая диалектика. В 5-ти томах, Т. 2. М. : Изд-во «Мысль», 1982.

9. Меморандум № 1 (Дерматоглифическое тестирование) <http://klnran.ru/2016/05/memorandum01-dermatoglifika/> (дата обращения: 23.03.2021).

10. Миронов А. И. Криминалистическая служба МВД России в ее историческом развитии (1919–2002 гг.) // 85 лет Экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел России. М., 2004.

11. Пономарев В. В. Методические и организационные основы исследования папиллярных узоров при их фрагментарном отображении в следах. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

12. Пономарев В. В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : микропапиллярскопия : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт. 2020.

13. Самищенко С. С. Современная дактилоскопия : основы и тенденции развития. Курс лекций. М. : Московский психолого-социальный институт, 2004.

14. Селиванов Н. А., Викторова Е. Н., Дворкин А. И. Основы пороскопической экспертизы // Дактилоскопическая экспертиза : современное состояние и перспективы развития. гл. X. Красноярск : Изд-во Краснояр. Ун-та, 1990.

15. Соколова О. А. Диагностика в дактилоскопии : монография. М. : Юрлитинформ, 2013.

16. Статистическая дактилоскопия. Методические проблемы / Под ред. Л. Г. Эджубова. М. : Городец, 1999.

17. Трасология. Справочник криминалиста. Т. 1. Гомеоскопия. Авт.-сост. : Г. Н. Степанов, А. И. Бронников. Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 1997.

18. Эджубов Л. Г., Богданов Н. Н. Введение в папиллярскопию // Папиллярные узоры : идентификация и определение характеристик личности (дактилоскопия и дерматоглифика). М., 2002.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination. The course of general theory. M., 2006.
2. Bogdanov N. N., Solonichenko V. G. History and main trends in the development of dermatoglyphics // Papillary patterns : identification and determination of personality characteristics (fingerprinting and dermatoglyphics). M., 2002.
3. Granovsky G. L. Papillaroscopic identification of personality // Theory and practice of forensic examination. M., 1961.
4. Fingerprint examination : current state and prospects of development / V. E. Kornoukhov, Yu. Yu. Yaroslav, T. V. Yarovenko. M. : Norma : INFRA-M, 2011.
5. Dictionary of basic terms of fingerprint examination : textbook. manual / comp. K. E. Demin. M. : Law Institute of MIIT, 2015.
6. Zvyagin V. N., Rakitin V. A. Dermatoglyphics : an encyclopedic dictionary. Perm: Prestime, 2012.
7. Criminalistics : textbook. for universities / I. F. Gerasimov, L. Ya. Drapkin, E. P. Ishchenko, etc.; Edited by I. F. Gerasimov, L. Ya. Drapkin. 2nd ed., reprint. and additional M. : Higher School, 2000.
8. Materialistic dialectics. In 5 volumes, Vol. 2. M. : Publishing house «Thought», 1982.
9. Memorandum № 1 (Dermatoglyphic testing) <http://klnran.ru/2016/05/memorandum01-dermatoglifika> (date of reference: 23.03.2021).
10. Mironov A. I. The Forensic Service of the Ministry of Internal Affairs of Russia in its historical development (1919-2002) // 85 years of the Forensic Service of the Internal Affairs bodies of Russia. M., 2004.
11. Ponomarev V. V. Methodological and organizational fundamentals of the study of papillary patterns with their fragmentary display in traces. Dis. ... Cand. of Sciences. jurid. M., 2009.
12. Ponomarev V. V. Fingerprinting and fingerprint examination : micropapillaroscopy : textbook for universities. M. : Yurayt. 2020.
13. Samishchenko S. S. Modern fingerprinting : fundamentals and development trends. Course of lectures. M. : Moscow Psychological and Social Institute, 2004.
14. Selivanov N. A., Viktorova E. N., Dvorkin A. I. Fundamentals of poroscopic examination // Fingerprint examination: current state and prospects of development. Chapter X. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk Publishing House. University, 1990.
15. Sokolova O. A. Diagnostics in fingerprinting : monograph. M. : Yurlitinform, 2013.
16. Statistical fingerprinting. Methodological problems / Edited by L. G. Edzhubova. M. : Gorodets, 1999.
17. Tracology. The criminalist's handbook. Vol. 1. Homeoscopy. Author-comp. : G. N. Stepanov, A. I. Bronnikov. Volgograd : Volgogr. jurid. Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1997.
18. Ejubov L. G., Bogdanov N. N. Introduction to papillaroscopy // Papillary patterns: identification and determination of personality characteristics (fingerprinting and dermatoglyphics). M., 2002.

Информация об авторе

О. А. Соколова – профессор кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Sokolova – Professor of the Department of Expert and Criminalist Activity of the Scientific and Educational Complex of Forensics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 29.05.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 29.05.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 01.02.2022.

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-192-196>

НИОН: 2015-0066-1/22-234

MOSURED: 77/27-011-2022-01-433

Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних

Инна Викторовна Федорова¹, Светлана Викторовна Калинина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

² kswik@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ профилактических мер безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; рассмотрены актуальные проблемы и пути решения безнадзорности.

Ключевые слова: правонарушения, безнадзорность, несовершеннолетний, инспектор ПДН, профилактическая работа

Для цитирования: Федорова И. В., Калинина С. В. Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 192–196. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-192-196>.

Original article

Prevention of neglect and juvenile delinquency

Inna V. Fedorova¹, Svetlana V. Kalinina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

² kswik@mail.ru

Abstract. The preventive measures of neglect and juvenile delinquency are analyzed; the current problems and ways of solving neglect are considered.

Keywords: offenses, neglect, minor, PDN inspector, preventive work

For citation: Fedorova I. V., Kalinina S. V. Prevention of neglect and juvenile delinquency. Bulletin of economic security. 2022;(1):192–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-192-196>.

Для характеристики направлений деятельности по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних следует учитывать, если издавна преступность трактовалась как наследственное явление, связанное с умственными недостатками или психическими расстройствами (причем данная черта, как было установлено, далеко не определяющая в делинквентном поведении личности), то в настоящее время обусловленность преступности среди несовершеннолетних связана с совокупностью факторов, влияние которых в большей или меньшей степени зависит от отдельных лиц. Эти факторы можно сгруппировать в три большие группы:

– факторы, связанные с самой психологией подростка и хрупкостью, характерной для данной стадии развития человека;

– семейные факторы;
– социальные факторы (особенно школьная жизнь) и экономические.

Именно эти факторы закладываются в основу разработки программ и мероприятий, направленных на профилактику преступности несовершеннолетних как в рамках всего государства, так и на конкретной территории.

В основе реализации общих профилактических мер безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних лежит создание условий, при которых исключена возможность безнадзорного состояния несовершеннолетних и возможность для них совершать неправомерные поступки [1, с. 56].

Таким образом, в основе общих профилактических мер лежит:

© Федорова И. В., Калинина С. В., 2022

– предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;

– выявление и устранение условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, совершению правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних;

– принятие мер для обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

– социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних, находящихся в социально-опасном положении;

– выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий.

Должностные лица органов полиции, а также родители и законные представители должны пресекать нахождение несовершеннолетних на улице в вечернее и ночное время. В данном случае, несовершеннолетние как бы исключаются из ситуации, когда противоправные действия могут быть совершены ими, либо в отношении них.

В перспективе реализация полицией общепрофилактических мер в сотрудничестве с другими органами, уполномоченными на осуществление указанной деятельности, максимально пресекает возможность возникновения ситуаций, когда несовершеннолетние оказываются беспризорными или безнадзорными, когда складывается ситуация, в которой они могут совершить правонарушение или преступление.

Обращаясь к конкретным примерам реализации общих профилактических мер, отметим, что статистически трудно определить масштабы преступности среди молодежи, также как сложно установить количество беспризорных подростков, несовершеннолетних, употребляющих алкоголь, наркотические и психотропные вещества, ведущих сексуально распущенный образ жизни.

Так, по официальной статистике на улицах городов регионов России были выявлены тысячи беспризорных несовершеннолетних. За 12 месяцев по сводкам МВД было зафиксировано более 75 тысяч таких несовершеннолетних. В соответствии с данными статистики о количестве несовершеннолетних, употребляющих алкоголь, в возрасте 13–15 лет, более 50 % составляют юноши, 55 % – девушки, к возрасту 16–17 лет данный показатель вырастает до 60 % у юношей и 65 % у девушек.

Однако, приведенная статистика не точна, поскольку многие показатели остаются вне зрения социальных работников и сотрудников правоохранительных органов. Не все правонарушения несовершеннолетних попадают в официальную статистику, поскольку родители часто предпочитают сами решать проблемы, связанные с поведением своих детей.

Также можно сказать, что общее количество несовершеннолетних, совершивших преступлений сократилось в 2021 г. в сравнении с 2020 г. Отметим, что в основе таких показателей лежит, прежде всего, система общепрофилактических мероприятий, которыми предупреждаются факты беспризорности, безнадзорности несовершеннолетних, а также возможность ими совершать правонарушения.

В основе реализации общепрофилактических мер, должна лежать система взаимодействия между специализированными органами, которую возглавляют органы полиции.

Эффективная и результативная модель профилактической работы с несовершеннолетними должна отвечать ряду требований:

- иметь четко поставленные цели;
- основываться на специальных принципах;
- представлять собой систему.

В зависимости от направленности профилактической работы на категорию населения можно выделить следующие стратегии работы:

- профилактика, основанная на работе в школе, создание сети «правовых школ», включение профилактических занятий в учебные программы всех школ;
- профилактика, основанная на работе с семьей;
- профилактика в группах несовершеннолетних;
- профилактика с помощью средств массовой информации;
- профилактика, направленная на группу риска в неорганизованных коллективах – на территориях, улицах, с безнадзорными, беспризорными несовершеннолетними [2].

Модель профилактики преступности несовершеннолетних должна содержать организационно-содержательный, технологический и кадровый компоненты (рис. 1), которые взаимодействуют между собой и направлены на решение подсистемы целей: на стратегическом, тактическом и специальном уровне.

На стратегическом уровне каждый компонент направлен на профилактику преступности несовершеннолетних. На тактическом уровне в рамках каждого компонента ставятся задачи, решаемые в конкретном направлении профилактики. На специальном уровне создаются условия для реализации сотрудниками установленных мероприятий.

Модель профилактики отвечает следующим требованиям:

- концептуальность;
- системность;
- управляемость;
- корректируемость;
- эффективность;
- воспроизводимость.

Рассмотрим содержание отдельных компонентов модели (рис. 2).

Рис 1. Структурно-функциональная модель профилактики

Рис 2. Организационно-содержательный компонент модели

Так, организационно-содержательный компонент содержит две составляющие, которые включают как субъектов профилактики органов внутренних дел, так и субъектов, не относящихся к системе ОВД. Благодаря такому комплексному подходу вопросы профилактики решаются системно во всех сферах жизнедеятельности несовершеннолетних.

Как видим, каждый субъект, осуществляя свои функциональные обязанности, также осуществляет профилактику преступности несовершеннолетних, это происходит в рамках организованных мероприятий, представляющих собой систему.

Технологический компонент также содержит две составляющие:

- педагогические средства профилактической работы. Обеспечивает применение воспитательно-педагогических мероприятий;
- специальные средства. Включают меры, регулируемые уголовно-процессуальным законодательством (рис. 3).

Кадровый компонент (рис. 4) охватывает вопросы кадрового обеспечения профилактической деятельности, в том числе:

- уровень образования сотрудников;
- наличие специального образования;
- регулярность повышения квалификации сотрудников, осуществляющих профилактическую работу.

Важно учитывать, что данный компонент затрагивает только сотрудников системы ОВД, однако, подобные требования должны быть распространены также на субъектов профилактики, не входящих в систему ОВД, поскольку в противном случае данный компонент будет выпадающим из всей модели.

В совокупности представленные компоненты модели должны быть реализованы системно и последовательно.

Разработанная модель отвечает системе принципов:

- оптимальной звенности;
- оптимального объема управления;
- соразмерности прав, обязанностей и ответственности;

Рис. 3. Содержание технологического компонента модели

Рис. 4. Содержание кадрового компонента модели

- соответствия структуры управления функциям управленческой системы;
- системности;
- стратегической целостности;
- многоаспектности;
- ситуационной адекватности;
- континуальности;
- солидарности;
- легитимности;
- полимодальности.

Таким образом, представленная модель профилактики преступности несовершеннолетних охватывает как деятельность инспектора ПДН, так

и несовершеннолетнего и других субъектов профилактики.

Внедрение модели в деятельность отдела ПДН систематизирует работу всех компонентов, которые в настоящее время функционируют периодически, со сбоем, что позволит значительно повысить эффективность работы всех субъектов профилактической работы. В конечном итоге, это снизит экономический и социальный вред, наносимый обществу, государству и личности преступными действиями несовершеннолетних.

Необходимо сделать важное замечание. Разработанная модель является общей и максимально

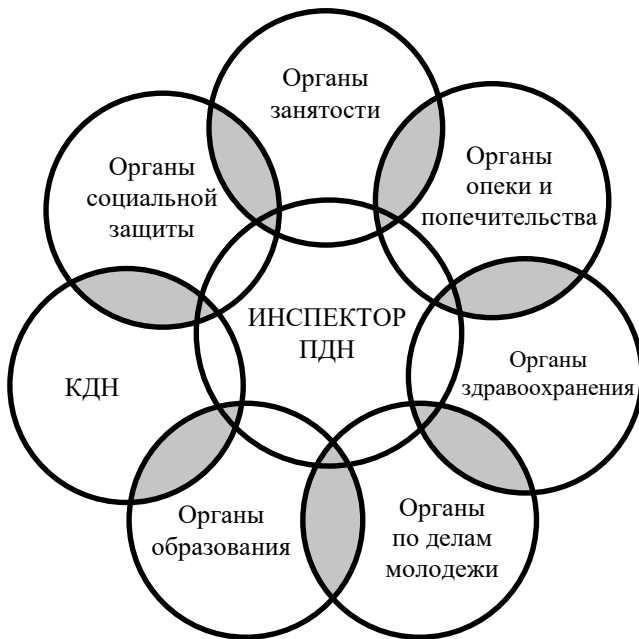

Рис. 5. Организация обмена информацией между субъектами профилактики

абстрактной, то есть она подходит для организации профилактической работы в отделе ПДН в любом регионе или муниципальном образовании.

Внедрение модели в любом отделе ПДН должно будет включать следующие этапы:

- анализ существующих направлений деятельности ПДН;
- оценка связей отдела ПДН с иными субъектами профилактики;
- оценка имеющихся ресурсов;
- разработка плана по внедрению модели, который включает:

- 1) обеспечение ее реализации необходимыми ресурсами;
- 2) создание связей между субъектами профилактики;
- 3) правовое, организационное и бюджетное обеспечение внедрения модели;
- 4) контроль за реализацией модели;
- 5) оценка результатов.

Стандартизированный алгоритм внедрения модели в деятельность отдела ПДН позволит максимально быстро и эффективно организовать профилактическую работу в любом отделе.

Список источников

1. Нортхофф Р. Руководство по профилактике преступности : монография / Р. Нортхофф ; перевод с немецкого. Архангельск : Изд-во Поморского гос. ун-та, 2004. С. 56.
2. Винниченко Е. О. Профилактика правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: административно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Винниченко Евгений Олегович ; [Место защиты : Тюмен. гос. ун-т]. 190 с.

References

1. Northhoff R. Guide to crime prevention: Monograph / R. Northhoff ; translation from German. Arkhangelsk : Publishing house of the Pomorsky state. University, 2004. P. 56.
2. Vinnichenko E. O. Prevention of juvenile delinquency in the Russian Federation : administrative and legal aspect : dis. ... cand. of legal sciences : 12.00.14 / Evgeny Olegovich Vinnichenko ; [Place of protection : Tyumen. state un-t]. 190 с.

Информация об авторах

И. В. Федорова – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

С. В. Калинина – доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Fedorova – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

S. V. Kalinina – Associate Professor of the Department of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 28.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-197-200>

НИОН: 2015-0066-1/22-235

MOSURED: 77/27-011-2022-01-434

Решение экспертных задач при производстве комплексных экспертиз с учетом современных представлений о мыслительной деятельности эксперта

Ольга Александровна Харламова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, olga15.77@mail.ru

Аннотация. Появление комплексных экспертиз стало результатом запроса следственных и судебных органов на проведение данного вида экспертных исследований. Однако на сегодняшний день не в полном объеме разработана методика производства комплексных экспертиз с учетом мыслительной деятельности эксперта. В виду специфичности процесса экспертного исследования не всегда удается четко определить цели и задачи, поставленные перед экспертами. Мыслительная деятельность эксперта всегда имеет целенаправленный характер. Она направлена на решение задач, поставленных перед ним лицом, назначившим экспертизу. В процессе мыслительного познания эксперт идет от более общего, поверхностного знания об объекте, ситуации к более глубокому, детальному, формируя полное и вместе с тем обобщенное представление о нем. Уровневый принцип предполагает, что при решении задач в ходе экспертных исследований необходимо наличие двух уровней. Иногда их количество может быть увеличено. Особенность данного принципа и включенных в него этапов заключается в том, что исследование признаков не разбивается по стадиям, а концентрируется на одном этапе. Указанный принцип упрощает процесс комплексного экспертного исследования.

Ключевые слова: комплексная экспертиза, уровневый принцип, мыслительная деятельность, эксперт

Для цитирования: Харламова О. А. Решение экспертных задач при производстве комплексных экспертиз с учетом современных представлений о мыслительной деятельности эксперта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 197–200. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-197-200>.

Original article

The solution of expert problems in the production of complex examinations, taking into account modern ideas about the mental activity of an expert

Olga A. Kharlamova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, olga15.77@mail.ru

Abstract. The emergence of complex expertise was the result of a request from the investigative and judicial authorities to conduct this type of expert research. However, to date, the methodology for the production of complex examinations, taking into account the mental activity of an expert, has not been fully developed. Due to the specificity of the expert research process, it is not always possible to clearly define the goals and objectives set for the experts. An expert's thinking activity is always purposeful. It is aimed at solving the tasks assigned to him by the person who appointed the examination. In the process of mental cognition, an expert moves from a more general, superficial knowledge about an object or a situation to a deeper, more detailed one, forming a complete and at the same time generalized idea of it. The level principle assumes that when solving problems in the course of expert research, it is necessary to have two levels. Sometimes their number can be increased. The peculiarity of this principle and the stages included in it is that the study of signs does not break in stages, but concentrates on one stage. This principle simplifies the process of complex expert research.

Keywords: comprehensive examination, tiered principle, mental activity, expert

© Харламова О. А., 2022

For citation: Kharlamova O. A. The solution of expert problems in the production of complex examinations, taking into account modern ideas about the mental activity of an expert. Bulletin of economic security. 2022;(1):197–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-197-200>.

Постановка проблемы.

В настоящее время в экспертной практике наблюдается рост комплексных судебных экспертиз. Так, за последние пять лет, количество комплексных экспертиз выросло практически в 2 раза. Ежегодно следственные органы сталкиваются с проблемами назначения указанных экспертиз. Это свидетельствует о том, что уровень доверия и востребованности в данных экспертизах растет [1].

Появление комплексных экспертиз стало результатом запроса следственных и судебных органов на проведение данного вида экспертных исследований.

Однако на сегодняшний день не в полном объеме разработана методика производства комплексных экспертиз с учетом мыслительной деятельности эксперта. В виду специфичности процесса экспертного исследования, не всегда удается четко определить цели и задачи, поставленные перед экспертами.

Анализ последних исследований и публикаций. Следует отметить, что над вопросами, связанными с мыслительной деятельностью эксперта и комплексным исследованием занимались и занимаются многие эксперты-теоретики и эксперты-практики как нашей страны, так и зарубежья. Среди них – М. Я. Яковлев, Н. П. Майлис, А. М. Зинин, Т. Ф. Моисеева, Ю. Н. Погибко и другие.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы.

Еще Яковлев М. Я. утверждал, что профессиональная деятельность человека отличается целенаправленностью, плановостью, систематичностью независимо от рода и вида исследования [2]. Мыслительная деятельность эксперта, как считает Яковлев, всегда имеет целенаправленный характер. Она направлена на решение задач, поставленных перед ним лицом, назначившим экспертизу. Плановость профессиональной деятельности состоит в ее систематичности и последовательности. А систематичность деятельности эксперта проявляется в постоянном выполнении своих обязанностей в силу его профессии [3]. Также хотелось бы отметить, что на процесс создания психологических основ личности эксперта влияют такие внутренние факторы, как психологическая готовность эксперта к решению экспертных задач, которая способствует направить мыслительные процессы на объектах исследования.

Все это означает, что в процессе мыслительного познания эксперт идет от более общего, поверхностного знания об объекте, ситуации к более глубокому, детальному, формируя полное и вместе с тем обобщенное представление о нем [4; 5].

В этой связи, с нашей точки зрения, следует уделить особе внимание на формирование психологических аспектов экспертной деятельности при производстве комплексных экспертиз под влиянием особенностей мыслительной деятельности эксперта.

Формулирование целей статьи.

Основной целью работы является изложение методики комплексной экспертизы с учетом особенностей мыслительной деятельности эксперта.

Рассмотрим производство данных экспертиз с учетом вышесказанного.

Изложение основного материала.

Познавательная деятельность эксперта осуществляется по ходу всего исследования. Сопровождается такая деятельность обязательно мыслительным процессом. Как пишет Я. М. Яковлев «В познавательной деятельности широко используются данные ощущений, восприятий и представлений, так как именно через них мышление сохраняет свою связь с чувственным познанием» [2]. Содержит такая деятельность в себе и преобразование и синтезирование знаний, моделирование процесса исследования, оценку полученных результатов.

Все это требует от эксперта концентрации внимания, хорошего мышления и умения выстроить процесс исследования таким образом, чтобы он соответствовал процессам познания.

В связи с этим, хочется отметить, что предложенный нами уровневый принцип экспертного исследования соответствует всем составляющим познавательной деятельности.

Так, уровневый принцип предполагает, что при решении задач в ходе экспертных исследований необходимо наличие двух уровней. Иногда их количество может быть увеличено. Это может быть связано со спецификой объектов исследования и их сложностью.

Первый уровень решения экспертных задач – это первый, законченный виток исследования объектов, начинающийся с момента ознакомления с материалами, поступившими на экспертизу, и заканчивающийся выдвижением экспертных версий и планированием дальнейшего хода исследования. Включает данный уровень следующие этапы: ознакомление с поступившими материалами; осмотр и предварительное изучение конкретного и прямого объектов исследования; осмотр и предварительное изучение сравнительного материала; предварительное сравнение; предварительная оценка и формирование общей и частных экспертных версий; планирование предстоящего исследования [5].

Все указанные этапы можно представить и как предварительное, раздельное, сравнительное и оценочное исследование объектов экспертизы.

Здесь следует обратить внимание, на следующее. Так как экспертиза носит комплексный характер, то все эти этапы должны быть осуществлены экспертами комиссионно.

На предварительном этапе первого уровня эксперты знакомятся с материалами, поступившими на исследование (постановлением о назначении экспертизы, обстоятельствами дела, изучают вопросы, поставленные перед ними, их последовательность, проверяют достоверность поступивших на исследование объектов). На этом этапе для экспертов важно уяснить последовательность выполнения комплексного исследования.

Далее следует раздельный этап. Здесь уже эксперты прибегают к применению визуальных или оптических методов в ходе исследования объектов, представленных на исследование. Каждый эксперт на своем этапе последовательно выявляют общие и частные признаки. Например, при проведении комплексной экспертизы, частью которой является дактилоскопическая экспертиза, эксперт-дактилоскопист определяет общие и частные признаки в следах, после чего решает некоторые диагностические вопросы, такие, например, как вопросы о пригодности следов для идентификации личности и возможности дальнейшего дактилоскопического исследования либо передачи данных объектов эксперту другого профиля. Данный этап не является полноценным этапом раздельного исследования. Это только первоначальное исследование объектов.

Что касается предварительного сравнения первого уровня, то оно происходит одновременно с осмотром сравнительного материала. Например, эксперт-дактилоскопист, оценивая сопоставимость экспериментальных отпечатков со следами, естественно, сравнивает не только внешние морфологические признаки следов, но и общие, а также частные признаки папиллярных узоров рук человека. Таким образом, каждый эксперт при комплексном исследовании осуществляет предварительное сравнение, если перед ним стоит задача такого характера. После этого эксперты переходят к этапу предварительной оценки признаков первого уровня. На этом этапе эксперты осуществляют оценку только выявленных признаков и именно с субъективной стороны. Предварительная оценка признаков дает возможность экспертам выдвинуть экспертные версии и спланировать дальнейший ход своих действий для решения экспертных задач.

За первым уровнем следует второй уровень решения экспертных задач. Состоит он из того же комплекса действий экспертов что и первый, но на этом

этапе они уже с большей тщательностью проводят исследование, в соответствии с последовательностью поставленных вопросов.

Второй уровень составляет основу экспертных исследований. Данный уровень включает полный и основательный анализ и синтез всех признаков [6]. Общие и частные признаки исследуются на всех этапах данного уровня, при этом их анализ концентрируется в одном этапе, начиная с раздельного и заканчивая оценочным этапом. Особенность данного уровня и этапов заключается в том, что исследование признаков не разрывается по стадиям, а концентрируется на одном этапе.

Кроме того, на данном уровне предусмотрен еще один этап – заключительной оценки всех результатов исследований, формирования внутренних убеждений и выводов экспертов. На данном этапе экспертам необходимо обсудить результаты, полученные в ходе их исследования, выдвинуть экспертные версии и сформулировать общий вывод.

В дальнейшем приступить к составлению заключения комплексной экспертизы.

Итак, с нашей точки зрения, именно так происходит мыслительный процесс экспертов при производстве экспертных исследований, в том числе и таких специфических, как комплексные. И конечно, данный принцип исследования требует от экспертов логического, наглядно-образного мышления и позволяет развивать у экспертов такие качества как концентрация и переключение внимания.

Список источников

1. Кудряшов Д. А. К вопросу об общем методическом подходе при производстве комплексных судебных экспертиз / Д. А. Кудряшов // Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики. 2017. № 3.
2. Яковлев Я. М. Психологическая структура экспертной деятельности : Вопросы теории и практики судебной экспертизы // Труды ВНИИСЭ : Вопросы теории и практики судебной экспертизы. М. : Изд-во ВНИИСЭ, 1973, Вып. 7.
3. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза : учебник. М. : Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Погибко Ю. Н., Теоретические предпосылки разработки методики решения идентификационных судебно-почерковедческих задач // Комплексная методика решения судебно-почерковедческих идентификационных задач, связанных с исследованием буквенных текстов (Методическое пособие для экспертов) / Отв. ред. В. Ф. Орлова. М. : ВНИИСЭ, 1982.
5. Котова О. А. Усовершенствование теоретических и методических основ идентификационной

криминалистической экспертизы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Котова Ольга Александровна. Волгоград, 2004.

6. Харламова О. А. Сравнительный анализ стадийного и уровневого подходов к решению задач почерковедческих исследований / О. А. Харламова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 1(24).

References

1. Kudryashov D. A. To the question of the general methodological approach in the production of complex forensic examinations / D. A. Kudryashov // Criminal proceedings : problems of theory and practice. 2017. № 3.

2. Yakovlev Ya. M. Psychological structure of expert activity : Questions of theory and practice of forensic examination // Proceedings of VNIISE : Questions of theory and practice of forensic

examination. M. : Publishing house of VNIISE, 1973, Issue. 7.

3. Zinin A. M., Mailis N. P. Forensic examination : textbook. M. : Law and Law; Yurayt-Publishing, 2002.

4. Pogibko Yu. N. Theoretical prerequisites for the development of a methodology for solving forensic handwriting problems // Comprehensive method for solving forensic handwriting identification problems associated with the study of alphabetic texts (Methodological guide for experts) / Otv. ed. V. F. Orlova. M. : VNIISE, 1982.

5. Kotova O. A. Improvement of the theoretical and methodological foundations of identification forensic examination : specialty 12.00.09 «Criminal Procedure» : dissertation author's abstract for the degree of candidate of legal sciences / Kotova Olga Aleksandrovna. Volgograd, 2004.

6. Kharlamova O. A. Comparative analysis of stage and level approaches to solving problems of handwriting studies / O. A. Kharlamova // Criminalist Library. Science Magazine. 2016. № 1 (24).

Информация об авторе

О. А. Харламова – начальник кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. A. Kharlamova – Head of the Department of Weapons Science and Traceology of Educational and Scientific Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 24.09.2021; одобрена после рецензирования 22.12.2021; принята к публикации 01.02.2022.

The article was submitted 24.09.2021; approved after reviewing 22.12.2021; accepted for publication 01.02.2022.

Научная статья
УДК 343.982.323
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-201-206>
НИОН: 2015-0066-1/22-236
MOSURED: 77/27-011-2022-01-435

Использование системы криминалистической регистрации при идентификации интерактивного пользователя

Алексей Иванович Хмыз

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, xmyz.aleksej@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования массивов криминалистически значимой информации системы криминалистической регистрации при идентификации лица, совершившего преступление в сфере компьютерной информации либо с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, предлагаются меры, направленные на повышение эффективности информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация, криминалистические учеты, розыскные учеты, оперативно-справочные учеты, экспертно-криминалистические учеты, социально значимая информация, интерактивный пользователь, идентификация интерактивного пользователя

Для цитирования: Хмыз А. И. Использование системы криминалистической регистрации при идентификации интерактивного пользователя // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 201–206. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-201-206>.

Original article

The use of a forensic registration system for the identification of an interactive user

Aleksej I. Hmyz

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, xmyz.aleksej@bk.ru

Abstract. The use of arrays of criminally significant information of the criminally registration system when identifying a person who has committed a crime in the field of computer information or using information and telecommunication technologies is considered, measures are proposed to increase the efficiency of information support for the activities of law enforcement agencies.

Keywords: criminally registration, forensic accounting, search accounting, operational reference accounting, forensic accounting, socially significant information, interactive user, identification interactiveuser

For citation: Hmyz A. I. The use of a forensic registration system for the identification of an interactive user. Bulletin of economic security. 2022;(1):201–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-201-206>.

Раскрытие любого преступления, в том числе совершенного с использованием информационных технологий либо в сфере информационных технологий (компьютерные преступления), основано на оценке потоков розыскной (как правило на начальном этапе) и доказательственной информации.

В условиях цифровой трансформации, коснувшейся практически всех общественных отношений, информации, доступной для интерпретации и анализа, становится с каждой секундой все больше и

больше. Этим пользуются некоторые пользователи интерактивного пространства в целях совершения противоправных действий. Данные, касающиеся абсолютного большинства граждан Российской Федерации, а также других лиц, по различным причинам, несмотря на предпринимаемые меры по обеспечению безопасности, доступны для правонарушителей.

Информационное обеспечение деятельности правоохранительных органов имеет определяющее значение в противодействии преступности. Не слу-

чайно нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные направления, обязывают, в частности, полицию использовать в своей деятельности информационные системы (ст. 11 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции»), естественно основанные на достижениях науки и техники. Для реализации данного положения Закон предоставляет право формирования, ведения и использования банков данных оперативно-справочной, криминалистической, экспертно-криминалистической, розыскной и иной информации о лицах, предметах и фактах.

Аналогичное положение содержит и Федеральный закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»¹: для осуществления своей деятельности органы федеральной службы безопасности могут без лицензирования разрабатывать, создавать и эксплуатировать информационные системы, системы связи и системы передачи данных, а также средства защиты информации, включая средства криптографической защиты (ч. 1 ст. 20).

Объединяет все указанные выше банки данных система криминалистической регистрации, исторически взявшая свое начало с антропометрической и дактилоскопической регистрации более века назад.

В той или иной степени информация, содержащаяся в криминалистических, розыскных, оперативно-справочных и экспертно-криминалистических учетах, ведущихся в органах внутренних дел, может успешно использоваться при установлении и последующей идентификации интерактивного пользователя, совершившего преступление в сфере информационных технологий. Так, дактилоскопическая, геномная информация может быть эффективной в случае обнаружения средств совершения преступлений, например, компьютерной техники, с помощью которой произведен неправомерный доступ к компьютерной информации, ее копирование, изменение или уничтожение.

Система криминалистической регистрации формировалась на протяжении достаточно большого

периода времени на основе сложившихся традиционных представлений о криминалистической диагностике и идентификации, а также практики противодействия преступности. Данная система находится в постоянном развитии, изменении и это представляется оправданным. Любая система должна быть гибкой относительно многих условий и факторов, например, от состояния средств обработки и анализа информации – устаревшие способы должны оперативно заменяться на более совершенные, иначе возникают соответствующие риски и угрозы: в настоящее время без использования возможностей искусственного интеллекта невозможно, во-первых, обработать огромные массивы информации, во-вторых, оперативно получить необходимые для раскрытия и расследования преступлений данные.

Оценивая современное состояние банков данных криминалистической регистрации, следует отметить, что она должна быть подвергнута очередной реорганизации с учетом специфики компьютерной преступности, прогнозов развития криминогенной обстановки.

По официальным данным удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, увеличился в течение 2020 года с 14,5 % до 25,0 %². При этом с использованием сети Интернет совершено 58,8 % таких преступлений, средств мобильной связи – 42,9 %, расчетных (пластиковых) карт – 37,3 %, компьютерной техники – 5,6 %.

Тенденция увеличения удельного веса рассматриваемой категории преступлений наблюдается и в 2021 году – за два месяца данный показатель увеличился до 26,3 %. Практически все такие преступления (98,6 %) выявляются органами внутренних дел.

Анализируя приведенные выше статистические данные, следует сделать вывод о том, что необходимы совершенно новые подходы при формировании

¹ Федеральная служба безопасности в пределах своих полномочий осуществляет обеспечение информационной безопасности.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 13.05.2021).

Таблица 1

Данные по результатам работы учета фонограмм речи (голоса) неустановленных лиц за 2009–2017 годы

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Установлено лиц	182	30	35	34	37	45			
Объединено преступлений	13	7	37	8	15	14	35	8	11
Объектов на учете	0	0	0	0	0	0	358	370	315
Поставлено на учет	0	0	0	0	0	0	67	76	29

банков данных криминалистической регистрации. В частности, значительное количество совершенных преступлений с использованием средств мобильной связи, в абсолютном большинстве своем методами социальной инженерии, актуализирует использование для раскрытия преступлений, формирования доказательственной базы по уголовным делам фонограмм речи подозреваемых лиц. Вместе с тем странным выглядит решение об исключении из перечня экспертно-криминалистических учетов учета фонограмм речи (голоса) неустановленных лиц. За годы своего существования (см. табл. 1) с использованием учета установлено порядка 363 лиц, совершивших преступления, объединено 148 преступлений.

В 2020 году экспертно-криминалистические подразделения (ЭКП) МВД России провели 4 911 фоноскопических экспертиз и 248 исследований, по 74,6 % экспертиз и 77,8 % исследований получены положительные результаты, то есть установлены фактические данные, имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений. По фонограммам речи идентифицированы лица по результатам 3 110 экспертиз (74,7 %) и 154 исследований (78,2 %).

Следует отметить тенденцию постепенного увеличения доли выполненных в ЭКП МВД России специальных видов экспертиз и исследований (см. диаграмму 1), к которым в том числе относятся фоноскопические, компьютерные экспертизы и исследования, объектами исследования которых являются, соответственно, фонограммы речи (голоса) неустановленных и установленных лиц, электронные следы преступлений.

Учитывая специфику преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, представляется, что повышение эффек-

тивности и результативности использования информационных систем экспертного и иного назначения будет возможно за счет объектов специальных видов экспертиз и исследований. Одним из таких направлений, безусловно, является компьютерная экспертиза.

Кроме того, необходимо расширять объемы иной информации и для этого имеются соответствующие ресурсы, как правового, так и технического характера.

К ресурсам правового характера следует отнести право органов внутренних дел использовать банки данных других государственных органов и организаций, в том числе персональные данные граждан, запрашивать и получать на безвозмездной основе от государственных и муниципальных органов, общественных объединений, организаций, должностных лиц и граждан сведения, справки, документы (их копии), иную необходимую для выполнения возложенных функций информацию.

Так, в настоящий момент наиболее оптимальная система использования информации разработана и внедрена в Банке России.

Приказом Банка России от 27 сентября 2018 года № ОД-2525 утверждены признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента – на что собственно и направлены основные усилия правонарушителей при совершении большинства преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. При совершении преступлений в сфере компьютерной информации также не обходится без попыток получения финансовых выгод.

В числе указанных выше признаков имеются диагностические, учитывающие особенности проведения операции перевода, а также поведенческие критерии, например, несоответствие параметров, объема

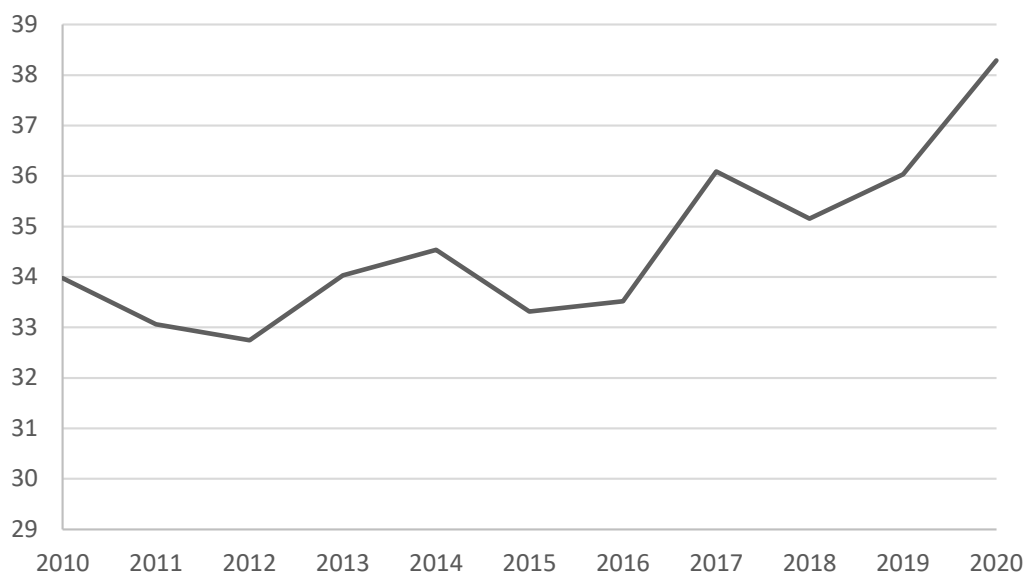

Диаграмма 1. Доля выполненных в ЭКП МВД России специальных видов экспертиз и исследований

проводимой операции, времени, места, устройства, с использованием которого осуществляется операция и параметры его использования, сумма, периодичность, обычно совершаемые клиентом по переводу денежных средств и т. д.

В основе работы информационной системы используются признаки совпадения информации о получателе средств с информацией о получателе средств, полученной из базы данных о случаях и попытках осуществления перевода денежных средств без согласия клиента, формируемой Банком России в соответствии с частью 5 статьи 27 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»¹, а также о параметрах устройств, с использованием которых осуществлен доступ к автоматизированной системе, программному обеспечению с целью осуществления перевода денежных средств без согласия клиента, полученной из указанной базы данных.

В соответствии с приведенным нормативным правовым актом формирование базы данных осуществляется (п. 6) операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры, которые обязаны направлять информацию обо всех случаях или попытках осуществления операций по переводу денежных средств без согласия клиента. Указанные лица также являются пользователями этой системы, они вправе получать информацию, содержащуюся в базе данных (п. 7).

Указание Банка России от 08.10.2018 № 4926-У «О форме и порядке направления операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры в Банк России информации обо всех случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента и получения ими от Банка России информации, содержащейся в базе данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента, а также о порядке реализации операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры мероприятий по противодействию осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента» (зарегистрировано в Минюсте России 12.12.2018 № 52988) раскрывает порядок осуществления электронного взаимодействия между операторами и базой данных.

Участники информационного обмена должны направлять в Банк России информацию о переводах

без согласия клиента в виде электронных сообщений по форме первичного, промежуточного и окончательного уведомления с использованием технической инфраструктуры – автоматизированной системы Банка России, а при невозможности по той или иной причине, например, при возникновении технических сбоев, – с использованием резервного способа взаимодействия.

Существенным, на наш взгляд, недостатком являются сроки направления соответствующей информации², которые варьируются и зависят от субъекта и произошедшего события. Так, первичное уведомление направляется субъектам критической информационной инфраструктуры³ в течение трех часов с момента выявления операций, совершенных в результате несанкционированного доступа к объектам информационной инфраструктуры оператора.

Для других операторов срок увеличен: при наступлении такого же события этот срок составляет 24 часа, либо в течение одного рабочего дня, следующего за днем, например, получения оператором уведомлений от клиентов о попытках либо случаях переводов денежных средств без согласия клиента.

В обозначенные выше сроки многие следы преступления могут быть безвозвратно утеряны. Идеальным видится немедленное реагирование системы на всех уровнях на все без исключения попытки осуществления незаконного перевода денежных средств, а также оперативное инициативное информирование соответствующие службы и подразделения правоохранительных органов. Этому будет способствовать организация и осуществление электронного взаимодействия Банка России и органов внутренних дел, которые, как было указано выше, выявляют наиболь-

² Первичное уведомление включает информацию, устанавливающую операцию плательщика, операцию получателя средств, а также информацию (при наличии), определяющую параметры устройств, с использованием которых осуществлен доступ к автоматизированной системе, программному обеспечению с целью осуществления несанкционированного перевода денежных средств (при наличии такой информации).

Информация, устанавливающая операцию плательщика, включает данные о банковском идентификационном коде (БИК) оператора по переводу денежных средств, обслуживающего плательщика; о результате вычисления специального кода номера документа, удостоверяющего личность плательщика – физического лица; о результате вычисления специального кода страхового номера индивидуального лицевого счета застрахованного лица в системе персонифицированного учета Пенсионного фонда Российской Федерации (СНИЛС) плательщика – физического лица при наличии СНИЛС; об идентификационном номере налогоплательщика (ИНН) плательщика – юридического лица, индивидуального предпринимателя или лица, занимающегося частной практикой.

³ Определяемым в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 31, ст. 4736).

¹ В целях обеспечения защиты информации при осуществлении переводов денежных средств Банк России осуществляет формирование и ведение базы данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента (часть 5 введена Федеральным законом от 27.06.2018 № 167-ФЗ).

ший процент преступлений в сфере и с использованием информационных технологий.

Одним из принципов взаимодействия между заинтересованными сторонами является принцип взаимности, то есть возможность получения друг у друга информации, необходимой для осуществления своих функций. В частности, Национальный финансовый совет предложил дать банкам доступ к базам МВД с данными о водительских удостоверениях, в целях упрощения процедуры идентификации клиентов.

Мы разделяем точку зрения И. В. Тишутинной, которая отмечает, что помимо криминалистически значимой информации, которая составляет основу системы криминалистической регистрации, при раскрытии и расследовании преступлений может и должна быть использована социально значимая информация, характеризующая лиц, их совершающих¹.

Невозможно представить современного человека без каких-либо общественных, социальных и иных связей. И если при подготовке, совершении преступлений интерактивный пользователь предпринимает определенные меры, направленные на обеспечение анонимности, уничтожение следов своей преступной деятельности, то область социально значимой информации, по нашему убеждению, не претерпевает существенных изменений. Можно зашифровать свою личность созданием виртуальных двойников, тройников и т. д., но сущность личности скрыть невозможно. Свойства этой сущности найдут свое отражение как в виртуальной, так и в материальной реальности.

В связи с этим, система криминалистической регистрации может быть расширена не только за счет новых типов криминалистически значимой информации, например, о компьютерной технике, следах ее применения при совершении преступлений различного характера, но и за счет социально значимой и иной доступной для накопления, анализа и обработки информации. То есть, назрела необходимость объединения и создания соответствующей единой² информационной системы, аналогом которой может служить единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении Российской Федерации, в формировании которого будут участво-

вать различные федеральные органы исполнительной власти, в том числе МВД России.

В заключение стоит отметить, что всеобщая цифровизация жизни общества предоставляет уникальные инструменты повышения эффективности решения диагностических и идентификационных задач при раскрытии и расследовании как преступлений в сфере и с использованием информационных технологий, так и других преступлений. Первостепенная задача правоохранительных органов заключается в том, чтобы как можно скорее использовать эти инструменты при осуществлении своей деятельности.

Библиографический список

1. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 187-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 8 июня 2020 года № 168-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. О национальной платежной системе [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О полиции [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О федеральной службе безопасности [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О форме и порядке направления операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры в Банк России информации обо всех случаях и (или) попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента и получения ими от Банка России информации, содержащейся в базе данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиента, а также о порядке реализации операторами по переводу денежных средств, операторами платежных систем, операторами услуг платежной инфраструктуры мероприятий по противодействию осуществлению переводов денежных средств без согласия клиента [Электронный ресурс] : Указание Банка России от 08.10.2018 № 4926-У. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента [Электронный ресурс] : Утверждены приказом Банка России от 27 сентября

¹ Тишутинна И. В. Информационное обеспечение социально-правового контроля как средства выявления и преодоления противодействия расследованию : в условиях цифрового общества / И. В. Тишутинна // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2019. № 3. С. 63–72.

² Объединение и централизация рассматривались в качестве одних из главных условий (помимо единого инструментария и терминологического аппарата, а также осведомленности о возможностях среди сотрудников правоохранительных органов) успешного функционирования криминалистической регистрации еще при зарождении и становлении указанной системы (см. об этом: Лебедев В. И. Справочный указатель для чинов полиции / В. И. Лебедев. М., 1903. 153 с. С. 39.

2018 года № ОД-2525. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

Bibliographic list

1. On the security of the critical information infrastructure of the Russian Federation [Electronic resource] : Federal Law of July 26, 2017 № 187-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

2. On the unified federal information register containing information about the population of the Russian Federation [Electronic resource] : Federal Law of June 8, 2020 № 168-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

3. On the national payment system [Electronic resource] : Federal Law of June 27, 2011 № 161-FZ. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

4. About the police [Electronic resource] : Federal Law of February 7, 2011 No. 3-FZ. – Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

5. On the Federal Security Service [Electronic resource]: Federal Law of April 3, 1995 № 40-FZ.

6. On the form and procedure for sending money transfer operators, payment system operators, payment infrastructure service providers to the Bank of Russia information on all cases and (or) attempts to make money transfers without the client's consent and receive information from the Bank of Russia contained in the database on cases and attempts to transfer funds without the consent of the client, as well as on the procedure for money transfer operators, operators of payment systems, operators of payment infrastructure services to counter the implementation of money transfers without the consent of the client [Electronic resource]: Bank instruction Russia dated 08.10.2018 № 4926-U. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

7. Signs of the transfer of funds without the consent of the client [Electronic resource] : Approved by order of the Bank of Russia dated September 27, 2018 № ОД-2525. Access from the reference legal system «ConsultantPlus».

Информация об авторе

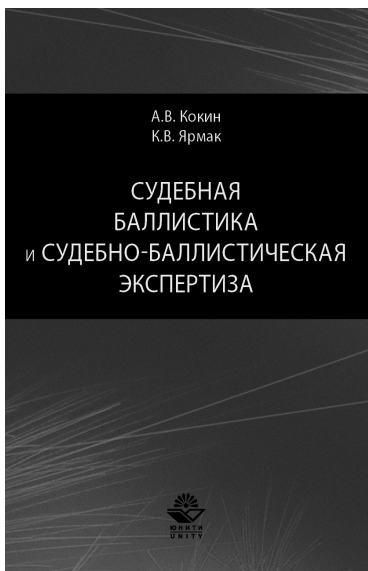
А. И. Хмыз – заместитель начальника кафедры оружиеведения и трасологии учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук.

Information about the author

A. I. Hmyz – Deputy Head of the Department of Weaponology and Trasology of the Educational and Scientific complex of Forensic Expertise of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 21.06.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза. Кокин А. В., Ярмак К. В. Учебник. 350 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены основы судебной баллистики и судебно-баллистической экспертизы.

Особое внимание уделяется частным методикам экспертных исследований.

Для преподавателей и слушателей экспертно-криминалистических факультетов вузов МВД России. Может быть полезен для практических работников экспертных и следственных подразделений, а также интересующихся данной тематикой.

Научная статья

УДК 343.983.25

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-207-209>

НИОН: 2015-0066-1/22-237

MOSURED: 77/27-011-2022-01-436

Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной деятельности в условиях внедрения механизмов стандартизации

Елена Владимировна Чеснокова

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации, Москва, Россия, elenaches@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – на основе изучения трудов профессора Т. В. Аверьяновой показать развитие теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности с учетом таких категорий и процессов как дифференциация и интеграция знаний в условиях внедрения механизмов стандартизации. Предметом научных исследований Т. В. Аверьяновой в интеграционных процессах стали объекты экспертного исследования, где к их исследованию применяется комплексный подход, а также методики экспертных исследований, включающих в себя комплекс методов различных наук. В связи с дальнейшим развитием науки стали высказываться мысли о том, что судебно-экспертная деятельность не может существовать сама по себе, в отрыве от организационно-производственного процесса судебно-экспертного учреждения. Одним из направлений деятельности, предпринятым для решения задачи повышения достоверности результатов судебных экспертиз и исследований, является внедрение в практику судебно-экспертной деятельности принципов и методов метрологии, статистики, системы менеджмента качества, подтверждение технической компетентности судебно-экспертных лабораторий в соответствии со стандартом ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Т. В. Аверьянова отмечала, что результаты дифференциации знаний в области судебной экспертизы находят свое отражение и в общей, и в частных теориях родов судебных экспертиз. Примером такого прогностического вывода в настоящее время является формируемая частная теория стандартизации в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: интеграция и дифференциация знаний, судебная экспертиза, судебно-экспертная деятельность, стандартизация, ГОСТ ISO/IEC 17025-2019

Для цитирования: Чеснокова Е. В. Интеграция и дифференциация знаний в судебно-экспертной деятельности в условиях внедрения механизмов стандартизации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 207–209. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-207-209>.

Original article

Integration and differentiation of knowledge in forensic activities in the context of the introduction of standardization mechanisms

Elena V. Chesnokova

Russian Federal Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of the Russian Federation, Moscow, Russia, elenaches@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is based on the works of Professor T. V. Averyanova to show the development of the theory of forensic science and forensic expert activity, taking into account such categories and processes as differentiation and integration of knowledge in the context of the introduction of standardization mechanisms. The subject of T. V. Averyanova's research in integration processes is the objects of expert research, where a comprehensive approach is applied to their research, as well as the methods of expert research, which include a complex of methods of various sciences. In connection with the further development of science, thoughts began to be expressed that forensic expert activity cannot exist by itself, in isolation from the organizational and production process of a forensic expert institution. One of the activities undertaken to solve the problem of improving the reliability of the results of forensic examinations and research is the introduction into the practice of forensic science of the principles and methods of metrology, statistics, quality management system of forensic laboratories, for subsequent confirmation of compliance

© Чеснокова Е. В., 2022

with the standard GOST ISO / IEC 17025-2019. The results of the differentiation of knowledge in the field of forensic expertise are reflected in both general and particular theories of the types of expertise. An example of such a predictive conclusion is the currently formed private theory of standardization in forensic activity.

Keywords: integration and differentiation of knowledge, forensic science, forensic activity, standardization, GOST ISO / IEC 17025-2019

For citation: Chesnokova E. V. Integration and differentiation of knowledge in forensic activities in the context of the introduction of standardization mechanisms. Bulletin of economic security. 2022;(1):207–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-207-209>.

Постановка проблемы. Общеизвестно, что в трудах профессора Т. В. Аверьяновой таким категориям и процессам как интеграция и дифференциация знаний в общей теории судебных экспертиз уделено достаточно много внимания.

По ее мнению, процесс использования синтеза научных знаний, представляющий собой важный аспект интеграции науки, нашел свое отражение и в теории и практике судебно-экспертных исследований, что обусловлено потребностями следственной и судебной практики, прогрессом современной науки, непосредственной целью теории и практики судебной экспертизы – установлением объективной истины по делу, а также требованием единства научно-исследовательской деятельности и ее результатов [1, с. 123, 132–133]. Предметом научных исследований Т. В. Аверьяновой в интеграционных процессах стали объекты экспертного исследования, где к их исследованию применяется комплексный подход, а также методики экспертных исследований, включающих в себя комплекс методов различных наук.

Разработанные Т. В. Аверьяновой научные положения объективно отражают действительность, так как неоднократно проходили проверку практикой производства судебных экспертиз, и поэтому не вызывают сомнений.

Анализ последних исследований и публикаций. В связи с дальнейшим развитием науки о судебной экспертизе высказывалась мысль о том, что судебно-экспертная деятельность не может существовать сама по себе, «в отрыве от сложного организационно-производственного процесса, осуществляемого судебно-экспертным учреждением, в котором и происходит «таинство» судебной экспертизы» [3, с. 138]. Следовательно, указанный процесс, очевидно являющийся многомерным, содержащим совокупность более мелких процессов, действий, регулируемых как на уровне процессуального законодательства, Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», так и локальными нормативными актами, не может не оказывать влияния на теорию судебной экспертизы или в настоящее время, судебную экспертологию.

Выделение нерешенных ранее частей общей проблемы. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные различным аспектам судебно-эк-

пертной деятельности, нуждаются в совершенствовании механизмы, направленные на повышение качества экспертного производства и сокращение сроков производства экспертиз. Решению данных проблем, стоящих перед институтом судебной экспертизы, будет способствовать и налаживание оптимальных управленческих и организационных систем внутри судебно-экспертных лабораторий¹ в условиях создания системы менеджмента качества (СМК) и внедрения механизмов стандартизации в судебно-экспертную деятельность.

Формулирование целей статьи. На основе изучения трудов профессора Т. В. Аверьяновой, современных публикаций и собственных исследований автора, отражающих реализацию механизмов стандартизации в судебно-экспертной деятельности, показать преемственность в развитии теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности, а также при формировании современной научной парадигмы.

Изложение основного материала. В современной судебно-экспертной деятельности определяющую роль играют техническое обеспечение и развитость ее инфраструктуры, научная обоснованность используемых методов. Это влечет за собой необходимость решения задач повышения достоверности результатов экспертных исследований и снижения объема субъективности, основанной на индивидуальном опыте эксперта. Движение к повышению достоверности результатов судебных экспертиз и исследований может обеспечить повышение доверия к заключению эксперта у всех сторон процесса.

Одним из направлений деятельности, предпринятым для решения указанных задач, является внедрение в практику судебно-экспертной деятельности принципов и методов метрологии, статистики, системы менеджмента качества, подтверждение технической компетентности судебно-экспертных лабораторий в соответствии со стандартом², проверку которого проводит независимый орган по аккредитации лабораторий.

¹ Судебно-экспертная лаборатория – универсальный термин, используемый для названия любой структурной единицы системы государственных судебно-экспертных учреждений и негосударственных экспертных организаций, вне зависимости от ведомственной принадлежности.

² Имеется в виду межгосударственный стандарт ГОСТ ISO/IEC 17025-2019 «Общие требования к компетентности испытатель-

Согласно п. 7.7.1 Стандарта: «Лаборатория должна иметь процедуру для мониторинга достоверности результатов. Полученные данные должны регистрироваться таким образом, чтобы можно было выявить тенденции и там, где это практически возможно, применить статистические методы для анализа результатов. Такой мониторинг должен планироваться и его результаты должны анализироваться» [2, с. 73]. Одним из составляющих элементов деятельности лаборатории, влияющим на достоверность результатов экспертных исследований, и который необходимо контролировать, является использование стандартных образцов или образцов контроля качества.

Например, в судебной экспертизе маркировочных обозначений транспортных средств (МО ТС) в качестве образцов для сравнения используются фотоизображения и описания промаркированных объектов. При этом факторы, которые требуется контролировать для судебной экспертизы МО ТС, выражаются через систему общих и частных признаков: материал объекта, на котором наносятся МО, размеры, покрытие, положение, взаиморасположение с другими деталями ТС (в том числе маркируемыми), способ нанесения МО, смысловое содержание МО, наличие фирменных знаков, дата производства и некоторые другие. Таким образом, чем более подробно будет описан такой объект, тем выше достоверность образца, соответственно будущих сравнений.

Рассматривая процесс дифференциации знаний в области судебной экспертизы, Т. В. Аверьянова отмечала, что она «осуществляется по всем элементам цепочки: предмет – объект – задача – методы экспертного исследования» [1, с. 137], и как следствие этого – отражение и в общей, и в частных теориях родов экспертиз. Примером такого прогностического вывода является в настоящее время формируемая частная теория стандартизации в судебно-экспертной деятельности (ЧТС СЭД). Система этой частной теории включает в себя и указанные элементы цепочки, которые перенося на современную модель теории судебной экспертизы – судебную экспертологию, охваты-

ных и калибровочных лабораторий», принятый в качестве базового стандарта при аккредитации судебно-экспертных лабораторий.

ваются разделом «Судебно-экспертные технологии», и вместе с тем, вплетаются в ткань теоретических, правовых и организационных составляющих науки и судебно-экспертной деятельности.

Выводы из данного исследования. Сформулированные профессором Т. В. Аверьяновой научные положения об интеграции и дифференциации знаний в теории судебной экспертизы и судебно-экспертной деятельности получают свое подтверждение при внедрении механизмов стандартизации и формировании частной теории стандартизации в судебно-экспертной деятельности.

Список источников

1. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. М. : Норма, 2009. 480 с.
2. Болдырев И. В. ИСО/МЭК 17025:2017. Практические рекомендации по применению. СПб : Профессия, 2018. 128 с.
3. Смирнова С. А., Колдин В. Я. Судебно-экспертные технологии : современный облик и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. Том 14. № 4. С. 137–144.
4. Чеснокова Е. В. [и др.] Современные методы экспертного исследования маркировочных обозначений транспортных средств / Е. А. Китайгородский, В. Е. Чесноков, Е. В. Чеснокова // Методические рекомендации. М. : ЭКЦ МВД России, 2009. 48 с.

References

1. Averyanova T. V. Forensic examination. Course of general theory / T. V. Averyanova. M. : Norma, 2009. 480 p.
2. Boldyrev I. V. ISO/IEC 17025:2017. Practical recommendations for use. St. Petersburg : Profession, 2018. 128 p.
3. Smirnova S. A., Koldin V. Ya. Forensic technologies: modern appearance and prospects // Theory and practice of forensic examination. 2019. Volume 14. № 4. P. 137–144.
4. Chesnokova E. V. [et al.] Modern methods of expert research of marking designations of vehicles / E. A. Kitaygorodsky, V. E. Chesnokov, E. V. Chesnokova // Methodological recommendations. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 48 p.

Информация об авторе

Е. В. Чеснокова – заместитель заведующего отделом научно-методического обеспечения производства экспертиз в системе СЭУ Минюста России Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Information about the author

E. V. Chesnokova – Deputy Head of the Forensic Research Methodology Department of the Russian Federal Center for Forensic Examination under the Ministry of Justice of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 04.04.2021; одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 17.01.2022.

The article was submitted 04.04.2021; approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 17.01.2022.

Научная статья
УДК 343.98.063
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-210-214>
НИОН: 2015-0066-1/22-238
MOSURED: 77/27-011-2022-01-437

К вопросу об интеграции современных технологий при выявлении следов рук на месте пожара

Михаил Александрович Четвергов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, chetvergovma@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования современных методов выявления и последующего исследования потожировых следов рук, обнаруженные на месте пожара. Предлагаются конкретные методы выявления следов рук на местах пожаров, а также сформулированы положительные результаты применения данных методов.

Ключевые слова: дактилоскопия, дактилоскопическая экспертиза, обнаружение, фиксация и изъятие следов рук, осмотр места происшествия по факту пожара, идентификация личности, методы выявления следов рук

Для цитирования: Четвергов М. А. К вопросу об интеграции современных технологий при выявлении следов рук на месте пожара // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 210–214. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-210-214>.

Original article

On the issue of the integration of modern technologies in the identification of handprints at the site of a fire

Mikhail A. Chetvergov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, chetvergovma@mail.ru

Abstract. The issues of the use of modern methods for detecting and subsequent investigation of the potogir handprints found at the fore site are considered. Specific methods for detecting handprints at fire sites are proposed, as well as positive results of using these methods are formulated.

Keywords: fingerprinting, fingerprint examination, detection, fixation and removal of handprints, inspection of the scene of a fire, identification of an individual, methods of detecting handprints

For citation: Chetvergov M. A. On the issue of the integration of modern technologies in the identification of handprints at the site of a fire. Bulletin of economic security. 2022;(1):210–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-210-214>.

В 21 веке, как никогда раньше, огромное значение приобретают интеграционные процессы, происходящие во всех странах и в различных сферах деятельности. Современные технологии и техника позволяют оперативно реагировать на вызовы, с которыми приходится сталкиваться правоохранительным органам.

Успех раскрытия и расследования преступлений зависит от грамотного и полного осмотра места происшествия, обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимых вещественных доказательств, к которым в первую очередь относятся следы рук – одни из основных носителей информации

о лице, совершившим преступление, сопряженное с поджогом.

Наиболее вероятными местами обнаружения следов рук на месте пожара являются гладкие поверхности стеклянных, керамических и металлических изделий. Следы рук на месте пожара могут быть обнаружены (выявлены) на следующих объектах:

- предметы, расположенные на пути подхода и ухода преступника (оконные стекла, дверное полотно, мебель и т. д.);
- места проникновения в помещение и преодоления преград (дверь, окно, чердак, пролом в стене, потолке, заборе и т. д.);

© Четвергов М. А., 2022

– детали мебели, которых мог касаться преступник (например, в поисках ценностей);

– поверхности предметов, которые преступник мог держать в руках (орудия преступления, инструменты, предметы вещной обстановки и т. д.);

– поверхности самодельных или комбинированных технических устройств (самодельных зажигательных устройств, самодельных взрывных устройств или их остатков, устройств для приведения в действие средств поджога);

– поверхности пультов управления системами звукового оповещения и активации средств организации эвакуации, автоматического управления пожаротушением, автоматической пожарной сигнализации и т. п. при несанкционированном отключении систем безопасности.

Порядок проведения осмотра и поиска следов рук зависит главным образом от вида объекта, подлежащего осмотру, его состояния после пожара (степени разрушения, загрязнения посторонними веществами), а также от выдвинутых версий о причине пожара.

В настоящее время проводятся исследовательские работы по совершенствованию методических основ обнаружения следов рук на местах пожаров и определению наиболее эффективных методов их выявления, фиксации и изъятия, в том числе с учетом влияния разрушающих факторов [1].

Исследования показывают, что следы рук способны сохраниться в условиях пожара и при грамотном подходе к их выявлению могут быть пригодны для последующей идентификации.

Так, в работе, посвященной исследованию сохранности следов рук на предметах из жаропрочных материалов после воздействия высоких температур, приведен метод их выявления с помощью металлоорганических соединений (хроморганической жидкости М-1, нагреваемой до температуры разложения). Пары вещества, осаждаясь на поверхности объекта, вступают во взаимодействие с компонентами потожирового вещества – хлоридами натрия и калия, позволяя контрастно выявляться папиллярным узорам [2].

Следы рук могут сохраняться в условиях термического воздействия под наслоением копоти, и в дальнейшем быть пригодными для идентификации [4].

Для обнаружения следов рук под слоем копоти необходимо предварительно расчистить поверхность щадящими способами: дактилоскопической кистью с мягким ворсом с использованием силиконовых паст и компаундов, растворов гидроксида натрия, ультразвуковой ванны, путем окислительного отжига жаростойких материалов в муфельной печи и др. После этого их можно выявлять с помощью дактилоскопических порошков, паров цианакрилата, раствора черного Судана, мелкодисперсных порошков и физических проявителей и др. [5].

В зарубежной литературе имеется ряд публикаций, которые посвящены проблеме поиска и выявления следов рук на местах пожара.

Например, в работе австралийских ученых, которая проведена в 2016 году. Для установления влияния температуры на следы рук были проведены модельные эксперименты.

Обработка следов рук производилась одинаковыми средствами (порошок алюминия, черный магнитный порошок, суспензия черного магнитного порошка и пары цианакрилата с последующим контрастированием красителем Basic Yellow). Полученный результат свидетельствует, что большая часть следов сохраняется при нагревании до температуры 300 °С, свыше 450 °С, вероятность найти пригодный для идентификационного исследования след существенно снижается.

В Индии в 2013 году проведена серия опытов по выявлению следов рук на стекле, алюминиевой фольге, белой и черной керамике, металлических ложках и консервных банках после воздействия на материалы температуры 100–900 °С. Для выявления следов рук применяли флуоресцентные мелкодисперсные проявители на основе карбоната цинка с добавлением эозинов В и Y (красители, используемые в гистологии для окраски клеток).

Индийскими учеными разработана собственная 10-балльная шкала оценки качества выявленных следов, в которой 10 – это четкий след, идеального качества, а 0 – след в виде сплошного пятна (табл. 1). Объекты с потожировыми следами рук выдерживали в муфельной печи около 60 мин (для имитации наслоения сажи в печь также помещали куски бумаги), а после извлечения орошали водой для имитации тушения пожара и последующей очистки от наслоений сажи.

В научной статье Dr. Silke M. C. Brodbeck, MD, рассматривается проблема работы специалиста при осмотре мест происшествий, связанных с пожарами. Данная проблема заключается в том, чтобы найти нетронутые следы под сажей, ведь огонь является химической реакцией окисления, которая является экзотермической. В местах, где кислорода слишком мало для полного сгорания, образуется сажа [5].

Сажа может покрыть следы и создать физический барьер между следами и человеческим глазом. Человеческий глаз не может видеть следы под сажей из-за ее темного цвета. Ошибочное представление о том, что все следы уничтожаются при пожаре, можно ознакомиться в статье, опубликованной в 1998 году Экертом, Джеймсом и Катчисом [6].

Методы очистки поверхности от сажи с помощью жидкостей (например, воды) изменяют поверхность и, как правило, уничтожают следы, находящиеся под сажей. Решение этой проблемы было представлено

Таблица 1

Оценка качества выявленных следов на различных поверхностях при воздействии температуры

Поверхность	T, °C	Качество следа	Поверхность	T, °C	Качество следа
Стекло	100	10	Черная керамическая плитка	100	10
	200	10		200	10
	300	9		300	10
	400	9		400	7
	500	9		500	6
	600	5		600	4
	700	5		700	1
	800	1		800	0
	900	0		900	0
Алюминиевая фольга	100	10	Консервная банка	100	9
	200	9		200	9
	300	9		300	7
	400	7		400	7
	500	7		500	2
	600	4		600	0
	700	1		700	0
	800	0		800	0
	900	0		900	0
Белая керамическая плитка	100	6	Металлическая ложка	100	9
	200	5		200	7
	300	5		300	6
	400	3		400	5
	500	1		500	1
	600	0		600	1
	700	0		700	0
	800	0		800	0
	900	0		900	0

Ларкином, Маршем и Ларриганом (Нью-Скотланд-Ярд, ГБ) в 2006 [8; 9].

Суть метода заключается в использовании жидкого латекса для уменьшения количества сажи на объектах. Исторически данный метод следует процедуре удаления пятен крови с больших площадей, которая была описана Хансом Гроссом [10].

Жидкий латекс – это материал, который часто используется для изготовления форм и формованных участков, например, в ремесленных работах или в производстве латексной одежды. Это жидкость, которая высыхает за короткое время и после высыхания превращается в эластичную пленку, которую можно легко отделить с поверхности. Жидкий латекс механически соединяется с сажой, а когда его вытягивают с поверхности, он удаляет верхние слои сажи. Преимуществом этого метода является сохранение следов рук. После удаления верхних слоев копоти, можно увидеть, как сажа прилипает к папиллярным узорам рук, и дальнейшая обработка не требуется.

До техники жидкого латекса стандартом являлось использование литейного материала. Недостатками литейного материала являются пастообразная консистенция и высокая цена, что делает использование литейного материала неэкономичным и трудоемким для больших участков исследования. Поиск новой техники Ларкин и др. стал результатом случая, когда в реке Темзе было найдено расчлененное тело. В связи с похищением существовало подозрение, что жертва находилась в сожженной квартире. Ранения жертвы указывали на то, что произошло кровотечение, поэтому они искали метод обследования таких участков, как стены в сожженной квартире.

Небольшие предметы можно погрузить в латекс. Это удобно для предметов, которые можно исследовать в лабораторных условиях. Важно, чтобы оставшаяся часть использованной жидкости была удалена перед изучением других вещественных доказательств, чтобы предотвратить их последующее загрязнение возможными остатками ДНК-профилями

других участников пожара. Чем толще слой латекса, тем больше время высыхания, которое может варьироваться от нескольких минут до нескольких часов. Время высыхания зависит от используемой жидкости и толщины слоя.

Проведенные нами эксперименты по выявлению следов рук на различных поверхностях после термического воздействия позволили сделать несколько выводов:

- возможность многократного использования латекса;
- небольшая себестоимость данного метода;
- разнообразие различных латексов;
- сохранение ДНК-профиля после применения латекса.

Необходимо отметить, что предметы, на которых вероятно обнаружение следов рук, одновременно могут являться объектами исследования пожарно-технической экспертизы; исследование ДНК; исследование взрывчатых веществ, промышленных и самодельных устройств, содержащих взрывчатые вещества, их отдельных элементов, макетов, муляжей, остатков после срабатывания и следов взрыва; экспертизы материалов, веществ и изделий и др.

Согласованная работа экспертов разных специальностей при проведении комплексной экспертизы при исследовании различных объектов, изъятых с мест пожара, позволит максимально полно получить значимую информацию о месте пожара для дальнейшего использования в качестве доказательственной базы в рамках раскрытия и расследования данной категории дел.

Список источников

1. Донцова Ю. А. Актуальные проблемы теории и практики криминалистического исследования следов рук // В сборнике : Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием, В 3 ч. отв. ред. А. В. Рубцова, М. С. Коган. СПб., 2020. С. 47–49.
2. Туманов А. А., Шахверди Н. М., Сидоренко А. Н., Сергеев П. Г. Выявление следов рук на предметах из жаропрочных материалов после воздействия высоких температур // Экспертная практика. М. : ЭКЦ МВД России, 1978. № 12.
3. Четвергов М. А., Беляев М. В. К вопросу о выявлении следов рук на стреляных пулях и гильзах // В сборнике : Интерполитех-2017. Сборник материалов выставки средств обеспечения безопасности государства. 2017. С. 65.
4. Зернов С. И. Задачи пожарно-технической экспертизы и методы их решения : учебное пособие. М. : ГУ ЭКЦ МВД России, 2001.
5. Dr. Silke M. C. Brodbeck, MD. The Latex Lifting Method for the Recovery of Blood, DNA, and Dermal

Ridge Evidence in Arson Cases / Journal of Bloodstain Pattern Analysis // Vol. 27, No. 4. December 2011. P. 3–7.

6. Eckert W.G., James S., Katchis S. Investigation of Cremations and Severely Burned Bodies, American Journal of Forensic Medicine and Pathology, Vol. 9, No. 3, September 1988, P. 180–200.

7. James S. H., Kish P. E., Sutton T. P. Principles of Bloodstain Pattern Analysis – Theory and Practice, CRC Press, ISBN 0-8493-2014-3, P. 200–205.

8. Larkin T. P. B. A Case Study of a Dismemberment Homicide Scene Subjected to an Arson Attack – Soot Removal Techniques for BPA and Fingerprint Examination, I.A.B.P.A. Newsletter, December 2006, P. 20.

9. Larkin T. P. B., Marsh N. P., Larrigan P. M., Using Liquid Latex to Remove Soot to Facilitate Fingerprint and Bloodstain Examinations : A Case Study, Journal of Forensic Identification, 544 / 58 (5), 2008, P. 540–550.

10. Gross H., Handbuch für Untersuchungsrichter als System der Kriminalistik, Bd. 2, J. Schweizer Verlag, München, 4. Auflage, P. 118–119.

References

1. Dontsova Yu. A. Actual problems of the theory and practice of forensic investigation of handprints // In the collection: SPbPU Science Week. Materials of the scientific conference with international participation, In 3 hours. ed. A. V. Rubtsov, M. S. Kogan. SPb., 2020. P. 47–49.
2. Tumanov A. A., Shakhverdi N. M., Sidorenko A. N., Sergeev P. G. Identification of handprints on objects made of heat-resistant materials after exposure to high temperatures // Expert practice. M. : ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1978. No. 12.
3. Chetvergov M. A., Belyaev M. V. On the issue of identifying handprints on spent bullets and shell casings // In the collection: Interpoltech-2017. Collection of materials of the exhibition of means of ensuring the security of the state. 2017. P. 65.
4. Zernov S. I. Tasks of fire-technical examination, and methods of their solution : a tutorial. M. : state forensic science center of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2001.
5. Dr. Silke M. C. Brodbeck, MD. The Latex Lifting Method for the Recovery of Blood, DNA, and Dermal Ridge Evidence in Arson Cases / Journal of Bloodstain Pattern Analysis // Vol. 27, No. 4. December 2011. P. 3–7.
6. Eckert W.G., James S., Katchis S. Investigation of Cremations and Severely Burned Bodies, American Journal of Forensic Medicine and Pathology, Vol. 9, No. 3, September 1988, P. 180–200.

7. James S. H., Kish P. E., Sutton T. P. Principles of Bloodstain Pattern Analysis – Theory and Practice, CRC Press, ISBN 0-8493-2014-3, P. 200–205.

8. Larkin T. P. B. A Case Study of a Dismemberment Homicide Scene Subjected to an Arson Attack – Soot Removal Techniques for BPA and Fingerprint Examination, I.A.B.P.A. Newsletter, December 2006, P. 20.

9. Larkin T. P. B., Marsh N. P., Larrigan P. M., Using Liquid Latex to Remove Soot to Facilitate Fingerprint and Bloodstain Examinations : A Case Study, Journal of Forensic Identification, 544 / 58 (5), 2008, P. 540–550.

10. Gross H., Handbuch für Untersuchungsrichter als System der Kriminalistik, Bd. 2, J. Schweizer Verlag, München, 4. Auflage, P. 118–119.

Информация об авторе

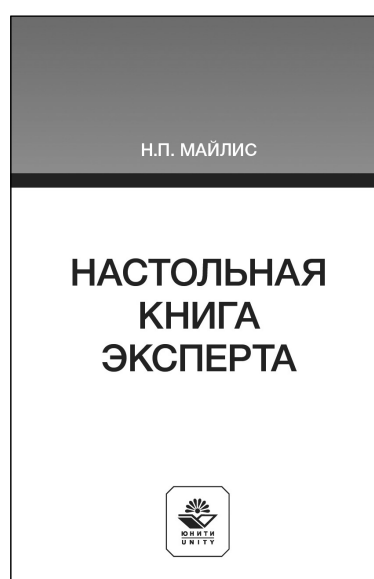
М. А. Четвергов – преподаватель кафедры оружейведения и трасологии УНК судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

M. A. Chetvergov – Lecturer of the Department of Weapons Science and Tracology of the UNC of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 09.07.2021; одобрена после рецензирования 12.01.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 09.07.2021; approved after reviewing 12.01.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Настольная книга эксперта. Майлис Н. П. Монография. 287 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ судебной экспертизы и исследований.

Изложены истоки формирования и развития судебной экспертизы, основные теоретические понятия.

Рассмотрены вопросы формирования теории идентификации и диагностики в судебной экспертизе, современная классификация судебных экспертиз и перспективы их развития, субъекты судебно-экспертной деятельности и ее правовое обеспечение. В соответствии с процессуальным уголовным, гражданским, арбитражным законодательством и Кодексом об административных правонарушениях рассмотрены виды назначаемых экспертиз, особенности проведения комплексных экспертиз, информационное обеспечение судебно-экспертной деятельности и отдельных видов экспертиз, а также экспертная этика как важная составляющая профессиональной деятельности. Должное внимание уделено экспертным ошибкам и подготовке судебных экспертов.

Для аспирантов (адъюнктов), студентов, преподавателей высших учебных заведений, практических работников, назначающих судебные экспертизы, и специалистов, которые их проводят, а также широкого круга читателей, проявляющих интерес к криминалистике и судебной экспертизе.

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-215-219>

НИОН: 2015-0066-1/22-239

MOSURED: 77/27-011-2022-01-438

К вопросу о функциональной характеристике правозащитного типа профессионального правосознания

Олег Валерьевич Чикалов

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Выделяются характерные структурные и содержательные особенности правозащитного типа профессионального правосознания, устанавливается его связь с правозащитной деятельностью субъектов права.

Ключевые слова: аксиологическая матрица, классификация, логическая матрица, правозащитная деятельность, профессиональное правосознание, тип, типология

Для цитирования: Чикалов О. В. К вопросу о функциональной характеристике правозащитного типа профессионального правосознания // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 215–219. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-215-219>.

Original article

To the question of functional characteristics human rights type professional legal consciousness

Oleg V. Chikalov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The characteristic structural and substantive features of the human rights type of professional legal consciousness are highlighted, its connection with the human rights activities of subjects of law is established.

Keywords: axiological matrix, classification, logical matrix, advocacy, professional legal consciousness, type, typology

For citation: Chikalov O. V. To the question of functional characteristics human rights type professional legal consciousness. Bulletin of economic security. 2022;(1):215–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-215-219>.

Начиная проведение функционального анализа правозащитного типа профессионального правосознания, важно указать, что определяющее значение в реализации им отражающе-преобразующей активности имеет «познавательная» группа функций. Комплементарным значением обладает «информационная» группа функций. Данным обстоятельством обусловлено то, что процесс осуществления правозащитного типа профессионального правосознания состоит из следующих стадий: «когнитивной», в рамках которой доминирующим значением обладают функции «познавательной» группы; «информационной», в рамках которой доминирующим значением обладают функции «информационной» группы. Внешний полиморфизм и внутренняя сложность предмета воздействия отражаются на специфике реализации правозащитного вида профессиональной юридической деятельно-

сти. Контент-анализ научной литературы по проблематике исследования позволил выделить следующие основные формы осуществления правозащитного вида профессиональной юридической деятельности: (1) «адаптационную» – реализующуюся в деятельности по манифестации социально-правовых запросов через использование предоставленных действующим законодательством правовых средств представителями институтов гражданского общества, с целью установления диалога с органами государственной (муниципальной) власти в целях предоставления новых категорий прав, свобод и законных интересов граждан, не предусмотренных действующим законодательством. Так, в соответствии со ст. 31 Конституции Российской Федерации, российские граждане имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикети-

© Чикалов О. В., 2022

рование [1]; (2) «компенсационную» – реализующуюся в деятельности уполномоченных государственных (муниципальных) органов, а также институтов гражданского общества по осуществлению юридических процедур, направленных на восстановление нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан, предусмотренных действующим законодательством, но ввиду тех или иных условий не соблюдающихся, нарушающихся. Так, в соответствии со ст. 33 Конституции Российской Федерации, российские граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [2]. В свете вышеизложенного, представляется целесообразным выделить в рамках функционального анализа правозащитного типа профессионального правосознания следующие модулы его реализации: (1) «содержательный», в рамках которого реализуется «адаптационная» форма осуществления правозащитной деятельности; (2) «формальный», в рамках которого реализуется «компенсационная» форма осуществления правозащитной деятельности.

Переходя к рассмотрению «содержательного» модуля реализации правозащитного типа профессионального правосознания, необходимо отметить, что объектом его отражающе-преобразующей активности является социальная жизнь, представленная как спектр общественных процессов правообразования в определенный интервал «исторического» времени, который перманентно осуществляется под воздействием различных социальных факторов, в процессе складывания новых форм заинтересованного практического взаимодействия, в рамках которого индивидуумы и их общности приходят к осознанию и обозначению своих возможностей (правомочий) и своих обязанностей по отношению друг к другу [3]. В этой связи, целевой установкой «содержательного» модуля реализации правозащитного типа профессионального правосознания становится «социальная», содержанием которой являются социально-правовые потребности (интересы) всего общества или его сегмента, возможность удовлетворения которых в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений ограничена и (или) невозможна.

Когнитивная стадия осуществления «содержательного» модуля реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в установлении конкретных правовых потребностей граждан в рамках социальной жизни. Рассматриваемая стадия включает в себя следующие этапы: (1) «эмпирический»; (2) «гносеологический».

Эмпирический этап рассматриваемой стадии состоит в установлении путем непосредственной (опосредованной) регистрации фактической социально-

правовой ситуации, являющейся секвенционной по отношению к проводимой государством правовой политике в социальном секторе общественной жизни. В рамках рассматриваемого этапа актуализируется «отражательная» функция правозащитного типа профессионального правосознания, состоящая в сборе статических и фактических сведений об основных процессах, протекающих в экономической, политической, правовой и иных актуальных для правового нормирования сферах общественной жизни.

Гносеологический этап данной стадии состоит:

– во-первых, в выделении правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента, возможность удовлетворения которого невозможна (ограничена) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений;

– во-вторых, в артикуляции конкретного социально-правового запроса к органам государственной (муниципальной) власти, с целью преодоления существующих ограничений возможности удовлетворения искомого правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента.

В рамках рассматриваемого этапа актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

– «познавательная», состоящая в выявлении правовых интересов (потребностей) всего общества (его сегмента), составляющих его правовую жизнь, которые не регламентированы действующей системой позитивного права и не гарантированы действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

– «моделирующая», состоящая в подготовке ментального проекта социально-правового запроса к органам государственной (муниципальной) власти.

Итогами гносеологического этапа «содержательного» модуля функционирования правозащитного типа профессионального правосознания являются: (1) установление содержания правового интереса (потребности) всего общества или его сегмента; (2) артикуляция социально-правового запроса всего общества или его сегмента к органам государственной (муниципальной) власти, с целью преодоления существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Информационная стадия осуществления «содержательного» модуля реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в подготовке ментального проекта манифестации в форме, не противоречащей действующего законодательству, сформированного в рамках когнитивной

стадии социально-правового запроса всего общества или его сегмента к органам государственной (муниципальной) власти, направленного на преодоление существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений. Так, по справедливому замечанию В. В. Степаняна, функционирование механизма выражения интересов в праве начинается с осознания компетентным государственным органом некоторого юридически значимого интереса. «Правильное осознание общественных, коллективных и индивидуальных интересов – необходимое, но еще недостаточное условие научно объективного и эффективного правотворчества. После осознания интереса правотворческий орган должен решить вопрос о том, нуждается ли данный интерес в правовом опосредовании» [3].

В рамках рассматриваемой стадии актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

– «коммуникативная», состоящая в инициировании правовой коммуникации между обществом или его сегментом (представленным конкретными институтами гражданского общества) и государством (представленным органом государственной (муниципальной) власти) путем манифестации социально-правового запроса всего общества или его сегмента перед органами государственной (муниципальной) власти.

– «идеологическая», состоящая в агитировании заинтересованных в удовлетворении правового интереса (потребности) кругов населения, а также в формировании правосознания, провозглашения культуры современного демократического общества.

Итогом гносеологического этапа «содержательного» модуса правозащитного типа профессионального правосознания являются: (1) манифестация сформулированного в рамках когнитивной стадии социально-правового запроса всего общества или его сегмента к органам государственной (муниципальной) власти, направленного на преодоление существующего запрета (ограничения) возможности удовлетворения конкретного правового интереса (потребности) в условиях действующего государственно-правового механизма регулирования общественных отношений; (2) подготовка ментального проекта вовлечения в «борьбу за право» заинтересованных в удовлетворении правового интереса (потребности) кругов населения.

Интегральным итогом, осуществления «содержательного» модуса осуществления правозащитного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта преодоления общего противоречия между правовыми потребностями (ин-

тересами) всего общества или его сегмента и государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, которое проявляется в форме ограничения (запрета) на возможность осуществления субъектами правореализационной деятельности конкретной группы общественных отношений, составляющих их правовую жизнь и жизненный интерес.

Представляется целесообразным перейти к рассмотрению «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания. Объектом отражательно-преобразующей активности последнего являются частные противоречия между правовыми потребностями (интересами) субъектов правореализационной деятельности, возможность реализации которых гарантирована действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, и фактическим функционированием последнего, которые проявляются в форме конкретных нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в деятельности органов государственной (муниципальной) власти, а также их должностных лиц. Необходимо подчеркнуть, что общей целевой установкой «формального» модуса реализации рассматриваемой субформы профессионального правосознания является «частно-юридическая», направленная на узкий аспект системы позитивного права, выражающийся в конкретном противоречии между процедурно-процессуальным порядком предоставления доступа к реализации субъектом общей правоспособности права и фактическим функционированием государственно-правового механизма регулирования общественных отношений в данной сфере, выражающееся в необоснованном ограничении (запрете) доступа к реализации такового. Важно отметить, что процесс его реализации состоит из двух стадий: (1) когнитивной; (2) информационной.

Процесс осуществления «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит:

– во-первых, в установлении соответствия (несоответствия) обжалуемой деятельности органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица требованиям процедурно-процессуальной формы порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности, установленной предписаниями актов действующего позитивного права;

– во-вторых, в поиске подтверждений (опровержения) конкретных нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, гарантированных действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, допущенных в обжалуемых действиях или решениях

органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

В рамках когнитивной стадии актуализируются следующие функции правозащитного типа профессионального правосознания:

– «интерпретационная», состоящая в выявлении юридического смысла нормативного предписания акта действующего позитивного права, устанавливающего процедурно-процессуальную форму порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности;

– «оценочная», состоящая в сравнительном соотнесении юридического смысла предписания, установленного в рамках реализации «интерпретационной» функции, с обжалуемыми действиями или решениями органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица, изложенными в жалобе, с целью установления соответствия (несоответствия) между ними.

Итогом когнитивной стадии осуществления «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания являются: (1) установление соответствия (несоответствия) между обжалуемыми действиями или решениями органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица, изложенными в жалобе, и процедурно-процессуальной формой порядка предоставления доступа к реализации права субъектом общей правоспособности, установленной предписаниями актов действующего позитивного права; (2) подтверждение (опровержение) наличия факта конкретного нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, гарантированных действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений, допущенных в обжалуемых действиях или решениях органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

Информационная стадия осуществления «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания состоит в подготовке ментального проекта требования к органу государственной (муниципальной) власти, допустившему нарушение либо к курирующему его деятельность вышестоящему государственному органу:

– во-первых, об устранении неправомерного запрета (ограничения) субъекту общей правоспособности на доступ к реализации права, гарантированному действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

– во-вторых, об устранении последствий нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, причиненных неправомерным действием или решением органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

В рамках информационной стадии актуализируется «коммуникативная» функция правозащитного типа профессионального правосознания, состоящая в направленности установление правовой коммуникации в форме официального обращения (запроса, требования) с органом государственной (муниципальной) власти, допустившим осуществление неправомерных действий или принятие незаконного (необоснованного) решения или с курирующим его деятельность вышестоящим государственным органом.

Итогом информационной стадии осуществления «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания является ментальный проект официального обращения (запроса, требования), обращенного к органу государственной (муниципальной) власти, допустившему осуществление неправомерных действий или принятие незаконного (необоснованного) решения или к курирующим деятельность такового вышестоящему государственному органу:

– во-первых, об устранении неправомерного запрета (ограничения) субъекту общей правоспособности на доступ к реализации права, гарантированному действующим государственно-правовым механизмом регулирования общественных отношений;

– во-вторых, об устранении последствий нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, причиненных осуществлением неправомерного действия или принятием незаконного (необоснованного) решения органом государственной (муниципальной) власти, а также его должностным лицом.

Интегральным итогом осуществления «формального» модуса реализации правозащитного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта преодоления частного противоречия между правовыми потребностями (интересами) конкретного субъекта правореализационной деятельности и функционированием государственно-правового механизма регулирования общественных отношений, которое проявляется в форме конкретного нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, допущенного в рамках осуществления неправомерных действий или принятия незаконных (необоснованных) решений органа государственной (муниципальной) власти, а также его должностного лица.

Таким образом, резюмируя итоги функционального анализа правозащитного типа профессионального правосознания, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы: (1) специфика функционирования «содержательного» модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается в смысловом переходе от содержания правовой потребности (интереса) всего

общества или его сегмента к ментальному проекту социально-правового запроса на реформирование государственно-правового механизма регулирования общественных отношений; (2) специфика функционирования «формального» модуля реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается в смысловом переходе от содержания конкретной жалобы субъекта правореализационной деятельности к ментальному проекту официально обращения (запроса, требования) об устранении частного дефекта функционирования государственно-правового механизма регулирования общественных отношений.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11, ст. 1416.
2. Гревцов, Ю. И. Социология права = [микроформа] : Sociology of law : Курс лекций / Ю. И. Грев-

цов; Ассоц. юрид. центр, Юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. М. : РГБ, 2003. 310 с.

3. Степанян, В. В. Значимые для правотворчества интересы и их отражение в советском праве // Советское государство и право. М. : Наука, 1977, № 2. С. 121–125.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a popular vote on December 12, 1993 (adopted by a popular vote on 12.12.1993 with the changes approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, dated December 30, 2008 No. 7-FKZ, dated February 05, 2014 No. 2-FKZ, dated 21.07.2014 No. 11-FKZ, dated 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 11, Art. 1416.
2. Grevtsov, Yu. I. Sociology of law = [microform] : Sociology of law: A course of lectures / Yu. I. Grevtsov ; Assoc. jurid. center, Jurid. fac. St. Petersburg. state unth. M. : RSL, 2003. 310 p.
3. Stepanyan, V. V. Interests significant for lawmaking and their reflection in Soviet law // Soviet state and law. M. : Nauka, 1977, No. 2. P. 121–125.

Информация об авторе

О. В. Чикалов – научный сотрудник отдела изучения положительного опыта в служебной деятельности ОВД и обеспечения научного сотрудничества управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the author

O. V. Chikalov – Researcher of the Department for the Study of Positive experience in the work of the Department of Internal Affairs and Ensuring Scientific cooperation of the Department for the Organization of Scientific and Editorial and Publishing Activities of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 346.52

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-220-228>

НИОН: 2015-0066-1/22-240

MOSURED: 77/27-011-2022-01-439

Элементы системы снабжения энергетическими ресурсами как правовые категории

Игорь Иванович Шувалов

Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», Москва, Россия, pr_shuvalova@veb.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме разделения этапов снабжения энергетическими ресурсами потребителей: добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, оборота и использования. Будучи разграничены в технологическом смысле, эти элементы нуждаются и в разграничении в смысле юридическом. В данной статье обоснована необходимость их четкого разделения и предложения по определению юридических границ их переработки, поставки, транспортировки, производства и добычи. В частности, ставится вопрос о юридической квалификации утилизации и сжигания попутного нефтяного газа. Автором также ставится вопрос о необходимости более четкого разграничения сфер действия публичного и частного права в сфере добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, оборота и использования энергетических ресурсов.

Ключевые слова: законодательство об энергоснабжении, нефть, газ, попутный газ, энергетические ресурсы, добыча полезных ископаемых, переработка, транспортировка энергетических ресурсов, законодательство о недрах

Для цитирования: Шувалов И. И. Элементы системы снабжения энергетическими ресурсами как правовые категории // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 220–228. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-220-228>.

Original article

Elements of the energy supply system as legal categories

Igor I. Shuvalov

State Development Corporation «VEB.RF», Moscow, Russia, pr_shuvalova@veb.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of separating the stages of energy supply to consumers: extraction (production), processing, storage, transportation, turnover and use. Being differentiated in the technological sense, these elements also need to be differentiated in the legal sense. This article substantiates the need for their clear separation and offers to define the legal boundaries of their processing, supply, transportation, production and extraction. In particular, the question is raised about the legal qualification of utilization and combustion of associated petroleum gas. The author also raises the question of the need for a clearer delineation of the spheres of public and private law in the field of extraction (production), processing, storage, transportation, turnover and use of energy resources.

Keywords: legislation on energy supply, oil, gas, associated gas, energy resources, mining, processing, transportation of energy resources, legislation on subsoil

For citation: Shuvalov I. I. Elements of the energy supply system as legal categories. Bulletin of economic security. 2022;(1):220–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-220-228>.

Значимость взаимосвязанных процессов добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, оборота и использования энергетических ресурсов как инструмента преодоления социально-

экономического кризиса иллюстрируется словами бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда В. Ф. Яковлева о том, что «удержать развал России помог каркас из труб, рельс и проводов» [1].

© Шувалов И. И., 2022

Взаимосвязанность этих процессов достаточно очевидна, тогда как их юридическое разделение необходимо, но достаточно сложно реализуемо.

По мнению Р. А. Курбанова и К. И. Налетова, отождествление энергетического законодательства с законодательством об электроэнергетике некорректно [2, с. 12]. В логический объем понятия «энергетика» ими включается весь комплекс отношений в сфере разведки, добычи (производства), хранения, переработки, оборота, транспортировки, распределения и потребления всех энергетических ресурсов – нефти, газа, угля, тепловой и электрической энергии, а также других видов энергетических ресурсов¹. Кроме того, следует отметить и то, что далеко не все самостоятельные в физическом смысле процедуры целесообразно выделять в отдельную категорию юридически. Так, отвечая на вопрос об обеспечении энергоэффективности как о юридически самостоятельной процедуре, составляющей самостоятельный предмет правового регулирования, названные авторы отказывают указанному виду деятельности в юридической самостоятельности, подчеркивая, что «...обеспечение энергоэффективности полностью поглощается понятием потребления энергии» [2, с. 14]. Действительно, энергосбережение предполагает сокращение количества используемых (т. е. потребляемых) энергоресурсов при условии сохранения соответствующего эффекта их использования (энергетической эффективности). Таким образом, тезис Р. А. Курбанова и К. И. Налетова о том, что правоотношения в сфере энергосбережения и энергоэффективности полностью поглощаются правоотношениями в области потребления энергетических ресурсов, имеет под собой объективную основу [3, п. 3 и 4 ст. 2].

Даже закрепленная действующим гражданским законодательством концепция энергии как исключительно имущественной категории товара находит своих противников [4, с. 26]. В пользу отрицания за энергией категории имущества А. С. Новиковой приводится отсутствие у энергии эквивалентной стоимости на практике и ее абсолютная незаменимость [5].

В качестве энергетических ресурсов выделяются как имеющие гражданско-правовой режим вещи нефть, газ, воду, так и не являющуюся вещью в физическом смысле электроэнергию в ситуации их обособления от однородных объектов, допускающей их индивидуализацию (например, нефть в цистерне, газ в баллоне, электроэнергия в аккумуляторе и т. п.) [6, с. 71].

Нестабильность правового режима энергетических ресурсов имеет свою основу, в том числе и в том, что правовое регулирование отношений в сфере их добычи (производства), переработки, хранения,

транспортировки, оборота и использования подчиняется нормам, принадлежащим к совершенно разным отраслям действующего законодательства.

Так, правовой режим ресурсов, содержащихся в недрах, основан на нормах публичного права, подчиняясь, прежде всего, положениям Закона РФ «О недрах». Соответственно, их разведка и добыча также регулируется этим нормативным актом. Отчуждение полезных ископаемых, содержащихся в подземном пространстве, юридически невозможно².

Одновременно с изъятием энергетических ресурсов из недр, их имущественный статус переходит в категорию объектов гражданского оборота. Энергетические ресурсы априори находятся в собственности государства, тогда как их извлечение из недр создает для них юридическую возможность находиться в любой форме собственности по условиям недропользовательской лицензии.

Согласно ч. 6 ст. 1 Закона РФ «О недрах» отношения, связанные с геологическим изучением и добычей отдельных видов минерального сырья, а также с захоронением радиоактивных отходов и токсичных веществ (что представляет собой хранение энергетических ресурсов и (или) их переработку), могут регулироваться иными законами федерального уровня при условии соблюдения принципов и положений, установленных этим законом. Например, ст. 10 и 12 Федерального закона «О газоснабжении» содержат правила отнесения месторождений газа к объектам федерального значения и особенности получения лицензии на участки недр федерального значения, содержащие газ. Аналогичная формула применяется и к отношениям по захоронению радиоактивных отходов и токсичных веществ, которые входят в сферу действия Федерального закона «Об использовании атомной энергии» (согласно ст. 4 данного закона). Недропользователями, осуществляющими добычу радиоактивных веществ (захоронение радиоактивных отходов и опасных отходов), могут быть исключительно российские юридические лица, имеющие лицензии не только на добычу полезных ископаемых, но и лицензию на соответствующий вид деятельности.

Следует обратить внимание на такой практический вопрос законодательства о недрах, как использование термина «минеральное сырье». Согласно ГОСТ «Минеральное сырье» – природные минеральные образования, извлеченные из недр земли в процессе эксплуатации месторождения полезных ископаемых [7]. Аналогичной трактовки придерживается Налоговый кодекс РФ, согласно которому минеральное сырье –

¹ Например, отходов горнодобывающих производств.

² В качестве исключения можно назвать разве что соглашение о разделе продукции, которое заключается в отношении еще не добытых полезных ископаемых.

порода, жидкость или иная смесь, фактически добытая (извлеченная) из недр (отходов, потерь). Таким образом, можно утверждать, что квалифицирующим признаком минерального сырья как энергетического ресурса является не его природные характеристики, но тот факт, что оно уже извлечено из недр.

Исходя из преамбулы Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» объектом этих соглашений может быть только такой вид энергетического ресурса как минеральное сырье. Очевидно, что и в данном случае критерием квалификации энергетического ресурса как минерального сырья является не его физические (химические) характеристики, а статус как извлеченного или не извлеченного из недр. В этой связи не вполне понятно, почему в ч. 6 ст. 1 Закона РФ «О недрах» предметом регулирования является именно «геологическое изучение и добыча» минерального сырья, которое представляет собой уже добытый объект.

Система российского права не выработала самостоятельного законодательства о добычи и разведке нефти. Поэтому разведка и добыча нефти осуществляется на основе общих норм Закона РФ «О недрах», регулирующего отношения по добыче всех полезных ископаемых на территории России. Проект федерального закона, предусматривающего специальные нормы правового регулирования в отношении добычи нефти, был принят еще Государственной Думой первого созыва и направлен в Совет Федерации [8], однако, учитывая его судьбу, шансов на его принятие практически не осталось. Тем не менее теоретическая возможность самостоятельного правового регулирования отношений, связанных с нефтяными ресурсами, Законом РФ «О недрах» все же предусмотрена – согласно ст. 1 данного закона отношения, связанные с геологическим изучением и добычей отдельных видов минерального сырья (в частности, нефти), могут регулироваться другими федеральными законами при условии соблюдения положений Закона РФ «О недрах».

Добыча драгоценных камней и металлов частично подпадает и под действие Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [9]. Данный закон закрепляет специфику определения собственника этих полезных ископаемых и предусматривает право преимущественного их приобретения органами государственной власти федерального и регионального уровня. Также названный нормативный акт ограничивает перечень лиц, имеющих право добычи драгоценных металлов и камней, российскими юридическими лицами. Под действие данного закона подпадают также отношения по государственному управлению добычей, переработкой, использованием и обращением драгоценными металлами и камнями.

Определенной спецификой обладает также добыча и использование угля – Федеральный закон от 20.06.1996 № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» [10]. Так, организации по добыче (переработке) угля (горючих сланцев) обязаны отчитываться перед Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору [11], представляя ей информацию производственно-технического и экономического характера, в том числе в области охраны труда и безопасности ведения горных работ. Также рассматриваемый закон закрепляет специфику долгосрочных договоров поставки угля, горючих сланцев и продукции переработки угля¹.

Согласно ст. 220 ГК РФ право собственности на любую вещь, которая изготовлена путем переработки не принадлежащего ему материала, принадлежит собственнику материала. Поскольку продуктом переработки является в данном случае сырая нефть, право собственности и на нефть и на попутный нефтяной газ (его составляющие) принадлежат по умолчанию договору между собственником нефти и попутного нефтяного газа собственнику нефти, он обязан возместить стоимость ее переработки. При этом абз. 2 п. 1 ст. 220 ГК РФ закрепляет правило о том, что при существенном превышении стоимости переработки материала стоимости самого материала право собственности переходит к лицу, переработавшему его для себя, но последнее обязано компенсировать собственнику материалов их стоимость. Впрочем, данные правила приобретения права собственности на продукт переработки нельзя назвать стабильными, так как они носят диспозитивный характер ввиду прямого указания на это в п. 1 и п. 2 ст. 220 ГК РФ – договором эти правила могут быть изменены на противоположные по смыслу.

Судебная практика отождествляет переработку с количественным и качественным изменением. Например, Верховный суд РФ в одном из своих определений указал, что обезвреживание и утилизация отходов не предполагают их полное уничтожение, а означает лишь их количественное или качественное изменение, что не влечет за собой прекращение права собственности на указанные вещи [12]. Аналогично и сжигание попутного газа в факелах

¹ Определения «долгосрочного» договора поставки действующее законодательство не содержит. Долгосрочные договоры поставки угля с организациями, осуществляющими добычу (переработку) угля (горючих сланцев), должны заключаться с обязательным включением в текст этих договоров условий, утвержденных Приказом Минтопэнерго РФ от 24.03.1997 № 86 «Об утверждении Типовых условий долгосрочных договоров поставки угля и (или) продукции его переработки».

предполагает полное уничтожение попутного газа и прекращение права собственности на него, тогда как его переработка подразумевает наступление последствий, предусмотренных положениями абз. 1 и 2 ст. 200 ГК РФ.

Конвенция CISG прямо исключает из сферы своего действия только договоры купли-продажи электроэнергии и договоры, которые предполагают наличие значительной роли «подрядного элемента». Очевидно, что квалификация договора поставки энергетических ресурсов в качестве договора оказания услуг или подряда, или даже признание его смешанным договором в случае наличия значительного объема обязательств по переработке поставляемого товара исключит применение к его положениям Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 года. Между тем, особенность энергетических ресурсов как предмета договоров поставки такова, что их поставка имманентна их переработке – настолько сложным является процесс отделения переработки энергетических ресурсов от их транспортировки и поставки. Даже экономическая и хозяйственная нецелесообразность выделения переработки газа в самостоятельный вид хозяйственной деятельности не является препятствием для развития переработки в качестве такового – государственное регулирование (в том числе законодательство) может иметь свое материальное основание в категориях, совершенно не связанных с экономической (хозяйственной) целесообразностью. Проблема правового положения переработки нефти и газа как раз и состоит в том, что данный процесс может представлять собой составную часть добычи нефти и газа и регулироваться в этом случае нормами законодательства о недрах и отчасти законодательства о газоснабжении, или являться составной частью поставки в том числе процессов транспортировки, хранения и распределения нефти и газа и подчиняться, соответственно, нормам гражданского законодательства.

Философское определение энергии еще со времен Аристотеля сближает ее в обыденном понимании с транспортировкой, поскольку определяет энергию как одно из условий движения материи¹ [13]. Небезынтересна в этой связи дискуссия об отождествлении договора энергоснабжения как договора перевозки и о трубопроводах как о виде транспорта (хотя российское законодательство относит их к энергетическим сетям).

Развитие альтернативных видов энергии все равно предполагает ее транспортировку и распре-

¹ Аристотелем понятие «энергии» противопоставлялось как категории «возможности», так и категории действительности, завершенности (энтелехия) и рассматривалось как процесс или движение к энтелехии.

деление в качестве своего рода *conditio sine qua non*². Следует также обратить внимание и на отсутствие юридического разграничения понятий «поставка» и «транспортировка», хотя очевидно, что договоры поставки и транспортировки принципиально разные по своей правовой природе. Применительно к сфере газоснабжения это особенно актуально. Как отмечают И. В. Гудков и П. Г. Лахно, Федеральный закон «О естественных монополиях» относит согласно ст. 4 транспортировку газа по магистральным трубопроводам к сфере деятельности естественных монополий, вместе с тем этот закон, аналогично Федеральному закону «О газоснабжении», не содержит определения транспортировки газа [14].

Учитывая включение в процедуру газоснабжения всей цепочки отношений, начиная от добычи газа и заканчивая доставкой его потребителям, это позволяет смешивать отношения по транспортировке газа с его поставкой, что некорректно с точки зрения того, что первичной задачей законодательства является адекватное отражение фактически сложившихся общественных отношений³.

Кроме того, очень распространен на практике договор на переток электрической энергии. Этот тип договора предполагает передачу от одной энергоснабжающей организации электрической энергии другой энергоснабжающей организации через присоединенную линию электропередачи. Таким образом, в данном случае сторонами договора являются исключительно энергоснабжающие организации, потребитель не может выступать стороной такого договора. На практике договор на переток энергии используется для целей оптимизации и распределения энергетических ресурсов.

Часто доставка энергетических ресурсов предвзрается их серьезной переработкой. Этот факт имеет не только фактическое, но и юридическое значение – договоры купли-продажи товаров, изготовление которых предполагается осуществить из материала, поставляемого покупателем.

Причем п. 1 ст. 3 Конвенции ООН «О договорах международной купли-продажи товаров» 1980 года отказывает в квалификации в качестве договоров купли-продажи даже в случае, когда речь идет о по-

² Досл. лат – «то без чего существование этого невозможно».

³ Разумеется, мы далеки от утверждения, о том, что законодательство должно быть эпигоном фактических общественных отношений, напротив, с его точки зрения задача законодательства состоит в преобразовании их с целью избежания отрицательных последствий в виде нарушения прав и законных интересов граждан. Однако в данной конкретной ситуации никаких предпосылок, оправдывающих смешивание двух договоров различного правовой природы – договоров поставки и транспортировки газа, не существует.

ставке покупателем «существенной части» (не обязательно большей! – *Прим авт.*) необходимых для изготовления поставляемого ему товара материалов¹ [15; 16]. Также п. 2 той же статьи прямо указывает на неприменение этой Конвенции к договорам, предполагающим возложение на продавца (поставщика) товаров обязательств по производству работ или оказанию услуг (например, по сборке (монтажу) поставленного товара, его послепродажному обслуживанию). Однако согласно российской судебной практике договор, опосредующий передачу изготовленного имущества, определяемого родовыми признаками, является договором поставки, а не договором подряда, поскольку предметом последнего является индивидуально-определенное изделие [17]. Считаем, следует согласиться с трактовкой энергетических ресурсов как объекта, определяемого родовыми признаками, хотя эта точка зрения оспаривается [18; 19, с. 22].

В том, что касается транспортировки нефти, эти отношения регулируются договором процессинга, который является либо смешанным договором, либо договором, не поименованным в действующем гражданском законодательстве [14].

Признание энергетических ресурсов товаром, несмотря на наличие определенных особенностей электрической энергии как объекта гражданских прав [20], обусловило тот факт, что их оборот и транспортировка опосредуется не договором оказания услуг, не договором подряда и не договором перевозки грузов, а различными видами договоров купли-продажи, в том числе договором поставки товаров. Данный инструмент правового регулирования

отношений сторон правоотношения подчиняется, во-первых, нормам ГК РФ о сделках, о договорных обязательствах, о гражданско-правовых договорах, а также положениям параграфа 1 главы 30 ГК РФ (ст. 454–491), содержащим общие нормы ГК РФ о купле-продаже товаров. Во-вторых, договор поставки энергетических ресурсов подчиняется федеральным законам, регулирующим отношения сторон договора поставки различных видов энергетических ресурсов. Если нормы ГК РФ подчиняются правилу *lex specialis derogat lex generalis*, (ч. 5 ст. 454 ГК РФ), то нормы федеральных законов, напротив, сами должны соответствовать ГК РФ.

Спорным вопросом является соотношение норм ГК РФ об энергоснабжении и о договорах поставки энергетических ресурсов. Соотношение юридической силы норм ГК РФ и других федеральных законов определяется согласно п. 3 ст. 539 ГК РФ – к отношениям по договору энергоснабжения, не нашедшим отражения в ГК РФ, применяются другие федеральные законы, правовые акты и иные обязательные правила².

В силу п. 2 ст. 548 ГК РФ возникает вопрос об отнесении договора поставки газа либо к категории поставки, газа либо к категории энергоснабжения. Исходя из концепции А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого, договор газоснабжения является договором энергоснабжения [21, с. 85], что позволяет применить к нему нормы ст. 539–548 ГК РФ, посвященных договорам энергоснабжения. С этой точкой зрения не согласна Л.Ш. Городова, поскольку по ее мнению, «ГК РФ рассматривает этот вид договора как публичный договор и поставку через присоединенную сеть» [22]. О. Ю. Шилохвост не считает договор газоснабжения видом договоров энергоснабжения, так как с его точки зрения, правило п. 2 ст. 548 ГК РФ, прямо указывающее на связь договора энергоснабжения и газоснабжения, «не более чем прием юридической техники» [23, с. 115].

Ввиду большого распространения первичной переработки энергоресурсов, заключения смешанных договоров – договоров поставки с транспортировкой, выполнением работ (оказанием услуг), действием контрагентов через посредника (на основе агентских договоров), необходимости хранения энергетических ресурсов на основе договоров хранения, очевидно, что редкий договор поставки энергетических ресурсов обходится без подчинения нормам гражданского законодательства об этих договорах. Без переработки

¹ А. В. Асосков говорит о трех подходах к определению понятия существенной части товара – стоимость (цена) изготавливаемых покупателем товаров материалов в сопоставлении с ценой материалов предоставляемых самим продавцом; количественные характеристики (вес, объем) и, наконец, оценку роли, которую покупателем товаров материалы играют в ходе изготовления приобретаемого им товара – А. В. Асосковым приводятся в пример материнские платы, играющие ключевую роль в работе компьютерных процессоров, однако не составляющие существенной части их цены и не занимающие в них много места). На сегодняшний день наибольшее распространение получил первый подход. Асосков А. В. Указ. соч. Надо отметить, что и до вступления в юридическую силу Венской Конвенции 1980 года советскими учеными исследовалось понятие существенной части товара – Н. И. Клейн и Н. И. Петров высказывали мнение о необходимости учитывать в таких случаях основное содержание обязанностей участников сделки, что однако не поддается чисто арифметическому подсчету. Т. Е. Кукиной предлагается исходить из критерия объекта. С ее точки зрения если покупатель имеет намерение приобрести товар (объект), а комплекс услуг по переработке, монтажу и т. д. для него второстепенен, то этот договор следует отнести к поставочным. При преобладании интереса покупателя к работам, нежели к объекту, договор признается подрядным. В случае если для покупателя важен и объект, и комплекс работ, такой договор называется смешанным (ст. 421 ГК РФ).

² Однако ГК РФ закрепляет и противоположное по смыслу правило, согласно которому к отношениям, связанным с газоснабжением, правила ГК РФ о договоре энергоснабжения могут не применяться, если такое правило содержится в правовом акте или вытекает из существа обязательства (п. 2 ст. 548 ГК РФ).

невозможна ни транспортировка, ни хранение, ни поставка газа (в особенности в части подачи его потребителям).

После первичной переработки газовая смесь поддается вторичной переработке на заводах химической промышленности, которая в зависимости от применяемых технологий подразделяется на главные и вторичные способы переработки газа. Кроме того, при добыче попутного нефтяного газа он отделяется от нефти, являясь, таким образом, ничем иным как продуктом переработки. Поскольку эти сферы деятельности входят в процедуру газоснабжения, постольку переработка газа регулируется нормами законодательства о газоснабжении.

Достаточно распространенным явлением считаются договорные отношения, регулирующие переработку нефти и газа в комплексе единого процесса газоснабжения. Это вызывает к жизни вопрос о правовой природе таких договоров – являются ли они договорами энергоснабжения, договорами поставки или же смешанными договорами либо договорами, не именованными в гражданском законодательстве. Например, ГК РФ не дает определения такому договору как соглашение на переработку давальческого сырья, возможность заключения которого предусмотрена ст. 220 ГК РФ.

На практике сторонами договора на переработку давальческого сырья (материалов) является собственник передаваемого сырья (чаще всего именуется давальцем) и переработчик. В обязанности давальца входит передача сырья переработчику и оплата его услуг, тогда как переработчик обязан принять переданное ему давальческое сырье, изготовить из него продукцию надлежащего качества и передать ее давальцу. Как правило, право собственности на давальческое сырье и изготовленную из него продукцию сохраняется за давальцем. Очевидно, что данный договор сочетает в себе элементы поставки и подряда. Впрочем, как верно указывает В. В. Семенихин, договорные отношения между давальцем и переработчиком могут строиться как на основании договора подряда, так и на основании договора возмездного оказания услуг [24]. Это вполне справедливо, учитывая очевидную связь и слабые различия между ними.

Проблемным вопросом практического характера является правовая природа договора транспортировки газа – покрывается ли он полностью нормами ст. 539–548 ГК РФ или квалифицируется как вид договора перевозки груза (ст. 784–800 ГК РФ), транспортной экспедиции (ст. 801–806 ГК), является ли смешанным договором, сочетающим в себе черты договора энергоснабжения и договора перевозки груза, или вообще является договором, непоименованным в ГК РФ.

ВАС РФ в 2005 году впервые разграничил договор поставки газа и его транспортировки¹ [25]. Позже ВАС РФ подтвердил данный подход [26].

Употребляемое по всему тексту федерального закона «О газоснабжении» словосочетание «производство газа» также требует как минимум пояснения, так как соотношение производства газа с его добычей далеко не очевидно. Иначе говоря, законодателю необходимо ответить на вопрос о том, являются ли субъекты добычи газа его производителями или производство и добыча – юридически различные процедуры. Указанный федеральный закон не содержит юридической дефиниции транспортировки газа, что, учитывая включения в процедуру газоснабжения всей цепочки отношений, начиная от добычи газа и заканчивая доставкой его потребителям, позволяет смешивать отношения по транспортировке газа с его поставкой, что некорректно с точки зрения того, что первичной задачей законодательства является адекватное отражение фактически сложившихся общественных отношений.

Подрядные правоотношения предполагают выполнение подрядчиком определенной работы и сдачи ее результата заказчику, который принимает работу и оплачивает ее. Возмездное оказание услуг предполагает совершение исполнителем действий (деятельности) или выполнение определенной функции и оплату их заказчиком. Ни модель подряда, ни модель, основанная на договоре оказания возмездных услуг, не предполагают перехода права собственности на объект переработки к подрядчику (исполнителю). Вместе с тем, переход прав на стоимость объекта переработки к подрядчику (исполнителю) возможен – ст. 712 ГК РФ предусматривает право подрядчика на удержание результата работ (очищенной нефти и/или природного газа, переработанного природного газа) и переданной для переработки (обработки) вещи и даже оставшегося материала для переработки (сырой нефти). При этом правила удержания предусматривают возможность получения подрядчиком (который в данном случае является кредитором исполнителя) удовлетворения из стоимости удерживаемой вещи (ст. 360 ГК РФ) на основе норм ГК РФ о залоге, которые, в свою очередь, допускают внесудебное удовлетворение требований залогодержателя за счет заложенного имущества – достаточно предусмотреть это в договоре между подрядчиком и заказчиком (ч. 2 ст. 349 ГК РФ). На основе этой модели стороны договора подряда могут в своем соглашении пред-

¹ Указав в частности на следующее: «обязанность ответчика (газораспределительной организации) – заключение договора транспортировки газа – обусловлена... соблюдением лицом, требующим заключения договора транспортировки газа, положений специальных нормативных актов, предусматривающих, в частности, наличие у такого лица договоров поставки газа».

усмотреть заведомо завышенную цену работ по извлечению ПНГ из нефти (или работ по переработке ПНГ), разница между которой и действительной ценой договора не будет выплачена подрядчику, который в результате автоматически приобретет право на удовлетворение из стоимости либо сырой нефти, либо полученного попутного нефтяного газа, либо переработанного нефтяного газа.

Сжигание попутного газа в факелах является уничтожением невозобновляемого энергетического ресурса и наносит вред окружающей среде.

Послание Президента РФ Федеральному Собранию 20 февраля 2019 г. затрагивало вопросы энергетического права именно в части поддержки энергоэффективности, использования сжиженного (природного) газа (СПГ), активного внедрения природоохранных технологий в производство. В этом же Послании констатируется существенное количество сжиженного попутного газа на территории РФ, в связи с чем предлагается принятие бизнес-сообществом таких мер природоохранного характера как инвестирование в сети АЗС и топливных систем, использующих попутный сжиженный газ. Отмечается одновременно затратность этого проекта и его перспективность.

Специфика ТЭК состоит в том, что его деятельность затрагивает интересы неопределенного круга лиц – предприятия ТЭК относятся к категории градообразующих предприятий, они же являются основным загрязнителем окружающей среды.

Кроме того, российский ТЭК характеризуется высоким «удельным весом» объектов гражданских прав, находящихся в собственности государства (федеральной или региональной) и муниципальной собственности. Объем общественных отношений, регулируемых «публично-правовыми нормами», не определен ни законодательством, ни судебной практикой, поскольку критерий, используемый для разграничения публичного и частного права, достаточно подвижен ввиду того, что четкий критерий разграничения публичного и частного права не может быть установлен.

Слабая предсказуемость развития правового регулирования отношений в сфере добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, оборота и использования энергетических ресурсов обусловленная «комплексностью» подхода законодателя, которая на самом деле представляет собой конгломерат из норм законодательства различной отраслевой принадлежности, не образующий никакой системы.

Данные нормы содержатся как в сфере частного, так и публичного права. Необходимо более четкое разграничение понятий добычи, производства и что еще важнее – переработки энергетических ресурсов. Необходимо также юридически отделить переработку энергетических ресурсов от их транспортировки и поставки. Необходимо приведение действующего

законодательства в соответствие с фактическими отношениями – устранить смешивание отношений по транспортировке энергетических ресурсов (в частности газа) с их поставкой. Необходимо определить правовую природу договоров регулирующих переработку нефти и газа в комплексе единого процесса газоснабжения – ответить на вопрос о том, являются ли они договорами энергоснабжения, договорами поставки или же смешанными договорами либо договорами, не поименованными в гражданском законодательстве.

В этой связи очевидна необходимость решения глобального вопроса о соотношении частного и публичного права в сфере добычи (производства), переработки, хранения, транспортировки, оборота и использования энергетических ресурсов.

Если в сфере добычи полезных ископаемых и их первичной переработки преимущество имеет публично-правовое регулирование, то все остальные сегменты ТЭК – от переработки до потребления – регулируются в основном нормами частного права. Вторым по значимости вопросом является имущественный характер этих отношений. От характеристики правоотношения в качестве публично- или частноправового зависит его «арбитрабельность» – возможность разрешения спора, возникающего из него в третейском суде.

Список источников

1. Сухова С. ТЭК и бюджет... / По материалам журнала «Итоги» // <https://www.m.eprussia.ru/epr/35/2374.htm>.
2. Курбанов Р. А., Налетов К. И. Правовые аспекты обеспечения конкурентоспособности российской экономики с использованием преимуществ евразийской интеграции // Экономика. Право. Общество. № 2 (14). 2018.
3. Федерального закона от 23.11.2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
4. Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии: монография. М., Статут, 2013.
5. Новикова, А. С. Особенности правового регулирования оборота энергии в российском гражданском законодательстве / А. С. Новикова, А. Т. Табунщиков // Электронный архив открытого доступа Белгородского государственного университета. Белгород, 2014.
6. Суханов Е. А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М., Статут. 2017.
7. ГОСТ Р 50544-93. Породы горные. Термины и определения. 1993.

8. Постановление ГД ФС РФ от 12.07.1995 п 970-1 ГД «О Федеральном законе «О нефти и газе»// Ведомости ФС РФ, 21.07.1995, № 21, ст. 940.

9. СЗ РФ, 30.03.1998, № 13, ст. 1463.

10. СЗ РФ, 24.06.1996, № 26, ст. 3033.

11. Приказ Ростехнадзора от 17.10.2016 № 421 «Об утверждении перечней правовых актов, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках осуществления видов государственного контроля (надзора), отнесенных к компетенции Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору» (вместе «Порядком ведения перечней правовых актов и их отдельных частей (положений), содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при проведении мероприятий по контролю в рамках осуществления видов государственного контроля (надзора), отнесенных к компетенции Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору»).

12. Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2018 № 304-ЭС17-21498 по делу № А46-12784/2016 // Опубликовано в СПС «Консультант-Плюс».

13. Аристотель. Физика. // Сочинения в четырех томах. М., 1975-1984. // Т. 3. М., Наука. 1981.

14. Гудков И. В., Лахно П. Г. Магистральные трубопроводы и право. Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. Вып. 2. М., 2009.

15. Клейн Н. И., Петров И. Н. Комментарий к Положениям о поставках продукции и товаров. М., 1978. С. 166.

16. Кукина Т. Е. Предмет договора поставки// Право и экономика, № 1, 2001.

17. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30.05.2016 по делу № А56-61324/2015.

18. Гражданское право : учебник / под ред. А. Г. Калпина. Ч. 2. М., 2000. С. 56.

19. Осипчук Е. Л. Договор энергоснабжения в системе договорных отношений на рынке электрической энергии России. М., 2004.

20. Предпринимательское право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова / Р. А. Курбанов, С. А. Азарова, Л. Л. Баланюк и др. М. : Проспект, 2019. 797 с.

21. Гражданское право : учебник. Часть вторая / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М. : Проспект, 2001.

22. Городова Л. Ш. Некоторые аспекты развития гражданского законодательства о поставке нефти и нефтепродуктов // Юрист. 2012. № 20. С. 30–33.

23. Шилов О. Ю. Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения. М. : Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015.

24. Семенихин В. В. Совместное создание активов (без создания простого товарищества) – регулирование, учет и налогообложение // Налоги. 2014. № 14. С. 5–12.

25. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2005 № 11857/04 по делу № А06-2960-8/03// Вестник ВАС РФ, 2005, № 7.

26. Определение ВАС РФ от 06.03.2014 № ВАС-2002/14 по делу № А57-24727/12//СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Sukhova S. ТЕК and will... / Based on the materials of the magazine «Results» // <https://www.m.eprussia.ru/epr/35/2374.htm>

2. Kurbanov R. A., Naletov K. I. Legal aspects of ensuring the competitiveness of the Russian economy using the advantages of Eurasian integration // Economy. Right.Society. No. 2 (14). 2018.

3. Federal Law of 23.11.2009 No. 261-FZ «On Energy Conservation and on Improving Energy Efficiency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation».

4. Svirkov S. A. The main problems of civil regulation of energy turnover: monograph. M., Statute, 2013.

5. Novikova, A. S. Features of legal regulation of energy turnover in Russian civil legislation / A. S. Novikova, A. T. Tabunshchikov // Electronic archive of open access Belgorod State University. Belgorod, 2014.

6. Sukhanov E. A. Property law : A scientific and educational essay. M., Statute. 2017.

7. GOST R 50544-93. Rocks are mountainous. Terms and definitions. 1993.

8. Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 12.07.1995. No. 970-1 of the State Duma «On the Federal Law «On Oil and Gas» // Vedomosti of the Federal Assembly of the Russian Federation, 21.07.1995, No. 21, Article 940.

9. FZ of the Russian Federation, 30.03.1998, No. 13, Article 1463.

10. FZ of the Russian Federation, 24.06.1996, No. 26, Article 3033.

11. Rostekhnadzor Order No. 421 dated 17.10.2016 «On Approval of Lists of Legal Acts containing Mandatory Requirements, Compliance with which is Assessed when Carrying out control Measures within the Framework of the Types of State Control (Supervision) Referred to the Competence of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision» (together with «The Procedure for Maintaining Lists of Legal Acts and their Individual Parts (provisions) containing mandatory requirements, compliance with which is assessed when carrying out control measures within the framework of

the types of state control (supervision) referred to the competence of the Federal Service for Environmental, Technological and Nuclear Supervision»).

12. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.01.2018 No. 304-ES17-21498 in case No. A46-12784/2016 // Published in the SPS «ConsultantPlus».

13. Aristotle. Physics. // Works in four volumes. M., 1975-1984. // T. 3. M., Nauka. 1981.

14. Gudkov I. V., Lakhno P. G. Trunk pipelines and law. Energy and law / Ed. P. G. Lakhno. Issue 2. M., 2009.

15. Klein N. I., Petrov I. N. Commentary on the Provisions on the supply of products and goods. M., 1978. p. 166.

16. Kukina I.e. The subject of the delivery contract// Law and Economics, No. 1, 2001.

17. Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of 30.05.2016 in case no. A56-61324/2015.

18. Civil Law : Textbook / ed. A. G. Kalpina. Ch. 2. M., 2000. P. 56.

19. Osipchuk E. L. Power supply contract in the system of contractual relations in the Russian electric energy market. M., 2004.

20. Business law : textbook / edited by R. A. Kurbanov / R. A. Kurbanov, S. A. Azarova, L. L. Balanyuk et al. M. : Prospect, 2019. 797 p.

21. Civil Law : textbook. Part Two / Edited by A. P. Sergeev, Y. K. Tolstoy. M. : Prospect, 2001.

22. Gorodova L. S. Some aspects of the development of civil legislation on the supply of oil and petroleum products // Lawyer. 2012. № 20. P. 30–33.

23. Shilokhvost O. Y. Controversial issues of judicial practice on energy supply contracts. M. : Law. Norma, SIC INFRA-M, 2015.

24. Semenikhin V. V. Joint creation of assets (without the creation of a simple partnership) – regulation, accounting and taxation // Taxes. 2014. No. 14. P. 5–12.

25. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 05.04.2005 No. 11857/04 on case No. A06-2960-8/03// Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2005, No. 7.

26. Definition of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 06.03.2014 No. VAS-2002/14 in case No. A57-24727/12 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

И. И. Шувалов – председатель Государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», кандидат юридических наук.

Information about the author

I. I. Shuvalov – Chairman of the State Development Corporation «VEB.RF», Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-229-233>

NION: 2015-0066-1/22-241

MOSURED: 77/27-011-2022-01-440

Правовое регулирование деятельности агрегаторов в Соединенных Штатах Америки: особенности и проблемы

Любовь Владимировна Щербачева

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия,

scherbacheva@rambler.ru

Аннотация. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что если личность в сети Интернет анонимна, то пресечь нарушение интеллектуальных прав можно не только путем обращения непосредственно к нарушителю, но и к информационным посредникам. Данный способ защиты непосредственно зависит от правовой регламентации процедуры, так, например, в США он зависит от объекта интеллектуальных прав, права на который нарушены.

Ключевые слова: авторское право, товарный знак, провайдер, информационная локализация, интеллектуальные права, ответственность, досудебный порядок

Для цитирования: Щербачева Л. В. Правовое регулирование деятельности агрегаторов в Соединенных Штатах Америки: особенности и проблемы // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 229–233. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-229-233>.

Original article

Legal regulation of aggregators in the United States of America: features and problems

Lyubov V. Shcherbacheva

Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russia, pr_shuvalova@veb.ru

Abstract. The study allows us to conclude that often, the identity on the Internet is anonymous, violation of intellectual property rights can be stopped not only by contacting the violator directly, but also by contacting information intermediaries. This method of protection directly depends on the legal regulation of the procedure, for example, in the Usa it depends on the object of intellectual rights, the rights to which are violated.

Keywords: copyright, trademark, provider, information localization of self, intellectual rights, responsibility, pre-trial procedure

For citation: Shcherbacheva L. V. Legal regulation of aggregators in the United States of America: features and problems. Bulletin of economic security. 2022;(1):229–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-229-233>.

Основной способ защиты интеллектуальных прав – пресечение действий, нарушающих такое право. Поскольку зачастую, личность в сети Интернет анонимна, то пресечь подобные действия можно не только путем обращения непосредственно к нарушителю, но и к информационным посредникам. Данный способ защиты непосредственно зависит от правовой регламентации процедуры, так, например, в США он зависит от объекта интеллектуальных прав, пра-

ва на который нарушены. Выделяется два основных объекта:

- Авторское право
- Товарные знаки

Законом США «Об авторском праве в цифровом тысячелетии» (DMCA) разрешены вопросы, связанные с основаниями и условиями освобождения от ответственности сервис-провайдеров, в том числе и процедурные моменты по защите правообладателей

© Щербачева Л. В., 2022

с привлечением информационных посредников. В § 512 DMCA [6] предусмотрено, что под сервис-провайдером понимается организация, которая предоставляет возможность передачи, маршрутизации или обеспечения соединения между точками, указанными пользователями, без изменения содержания отправленных и полученных материалов, а также поставщик интернет-услуг или доступа к сети, или оператор услуг для них. Закон подразделяет сервис-провайдеров на несколько категорий, устанавливая специальные условия освобождения от ответственности для каждой из этих категорий (17 U.S.C. § 512(a)–(d)):

- провайдеры, обеспечивающие передачу данных;
- провайдеры, осуществляющие кэширование материалов;
- провайдеры, размещающие материалы по указанию пользователей;
- провайдеры, использующие инструменты информационной локализации ресурсов (это, например, поисковые системы и иные сервисы, предоставляющие пользователям доступ к материалам в сети Интернет с помощью каталогов, ссылок и прочих способов) [1].

Специфика обусловлена тем, что решение об удалении спорного контента принимается на досудебном этапе, поскольку сами интернет-посредники заинтересованы в добровольном удалении спорного контента, ведь тогда, при соблюдении определенных условий, они освобождаются от ответственности, объем и условия которой зависят от категории, к которой относится провайдер: обеспечивающий передачу данных; осуществляющий кэширование материалов; размещающий материалы по указанию пользователей; использующий инструменты информационной локализации ресурсов [6]. Рассматривая основные обязанности провайдеров, наиболее интересных с точки зрения пресечения нарушения авторских прав, следует выделить следующие:

- Разумно осуществлять политику блокировки неоднократных пользователей-нарушителей и не препятствовать стандартным техническим мерам, которыми пользуются авторы для защиты своих работ (17 U.S.C. § 512(i));
- В случае обращения правообладателя о нарушении исключительных прав, оперативно принять достаточные меры для прекращения данного нарушения (17 U.S.C. § 512(c)).

Однако DMCA не дает никаких разъяснений понятий «оперативно» и «достаточные», судебной практикой единого подхода, для определения данных понятий, тоже не дано. Так, например, Апелляционным судом девятого округа США было рассмотрено дело Perfect 10 Inc. V. Google Inc., в котором Google в течение

7 месяцев отказывался удалить материалы Perfect 10, обычно доступные по платной подписке, из общего доступа с других бесплатных сайтов, созданных злоумышленниками. Соответственно, все это время Perfect 10 несла убытки из-за того, что платный и эксклюзивный материал данного сайта продолжал оставаться общедоступным. В данном случае, суд пришел к выводу, что срок на удаление в 7 месяцев является слишком долгим [7]. В деле Io Group Inc. V. Veoh Networks Inc. суд указал, что неделя – недостаточно оперативно [3]. Однако в практике существуют также дела, в которых три недели были признаны достаточно оперативным сроком для ответа на уведомление. Таким образом, из-за отсутствия единообразия, суды вынуждены исходить из особенностей каждого конкретного дела, таких как количество материала, особенности удаления, масштабы распространения и прочее. Подобная обязанность по удалению спорного контента не ложиться только на провайдеров, обеспечивающих передачу данных, поскольку они не имеют возможности контролировать контент, проходящий через их сеть. Единственная обязанность, лежащая на них в рамках данного пункта – блокировка неоднократных нарушителей. Кроме того, важным условием для удаления спорного материала является правильно составленное уведомление, которое должно быть в письменной форме и содержать в себе: факт нарушения и контактную информацию доверителя, который, в свою очередь должен быть уполномочен действовать от имени правообладателя. Провайдер может выбрать одну из двух моделей реагирования: либо удалить спорный материал, либо прекратить к нему доступ (17 U.S.C. § 512(c)). Также, в контексте выполнения данной обязанности провайдерами, важно рассмотреть ответственность поисковых систем за предоставление пользователям ссылок на материалы, которые могут нарушать авторские права. Для того, чтобы им попасть в «безопасную гавань», поисковые системы должны доказать свое незнание о правонарушении и при первом уведомлении о нарушении, незамедлительно удалить ссылки из своих поисковых индексов. В том случае, если у лица, разместившего удаленный контент имеются возражения, оно может предоставить контрвозражения, а провайдер, в свою очередь, обязан незамедлительно уведомить заявителя о восстановлении спорного контента в течение 10 дней, при отсутствии обращения одной из сторон в суд. Отказ от удаления или восстановления спорного материала дает основание для обращения в суд с иском о косвенной ответственности за неправомерные действия провайдера. Суд, в свою очередь, может применить к нарушителю следующие меры:

- Выдать приказ на запрет предоставления доступа к материалам, нарушающим авторское право;

- Выдать приказ на блокировку аккаунта абонента, нарушающего авторские права;
- Выдать приказ о блокировке доступа к интернет-сайтам, находящимся за пределами США и нарушающим авторское право.

Поскольку обычно подобные дела, как было упомянуто выше, решаются в досудебном порядке, то судебной практики крайне мало, однако можно упомянуть дело *Arista Records, Inc. v. AT & T Broadband Corp* [2], в ходе которого истец подал исковое заявление для получения судебного запрета против операторов связи, чтобы ограничить возможность передачи любого контента с китайского сайта Listen4Ever, который предлагал для скачивания композиции, защищенные авторским правом, однако жалоба была отозвана до вынесения решения, поскольку подобные дела должны решаться с помощью запроса клерку любого окружного суда на выдачу повестки провайдеру с требованием об установлении личности нарушителя, что является административной процедурой. Кроме того, исходя из принципа «безопасной гавани», провайдеры не должны самостоятельно выявлять нарушителей, в их обязанности входит только реагирование на заявления обладателей авторских прав. Следовательно, интернет-провайдеры не несут ответственности за мониторинг и выявление нарушений, а значит судебный запрет против операторов связи неправомерен и первоначально истцу следовало отправить запрос на запрет передачи трафика от Listen4Ever через данного провайдера. Несмотря на это, провайдерам все равно не позволено закрывать глаза на очевидные нарушения, что нашло свое отражение в доктрине «красного флага». Для определения того, являлись ли обстоятельства «красным флагом», следует определить, была ли незаконная деятельность очевидной для простого обывателя, действующего в аналогичных обстоятельствах. Для того, чтобы рассчитывать на «безопасную гавань», провайдеру необходимо немедленно самостоятельно прекратить доступ к подобному спорному материалу [8]. Однако, из любого правила есть исключение, и в данном случае, они направлены в сторону ужесточения. Отдельные группы провайдеров вынуждены принимать дополнительные меры по регулированию спорного контента, выходящие за рамки, предусмотренные DMCA [9]. Например, Youtube ввел дополнительные инструменты для проверки контента, защищенного авторским правом – если в видео используется музыка, прав на которую автор контента не имеет, подобное видео удаляется модераторами. Таким образом, вся система пресечения нарушения авторских прав в сети Интернет в США направлена на быстрое, легкое и безусловное удаление спорного контента на досудебной стадии спора силами интернет-провайдеров, которые имеют какую-либо возможность

связаться с пользователями, размещающими контент. Такой подход сложился в результате предоставления «безопасной гавани» и освобождения от материальной ответственности интернет-провайдеров в сфере нарушения авторских и смежных прав в случае удаления ими нарушающего контента по уведомлению правообладателя [1]. Тем не менее, данная система часто критикуется, поскольку считается, что она зря исключает сервис-провайдеров из поля ответственности, предоставляя им «безопасную гавань», ведь именно они могут наиболее эффективно бороться с нарушителями, поскольку имеют все необходимые инструменты и оперативный доступ. Кроме того, исходя из положений DMCA, агрегатор может удалить любой материал, даже не имея абсолютной уверенности в неправомерности его распространения, поскольку в противном случае он рискует потерять лояльность системы и быть расценен как нарушитель принципа «красного флага». Товарные знаки в США не имеют законодательства, которое прямо регламентирует выдачу судебных запретов без возложения ответственности на интернет-провайдеров, как это предусматривается, в случае с авторским правом, § 512 DMCA. Лишь § 32b Lanham Act устанавливает ограниченную «безопасную гавань» для невиновных интернет-провайдеров (когда контент, нарушающий права на товарный знак загружен третьими лицами) [1]. Так, судом было рассмотрено дело *Hendrickson v. eBay* [4], в ходе которого истец требовал выдать судебный запрет, который запрещал бы в будущем eBay размещать объявления, связанные с продажей поддельных товаров истца. Суд признал ответчика невиновным, поскольку он не знал о возможном нарушении прав на товарный знак истца, также, суд отказал в выдаче судебного запрета, поскольку тогда eBay вынужден был бы просматривать и выявлять миллион новых объявлений и самостоятельно решать, какое объявление нарушает права истца, несмотря на то, что в соответствии с законодательством США, ответчик не обязан следить за наличием подобных нарушений самостоятельно, а истец никаких уведомлений о нарушениях не подавал. Однако, несмотря на отсутствие специального регулирования об освобождении сервис-провайдеров от ответственности в сфере нарушения законодательства о товарных знаках, суды четко сформировали аналогичные DMCA правила, используя два вида *secondary liability* (вторичной ответственности):

- *Vicarious liability* – ответственность лица наступает, когда оно имеет возможность контролировать действия нарушителя, но не предпринимает никаких действий для пресечения правонарушения и одновременно с этим извлекает финансовую выгоду из подобных действий.

• *Contributory liability* – ответственность за соучастие в нарушении, где ключевую роль играет именно информированность о совершающемся правонарушении [5].

Поскольку, как уже было сказано выше, круг судебных запретов, которые могут быть применены к сервис-провайдерам, не определен в законодательстве США, прецедентное право идет по пути применения более общего правила для вынесения судебных приказов: rule 65 of Federal rule of civil procedure, которое уполномочивает федеральные суды выдавать судебные приказы не только в отношении сторон и их агентов, но также и в отношении «других лиц, которые находятся в активном взаимодействии с ними». Так, например, в деле *North Face Apparel Corp v Fujian Sharing Import and Export*, был подан иск против группы сайтов-агрегаторов из Китая, занимающихся мошенничеством и продающих поддельные товары на территории США. Ссылаясь на правило 65, предусматривающее ответственность за содействие и подстрекательство, истец, впервые в истории США, добились прекращения предоставления провайдерами этим веб-сайтам, нарушающим права на ТЗ. В отношении ответственности онлайн-платформ (агрегаторов), суды придерживаются подхода, при котором, для возложения ответственности за нарушение товарного знака на агрегатора, он должен обладать больше, чем просто знанием о возможном нарушении. Необходимо также знать, кто именно и чьи права нарушает. В деле *Tiffany (NJ) Inc. V. eBay Inc.* Суд определил, что стандартом для оценки ответственности eBay является «тест Inwood», в соответствии с которым суд должен был определить, продолжал ли eBay предоставлять свои услуги продавцам, зная, что они нарушают право на ТЗ. Поскольку это обстоятельство доказано не было, суд постановил, что ответчик не несет никаких обязательств по исправлению ситуации. Относительно поисковых систем, провайдер должен предоставлять свою услугу конкретным лицам, о чьей незаконной деятельности он знает или имеет основания знать. По аналогии с ДМСА, в сфере товарных знаков судебная практика складывается таким образом, что сервис-провайдеры обычно удаляют нарушающий контент по уведомлению, чтобы избежать ответственности за нарушения [1]. Обязанность выявлять нарушения, по аналогии, лежит на правообладателе товарного знака.

Список источников

1. Павлычева А. И. Пресечение нарушений интеллектуальных прав в сети Интернет. Опыт США // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 26, декабрь 2019 г., С. 44–56.
2. *Arista Records, Inc., et al v. AT&T Broadband Corp., et al*, Case No. 1:02-cv-06554 // Available at:

<https://www.plainsite.org/judges/new-york-southern-district-court/kimba-m-wood/> (accessed: 23.11.2021).

3. *Io Group, Inc. v. Veoh Networks, Inc.*, 586 F. Supp. 2d 1132 (N.D. Cal. 2008). // Available at: <https://www.courtlistener.com/opinion/1903715/io-group-inc-v-veoh-networks-inc> (accessed: 22.11.2021).

4. *Robert Hendrickson v. Ebay, Inc., et al.* 165 F. Supp. 2d 1082, Case No. CV 01-0495 RJK (RNBx) (C.D. Cal. 2001) // Available at: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/Fsupp2/165/1082/2521829> (accessed: 22.11.2021).

5. Farano B. *Internet Intermediaries' Liability for Copyright and Trademark Infringement: Reconciling the EU and U.S. Approaches*, TTLF Working Paper No.

6. United States Code // Legal Information Institute. 1990. P. 173. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512> (accessed: 23.11.2021).

7. *Perfect 10 v. Google, Inc., et al.*, 416 F. Supp. 2d 828 (C.D. Cal. 2006). // Available at: https://www.courtlistener.com/pdf/2011/08/03/Perfect_10_Inc._v._Google_Inc.pdf (accessed: 19.11.2021).

8. Zimmerman M. *Your DMCA Safe Harbor Questions Answered*. 2017. P. 27. URL: <https://www.fenwick.com/FenwickDocuments/DMCA-QA.pdf>.

9. Bridy A. *Copyright's digital deputies: DMCA-plus enforcement by Internet intermediaries*. P. 186–187 // Available at: <http://infojustice.org/archives/34696>. (accessed: 19.11.2021).

References

1. Pavlycheva A. I. *Suppression of violations of intellectual rights on the Internet. The U.S. Experience // Journal of the Intellectual Property Rights Court*, No. 26, December 2019, P. 44–56.
2. *Arista Records, Inc., et al v. AT&T Broadband Corp., et al*, Case No. 1:02-cv-06554 // Available at: <https://www.plainsite.org/judges/new-york-southern-district-court/kimba-m-wood/> (accessed: 23.11.2021).
3. *Io Group, Inc. v. Veoh Networks, Inc.*, 586 F. Supp. 2d 1132 (N.D. Cal. 2008). Available at: <https://www.courtlistener.com/opinion/1903715/io-group-inc-v-veoh-networks-inc> (accessed: 22.11.2021).
4. *Robert Hendrickson v. Ebay, Inc., et al.* 165 F. Supp. 2d 1082, Case No. CV 01-0495 RJK (RNBx) (C.D. Cal. 2001) // Available at: <https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/Fsupp2/165/1082/2521829>. (accessed: 22.11.2021).
5. Farano B. *Internet Intermediaries' Liability for Copyright and Trademark Infringement : Reconciling the EU and U.S. Approaches*, TTLF Working Paper No.
6. United States Code // Legal Information Institute. 1990. P. 173. Available at: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/17/512> (accessed: 23.11.2021).

7. Perfect 10 v. Google, Inc., et al., 416 F. Supp. 2d 828 (C.D. Cal. 2006). Available at: https://www.courtlistener.com/pdf/2011/08/03/Perfect_10_Inc._v._Google_Inc.pdf (accessed: 19.11.2021).

8. Zimmerman M. Your DMCA Safe Harbor Questions Answered. 2017. P. 27. URL: [https://](https://www.fenwick.com/FenwickDocuments/DMCA-QA.pdf)

www.fenwick.com/FenwickDocuments/DMCA-QA.pdf.

9. Bridy A. Copyright's digital deputies: DMCA-plus enforcement by Internet intermediaries. P. 186–187. Available at: <http://infojustice.org/archives/34696>. (accessed: 19.11.2021).

Информация об авторе

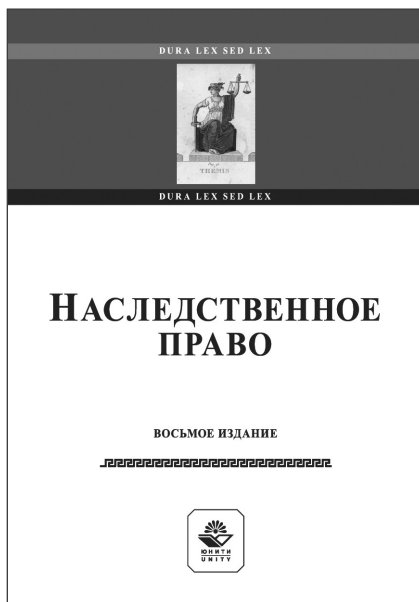
Л. В. Щербачева – доцент кафедры гражданского права и публично-правовых дисциплин Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, кандидат юридических наук, доцент, член Международной Объединенной Академии Наук.

Information about the author

L. V. Shcherbacheva – Associate Professor of the Department of Civil Law and Public Law Disciplines Russian State University named after A.N. Kosygin, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Member of the International United Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 07.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 07.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Наследственное право. Учебное пособие. Под ред. О. Ю. Ильиной, Н. Д. Эриашвили. 8-е изд., перераб. и доп. 415 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник».

Настоящее учебное пособие призвано сформировать квалифицированное представление о круге общественных отношений, входящих в предмет современного наследственного права, приемах и способах регулирования указанных отношений, принципах и источниках данного правового образования. Неотъемлемыми элементами системы знаний сферы наследственного права должны стать теоретические и нормативные положения об основаниях наследования, об условиях и порядке перехода имущества к наследникам, особенностях правового регулирования реализации, оформления и охраны наследства.

На основе анализа научных положений, сравнения ранее действовавшего и нового законодательства, с привлечением судебной и нотариальной практики наряду с освещением традиционных вопросов наследственного права раскрыты содержание и сущность но-

велл наследственного законодательства, предусматривающих появление частных фондов, совместных завещаний, наследственных договоров, соглашений супругов о распределении имущества на случай смерти и др. Кроме того, период времени, прошедший с момента вступления в силу части третьей ГК РФ, позволил выявить и ряд недостатков действующего наследственного законодательства, что также нашло отражение в издании.

Для студентов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, практикующих юристов и всех тех, кто интересуется вопросами наследственного права.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-234-242>

НИОН: 2015-0066-1/22-242

MOSURED: 77/27-011-2022-01-441

Роль магистратуры направления ГМУ в обеспечении устойчивого развития регионов в условиях вызовов

Руслан Агарунович Абрамов¹, Леонид Александрович Жигун²

^{1,2} Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Россия

¹ oef08@mail.ru

² manpseu@yandex.ru

Аннотация. Проанализированы результаты опроса среди магистрантов и выпускников по направлению «Государственное и муниципальное управление». Было замечено, что знаний, полученных при обучении на бакалавриате по данной специальности, недостаточно для становления высококвалифицированным работником, поэтому зачастую студенты продолжают свое обучение в магистратуре.

Ключевые слова: востребованность, «Государственное и муниципальное управление», магистратура, выпускники, профориентация, пандемия, коронавирус, вызовы, неопределенности, трудоустройство, профессиональная самореализация

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова».

Для цитирования: Абрамов Р. А., Жигун Л. А. Роль магистратуры направления ГМУ в обеспечении устойчивого развития регионов в условиях вызовов // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 234–242. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-234-242>.

Original article

The master's degree role at SLG training scope on improve the quality of education in order to increase demand in the face of challenges

Ruslan A. Abramov¹, Leonid A. Zhigun²

^{1,2} Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

¹ oef08@mail.ru

² manpseu@yandex.ru

Abstract. The results of a survey made among undergraduates and alumnus in the field of «State and Local Governments» (SLG) are analyzed. It was noted that the knowledge, gained during undergraduate studies in this specialty, is not enough to become a highly qualified employee, so students often continue their studies in the master's programme.

Keywords: demand, «State and Local Governments», master's degree programme, alumnus, career guidance, pandemic, coronavirus, challenges, uncertainty, employment, professional self-fulfillment

Acknowledgements: This study was financed by a grant from the Plekhanov Russian University of Economics.

For citation: Abramov R. A., Zhigun L. A. The master's degree role at SLG training scope on improve the quality of education in order to increase demand in the face of challenges. Bulletin of economic security. 2022;(1):234–42. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-234-242>.

Магистратура по направлению «Государственное и муниципальное управление» (далее ГМУ или ГиМУ) – это ступень высшего профессионального образования, следующая за бакалаврской программой, позволяющая углубить профессиональные знания и навыки. В некоторых случаях при поступлении в магистратуру абитуриенты меняют свою специаль-

ность, что может говорить как о достоинствах профессии (например, высокая востребованность), так и о недостатках, которые зачастую связаны с нюансами в образовательных структурах. Очевидно, что именно магистранты могут дать полное понимание не только относительно качества образования уровня бакалавриата, но и относительно ситуации, происходящей на

© Абрамов Р. А., Жигун Л. А., 2022

современном рынке труда, поскольку большинство обучающихся в магистратуре ГиМУ ранее проходили бакалаврскую программу по этому же направлению и также совмещают трудовую деятельность с учебной. Безусловно, нельзя упускать из виду связь между трудовой деятельностью магистрантов и уровнем образования по программе ГиМУ, поскольку именно эта связь наиболее явно показывает все недостатки и преимущества поступления на данное направление. Факторами для оценки уровня образования относительно ситуации на рынке труда могут служить: востребованность, соответствие компетенций, число магистрантов, работающих по специальности, и другие. Магистранты и выпускники могут оценить востребованность данной профессии среди работодателей при приеме на работу, обозначить трудности, с которыми они столкнулись, отметить, каких навыков им не хватило. На основе ответов обучающихся в магистратуре по направлению ГиМУ в опросе, посвященном обозначенным ранее положениям, был проведен анализ, в ходе которого были выявлены определенные недостатки в образовательной программе, препятствующие трудоустройству.

Первый вопрос, который был задан в их адрес, было определение направления, по которому они получали степень бакалавра (рис. 1). В соответствии с полученными данными: 44 % получили по направлению «Государственное и муниципальное управление»; 16 % – «Экономика»; равное количество, а именно 8 %, по политологии, юриспруденции, технологии продукции и организации общественного питания; остальные же направления выбрали незначительное число респондентов. Хочется еще раз отметить, что помимо данных опросника этого года, нами были изучены и опросы прошлых лет для возможного выявления общих тенденций. Согласно полученным от-

ветам по аналогичному опросу прошлого года данные в этом году кардинально сильно не изменились – все так же большей популярностью пользуются направления – ГиМУ (41 %); политология (10 %); юриспруденция, менеджмент, финансы и кредит, экономика и право (все по 7 %). Данные опросника двух лет свидетельствуют о том, что данное направление «Государственное и муниципальное управление» остается все еще достаточно востребованным (к тому же, процент поступающих на ГиМУ не намного, но все же вырос) и вызывает интерес среди абитуриентов при выборе будущей специальности, несмотря на относительную недавность ее появления (~ около 20 лет назад). Это прежде всего связано с тем, что еще с момента создания первого государства и до нашего времени существует данная профессия в том или иной форме, а органы власти всегда были неотъемлемой частью жизни. Это свидетельствует о постоянной актуальности данной работы, чем, безусловно, привлекает будущих студентов.

Для того, чтобы определить у респондентов их цели поступления на направление ГиМУ, на выявление наличия осознанности при выборе специальности, на понимание, что они собираются делать дальше после окончания обучения был задан вопрос – «По окончании бакалавриата каковы были Ваши дальнейшие планы?» (рис. 2). Были получены следующие ответы – 46 % видели необходимость в продолжении обучения на данной специальности; 32 % хотели совмещать обучение в магистратуре и работу в сфере ГиМУ; 11 % не имели представления, что делать дальше после окончания обучения бакалавриата (что говорит о неосознанности при выборе будущей профессии); и только 3 % работали по данному направлению; оставшиеся же респонденты (каждый по 4 %) продолжили обучаться по специальности

Рис. 1. Степень бакалавра магистры получили по направлению

Рис. 2. Дальнейшие планы после окончания бакалавриата

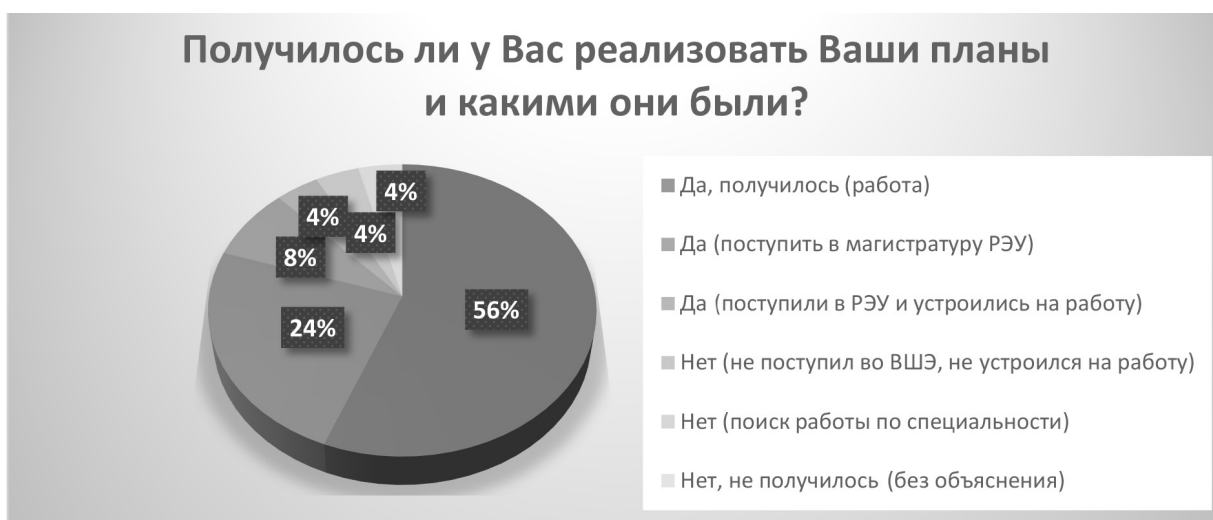

Рис. 3. Планы после бакалавриата и их реализация

ГиМУ и работать в технической сфере и в сфере HR. Согласно прошлому году: только 24 % планировали продолжить обучение по специальности ГиМУ в магистратуре, 58 % респондентов совмещать работу и обучение в магистратуре, а 18 % – работать в сфере ГиМУ без дальнейшего обучения. Данные значительно сильно изменились: если в прошлом году выпускники больше стремились уже идти работать или же по крайней мере совмещать работу с университетом, то в этом году большой процент людей хотел лишь только продолжить обучение в магистратуре, Процент респондентов, стремящихся совмещать работу и университет, снизился на 26 % – что достаточно много, по нашему мнению. Это вызвано тем, программы на направлении ГиМУ стали усложняться, из-за чего многим студентам не удалось балансировать между работой и учебой.

Согласно ответам на следующий вопрос относительно успешности реализации планов было выявлено, что чуть больше половине ответивших (56 %) уда-

лось реализовать свои планы по устройству на работу в сфере ГиМУ, 24 % продолжили обучение в данной области, 8 % удалось совмещать обучение и работу, оставшимся 12 %, к сожалению, нет (рис. 3). По сравнению с предыдущим годом кардинально сильно ситуация не изменилась. Так же главной причиной отмечают такой фактор как долгий поиск работы по специальности, иными словами, это свидетельствует о небольшом количестве свободных вакантных мест в данной сфере. Однако несмотря на эти, скорее всего, исключения из правила, найти работу в данной специальности все же реально и возможно. Хотя конечно бы хотелось, чтобы процент нашедших был значительно выше, и чтобы обучения в бакалавриате хватало для получения всех необходимых навыков и знаний.

Достаточно неопозитивной направленности данные были получены у опрошенных по поводу работы на данном этапе обучения (рис. 4). Стало известно, что 25 % респондентов работают, как это нередко бы-

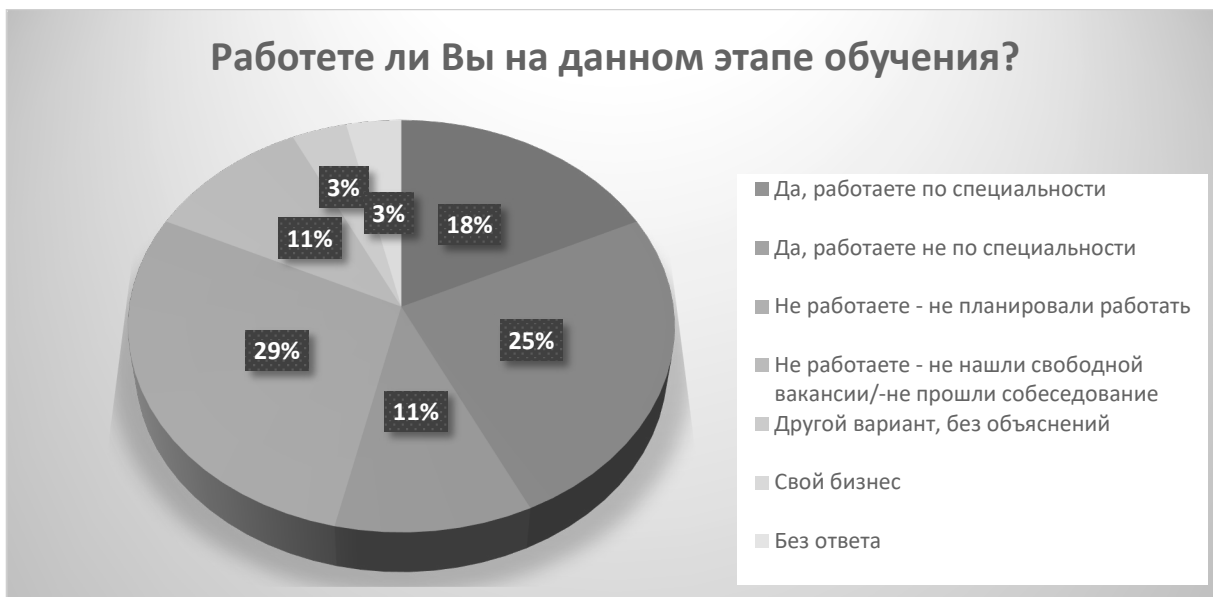

Рис. 4. Работа у магистратов на данном этапе обучения

ваает, не по специальности. Лишь 18 % респондентов смогли найти работу по специальности ГиМУ, что сильно удручает. Как можно заметить, это меньше, чем работающих не по специальности. Такая же картина наблюдалась и в прошлом году – 28 % работающих не по специальности против 19 % работающих в сфере ГиМУ. Но еще больше огорчает тот факт, что в этом году в сумме 40 % людей не нашли работу, и по большей части из-за отсутствия вакансий. На основе двух лет прослеживается общая тенденция повышения роста конкуренции в сфере государственного и муниципального управления, из-за чего многие выпускники или магистры либо не работают вообще, либо работают не по специальности ГиМУ. Помимо этого, можно заметить, что почти все современные университеты не имеют практико-ориентированной направленности в процессе обучения, из-за чего мно-

гие выпускники, выходя на рынок труда, не обладают требуемыми от работодателей опытом и навыками (а в современном мире это намного важнее, чем знания, подкрепленные только дипломом, как мы убедимся чуть ниже).

Для определения целей поступления студентов в магистратуру были заданы соответствующие вопросы (рис. 5). По окончании магистратуры большая часть респондентов (83 %) собираются работать по специальности, одна десятая по другому профилю и лишь 7 % видят необходимость в продолжении дальнейшего обучения в аспирантуре. Основными причинами работы по другой специальности, отмеченными респондентами, были: неверно выбранное направление обучения в магистратуре после законченного бакалавриата по другой специальности, влияние друзей и родственников на выбор, настигнувшее разо-

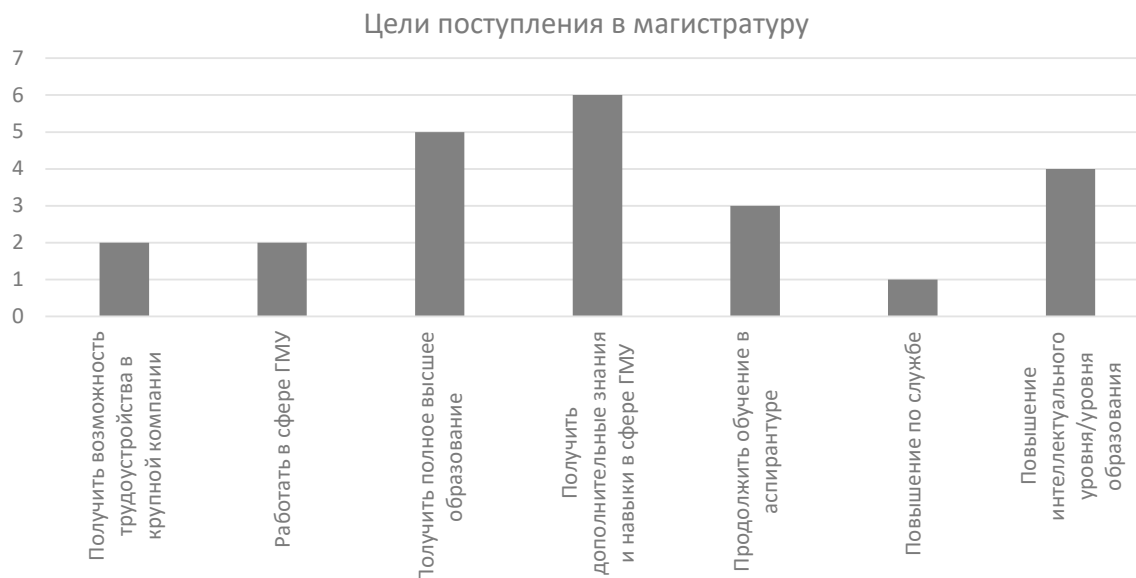

Рис. 5. Цели поступления в магистратуру

чарование в выбранной специальности. В прошлом году примерно такой же процент опрошенных (79 %) планировал работать в государственных и муниципальных структурах. В целом данный факт свидетельствует, что люди все более осознанно подходят к выбору программы обучения в магистратуре, а значит и к вопросу выбора своей будущей профессии, и к построению карьеры в сфере ГиМУ из-за обострения конкуренции в данной области.

Самыми распространенными целями поступления в магистратуру, как можно видеть на приведенной ниже диаграмме, являются – получение дополнительных знаний и навыков в сфере ГиМУ для повышения уровня своей компетенции (что говорит об их нехватке при обучении в бакалавриате), получение полного высшего образования, повышение интеллектуального уровня и дальнейшие планы обучения в аспирантуре. Все эти факторы свидетельствуют о понимании будущими специалистами важности получения степени магистра для приобретения полных навыков и знаний, и тем самым повышения уровня своей компетенции в сфере ГиМУ.

Если говорить об оценке респондентами значимости диплома о высшем образовании для работодателей, то по данным приведенной ниже диаграммы можно заметить, что, несомненно, диплом является преимуществом при устройстве на работу, однако в современном мире он играет уже далеко не самую главную роль при приеме (рис. 6). Гораздо важнее опыт и навыки у работников, а не лишь наличие у них «сухих знаний». В связи с этим, как нам кажется, необходимо вводить все больше практико-ориентированных дисциплин в обучение и прививать культуру получения профессиональных навыков, больше уделяя времени на получение опыта, нежели на получение оценок. Наличие красного диплом уже не гарантирует успешного трудоустройства, более того он несколько настораживает работодателя. В связи с этим увеличение учебных часов в пользу практики является более эффективным и полезным решением для студента, чем наличие отличных оценок. Другими словами, красный диплом в наше время уже далеко не так ценится.

Отдельно заданным к выпускникам вопросом был связан с работой по специальности (рис. 7). Со-

Рис. 6. Помощь диплома об окончании РЭУ при трудоустройстве

Рис. 7. Работа по специальности

гласно полученным данным, можно заметить, что, к сожалению, процент людей, устроившихся на работу по специальности ГиМУ значительно меньше процента людей, не работающих в данной области (32 % против 63 %). Это означает, что больше половины выпускников, закончивших направление ГиМУ не работают по нему, и по большей части из-за того, что не смогли найти вакансии; меньший процент из-за обычного отсутствия желания работать в данной сфере. Данные показатели еще раз говорят о важности пересмотра изучаемых дисциплин, имеющих больше теоретическую наклонность. В данном направлении важно еще с первых курсов пытаться накопить опыт работы в государственных структурах и в дальнейшем уже продолжать работать в тех же организациях, где и проходила практика, что еще раз подтверждает положение о перераспределении учебных часов в пользу производственной практики (к тому же, качество работы будет намного выше, так как приходит понимание внутреннего устройства данной организации).

Обращая также внимание на данные прошлых лет, можно заметить, что количество работающих по данной специальности ежегодно сокращается (на 9 % по сравнению с 2018 годом, на 17 % с 2019 годом). Прежде всего это связано с тем, что студенты старших курсов даже не имеют представления, где бы они хотели проходить практику. Зачастую это представление бывает настолько размытым, что учащиеся руководствуются только общими и «медийными» понятиями по типу «управленец», «чиновник», «госслужащий». Это говорит о том, что даже в процессе обучения студенты больше пользуются информацией, полученной из СМИ, нежели из занятий в университете – что в какой-то степени говорит о слабой информированности студентов в связи с пока еще недостаточно высоким уровнем качества образования по данной специальности.

На вопрос о необходимости обучения на направлении ГиМУ значительная часть респондентов – а именно 89 % – ответила положительно (рис. 8). Выпускники и работающие магистры отмечают, что данной профессии действительно нужно обучаться. Особенно в последнее время в связи с возрастанием популярности данного направления произошел рост конкуренции среди специалистов. Поэтому на сегодняшний момент большие шансы на трудоустройство имеют те люди, которые обладают выдающимися качествами и большим объемом компетенций в сфере ГиМУ. Данные знания нельзя получить лишь на бытовом уровне, а необходимо полное понимание государственного устройства, что в наибольшей степени раскрывается по мере обучения на данной специальности, что и отмечают респонденты.

Однако также респондентами было отмечено, что сейчас работодатели в большей степени все же тре-

Рис. 8. Необходимость обучения на ГиМУ

буют не общую управленческую подготовку, а соответствие образования специфике государственного органа (например, в большинстве случаев карьерный рост в Министерстве экономического развития идет быстрее у выпускников, обучавшихся по специальностям с финансовым и экономическим уклоном). Это также следует учитывать при устройстве на работу в тот или иной орган, и как можно раньше определить собственную сферу интересов.

Зачастую звучит такая фраза, что обучение в сфере ГиМУ сложно усвоить в полной мере, довольствуясь только теоретическими аспектами без практических. Из-за этого многие студенты говорят о необходимости этих двух составляющих для полноценного накопления профессиональных навыков. Поэтому важным и ключевым вопросом в опроснике был именно: «Что бы вы добавили в процесс обучения для поднятия уровня образования?» (рис. 9). Около 43 % респондентов предложили добавить такие мероприятия как походы в государственные учреждения. Студенты сильно оценивают возможность предоставления им ознакомления с функционированием и устройством различных государственных органов, а таким образом с познанием «кухни изнутри». Все это формирует у студентов полное и комплексное представление о тех или иных аспектах будущей профессии и положительно скажется на их будущем профессионализме.

Предложение о ведении в процесс обучения решений конкретных, жизненных задач и проблем (34 %) и о производственной практике на третьем и четвертом курсах (23 %) свидетельствуют также о важности для студентов получения опыта и практических навыков. Хочется добавить и акцентировать внимание на том, что выпускники отмечали, что лучше всего будет прохождение производственной практики не только на 4 курсе обучения, но и на 3. Это связано с тем, что за месяц преддипломной практики не удастся получить тот объем навыков, необходимых для освоения

Рис. 9. Что необходимо для поднятия уровня образования в ГМУ?

профессии и получения в ней компетенций. К тому же работодатель, как уже много раз отмечалось ранее, прежде всего ищет как можно более опытных работников (практика на двух курсах – хороший шанс для этого).

Данный вопрос о важности практических аспектов в процессе обучения, как и был актуален у опрошенных студентов прошлых лет, так и остался открытым, поэтому уже сейчас необходимо добавлять побольше практико-ориентированных дисциплин в программы университета, так как об этом просит большое количество студентов.

Другим вопросом, заданным в адрес студентам, был – «Хотите ли Вы вернуться в свой регион после окончания университета?» (рис. 10).

Для жителей Москвы или ближнего Подмосковья был отведен отдельный вариант ответа. Таковых оказалось много, поэтому, к сожалению, этот опрос не позволяет отразить полную картину непопулярности мнения о возвращении в собственный регион после окончания учебы. Но даже здесь можно заметить это явление – 43 % респондентов не хотят возвращаться и только лишь 11 % желают вернуться.

Данный вопрос остается актуальным до сих пор, потому что уже давно замечается такая тенденция, что выпускники стремятся оставаться в крупных городах (и преимущественно в столице), нежели возвращаться в свои. На данное решения влияет большой спектр факторов, но самыми основными являются: маленькие зарплаты по сравнению со «столичными», развитость коррупции в региональных структурах, маленькие возможности для личного и карьерного развития в регионах, в целом низкий уровень жизни и тому подобное. Данная картина конечно же не радует, ведь тогда не получается обретения баланса – возникает нехватка региональных кадров, в то время как в Москве, Санкт-Петербурге и т. п. переполненность специалистов. Растет региональная дифференциация, что усугубляет и без того межрегиональные дисбалансы в социально-экономическом развитии. Одним из самых очевидных способов устранения данной проблемы является обеспечение высокого уровня жизни в провинции, из-за чего не будет создаваться проблема выбора города при трудоустройстве. То есть региональным властям стоит задуматься о повышении заинтересованности возвращать молодежь

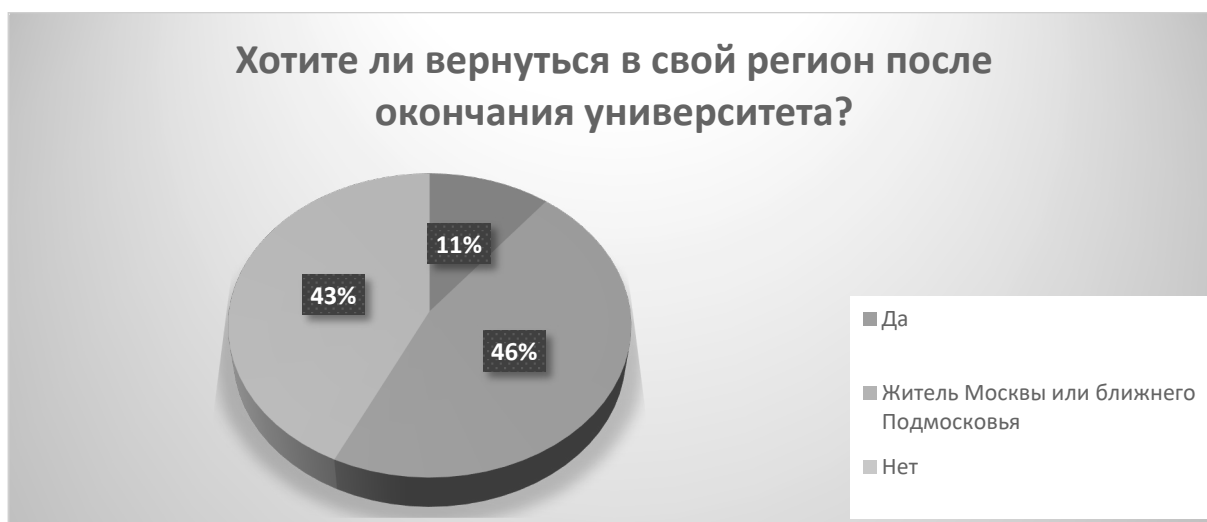

Рис. 10. Возвращение в регион после окончания университета

в регионы, предлагая им различного рода преференции и бонусы при трудоустройстве, получения жилья и иных социальных благ. (так как и там, и там будут созданы одинаковые условия). Однако это уже вопрос другого модуля.

В ходе нашего исследования мы сделали несколько выводов, одни из которых представлены ниже.

1. Больше половины опрошенных магистрантов и выпускников не работают по специальности «ГиМУ», большинство из которых не смогли найти вакансию в данной сфере. Это свидетельствует о том, что на данном рынке труда предложение превышает спрос, что безусловно является проблемой, и это не есть хорошо. Подтверждением данного факта также является то, что значительное количество опрошенных предложило проводить экскурсии/практики/кейсы в государственные учреждения, что говорит о неполном представлении о работе государственного управленца. Возможно, недостаток понимания о том, как будет выглядеть профессия и с чем придется столкнуться в реальной жизни привело к нежеланию значительной части магистрантов устраиваться по специальности. Очевидно, что это свидетельствует об острой необходимости проведения мероприятий, освещающих типичный рабочий процесс управленца государственного сектора.

2. Почти все опрошенные отмечали, что данная специальность требует обязательное профессиональное обучение с как можно большим количеством практико-ориентированных дисциплин. Ими были предложены такие идеи, как увеличения часов на производственную практику (начиная уже со 2 и 3 курсов), решение конкретных и жизненных задач и проблем, а также экскурсии в государственные учреждения. Все это поможет узнать много нюансов по своей специальности и определиться с выбором профессии. Из этого закономерно вытекает желание магистрантов научиться решению конкретных, жизненных задач и проблем, потому что даже при успешном трудоустройстве зачастую неопытному сотруднику не хватает компетенций. Подобные проблемы обычно решаются со временем путем «проб и ошибок», но было бы рациональней подготовить будущего управленца к реальным трудностям еще на этапе обучения в ВУЗе.

3. По словам магистрантов и выпускников, диплом об окончании РЭУ хоть и сыграл ключевую роль при трудоустройстве, но все же в современных реалиях куда важнее работникам уметь выигрышно «продать» себя и продемонстрировать наличие своих практических навыков и опыт, чем просто показать документ об окончании университета. Безусловно, без диплома не получится устроиться на работу по специальности ГиМУ, но работодатели обращают внимание на его наличие только в начале; дальше уже нужно показывать, какой из тебя специалист на деле.

И данное положение является подтверждением необходимости в добавлении в образовательную программу дисциплин и мероприятий, связанных с реальными жизненными проблемами и задачами.

В заключение следует отметить, что образовательный процесс напрямую влияет на трудоустройство. Данный тезис должен быть очевиден, однако при составлении образовательной программы делается упор на базовое, классическое (фундаментальное) образование, которое безусловно считается одним из лучших в стране. Но не уделяется должного внимания практической части образования, теория не всегда привязывается к реальным жизненным задачам, не всегда дается полное представление о будущей профессии. При обучении студентов на данные моменты необходимо обращать особое внимание для получения ими качественного профессионального образования.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»
2. Абрамов Р. А. Инновационные системы управления обучением как фактор повышения качества высшего образования // Самоуправление. 2020. №1 (118). С. 8–19.
3. Абрамов Р. А. Влияние современного образования на востребованность специалистов в системе государственного и муниципального управления. Инновации и инвестиции. 2019. № 1. С. 74–80.
4. Абрамов Р. А., Пронина И. В., Халатенкова Е. Ю. Повышение профессиональной востребованности выпускников ВУЗов // Образование и наука. 2016. № 10 (139). С. 91–106.
5. Абрамов, Р. А. Проблемы управленческих специальностей ВПО в экономических вузах РФ // Политика и общество. 2015. № 9. С. 1198–1209.
6. Абрамов Р. А., Забазнова Н. М., Халатенкова Е. Ю. Оценка профессиональной востребованности выпускников в системе высшего образования. / Высшее образование в России. 2016. № 11. С. 79–87.
7. Барциц И. Подготовка кадров для государственного управления: от бакалавра до доктора // Государственная служба, 2015, № 1 (93).
8. Грусман Я., Коршунова Е., Кутергина Е. Подготовка управленческих кадров // Проблемы теории и практики управления. 2015. Март. С. 136–142.
9. Мясоедов С. А. О развитии системы обучения по направлениям «менеджмент», «государственное и муниципальное управление», «управление персоналом». Вестник ИМСИТ. 2019. № 4 (80). С. 26–28.
10. Рябова Т. М., Рогач О. В. Подготовка специалистов государственного и муниципального управления : проблемы и перспективы // Материалы Ивановских чтений. 2015. № 4. С. 221–226.

11. Министерство науки и высшего образования РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

12. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/> (дата обращения: 02.12.2020).

13. Приказ Минобрнауки России от 10.12.2014 № 1567 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление (уровень бакалавриата)» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru. (дата обращения 30.11.2020).

Bibliographic list

1. Federal law No. 273-FZ of December 29, 2012 «On education in the Russian Federation».

2. Abramov R. A. Innovative learning management systems as a factor in improving the quality of higher education. 2020. No. 1 (118). P. 8–19.

3. Abramov R. A. Influence of modern education on the demand for specialists in the system of state and municipal management. Innovation and investment. 2019. № 1. P. 74–80.

4. Abramov R. A., Pronina I. V., Khalatenkova E. Yu. Increasing professional demand for University graduates // Education and science. 2016. No. 10 (139). P. 91–106.

5. Abramov R. A. Problems of management specialties of higher education in economic universities of the Russian Federation // Politics and society. 2015. No. 9. P. 1198–1209.

6. Abramov R. A., Zabaznova N. M. Halenkov E. Y. Evaluation of occupational demand for graduates in the higher education system / Higher education in Russia. 2016. No. 11. P. 79–87.

7. Bartsits I. Training of personnel for public administration: from bachelor to doctor // Public service, 2015, № 1 (93).

8. Grusman Ya., Korshunova E., Kutergina E. Training of managerial personnel // Problems of theory and practice of management. 2015. March. P. 136–142.

9. Myasoedov S. A. on the DEVELOPMENT of the training system in the areas of «management», «state and municipal management», «personnel management». Bulletin of the IMSIT. 2019. No. 4 (80). P. 26–28.

10. Ryabova T. M., Rogach O. V. Training of specialists in state and municipal management : problems and prospects // Materials of Ivanovo readings. 2015. No. 4. P. 221–226.

11. Ministry of science and higher education of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru> (accessed: 02.12.2020).

12. Portal of Federal state educational standards of higher education [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/> (accessed: 02.12.2020).

13. Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation dated 10.12.2014 No. 1567 «on approval of the Federal state educational standard of higher education in the field of training 38.03.04 State and municipal administration (bachelor's level)» [Electronic resource]. URL: www.consultant.ru. (accessed: 30.11.2020).

Информация об авторах

Р. А. Абрамов – заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор;

Л. А. Жигун – профессор кафедры государственного и муниципального управления Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России.

Information about the authors

R. A. Abramov – Head of the Department of State and Municipal Administration of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Doctor of Economic Sciences, Professor;

L. A. Zhigun – Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honorary Worker of Russia Higher Professional Education.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 31:33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-243-249>

NPON: 2015-0066-1/22-243

MOSURED: 77/27-011-2022-01-442

Экономический анализ дебиторской задолженности в предотвращении банкротства организации

Ирина Владимировна Азаренкова¹, Дмитрий Владимирович Дианов²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ _61_@mail.ru

² skad71@mail.ru

Аннотация. Данная статья направлена на детальную систематизацию обширного и разнообразного теоретического и методологического материала, посвященного аналитическим аспектам комплексного изучения дебиторской задолженности на основе уточнения сущности данного объективного явления рыночной экономики, применения статистических классификаций и системы взаимосвязанных статистических показателей.

Ключевые слова: дебиторская задолженность, операции с долгами, безопасность платежей, классификации и показатели

Для цитирования: Азаренкова И. В., Дианов Д. В. Экономический анализ дебиторской задолженности в предотвращении банкротства организации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 243–249. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-243-249>.

Original article

Economic analysis of accounts receivable in preventing the bankruptcy of the organization

Irina V. Azarenkova¹, Dmitry V. Dianov²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ _61_@mail.ru

² skad71@mail.ru

Abstract. This article is aimed at a detailed systematization of extensive and diverse theoretical and methodological material devoted to the analytical aspects of a comprehensive study of receivables based on clarifying the essence of this objective phenomenon of the market economy, the use of statistical classifications and a system of interrelated statistical indicators.

Keywords: accounts receivable, debt transactions, payment security, classifications and indicators

For citation: Azarenkova I. V., Dianov D. V. Economic analysis of accounts receivable in preventing the bankruptcy of the organization. Bulletin of economic security. 2022;(1):243–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-243-249>.

Введение

На современном этапе развития производительных сил у каждого предприятия объективно имеются свои задолженности. В условиях существующей сложной экономической системы при формировании производственно-торговых отношений на рынке каждый субъект сталкивается с необходимостью анализа больших объемов финансовой информации. Вся информационная совокупность при этом не является четкой системой, в которой бы была определена рабо-

та каждого звена предприятия, в том числе и в части особенностей бухгалтерского учета и экономического анализа хозяйственно-финансовой работы.

Совершенствование работы хозяйствующих субъектов предопределяет огромное значение методов регулирования, мониторинга и оптимизации дебиторской задолженности организаций.

На теоретическом уровне необходимо решать задачу постоянного уточнения экономической сущности дебиторской задолженности; на методологи-

ческом – смоделировать взаимосвязь дебиторской задолженности и показателей социально-экономического развития; изучать динамику и выявлять тенденции дебиторской задолженности.

1. Экономическая сущность дебиторской задолженности организаций

Задолженность перед предприятием, называемой дебиторской, возникает при оплате товаров, работ и услуг предприятию партнерами и третьими лицами. Если компания прописывает в договоре большие сроки оплаты, то может возникнуть финансовая яма, которая начинает мешать нормальной работе. На первый взгляд, эффективным способом взимания платы является оплата в день выполнения предприятием условий договора. Однако, это лишает возможности партнеров реализации продукции, то есть получения дохода, из которого и будет произведен расчет с поставщиками-кредиторами. Так же не стоит забывать и о том, что без задолженности покупателей предприятие существовать не сможет.

Так же нельзя забывать о таком элементе, как благоприятная коммуникативная среда, которая является залогом, но далеко не всегда образуется между предприятием и его партнерами. Для поддержания системы в состоянии оптимальной работы требуется постоянный контроль за расчетами с клиентами. При этом не стоит сосредотачивать все внимание только на одной из задолженностей: следует держать баланс между ними.

Для должного управления дебиторской задолженностью руководство предприятия должно создавать прогноз такой задолженности на несколько периодов вперед, составлять по этому прогнозу кредитную политику. Нельзя не сказать и о рефинансировании, которое так же помогает компании следить за состоянием задолженности покупателей. Существует еще множество способов регулирования взаимоотношений с должниками.

Сама по себе задолженность представляет собой средства, которые покупатель должен предприятию на основании заключенного договора. Если организация имеет хорошую систему управления, то такая задолженность не создает ей проблем. Однако при плохой расстановке своих возможностей предприятие может установить большой срок оплаты, в течение которого она может даже обанкротиться. Таким образом, компании сами определяют пути своего развития.

Важно определить данную задолженность как выручку, которую организация не получили после исполнения своих обязательств по договору. Сама выручка представляет собой оплату товара в виде любых средств согласно договору. Если трактовать данную ситуацию в контексте международной статистической методологии национального счетоводства, то в момент отгрузки товаров или оказания услуг возникает встречный поток, только не денег, а обязательств.

Чтобы зафиксировать размер выручки предприятие должно передать товар покупателю, а тот принять обязательства. После проделанных собственных хозяйственных действий покупатель отдает организации деньги: срок передачи может быть любой и должен быть указан в заключенном договоре. Деньги, которые передает организации покупатель и считаются доходом, или в трактовке экономического анализа – выручкой. Если покупатель отдал организации только часть суммы, то выручкой будет лишь эта часть, то есть без части долга.

Стоит отметить важность выручки именно от реализации произведенных товаров и созданных, одновременно и оказанных услуг, так как весь доход предприятия формируется в основном из нее. В целях получения наибольшей выгоды организация постоянно хочет увеличить свою выручку, а вследствие этого увеличивается и дебиторская задолженность. При резком скачке задолженности покупателей вверх может произойти сбой в работе механизмов предприятия, что часто плохо сказывается на прибыльности дела. Поэтому важно изучать факторы, которые не только положительно, но и отрицательно влияют на работу компании. Для этого необходимы специалисты, могущие применить в прикладном аспекте математико-статистические методы.

Основным фактором, который влияет на увеличение дохода, является несомненно спрос. При хорошем спросе на товар, который представляет предприятие, оно получит большой поток обязательств, которые и являются дебиторской задолженностью. Чтобы увеличить спрос нужно учесть и другие факторы, такие, как: реклама товара, качество товара, авторитет организации на рынке предоставляемого продукта, конкуренция на рынке предоставляемых товаров, платежеспособность покупателей и другие факторы, которые оказывают хоть какое-то влияние на дебиторскую задолженность и которые следует учитывать.

Зависимость предприятия от внешней и внутренней среды помогает нам разделить факторы соответствующе. Внутренние факторы, в отличие от внешних, хорошо регулируются при условии наличия грамотно отлаженного управления производством и менеджмента организации.

К внешним факторам следует относить:

- экономическое состояние страны в целом (например, если бушует инфляция, то она оставляет отпечаток и на сфере хозяйствования);
- уровень эффективности денежно-кредитной политики Центрального банка РФ слабоскоростной денежный поток, маленький объем ввода в обращение новых денег усложняет процедуру оплаты отгруженной продукции предприятий;
- состояние валютного рынка: из-за снижения стоимости национальной валюты организации теря-

ют свой доход, что так же влияет и на оплату задолженностей;

– сезонность: например, спрос на велосипеды зимой ниже, чем летом, потому что зимой потребность в них меньше;

– конкуренция на рынке и превышение предложений со стороны производителей: если на рынке много производителей определенного вида продукции, то маловероятно получение высокого дохода от этого вида деятельности, так как возникает большая конкурентная борьба, а в ней чаще побеждают компании, которые на этом рынке находятся дольше всех.

Ассортимент внутренних факторов предопределен их спецификой:

– справедливая политика предприятия: руководство предприятия должно правильно устанавливать сроки погашения задолженности, чтобы не упустить доход, а также уметь определять возможности контрагентов по сделке в оплате отгруженного продукта);

– хорошее продвижение продукта: реклама занимает важное место в образовании спроса, что создает потребность предприятия в ее качественном и привлекательном оформлении;

– профессионализм персонала: уровень и качество образования каждого работника организации так же сильно влияет на формирование конечного результата, каждый работник должен знать свою сферу деятельности и хорошо в ней разбираться;

– сбалансированная система управления: работник должен заниматься тем, что он умеет, а руководитель – правильно распределять обязанности и контролировать процесс работы.

Из всего вышеизложенного можно прийти к тому, что каждый фактор оказывает определенное влияние на финансовое состояние организации. Неумение установить сроки дебетования, его условий, может привести к ослаблению позиций организации на рынке, а еще хуже, к банкротству компании. Однако учет особенностей системы приводит предприятие к движению в положительном направлении и росту здоровой, необходимой на рынке дебиторской задолженности.

2. Классификация дебиторской задолженности организации – основа анализа ее структуры

Необходимость применения статистических классификаций для изучения структуры и структурных сдвигов дебиторской задолженности определяется многогранностью этого финансового обстоятельства набором критериев, по которым ее виды различаются. Так же важно отметить, что незнание классификаций или непонимание их значения в экономическом анализе влияет на качество аналитического учета в организации, вследствие чего субъект рынка может попросту стать банкротом.

Рассмотрение классификаций с научной точки зрения начинается с установления основных критериев их построения. Познание же задолженности покупателей с точки зрения науки заключается в определении ее понятия, объекта, основанного на разделении на группы.

Понятие классификации можно рассматривать с нескольких сторон. С одной стороны, она является методом исследования, а с другой – его результатом. Первое определение раскрывает значение классификации в части разделения исследуемого объекта на группы. Второе определение раскрывает значение классификации как результата такого разделения.

Чтобы построить классификацию явления наиболее наглядно чаще всего используются иерархические виды схем. Они удобны при составлении и просты в понимании. Так же можно использовать системы-фасеты. Их суть заключается в том, что каждую группу образуют элементы, схожие по одному или нескольким признакам. Для нашего исследования наиболее целесообразно использовать второй вариант построения классификаций, то есть фасетную схему, но нельзя забывать и про удобство иерархической системы для составления отдельных групп.

При классификации дебиторской задолженности стоит начать с такого критерия, как субъект расчета, классификация по которому представлена на рисунке 1.

Поскольку мы выяснили важность сроков дебиторской задолженности для функционирования орга-

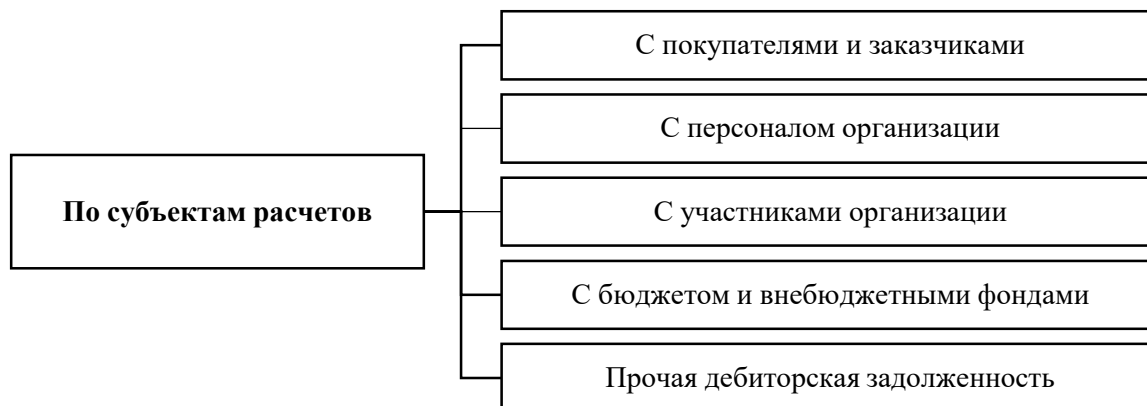

Рис. 1. Классификация дебиторской задолженности по субъектам расчетов

низации, необходимо разделять ее по срокам оплаты. Данная группировка приведена на рисунке 2.

На рынках движение стоимости сопровождается юридическим оформлением в форме договоров по купле-продаже продукции. Одни покупатели покупают продукцию только у одной фирмы, другие у разных, в зависимости от цены и качества. Поэтому важно разделить дебиторскую задолженность по частоте повторяемости, что представлено на рисунке 3.

Иногда задолженность возникает без договора и сроки ее оплаты могут быть неизвестны. Тогда важно

разделить ее по причине образования. Схематично такое деление представлено на рисунке 4.

В организации дебиторами могут быть не только сторонние организации и третьи лица, так как, например, дебиторская задолженность может образоваться и у персонала, и закрывается за счет заработной платы. Из этого справедливо следует деление задолженности по принадлежности к организации, что представлено на рисунке 5.

В условиях слабой налоговой дисциплины, при наличии большого числа коррупционных или иных

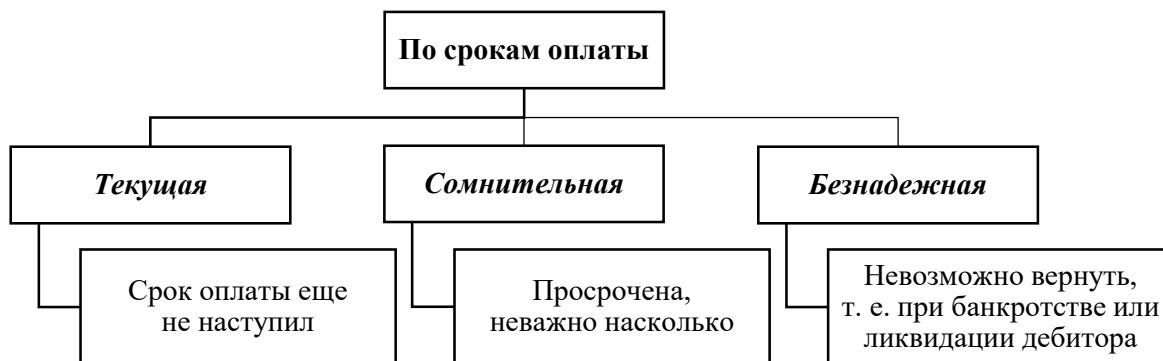

Рис. 2. Классификация дебиторской задолженности по срокам оплаты

Рис. 3. Классификация дебиторской задолженности по частоте повторяемости

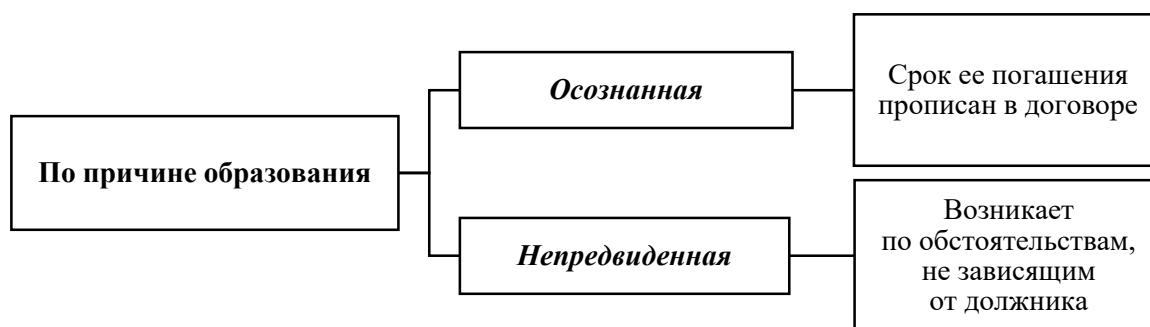

Рис. 4. Классификация дебиторской задолженности по причине образования

Рис. 5. Классификация дебиторской задолженности по принадлежности к организации

незаконных сделок, их участники стремятся скрыть свои настоящие отчетные документы, ведут «двойную» бухгалтерию. К полному закрытию предприятия в этом случае приведет сам факт выявления таких обстоятельств. Соответствующая классификация представлена на рисунке 6.

Целесообразно разделять дебиторскую задолженность и по срокам погашения, что наглядно показано на рисунке 7.

Дифференцировать, а затем и ранжировать следует самих дебиторов, как это следует из схемы на рисунке 8.

Несмотря на огромное количество классификаций, при их использовании, правильное сказать – внедрении, могут возникать и проблемы, например:

- низкий процент организаций в своем экономическом анализе используют статистические классификации в силу отсутствия специалистов на предприятии;
- нет определенного подхода к применению классификаций дебиторской задолженности;
- отсутствие желания применения классификаций и поиска схожих категорий для объединения в

группы ввиду пребывания в стабильном периоде развития производственного менеджмента и торгового маркетинга.

Следующим, уже методологическим аспектом анализа дебиторской задолженности выступает овладение системой относительных показателей.

3. Относительные статистические показатели, применяемые для анализа дебиторской задолженности организации

Как отмечалось ранее, предприятие должно контролировать дебиторскую задолженность и держать ее в постоянном балансе, что позволит облегчить движение вновь созданной стоимости, осуществление расчетов, а также будет поддерживать денежные потоки в организацию в положительном объеме, не позволяя долгам перекрыть доход, а должникам взять верх над ситуацией.

Также отмечалась двойственность ситуации с дебиторской задолженностью: хорошо, когда ее нет, но это можно отождествлять с прекращением деятельности вообще. Уменьшение задолженности покупателей свидетельствует о плохом спросе на производимую продукцию. Поэтому резкое ее падение может

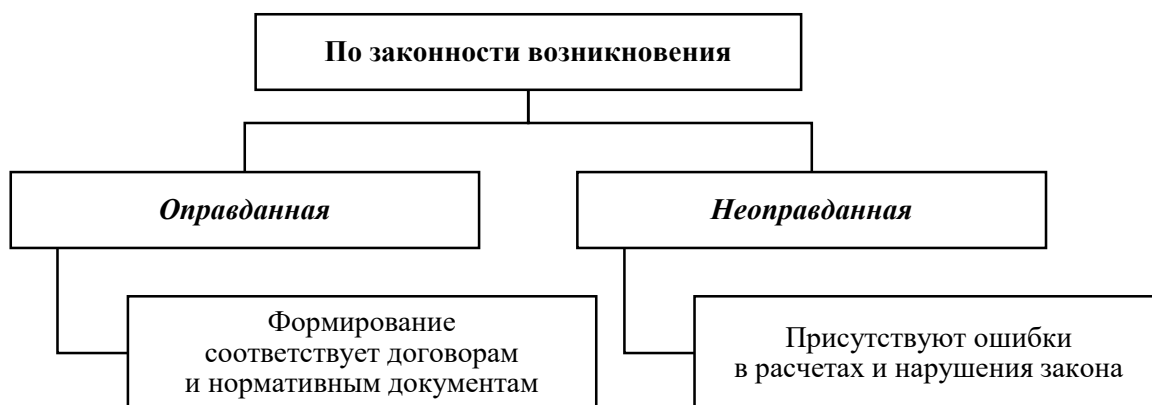

Рис. 6. Классификация дебиторской задолженности по законности возникновения

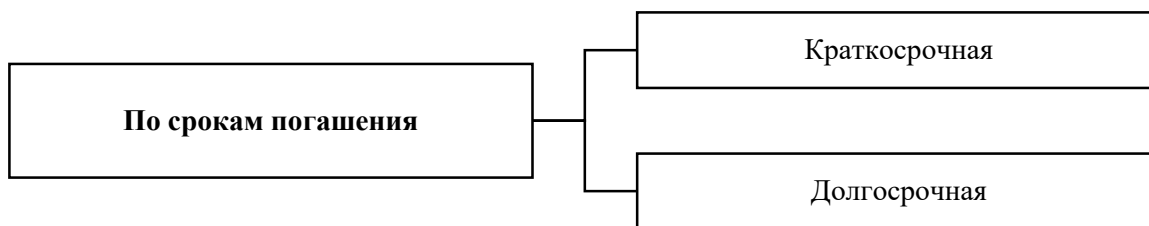

Рис. 7. Классификация дебиторской задолженности по срокам погашения

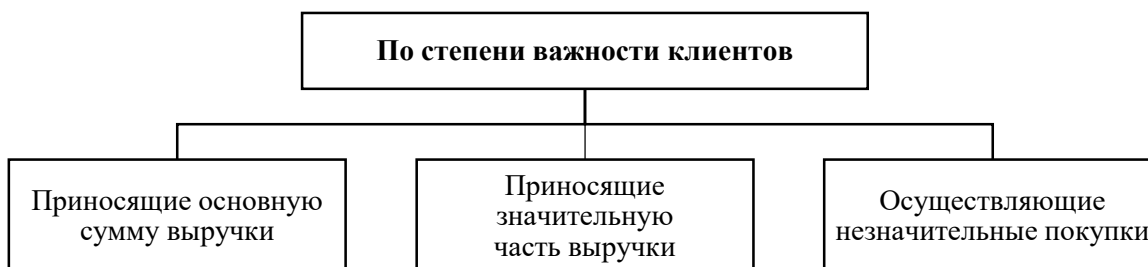

Рис. 8. Классификация дебиторов по степени важности

привести к снижению числа партнеров или даже к банкротству. Именно поэтому нужно осуществлять постоянный надзор за дебиторской задолженностью, языком которого являются научно-обоснованные показатели, причем взаимодополняющие друг друга.

Анализ обычно проводят на основе нижеприведенной системы показателей. Так же по ним производится оценивание дебиторской задолженности:

1. Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности:

$$K_0 = \frac{BP}{ДЗ}, \text{ где}$$

K_0 – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности. Он показывает количество возникновений и погашений задолженности покупателей;

BP – наш доход от продажи;

$ДЗ$ – дебиторская задолженность в среднем за год.

Чем больше становится коэффициент, тем меньше организация продает в кредит. Чем меньше данный коэффициент, тем, соответственно, больше.

2. Дебиторская задолженность в среднем за год:

$$ДЗ_{\text{сред}} = \frac{ДЗ_{\text{нг}} + ДЗ_{\text{кг}}}{2}, \text{ где}$$

$ДЗ_{\text{сред}}$ – дебиторская задолженность в среднем за год;

$ДЗ_{\text{нг}}$ – задолженность покупателей на начало года;

$ДЗ_{\text{кг}}$ – задолженность покупателей на конец года.

3. Длительность погашения дебиторской задолженности (в днях):

$$I_d = \frac{360}{K_0}, \text{ где}$$

I_d – длительность погашения дебиторской задолженности (в днях);

K_0 – коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности.

Если покупатель долго не оплачивает продукт, то велик риск того, что он ее не погасит никогда. Вышеприведенный коэффициент был создан для определения вероятности погашения, а также составления прогноза на будущие периоды.

4. Коэффициент просроченности дебиторской задолженности:

$$K_{\text{пзд}} = \frac{ДЗ_{\text{неоплач}}}{ДЗ_{\text{общ}}}, \text{ где}$$

$K_{\text{пзд}}$ – коэффициент просроченности дебиторской задолженности;

$ДЗ_{\text{неоплач}}$ – неоплаченная по срокам задолженность покупателей;

$ДЗ_{\text{общ}}$ – задолженность покупателей в целом.

5. Доля дебиторской задолженности в общей величине оборотных средств организации (в процентах):

$$УД_{\text{дз}} = \frac{ДЗ}{A} * 100\%, \text{ где}$$

$УД_{\text{дз}}$ – доля дебиторской задолженности в общей величине оборотных средств организации;

$ДЗ$ – задолженность покупателей в среднем за год;

A – текущие активы организации.

Если, то система организации более подвижна. Значит, если этот показатель растет, то вероятность того, что покупатель оплатит продукт снижается.

6. Средний возраст просроченной дебиторской задолженности:

$$T_{\text{пзд}} = \frac{ДЗ_{\text{срост}}}{V_{\text{одн}}}, \text{ где}$$

$T_{\text{пзд}}$ – средний возраст просроченной дебиторской задолженности;

$ДЗ_{\text{срост}}$ – остаток задолженности покупателя, которая не оплачена вовремя, в среднем;

$V_{\text{одн}}$ – объем продаж за один день.

После комплексного анализа показателей и оценки задолженности покупателей делается заключение. На основе этого заключения составляется прогноз и разрабатывается план по контролю и регулированию задолженности покупателей. Для этого существует множество мероприятий, которые помогают следовать разработанному плану, в том числе:

- постоянный надзор за производением расчетов с клиентами (нарушение плана может привести к нарушению механизма работы организации и снижению безопасности ее платежей);

- увеличение количества покупателей продукта (если вдруг один клиент не уплатит в срок, то выручка другого поможет продержаться на плаву организацию какое-то время);

- привлечение покупателей за счет скидок (чаще всего клиенты, видя низкие цены, покупают больше).

Помимо вышеприведенных действий нужно указать и такие:

- введение такого элемента, как предоплата продукта;

- так же можно ввести оплату по частям;

- при производстве продукции можно выставлять счет еще до ее готовности;

- так же следует заручиться гарантией банка и предоставлять ее клиентам;

- отсрочка оплаты.

Подводя итог, можно сказать, что каждая организация должна тщательно следить за движением дебиторской задолженности не только в аспекте сравнения пороговых, плановых и фактических значений показателей, но и в увязке с реальными творческими мероприятиями, направленными на ускорение продвижения на рынок создаваемой продукции и иной стоимости, как промышленные и потребительские услуги.

Библиографический список

1. Анфалова К. Н. Анализ дебиторской и кредиторской задолженности // Молодой ученый. 2021. № 4 (346). С. 152–155.

2. Бондина Н. Н., Бондин И. А., Егорова Ю. А. Дебиторская задолженность : аспекты контроля // Бухучет в сельском хозяйстве. 2021. № 2. С. 50–57.
3. Васюкова А. А. Управление дебиторской и кредиторской задолженностью предприятий // Студенческий вестник. 2021. № 4-4 (149). С. 73–75.
4. Карманова Е. Ю. Разработка системы управления дебиторской задолженностью для предприятия // Синергия Наук. 2020. № 52. С. 339–348.
5. Мазий И. Б. Системы автоматизации управления дебиторской задолженностью // Хроноэкономика. 2020. № 7 (28). С. 88–93.
6. Минаева С. С. Дебиторская и кредиторская задолженность : направления оптимизации // Экономика и бизнес : теория и практика. 2020. № 12-2 (70). С. 128–131.
7. Сафронов Д. М., Никулина С. Н., Гривас Н. В. Управление дебиторской задолженностью покупателей // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 1. С. 297–304.
8. Степанова Т. А., Павельева Г. Н. История развития учета дебиторской и кредиторской задолженностей // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-3. С. 67–70.
9. Shakeyev S. S., Kassymova A. G., Temirbekova L. A. Modern management issues receivables in enterprises // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2018. T. 91. № 3. P. 249–259.

Bibliographic list

1. Anfalova K. N. Analysis of accounts receivable and accounts payable // Young scientist. 2021. No. 4 (346). P. 152–155.
2. Bondina N. N., Bondin I. A., Egorova Yu. A. Accounts receivable : aspects of control // Accounting in agriculture. 2021. No. 2. P. 50–57.
3. Vasyukova A. A. Management of accounts receivable and accounts payable of enterprises // Student Bulletin. 2021. No. 4-4 (149). P. 73–75.
4. Karmanova E. Y. Development of accounts receivable management system for the enterprise // Synergy of Sciences. 2020. No. 52. P. 339–348.
5. Maziy I. B. Systems of automation of accounts receivable management // Chronoeconomics. 2020. No. 7 (28). P. 88–93.
6. Minaeva S. S. Accounts receivable and accounts payable : areas of optimization // Economics and Business: theory and practice. 2020. No. 12-2 (70). P. 128–131.
7. Safronov D. M., Nikulina S. N., Grivas N. V. Management of accounts receivable of buyers // Actual issues of modern economy. 2021. No. 1. P. 297–304.
8. Stepanova T. A., Paveleva G. N. The history of the development of accounts receivable and accounts payable // Trends in the development of science and education. 2021. No. 69-3. P. 67–70.
9. Shakeyev S. S., Kassymova A. G., Temirbekova L. A. Modern management issues receivables in enterprises // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2018. T. 91. № 3. P. 249–259.

Информация об авторах

И. В. Азаренкова – старший специалист-ревизор Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Ростовской области, соискатель по кафедре экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

Д. В. Дианов – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the authors

I. V. Azarenkova – Senior Specialist-Auditor of the Department of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Rostov region, Applicant of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’;

D. V. Dianov – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot’, Doctor of Economic Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 15.03.2022.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 15.03.2022.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-250-256>

НИОН: 2015-0066-1/22-244

MOSURED: 77/27-011-2022-01-443

Инвестиционная активность в России на фоне пандемии COVID-19

Татьяна Васильевна Волкова¹, Людмила Валентиновна Рахлина²

^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹ volktv@bk.ru

² rl1973@inbox.ru

Аннотация. Выполнен анализ инвестиций в основной капитал. Рассмотрена динамика прямых иностранных инвестиций. Выявлены отрасли, в которых наблюдается наибольшая инвестиционная активность на фоне кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Обозначены точки инвестиционной активности в России.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная активность, основные фонды, отрасли, пандемия COVID-19, точки роста

Для цитирования: Волкова Т. В., Рахлина Л. В. Инвестиционная активность в России на фоне пандемии COVID-19 // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 250–256. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-250-256>.

Original article

Investment activity in Russia amid the COVID-19 pandemic

Tatyana V. Volkova¹, Lyudmila V. Rakhlina²

^{1,2} Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

¹ volktv@bk.ru

² rl1973@inbox.ru

Abstract. The analysis of investments in fixed assets is performed. The dynamics of foreign direct investment is considered. The industries that are experiencing the greatest investment activity against the background of the crisis caused by the COVID-19 pandemic are identified. The points of investment activity in Russia are indicated.

Keywords: investments, investment activity, fixed assets, industries, COVID-19 pandemic, growth points

For citation: Volkova T. V., Rakhlina L. V. Investment activity in Russia amid the COVID-19 pandemic. Bulletin of economic security. 2022;(1):250–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-250-256>.

Мировой пандемический кризис негативным образом отразился на темпах роста ВВП и эффективности производства в России, усугубив все имеющиеся и до того социально-экономические проблемы. Сложившаяся ситуация требует изыскания дополнительных рычагов для поддержания и наращивания экономического потенциала страны. Привлечение инвестиций в реальный сектор экономики может стать одним из них в случае изменения инвестиционного климата в стране в сторону благоприятствования.

Целью данной статьи является анализ инвестиционной активности в России на фоне пандемии COVID-19 и выявление точек ее дальнейшего роста.

Привлечь и разместить капитал, заставить его работать на себя позволяет инвестиционный рынок.

В этой связи формирование и эффективное функционирование инвестиционного рынка как формы взаимодействия субъектов инвестиционной деятельности, характеризующегося определенным соотношением спроса, предложения, уровнем цен, конкуренции и объемами реализации, выходит на передний план.

Одним из сегментов рынка инвестиций является рынок объектов реального инвестирования, представляющий собой инвестирование в развитие материально-технической базы предприятий, в строительство новых объектов недвижимости и прочие материальные объекты.

По оценке федеральной службы государственной статистики (Росстат), на конец 2019 г. степень износа основных фондов в среднем по стране составляла

37,8 %, при этом более чем в половине регионов данный показатель был выше указанного значения, в том числе в отдельных регионах достигал 50 % и выше. Ханты-Мансийский автономный округ, где изношенные основные фонды составили 65,1 %, стал антилидером этого рейтинга [1].

В России на протяжении последнего десятилетия сохраняется стабильно низкая доля инвестиций в основной капитал относительно ВВП, которую необходимо наращивать, в том числе и за счет прямых иностранных инвестиций, рассматривая их не только как источник «длинных» денег, но и как один из факторов притока высоких технологий.

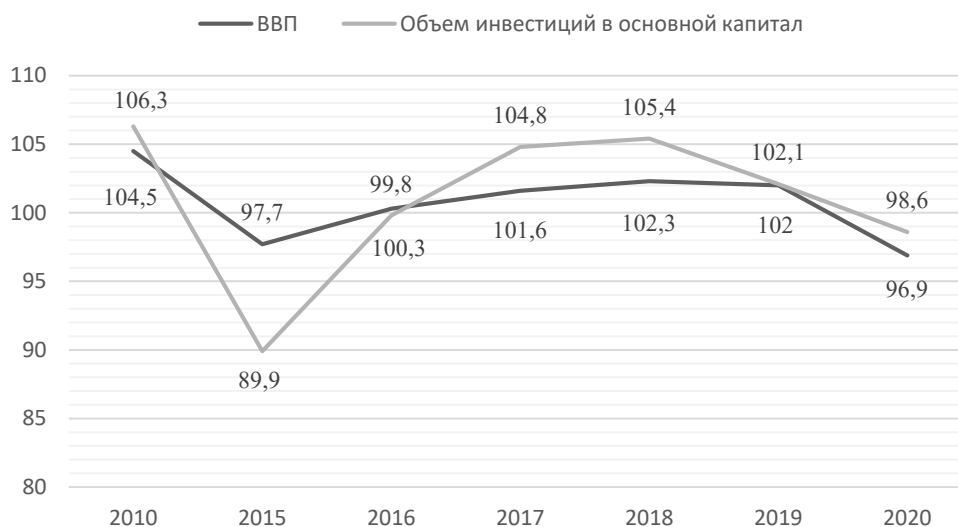
Динамика объемов инвестиций в основной капитал, представленная на рисунке 1, свидетельствует о спаде инвестиционной активности на фоне пандемии. Однако, если по оценкам Росстата в 2020 г. ВВП составил 106606,6 млрд рублей, что на 3,1 % ниже, чем в 2019 г., то объем инвестиций в основной капитал в целом по Российской Федерации снизился только на 1,4 % [2] при увеличении номинальных объемов инвестиций до 4,1 %. Данный факт свидетельствует о том, что кризис, развивающийся на фоне пандемии COVID-19, нанес значительно меньший урон, чем предполагалось.

Динамика инвестиций в основной капитал зависит от повышения инвестиционной активности, роста инвестиционных ресурсов, снижения уровня инфляции и процентных ставок по кредитам, эффективности реализации инвестиционных программ инфраструктурных компаний (субъектов естественных монополий), а также мер государственного регулирования, к которым можно отнести льготное кредитование малого и среднего бизнеса, реализацию принципов «инфраструктурной ипотеки» в механизмах проектного финансирования, государственно-частного партнерства и другие.

На «инфраструктурную ипотеку», когда частные инвесторы выдают кредит государству на строительство инженерных, транспортных, социальных и прочих инфраструктурных объектов по привлекательным для них ставкам, а финансовую ответственность перед ними несут получатели благ от этих объектов, возлагаются большие надежды. Предполагается, что в конечном итоге увеличение доли участия частного капитала в инфраструктурных проектах принесет благо всем: потребителям, производителям, инвесторам, государству в целом и позволит достичь опережающих темпов роста экономики. Так, например, инвестиции в сферу здравоохранения, реализуемые через строительство новых клиник, являются вкладом в благосостояние и процветание населения, инвестициями в будущее страны. Частные инвесторы, осуществляющие прямые инвестиции в реальный сектор, развивают не только свой, но и сопутствующий бизнес, а также рыночную инфраструктуру.

В 2019 году зарубежные инвестиции были вложены в 191 проект на территории России, что позволило ей остаться в первом десятке стран, наиболее привлекательных для инвестирования.

В 2020 г., несмотря на снижение оттока из России иностранных инвестиций по сравнению с предыдущим годом (6,3 млрд руб. и 22,6 млрд руб. в 2020 г. и 2019 г. соответственно), баланс прямых иностранных инвестиций (ПИИ) показал отрицательное значение в 4,9 млрд долл., хотя еще в 2019 г. он был положительным (6,3 млрд долл.). Это связано с тем, что приток прямых иностранных инвестиций за это же период упал в 20 раз (с 28,9 млрд долл. в 2019 г. до 1,4 млрд долл. в 2020 г.) [4]. Однако одновременно с этим выросший примерно на столько же объем эмиссии внутренних долгосрочных облигаций позволил компенсировать сложившийся финансовый дисбаланс. В то

По данным Росстата

Рис. 1. Взаимосвязь динамики ВВП и динамики инвестиций в основной капитал (в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году) [2; 3]

же время уменьшение общего объема иностранных инвестиций в 2020 г. на 96 % – это своеобразный рекорд: наихудшее значение по данному показателю было отмечено только в 1994 г.

Динамика общего количества проектов ПИИ за период с 2005 г. по 2019 г. представлены на рисунке 2.

Несмотря на сложную экономическую ситуацию, связанную с пандемией COVID-19, по оценкам специалистов в 2020 г. реализация ранее начатых проектов ПИИ практически полностью осуществлена.

Преимущество, состоявшее в долгосрочности вложений и соответственно в возможности получения прибыли в течении длительного периода, делает инвестирование в основной капитал достаточно привлекательным и позволяет повысить как уровень жизни населения, так и экономический потенциал государства.

Традиционно для России к видам экономической деятельности, в которых наблюдалась наибольшая инвестиционная активность, до недавнего времени относились добыча полезных ископаемых, промышленность, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, транспортировка и хранение (рис. 3).

Скорее всего такая тенденция объяснялась следующим:

- 1) приоритетностью данных видов деятельности для государства;
- 2) страхованием инвестиционных рисков в этих отраслях, что снижало опасность потери денежных средств.

Однако за последний год ситуация существенно изменилась: значительный спад инвестиционной активности в одних отраслях происходит на фоне столь же значительного увеличения в других (рис. 4).

Изменения в традиционном здравоохранении связаны с внедрением цифровых технологий в эту, одну из важнейших сфер жизнедеятельности общества. Ранняя диагностика заболеваний посредством использования искусственного интеллекта и удаленных консультаций с врачом в период пандемии стали как никогда актуальны. Информатизация системы здравоохранения превращает пассивных участников рынка – пациентов в активных потребителей всего спектра полноценных и качественных медицинских услуг, получающих от врачей более кастомизированные

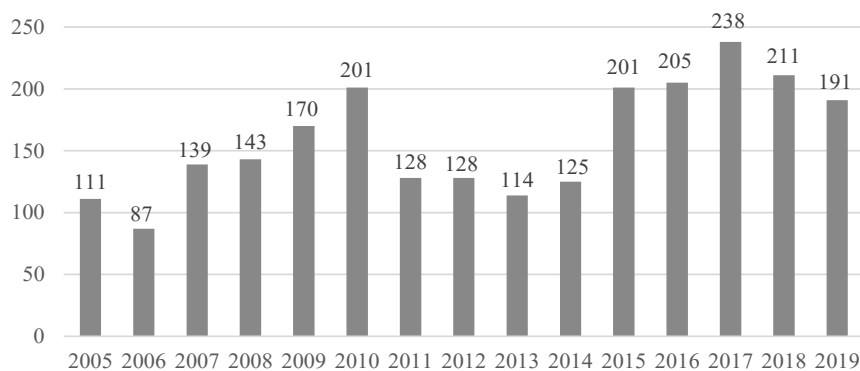

Рис. 2. Динамика общего количества проектов ПИИ в России [5]

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал по отдельным видам экономической деятельности за период с 2017 г. по 2019 г. в % к итогу [6]

Рис. 4. Динамика инвестиций в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства) по отдельным видам экономической деятельности в первом полугодии 2020 г., % к аналогичному периоду 2019 года [7]

(адаптированные под запросы конкретного пациента) медицинские услуги и прозрачную информацию.

Цифровизация российской медицины и здравоохранения, с одной стороны, быстро развивающийся, а с другой – сложный и рискованный рынок, существовавший до недавнего времени в основном за счет государственного финансирования. В настоящее время базовая информатизация медицины завершена: большинство врачей осуществляют прием пациентов с использованием компьютеров, объединенных во внутренние, а зачастую и внешние защищенные сети, ведутся электронные медицинские карты, созданы сайты медицинских организаций, позволяющие осуществлять запись к врачу через Интернет, а «Единый портал госуслуг» стал практически единым окном входа в цифровое здравоохранение для граждан страны» [8].

Вышесказанное вполне позволяет говорить о создании благодатной почвы для внедрения разнообразных программных продуктов в области цифрового здравоохранения. MedTech рынок (рынок медицинских технологий) в период пандемии стал лидирующим среди наиболее перспективных направлений для инвестирования. Например, АО «Российская венчурная компания» и Минпромторг России создает специализированный венчурный фонд для высокотехнологичных медицинских проектов, объем которого составит 4,5 млрд руб. [9].

Пандемия COVID-19 оказала влияние на сферу образования. Закрытие школ и университетов ввиду вынужденных карантинных ограничений привело к росту инвестиций в эту отрасль в первом полугодии 2020 г. на 23,1 %. При этом основная масса инвестиций приходится на технологические образовательные проекты (EdTech-стартапы).

На фоне быстро растущего спроса интерес инвесторов к рынку онлайн-образования, развивавшемуся достаточно успешно и в докризисное время, в период пандемии значительно возрос. Например, в 2020 г. по сравнению с 2019 г. компании «Skillbox» и «Яндекс. Практикум», работающие в сегменте «Цифровые профессии», увеличили выручку от продаж на 254,44 % и 813,33 % соответственно, а «Московская школа управления Сколково» (сегмент – бизнес-образование) – на 24700,0 % [10]. Посещаемость платформы «Учи. ру» увеличилась в шесть раз по сравнению с докарантинным периодом и составляет до трех миллионов человек в день, а трафик «Skyeng» и число зарегистрировавшихся на платформе «Нетология», специализирующихся на школьном и бизнес-образовании, возросли от 2-х до 2,5 раз [10]. Все вышесказанное позволяет говорить о том, что на данный момент рынок EdTech уже составляет серьезную конкуренцию традиционному образованию.

Ранее предполагалось, что растущий ежегодно на 20–25% российский рынок EdTech к 2020 г. достиг-

нет 66–65 млрд рублей [11]. Пока итоговые цифры за 2020 г. отсутствуют, но, вероятнее всего, они окажутся значительно выше, т.к. пандемия дала серьезный толчок развитию отрасли и способствовала повышению привлекательности российских EdTech-стартапов для инвесторов, а адаптация продуктов, выпускаемых этими компаниями, для зарубежных стран только усилит их интерес.

В первом полугодии 2020 г. государственное управление также стало одним из лидеров по динамике инвестиций (+50,4 %).

Мировые технологические и экономические изменения актуализировали проблему неподготовленности российской системы государственного управления к решению быстро нарастающего объема разнообразных и сложных задач. Поэтому остро встал вопрос о ее трансформации как основы будущего развития России. Сквозная межведомственная цифровизация процессов, разрабатываемая в рамках концепции «Государство как платформа», позволит предоставлять государственные услуги и обеспечить деятельность самой системы государственного управления посредством гибкой, адаптивной, высокотехнологичной инфраструктуры системы управления, упрощающей взаимодействие пользователей.

Среди проектов, которые в настоящее время внедряются в работу госорганов, можно выделить: «Единый портал госинформирования, в том числе о результатах мониторинга окружающей среды», разработанный Министерством по чрезвычайным ситуациям, Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и Федеральным агентством лесного хозяйства с учетом экологических катастроф, произошедших на территории России в 2020 г.; единую цифровую платформу «Физическая культура и спорт»; платформу Роспатента по оформлению патентов в онлайн-режиме, разработанные на основе использования технологий искусственного интеллекта. Прошли аттестацию цифровые сервисы по блокировке телефонных мошенников и получению результатов анализов на COVID-19 в режиме реального времени. В 2020 г. Центром подготовки руководителей цифровой трансформации ВГУ РАНХиГС запущены интерактивные онлайн-курсы по основам цифровой трансформации для всех желающих и для представителей всех уровней власти.

В 2020 г. на гранты под проекты российских цифровых решений в различных областях жизнедеятельности государства и общества Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций выделено 7,1 млрд руб. [12].

Среди наиболее пострадавших от распространения коронавирусной инфекции отраслей можно выделить туризм. Несмотря на огромные потери в начале кризиса в настоящее время в данной отрасли наблю-

дается небывалый подъем внутренних туристических направлений, что открывает большие перспективы для инвестирования. Потенциал этого рынка оценен Институтом государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ в 1,5 трлн руб. Из 21,7 млн человек, путешествовавших по России в 2020 году 84 % остались удовлетворены поездкой [13], загруженность традиционных для россиян курортов Краснодарского края и Крыма была максимальной. В понимании того, что на данный момент интерес к внутреннему туризму вызван больше закрытием границ, необходимо закрепление этого успеха и формирование у российских граждан устойчивого благоприятного мнения об отдыхе на собственной территории посредством развития инфраструктуры, улучшения качества сервиса, разработки новых направлений.

Одним из наиболее эффективных инструментов привлечения инвестиций в развитие внутреннего туризма является государственно-частное партнерство, обеспечивающее взаимовыгодное сотрудничество управленческих структур государственного и/или регионального уровня и бизнеса в целях реализации программ и проектов развития территорий, работающее на принципах софинансирования инновационных проектов, диверсификации и аутсорсинга государственной поддержки, снижающих риски государства и нивелирующих возможную низкую квалификацию государственных чиновников в оценке проектов.

Государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» планируется инвестировать в туристические проекты Центральной России, Камчатки и Курильских островов в объеме 80 млрд рублей [14]. В планах госкорпорации ВЭБ.РФ во взаимодействии с другими холдингами и компаниями вложение многомиллиардных средств в строительство нового круглогодичного горнолыжного курорта в Сочинском национальном парке и в развитие особой туристско-рекреационной зоны на территории горнолыжного курорта «Шерегеш» (Кемеровская область).

В рамках данной статьи хочется также обратить внимание на развитие такого альтернативного инструмента привлечения инвестиций, как краудфандинг (коллективное инвестирование). В России, как и во всем мире, его популярность как источника денежных ресурсов для начинающих компаний, осуществляемого через инвестиционные платформы в Интернете или социальных сетях, увеличивается. Эффективность данного инструмента привлечения инвестиций подтверждает оборот глобального рынка краудфандинга в 2019 г. – 13,9 млрд долл. США и прогноз на конец 2026 г. – 39,8 млрд долл. США [15].

Для того, чтобы краудфандинг в полную силу заработал и в России, необходимо сформировать доверительную среду в этом сегменте, повысить его прозрачность и снизить риски для розничных инвесто-

ров. Начало этому процессу уже положено принятием Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16].

Заключение.

Анализ инвестиционной активности показал:

1. Даже в период кризиса, вызванного пандемией COVID-19 и отягощенного дополнительными санкциями со стороны западных стран, Россия обладает значительными резервами для увеличения инвестиционной активности, реализация которых позволит внести достойный вклад в рост экономики страны и обеспечение ее экономической безопасности.

2. Точками роста инвестиционной активности в России являются:

– Внедрение цифровых технологий во все сферы жизни государства и общества.

– Развитие новых направлений инвестирования, например, внутреннего туризма, экотуризма.

– Реализация принципов «инфраструктурной ипотеки» в механизмах проектного финансирования и государственно-частного партнерства при осуществлении инвестирования.

– Развитие таких альтернативных механизмов инвестирования, как краудфандинговые платформы.

Список источников

1. Эффективность экономики России. Степень износа основных фондов на конец года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186?print=1> (дата обращения: 06.03.2021).

2. Социально-экономическое положение России Москва. Январь 2021 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fU7e3uMD/osn-01-2021.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

3. Информация о социально-экономическом положении России. Январь-февраль 2021 года. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cPP0b1Am/oper-02-21.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

4. Инвестиции, 2020 г. : кризис для одних отраслей и новые возможности для других. Комментарии о государстве и бизнесе. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики Режим доступа: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/451772827.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

5. Исследование инвестиционной привлекательности стран Европы Россия Июнь 2020. Режим доступа: <https://ru.investinrussia.com/data/file/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf> (дата обращения: 21.03.2021).

6. Российский статистический ежегодник. 2020 : Стат. сб. / Росстат. Р76 М., 2020. 700 с. Ре-

жим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (дата обращения: 21.03.2021).

7. Динамика инвестиций в основной капитал на фоне пандемии COVID-19 // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики № 67. Режим доступа: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/5478> (дата обращения: 01.03.2021).

8. Обзор российских инвестиций в цифровое здравоохранение. Режим доступа: <https://webiomed.ai/blog/obzor-rossiiskikh-investitsii-v-tsifrovoe-zdravookhranenie/>. (дата обращения: 21.03.2021).

9. Минпромторг и РВК запустят венчурный фонд для высокотехнологичных медицинских проектов. Режим доступа: <https://rb.ru/news/minpromtorg-rvk-medtech/> (дата обращения: 03.05.2021).

10. Крупнейшие Edtech-компании России. Рейтинг крупнейших компаний на рынке онлайн образования. Режим доступа: <https://edtechs.ru/> (дата обращения: 03.05.2021).

11. Российский рынок EdTech в дополнительном профессиональном и дополнительном образовании взрослых. Режим доступа: <https://academia.interfax.ru/analytcs/research/4257/> (дата обращения: 03.05.2021).

12. Минцифры раздаст 7 миллиардов российским ИТ-разработчикам // С-News Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/top/2020-09-22_mintsifry_razdast_7_milliardov (дата обращения: 03.05.2021).

13. Пандемия как возможность : эксперты Вышки оценили перспективы внутреннего туризма. Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/expertise/433402363.html/> (дата обращения: 21.03.2021).

14. ВЭБ рассматривает инвестирование в туристические проекты на сумму 80 млрд рублей. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/9588497> (дата обращения: 15.04.2021).

15. Доклад для общественных консультаций «Развитие альтернативных механизмов инвестирования : прямые инвестиции и краудфандинг» Режим доступа: https://cbr.ru/analytcs/d_ok/Consultation_Paper_200811/ (дата обращения: 03.05.2021).

16. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.08.2019 (дата обращения: 21.03.2021).

References

1. Efficiency of the Russian economy. The degree of depreciation of fixed assets at the end of the year. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186?print=1> (accessed: 06.03.2021).

2. Socio-economic situation of Russia Moscow. January 2021. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/fU7e3uMD/osn-01-2021.pdf> (accessed: 21.03.2021).
3. Information about the socio-economic situation of Russia. January-February 2021. Access mode: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/cPP0b1Am/oper-02-21.pdf> (accessed: 21.03.2021).
4. Investments, 2020 : crisis for some industries and new opportunities for others. Comments about the state and business. National Research University Higher School of Economics Access mode: <https://dcenter.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/451772827.pdf> (accessed: 21.03.2021).
5. Research of investment attractiveness of European countries Russia June 2020. Access mode: <https://ru.investinrussia.com/data/file/european-attractiveness-survey-russia-2019-rus.pdf> (accessed: 21.03.2021).
6. Russian Statistical Yearbook. 2020 : Stat. sat. / Rosstat. P76. M., 2020 700 p. Access mode: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegodnik_2020.pdf (accessed: 21.03.2021).
7. Dynamics of investments in fixed assets against the background of the COVID-19 pandemic // Bulletin on current trends of the Russian economy № 67. Access mode: <https://ac.gov.ru/publications/topics/topic/5478> (accessed: 01.03.2021).
8. Overview of Russian investments in digital healthcare. Access mode: <https://webiomed.ai/blog/obzor-rossiiskikh-investitsii-v-tsifrovoe-zdravookhranenie/> (accessed: 21.03.2021).
9. The Ministry of Industry and Trade and RVC will launch a venture fund for high-tech medical projects. Access mode: <https://rb.ru/news/minpromtorg-rvk-medtech/> (accessed: 03.05.2021).
10. The largest Edtech companies in Russia. Rating of the largest companies in the online education market. Access mode: <https://edtechs.ru/> (accessed: 03.05.2021).
11. The Russian EdTech market in additional professional and additional adult education. Access mode: <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4257/> (accessed: 03.05.2021).
12. The Ministry of Finance will distribute 7 billion to Russian IT developers // C-News Access mode: https://www.cnews.ru/news/top/2020-09-22_mintsifry_razdast_7_milliardov (accessed: 05.05.2021).
13. Pandemic as an opportunity : HSE experts assessed the prospects for domestic tourism. Access mode: <https://www.hse.ru/news/expertise/433402363.html> (accessed: 21.03.2021).
14. VEB is considering investing in tourism projects worth 80 billion rubles. Access mode: <https://tass.ru/ekonomika/9588497> (accessed: 15.04.2021).
15. Report for public consultations «Development of alternative investment mechanisms: direct investment and crowdfunding». Access mode: https://cbr.ru/analytics/d_ok/Consultation_Paper_200811/ (accessed: 03.05.2021).
16. Federal Law № 259-FZ of 02.08.2019 (as amended on 31.07.2020) «On Attracting investments using Investment Platforms and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>, 02.08.2019 (accessed: 21.03.2021).

Информация об авторах

Т. В. Волкова – доцент кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент;

Л. В. Рахлина – доцент кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук.

Information about the authors

T. V. Volkova – Associate Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences;

L. V. Rakhlina – Associate Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 338.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-257-259>

НИОН: 2015-0066-1/22-245

MOSURED: 77/27-011-2022-01-444

Современные проблемы проведения судебных экономических экспертиз в условиях цифровизации экономики

Дмитрий Сергеевич Гольцев

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, dragon8705@mail.ru

Аннотация. В статье нашли свое отражение проблемные вопросы, возникающие при проведении экономических экспертиз по делам, связанным с цифровыми активами и операциями по ним в Российской Федерации. Рассмотрены вопросы создания и использования адаптивных баз данных экономической информации и алгоритмов работы с ними. Указаны требования, которые должны предъявляться к подобного рода информационным системам.

Ключевые слова: цифровая экономика, преступления в сфере цифровой экономики, эмиссионные ценные бумаги, судебно-экономические экспертизы, электронные документы, цифровые права, цифровые финансовые активы, алгоритмы экспертных исследований, интерактивные экспертные системы

Для цитирования: Гольцев Д. С. Современные проблемы проведения судебных экономических экспертиз в условиях цифровизации экономики // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 257–259. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-257-259>.

Original article

Modern problems of conducting forensic economic examinations in the conditions of digitalization of the economy

Dmitriy S. Goltsev

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, dragon8705@mail.ru

Abstract. The article reflects the problematic issues that arise when conducting economic expertise in cases related to digital assets and transactions with them in the Russian Federation. The issues of creating and using adaptive databases of economic information and algorithms for working with them are considered. The requirements that should be applied to such information systems are specified.

Keywords: digital economy, digital economic crimes, emission securities, forensics, electronic documents, digital rights, digital financial assets, expert research algorithms, interactive expert systems

For citation: Goltsev D. S. Modern problems of conducting forensic economic examinations in the conditions of digitalization of the economy. Bulletin of economic security. 2022;(1):257–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-257-259>.

В настоящее время, в рамках продолжающейся четвертой научно-технической революции, а также всеобщей трансформации традиционной в цифровую экономику огромное значение имеет обеспечение стабильной работы экономических механизмов, выявление и предотвращение преступлений в сфере экономики.

Комплексное воздействие на традиционную экономику трех технологических прорывов – интернета,

систем управления базами данных и технологии распределенного реестра, привело к изменению механизмов функционирования экономики на глубинном уровне.

В этих условиях приоритетными направлениями развития судебно-экспертной деятельности будут являться совершенствование организационно-методического обеспечения производства экспертиз, внедрения в практику информационных систем анализа

© Гольцев Д. С., 2022

цифровых активов, а также средств и методов поиска необходимой экспертам информации в общем цифровом пространстве Российской Федерации.

В рамках реализации Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [1] и от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [2], в том числе с целью решения задачи по обеспечению ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере, Правительством Российской Федерации на базе программы «Цифровая экономика Российской Федерации» сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7.

При расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере цифровой экономики, а также разрешении гражданских и арбитражных споров часто возникают проблемы получения необходимых доказательств средствами судебно-экономической экспертизы.

В первую очередь, возникает проблема, связанная с получением экспертно значимой информации, которая находится в цифровом виде, так, зачастую в ходе выемки документов по делам о налоговых правонарушениях, необходимых для экспертизы документов может просто не быть в «традиционном» бумажном виде. При этом необходимо отметить, что осуществление сделок с электронными ценными бумагами осуществляется и регистрируется также в электронном виде, а вся «первичная» документация не имеет материального воплощения и находится лишь в цифровом виде в определенных информационных системах.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что при проведении бухгалтерской или налоговой экспертизы у эксперта возникнут проблемы, связанные, в первую очередь, с получением криминалистически значимой информации, а во вторую – с отсутствием стандартизированных и паспортизированных методик проведения экспертизы цифровых активов и операций с ними.

К тому же, преступники принимают меры для их кодирования и маскировки, чтобы противодействовать выявлению и раскрытию таких преступлений.

Недостаточность исходных данных и отсутствие необходимых документов приводят к необходимости в дополнительных запросах лицу назначавшему экспертизу, что приводит к увеличению сроков производства экспертиз, затягивания процессуальных сроков расследования и рассмотрения дела в суде, а также ошибочные выводы проведенных экспертиз.

Однако, для выявления признаков экономических и налоговых правонарушений, необходимы не только новые криминалистические методики, но и судебному эксперту также необходимо овладеть современным понятийным аппаратом, позволяющим эффективно применять специальные знания в области цифровой экономики и права, математики и информационных технологий.

В соответствии с Федеральным законом от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» информатизация определяется как организационный, социально-экономический и научно-технический процесс создания оптимальных условий для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений на основе формирования и использования информационных ресурсов [3].

Информационное обеспечение судебной экономической экспертизы должно представлять собой информационный процесс, определяемый законодателем как процесс сбора, обработки, накопления, хранения, поиска и распространения информации, необходимой для решения судебно-экспертных задач.

В целях быстрой и качественной обработки электронных документов необходимы современные информационные технологии с применением обширного комплекса специальных знаний, позволяющие выявить и зафиксировать следы махинаций с цифровыми активами и/или операций с ними.

Для получения информации о цифровых активах и операций с ними эксперту-экономисту придется использовать различные информационно-справочные системы и алгоритмы анализа баз данных.

Программной оболочке, использующей экспертные базы данных должны соответствовать следующие функции:

- возможность добавления новых данных,
- возможность анализа данных,
- поиск и последующее обобщение информации (по средствам использования технологий машинного обучения и нейросетей),
- разъяснение принятого решения.

При исполнении процессов поиска необходимой информации и обоснования принятого решения используется вся совокупность разработанных моделей и алгоритмов, при этом вместо использования стандартных эвристических и статистических средств решения задач используются самообучающиеся нейронные сети [4].

При сравнении методов нейронных сетей с линейными методами статистики (линейная регрессия, авторегрессия, линейный дискриминант) можно увидеть, что нейросетевая технология позволяет эффек-

тивно строить нелинейные зависимости, которые наиболее полно описывают наборы данных.

Создание и внедрение в экспертную деятельность предложенных программно-аппаратных систем позволит существенно уменьшить сроки проведения судебных экономических экспертиз, а также повысит точность анализа представленной на экспертизу финансовой информации.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями).
2. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
3. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».
4. Гареева Г. А. Применение нейронных сетей в экономике / Г. А. Гареева, Д. Р. Григорьева, Т. В. Гилязев. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2018. № 18 (204). С. 306–309. URL: <https://moluch.ru/archive/204/49905/> (дата обращения: 21.06.2021).
5. Прорвич В. А. Судебно-оценочная экспертиза. Правовые, организационные и научно-методические

основы [Электронный ресурс] : учебное пособие / В. А. Прорвич. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 400 с. ISBN 978-5-238-01527-9. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/189727>.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024» (as amended).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 of July 21, 2020 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030».
3. Federal Law No. 24-FZ of February 20, 1995 «On Information, Informatization and Information Protection».
4. Gareeva G. A. Application of neural networks in economics / G. A. Gareeva, D. R. Grigorieva, T. V. Gilyazeev. Text : direct // Young scientist. 2018. No. 18 (204). pp. 306-309. URL: <https://moluch.ru/archive/204/49905/> (accessed: 06/21/2021).
5. Prorvich V. A. Forensic assessment. Legal, organizational, and scientific-methodological foundations [Electronic resource] : textbook. manual / V. A. Prorvich. 2nd ed., reprint. and additional. M.: UNITY-DANA, 2012. 400 p. ISBN 978-5-238-01527-9. Access mode: <https://rucont.ru/efd/189727>.

Информация об авторе

Д. С. Гольцев – доцент кафедры оружейведения и трасологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

D. S. Goltsev – Associate Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 21.06.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 15.02.2022.

The article was submitted 21.06.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 15.02.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-260-264>

НИОН: 2015-0066-1/22-246

MOSURED: 77/27-011-2022-01-445

Негативные стороны безопасности как объект исследования для целей повышения ее уровня

Александр Владимирович Грачев

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, grachevalexunder@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрен альтернативный взгляд на безопасность, как на фактор, потенциально содержащий негативные последствия для личности, государства и экономической сферы общества. Проведенный анализ направлен на акцентирование внимания субъектов, ответственных за обеспечение безопасности, на недопущение или минимизацию проявления выделенного в работе деструктивного влияния безопасности и, как следствие, на укрепление безопасности как блага.

Ключевые слова: безопасность, негативные последствия, ресурсы, ограничения, расходы

Для цитирования: Грачев А. В. Негативные стороны безопасности как объект исследования для целей повышения ее уровня // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 260–264. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-260-264>.

Original article

Negative aspects of security as an object of research for the purpose of increasing its level

Aleksandr V. Grachev

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia, grachevalexunder@rambler.ru

Abstract. An alternative view of security as a factor potentially containing negative consequences for the individual, the state and the economic sphere of society is considered. The analysis is aimed at focusing the attention of the subjects responsible for ensuring security, at preventing or minimizing the manifestation of the destructive impact of security highlighted in the work and, as a consequence, at strengthening security as a good.

Keywords: safety, negative consequences, resources, restrictions, expenses

For citation: Grachev A. V. Negative aspects of security as an object of research for the purpose of increasing its level. Bulletin of economic security. 2022;(1):260–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-260-264>.

В современном мире безопасность является неотъемлемым элементом каждой функционирующей системы, она заложена в фундаментальных потребностях человека, описанных в пирамиде Маслоу, на уровне организаций существуют подразделения обеспечения безопасности, а вопросами государственной безопасности занимаются специально созданные структуры. В словаре С. И. Ожегова определение безопасности [2] звучит как состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности. Прежде всего, стоит обозначить наше отношение к безопасности как к:

личному и общественному благу, которое должно в обязательном порядке обеспечиваться и служить базисом для развития личности и общества;

важнейшей потребности, без реализации которой невозможно в полной мере удовлетворение всех остальных потребностей человека и общества.

Безопасность воспринимается как абсолютное благо, но как и любым другим благам, явлениям, процессам, ей свойственны не только положительные качества, но и определенные условиями реализации негативные моменты. В рамках данного исследования проведен анализ именно таких, выходящих за рамки традиционного восприятия безопасности как блага, отрицательных для личности, общества и его экономической сферы последствий безопасности.

1. Безопасность – это отвлечение ресурсов. В примитивном смысле, для достижения состояния

собственной защищенности у человека должно быть жилище, соответствующее определенным требованиям безопасности. Здесь можно провести аналогию со сказкой о трех поросятах, где безопасность находится в прямой зависимости от стоимости домика.

Обеспечение безопасности организациями предполагает создание специальных служб и систем безопасности, включающих персонал и оборудование. Оборудование для целей безопасности может варьироваться по стоимости и качеству от простейшего амбарного замка до новейших охранных систем с видеонаблюдением и сигнализацией. Расходы на оплату труда персонала служб безопасности также будут определять его количественные и качественные характеристики.

Для государства обеспечение безопасности стоит первоочередной задачей, выполнение которой заложено в статье расходов федерального бюджета. В таблице 1 представлена динамика затрат на национальную оборону и безопасность, правоохранительную деятельность и национальную экономику за последние 8 лет [5].

Зависимость безопасности от величины направляемых ресурсов может иметь негативные проявления:

Во-первых, от дефицита ресурсов могут пострадать другие, возможно более важные, чем безопасность, сферы, требующие ресурсного обеспечения.

Во-вторых, возможно создание искусственной опасности (ее создание или завышение уровня) субъектами, чья деятельность направлена на противодействие источникам такой опасности, и чье ресурсное обеспечение зависит от признания необходимости такой деятельности. Например, расходы на оборону будут оправданы и обоснованы через наличие постоянной опасности в лице внешнего врага. Так, например, в Стратегии национальной обороны США [6] заявлено, что главной проблемой для национальной безопасности США впредь будет рассматриваться не терроризм, а стратегическое соперничество между государствами. Пятью главными угрозами американской безопасности в документе были названы четыре государства (Китай, Россия, КНДР, Иран) и продолжающаяся активность террористических группировок, на борьбу с которыми будут выделены бюджетные средства. В мировой истории есть примеры, когда отдельные преступления или массовые беспорядки носили заказной характер со стороны государственных

(в том числе правоохранительных) структур, целью которых было устрашение населения и тем самым обеспечение лояльного отношения населения к высоким расходам на безопасность. В экономической сфере данное последствие присутствует в рекламах различных услуг, например, страхования жизни и здоровья. Также примером может служить реклама и распространение дорогостоящих лекарств, эффективность которых может быть не доказана медицинскими исследованиями, а высокий спрос на них обусловлен страхом человека за свою жизнь и здоровье. Либо привлечение внимания к вопросам безопасности там, где это бессмысленно, например, рекламные маркировки подсолнечного масла «без холестерина», которого там по определению не может быть.

В-третьих, может возникнуть обратный эффект из-за большой концентрации ресурсов (сил и средств), направляемых на безопасность. Так увеличение расходов на безопасность, выражающееся, допустим, в увеличении численности сотрудников полиции или военных на какой-то территории, может привести к обратному эффекту безопасности, который заключается в появлении чувства тревоги у населения. Также можно привести пример негативного проявления профицита средств безопасности в виде превышения необходимой обороны, мнимой опасности и крайней необходимости, где в итоге пострадает и тот, против кого направлено чрезмерное насилие ради безопасности, и тот, кто такое превышение допустил [1].

Несмотря на то, что безопасность – это ресурсы, значимость и важность направления которых видны в периоды актуализации опасности и угроз, тем не менее они необходимы всегда. Данная мысль хорошо выражена в японской мудрости: «даже если меч понадобится один раз в жизни, носить его надо всегда». Однако, современные экономические и технологические реалии позволяют адаптировать размер «меча» (направляемых на безопасность ресурсов) в зависимости от степени имеющейся опасности.

2. Безопасность – это ограничения. В нашем случае эти ограничения можно разделить на несколько видов. Первый: нормированные - они связаны с некими значениями, превышение или недостижение которых недопустимо. К ним можно отнести: различные коэффициенты, характеризующие состояние экономики или экономического субъекта; необходимость

Таблица 1

Динамика расходов федерального бюджета Российской Федерации на оборону, безопасность и национальную экономику (млрд руб.)

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Национальная оборона	2 105,5	2 480,7	3 182,7	3 777,6	2 854,2	2 828,4	2 998,9	3 170,7
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	2 159,3	2 192,9	2 072,2	2 011,4	2 034,1	2 110,5	2 233,6	2 392,4
Национальная экономика	3 281,7	4 543,1	3 774,4	3 889,8	4 332,0	4 442,9	5 171,8	6 040,8

в минимальном стаже, опыте работы для физических лиц; определенные требования для получения доступа к исполнению государственных контрактов (опыт в данной сфере, рентабельность и другие) для юридических лиц. Также можно выделить ограничения, связанные с уменьшением объема прав и свобод в целях обеспечения безопасности. Примерами в данном случае могут служить самоограничения, ограничения детей, ограничения для пожилых и маломобильных групп населения, ограничения, предусмотренные для большинства ради безопасности определенного круга лиц (в крайнем случае – принесение в жертву жизни и здоровья одних ради безопасности других). Безопасность в данном случае также может выступать искусственным аргументом для обоснования ограничений, которые в реальности преследуют другие цели. Безопасность может стать инструментом манипуляции поведением индивидов, хозяйствующих субъектов, общества, целых государств. Например, демонстрация опасности отдельных продуктов питания (в рекламе или заказных публикациях околонуточных исследований) может привести к отказу потребителей от данных продуктов или к их замещению другими. Создание негативного образа отдельных государств как источника опасности приводят к отказу от сотрудничества с ними, к их изоляции или, напротив, к заключению коалиций против них. Например, современные санкции западных стран против России.

3. Безопасность относительна. Решение вопросов безопасности граждан, как личной, так и коллективной, воспринимается как нечто необходимое и положительное, однако объекты безопасности могут сами носить негативный характер. Например, вряд ли можно воспринимать положительной безопасность мошенников. Также можно сказать, что безопасные условия для преступников или субъектов теневой экономики – это фактор опасности для общества и легального сектора экономики [3]. То же самое можно сказать и о безопасности государств, создающих угрозу для безопасности в мире (режимы диктатуры, фашистские режимы, режимы, возглавляемые террористическими организациями). Кроме того, сам субъект, предоставляющий услуги безопасности, может находиться в нелегальном или даже криминальном поле, что также не характеризует эти услуги положительно [4]. В более общем плане в условиях конкурентной борьбы экономическая безопасность одних хозяйствующих субъектов отрицательна для конкурирующих с ними организаций. Аналогично в мире в рамках соперничества государств.

4. Безопасность – ограниченный ресурс. Как и любое другое экономическое благо, безопасность не безгранична. На примере правоохранительной системы можно говорить о том, что предельная численность и соответствующие ей лимиты расходов на правоохранительную систему – факторы, которые

ограничивают возможности правоохранительных органов по обеспечению безопасности для общества и его отдельных индивидов. Помимо численности ограничивающим фактором будут выступать и качественные характеристики ресурсов правоохранительных органов (компетентность сотрудников, качество используемых технических средств и т. п.). А, следовательно, доступ к безопасности ограничивается ценой и очередью. Необходимость платить за безопасность формирует неравенство среди защищаемых объектов по возможностям получить защиту. Приведем здесь распространенную шутку, несущую достаточно серьезный смысл: «Пассажирам первого класса необходимо пристегнуться, а остальным пассажирам можно завязать ремни безопасности». Примерами негативных последствий «очереди ожидания безопасности» могут выступать очереди больных за редкими лекарствами или операциями по социальным квотам. Очередь приводит либо к коррупции, позволяющей ускорить получение искомого редкого блага, либо к поиску других альтернативных (в том числе нелегальных) поставщиков данного блага, либо к тому, что это благо (в данном случае безопасность) так и не будет получено (последствия такого варианта носят трагический характер). В качестве примера ограниченности безопасности и неравенства в доступе к ней может служить трагедия на «Титанике», где пассажиры более высоких классов (которые могли позволить более дорогие билеты) имели возможность спастись на шлюпках, в то время как менее обеспеченные пассажиры были обречены на гибель. Также о дефиците безопасности можно найти в художественной литературе в произведении Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол?», где один из персонажей в размышлениях о безопасности высказывает мысль: «Сейчас столько народу ее здесь ищет, что это уже само по себе опасно». Данная мысль характеризует ситуации на войне или при чрезвычайных ситуациях, когда собственное спасение предполагает гибель других. Отдельно стоит отметить дефицит безопасности при чрезвычайных ситуациях, когда даже предположение (иногда не соответствующее действительности) о возможной нехватке средств, времени на спасение может привести к негативным и катастрофическим последствиям в виде паники, давки, хаоса, и в итоге к увеличению жертв. Таким примером может служить трагедия, произошедшая в мае 2019 года при посадке самолета в аэропорту «Шереметьево», когда начавшаяся паника в совокупности со стремлением людей спасти свои вещи, не позволила очень многим пассажирам покинуть горящее воздушное судно.

5. Безопасность – это избегание опасностей. Стремление к безопасности работниками профессий, чья деятельность связана с риском для собственной жизни и здоровья, может привести не к смелости, как к качеству, позволяющему преодолевать опасности и

быть сильнее их, а к трусости, как к качеству, приводящему к избеганию опасностей и уклонению от них. Здесь же можно рассматривать безопасность как альтернативу процессу или деятельности, которые сопряжены с риском и опасностью. В данном случае безопаснее не осуществлять такую деятельность, но тогда не будет получен результат от такой деятельности – «кораблю безопаснее в порту, но он не для этого строился». Например, продукция предприятий атомной промышленности, космические полеты и испытания, которые всегда связаны с риском и опасностью.

6. Безопасность – это источник опасности. Находясь продолжительное время в безопасности у человека атрофируется чувство опасности, усыпляется его бдительность. Ощущение безопасности делает человека неосторожным. На уровне личности можно наблюдать отрицательные последствия нахождения в полной безопасности, выражающейся в гиперопеке родителей над ребенком, последствиями которой могут выступать психологические проблемы опекуемого, а также его неспособность обеспечить свою безопасность в дальнейшем самостоятельно. Также существует мнение, высказанное китайским политиком Мао Цзэдуном, что у каждого поколения должна быть своя война. Это объясняется тем, что после войны или иного крупного потрясения ценность жизни многократно возрастает и возникает необходимость в большем выделении ресурсов на безопасность, предотвращая возможность повторения такого потрясения.

7. Безопасность – это печальный опыт прошлого. Безопасность заключается в определенных правилах поведения, которые позволяют избежать воздействия угроз и опасностей. Эти правила поведения носят формальный (закрепленный в инструкциях по технике безопасности, регламентах поведения и т. п.) и неформальный (определяемый субъектами самостоятельно) характер. Данные правила всегда основаны на анализе опыта прошлого, зачастую, негативного или даже трагического. Есть выражение: «все инструкции по технике безопасности написаны кровью». И это справедливо, ведь, как правило, именно после того как тот или иной объект столкнулся с опасностью (аварией, чрезвычайной ситуацией, стал жертвой преступления и т. п.), формируется модель поведения, минимизирующая повторение такой ситуации. Эта модель и закрепляется в инструкции по безопасности или во внутренней установке субъекта. Достаточно колоритно это обозначено в шутке о том, что учитель ОБЖ, просматривая фильм-катастрофу, повторяет фразу: «А я вам говорил!». Однако на самом деле цена безопасного поведения весьма нешуточная – это жизни и здоровье людей, подвергшихся опасности, это материальный ущерб, причиненный физическим и юридическим лицам, обществу и государству угрозами и опасностями, до появления соответствующих моделей безопасного поведения.

8. Безопасность – это дискомфорт. Средства безопасности, такие как: ремни безопасности в автомобиле, специальные защитные шлемы, костюмы, щиты, бронежилеты, имеющие значительную массу, в которых необходимо находиться длительное время, а с недавних пор и обязательные к ношению медицинские маски, создают дискомфорт, а также, как бы парадоксально это ни звучало, могут иметь опасные последствия для жизни здоровья человека. Требования инструкций и регламентов безопасности в экономической жизни также могут быть сопряжены с дополнительными контрольными процедурами, которые создают, пусть и необходимые, но дополнительные процедуры, увеличивающие время хозяйственных операций.

9. Безопасность превыше всего. Данное выражение стало устойчивой характеристикой общества или сознания индивида, построенного на принципе, когда важность и необходимость безопасности гипертрофированы. Безопасность в таком случае становится не средством для нормальной жизни человека, хозяйственной деятельности организации, функционирования государства, а ключевой целью, для достижения которой начинают подчинять все остальные стороны жизни человека и функционирования хозяйственных систем. Другими словами в данном случае становится не безопасность ради жизни, а жизнь ради безопасности. В художественной литературе есть отличное описание этой негативной трансформации места безопасности из средства в цели в произведении М. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь». Главный персонаж данного произведения настолько стремился обезопасить себя от всевозможных часто преувеличенных и надуманных угроз, что кроме постоянного страха и ожидания опасности в его жизни ничего не было. Возвращаясь к упомянутому выше произведению Э. Хемингуэя, приведем еще одну яркую фразу его персонажа: «Тот, кто ищет безопасность, теряет все». То есть можно наблюдать парадокс, когда главная опасность будет заключаться в том, что предпринимается слишком много мер предосторожности. В мире есть примеры некоторых государств, функционирование которых настолько направлено на постоянное обеспечение собственной безопасности, что данные государства практически исключили внешние контакты с другими государствами (политика внутреннего изоляционизма), а жизнь их граждан имеет колоссальное количество ограничений и запретов (наиболее яркий современный пример – Северная Корея). В хозяйственной жизни данный негативный аспект безопасности может проявляться в излишнем контроле всех хозяйственных процедур, который в итоге замедляет и тормозит функционирование хозяйствующего субъекта. Можно предположить, что и в рамках организации научной деятельности в России предстоящие в ближайшем будущем изменения, свя-

занные с исключением «экономической безопасности», как отдельной области научных исследований, направлены на то, чтобы безопасность рассматривалась как фактор, сопутствующий экономическому развитию, а не как самостоятельная цель.

10. Безопасность как 100 %-ная защищенность недостижима. Безопасность не может гарантировать защищенность объекта от всего и вся. Даже при условии, что система безопасности предусмотрела и разработала инструменты защиты от всех известных угроз и опасностей (хотя даже такое невозможно с учетом ограниченности ресурсов), нельзя исключать, что система безопасности не предусмотрела те угрозы и опасности, с которыми еще просто не сталкивались. К дефициту безопасности в виде нехватки спасательных шлюпок на «Титанике» привели просчеты инженеров, которые недооценили возможные риски, так как в принципе никогда не сталкивались с возникшей катастрофой. С другой стороны, как мы уже отметили выше, стремление к абсолютной безопасности объекта даже вредно с точки зрения качества функционирования такого объекта в виде количества затрачиваемых на это ресурсов и ограничений, которым должен следовать защищаемый объект. Другими словами «нормальная личность удовлетворяется миром с частичной безопасностью, в то время как невротик ищет абсолютной безопасности».

Несмотря на все вышесказанное, безопасность это неотчуждаемый элемент жизнедеятельности любой системы, без которой ее нормальное функционирование невозможно. Поиск и систематизация негативных проявлений безопасности направлены на их недопущение и минимизацию, как в настоящем, так и в будущем. Представленные в работе, так называемые, «минусы» безопасности не обязательно реальны с точки зрения их фактического проявления везде в настоящий момент времени. Напротив, они могут носить потенциальный характер, а значит, их изучение может позволить избежать их трансформации из потенциальной в реальную форму, а, следовательно, укрепить позиции безопасности как блага.

Список источников

1. Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «Уголовный кодекс Российской

Федерации» // «Собрание законодательства РФ» от 17.06.1996 г. № 25 ст. 295.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь. 28-е изд. М.: Мир и образование, 2014.

3. Грачев А. В. Экономическая безопасность теневого сектора экономики: парадокс или пробел науки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2011. № 2, С. 6–11.

4. Грачев А. В., Соболев И. А. Субъекты криминальной экономики как поставщики услуг безопасности государства и бизнеса // Вестник Московского университета МВД России. 2011, № 11, С. 214–218.

5. Статистика консолидированного бюджета Российской Федерации // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (дата обращения: 09.10.2021).

6. Стратегия национальной обороны США (National Defense Strategy) // URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/> (дата обращения: 14.10.2021).

References

1. Federal Law of 13.06.1996 No. 63-FZ (revised from 01.07.2021) «The Criminal Code of the Russian Federation» // «Collected Legislation of the Russian Federation» of 17.06.1996, No. 25. Art. 295.

2. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary. 28th ed. M.: Peace and Education, 2014.

3. Grachev A. V. Economic security of the shadow sector of the economy: a paradox or a gap in science // Bulletin of the Volgograd State University. Series 3: Economics. Ecology. 2011. No. 2, P. 6–11.

4. Grachev A. V., Sobol I. A. Subjects of the criminal economy as providers of state and business security services // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011, No. 11, P. 214–218.

5. Statistics of the consolidated budget of the Russian Federation // URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/conbud/> (accessed: 09.10.2021).

6. US National Defense Strategy // URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/1419045/dod-official-national-defense-strategy-will-rebuild-dominance-enhance-deterrence/> (accessed: 10.14.2021).

Информация об авторе

А. В. Грачев – начальник кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Grachev – Head of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 657.631.2

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-265-270>

ИПОН: 2015-0066-1/22-247

MOSURED: 77/27-011-2022-01-446

Значение системы внутреннего аудита в эффективном ведении финансово-хозяйственной деятельности организации

Елена Васильевна Егорова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, e_e_v@list.ru

Аннотация. Актуальность рассматриваемых в статье вопросов заключается в том, что в современных экономических условиях, которым свойственна нестабильность, выражающаяся в возникновении кризисных ситуаций и иных серьезных с экономической точки зрения проблем в России и иных странах мира, все больше компаний постепенно приходят к осознанию необходимости создания системы внутреннего аудита. Такие выводы свойственны, в основном, для крупных организаций, которые имеют сложную организационную структуру. Причина возникновения такой необходимости заключается в достижении основной цели предпринимательской деятельности, а именно – извлечение прибыли.

В статье проанализировано состояние системы развития внутреннего аудита на основе исследований, проведенных Институтом внутренних аудиторов совместно с одной из аудиторских компаний большой четверки – KPMG. На основе приведенного в данной статье анализа показано значение системы внутреннего аудита, дается ясное представление о функционировании данной системы, об основных пользователях результатов деятельности внутренних аудиторов, о показателях оценки эффективности их деятельности, негативных факторах, оказывающих влияние на их работу, а также об уровне взаимодействия систем внутреннего аудита с подразделениями, осуществляющими защитные функции предприятий.

Ключевые слова: система внутреннего аудита, субъект внутреннего аудита, объект внутреннего аудита, эффективность деятельности системы внутреннего аудита

Для цитирования: Егорова Е. В. Значение системы внутреннего аудита в эффективном ведении финансово-хозяйственной деятельности организации // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 265–270. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-265-270>.

Original article

The importance of the internal audit system in the effective conduct of financial and economic activities of the organization

Elena V. Egorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, e_e_v@list.ru

Abstract. The relevance of the issues considered in the article lies in the fact that in modern economic conditions, which are characterized by instability, expressed in the occurrence of crisis situations and other serious problems from an economic point of view in Russia and other countries of the world, more and more companies are gradually coming to realize the need to create an internal audit system. Such conclusions are typical mainly for large organizations that have a complex organizational structure. The reason for the emergence of such a need is to achieve the main goal of entrepreneurial activity, namely, profit-making.

The article analyzes the state of the internal audit development system based on research conducted by the Institute of Internal Auditors together with one of the big Four audit companies – KPMG. On the basis of the analysis given in this article, the importance of the internal audit system is shown, a clear idea is given about the functioning of this system, about the main users of the results of the activities of internal auditors, about the indicators of evaluating the effectiveness of their activities, negative factors affecting their work, as well as about the level of interaction of internal audit systems with departments performing protective functions of enterprises.

© Егорова Е. В., 2022

Keywords: internal audit system, subject of internal audit, object of internal audit, effectiveness of the internal audit system

For citation: Egorova E. V. The importance of the internal audit system in the effective conduct of financial and economic activities of the organization. Bulletin of economic security. 2022;(1):265–70. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-265-270>.

Система внутреннего аудита состоит из совокупностей организационной структуры, методик, процедур проведения внутреннего аудита, включая их документальное оформление.

Для увеличения отдачи на каждый вложенный рубль система внутреннего аудита должна выполнять комплекс мер, направленных на:

- проверку целесообразности и эффективности совершаемых фактов хозяйственной деятельности;
- оценку достоверности информации;
- соблюдение норм законодательства;
- сохранность активов предприятия, а также эффективности экономической деятельности системы внутреннего контроля;
- всесторонний анализ эффективности деятельности организации в части управления рисками и процессов, направленных на их снижение;
- проверку следования руководством основным принципам управления, поиск путей повышения эффективности деятельности подразделения внутреннего аудита;
- своевременное обеспечение информацией руководство организации, консультирование и предоставление рекомендаций по предотвращению или снижению рисков до минимально допустимого уровня.

При этом важно сказать о том, что применение системы внутреннего аудита, предполагает постоянное функционирование, осуществляемое на регулярной основе. При этом разовые проверки не могут считаться системой и призваны решать точечные, возникающие в определенный период времени задачи.

Составляющими системы внутреннего аудита выступают:

- субъекты и объекты внутреннего аудита;
- нормативная правовая база;
- процедуры и методы проведения внутреннего аудита;
- информационная база;
- материальная база;
- кадровое обеспечение внутреннего аудита;
- прямые и обратные связи элементов системы внутреннего аудита.

Роль каждого элемента имеет ключевое значение в построении такой системы и определяет ее эффективность.

Для принятия решения о создании системы внутреннего аудита, необходимо проанализировать множество факторов, прежде всего таких, как: структура организации, разграничение функций владения и

управления организацией, местоположение дочерних предприятий и филиалов, уровень риска, присущего конкретной деятельности, а также направления и масштабы финансово-хозяйственной деятельности организации.

Субъектами внутреннего аудита выступает либо структурное подразделение в виде службы, отдела, либо одно лицо – внутренний аудитор. Решение о виде субъекта внутреннего аудита организация принимает самостоятельно исходя из затрат на ее содержание, организационной структуры, поставленных задач.

Объектом внутреннего аудита может стать как организация в целом, так и ее структурные подразделения или отдельные направления деятельности. Выбор объектов, подвергнутых проверке, осуществляется: исходя из плана проведения аудиторской проверки, по разовым поручениям руководства организации, исходя из риск-ориентированного подхода. Правильный выбор объектов внутреннего аудита позволяет своевременно выявлять и предотвращать возможные потери организации, что увеличивает значимость системы внутреннего аудита в эффективной деятельности организации.

В целях регламентации деятельности системы внутреннего контроля в организации издается локальный нормативный акт – «Положение о внутреннем аудите». В данном документе закрепляются основные положения, касающиеся деятельности системы внутреннего аудита. В данном положении, в частности, прописывается каким структурным подразделением или лицом будет осуществляться внутренний аудит.

Выбор процедур и методов осуществления внутреннего аудита зависит от целей и задач, ставящихся перед субъектом аудита руководством компании, и выбираются индивидуально для каждого направления деятельности. Правильно выбранные процедуры и методы способствуют эффективности деятельности системы внутреннего аудита.

Информационная база системы внутреннего аудита состоит из данных, содержащихся в документах бухгалтерского и налогового учета и отчетности, а также нормативных правовых актов, регламентирующих ведение учета и составление отчетности. Также к информационному обеспечению относятся современные справочные системы, доступ к бухгалтерским компьютерным программам, выписываемые специализированные журналы.

Материальная база сотрудников системы внутреннего аудита предполагает полную обеспечен-

ность их деятельности, начиная с предоставления индивидуального рабочего места, и заканчивая письменными принадлежностями.

Кадровое обеспечение системы внутреннего аудита нуждается в высококвалифицированных специалистах, имеющих опыт аналогичной работы. По этой причине подбору кадров при создании системы внутреннего аудита следует уделять повышенное внимание со стороны руководства организации. В качестве аудиторов в организации должны работать высококвалифицированные кадры, имеющие соответствующее профессиональное образование. Квалификация сотрудника должна подтверждаться путем сертификации, которая предполагает ежегодное повышение квалификации.

Эффективное функционирование системы внутреннего аудита во многом определяется наличием прямых и обратных связей между субъектом внутреннего аудита, руководством и структурными подразделениями организации. Субъект внутреннего аудита независим, подчиняется и подотчетен в своей деятельности только руководству компании, что говорит об обратной связи. Прямые связи подразумевают отношения между подразделением внутреннего аудита и структурными подразделениями организации.

Внутренний аудит является важным компонентом управления в случае разделения функций владения и управления. Именно в этом случае, в целях снижения предпринимательских рисков и привлечения инвестиций, собственники организации разрабатывают стратегию развития деятельности организации. И в такой ситуации управление компанией поручается на договорной основе квалифицированным менеджерам. При этом особую актуальность приобретает вопрос контроля со стороны собственников и руководства организации за деятельность всех осуществляемых процессов.

Особенно хотелось бы отметить значимость взаимодействия аудиторов с владельцами и участниками бизнес-процессов, так как вовлечение работников, непосредственно обслуживающих процесс, позволяет разработать мероприятия, в том числе контрольные процедуры, направленные на повышение эффективности системы внутреннего контроля. Отвечая ожиданиям основных заказчиков, совета директоров, менеджмента, внутренние аудиторы осуществляют их консультирование по вопросам выполнения плана мероприятий по результатам проведенных проверок, совершенствования процессов управления рисками, системы внутреннего контроля.

Система внутреннего аудита необходима также и самому менеджменту организации. Менеджмент компании не всегда способен в должной степени оценивать сложившуюся ситуацию и принять правильное управленческое решение. В этом случае, основным

инструментом обобщения и анализа данных по всей организации, выступает внутренний аудит.

Внутренний аудит особенно важен для холдингов и организаций, имеющих разветвленную сеть филиалов. В этом случае головная организация посредством системы внутреннего аудита получает возможность своевременно собирать и обрабатывать информацию о деятельности своих филиалов и/или дочерних организаций. В свою очередь, филиалы и/или дочерние организации также способны извлечь пользу от внутреннего аудита. У них возникает возможность лучше понять политику и процедуры головной организации.

Несмотря на то, что в современной России внедрению систем внутреннего аудита не уделяется должного внимания, из года в год эта система продолжает развиваться.

Для анализа данных о состоянии и тенденциях развития системы внутреннего аудита, было изучено совместное исследование Института внутренних аудиторов и KPMG – одной из аудиторских компаний большой четверки. В опросе участвовали около 100 руководителей подразделений внутреннего аудита российских компаний различных отраслей экономики, таких как, добыча полезных ископаемых (18 %), деятельность в области информации и связи (13 %), обрабатывающие производства (11 %), оптовая и розничная торговля (10 %) и иные [1].

По данным опроса, к базовым функциональным обязанностям системы внутреннего аудита среди респондентов по состоянию за 2018 год относят такие как, например, оценка эффективности системы внутреннего контроля, мониторинг процесса устранения недостатков, консультирование уполномоченного руководства и иные.

Исходя из конкретных функций, вменяемых системе внутреннего аудита, а также возлагаемых на нее задач, в зависимости от масштабов деятельности организации и сложности ее организационной структуры, руководство определяет в каком виде будет функционировать субъект внутреннего аудита. Функции внутреннего аудита могут выполнять: один внутренний аудитор, подразделение в виде службы, отдела, департамента, управления или дирекции.

При анализе информации, полученной в результате рассмотрения исследования состояния развития внутреннего аудита в России за 2018 год, необходимо отметить, что в 63 % компаний – респондентов функцию внутреннего аудита выполняет служба внутреннего аудита (дирекция, управление, департамент, отдел), а в 29 % – служба внутреннего контроля и аудита (управление, департамент, отдел) (рис. 1). Данное соотношение обусловлено более четким разделением функций внутреннего аудита, определением его задач при наличии службы внутреннего аудита по сравнению со службой внутреннего контроля и аудита.

Рис. 1. Подразделения, выполняющие функции внутреннего аудита в российских организациях – респондентах по данным ИА и КPMG за 2018 г.

Подразделения, выполняющие функции внутреннего аудита находятся в подчинении руководства организации в лице комитета по аудиту (совета директоров, директора) компании. На данный момент более 80 % систем внутреннего аудита имеют функциональное подчинение комитету по аудиту (совету директоров) компаний, что соответствует сложившейся на международном уровне практике. В результате, данный комитет является и одним из основных пользователей результатами работы системы внутреннего аудита (82 %). Основным же пользователем, в 97 % случаев, выступает высшее исполнительное руководство. Интересным представляется и тот факт, что по состоянию за 2018 год число российских компаний – респондентов, в которых к основным пользователям результатами работы системы внутреннего аудита относится служба безопасности, составляет около 35 %.

Рассмотрим структурный показатель пользователей результатов работы внутреннего аудита в процентном соотношении за 2018 году на диаграмме, учитывая возможность выбора компаниями – респондентами нескольких вариантов ответов (рис. 2).

Помимо проверок, направленных на оценку деятельности организаций и ее структурных подразделений, системе внутреннего аудита, в том числе, необходимо оценивать качество собственной работы. По данным Международного института внутренних аудиторов на 2018 год, 25 % систем внутреннего аудита, применяемых организациями, каждый год проводят оценку качества своей деятельности на соответствие международным стандартам внутреннего аудита. Данный показатель является низким и свидетельствует о недостаточном контроле за качеством осуществляемой деятельности.

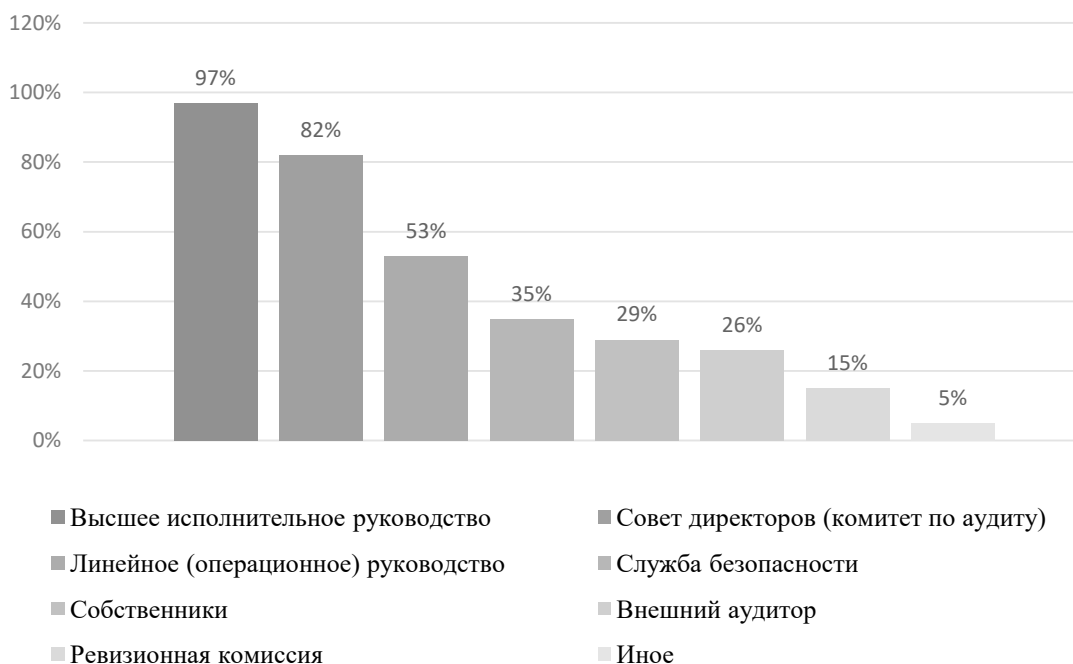

Рис. 2. Пользователи результатов работы системы внутреннего аудита российских организаций – респондентов по данным ИА и КPMG за 2017 г.

К показателям оценки эффективности деятельности системы внутреннего аудита чаще всего относятся такие показатели, как степень выполнения плана аудиторских заданий – 71 %, степень удовлетворенности заказчиков внутреннего аудита – 55 % и результаты опроса высшего исполнительного руководства – 50 % и членов совета директоров (комитета по аудиту) – 40 % (рис. 3).

Анализ показывает, что приведенные показатели довольно полно могут охарактеризовать эффек-

тивность работы системы внутреннего аудита уже в 2018 году. Однако, считаем, что, например, такой показатель, как «количество выполненных аудиторских проверок, приходящихся на одного аудитора» должен быть выше 8%, так как данный показатель характеризует целесообразность содержания внутреннего аудитора, как штатной единицы. А показатель отсутствия системы оценки эффективности деятельности системы внутреннего аудита «не используется» должен быть равен нулю.

Рис. 3. Показатели оценки эффективности деятельности системы внутреннего аудита российских организаций-респондентов по данным ИА и KPMG за 2018 г.

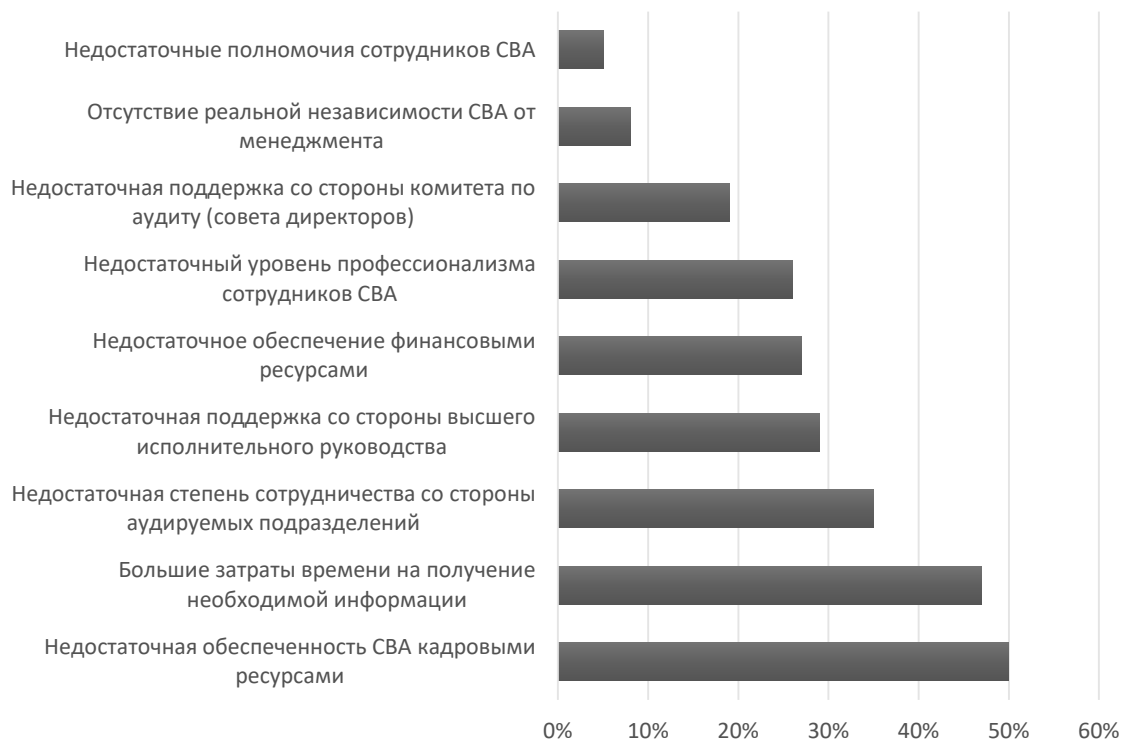

Рис. 4. Факторы, оказывающие негативное влияние на работу системы внутреннего аудита в российских организациях-респондентов, по данным ИА и KPMG за 2018 г.

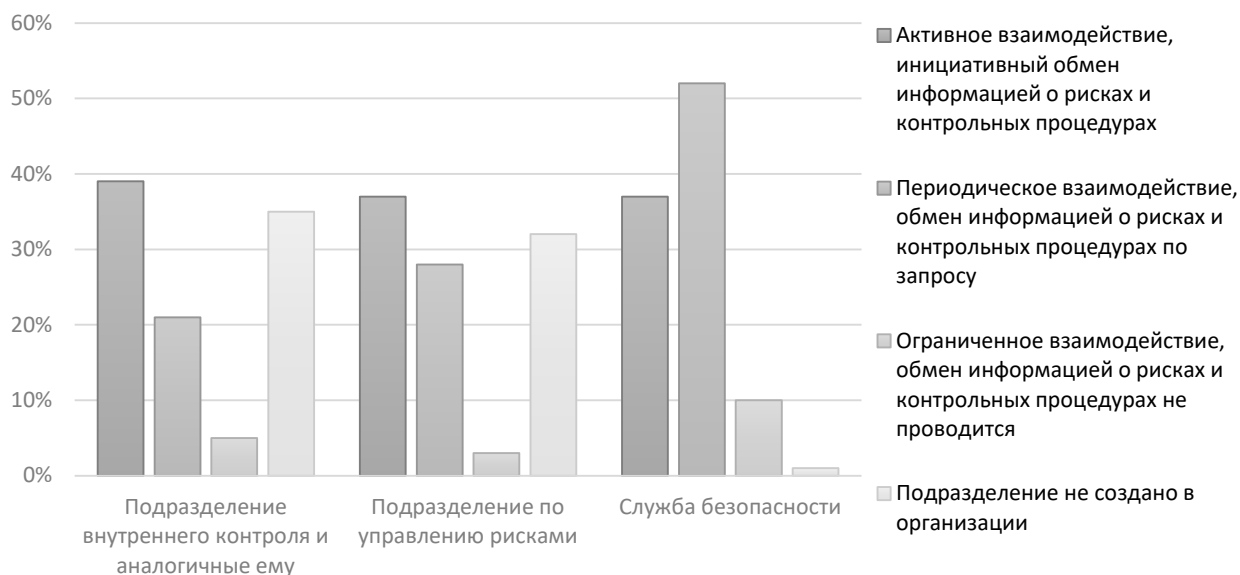

Рис. 5. Уровень взаимодействия системы внутреннего аудита с подразделениями, осуществляющими защитные функции российских организаций-респондентов, по данным ИА и KPMG за 2018 г.

Анализ данных общественного мнения о недостатках, оказывающих существенное негативное влияние на работу систем внутреннего аудита, позволяет выделить недостаточную обеспеченность данных систем квалифицированными специалистами данной отрасли. Также выделим большие затраты рабочего времени на получение необходимой информации и слабое сотрудничество с аудируемыми подразделениями (рис. 4).

Степень взаимодействия системы внутреннего аудита с подразделениями внутреннего контроля, подразделениями по управлению рисками и службой безопасности организации отражает развитость системы внутреннего аудита в целом. На основании статистических данных, полученных из совместного анализа института внутренних аудиторов и одной из крупнейших аудиторских компаний KPMG, можно сделать вывод о том, что порядка 40% систем внутреннего аудита активно сотрудничают и обмениваются информацией с вышеперечисленными подразделениями (рис. 5). Однако в одной трети случаев в компаниях отсутствует обособленное подразделение по внутреннему контролю и аналогичные ему, а также подразделения по управлению рисками.

Информация об авторе

Е. В. Егорова – доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук.

Information about the author

E. V. Egorova – Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 336.741.1

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-271-276>

НИОН: 2015-0066-1/22-248

MOSURED: 77/27-011-2022-01-447

Об отдельных элементах механизма регулирования оборота криптовалюты

Александр Геннадьевич Коринной

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,

koorish@mail.ru

Научный руководитель: профессор кафедры экономической безопасности

и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России,

доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист России **А. Н. Литвиненко**

Аннотация. Развитие мирового рынка криптовалюты является свершившимся фактом, в то время, как механизм регулирования подобного рынка недостаточно отлажен, в результате чего продолжает расширяться практика использования криптовалюты в криминальных целях. Проведен обзор отдельных мер, применяемых надзорными органами исследуемых юрисдикций. Для оценки уязвимости национальных экономик проведен межсекторальный анализ матричным методом. В результате установлено, что наиболее уязвимыми для недобросовестных практик юрисдикциями являются те, в которых оборот криптовалюты не урегулирован, либо отсутствует система, включающая в себя комплекс инструментов и мер по контролю за операторами обмена, а также провайдерами виртуальных кошельков.

Ключевые слова: экономическая безопасность, криптовалюта, оценка рисков, отмывание доходов, меры противодействия, недобросовестные практики, операторы обмена, провайдеры виртуальных кошельков

Для цитирования: Коринной А. Г. Об отдельных элементах механизма регулирования оборота криптовалюты // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 271–276. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-271-276>.

Original article

On certain elements of the mechanism for regulating cryptocurrency in circulation

Alexandr G. Korinnoy

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia,

koorish@mail.ru

Research supervisor: Professor of the Department of Economic Security and Management

of Socio-Economic Processes of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of Russia **A. N. Litvinenko**

Abstract. The development of the global cryptocurrency market is almost an accomplished fact, while the mechanism for regulating such market is not well-established enough. As a result, the practice of using cryptocurrency for criminal purposes continues to expand. The review of the certain measures taken by the supervisory authorities has carried out. To assess the vulnerability of national economics, an intersectoral analysis using the matrix method has carried out. As a result, it was found that the most vulnerable jurisdictions for unfair practices are those in which the cryptocurrency in circulation has not regulated or there has no clearly built system that includes a set of tools and measures to control exchange operators, as well as a digital wallet.

Keywords: economic security, cryptocurrency, risk assessment, money laundering, counteraction measures, unfair practices, exchange operators, digital wallet

For citation: Korinnoy A. G. On certain elements of the mechanism for regulating cryptocurrency in circulation. Bulletin of economic security. 2022;(1):271–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-271-276>.

© Коринной А. Г., 2022

По оценкам ФАТФ, масштабы незаконного использования криптовалюты весьма значительны, что подчеркивает важность регулирования и надзора в области противодействия отмывания преступных доходов, а также применяемые ограничительные меры в этой области. По оценкам экспертов, в 2019 году около 1,1 % всех транзакций с криптовалютой (на сумму около 11 миллиардов долларов США) были незаконными, что больше, чем за предыдущие два года (*Chainalysis*).

Другой источник, указывает что, что в 2020 году преступно связанные криптовалютные адреса отправили 3,5 миллиарда долларов США (*Ciphertrace*), а треть всех биткойнов, пересылаемых через границы, поступает операторам обмена – провайдерам, осуществляющими обменные операции между виртуальными и фиатными валютами, а также провайдерам виртуальных кошельков – организациям, предоставляющими услугу защиты криптографических ключей от имени своих клиентов для хранения и передачи виртуальной валюты с фиктивных счетов с явно слабым контролем клиентов.

По мнению аналитиков Банка России, в российском сегменте даркнета преобладает криптонаркоторговля психотропными веществами и легкими наркотическими средствами на сотни миллиардов рублей. На глобальном рынке теневого интернета по числу пользователей Россия в настоящее время занимает второе место в мире.

В 2020 году оборот торговой даркнет-площадки «Гидра» составил 1,4 млрд долларов, увеличившись в 150 раз по сравнению с 2016 годом (*Chainalysis* и *Flashpoint*).

Их распространение также может быть тесно связано с наличием теневого сектора в экономике России, в частности, в финансовой сфере, и использованием криптовалюты для оплаты криминальных услуг¹.

Подобное положение дел позволяет сделать вывод о масштабе и актуальности угрозы незаконного использования криптовалюты и важности эффективного регулирования и надзора с целью противодействия отмыванию доходов.

В связи с этим возникает необходимость в анализе уже проводимых мер по противодействию недобросовестным практикам, которые во многом мешают формированию цивилизованного облика финансового рынка.

Под недобросовестными практиками следует понимать любые умышленные действия на финансовом

рынке, связанные со злоупотреблениями в сфере информационных технологий, дающими возможность уходить от мониторинга и идентификации источника с целью получения выгоды или совершения преступления, связанного с отмыванием незаконно полученных доходов².

Методы исследования.

Методологической основой исследования выступают работы экспертов в области криптовалют. В ходе написания статьи применялся анализ законодательной базы исследуемых экономик и специальной литературы посвященной угрозам экономической безопасности, выражающимся в высоком вовлечении криптовалют в теневую экономику и ценообразование цифровых активов. В исследовании были применены общенаучные методы диалектики (наблюдение, анализ, синтез), а также специальные методы аналогии и сравнения.

Область исследования.

Под механизмом регулирования оборота криптовалюты в данной работе понимается система правовых, экономических и организационных средств и инструментов, определяющих порядок противодействия отмыванию незаконно полученных доходов. С помощью такого механизма обеспечивается результативное воздействие на процессы ликвидации недобросовестных практик на рынке криптовалют и тем самым повышая уровень экономической безопасности.

Основные элементы механизма регулирования оборота криптовалюты представляют собой совокупность его элементов и связей, отношений между ними, обеспечивающих его целостность и функционирование. Элементами механизма регулирования оборота криптовалюты являются:

- мировая экономическая система подверженная влиянию недобросовестных практик с использованием криптовалюты;
- участники оборота криптовалюты, физические и юридические лица, финансовые организации, операторы обмена и провайдеры виртуальных кошельков;
- многоуровневая нормативно-правовая основа, регулирования оборота криптовалюты;
- институт ответственности за правонарушения в области оборота криптовалюты;
- организационно-экономические рычаги по противодействию процессам криминализации в схемах использования криптовалюты;
- международные стандарты противодействия отмыванию преступных доходов с использованием криптовалюты;

¹ Родичев М. Л., Семенов М. В., Шахматов А. В. Выявление легализации наркодоходов оперативными подразделениями МВД России: современное состояние и основные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 158–166. DOI 10.35750/2071-8284-2019-4-158-166.

² Концепция противодействия недобросовестным действиям на финансовом рынке. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ЦБ РФ. Режим доступа: <http://cbr.ru/Content/Document/File/48603> (дата обращения: 09.07.2021).

– внутренний контроль финансовых организаций участвующих в обороте криптовалюты;

– национальные программы противодействия отмыванию преступных доходов.

Рассмотрим более подробно некоторые элементы механизма регулирования оборота криптовалюты. Опираясь на анализ национальных оценок рисков отмывания денег и финансирования терроризма, проводимых национальными органами финансового контроля по единой методологии, утвержденной ФАТФ в целях последующего управления этими рисками, а также прогнозирования проблем и снижения последствий как ожидаемых, так и неожиданных событий. Опираясь на национальное и наднациональное законодательство, регулирующее деятельность провайдеров виртуальных кошельков и операторов обмена в конкретных юрисдикциях, можно сделать вывод, что рост рисков использования криптовалюты для отмывания доходов выражен в первую очередь слабым национальным контролем и неэффективным механизмом регулирования криптовалюты, что напрямую влияет на совершение и распространение недобросовестных практик на рынке криптовалют.

Для определения наиболее уязвимых для недобросовестных практик финансовых рынков было проведено исследование матричным методом, которое позволило межсекториально проанализировать, в частности, влияние отдельных элементов механизма регулирования в национальных экономиках на мировой рынок криптовалюты в целом. Для исследования были отобраны ведущие экономики мира с учетом как географического разнообразия, так и зрелости каждой системы выстраиваемого механизма надзорных мер в этой области. Результаты проведенного анализа приведены в таблице 1.

Обзор надзорных мер оборота криптовалюты.

Органы исполнительной власти в исследуемых экономиках, регулирующие оборот криптовалюты, как правило, имеют полномочия налагать те же меры по исправлению положения и санкции к операторам обмена, провайдерам виртуальных кошельков и другим финансовым посредникам в ответ на нарушения режима противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Меры по исправлению положения и санкции, доступные властям, обычно включают ряд инструментов, которые могут применяться в зависимости от тяжести проступка. Меры включают в себя письма с предупреждениями, приказы о соблюдении конкретных инструкций, штрафы, приостановление или отзыв лицензии, или регистрации, запрещение физическим лицам работать в сфере финансовых услуг, а также замену или ограничение полномочий менеджеров, директоров и контролирующих владельцев. Этот широкий спектр

мер по исправлению положения и санкций, в принципе, предоставляет властям достаточную гибкость для осуществления своих правоприменительных полномочий сдерживающим и соразмерным образом, как это предписано стандартами ФАТФ.

Однако в целом применение мер по исправлению положения и санкций в случае несоблюдения законодательства о противодействии отмыванию доходов все еще очень ограничено. Отчасти это объясняется тем, что в половине обследованных государств операторы обмена до недавнего времени не имели обязательств в соответствии с законодательством о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма, а также принципов биржевого регулирования, работающих с деньгами частных лиц, обязывающими идентифицировать и установить личность контрагента, прежде чем проводить финансовую операцию.

В нескольких государствах в отношении криптовалютной деятельности широко используются запретительные меры, в том числе в невозможности использования криптовалюты в качестве средства оплаты за товар и услугу. Это приводит к росту нарушений, которые были объектом принудительных действий в этих юрисдикциях, включая мошенничество и предоставление услуг без регистрации, уход в офшорные центры. Подобная ситуация сложилась в Китае и России. Национальный регулятор Китая выражает резко негативную позицию в отношении криптовалют, запрещая деятельность операторов обмена и провайдеров виртуальных кошельков, что, по сути, привело к смещению финансовых потоков в Гонконг и другие офшорные зоны. В то же время Китай остается самым большим в мире сосредоточением нелегального майнинга деятельности по созданию новых структур, обеспечивающей функционирование криптовалютной платформ. В России усилия по противодействию незаконным практикам направлены на устранение угроз, связанных с использованием технологий для совершения основных преступлений, а не на уязвимость к отмыванию доходов. Таким образом обозначено несущественное влияние этих практик и предупреждений о рисках на оценку рисков незаконного использования криптовалюты, однако указанные практики остаются, по сути, весьма популярным способом обналичивания денежных средств.

В целом органы исполнительной власти исследуемых государств признают важность раскрытия и прозрачности мер, предпринимаемых в ответ на нарушения фирмами и частными лицами установленного порядка оборота цифровых финансовых активов, независимо от характера их деятельности. Национальные регуляторы деятельности операций с криптовалютой указали, что среди преимуществ

Таблица 1

Отдельные элементы механизма распространения недобросовестных практик

Страна	Оценка рисков ФАТФ	Национальный закон регулирующий оборот криптовалюты	Провайдеры виртуальных кошельков	Операторы обмена криптовалюты	Меры по надзору за криптовалютой	Меры по надзору за операторами обмена
Россия	Отнесена к группе высокого уровня рисков	Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте	Допускается владение криптовалютой, но не использование в качестве платежного средства	Не допускается получение криптовалюты от нерегулируемых операторов обмена	Не прописан	Не прописан
ЕС	Отнесена к группе среднего уровня рисков	Обязательное наличие национального закона, общая директива ЕС	Деятельность разрешена	Разрешен обмен после подтверждение личности	Контролируется органами финансового надзора	Обязательное получение лицензии
Бразилия	Отсутствует	Отсутствует	Свободная деятельность	Свободная деятельность	Свободный оборот	Свободный оборот
США	Отсутствует	Регулирование криптовалют только в рамках законопроектов против финансовых преступлений и отмывания денег	Деятельность разрешена	Деятельность разрешена	Контролируется комиссией по ценным бумагам США	Обязательное лицензирование в том числе в каждом штате, в котором ведется деятельность
Япония	Отнесена к группе низкого уровня рисков	Регулированием занимается министерство торговли, а не министерство финансов	Деятельность разрешена	Деятельность разрешена	Контролируется Японским Агентством финансовых услуг	Регистрация в Агентстве финансовых услуг
Швейцария	Отнесена к группе высокого уровня рисков	Нет отдельного закона	Деятельность разрешена	Деятельность разрешена	Контролируется органом по надзору за финансовыми рынками	Обязательное получение лицензии
Китай	Отнесена к группе низкого уровня рисков	Народный банк Китая запретил национальным финансовым компаниям проводить все типы операций	Деятельность запрещена, физические лица могут использовать на свой страх и риск	Запрещена	Оборот запрещен, физические лица могут использовать на свой страх и риск	Оборот запрещен
Сингапур	Отсутствует	Национальный закон «О платежных услугах»	Деятельность разрешена	Деятельность разрешена	Контролируется Денежно-кредитным управлением Сингапура	Обязательное получение лицензии

Примечание: уровень влияния отдельных мер на рост недобросовестных практик показан цветом:
 – высокий уровень, – средний уровень, – низкий уровень

По результатам исследования можно сделать вывод, что:

Оценка рисков ФАТФ	Национальный закон, регулирующий оборот криптовалюты	Провайдеры виртуальных кошельков	Операторы обмена криптовалюты	Меры по надзору за криптовалютой и операторами обмена
Все компетентные органы исследуемых экономик включили криптовалюту в свою национальную оценку рисков отмывания денег и финансирования терроризма	В глобальном масштабе организационные меры сильно различаются по степени новизны и комплексности подходов, кроме Бразилии, которая до сих пор не имеет закона, регулирующего оборот криптовалюты что может послужить причиной роста отмывания криптовалюты	Почти все исследуемые экономики провели определенный процесс легализации криптовалюты	Почти все исследуемые экономики провели определенный процесс понимания необходимости создания пула операторов обмена	Разнообразие подходов различных стран: – криптолиберализм, когда государство не вмешивается в оборот криптовалюты, иногда ограничиваясь фискальным регулированием; – криптоэтатизм, когда государство контролирует оборот криптовалюты с помощью органов финансового надзора и лицензирует операции с ней

обнарождения этих действий следует отметить удержание фирм от подобного поведения в будущем и содействие лучшему пониманию ожиданий властей в отношении обязательств в области противодействия отмыванию доходов. Более того, в некоторых юрисдикциях публикуются руководства по процессу обеспечения соблюдения мер регулирования оборота криптовалюты, что способствует повышению согласованности и прозрачности применения санкций и мер по исправлению сложившейся ситуации.

Особого внимания заслуживают меры по содействию работе подразделений финансовых спецслужб стран ЕС. Наряду с банками и финансовыми учреждениями, требования директивы 5 AMLD распространяются в том числе и на операторов обмена, а также на провайдеров виртуальных кошельков, которые при необходимости предоставляют им этим подразделениям доступ к информации о ассоциировании виртуальной валюты и личности владельца виртуальной валюты, что в целом дает положительный эффект при расследовании преступлений с криптовалютой, осложненных необходимостью координации совместных действий правоохранительных органов на международном уровне, правда, внутри одного экономического объединения.

Заключение.

Большая часть проделанной работы была сосредоточена на мерах по регистрации и лицензировании новых организаций поставщиков услуг операторов обмена, а надзор ограничивался предоставлением рекомендаций надзорными органами и в некоторых случаях – выявлением нелегализованных поставщиков услуг операторов обмена.

Однако уже введенные меры в некоторых юрисдикциях дают основания предположить, что повышение безопасности использования криптовалюты путем прекращения вовлечения ее в преступную деятельность, не препятствуя при этом нормальному функционированию финансовой системы, направлено на создание регулируемой мировой криптовалютной системы.

Библиографический список

1. Батоев В. Б., Семенчук В. В. Использование криптовалюты в преступной деятельности : проблемы противодействия // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 2. С.9–15.
2. Иванцов С. В., Сидоренко Э. Л., Спасенников Б. А., Березкин Ю. М., Суходолов Я. А. Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 1. С. 85–93. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1). 85-93.

3. Литвиненко А. Н., Феофилова Т. Ю., Воротнев А. С. Финансовая безопасность государства : проблема управления рисками. СПб. : ИВЭСЭП, 2006. 216 с.

4. Очерedyкo В. П. Механизм противодействия легализации теневых доходов в системе обеспечения экономической безопасности государства : монография / В. П. Очерedyкo, А. Н. Литвиненко, В. А. Полевой. СПб. : Санкт-Петербургский университет Министeрства внутренних дел Российской Федерации, 2005. 176 с.

5. Отчет Центра мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Департамента информационной безопасности Банка России 01.09.2018–31.08.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.cbr.ru/Content/Document/File/84811/GUBZI-4.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

6. Теневая экономика в системе вызовов и угроз экономической безопасности России / под общ. ред. М. П. Гурова, О. В. Фроловой. СПб. : Лема, 2018. 211 с.

7. Тепляшин П. В. Тенденции преступности в Сибирском федеральном округе (глубина анализа 6 лет) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV Международной научно-практической конференции (6–7 июня 2019 г.). Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 92–94.

8. The 2020 State of Crypto Crime // Сайт Chainalysis. URL://<https://go.chainalysis.com/rs/503-FAP-074/images/2020-Crypto-Crime-Report.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

9. Cryptocurrency Crime and Anti-Money Laundering Report // Поставщик аналитических решений «Ciphertrace». URL://<https://ciphertrace.com/wp-content/uploads/2021/01/CipherTrace-Cryptocurrency-Crime-and-Anti-Money-Laundering-Report-012821.pdf> (дата обращения: 21.09.2021).

Bibliographic list

1. Batoev V. B., Semenchuk V. V. The use of cryptocurrencies in criminal activity : problems of counteraction // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2. P. 9–15.
2. Ivantsov S. V., Sidorenko E. L., Spasennikov B. A., Berezkin Yu. M., Sukhodolov Ya. A. Crimes related to the use of cryptocurrencies : basic criminological trends // All-Russian Criminological Journal. 2019. Vol. 13. № 1. P. 85–93. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(1). 85-93.
3. Litvinenko A. N., Feofilova T. Yu., Vorotnev A. S. Financial security of the state : the problem of risk management. SPb. : IVESEP, 2006. 216 p.

4. Ochered'ko V. P. The mechanism of countering the legalization of shadow income in the system of ensuring the economic security of the state : monograph / V. P. Ochered'ko, A. N. Litvinenko, V. A. Polevoy. SPb. : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2005. 176 p.

5. Report of the Center for Monitoring and Responding to Computer Attacks in the Credit and Financial Sphere of the Information Security Department of the Bank of Russia 01.09.2018–31.08.2019. [Electronic resource]. Access mode: <https://old.cbr.ru/Content/Document/File/84811/GUBZI-4.pdf> (accessed: 20.11.2019).

6. Shadow economy in the system of challenges and threats to Russia's economic security / under the general editorship of M. P. Gurov, O. V. Frolova. SPb. : Lema, 2018. 211 p.

7. Teplyashin P. V. Crime trends in the Siberian Federal District (depth of analysis 6 years) // The activities of law enforcement agencies in modern conditions: Collection of materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference (June 6–7, 2019). Irkutsk : East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 92–94.

8. The 2020 State of Crypto Crime // Сайт Chainalysis. URL://<https://go.chainalysis.com/rs/503-FAP-074/images/2020-Crypto-Crime-Report.pdf> (accessed: 21.09.2021).

9. Cryptocurrency Crime and Anti-Money Laundering Report // Provider of analytical solutions «Ciphertrace». URL://<https://ciphertrace.com/wp-content/uploads/2021/01/CipherTrace-Cryptocurrency-Crime-and-Anti-Money-Laundering-Report-012821.pdf> (accessed: 21.09.2021).

Информация об авторе

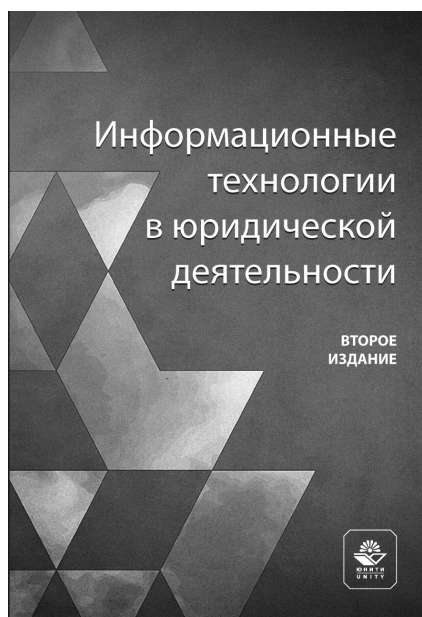
А. Г. Коринной – адъюнкт кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России.

Information about the author

A. G. Korinnoy – Post graduate student of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 22.10.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий. Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Правоохранительная деятельность».

Научная статья

УДК 336

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-277-282>

ИПОН: 2015-0066-1/22-249

MOSURED: 77/27-011-2022-01-448

Развитие накопительных механизмов пенсионного страхования

Михаил Евгеньевич Косов^{1,2}

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, kosovme@mail.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются вопросы перехода на комбинированную систему пенсионного страхования, включающую симбиоз распределительных и финансируемых компонентов. Определяются достоинства и недостатки учета коэффициента замещения как основного показателя, оценивающего эффективность национальной пенсионной системы. Рассматривается опыт зарубежных стран, практикующих использование накопительных и распределительных компонентов пенсионной системы, и формулируются выводы относительно их оптимального сочетания.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионное страхование, распределительная (солидарная) система, добровольное страхование

Для цитирования: Косов М. Е. Развитие накопительных механизмов пенсионного страхования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 277–282. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-277-282>.

Original article

Development of accumulative mechanisms of pension insurance

Mikhail E. Kosov^{1,2}

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, kosovme@mail.ru

² National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Abstract. The issues of transition to a combined pension insurance system, including a symbiosis of distributive and funded components, are considered. The advantages and disadvantages of taking into account the replacement coefficient as the main indicator evaluating the effectiveness of the national pension system are determined. The experience of foreign countries practicing the use of accumulative and distributive components of the pension system is considered and conclusions are formulated regarding their optimal combination.

Keywords: pension system, pension insurance, distributive (solidary) system, voluntary insurance

For citation: Kosov M. E. Development of accumulative mechanisms of pension insurance. Bulletin of economic security. 2022;(1):277–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-277-282>.

Введение. Законодательные изменения, ужесточающие условия получения пенсии в рамках обязательного пенсионного страхования, значительно модернизировали процесс формирования пенсионных прав застрахованных лиц. Возможность получения страховой пенсии по старости к 2024 году будет определена не только достижением пенсионного возраста, но накоплением пенсионных коэффициентов и наличием трудового стажа, регламентируемого нормативными правовыми актами (ст. 8 ФЗ № 400 «О страховых пенсиях»). Несмотря на установление указанных требований, на сегодняшний день активно обсужда-

ются вопросы частичного перехода граждан в систему добровольного пенсионного страхования, условия которого изменят механизм формирования пенсионных прав.

Переход на добровольную форму страхования продиктован неугасающей полемикой ученых-исследователей и экономистов-практиков, сконцентрированной вокруг демографических факторов, сбалансированности национальной пенсионной системы, возможности досрочного выхода на пенсию, преимуществ перехода на программы добровольного пенсионного страхования и др.

© Косов М. Е., 2022

Предпосылками подобных трансформаций являются повышение продолжительности жизни населения, увеличение количества граждан, доживающих до пенсионного возраста и др. В качестве примера можно привести население Российской Федерации старше 65 лет, доля которого в 1960 г. составляла 6,1 %, а в 2020 г. – 15,5 %¹. Вся мировая общественность обеспокоена вопросами старения населения и необходимостью обеспечения стабильного дохода в старости. Правительства многих стран активно борются с кризисом пенсионного обеспечения и разрабатывают новые законы, основной целью которых является переложение бремени гарантии страховых выплат с государства на частный сектор². В нашей стране на рассмотрении находится проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения», где основная роль отводится гарантированному пенсионному плану (ГПП), участники которого могут на добровольной основе формировать пенсионные накопления³. В результате реформы должна сложиться новая трехкомпонентная пенсионная система, в которую войдут «стандартная пенсионная схема, индивидуальные пенсионные планы, которые уже сейчас есть с разными сроками выплат и разными вариантами взносов, а также корпоративные пенсионные программы»⁴.

Основными причинами требуемого совмещения добровольного и распределительного пенсионного страхования является неспособность солидарной (распределительной) пенсионной системы справиться с задачей достойного пенсионного обеспечения граждан, которая усугубляется общим замедлением экономической активности, связанным с распространением COVID-19, спровоцировавшим рост безработицы, снижение стоимости активов и др.

Объекты и методы исследования. Объект исследования – национальная пенсионная система.

При написании статьи использовались общенаучные методы исследования: индукция, дедукция, анализ и синтез.

Результаты и обсуждения. На сегодняшний день только небольшая часть населения Российской Федерации готова добровольно вкладывать деньги в пенсионную систему. Отсутствие заинтересованности граждан в дополнительных финансовых вложениях связана с недоверием к действующим пенсионным институтам, низкой доходностью пенсионных накоплений⁵, часто изменяющимися нормами права, регламентирующими обязательное и добровольное пенсионное страхование и т. д.

Однако в силу действия концепции сглаживания потребления (рис. 1)⁶, согласно которой неравномерность формирования доходов индивида опосредует необходимость их распределения в течение жизни, – для поддержания уровня жизни в старости следует формировать сбережения в период получения наиболее высоких доходов. То есть, в период активной жизни гражданина часть полученных доходов должна трансформироваться в сбережения в различных финансовых институтах (пенсионных фондах, страховых компаниях, коммерческих банках) для их потребления в будущем. Низкие нормы сбережений и низкий эффективный пенсионный возраст являются прямыми предпосылками бедности в старости.

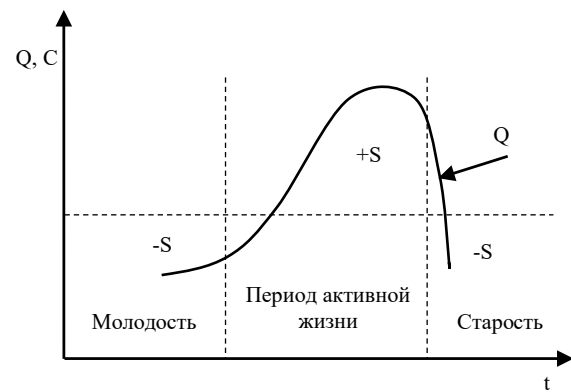

Рис. 1. Модель жизненного цикла потребления и сбережения (перманентного дохода)

Если механизм сглаживания потребления не работает, бремя обеспечения пенсионеров ложится на государство, которое в силу перечисленных выше проблем не справляется с подобной задачей в рамках распределительной пенсионной системы (PAYG), что опосредует проведение многочисленных пенсионных реформ. Современные пенсионные реформы ряда зарубежных стран связаны с переходом на частично фи-

¹ Глобальный пенсионный индекс, 2019 <https://info.mercer.com/rs/521-DEV-513/images/MMGPI%202019%20Full%20Report.pdf>.

² Amanda Cooke Pensions and Legal Policy Lessons on the Shift from Public to Private <https://www.bloomsburyprofessional.com/uk/pensions-and-legal-policy-9781509929375/>

³ Фрумина С. В. Налоговое стимулирование добровольных пенсионных накоплений граждан // Известия высших учебных заведений. Серия : Экономика, финансы и управление производством. 2021. № 2 (48). С. 51–58.

⁴ https://vedomosti-ru.turbopages.org/vedomosti.ru/s/finance/news/2021/06/30/876284-o-podgotovke-v-rossii-novoi-pensionnoi-reformi?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FKommersant_soobshhil_opodgotovke_vRossii_novoj_pensionnoj_reformy--d4ae3c01af67b35c0100628993393e9c.

⁵ Дмитриева О., Петухова Н., Ушаков Д. Переход от распределительной пенсионной системы к накопительной : результаты и критерии эффективности // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 43–60.

⁶ Салихов Б. В. Экономическая теория. М. : Магистр, 2014.

Структура пенсионной системы в странах ОЭСР

Pillar I Уровень I	Pillar II Уровень II	Pillar II Уровень II
Государственная пенсия	Профессиональная пенсия (FF)	Персональная пенсия (FF)
Обеспечивает базовый доход для большинства пожилых людей	Направлена на обеспечение уровня жизни, соответствующего уровню дохода до выхода на пенсию	Обеспечивает дополнительный доход в зависимости от индивидуальных потребностей застрахованного
100 % населения	От 10 до 80 % работников (в зависимости от страны) Заключаются договоры по одному или нескольким профессиональным планам	Конкурирует с профессиональной пенсией, количество участников сокращается
Обязательный компонент пенсионной системы	Обязательный / добровольный компонент для индивидуальных участников на основании трудового договора, но регистрация не является обязательной по закону	Добровольный компонент пенсионной системы

нансирваемую пенсионную систему, которая уже многие годы функционирует в большинстве стран ОЭСР наряду с PAYG.

Финансируемые пенсионные планы (FF) формируются на разных уровнях пенсионной системы, но чаще всего они реализуются в профессиональных и персональных (индивидуальных) пенсионных планах второго и третьего уровня (табл. 1).

Основная цель персональной пенсии – обеспечить более высокий доход в старости и гарантировать пенсию лицам, не охваченным обязательным пенсионным страхованием (с 2028 года в Российской Федерации в числе таких лиц могут оказаться граждане, чей трудовой стаж составляет менее 15 лет и пенсионный коэффициент менее 30).

В странах ЕС среди основных принципов добровольного страхования, относящегося к персональной пенсии, выделяют¹:

- членство на добровольной основе;
- обеспечение безопасности инвестирования активов;
- диверсификация рисков и поддержание ликвидности;
- прозрачность;
- обеспечение дополнительного дохода по старости.

Поскольку персональные пенсии призваны обеспечить дополнительный доход за счет накоплений в работоспособном возрасте, а величина страховых взносов может определяться будущим пенсионером самостоятельно, следует отметить, что данный вид пенсионных планов реализуется согласно концепции сглаживания потребления.

¹ <http://mapas.mk/wp-content/uploads/2020/09/%D0%98%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D1%88%D1%82%D0%B0%D1%98-%D0%9A%D0%A4%D0%9F%D0%9E-2019-%D0%90%D0%9D%D0%93-%D0%B2%D0%B5%D0%B1.pdf> p.60.

Кроме персональных пенсионных планов, которые получили признание не во всех странах, в последнее десятилетие активно развиваются профессиональные пенсионные планы, также обеспечивающие реализацию концепции сглаживания потребления. Профессиональные пенсионные планы организуются работодателями или ассоциациями граждан в целях формирования дополнительного пенсионного обеспечения сотрудников. Как отмечено в исследовании ОЭСР, в связи с тем, что европейские системы социального обеспечения испытывают растущее давление, профессиональные пенсии в будущем будут определять политику дополнительного финансирования после выхода на пенсию. Поэтому в дополнение к социальному страхованию развиваются профессиональные пенсионные планы, способные обеспечить безопасное, постоянное и эффективное пенсионное страхование, которое должно гарантировать достойный уровень жизни пенсионера.

В зарубежных странах реализация профессиональных пенсионных планов осуществляется по-разному. Отчет Всемирного Банка накопительные сбережения второго уровня рассматриваются как принудительные, в свою очередь, третьего уровня – добровольные². Например, в Дании, несмотря на заявленную добровольность данного механизма, условия профессиональных пенсионных планов прописываются в трудовом договоре с работодателем и становятся условно-добровольными. То есть, при трудоустройстве, граждане Дании в рамках трудового контракта обязаны перечислять дополнительные взносы в пенсионные фонды / страховые компании. По принципу условно-добровольных взносов рабо-

² World Bank. Averting the Old Age Crisis: Policies to Protect the Old & Promote Growth; World Bank Policy Research Report; Oxford University Press: Washington, DC, USA, 1994.

тают механизмы профессиональных пенсионных планов в большинстве стран ОЭСР. Тем не менее, существуют различия в пропорции распределения страховых взносов между работником и работодателем.

На третьем уровне формируются индивидуальные пенсионные планы, полностью финансируемые застрахованным на добровольных началах. Ставка на такой формат построения пенсионной системы сделана во многих странах с целью положительного влияния на национальную экономику за счет увеличения сбережений, которые будут трансформироваться в инвестиции, развивать рынки капитала и стимулировать спрос на новые финансовые услуги¹.

Для определения целесообразности развития добровольных накопительных механизмов пенсионного страхования, рассмотрим опыт зарубежных стран, которые:

- сохранили распределительную систему пенсионного страхования;
- выбрали комбинированные модели, совмещающие распределительную на накопительную компоненты;
- полностью перешли на финансируемые пенсионные планы.

В исследовании О. Дмитриевой и др. приведена группировка стран, которые сохранили классическую распределительную систему, однако, провели «параметрические» реформы, включающие повышение пенсионного возраста, увеличение размеров страховых взносов, ужесточение администрирования страховых взносов и др. (США, Германия, Франция, Бельгия, Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Австрия, Норвегия, Япония, Чехия, Словения и др.). В свою очередь, в работе выделены страны, пенсионные реформы которых включили накопительные компоненты (Швеция, Великобритания, Финляндия, Польша, Венгрия, Болгария, Литва, Эстония, Аргентина, Колумбия, Перу, Уругвай). Модели пенсионной системы указанных стран базируются на распределительной модели с возрастающим значением пенсионного страхования, финансируемого на добровольных началах. И, наконец, третья группа стран, полностью перешедших на накопительные механизмы (Чили, Боливия, Мексика, Сальвадор, Казахстан).

Учитывая специфику развития пенсионной системы указанных стран, перешедших на выбранные механизмы пенсионного страхования в разное время, рассмотрим, как в процессе пенсионных реформ изменялся коэффициент замещения, что позволит оценить целесообразность выбора той или иной модели. Несмотря на то, что многие российские экономисты

¹ <http://mapas.mk/wp-content/uploads/2020/09/%D0%98%D0%B7%D0%B2%D0%B5%D1%88%D1%82%D0%B0%D1%98-%D0%9A%D0%A4%D0%9F%D0%9E-2019-%D0%90%D0%9D%D0%93-%D0%B2%D0%B5%D0%B1.pdf> p. 60.

определяют коэффициент замещения как показатель эффективности пенсионной системы², считаем необходимым выделить некоторые допущения.

Во-первых, высокий коэффициент замещения может оказывать дестимулирующее влияние на экономическую активность населения в связи с чем государства могут проводить целенаправленную политику по снижению данного показателя.

Во-вторых, при низкой заработной плате работника высокий коэффициент замещения не может служить показателем эффективности пенсионной системы и не является гарантией избегания бедности в старости.

В-третьих, не существует унифицированной методики оценки коэффициента замещения, что не позволяет проводить сравнение показателей, рассчитываемых в разных странах. Заложенные в расчет коэффициента замещения показатели могут различаться по пенсионному возрасту, занятости, гендерной принадлежности, включенными в расчет показателя и др. Также следует отметить, что стремление государства защитить работников с низким уровнем доходов позволяет некоторым странам обеспечить коэффициент замещения для такой категории граждан выше, чем для населения со средним уровнем доходов.

В-четвертых, коэффициенты замещения могут рассчитываться в привязке к разным видам пенсии (трудовой, по потере кормильца, чистой и др.).

Практика свидетельствует, что для соответствия требованиям Конвенции МОТ № 102 коэффициент замещения должен соответствовать значению 40 %³, Конвенции МОТ № 128 – 50 %, ЕКСО – 50 % и выше⁴. Аналогичный уровень коэффициента замещения трудовой пенсии по старости (40 %) указан в разделе II Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы⁵. Несмотря на неоднократное упоминание о величине коэффициента замещения, методология его расчета в Российской Федерации имеет существенные особенности, что не позволяет сравнивать данный показатель с другими странами⁶. Учитывая перечисленные допущения проанализируем величину коэффициента замещения по обязательным пенсиям, рассчитанного ОЭСР по единой методике (рис. 2)⁷.

² Соловьев А. К. Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: риски роста бедности // ЭКО, Всероссийский экономический журнал. № 8. 2017. С. 139–153.

³ <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=347616&dst=100000001%2C0#06527657030006164>.

⁴ https://elibrary.ru/download/elibrary_21601801_82707192.pdf.

⁵ <https://base.garant.ru/70290226/>

⁶ https://elibrary.ru/download/elibrary_21601801_82707192.pdf.

⁷ <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/b6d3dcfc-en.pdf?expires=1625213834&id=id&accname=guest&checksum=7F48D1E0C648B57B1E3D0658F1683479>.

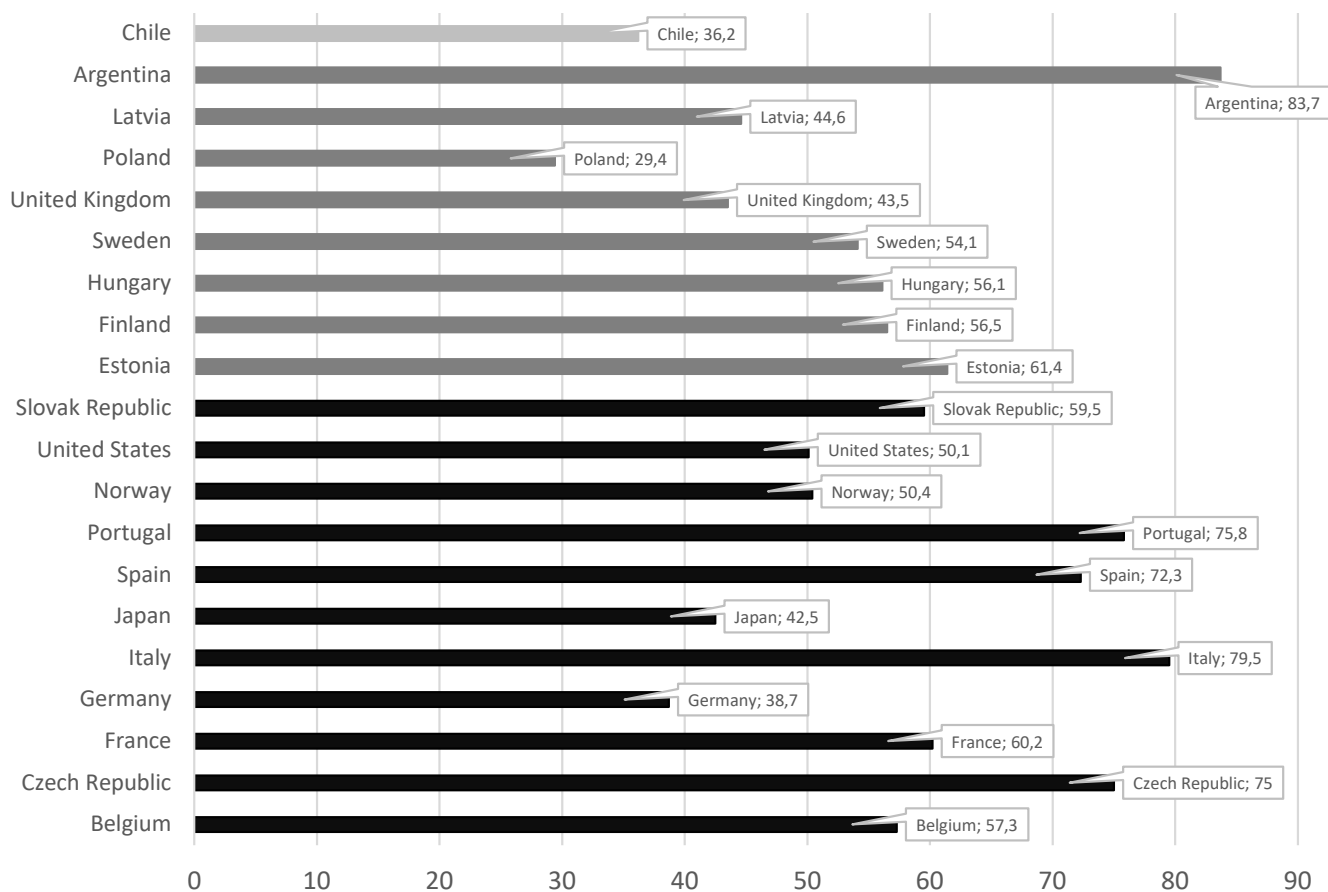

Рис. 2. Величина коэффициента замещения, %

Заключение (выводы). Исходя из представленных данных, можно отметить, что прямой зависимости между коэффициентом замещения и сочетанием накопительной и распределительной компоненты пенсионного страхования не наблюдается. Несмотря на то, что Чили перешла на полностью финансируемую систему, коэффициент замещения по обязательному страхованию в данной стране выше, чем в Польше, комбинирующей распределительные и накопительные компоненты. В свою очередь страны, реализующие преимущественно распределительную систему пенсионного страхования, также характеризуются разным уровнем коэффициента замещения. Таким образом, можно предположить, что эффективность пенсионной системы слабо зависит от ее структуры пенсионной. Вместе с тем, для более детального обоснования следует учитывать уровень заработной платы в стране, ее соотношение с прожиточным минимумом и другими показателями, характеризующими уровень жизни населения.

Библиографический список

1. Власова Ю. А., Рогова Т. М., Волкова А. В. Особенности текущего развития персональных финансов в России // Финансовая жизнь. 2021. № 2. С. 85–88.
2. Власова Ю. А., Власов С. А. Оценка среднесрочной долговой устойчивости субъектов Российской

Федерации и стабильности финансового сектора // Экономика и предпринимательство. 2015. № 11–1 (64). С. 96–101.

3. Балынин И. В. Повышение пенсионной грамотности населения в контексте обеспечения прозрачности общественных финансов и стимулирования финансовой осведомленности граждан : проблемы и пути решения // Аудит и финансовый анализ. 2019. № 1. С. 161–165.

4. Балынин И. В. Финансовое обеспечение социальной политики в Российской Федерации в 2008–2020 годы // Проблемы теории и практики управления. 2015. № 12. С. 65–70.

5. Балынин И. В. Оценка реализации национальных проектов в Российской Федерации по направлению «Человеческий капитал» : от проблем к их решению // Самоуправление. 2020. № 3 (120). С. 128–132.

6. Финогенова Ю. Ю. Пути трансформации накопительной составляющей пенсионной системы РФ // Аудиторские ведомости. 2020. № 4. С. 133–138.

7. Финогенова Ю. Ю. Особенности финансирования корпоративных пенсионных программ в России // Аудиторские ведомости. 2019. № 4. С. 68–71.

8. Финогенова Ю. Ю., Одиноква Т. Д. Роль корпоративных пенсионных программ в архитектуре

пенсионной системы России // Дайджест-финансы. 2019. Т. 24. № 4 (252). С. 466–486.

9. Финогенова Ю. Ю., Козлов П. А. О повышении пенсионного возраста как факторе сбалансированности финансовых потоков пенсионного фонда РФ // Известия Иссик-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2018. № 4–1 (23). С. 118–130.

10. Козлов П. А., Слепов В. А., Финогенова Ю. Ю. Управление рисками финансовых потоков пенсионной системы Российской Федерации // Страховое дело. 2018. № 9 (306). С. 26–34.

11. Фрумина С. В. Анализ пенсионной системы Малайзии // Аудиторские ведомости. 2021. № 2. С. 244–247.

12. Фрумина С. В. Управление пенсионными накоплениями частными управляющими компаниями // Экономика и управление : проблемы, решения. 2016. Т. 2. № 12. С. 167–172.

Bibliographic list

1. Vlasova Yu. A., Rogova T. M., Volkova A.V. Features of the current development of personal finance in Russia // Financial life. 2021. № 2. P. 85–88.

2. Vlasova Yu. A., Vlasov S. A. Assessment of the medium-term debt sustainability of the subjects of the Russian Federation and the stability of the financial sector // Economics and entrepreneurship. 2015. № 11–1 (64). P. 96–101.

3. Balynin I. V. Improving pension literacy of the population in the context of ensuring transparency of public finances and stimulating financial awareness of citizens : problems and solutions // Audit and financial analysis. 2019. № 1. P. 161–165.

4. Balynin I. V. Financial support of social policy in the Russian Federation in 2008–2020 // Problems of theory and practice of management. 2015. № 12. P. 65–70.

5. Balynin I. V. Evaluation of the implementation of national projects in the Russian Federation in the direction of «Human capital» : from problems to their solution // Self-government. 2020. № 3 (120). P. 128–132.

6. Finogenova Yu. Yu. Ways of transformation of the accumulative component of the pension system of the Russian Federation // Audit statements. 2020. № 4. P. 133–138.

7. Finogenova Yu. Yu. Features of financing corporate pension programs in Russia // Audit statements. 2019. № 4. P. 68–71.

8. Finogenova Yu. Yu., Odnikova T. D. The role of corporate pension programs in the architecture of the pension system of Russia // Digest-finance. 2019. Vol. 24. № 4 (252). P. 466–486.

9. Finogenova Yu. Yu., Kozlov P. A. On raising the retirement age as a factor of balancing the financial flows of the Pension Fund of the Russian Federation // Izvestiya Issyk-Kul Forum of Accountants and Auditors of Central Asia. 2018. № 4–1 (23). P. 118–130.

10. Kozlov P. A., Slepov V. A., Finogenova Yu. Yu. Risk management of financial flows of the pension system of the Russian Federation // Insurance business. 2018. № 9 (306). P. 26–34.

11. Frumina S. V. Analysis of the pension system of Malaysia // Audit statements. 2021. № 2. P. 244–247.

12. Frumina S. V. Management of pension savings by private management companies // Economics and management : problems, solutions. 2016. Vol. 2. № 12. P. 167–172.

Информация об авторе

М. Е. Косов – доцент Департамента общественных финансов Финансового университета при Правительстве РФ, профессор Высшей школы юриспруденции и администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

M. E. Kosov – Associate Professor of the Department of Public Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Higher School of Jurisprudence and Administration of the National Research University Higher School of Economics.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-283-287>

НИОН: 2015-0066-1/22-250

MOSURED: 77/27-011-2022-01-449

Управление экономической безопасностью хозяйствующего субъекта на основе финансового планирования

Елена Ивановна Кузнецова

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, elenkuz90@mail.ru

Аннотация. В статье определено, что в основе финансового планирования лежит общий механизм процесса управления, что позволяет рассматривать его посредством использования фундаментальных положений процесса принятия управленческого решения. При этом специфика данной формы управления заключается в том, что реализация разрабатываемых управленческих решений осуществляется в стратегической перспективе. На основе проведенного анализа выделены основные этапы финансового планирования, определены его задачи, представлен алгоритм механизма его реализации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, хозяйствующий субъект, финансовое планирование, этапы финансового планирования, механизм управления

Для цитирования: Кузнецова Е. И. Управление экономической безопасностью хозяйствующего субъекта на основе финансового планирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 283–287. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-283-287>.

Original article

Management of economic security of an economic entity on the basis of financial planning

Elena I. Kuznetsova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, elenkuz90@mail.ru

Abstract. The article determines that the proposed financial planning mechanism is based on the general mechanism of the management process, which allows us to consider it through the use of the fundamental provisions of the management decision-making process. At the same time, the specificity of this form of management lies in the fact that the implementation of the management decisions being developed is carried out in a strategic perspective. Based on the analysis, the main stages of financial planning are identified, its tasks are defined, and the algorithm of its implementation mechanism is presented.

Keywords: economic security, economic entity, financial planning, stages of financial planning, management mechanism

For citation: Kuznetsova E. I. Management of economic security of an economic entity on the basis of financial planning. Bulletin of economic security. 2022;(1):283–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-283-287>.

Инвестиции в основной капитал в ВВП в 2020 г. составили 21,8 % (2017 г. – 21,4 %, 2018 г. – 20,0 %, 2019 г. – 20,6 %). На развитие экономики и социальной сферы Российской Федерации организациями всех форм собственности в 2020 г. использовано 20118,4 млрд рублей инвестиций в основной капитал, или 98,6 % к уровню 2019 года (в сопоставимых ценах). Объем инвестиций в основной капитал увели-

чился по сравнению с 2010 г. на 17,2 %, с 2015 г. – на 11,0 %. В 2019 году использовано 19,32 трлн рублей инвестиций в основной капитал, или 101,7 % к уровню предыдущего года. Общий объем финансовых вложений организаций в 2018 году составил 247,2 трлн рублей, в том числе долгосрочные финансовые вложения – 22,6 трлн рублей (9,1 % от общего объема), краткосрочные – 224,6 трлн рублей (90,9 %).

© Кузнецова Е. И., 2022

Выросли также и собственные средства предприятий и организаций, инвестируемые в основной капитал – 57,1 % в 2019 году против 53 % в 2018 году, однако, снизились объемы кредитования в банках – 8,7 % в 2019 году по сравнению с 11,2 % в 2018 году. Инвестиции в нефинансовые активы составили 14,41 трлн рублей, из них 98,8 % приходилось на инвестиции в основной капитал¹.

Эти данные говорят о том, что доля заемных средств увеличилась из-за существенного снижения собственных инвестиций, что, в свою очередь, указывает на высокую чувствительность хозяйствующих субъектов к неспособности осуществлять собственные вложения из-за недостаточного объема инвестиционных средств и оказывает значительное влияние на уровень экономической безопасности хозяйствующих субъектов.

В рамках представленного исследования общее семантическое восприятие термина «управление экономической безопасностью» применительно к функционированию хозяйствующего субъекта или к какому-либо хозяйственному процессу в целом может быть интерпретировано как комплекс организационно-управленческих мер, направленных на обеспечение устойчивости и возможности обеспечения защиты предприятия как от внешних, так и от внутренних угроз. При этом объектом управления можно считать как источники финансовых ресурсов, так и различные виды угроз экономической безопасности. В этом случае важным представляется вопрос обеспечения необходимого уровня экономической безопасности посредством использования механизма финансового планирования и рассматривать сам механизм как алгоритм ее достижения.

В основе процесса планирования находятся несколько ключевых этапов.

Их пять:

- 1) анализ состояния и деятельности хозяйствующего субъекта в сложившихся условиях его внешней среды;
- 2) прогнозирование будущего хозяйствующего субъекта на основе данных о состоянии его внутренней и внешней среды;
- 3) постановка целей (определение результатов), к которым будет стремиться хозяйствующий субъект;
- 4) составление альтернативных вариантов планов;
- 5) внедрение и контроль реализации принятого плана.

Но в научной литературе также встречаются и другие варианты количества этапов процесса плани-

рования в зависимости от сферы его осуществления. Например, Лихачева О. Н. выделяет четыре этапа финансового планирования [1]:

- 1) анализ инвестиционных возможностей и возможностей финансирования, которыми располагает предприятие;
- 2) прогнозирование последствий текущих решений с целью избежать неожиданностей и понять связь между текущими и будущими решениями;
- 3) обоснование выбранного варианта из всех возможных решений;
- 4) оценка результатов, достигнутых предприятием, в сравнении с целями, установленными в финансовом плане.

Паштова Л. Г. выделяет восемь этапов финансового планирования, к которым относит: анализ сложившейся ситуации и имеющихся проблем; прогнозирование будущих условий, в которых будет работать организация; постановку финансовых задач; выбор оптимального варианта; составление финансового плана; конкретизацию финансового плана, его увязку с другими разделами бизнес-плана; выполнение финансового плана; анализ и контроль выполнения плана [6].

С нашей точки зрения, в основе механизма планирования для обеспечения экономической безопасности организации, лежит общий механизм (как последовательность действий) процесса управления, что позволяет рассмотреть процесс финансового планирования сквозь призму фундаментальных положений процесса принятия управленческого решения. При этом специфика данной формы управления заключается в том, что реализация разрабатываемых управленческих решений осуществляется не сразу же после их утверждения, а в отдаленной перспективе [2].

Таким образом, можно заключить, что различия в существующих упрощенных алгоритмах принятия управленческого решения проявляются в степени детализации и конкретизации каждого отдельного этапа рассматриваемого процесса при сохранении единой последовательности его ключевых этапов и стадий. Учитывая, что в процессе своей хозяйственной деятельности предприятие вынуждено решать множество проблем, часть из которых взаимосвязаны, то система управления предприятием будет представлять собой совокупность простых управленческих процессов, протекающих параллельно друг другу или последовательно, при этом «выход» (решенная проблема) одного процесса будет выступать «входом» (задачей) для следующего. В таком случае каждый отдельный процесс решения одной задачи рассматривается как подпроцесс в общем управленческом процессе и состоит нескольких ключевых этапов, выделенных нами выше.

¹ Инвестиции в основной капитал в 2020 году выросли на 1,7 %. Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/> (дата доступа 10.01.2021г.)

Вопрос управления экономической безопасностью предприятия, охарактеризованный нами как проблема поиска и сохранения жизненно важных для предприятия экономических ресурсов, может быть также представлен графически, при том, что «вход» – это поступление ресурсов, в том числе вследствие выпуска конкурентоспособной продукции, «процесс» – производство (трансформация поступивших ресурсов в готовую продукцию), «выход» – потери экономических ресурсов (рис. 1).

Задачей финансового планирования является разрешение хозяйственных проблем как по вертикали, так по горизонтали.

Несмотря на то, что основным средством построения алгоритма и механизма управления являются блок-схемы, позволяющие достаточно детально отразить все процессы и подпроцессы, в большинстве случаев более полезным может оказаться составление схемы «одной нити», комбинированной с первым вариантом отражения управленческого процесса, что позволяет охватить как этапы процесса (и набор функций), так и его подпроцессы со связями между элементами и участниками общего процесса принятия управленческого решения.

Начальным этапом финансового планирования безусловно является постановка цели всего процесса, что обусловлено, во-первых, самой необходимостью осуществления этого процесса, а во-вторых, тем, что цель зачастую выступает критерием выбора альтернативных вариантов действий [5, с. 25–32]. Учитывая, что в нашем случае целью является обеспечение экономической безопасности предприятия, его жизнеспособности, то осуществляемый финансовый процесс не будет направлен на максимизацию прибыли и другие цели, которые могут вступить в противоречие с безопасностью.

Поскольку цель процесса должна характеризоваться четкостью и ясностью – в противном случае вероятность ее достижения становится крайне низ-

кой, – а жизнеспособность предприятия является понятием достаточно общим и ориентировочным, то в качестве цели следует использовать определенное состояние предприятия или совершение деловой сделки (действия), что косвенно будет характеризовать предприятие как жизнеспособное. Вместе с этим четко установленные цели значительно упрощают выбор наиболее эффективных средств их достижения; иначе не только могут возникнуть трудности в выборе инструментов достижения целей, но и появятся разногласия по поводу, какие средства и меры следует применять.

В связи с тем, что определение конкретного, желаемого состояния, которое необходимо достичь, может происходить только на основе оценки внутренней и внешней среды, используемой в дальнейшем процессе в качестве системы координат, то этап постановки цели общего характера (жизнеобеспеченность предприятия) может быть выведен на надсистемный уровень, на котором определяется предназначение системы, а не ее составные элементы и процессы. И только после достижения цели формируемой системы возможно возвращение на надсистемный уровень и корректировка ее цели (миссии).

На этапе общего процесса реализации финансового планирования осуществляется сбор и систематизация финансово-хозяйственной информации, как уже отмечалось, о внутренней и внешней среде предприятия. К внутренней информации следует относить сведения об имеющихся ресурсах и их характеристиках (собственные – привлеченные; платные и бесплатные и т. д.), об эффективности осуществляемых бизнес-процессов. К внешней информации может быть отнесен объем сведений обо всех изменениях, происходящих во внешней среде предприятия и затрагивающих его интересы. Например, информация о стоимости заемного капитала (если предприятие планирует привлечь заемные средства), информация о перспективах развития рынка того или иного товара (если предпри-

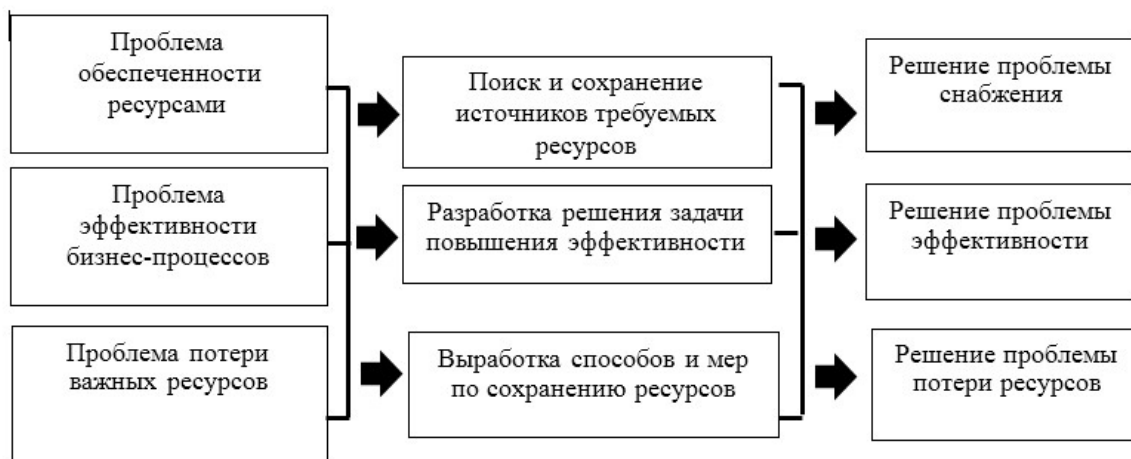

Рис. 1. Специализация процесса управления экономической безопасностью по ключевым направлениям

ятие планирует выход на новый рынок сбыта или наращивает объемы выпуска продукции), информация об изменениях в миграционном законодательстве (если предприятие планирует привлечение дешевой неквалифицированной рабочей силы), информация о деятельности конкурентов (если предприятие планирует сохранить свои конкурентные преимущества) и т. д. [4].

Прежде чем перейти к анализу собранной информации и оценке положения предприятия, необходимо определить набор показателей и критериев оценки его жизнеспособности, что является следующим этапом в механизме финансового планирования.

Следует подчеркнуть, что оценка жизнеспособности (экономической безопасности) предприятия происходит на основе следующих групп показателей:

– «вход» (оцениваются надежность имеющихся источников ресурсов предприятия, возможности получения доступа к новым ресурсным источникам);

– «трансформационный процесс» (оценивается эффективность протекающих на предприятии управленческих, операционных и вспомогательных процессов, а также состояние составных элементов предприятия, при использовании которых осуществляются процессы);

– «выход» (оценивается вероятность потери предприятием жизненно важных для него ресурсов, а также состояние основных фондов; отражает как внутренние, так и внешние источники угроз предприятию).

На этой стадии заканчивается первый логический блок действий в механизме реализации финансового планирования, предназначенный для анализа экономической безопасности предприятия.

Второй логический блок посвящен характеристикам инвестиционных проектов по направлениям обеспечения экономической безопасности предприятия. То есть данный этап является подготовительным к разработке инвестиционных проектов.

На основе информации об уровне жизнеспособности, полученной на третьем этапе, выделяются те факторы экономической безопасности предприятия, значения которых не являются удовлетворительными.

Нами были рассмотрены четыре группы факторов жизнеспособности предприятия: финансовые, организационные, административные и управленческие. В зависимости от сложившейся на предприятии и вокруг него экономической ситуации, могут быть выделены, например, финансовые факторы как объекты планирования (создание резервного фонда или приобретение страховых продуктов, если предвидятся неблагоприятные события), или организационные факторы (вложения в модернизацию производства,

поскольку конкуренты обладают технологически более совершенным оборудованием, что повышает их конкурентоспособность) и т. д.

Определив основные объекты будущего инвестиционного процесса, требуется рассмотрение его предмета – количественных или качественных изменений в факторах безопасности. Учитывая, что количественные изменения в факторах осуществляются, как правило, за счет материальных вложений, а качественные – посредством нематериальных инвестиций, то необходимо решить вопрос о характере этих инвестиций.

На следующем этапе происходит разработка непосредственно инвестиционного проекта по простому и расширенному воспроизводству факторов жизнеобеспеченности предприятия с инвестиционным периодом в один год.

Также следует выделять такие особенности проектов, как их «взаимодополняемость» (последовательность), когда конкретная проблема может быть решена только после разрешения другой проблемы, и «взаимоисключаемость», характерная для альтернативных проектов, направленных на решение одной проблемы или на различные цели, но требующих применения одних и тех же ограниченных в своем объеме средств.

Заключительными этапами в типовом управленческом процессе являются реализация принятого решения и контроль его выполнения.

Получаемая информация поступает на первый и второй этапы и дает ответ на вопрос «обеспечена ли жизнеспособность предприятия или нет», а также, поскольку сам процесс планирования хотя и представляет собой цикл действий, но, тем не менее, является непрерывным во времени, то, в соответствии с поступающей информацией о ходе разрешения проблемы безопасности, вносятся коррективы в разработанные и разрабатываемые проекты, что подчеркивает такую особенность планирования в качестве формы управления как оперативность.

Таким образом, для разработки механизма реализации финансового планирования как инструмента управления экономической безопасностью предприятия применяются общие алгоритм и основополагающие принципы управления (включая планирование) финансово-хозяйственной деятельностью организации, адаптированные под процесс обеспечения воспроизводства ключевых и значимых факторов жизнеспособности предприятия [3].

На основе логической структуры процесса финансового планирования и теоретико-методологических положений обеспечения экономической безопасности предприятия формируется механизм его практической реализации.

Список источников

1. Лихачева О. Н. Финансовое планирование в российских компаниях : современные тенденции, проблемы и их решения // Экономика и предпринимательство. 2016. № 11-4 (76). С. 846–849.
2. Лошаков А. С. Управление системой обеспечения экономической безопасности организации // Проблемы экономики. 2008. № 1. С. 96–97.
3. Накова М. Р. Методические аспекты обеспечения экономической безопасности предприятия // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2020. № 1 (20). С. 133–138.
4. Орлов А. В. Банкротство как угроза экономической безопасности предприятия // Форум. Серия : Гуманитарные и экономические науки. 2020. № 1 (21). С. 100–103.
5. Применение информационных технологий в экономических исследованиях : монография. М. : Изд-во «Перо», 2021.
6. Финансовое планирование в организациях: учебник/ коллектив авторов ; под ред. Л. Г. Паштовой. М. : КНОРУС, 2019. 274 с.

References

1. Likhacheva O. N. Financial planning in Russian companies : current trends, problems and their solutions // Economics and entrepreneurship. 2016. № 11-4 (76). P. 846–849.
2. Loshakov A. S. Management of the organization's economic security system // Problems of Economics. 2008. № 1. P. 96–97.
3. Nakova M. R. Methodological aspects of ensuring economic security of the enterprise // Forum. Series : Humanities and Economic Sciences. 2020. № 1 (20). P. 133–138.
4. Orlov A. V. Bankruptcy as a threat to the economic security of an enterprise // Forum. Series : Humanities and Economic Sciences. 2020. № 1 (21). P. 100–103.
5. Application of information technologies in economic research : monograph. M. : Publishing house «Pe», 2021.
6. Financial planning in organizations : textbook/ team of authors ; edited by L.G. Pashtova. M. : KNORUS, 2019. 274 p.

Информация об авторе

Е. И. Кузнецова – профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

E. I. Kuznetsova – Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 22.12.2021; одобрена после рецензирования 17.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 22.12.2021; approved after reviewing 17.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.

Научная статья

УДК 33

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-288-294>

НИОН: 2015-0066-1/22-251

MOSURED: 77/27-011-2022-01-450

Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств: организационный аспект

Александр Николаевич Литвиненко¹, Ренат Романович Тотоев²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lanfk@mail.ru

² Академия управления МВД России, Москва, Россия, renattotoev@mail.ru

Аннотация. В статье показано, что проблемные вопросы в области наркобизнеса для нашего государства остаются открытыми и не теряют свою актуальность. Распространение наркотиков остается угрозой здоровью людей, экономическому положению и национальной безопасности страны. Это явление требует действий, как со стороны государства, так и со стороны самого общества.

Авторами обоснованы организационные аспекты финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотиков и предложены меры по решению проблемных вопросов в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Для достижения поставленной цели было проанализировано существующее состояние финансового противодействия незаконному обороту наркотиков, оценены положительные и отрицательные стороны внедрения новых нормативно-правовых актов в исследуемой сфере.

Ключевые слова: финансовая борьба, незаконный оборот, наркотики, наркотические средства, государство, незаконный оборот наркотиков (НОН), Росфинмониторинг

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Тотоев Р. Р. Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств: организационный аспект // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 288–294. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-288-294>.

Original article

Directions of financial struggle against illicit drug trafficking: organizational aspect

Alexander N. Litvinenko¹, Renat R. Totoev²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, lanfk@mail.ru

² Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, renattotoev@mail.ru

Abstract. The article shows that problematic issues in the field of drug trafficking for our state remain open and do not lose their relevance. The spread of drugs remains a threat to human health, the economic situation and the national security of the country. This phenomenon requires action, both on the part of the state and on the part of society itself.

The authors substantiate the organizational aspects of the financial fight against drug trafficking and propose measures to address problematic issues in the field of illicit drug trafficking.

To achieve this goal, the existing state of financial counteraction to drug trafficking was analyzed, the positive and negative sides of the introduction of new regulatory legal acts in the field under study were evaluated.

Keywords: financial struggle, illegal trafficking, drugs, narcotic drugs, the state, illegal drug trafficking (non-profit), Rosfinmonitoring

For citation: Litvinenko A. N., Totoev R. R. Directions of financial struggle against illicit drug trafficking: organizational aspect. Bulletin of economic security. 2022;(1):288–94. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-288-294>.

© Литвиненко А. Н., Тотоев Р. Р., 2022

Введение.

Наркотические средства являются инструментом обеспечения одной из наивысших норм дохода в криминальной сфере. При сравнении разницы между начальными вложениями в культивирование кустов коки в регионе Анд и стоимости реализованного готового кокаинового продукта в Америке, доходность составляла около 30 тысяч процентов [19]. Поэтому, независимо от всех усилий противодействия компетентными органами попыткам изготовления и реализации наркотических средств, ситуация по-прежнему характеризуется высоким уровнем выживания и устойчивости наркодельцов в любой среде, даже крайне неблагоприятной. Не исключением стала и сегодняшняя ситуация с пандемией COVID-19. В условиях реализации карантинных мер, включающих санкции и запреты, не произошло банкротство наркобизнеса, оперативная обстановка в сфере незаконного оборота наркотиков не улучшилась. Это лишь привело к более активному использованию сети Интернет, платежных систем международного и национального формата, электронных бирж и криптовалют [17]. С целью обеспечения национальной безопасности России, создания механизмов контроля за преступными активами от наркобизнеса, нанесения удара по транснациональным преступным организациям, государству требуется реализация на практике главных правовых и организационных основ противодействия незаконному обороту наркотических (НОН) веществ.

В ходе выполнения Стратегии государственной антинаркотической политики РФ до 2020 года проведен комплекс новых мероприятий, который направлен на исполнение главной стратегической цели – пресечения незаконного распространения наркотических веществ в пределах России и уменьшения их немедицинского употребления. Итогом послужило утверждение Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [18].

Направления финансовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств.

Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, непосредственно выполняющих подготовительные операции, исполняющих либо уже исполнивших преступление – является главной задачей оперативной и розыскной работы, зафиксированной в нормативной документации [5, с. 4].

В результате проведенного экспертного исследования установлено, что базовым условием увеличения эффективности противодействия НОН является совершенствование финансового обеспечения борьбы и создание специальных инструментов для пресечения этих преступлений.

Согласно результатам анализа мнений российских и иностранных экспертов, в области борьбы с наркотической преступностью, для реализации главной стратегии государства мало просто сформулировать нормы и правила, создать правовую основу и наметить план действий. Нужно организовать выполнение этих планов, ввести эффективные механизмы и обеспечить надзор за их выполнением в будущем [5, с. 7].

Совершенствование сегодняшних IT-технологий оказало значительное воздействие на положение современного наркобизнеса. Так на данный момент активно применяется бесконтактный способ реализации наркотических средств, базирующийся на применении анонимных программ с опцией по кодировке данных («Телеграм», «Сигнал», «Викр» и др.), электронных платежных систем и виртуальных активов [13, с. 16].

С каждым годом наркодилеры применяют все новые и новые финансовые схемы легализации денежных средств. Схема взаиморасчетов и легализации наркотических средств выглядит следующим образом: потоки наркотических средств направлены из страны-производителя в страны-потребители через страны-посредники. В обратной последовательности в страны-производители возвращаются материальные блага через различные страны-экспортёры. Для этого используются инвестиционные центры и финансовые шлюзы. В результате установлено, что часть наркодоходов выводится за пределы страны по путям наркомаршрутов в «финансовые центры» – узлы перераспределения грязных денег, и далее – в центры их реинвестирования, например, в Объединенные Арабские Эмираты, Великобританию, Панаму, Гонконг.

Сотрудничество МВД России и Росфинмониторинга.

Сетевой наркосбыт использует многоуровневые финансовые схемы с применением электронных сервисов и платежных систем по переводу средств без открытия счета. Применяются для вывода денежных средств за рубеж банковские и предоплаченные карты, виртуальные активы. Для противодействия сложившимся схемам организовано взаимодействие ГУНК МВД России с Федеральной службой по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг). Целью взаимной работы является подрыв финансовой основы незаконного оборота наркотиков. Такое взаимодействие уже позволило провести успешные операции по ликвидации сетевого сбыта наркотиков транснациональными формированиями в российских регионах.

Пресечение преступлений, которые связаны с отмыванием доходов от наркобизнеса – одно из главных направлений работы органов внутренних дел. Так, за

период 2016–2020 гг. выявлено и расследовано примерно 1200 подобных преступлений [6, с. 8].

Основную деятельность по пресечению распространения наркотических средств выполняют следующие структуры: Федеральная служба по финансовому мониторингу, Государственный антинаркотический комитет (ГАК), Главное управление по контролю за оборотом наркотиков (ГУКОН), Следственный департамент МВД РФ. Каждая из организаций вносит свой вклад в раскрытии преступлений по НОН, и эффективная деятельность конкретной структуры невозможна без помощи другой.

Значительную помощь и содействие проведению следственных операций в нахождении за границей недвижимого имущества и других активов, приобретенных незаконным способом либо созданных по результатам отмыwania доходов, оказывает Росфинмониторинг [8, с. 11].

Так, ГУНК МВД России и Управлением по контролю за оборотом наркотиков ГУ МВД России по г. Москве пресечена работа транснациональной преступной организации, занимающейся региональной системой сбыта наркотиков на территории Московской и Тамбовской областей. Выявленная сумма легализованных финансовых средств составила более 3,6 млн руб. На сегодня при взаимодействии с Росфинмониторингом продолжают мероприятия по установлению иных лиц, осуществляющих организацию и координацию из Республики Таджикистан сетевого сбыта наркотиков на территории РФ, а также дополнительных каналов легализации наркодоходов [13, с. 16].

Подобные операции отмечены в Камчатском крае, где по итогам финансовых сделок с денежными ресурсами и недвижимостью, преступникам удалось легализовать почти 7 млн рублей [21].

Нахождение и документальное оформление данных преступных деяний подразумевает большую запросную справочную работу и точный анализ полученной информации. Специализированную поддержку в этом оказывают эксперты Росфинмониторинга, которые используют программы обработки массива информации и нахождения подозрительных денежных операций. В рамках совместных расследований удастся в кратчайшие сроки заполнить и обработать информацию как российских, так и иностранных финансовых компаний [12, с. 19].

Общее число уголовных дел, в пределах расследования которых применялась предоставленная информация Росфинмониторинга, с каждым годом возрастает, и в 2020 их стало более двух тысяч [22]. Стоит иметь в виду, что данные о финансовых операциях руководителей наркобизнеса как в России, так и за границей, информация об их имуществе, юридических лицах, соучастниками которых они являются, очень

нужна для следственных органов и вынесения судебного приговора. Причем деятельность следствия нацелена на улучшение взаимосвязи с Росфинмониторингом в дальнейшем в различных направлениях работы. Таким образом, работа следственного комитета невозможна без помощи Росфинмониторинга, так как второй обладает большей базой данных и имеет доступ к информации в любое время как внутри страны, так и за ее пределами.

Выполнение решений ГАК дало возможность на законодательном уровне поставить оградительные барьеры для применения финансовых инструментов в НОН, сконцентрировать на этом работу государственных органов, увеличить качество деятельности органов правоохранительной власти по количеству раскрытий и расследований преступлений в данной области [6, с. 8].

Следственный департамент МВД РФ при сотрудничестве с ГУКОН за оборотом наркотиков МВД России, а также иными подразделениями и ведомствами сразу принимает меры по пресечению финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, приобретенным в результате совершения преступлений в сфере наркобизнеса [8, с. 12].

Стоит полагать, что за последние годы прорисовывается четкая динамика увеличения количества преступлений в области НОН, в процессе выполнения которых наркодилеры применяют конвертацию реальных денежных платежных единиц в виртуальные – криптовалюту. Это связано, в первую очередь, с анонимным использованием и доступом к цифровой среде, а также широкими способностями IT-технологий и скоростью передаваемой информации.

Тем не менее, при выявлении схем отмыwania доходов преступников от НОН, не решена одна из проблем – квалификация деяний преступников по статьям УК РФ [8, с. 12].

Совершенствование квалификации деяний по УК РФ.

Так, согласно ст. 174 и 174.1 УК РФ и пояснениям, предметом данного преступного деяния могут быть денежные средства либо другое имущество, полученные по итогу определенного преступления. При этом составы преступлений, предусматривающих наказание за НОН, – формальные и не требуют наличия общественно опасных последствий преступной деятельности в виде, например, передачи наркотиков конкретному покупателю. Стоит учитывать высокую скрытность и засекреченность преступности по НОН, поэтому нахождение преступных организаций, работающих в данной области и получающих от этого доход, происходит, главным образом, оперативно. Задержание соучастников подобных организаций с

поличным предполагает изъятие наркотиков, предназначенных для будущего сбыта. За их реализацию организаторы НОН еще не смогли либо не успели получить незаконную прибыль [1, с. 5].

Таким образом, для заведения уголовного дела необходимо наличие изъятых наркотических средств, поэтому предварительное следствие оказывается в двоякой ситуации: с одной стороны, преступникам предъявляются обвинения, связанные с НОН, которые они еще не успели реализовать, а с другой – в процессе проведения расследования фиксируется много фактов свершения денежных операций, заключающихся в сделках по уже реализованным наркотическим средствам. Но для того, чтобы доказать исполнение операций, следствие не имеет предшествующего состава, так как наркотические средства уже были проданы и использованы потребителями.

Именно поэтому в большей части ситуаций, если имеется достаточно информации о денежных операциях и размере оборота, которые получены преступными группировками, у следственных органов нет задокументированных доказательств факта реализованных ранее наркотических средств, в результате чего были получены финансовые средства. Это осложняет квалификацию действий преступников по статьям УК РФ, связанным с легализацией доходов от НОН.

Частично разрешение данного вопроса возможно путем создания общей правовой практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с наркотиками, совершенных в составе преступной группировки.

Выполняя организацию деятельности по борьбе с НОН, следствием МВД РФ активно оказывается международная правовая помощь по уголовным делам для нахождения и ареста активов, которые были получены преступным путем в России и выведены за границу. Следственными органами в компетентные иностранные структуры отправляются запросы с просьбой по оказанию правовой помощи по соответствующим уголовным делам согласно международным договорам, либо на основании принципа взаимности.

При этом действующий механизм нуждается в совершенствовании. На сегодняшний день необходима наработка методов борьбы с НОН, соответствующих регулярно изменяющейся ситуации в данной области. Активизация раскрытия и расследований подобных уголовных преступлений для следственных органов МВД стоит на первом месте, а для ее исполнения есть высококвалифицированные сотрудники и нужное научно-техническое обеспечение ИТ-технологиями [8, с. 12–13].

Создание специализированных фондов.

Для организационного содействия юридическим и физическим лицам, которые напрямую ведут борьбу с НОН, проводят профилактические мероприятия,

лечение и реабилитацию, формируются специализированные антинаркотические фонды. Первый такой фонд был открыт в г. Хабаровск.

Поддержка со стороны общества позволила за короткий период времени из выделенных спонсорских и учредительских ресурсов профинансировать 19 антинаркотических мероприятий, к которым относились следующие:

- покупка лекарственных средств для оказания непосредственной помощи по психолого-педагогической реабилитации и восстановления;
- приобретение и передача лекарственных средств;
- проведение семинара среди журналистов, вовлеченных в тему наркотиков;
- финансирование профилактических мероприятий в образовательных учреждениях;
- содействие усилению материальной и технической баз подразделений наркологического контроля МВД России.

Таким образом, проведя оценку угрозы, которую влечет распространение наркобизнеса на территории России, правительство РФ учредило формирование методов борьбы с НОН, призванной повысить эффективность работы в этом направлении. Одновременно стало очевидно, для финансовой борьбы с НОН требуется работа не только самого государства, но и поддержка и активность со стороны даже небольших фондов, ведь чем больше задействованных лиц, тем выше будущий результат [7, с. 10].

Сотрудничество с частным сектором.

На сегодняшний день особенно важным становится поиск новейших методов и форм взаимодействия с частным сектором. В сотрудничестве следственных органов с некоторыми банковскими организациями выполняется работа по формированию модели финансового поведения «Наркоторговец». Она направлена на нахождение финансового инструментария, применяемого фигурантами преступных группировок и сообществ на разных стадиях перемещения финансовых средств от НОН. Создается и прорабатывается список индикаторов, характеризующих движение по банковским картам и электронным кошелькам, которые применяется в наркобизнесе. Причем индикаторы дают возможность описания всех этапов перемещения денежных потоков и информируют не об одной транзакции, а о целой схеме.

Банковскими организациями, принимающими участие в пилотном проекте, осуществляется работа по созданию и оценке выборок учетных записей платежной системы и банковских карт по всем рассматриваемым индикаторам. Отправление данных в Росфинмониторинг выполняется с применением «Личного кабинета», созданного для подотчетных компаний. Все виды операций, по предположению

связанные с наркобизнесом, маркируются отдельно от остальных.

Создание единой системы информационно-аналитического отслеживания движения денежных средств.

Следственными органами по итогам обработки данных, направленных от Росфинмониторинга по полученным от кредитных компаний – в границах пилотного проекта – сообщениям, выявлено, что созданный профиль поведения адекватно описывает финансовую работу фигурантов наркобизнеса. Помимо этого, некоторые физические лица до этого уже были упомянуты в документах финансового следствия, связанного с НОН.

Совместно с Банком России проводится работа по внесению изменений в «Классификатор признаков, указывающих на необычный характер операции (сделки)». Разработана отдельная группа признаков операций, свидетельствующих о потенциально преступном обороте наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров.

В настоящее время Росфинмониторингом совместно с Физическим институтом имени П.Н. Лебедева РАН реализуется проект «Прозрачный блокчейн». Разрабатываемый программный продукт используется МВД России, ФСБ, Росфинмониторингом с целью оценки и анализа связей участников криптовалютной среды с криминальными площадками, а также выявления бирж и обменников, через которые преступники осуществляют обмен виртуальных активов на фиатные денежные средства. Важным моментом в области механизма контроля и урегулирования взаимоотношений, которые связаны с цифровыми финансовыми активами, явилось вступление в силу с 01.01.2021 г. ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1, с. 4].

Интенсификация работы с подразделениями финансовой разведки (ПФР) и разработка программного продукта «Прозрачный блокчейн» позволили расширить потенциал Росфинмониторинга в части получения сведений об аккаунтах фигурантов расследований, выявления цепочек выплат вознаграждений в криптовалюте и установления суммы легализации преступных доходов.

В 2020 году наблюдалось значительное увеличение входящего потока информации от отдельных ПФР в Росфинмониторинг о клиентах криптовалютных бирж. Сообщения содержат информацию о ряде лиц, которые ранее уже являлись фигурантами проверок и уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков и иными преступлениями. В результате в ФСБ России и МВД России направлены сведения о более 800 аккаунтах, которыми владеют граждане

США, Китая, Израиля, Казахстана, Беларуси, Молдовы и России. Сумма поступившей на них криптовалюты с одной из теневых площадок оценивается в размере более 1,9 млрд руб. Результаты проверки доведены до соответствующих ПФР [4, с. 51–52].

Заключение.

Таким образом, к числу наиболее действенных направлений финансовой борьбы с НОН относятся:

сотрудничество МВД России и Росфинмониторинга, при котором в короткие сроки появляется возможность обработки массива информации и нахождения подозрительных денежных операций как у российских, так и иностранных финансовых компаний;

– внедрение квалификации деяний преступников по статьям УК РФ;

– создание специализированных антинаркотических фондов;

– активное сотрудничество с частным сектором, в том числе с кредитными организациями;

– создание и проработка списка индикаторов, характеризующих движение по банковским картам и электронным кошелькам, что позволит отслеживать не единичные операции, а всю схему.

Список источников

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ (последняя редакция).
2. Постановление от 11 декабря 2020 № 144 «Об утверждении муниципальной программы «Профилактика наркомании и противодействие незаконному обороту наркотических средств на территории Волошовского сельского поселения на 2021–2023 годы».
3. Глазкова Л. А. Василий Пискарев : против России ведётся настоящая нарковойна // Парламентская газета. 2021. С. 26–38.
4. Гобрусенко К. И. На треке борьбы с финансовой составляющей наркобизнеса // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 49–54.
5. Дульцев М. В., Бульбачева А. А., Котязов А. В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров : организационные и правовые основы : учебное пособие / М. В. Дульцев, А. А. Бульбачева, А. В. Котязов. Москва : Академия управления МВД России, 2021. 156 с.
6. Колокольцев В. А. Наша стратегическая задача – подрыв экономических основ наркопреступности // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 6–10.
7. Крайнова Н. А. Некоторые аспекты противодействия наркобизнесу в России (с учетом региональной специфики) // Борьба с наркотиками. 2018. № 5. С. 1–17.

8. Лебедев С. Н. О следственной практике по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 228.1, 174.1 УК РФ // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 11–13.

9. Обзор : уделение первоочередного внимания задаче борьбы с отмыванием денег // Борьба с отмыванием денег как один из эффективных способов борьбы с незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью, 2018. 9 с.

10. Отчет о взаимной оценке // Меры по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма Российская Федерация, 2019. 323 с.

11. Противодействие преступности в сфере незаконного оборота наркотиков в современных условиях : сб. материалов круглого стола (г. Москва, 18 апреля 2017 г.) / отв. ред. Р. В. Жубрин ; [ред. коллегия : А. Ю. Винокуров, О. А. Евланова] ; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2017. 152 с.

12. Ткачев И. И. О взаимодействии ФСБ России и Росфинмониторинга в области борьбы с легализацией наркодоходов и незаконным оборотом наркотиков // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 18–20.

13. Храпов А. И. Основные аспекты системы противодействия наркоугрозе на современном этапе // Финансовая безопасность. 2020. № 28. С. 14–17.

14. В ШОС назвали приоритетной борьбу с незаконным оборотом наркотиков // Тасс URL [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8819911> (дата обращения: 13.11.2021).

15. Стратегия государственной антинаркотической политики РФ // Правительство Новгородской области URL [Электронный ресурс]: <https://www.povreg.ru/region/social/AntiDrugs/> (дата обращения: 11.10.2021).

16. Терроризм и незаконный оборот наркотиков // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности URL [Электронный ресурс]: <https://www.unodc.org/russia/ru/news/terrorism-i-nezakonny-оборот-narkotikov.html> (дата обращения: 14.12.2021).

17. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году [Электронный ресурс] // https://prim-hasan.ru/assets/files/OfInformation/Komissii_aXMP/Narkotiki-2020_RF-doklad.pdf (дата обращения: 07.10.2021).

18. Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» от 23.11.2020 № 733 (последняя редакция).

19. Зотин А. ВАВТ : Скользящий наркотрафик // ИД «Коммерсантъ». 2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3472796> (дата обращения: 07.12.2021).

20. Доклад о наркоситуации в Камчатском крае в 2017 году <https://www.kamgov.ru> > minsp >

file > download_RF-doklad.pdf (дата обращения: 08.12.2021).

21. Официальный сайт Федеральная служба по финансовому мониторингу. Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/releases/5435> (дата обращения: 08.12.2021).

22. Сыромолотова О. В. «Пресечения и борьбы с незаконными финансовыми потоками от наркотрафика на полях» // 63-й сессия Комиссии ООН по наркотическим средствам (Вена, 2 марта 2020 г.). https://viennamission.mid.ru/upn/-/asset_publisher/xlMX0AWSOqs0.

References

1. Federal Law «On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» dated July 31, 2020 № 259-FZ (last edition).

2. Decree of December 11, 2020 № 144 «On the approval of the municipal program «Prevention of drug addiction and combating illegal drug trafficking in the territory of the Voloshovsky rural settlement for 2021–2023».

3. Glazkova L. A. Vasily Piskarev : a real drug war is being waged against Russia // Parliamentary newspaper. 2021. P. 26–38.

4. Gobrusev K. I. On the track of the fight against the financial component of the drug business // Financial security. 2020. № 28. P. 49–54.

5. Dultsev M. V., Bulbacheva A. A., Kotyazhov A. V. Counteraction to illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances and precursors : organizational and legal foundations : textbook / M. V. Dultsev, A. A. Bulbacheva, A. V. Kotyazhov. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 156 p.

6. Kolokoltsev V. A. Our strategic goal is to undermine the economic foundations of drug crime // Financial security. 2020. № 28. P. 6–10.

7. Krainova N. A. Some aspects of counteracting drug trafficking in Russia (taking into account regional specifics) // Fight against drugs. 2018. № 5. P. 1–17.

8. Lebedev S. N. On the investigative practice in criminal cases of crimes provided for by Articles 228.1, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Financial Security. 2020. № 28. P. 11–13.

9. Review : prioritizing the task of combating money laundering // Combating money laundering as one of the effective ways to combat drug trafficking and organized crime, 2018. 9 p.

10. Mutual Evaluation Report // Measures to Combat Money Laundering and the Financing of Terrorism Russian Federation, 2019. 323 p.

11. Combating crime in the sphere of illegal drug trafficking in modern conditions : collection of articles.

Materials of the round table (Moscow, April 18, 2017) / *otv. ed. R. V. Zhubrin*; [ed. board : A. Yu. Vinokurov, O. A. Evlanov]; Acad. Gener. Prosecutor's Office Rus. Federation. M., 2017. 152 p.

12. Tkachev I. I. On the interaction of the FSB of Russia and Rosfinmonitoring in the field of combating the legalization of drug income and drug trafficking // *Financial security*. 2020. № 28. P. 18–20.

13. Khrapov A. I. Main aspects of the drug threat counteraction system at the present stage // *Financial security*. 2020. № 28. P. 14–17.

14. The SCO called the fight against drug trafficking a priority // *Tass URL* [Electronic resource]: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8819911> (date of access: 13.11.2021).

15. Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation // *Government of the Novgorod region URL* [Electronic resource]: <https://www.novreg.ru/region/social/AntiDrugs/> (accessed: 10/11/2021).

16. Terrorism and drug trafficking // *United Nations Office on Drugs and Crime URL* [Electronic resource]: <https://www.unodc.org/russia/ru/news/terrorism-i-nezakonny-oborot-narkotikov.html> (accessed: 14.12.2021).

17. Report on the drug situation in the Russian Federation in 2020 [Electronic resource] // [https://primhasan.ru/assets/files/OfInformation/Komissii_aXMP / Narkotiki-2020_RF-doklad.pdf](https://primhasan.ru/assets/files/OfInformation/Komissii_aXMP/Narkotiki-2020_RF-doklad.pdf) (accessed: 07.10.2021).

18. Decree of the President of the Russian Federation «On Approval of the Strategy of the State Anti-Drug Policy of the Russian Federation for the Period up to 2030» dated 23.11.2020 № 733 (last edition).

19. Zotin A. VAVT : Sliding drug trafficking // *Publishing House Kommersant*. 2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3472796> (accessed: 07.12.2021).

20. Report on the drug situation in the Kamchatka Territory in 2017 https://www.kamgov.ru ›minspx ›download_RF-doklad.pdf (accessed: 08/12/2021).

21. Official site Federal Service for Financial Monitoring. Access mode: <https://www.fedsfm.ru/releases/5435> (accessed: 08.12.2021).

22. Syromolotova O. V. «Suppression and fight against illegal financial flows from drug trafficking in the fields» // 63rd session of the UN Commission on Narcotic Drugs (Vienna, March 2, 2020). https://viennamission.mid.ru/upn/-/asset_publisher/xlMX0AWSOqs0.

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко – профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ;

Р. Р. Тотоев – слушатель Академии управления МВД России.

Information about the authors

A. N. Litvinenko – Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

R. R. Totoev – Student of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 332

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-295-300>

NIJON: 2015-0066-1/22-252

MOSURED: 77/27-011-2022-01-451

Оценка уровня обеспечения продовольственной безопасности Республики Башкортостан

Екатерина Николаевна Пронина¹, Илюза Марваровна Ханова²

^{1,2} Башкирский государственный университет, Уфа, Россия

¹ katya-pronina-2000@mail.ru

² iluza7@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены критерии оценки уровня продовольственной безопасности региона, проведена комплексная оценка продовольственной безопасности. Представлена динамика показателей, определяющих уровень физической и экономической доступности продовольствия, его достаточности. Проведен корреляционно-регрессионный анализ индекса потребительских цен на продовольствие и определены его прогнозные значения.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, экономическая доступность, физическая доступность, калорийность продуктов питания, индекс цен

Для цитирования: Пронина Е. Н., Ханова И. М. Оценка уровня обеспечения продовольственной безопасности Республики Башкортостан // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 295–300. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-295-300>.

Original article

Assessment of the food security level of the Republic of Bashkortostan

Ekaterina N. Pronina¹, Ilyuza M. Khanova²

^{1,2} Bashkir State University, Ufa, Russia

¹ katya-pronina-2000@mail.ru

² iluza7@yandex.ru

Abstract. The article presents the criteria for assessing the level of food security in the region, a comprehensive assessment of food security has been carried out. The dynamics of indicators determining the level of physical and economic availability of food, its sufficiency is presented. Correlation and regression analysis of the consumer price index for food has been carried out, and its forecast values are given.

Keywords: food security, economic affordability, physical availability, calorie content of food, price index

For citation: Pronina E. N., Khanova I. M. Assessment of the food security level of the Republic of Bashkortostan. Bulletin of economic security. 2022;(1):295–300. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-295-300>.

Комплексную оценку уровня продовольственной безопасности можно провести на основе обобщенных показателей, являющихся критериями основных аспектов продовольственной безопасности: во-первых, физической доступности, во-вторых, экономической доступности, в-третьих, достаточности продовольствия, и в-четвертых, качества продовольствия.

Критерии оценки уровня продовольственной безопасности рассмотрим в таблице 1 [1, с. 176].

Согласно методике Д. Оловянникова, интегральный показатель уровня продовольственной безопасности региона рассчитывается как сумма баллов отдельных критериев:

1) Высокий уровень продовольственной безопасности – сумма баллов равна 4.

2) Допустимый уровень – сумма баллов от 4 до 9, при этом оценки по каждому критерию не должны превышать 2.

© Пронина Е. Н., Ханова И. М., 2022

Таблица 1

Критерии оценки продовольственной безопасности

Показатель	Уровень показателя			
	высокий	допустимый	низкий	недопустимый
Физическая доступность продовольствия				
Коэффициент покрытия импорта продовольствия	1,00	0,75-0,99	0,3-0,75	<0,3
Экономическая доступность продовольствия				
Коэффициент бедности	0,0	0-0,1	0,11-0,2	>0,2
Коэффициент покупательной способности доходов населения	до 0,07	0,08-0,2	0,21-0,7	>0,7
Коэффициент концентрации доходов (индекс Джини)	0-0,1	0,11-0,3	0,31-0,5	>0,5
Достаточность потребления продовольствия				
Коэффициент достаточности (калорийности)	>3050	2150-3050	1520-2150	<1520
Коэффициент структуры питания	>0,0	(-15)-0,0	(-30)-(-15)	<(-30)
Качество продовольствия				
Коэффициент качества	<0,0	0,0-0,1	0,1-0,2	>0,2

3) Низкий уровень – сумма баллов от 5 до 13, при этом оценки по каждому критерию не более 3, хотя бы один критерий равен 3.

4) Недопустимо низкий уровень – сумма баллов более 6, но хотя бы один из критериев равен 4 [2, с. 1259].

По данной методике было выделено несколько этапов оценки продовольственной безопасности:

I. Этап 1 – оценка физической доступности продовольствия [3, с. 48].

Для получения представления о взаимосвязи степени удовлетворения потребностей населения региона в продуктах питания и уровня открытости регионального продовольственного рынка, необходимо проанализировать динамику коэффициента покрытия импорта продовольствия, чтобы узнать степень самообеспеченности региона продовольствием (табл. 2).

Согласно таблице 2, экспорт продовольствия в Башкортостане за анализируемый период вырос в

8,5 раз, а импорт – только в 1,9, т. е. можно говорить о превышении темпов роста экспорта продовольствия над импортом, что повлияло на высокий уровень коэффициента покрытия импорта продовольствия (2,49 в 2020 г.). Таким образом, физическая доступность в Республике Башкортостан обеспечивается на высоком уровне.

II. Этап 2 – оценка экономической доступности продовольствия.

Основные значения показателей экономической доступности и границы их значений, характеризующие уровень экономической доступности, определены в таблице 3.

Исходя из приведенных данных, уровень экономической доступности продовольствия в Республике Башкортостан низкий. Несмотря на сокращение коэффициента бедности, его значение говорит о недоступности продуктов продовольствия в полном объеме и ценах для населения с доходами ниже прожиточного минимума. Покупательная способность населения и

Таблица 2

Физическая доступность продовольствия Республики Башкортостан

Показатель	Годы					2020 г. к 2016 г., %
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
Экспорт продовольствия, млн долл. США	18,7	36,7	76,2	112,1	177,7	в 8,5 раза
Импорт продовольствия, млн долл. США	24,5	23,5	21	32,4	71,5	в 1,9 раза
Коэффициент покрытия импорта продовольствия	0,76	1,56	3,63	3,46	2,49	в 2,2 раза

Примечание: составлено авторами по данным Росстата [8]

Таблица 3

Экономическая доступность продовольствия для населения Республики Башкортостан

Показатель	Годы					2020 г. к 2016 г., %
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	0,125	0,123	0,120	0,121	0,117	93,6
Коэффициент покупательной способности доходов населения (по продовольственным товарам)	0,327	0,322	0,324	0,331	0,346	105,8
Коэффициент Джини	0,414	0,416	0,411	0,407	0,393	94,9

Примечание: составлено авторами по данным Росстата [8]

коэффициент концентрации доходов так же находятся на низком уровне.

III. Этап 3 – оценка достаточности продовольствия. Достаточность продовольствия характеризует коэффициент калорийности, представленный в таблице 4.

Согласно критериям оценки уровня достаточности продовольствия, в 2016–2018 гг. коэффициент калорийности в Республике Башкортостан оценен как высокий, так как его значение превышает 3050 ккал, а в 2019–2020 гг. уровень калорийности снизился до допустимого.

Уровень региональной продовольственной безопасности (УРПБ) находится как сумма оценок основных критериев продовольственной безопасности: физической доступности (Ф), экономической доступности (Э), достаточности потребления продовольствия (Д), качество продовольствия (К) [4, с. 5]. Таким образом, интегральный показатель рассчитывается по следующей формуле:

$$\text{УРПБ} = \text{Ф} + \text{Э} + \text{Д} + \text{К}.$$

Согласно расчетам, интегральный показатель уровня продовольственной безопасности региона за весь анализируемый период находится на низком уровне.

В таблице 5 представлены консолидированные результаты анализа упомянутых выше показателей, на основании которых представляется возможность рассчитать уровень продовольственной безопасности региона.

Таким образом, за анализируемый период продовольственная безопасность в Республике Башкор-

тостан находится на низком уровне. В 2017–2018 гг. наблюдается ее рост, однако с 2019 г. динамика снова снижается. В регионе крайне ограничена экономическая доступность продовольствия, также под угрозой находится достаточность продуктов питания.

В результате оценки физической доступности пищевых продуктов для населения Республики Башкортостан выявлено, что данный показатель для населения региона в течение 2016 г. был обеспечен на допустимом уровне, а в 2017–2020 гг. – вырос до высокого. Таким образом, на агропродовольственном рынке республики имелись необходимые объемы продовольственных ресурсов, наличие которых обуславливало возможность населения потреблять данные группы пищевых продуктов в объемах, соответствующих рациональным нормам.

Что касается достаточности продовольствия, то коэффициент рациона питания в 2020 году оценен как допустимый. При этом следует отметить, что калорийность суточного рациона питания населения Республики Башкортостан достигается главным образом за счет высокого потребления сахара, хлебных продуктов, мяса и мясных продуктов, растительного масла, значения которых превышали рекомендуемые нормы. Серьезно сказывается на здоровье населения республики низкий уровень потребления овощей и фруктов [5, с. 40].

Единственный блок показателей, который, согласно приведенному анализу, находится на низком уровне – экономическая доступность продовольствия. Львиная доля населения не обладает экономическим

Таблица 4

Состав пищевых веществ в потребленных продуктах питания на потребителя в сутки

Показатели	Состав пищевых веществ			Килокалории
	белки, г	жиры, г	углеводы, г	
2016 г.				
Российская Федерация	80,0	108,8	341,1	2675,5
Приволжский федеральный округ	78,7	105,9	353,5	2693,8
Республика Башкортостан	91,6	120,4	416,8	3129,4
2017 г.				
Российская Федерация	79,8	108,1	337,7	2654,7
Приволжский федеральный округ	79,5	107,0	353,4	2706,3
Республика Башкортостан	94,8	125,1	428,2	3230,8
2018 г.				
Российская Федерация	79,9	108,4	335,0	2647,2
Приволжский федеральный округ	78,1	105,3	342,3	2640,7
Республика Башкортостан	94,5	122,8	418,4	3169,8
2019 г.				
Российская Федерация	80,4	108,9	334,6	2651,6
Приволжский федеральный округ	78,9	105,7	340,6	2641,4
Республика Башкортостан	90,0	115,8	397,6	3004,8
2020 г.				
Российская Федерация	81,4	109,9	333,6	2660,9
Приволжский федеральный округ	79,9	107,3	341,6	2663,0
Республика Башкортостан	89,9	116,4	387,2	2968,7

Примечание: составлено авторами по данным Росстата [8]

Таблица 5

Сводная таблица для оценки уровня региональной продовольственной безопасности в Республике Башкортостан

Критерий региональной продовольственной безопасности	Показатель по группам критериев	Значение показателя					Уровень критерия региональной продовольственной безопасности, баллы				
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
1. Физическая доступность	Коэффициент покрытия импорта продовольствия	0,76	1,56	3,63	3,46	2,49	допустимый (2)	высокий (1)	высокий (1)	высокий (1)	высокий (1)
2. Экономическая доступность	Коэффициент бедности	0,125	0,123	0,120	0,121	0,117	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)
	Коэффициент дохода	0,327	0,322	0,324	0,331	0,346	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)
	Коэффициент Джини	0,414	0,416	0,411	0,407	0,393	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (2)	низкий (3)
3. Достаточность продовольствия	Коэффициент калорийности	2904,5	3230,8	3169,8	3004,8	2968,7	допустимый (2)	высокий (1)	высокий (1)	допустимый (2)	допустимый (2)
4. Качество продовольствия	Удельный вес проб пищевых продуктов, не соответствующих требованиям технических регламентов, %	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	-	-	-	-	-

Примечание: Расчеты авторов

доступом к набору продуктов питания, соответствующему рациональным нормам, так как при доходе ниже прожиточного минимума доля расходов на питание составляет как минимум 50 % дохода [6, с. 182].

Определяющим фактором обеспечения экономической доступности являются цены на продовольственные товары. Они оказывают влияние на объем и структуру потребления продуктов питания, а также определяют реальный уровень доходов населения. В целях определения степени влияния различных факторов на индекс потребительских цен на продовольственные товары был проведен корреляционно-регрессионный анализ, где:

Y – индекс потребительских цен на продовольственные товары, %

X1 – индекс физического объема валового регионального продукта, %

X2 – индекс численности занятых в экономике, %

X3 – индекс численности безработных, %

X4 – индекс прожиточного минимума трудоспособного населения, %

X5 – индекс среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по отрасли «производство пищевых продуктов», %

X6 – индекс производства продукции сельского хозяйства к предыдущему году, %

Результаты корреляционно-регрессионного анализа представлены в таблице 6.

Из таблицы 7 видно, что регрессионный анализ за исследуемый период 2015–2020 гг. следует прово-

Таблица 6

Корреляционная матрица полученных результатов

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6
Y	1	-	-	-	-	-	-
X1	-0,5734	1	-	-	-	-	-
X2	0,8777	-0,3276	1	-	-	-	-
X3	0,6550	-0,7649	0,5440	1	-	-	-
X4	0,9404	-0,6426	0,7044	0,6674	1	-	-
X5	-0,7642	0,1920	-0,8698	-0,6670	-0,6039	1	-
X6	0,3813	-0,2752	0,2205	0,6648	0,3461	-0,6054	1

Примечание: Расчеты авторов

диль по показателям, влияние которых на Y оказалось больше, чем $0,7: X_2, X_4, X_5$.

Результаты данного анализа (табл. 7) свидетельствуют о том, что при росте индекса численности занятых в экономике на 1 %, потребительские цены на продовольственные товары в Республике Башкортостан увеличатся в среднем на 0,43 %. С ростом индекса прожиточного минимума трудоспособного населения на 1 %, потребительские цены на продовольственные товары увеличатся в среднем на 0,13 %. С ростом индекса среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по отрасли «производство пищевых продуктов» произойдет снижение потребительских цен на продовольственные товары в среднем на 0,007 %.

Итак, по прогнозной модели получены следующие результаты: рост индекса потребительских цен на продовольственные товары в 2021 г. составит 101,58 %, в 2022 г. – 103,17 %, в 2023 г. – 105,32 %.

Таким образом, целесообразно выделить следующие пути повышения экономической доступности продовольствия населению Республики Башкортостан:

– формирование механизма функционирования внутренней продовольственной помощи малоимущему населению Республики Башкортостан;

– разработка принципиальной схемы реализации программы «Продовольственная карта» [7, с. 35].

Предложенные меры сократят разрыв в расходах на продовольствие между децильными группами на-

Таблица 7

Результаты регрессионного анализа

Множественный R	0,98818
R-квадрат	0,9765
Нормированный R-квадрат	0,94124
Стандартная ошибка	0,39687
Наблюдения	6
Y-пересечение	46,2209
X2	0,4309
X4	0,12955
X5	-0,0076

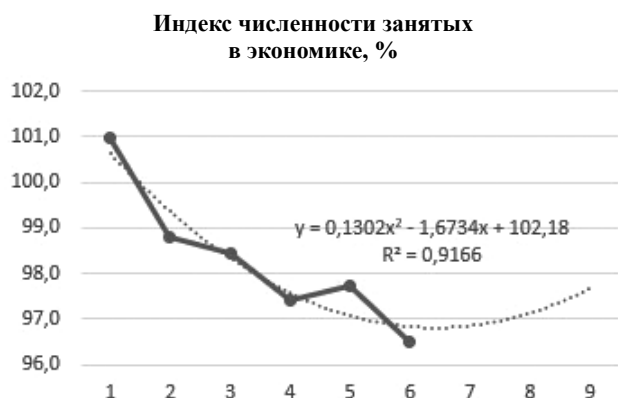
Примечание: Расчеты авторов

селения; увеличат платежеспособный спрос и доходы производителей аграрной продукции; улучшат качество продовольственных товаров на внутреннем рынке, за счет этого произойдет наращивание экспортных возможностей, выход российской аграрной продукции на мировой рынок продовольствия.

Список источников

1. Рябова И. В., Суслов С. А. Методика оценки региональной продовольственной безопасности // Азимут научных исследований : наука и управление. 2016. № 3 (16). С. 173–177.

2. Наговицына Э. В., Давыдова Ю. В. Балльная методика оценки состояния продовольственной безо-

Примечание: Расчеты авторов

Рис. 1. Диаграммы трендовых линий X_2, X_4, X_5

пасности Кировской области // Экономические науки. 2015. № 12-6. С. 1258–1262.

3. Водясов П. В. Комплексная оценка уровня доступности продовольственной безопасности // Эпоха науки. 2018. № 13. С. 47–52.

4. Анисимова Т. А., Катайкина Н. Н. Оценка уровня продовольственной безопасности регионов // Studium. 2016. № 4-2 (41). С. 1–7.

5. Ларионова Т. К., Бакиров А. Б., Даукаев Р. А. Оценка питания взрослого населения Республика Башкортостан // Вопросы питания. 2018. Т. 87. № 5. С. 37–42.

6. Пляскина Г. Е. Развитие научных представлений о понятии бедность // Инновационная наука. 2015. № 9 (9). С. 181–187.

7. Решетникова Е. Г. Продовольственная помощь как инструмент государственной поддержки агропродовольственного комплекса : анализ международного опыта // Экономика и управление. 2018. № 1 (147). С. 33–41.

8. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: <http://www.gks.ru>.

References

1. Ryabova I. V., Suslov S. A. Methodology for assessing regional food security // Azimuth of scientific research : science and management. 2016. No. 3 (16). P. 176.

2. Nagovitsyna E. V., Davydova Yu. V. A point method for assessing the state of food security in the Kirov region // Economic sciences. 2015. No. 12-6. P. 1258–1262.

3. Vodyasov P. V. Comprehensive assessment of the level of accessibility of food security // Epoch of Science. 2018. No. 13. P. 47–52.

4. Anisimova T. A., Kataykina N. N. Assessment of the level of food security in regions // Studium. 2016. No. 4-2 (41). P. 1–7.

5. Larionova T. K., Bakirov A. B., Daukaev R. A. Evaluation of nutrition of the adult population in the Republic of Bashkortostan // Nutrition issues. 2018. Volume 87. No. 5. P. 37–42.

6. Plyaskina G. E. Development of scientific ideas about the concept of poverty // Innovative Science. 2015. No. 9 (9). P. 181–187.

7. Reshetnikova E. G. Food aid as an instrument of state support for the agri-food complex : analysis of international experience // Economics and Management. 2018. No. 1 (147). P. 33–41.

8. Official site of Rosstat. Access mode: <http://www.gks.ru>.

Библиографический список

1. Галиев Р. Р., Ханова И. М., Курбангалеева Ф. А. Продовольственная безопасность Башкортостана: проблемы и решения // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2 (161). С. 36–52.

2. Смирнов В. В. Продовольственная безопасность регионов Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 3 (288). С. 29–42.

Bibliographic list

1. Galiev R. R., Khanova I. M., Kurbangaleeva F. A. Food security of Bashkortostan : problems and solutions // Problems of forecasting. 2017. No. 2 (161). P. 36–52.

2. Smirnov V. V. Food security of the regions of the Russian Federation // National interests: priorities and security. 2015. No. 3 (288). P. 29–42.

Информация об авторах

Е. Н. Пронина – студентка 4 курса специальности «Экономическая безопасность» Башкирского государственного университета;

И. М. Ханова – доцент кафедры экономико-правового обеспечения безопасности Башкирского государственного университета, кандидат экономических наук.

Information about the authors

E. N. Pronina – forth-year student of the specialty «Economic Security» of the Bashkir State University;

I. M. Khanova – Associate Professor of the Department of Economic and Legal Security of the Bashkir State University, Candidate of Economic Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 02.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 65.011.12

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-301-306>

НИОН: 2015-0066-1/22-253

MOSURED: 77/27-011-2022-01-452

Эффективность внутреннего аудита как элемент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта

Елена Анатольевна Сафохина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, saf-ea@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается роль внутреннего аудита в обеспечении экономической безопасности хозяйствующего субъекта. Определено понятие экономической безопасности хозяйствующего субъекта, обобщены факторы, влияющие на экономическую безопасность организации, и угрозы, которые могут возникать в процессе ее деятельности. Выделены показатели, которые могут быть использованы для определения эффективности внутреннего аудита хозяйствующего субъекта.

Ключевые слова: внутренний аудит, эффективность, экономическая безопасность хозяйствующего субъекта, угрозы

Для цитирования: Сафохина Е. А. Эффективность внутреннего аудита как элемент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 301–306. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-301-306>.

Original article

The effectiveness of internal audit as an element of ensuring the economic security of an economic entity

Elena A. Safokhina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, saf-ea@yandex.ru

Abstract. The role of internal audit in ensuring the economic security of an economic entity is discussed. The concept of economic security of an economic entity is defined, the factors that affect the economic security of an organization and the threats that may arise in the course of its activities are generalized. The indicators that can be used to determine the effectiveness of the internal audit of an economic entity are highlighted.

Keywords: internal audit, efficiency, economic security of an economic entity, threats

For citation: Safokhina E. A. The effectiveness of internal audit as an element of ensuring the economic security of an economic entity. Bulletin of economic security. 2022;(1):301–6. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-301-306>.

Стремительное усложнение финансово-хозяйственных процессов порождает необходимость наиболее эффективного обеспечения защиты интересов каждого отдельного экономического субъекта. Обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта, как доминирующего звена рыночных отношений, на сегодняшний день является основной задачей современной действительности, требующей системного подхода. Законодательно понятие экономической безопасности хозяйствующего субъекта не закреплено. В Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 года приводится лишь понятие эко-

номической безопасности государства [1]. На сегодняшний день среди всех авторов, которые проводили исследование в области экономической безопасности хозяйствующего субъекта можно выделить четыре основных: Гончаренко Л. П., Коротченков А. М., Данилова У. В., Лелюхин С. Е. Проводимые этими авторами теоретические и практические исследования по данной теме сводятся к единой цели: определению проблемных вопросов, причин и факторов, которые снижают уровень экономической безопасности, и разработке мероприятий по повышению уровня экономической безопасности.

© Сафохина Е. А., 2022

Проанализировав труды вышеуказанных авторов, можно сделать следующие выводы:

1) экономическая безопасность хозяйствующего субъекта – это состояние защищённости субъекта от внутренних и внешних факторов, при котором он наиболее эффективно использует свой потенциал, добиваясь при этом снижения или ликвидации существующих рисков или иных обстоятельств, в целях защиты от них и достижения основной цели коммерческой деятельности в условиях конкурентного рынка [2, с. 271];

2) грамотное обеспечение экономической безопасности хозяйствующего субъекта является крайне важной задачей, так как существует ряд угроз ее дестабилизации;

3) результатом обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта является надежность, устойчивость, стабильность, его функционирования, эффективность финансово-хозяйственной деятельности, личная безопасность персонала.

Категория экономической безопасности предприятия должна рассматриваться, прежде всего, как состояние, имеющее определенную структуру. Структурный аспект предполагает выделение основных функциональных элементов (рис. 1).

Приведенные на рисунке основные элементы экономической безопасности экономического субъекта показывают, что все элементы основаны на деятельности и функционировании экономического субъекта:

– финансы экономического субъекта являются основным элементом определения уровня экономической безопасности экономического субъекта. По финансовой информации экономического субъекта

проводится финансовый анализ на выявление неблагоприятных факторов;

– интеллектуальная и кадровая составляющая – данный фактор также оказывает влияние на обеспечение уровня и оценку экономической безопасности экономического субъекта. Кадры экономического субъекта могут нанести ущерб путем распространения конфиденциальной информации, касающейся деятельности экономического субъекта, некачественно и неответственно выполнять свои обязанности и обязательства, что может привести к снижению деловой репутации экономического субъекта и уровня производительности труда;

– НИОКР (технологии, инновации) – позволяют повысить финансовый результат организации, его независимость и устойчивость;

– политико-правовая составляющая – оказывает влияние со стороны правительственного регулирования деятельности экономического субъекта, что может тормозить деятельность, а может оказывать содействие, что благоприятно будет сказываться на уровень экономической безопасности;

– информационная составляющая – обеспечивает эффективный коммуникационный процесс в организации, автоматизацию труда работников;

– экологическая составляющая – заключается в качестве и чистоте ее производственной деятельности;

– силовая составляющая – заключается в том, что экономический субъект имеет возможность собственными силами обеспечивать эффективное функционирование на рынке, в обеспечении предприятия определенными силами;

– рыночная составляющая – характеризует степень соответствия внутренних возможностей разви-

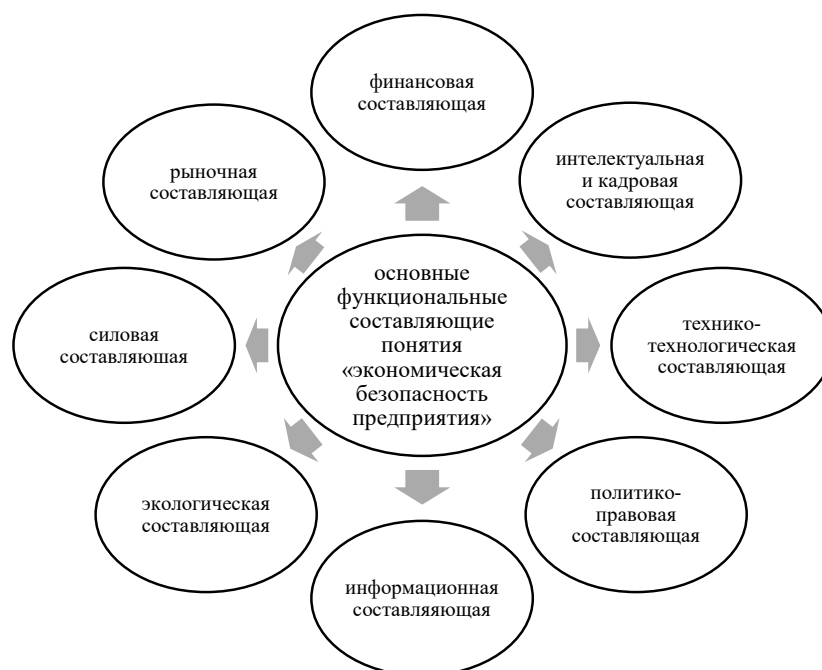

Рис. 1. Основные составляющие структурные элементы формирования экономической безопасности предприятия

тия предприятия внешним возможностям, которые генерируются рыночной средой.

Для того чтобы понять и оценить уровень экономической безопасности организации, необходимо знать факторы и угрозы, которые ее определяют и оказывают различное влияние на работу предприятия. Факторы экономической безопасности – это комплекс окружающих условий, воздействующих на параметры безопасности. Их можно разделить на виды (рис. 2).

Угрозой экономической безопасности может быть не всякое действие, имеющее негативные последствия для хозяйствующего субъекта. Действия, определяемые как угрозы, сознательно направлены на получение какой-либо выгоды от экономической дестабилизации организации, от посягательств на ее экономическую безопасность. Как правило, угрозы экономической безопасности несут за собой нарушение законодательных норм (той или иной отрасли права – гражданского, административного, уголовного) и предполагают определенную ответственность лиц, их осуществляющих. В курсе экономической теории перечислены определяющие признаки угроз экономической безопасности:

- сознательный и корыстный характер;
- результатом воздействия угрозы является ущерб экономическому субъекту;
- реализация угрозы требует времени;
- угроза носит целенаправленный характер, который обозначает объект ее влияния.

Наибольшее распространение в науке получила классификация угроз в зависимости от места их возникновения. По данному признаку различают: внешние угрозы экономической безопасности предприятия, которые складываются за пределами предприятия и не связаны с его производственной деятельностью, а также внутренние угрозы, связанные с хозяйственной деятельностью предприятия и деятельностью его персонала.

Появление большого количества инструментов, позволяющих обеспечить защищенность экономических субъектов, обусловлено развитием экономики страны. Одним из таких инструментов является внутренний аудит финансовой (бухгалтерской отчетности) организации.

Внутренний аудит – это проверка соблюдения порядка ведения бухгалтерского учета с целью выявления нарушений подразделениями системы внутреннего контроля, а также оценки надежности деятельности такой системы, организованной на предприятии в интересах учредителей и собственников и закрепленная в их внутренних документах.

К функциям внутреннего аудита относятся:

- 1) проверка деятельности системы внутреннего контроля, а также службы бухгалтерского учета;

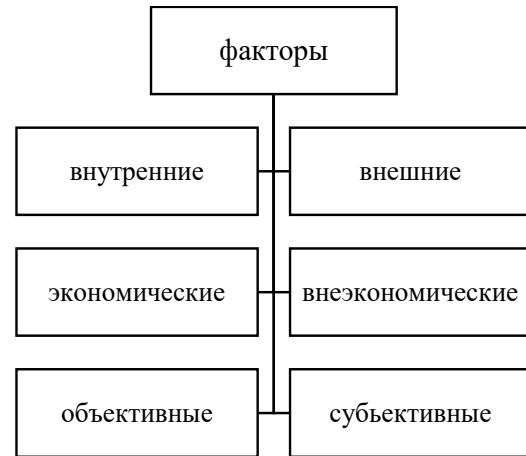

Рис. 2. Факторы, влияющие на экономическую безопасность организации

- 2) разработка методик и рекомендаций по повышению эффективности системы внутреннего контроля и службы бухгалтерского учета;

- 3) проверка первичных документов, регистров и составленных на их основе бухгалтерской и оперативной отчетности;

- 4) проверка выполнения требований действующего законодательства в области бухгалтерского учета, учетной политики, инструкций, положений, приказов и т. п.;

- 5) оценка используемого предприятием программного обеспечения;

- 6) проверка эффективности деятельности службы внутреннего контроля, в том числе проверка периодичности контрольных, плановых и внезапных проверок;

- 7) разработка предложений и рекомендаций по улучшению системы менеджмента организации и устранению нарушений, выявленных в процессе проверки [3, с. 288].

Следовательно, основной целью внутреннего аудита является обеспечение защиты законных интересов хозяйствующего субъекта и осуществление эффективного функционирования его деятельности.

Внутренний аудит могут проводить штатные аудиторы организации, которые могут помочь выявить слабые места в системе внутреннего контроля, выполняя контрольные мероприятия. Если в организации нет штатных аудиторов, то функции по проведению внутреннего аудита могут быть возложены на ревизионную комиссию. Кроме того, для проведения внутреннего аудита может быть привлечена аудиторская фирма, взаимоотношения с которой регулируются договором об оказании услуг. Вся хозяйственная жизнь организации подлежит охвату со стороны внутреннего аудита, в том числе:

- 1) порядок ведения бухгалтерского учета;
- 2) порядок расчета, начисления и уплаты налоговых платежей и сборов;

3) порядок составления бухгалтерской (финансовой) отчетности и оценка ее достоверности.

Процедура внутреннего аудита проводится на основании правил, составленных самой компанией, и включает комплекс мероприятий, при которых проверяются все аспекты деятельности компании, в частности:

- записи об основных средствах, нематериальных активах, кассовых операциях, финансовых результатах, капитале и др.;
- валютные операции, расчетные и прочие счета, расчеты с контрагентами, страховыми компаниями;
- состояние основных средств, документация по фондам, правильность начисления амортизации, выполнение плана ремонта.

Аудитор также должен быть уверен в информационной безопасности организации. Специалист проводит экспертизу системы защиты информации. Очень важное значение имеет правильное оформление данного мероприятия, так как в случае выявления нарушения, документы ревизоров могут определить, как доказательную базу в суде, как подтверждение вины экономических субъектов в неправомерных действиях.

Проверка производится на основании приказа руководителя, который должен содержать четкие инструкции. В нем определены следующие аспекты работы:

- сроки осмотра;
- сотрудники, которые задействованы в экспертизе;
- условия проведения внутреннего аудита;
- контроль за работой аудитора.

Результаты проверки заносятся в отчет. В нем содержится следующая информация:

- список проверенных документов и направлений деятельности;
- выявленные недостатки;
- рекомендации по исправлению недостатков;
- лицо, проводившее аудит.

Аудиторские отчеты следует сохранять. Их можно сравнить друг с другом, чтобы проанализировать динамику деятельности компании. На основании отчетов будут проводиться работы по устранению выявленных недостатков.

Проведение внутреннего аудита в организации позволяет обнаружить недостатки, которые классифицируются по наличию умысла на те, что носят непреднамеренный характер и те, что совершаются по корыстному умыслу сотрудников. Такие недостатки не позволяют получить достоверные и полные данные, что в свою очередь ведет к снижению финансирования со стороны инвесторов, кредиторов, приводит к утрате доверия контрагентов, сказывается на снижении имиджа компании, ее конкурентоспособ-

ности. Кроме того, по итогу проведенного аудита возможно выявление налоговых, экономико-правовых и экономико-управленческих угроз.

Выявление налоговых угроз позволяет снизить налоговую нагрузку на предприятие при помощи исключения просрочек по платежам с целью недопущения начисления штрафов, пеней и доначислений налогов. Наличие таких проблем в организации снижает ее конкурентоспособность, и дает возможность потенциальным конкурентам оказать влияние на решения руководства организации. Защита от подобных угроз невозможна без оптимизации работы бухгалтерии, отслеживании изменений в законодательстве РФ, а также без проведения качественного аудита с целью предотвращения возникновения таких угроз и снижения риска их образования. Преднамеренное изменение организационной структуры предприятия, а также кадровые перестановки, которые способствуют сокрытию неправомерных деяний заинтересованных лиц вопреки интересам службы в коммерческих организациях и вопреки цели их создания. Предотвращение подобных угроз возможно посредством проведения внутреннего аудита, который позволяет оперативно и своевременно выявить угрозу и пресечь ухудшение финансового состояния организации.

Суть экономико-управленческих угроз заключается в действиях сотрудников, противоречащих интересам предприятия, направленных на умышленное изменение организационной структуры компании и кадровые перестановки, позволяющих скрывать неправомерные действия со стороны заинтересованных лиц. Внутренний аудит в таких случаях способствует своевременному выявлению «ошибок» менеджеров и предотвратит ухудшение состояния предприятия.

Несовершенство законодательства Российской Федерации открывает возможности для возникновения экономико-правовых угроз. Такие угрозы нельзя избежать ни при помощи эффективного менеджмента, ни при помощи системы внутреннего контроля, эти угрозы могут быть решены лишь на законодательном уровне.

Невозможно переоценить важность внутреннего аудита, так как он, является важным инструментом выявления, исправления, а также выработки превентивных мер по профилактике нарушений с целью повышения финансового состояния предприятия, своевременного устранения таких угроз и исключения их губительных последствий.

Для определения эффективности внутреннего аудита необходимо дать определение эффективности аудита и способов его оценки. Под эффективностью внутреннего аудита, с точки зрения экономики, следует понимать прибыльность данного аудита, то есть соотношение затрат на внутренний аудит, с выгодой, получаемой при его проведении. Однако определить

эффективность внутреннего аудита организации достаточно сложно, поскольку:

- результат работы внутреннего аудита не всегда измерим количественно;
- эффективность работы зависит не только от службы внутреннего аудита, но, в значительной степени, от последующих действий руководства организации;
- значительную роль играет субъективизм оценок.

Для определения возможных для использования показателей эффективности внутреннего аудита были проанализированы рекомендации Международных профессиональных стандартов внутреннего аудита (МСВА), а также Руководство по применению «Требования программы обеспечения и повышения качества» Некоммерческого партнерства «Институт внутренних аудиторов». Данным указанием предусмотрены следующие показатели:

- выполнение плана внутреннего аудита;
- длительность аудиторского цикла;
- принятые клиентами рекомендации;
- удовлетворенность клиентов;
- анализ состояния и адекватности ресурсов.

Среди показателей, дающих оценку эффективности аудита, условно можно выделить две группы. К первой группе относят количественные показатели, которые возможно исчислить, например, показатели продуктивности (количество проведенных проверок на одного аудитора, количество сделанных рекомендаций, среднее количество часов на проведение аудита) и показатели результативности (доля рекомендаций внутреннего аудита, принятых объектами аудита, прямой экономический эффект от выполнения рекомендаций внутреннего аудита).

Ко второй группе относят качественные показатели, характеризующие степень удовлетворенно-

сти заказчиков, например, количество замечаний со стороны совета директоров (комитета по аудиту), средний уровень удовлетворенности деятельностью внутреннего аудита по результатам опроса потребителей, своевременное решение вопросов, поднятых по результатам аудита. Необходимо также помнить, что, имея количественный показатель, необходимо его сравнивать с нормативным значением, принятым для соответствующего показателя.

При установлении нормативных значений, необходимо соблюдать баланс между количеством и качеством, ведь при установлении максимальных показателей может страдать качество внутреннего аудита. Так, при большой загруженности службы внутреннего аудита, аудиторы будут выполнять план с нарушениями, некачественно, пытаясь выполнить 100 % поставленных задач, так как от показателей выполнения ими своих обязанностей зависит их денежное вознаграждение.

Проанализировав системы внутреннего аудита Российских организаций, а также организаций стран СНГ, было установлено, что среднее нормативное значение показателя эффективности системы внутреннего аудита составляет 80 %. Для его расчета используются следующие показатели (табл. 1).

Наиболее сложным будет расчет показателя экономии от устранения выявленных нарушений. В данном расчете невозможно учесть все переменные для получения конкретного числа, в связи с тем, что данные нарушения могли повлечь как наложение штрафов и пени на организацию при выявлении нарушений надзорными органами, так и могли повлечь внутриорганизационные расходы, которые в свою очередь могли иметь дальнейшие последствия.

Таблица 1

Расчет показателей эффективности внутреннего аудита

№ п/п	Наименование показателя	Формула расчета	Характеристика
1.	Степень выполнения годового аудиторского плана	$y = \frac{a}{b+c} \times 100\%$	y – степень выполнения годового аудиторского плана, %; a – количество выполненных аудиторских заданий, выполнение которых запланировано в отчетном периоде согласно утвержденному годовому плану; b – количество аудиторских заданий, выполнение которых запланировано в отчетном периоде согласно утвержденному годовому плану; c – количество полученных от исполнительного руководства (совета директоров) специальных заданий вне утвержденного плана работы
2.	Доля рекомендаций, принятых объектами аудита	$y = \frac{a+c}{b} \times 100\%$	y – доля рекомендаций, принятых объектами аудита, %; a – количество принятых рекомендаций объектами аудита; b – общее количество рекомендаций за отчетный период; c – переменная, определяющая количество рекомендаций при возникновении частных случаев
3.	Экономия от устранения выявленных нарушений	$y = \frac{a}{b}$	y – рентабельность службы внутреннего аудита; a – «доходы» службы внутреннего аудита; b – расходы по обеспечению внутреннего аудита

Посчитать суммы штрафов и пени, которые были бы уплачены в связи с выявлением нарушений надзорными органами, возможно, но тогда возникает соответствующий вопрос, с каким нормативным показателем необходимо их сравнивать, в целях выяснения, выполнен данный показатель за отчетный период или нет. В данном случае нормативное значение устанавливать не стоит, достаточно будет посмотреть, превышает ли сумма предотвращенных штрафов сумmu штрафов полученных, либо существует ли экономия от устранения нарушений, над расходами, полученными от не выявленных нарушений, а также совокупность этих двух показателей.

Исходя из понятия эффективности внутреннего аудита, вытекает один из наиболее важных количественных показателей, который можно определить, как рентабельность внутреннего аудита. Для расчета данного показателя необходимы следующие данные:

1) расходы связанные с обеспечением службы внутреннего аудита, к которым будут относиться заработная плата сотрудников СВА, хозяйственные расходы и т. д.,

2) доходы, полученные при реализации службой внутреннего аудита своих полномочий.

К «доходам» службы внутреннего аудита можно отнести вовремя выявленные нарушения, закрытие которых позволило организации уберечься от уплаты штрафов и пени, вовремя выявленные нарушения в ведении учета, которые также могли повлечь штрафы, а также затраты на исправлении данных нарушений в дальнейшем, выявленные хищения и т. д.

При этом рассчитать доходы, полученные от деятельности службы внутреннего аудита полностью достаточно трудно, так как они связаны с принимаемыми управленческими изменениями, которые прямо нельзя учесть при формировании доходов экономического субъекта. Поэтому в данной формуле целесообразно рассчитать абсолютное отклонение чистой прибыли текущего и прошедшего года. Соответственно и нормативное значение нужно скорректировать под данные условия.

Информация об авторе

Е. А. Сафокина – доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Safokhina – Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.09.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 06.09.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Если полученный коэффициент превышает 1, то можно говорить об эффективности внутреннего аудита, так как служба внутреннего аудита окупает затраты на себя.

Таким образом, применив указанные показатели, можно сделать вывод об эффективности службы внутреннего аудита экономического субъекта и при необходимости разработать план мероприятий по ее повышению. Эффективный внутренний аудит позволит избежать финансовых санкций со стороны контролирующих органов и контрагентов, обеспечив финансовую стабильность экономического субъекта.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 года № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // ГАРАНТ.РУ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный.

2. Экономическая безопасность предприятия: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» / А. Е. Суглобов, С. А. Хмелев, Е. А. Орлова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 271.

3. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия : учебное пособие / А. А. Канке, И. П. Кошечая. М. : ФОРУМ : ИНФРАМ, 2017. С. 288.

Reference

1. Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208 «On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030» // GARANT.RU. [Electronic resource]. Access mode: free.

2. Economic security of the enterprise: a textbook for university students studying in the specialty «Economic security» / A. E. Suglobov, S. A. Khmelev, E. A. Orlova. M. : UNITI-DANA, 2017. P. 271.

3. Analysis of the financial and economic activities of the enterprise : textbook / A. A. Kanke, I.P. Koshevaya M. : FORUM : INFRAM, 2017. P. 288.

Научная статья

УДК 338.28

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-307-309>

НИОН: 2015-0066-1/22-254

MOSURED: 77/27-011-2022-01-453

Понятие инновации в разрезе национального экономического развития

Дмитрий Владимирович Фирсов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, DVFirsov@fa.ru

Аннотация. Понятие экономической безопасности неразрывно связано с понятием экономического развития и структурными элементами этого развития. Одними из ключевых компонентов экономического развития являются понятия инновационного потенциала и инноватики. Данные направления, несмотря на свою высокую изученность, отличаются высоко вариативным уровнем понятийного развития, в связи с чем, автор рассматривает историческое и смысловое содержание понятия инновации и уточняет его трактовку с позиции национального экономического развития.

Ключевые слова: инновации, Шумпетер, инновационный процесс, инноватика

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: Фирсов Д. В. Понятие инновации в разрезе национального экономического развития // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 307–309. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-307-309>.

Original article

The concept of innovation in the context of national economic development

Dmitrii V. Firsov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, DVFirsov@fa.ru

Abstract. The concept of economic security is inextricably linked with the concept of economic development and the structural elements of this development. One of the key components of economic development is the concept of innovation potential and innovation. These directions, despite their high level of study, characterized by a highly variable level of conceptual development, in this connection, the author considers the historical and semantic content of the concept of innovation and clarifies its interpretation from the perspective of national economic development.

Keywords: innovation, Schumpeter, innovative process, innovation

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds, according to the state assignment of the Financial University.

For citation: Firsov D. V. The concept of innovation in the context of national economic development. Bulletin of economic security. 2022;(1):307–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-307-309>.

Одним из ключевых свойств цифровой организации экономики является ее способность увеличивать количество вертикальных и горизонтальных связей, что приводит к быстрому распространению новшеств внутри экономической системы. Именно поэтому цифровое взаимодействие часто рассматривается как оптимальный принцип устройства систем, формирующих прорывные технологии и передовые продукты.

Только в начале XX века инновации стали соотносить с экономическим развитием [1]. Особую роль

в изучении инноваций сыграли работы Н. Д. Кондратьева [2], которые посвящены исследованию особых технологических циклов, «волн», образующихся при внедрении базовых нововведений. Каждая волна – это цепь вторичных, совершенствующих новаций, в которых особая роль отводится научно-технологическим новациям. Работы Н. Д. Кондратьева положили начало исследованиям инноваций в экономике.

Базовые понятия теории инноваций были выведены Й. А. Шумпетером [3], которые определяли их

© Фирсов Д. В., 2022

как новые комбинации использования ресурсов, приводящие к успеху на рынке. Важной особенностью его исследования является акцент на роль предпринимательства в инноватике. С точки зрения инновационной позиции Шумпетера, предприниматель является субъектом, функцией которого является осуществление новых технологических комбинаций. Этот же принцип применяется и по отношению к техническим новациям, которые представляют экономическое средство, посредством которого достигается конкурентное преимущество, а следовательно, прибыли: «Прибыль по существу является результатом выполнения новых комбинаций, без развития нет прибыли, без прибыли нет развития» [3].

Таким образом мы можем рассматривать инновацию как сложное определение включающее в себя множество элементов. Инновация – это общественный, технический и экономический процесс, который через практическое использование идей и новых технологий приводит к созданию инновационных продуктов, которые используются для получения положительного экономического эффекта.

В современной науке мы видим множество вариантов трактовки понятия «инновация» и «новатор».

Некоторые исследователи считают, что инновация – это процесс (Б. Санто, В. Раппопорт, Б. Твисс). Так Б. Санто определяет инновацию как: «Общественный – технический – экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий» [4].

Другие исследователи (Э. А. Уткин, Н. И. Морозова, Г. И. Морозова, В. Г. Медынский) понимают инновацию как «объект, внедренный в производство в результате проведенного исследования или сделанного открытия, качественно отличный от предшествующего аналога» [5].

Такие ученые как Кхосрави П. и Камерон Н. определяют инновацию как конечный результат: «Инновация (нововведение) – это результат практического или научно-технического освоения новшества» [6]. Сюда же можно отнести исследователей, которые сосредотачивают свое внимание именно на экономическом эффекте инновационной деятельности, например Тид Д. дает следующее определение инновации [6]: «Под инновациями в широком смысле понимается прибыльное использование новаций в виде новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений производственного, финансового, коммерческого, административного или иного характера».

В 1957 г. Организация Европейского экономического сотрудничества сформировала специальный отдел, перед которым ставилась задача формирования показателей оценки науки и техники, в рамках

которого формировалась единая методика проведения статистических исследований и разработок, в дальнейшем эта методика получила название «Руководство Фраскати», по названию города, где это происходило. Руководство Фраскати обобщает глобальный опыт в области сбора, разработки и анализа статистики о развитии науки. В конце XX столетия оно стало главным международным стандартом по статистике научных исследований и разработок. Руководство проходит постоянное рецензирование и доработки на основе требований глобальной научно-технической-политики. Вместе с этим, начиная с 1992 года, ОЭСР готовит список рекомендаций по вопросам статистического изучения аспектов науки и техники, их ресурсного обеспечения, результативности и экономического эффекта технологических инноваций – «Руководство Осло» [7].

«Руководство Осло» определяет инновацию как «конечный результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо в новом подходе к социальным услугам» [8].

Это определение было бы полностью исчерпывающим, но оно ограничивает инновации только внедрением, в то время как инновация – это уже успешно внедренный, экономически успешный объект.

Инновация отличается не только новизной, но и критерием востребованности на рынке. Плодом ее успешного внедрения должен быть положительный экономический эффект.

Ранее сказанное позволяет внести нам следующее уточнение в определение инновации. Инновация – это процесс, приводящий к появлению инновационного продукта, его успешному внедрению и коммерциализации в виде технологий, услуг, продукции или форм организации производства и приносящих различные виды эффектов. Инновационный процесс является неотъемлемой частью возникновения инновации – это комплекс последовательных действий от разработки базовой идеи до использования конечным пользователем в виде конечной продукции, технологии или услуги.

В зарубежной и отечественной практике присутствует понятие жизненного цикла инновации. Международные нормы определяют ее как временной отрезок до момента коммерциализации или прогнозируемый период окупаемости. Отечественное определение является более емким, так как включает в себя период времени, в течение которого была произведена продукция до момента ее замены на более совершенную. При этом жизненные циклы инноваций зависят от вида инноваций.

В масштабе отдельного предприятия инновации позволяют быстрее адаптироваться к постоянно из-

меняющимся рыночным условиям, что приводит к повышению конкурентоспособности и дополнительным фактором развития. Наличие способности к изменению позволяет повысить уровень качества продукции, что способствует поддержанию высокой эффективности производства, а также позволяет повысить производительность труда и сократить издержки.

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о наличии прямых линейных связей между отдельными структурными компонентами экономического роста, и что в масштабе государственной системы инновации порождают бурные изменения в самой структуре национальной экономики. Экономический рост повышает жизненный уровень населения. Рост качества жизни влечет за собой повышение уровня образования и развитие культуры. Все эти изменения приводят не только к росту конкурентоспособности национальной экономики, но и росту международного сотрудничества между государствами. Совокупность этих процессов выражается в эффекте положительной обратной связи, что позволяет нам говорить о наличии эффекта накопления научно-технического потенциала отдельных отраслей экономики, совокупность которых повышает его конкурентоспособность, и способствует укреплению экономической безопасности.

Список источников

1. Бездудный Ф. Ф., Смирнова Г. А., Нечаева О. Д. Сущность понятия «инновация» и его классификация // *Инновации*. 1998. № 2, 3.
2. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры*. 1925. № 1. Вып. 1. С. 7.
3. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. С. 159 и сл.
4. Санто Б. Инновация как средство экономического развития : пер. с венгер. М. : Прогресс, 1990. С. 24.
5. Albers, J., Et al. Innovation management techniques and tools : its impact on firm innovation performance // *International Journal of Innovation Management*. № 22. 2018.

Информация об авторе

Д. В. Фирсов – младший научный сотрудник Института экономической политики проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Information about the author

D. V. Firsov – Junior Researcher of the Institute of Economic Policy and Economic Security of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.09.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 09.09.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья
УДК 339(075.8)
<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-310-314>
НИОН: 2015-0066-1/22-255
MOSURED: 77/27-011-2022-01-454

Вопросы анализа национального и регионального опыта некоторых государств в решении задач по обеспечению экономической безопасности

Андрей Алексеевич Яковлев

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия,
andrew0880@rambler.ru

Аннотация. В настоящей статье кратко характеризуются отдельные тенденции, оказывающие существенное влияние на реализацию стратегии обеспечения как национальной (государственной), так и международной безопасности. Раскрываются общие черты современной системы международной экономической безопасности. На примере отдельных государств обосновывается, что концепция экономической безопасности в настоящее время обуславливается национальной моделью и уровнем социально-экономического развития конкретного государства, равно как и соотношением частного и государственного секторов в экономике в целом, а также степенью развитости рыночных и демократических институтов.

Ключевые слова: экономическая интеграция, глобализация мирового хозяйства, национальная безопасность, стратегия экономической безопасности, региональная экономическая безопасность, конкурентоспособность продукции, инновационное развитие

Для цитирования: Яковлев А. А. Вопросы анализа национального и регионального опыта некоторых государств в решении задач по обеспечению экономической безопасности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 310–314. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-310-314>.

Original article

Issues of analysis of national and regional experience of some states in solving problems of ensuring economic security

Andrey A. Yakovlev

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
andrew0880@rambler.ru

Abstract. This article briefly describes certain trends that have a significant impact on the implementation of the strategy for ensuring state and international security. The general features of the modern system of international economic security are revealed. On the example of separate states, it is proved that the concept of economic security is currently determined by the national model and the level of socio-economic development of a concrete state, as well as the ratio of public and private sectors in the economy as a whole, the degree of development of market and democratic institutions.

Keywords: economic integration, globalization of the world economy, national security, economic security strategy, regional economic security, product competitiveness, innovative development

For citation: Yakovlev A. A. Issues of analysis of national and regional experience of some states in solving problems of ensuring economic security. Bulletin of economic security. 2022;(1):310–4. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-310-314>.

Следует подчеркнуть, что процессы региональной и международной экономической интеграции и глобализации мирового хозяйства в целом в насто-

ящее время не только приносят ощутимые положительные результаты, но и de facto возводят «во главу угла» предельно острые проблемы относительно оп-

© Яковлев А. А., 2022

тимизации защиты национальных (суверенных) приоритетов в рамках системы международного сотрудничества как такового.

Необходимо сказать также, что к числу современных тенденций, которые влияют в определенной степени на формирование и дальнейшее развитие стратегии обеспечения национальной и региональной (международной) безопасности, целесообразно отнести безапелляционное усиление взаимозависимости целого ряда субъектов международных отношений, глобализацию сложных мирохозяйственных процессов, открытость экономик большинства государств мира, выработку совместных комплексных программ, связанных с решением глобальных проблем современности (включая актуальную в настоящее время проблему преодоления последствий, в том числе и экономических, пандемии COVID-19).

Сегодняшний этап развития мирового сообщества, выводящий на первый план качественно новые проблемы в сфере обеспечения безопасности (главным образом, военной и экономической), особенно важен для России, которая в условиях трансформации экономической системы столкнулась с неизбежностью построения адекватной стратегии с учетом новых (нехарактерных) обстоятельств. При этом ситуация осложняется и тем, что многие концепции национальной безопасности далеко не во всех случаях апеллируют к зарубежному опыту в данном направлении.

В настоящее время было бы разумно условно признать в качестве некой догмы точку зрения относительно того, что международная экономическая безопасность (как понятие) есть не что иное, как определенное состояние мирового хозяйства и международных (экономических) отношений, при котором, во-первых, реализуется довольно стабильное экономическое развитие государств, во-вторых, формируются условия для выгодного сотрудничества в экономической сфере отношений, исключающего неправомерное использование определенных экономических (рыночных) возможностей (санкций), в-третьих, в качестве результата отмечается экономический рост и относительно сбалансированное развитие, характеризующееся повышением уровня благосостояния населения.

В то же время, международная экономическая безопасность – это и предоставление гарантий на взаимной основе в том, что ни одно государство не сможет извлекать каких бы то ни было экономических или иных (явных) преимуществ в одностороннем порядке из ситуаций, связанных с экономической зависимостью и угрозами в рамках единого мирового хозяйства.

Также хочется обратить внимание на тот факт, что в разных государствах понятие «экономическая безо-

пасность» трактуется далеко не одинаково. При этом, что самое важное, концепция экономической безопасности (как таковая) находится в прямой зависимости от имеющих место модели и уровня социально-экономического развития конкретного государства, соотношения частного (предпринимательского) и государственного секторов в экономике в целом, степени влияния рыночных механизмов на экономические отношения, а также развитости или отсутствия общепризнанных демократических институтов. Сегодня государства Европы (в первую очередь, члены Евросоюза) делают особый акцент на обеспечении национальной безопасности в рамках оптимизации коллективной (европейской) безопасности. Таким образом, в качестве ключевой стратегической цели в вопросах защиты национальных (суверенных) экономических интересов позиционируется поддержание устойчивого экономического роста с последующей адаптацией экономики к условиям острой конкурентной борьбы на мировом рынке товаров и услуг. При этом не является секретом, что отдельно каждая страна – участница Европейского Союза имеет в своем распоряжении существенно меньшие экономические ресурсы, чем некоторые развитые (а в отдельных случаях – и развивающиеся) государства. Однако для ЕС можно определить т. н. синергетический (или кумулятивный) эффект, получаемый путем взаимопереплетения национальных экономик. Более того, именно данный эффект и определяет способность этого наднационального образования удерживать относительно высокий уровень экономической безопасности (и, наверное, конкурентоспособности). Можно отметить, что первоочередной задачей экономической безопасности в рамках границ Евросоюза в настоящее время является создание глобальных механизмов адаптации экономики европейских стран к резко меняющейся экономической конъюнктуре в общемировом масштабе.

Опыт формирования актуальных систем экономической безопасности говорит о том, что крупные государства, такие, как Китай, США, выделяют в рамках мощного государственного аппарата специализированный блок учреждений (служб), которые в той или иной степени решают вопросы обеспечения национальной экономической безопасности.

Однако в условиях интеграционного полюса уровень (надстройка) региональной экономической безопасности более выгоден, т. е. оптимум – это не создавать конкретные структуры, а распределять (перераспределять) функции между различными уже сформированными службами. При этом за суверенными участниками, которые входят в подобную группировку, сохранены в полном объеме задачи по обеспечению конкурентоспособности национальной экономики, ее стабилизации и проч. Важно и то, что

сегодня в большинстве европейских государств вопросы по поддержанию экономической безопасности (как *de jure*, так и *de facto*) не выделяются в программных документах, также не предусматривается образование самостоятельных государственных ведомств в этом направлении. Однако меры по обеспечению безопасности содержатся в наднациональных актах и на практике реализуются в деятельности ряда наднациональных структур ЕС (и отдельных структур внутри государств).

Наиболее значимой организацией, аккумулирующей в рамках ЕС вопросы безопасности, считается, скорее всего, ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе). Здесь важно т.н. второе направление ее деятельности – это экономическая и экологическая безопасность. Хотя решения ОБСЕ и не имеют общеобязательной силы, они не заменимы в ситуациях, связанных с урегулированием конфликтов и поддержанием стабильности в целом.

С учетом того, что, несмотря на имеющую место в настоящее время политику санкций, ЕС все же в стратегическом плане рассматривается как партнер России в решении очень многих вопросов (например, проект Северный поток-2 и проч.), целесообразно далее рассмотреть, как именно решаются вопросы экономической безопасности в отдельных государствах-членах ЕС (на примере Германии и Италии).

Начать следует с Германии. Итак, угрозы экономике в целом на нормативном уровне признаются в этой стране как составная часть угроз безопасности государства в целом. Государственным органом, отвечающим за разработку политики в области безопасности, является Федеральное министерство обороны. Далее – это Федеральное ведомство по охране конституции, Федеральное ведомство уголовной полиции, входящие в состав Федерального МВД. Следует отметить, что Закон ФРГ о взаимодействии федерации и земель в вопросах охраны конституции и о Федеральном ведомстве по охране конституции (1990 г.) в качестве ключевой задачи указанного выше органа определяет сбор (и последующий анализ) информации, в том числе, по проблематике, связанной с экономической безопасностью. Комплекс мероприятий данного ведомства по обеспечению экономической безопасности направлен на противодействие получению закрытой информации оборонного, политического, экономического и иного характера зарубежными разведывательными структурами.

Также необходимо сказать, что специальное законодательство в области экономической безопасности в Германии в принципе отсутствует. Общие требования к ее обеспечению реализуются через нормативные правовые акты, регламентирующие ключевые сферы деловой активности и закрепляющие за государством отдельные контрольные функции. В целом

анализ программных нормативных актов Германии говорит о том, что под экономической безопасностью в этой стране понимается скорее обеспечение устойчивого роста (или стабильности) хозяйства государства.

Основными внешними и внутренними угрозами стабильному социально-экономическому развитию Германия полагает предельно негативное воздействие внешнеэкономических факторов, определенные просчеты по линии экономической направленности, проявляющиеся, в том числе, в увеличении спроса, не обеспеченного внутренним производством. Также необходимо сказать, что во внутриэкономическом плане государство нацелено на поддержание весьма динамичного воспроизводства, обеспечение максимальной занятости населения. Во внешнеэкономическом направлении основной акцент в стратегическом плане (в связи с экспортоориентированностью экономики) сделан на свободу внешней торговли и оптимизацию числа рынков сбыта. Более того, интересам Германии отвечает и стабилизация политики международных институциональных структур в области финансово-экономического сотрудничества. При этом нельзя забывать и о том, что роль (и место) Германии в современном мире определяется, главным образом, конкурентоспособностью производимой продукции и эффективностью внешнеторговой стратегии в целом. Без сомнения, основой этого является инновационное развитие, учитывая, что Германия выделяет на подобные нужды процент от ВВП, ощутимо превышающий средний уровень по ЕС. Таким образом, внешнеторговая политика, направленная на создание оптимума по условиям сбыта продукции за рубежом, в основном эффективна. Однако часто имеет место и воздействие рисков фактора, проявление отрицательных внешних условий, что приводит к ситуациям, дестабилизирующим сложившуюся экономическую модель.

В последние годы обозначились две проблемы, сулящие нарастание угроз германской экономике. Первая проблема – это традиционная экспортная ориентация хозяйства Германии... С углублением международного разделения труда растет и негативное влияние внешнего фактора на экономику страны. Второй проблемой стало углубление социального неравенства. Пропасть между бедными и богатыми слоями населения Германии продолжает расти. По докладу ОЭСР 2011 г., 10 % высокодоходной части населения получает в 8 раз больше, чем 10 % тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы (в среднем по ЕС – 9:1). В 1990-х гг. соотношение составляло 6:1. Высокооплачиваемые работники в Германии за год зарабатывают 57,3 тыс. евро, в то время как их коллеги на противоположном «полюсе» довольствуются 7,4 тыс. евро. За период

кризиса доходы наиболее обеспеченной части выросли на 8,7 %, а у наименее обеспеченной части остались на том же уровне. Для Германии рост неравенства прочно связан с проблемой интеграции страны в мировые рынки. Ограничение заработной платы, реформирование рынка рабочей силы и снижение государственных пособий оправдываются необходимостью поддержания высокой конкурентоспособности продукции. Глобализация требует менее социально ориентированного государства, более низких зарплат. Однако неравенство и бедность продолжают расти даже после восстановления экономики по окончании кризиса¹.

Далее следует обратить внимание еще на одно государство-член ЕС, de facto являющееся неким связующим звеном между Россией и Западным миром в силу целого ряда (в том числе и субъективных) причин. Итак, в Италии, как и в Германии, отсутствует официальным порядком закреплённая Доктрина экономической безопасности. В связи с этим для Кабинета министров Италии первоочередной считается задача соблюдения международных обязательств, связанных с участием Италии в политических (или экономических) объединениях. В связи с указанным, данная страна уделяет существенное внимание вопросам внешнеэкономической экспансии, которая реализуется посредством экономических взаимосвязей Италии с зарубежными контрагентами, наиболее перспективными из которых следует считать, в первую очередь, государства ОЭСР. Также целесообразным является развитие международной промышленной кооперации, равно как и диверсификация поставщиков энергоносителей (примером является закупка природного газа у России и сжиженного газа – у США). При этом государство применяет ряд механизмов по защите интересов итальянских производителей на национальном и международном рынках.

Одно из главных мест в обеспечении национальной безопасности, в том числе, экономической, занимает Агентство информации и внешней безопасности (АИВБ) – спецслужба, часть итальянского разведывательного сообщества, в задачи которой входит ведение разведки за пределами страны, а также контроль за экспортом высоких технологий и продукции двойного назначения... Основные задачи АИВБ – сбор и обработка информации в целях защиты независимости, территориальной целостности и национальной безопасности Италии от внешних угроз, в том числе, связанных с осуществлением международных соглашений... Оно осуществляет «информационную деятельность» за пределами национальной территории

¹ Международная экономическая безопасность / Ю. П. Господарик, М. В. Пашковская. 3-е изд., стер. М. : Университет «Синергия», 2018. С. 175.

в целях защиты политических, военных, экономических, научных и промышленных интересов Италии. В компетенцию АИВБ входит также выявление и пресечение шпионской и террористической деятельности на территории Италии. Ведомство занимает ключевую позицию в борьбе с незаконным распространением ядерных материалов и технологий. Внутри страны главную роль в обеспечении экономической безопасности Италии играют Корпус карабинеров и Корпус финансовой гвардии – уникальные структуры, которые имеют правовые и организационные возможности для дублирования деятельности всех силовых правоохранительных организаций на общенациональном и региональном уровнях².

Таким образом, указанные примеры говорят о том, что в настоящее время имеет место относительно единое понимание у ряда государств экономических аспектов национальной безопасности. Как правило, основными целевыми приоритетами являются сбалансированный экономический рост, конкурентоспособность экономики, обеспечение стабильности при активизации внешних угроз. При этом в качестве условий, обеспечивающих претворение в жизнь национальных приоритетов, определяют доступность внешних рынков, отсутствие экономических барьеров для продвижения, в первую очередь, товаров и услуг.

Библиографический список

1. Интеграция в условиях многополярности. Эволюция теории и практики реализации / В. В. Перская, М. А. Эскиндаров. М. : Экономика, 2016.
2. Модели региональной интеграции / А. М. Либман, Б. А. Хейфец. М. : Экономика, 2011.
3. Шкваря Л. В. Международная экономическая интеграция в мировом хозяйстве : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2015.
4. Экономическая безопасность : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления / [В. А. Богомолов и др.]; под ред. В. А. Богомолова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
5. Экономическая безопасность России : Общий курс : учебник / Под ред. В. К. Сенчагова. 2-е изд. М. : Дело, 2005.

Bibliographic list

1. Integration in conditions of multipolarity. Evolution of the theory and practice of implementation / V. V. Perskaya, M. A. Eskindarov. M. : Economics, 2016.
2. Models of regional integration / A. M. Libman, B. A. Heifets. M. : Economics, 2011.

² Там же. С. 179.

3. Shkvarya L. V. International economic integration in the world economy : textbook. M. : INFRA-M, 2015.

4. Economic security : textbook for university students studying in the fields of economics and management / [V. A. Bogomolov and oth.]; edited by

V. A. Bogomolov. 2nd ed., rev. and elab. M. : UNITY-DANA, 2009.

5. Economic security of Russia : General course : textbook / Ch. ed. V. K. Senchagov. 2nd ed. M. : Delo, 2005.

Информация об авторе

А. А. Яковлев – доцент кафедры «Управление высокотехнологичными предприятиями» Московского авиационного института (национального исследовательского университета), кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Yakovlev – Associate Professor of the Department «Management of the hi-tech enterprises» of the Moscow Aviation Institute (National Research University), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 18.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 18.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Угрозы экономической безопасности и их предупреждение. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под. ред. В. В. Криворотова, Н. Д. Эриашвили. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические и методологические подходы к формированию понятия и основ исследования региональной экономической безопасности.

Определены и проанализированы основные угрозы региональной экономической безопасности России; обоснованы проявления угроз экономике регионов на различных этапах реформирования российской экономики, а также в современный период ее развития. Рассмотрены научные подходы к формированию индикаторов региональной экономической безопасности и их интерпретации; представлена комплексная методика оценки состояния угроз региональной экономической безопасности и приведены результаты диагностики экономической безопасности регионов Российской Федерации.

Для студентов, обучающихся по специальности «Экономическая безопасность» (специализация «Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»), а также другим специальностям экономики и управления. Может быть рекомендовано специалистам органов государственной власти, регионального и местного управления, решающим вопросы управления экономикой и проблемы экономического развития территорий.

Научная статья

УДК 37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-315-317>

НИОН: 2015-0066-1/22-256

MOSURED: 77/27-011-2022-01-455

Актуальные проблемы профориентации школьников

Людмила Александровна Казанцева¹, Владимир Иванович Красильников²,
Сергей Яковлевич Казанцев³

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

^{2,3} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Республика Татарстан, Россия

² krasilnikov.49@bk.ru

Аннотация. Выявлены наиболее актуальные проблемы профессиональной ориентации школьников. Исследование проведено по данным открытых публикаций и согласно авторским исследованиям.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, профориентация школьников

Для цитирования: Казанцева Л. А., Красильников В. И., Казанцев С. Я. Актуальные проблемы профориентации школьников // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 315–317. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-315-317>.

Original article

Current problems of career orientation of high schoolers

Lyudmila A. Kazantseva¹, Vladimir I. Krasilnikov², Sergey Ya. Kazantsev³

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

^{2,3} Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

² krasilnikov.49@bk.ru

Abstract. The most pressing problems of career orientation of high schoolers are identified. The research was carried out according to the data of open publications and according to the author's research.

Keywords: career orientation, career orientation of high schoolers

For citation: Kazantseva L. A., Krasilnikov V. I., Kazantsev S. Ya. Current problems of career orientation of high schoolers. Bulletin of economic security. 2022;(1):315–7. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-315-317>.

Введение

Строительство современного общества предусматривает создание материально-технической базы российского государства, формирование современных общественных отношений и воспитание всесторонне развитой личности. Решение этих задач находится в теснейшей диалектической взаимосвязи. С одной стороны, только высокий уровень развития экономики, промышленности представляет все более широкие возможности для гармоничного развития человека, с другой — только всесторонне развитые люди могут успешно создавать материально-техническую базу будущего.

В соответствии с основными направлениями развития Государства Российского, которые разработала

и одобрила Государственная Дума Федерального собрания Российской Федерации VII созыва, задача постоянного пополнения промышленности и сельского хозяйства, личного состава армии и флота, а также органов внутренних дел квалифицированными кадрами выдвигается в число приоритетных.

Результаты собственных исследований

В связи с этим придается еще большее значение усилению работы по профессиональной ориентации молодежи, и это большой государственный вопрос. В его правильной постановке и адекватном решении заинтересованы все государственные структуры и службы, трудовые коллективы и организации, учебные заведения и конечно школа и семья. Все выше перечисленное коренным образом затрагивает судьбы

миллионов людей, более того формирует будущее нашей страны [1; 2].

Актуальность и практическое значение правильного разрешения проблем профориентации молодежи в целом определяется множественными факторами. Так профессиональные намерения выпускников общеобразовательных школ таковы, что основной поток десятиклассников планируют после окончания школы продолжить свое образование в высших учебных заведениях, и лишь незначительное их количество связывают свои профессиональные планы с освоением творческих рабочих профессий связанных непосредственно с производством [3; 4].

Таким образом, создается несоответствие между намерениями основной массы выпускников общеобразовательных школ продолжать образование в специальных высших учебных заведениях производственной сферы и потребностью общественного производства в квалифицированных рабочих кадрах. Положение усугубляется тем, что высшие учебные заведения принимают далеко не всех абитуриентов. Остальные юноши и девушки устраиваются на работу без соответствующей психологической подготовки. В результате получается разочарование в случайно выбранной профессии и многочисленные, длительные поиски другой работы [5; 6].

Итак, по данным из многочисленных публикаций в открытой печати непригодность к вынужденной профессии или в связи с неудовлетворенностью выполняемыми трудовыми заданиями является причиной большинства увольнений. И в связи с участвующей текучестью кадров наносит невосполнимый экономический ущерб государству [7; 10].

Кроме того, необходимо учесть и то, что работники, случайно выбравшие профессию, выполняют норму выработки гораздо ниже профессиональных специалистов и допускают больше брака в выпускаемой ими продукции, по сравнению с теми, кто выбор профессии сделал осознанно. Немаловажно и то, что отсутствие призвания и любви к своей профессии нередко ведет к нервным срывам или к возникновению сердечно-сосудистых заболеваний [8; 9].

Следует иметь в виду, что за неотработанные по болезням работника дни государство теряет значительные суммы. Кроме того, эти финансовые потери удваиваются вследствие оплат по больничным листам и расходов на лечение стационарных больных в лечебно-профилактических учреждениях [11].

Выводы

Однако, прямые материальные потери лишь одна сторона этого многофакторного процесса. Кроме вышперечисленных факторов имеются еще и другие проблемы. Как следствие, профессиональная неудовлетворенность деформирует образ жизни человека, является одной из причин отрицательных социаль-

ных явлений, таких как хулиганство, пьянство, наркомании и другие патологии. Невозможность выполнять работу на должном уровне вызывает у работника досаду, скрытное внутреннее презрение к самому себе. Ибо систематические производственные неудачи и срывы в трудовой деятельности формирующей личности создают настроение подавленности, зависти, озлобления, дающие выход агрессии, и возникает конфликт с окружающим его коллективом, как на производственном, так и на бытовом уровнях [9; 11].

Заключение

И как следствие неумение выразить себя в общественно полезном труде толкает человека на поиски других путей самоутверждения, которые далеко не всегда лежат в русле высоких моральных проявлений. Вот почему правильный выбор профессии школьниками не может быть стихийным, зависящим от случайных факторов, а закономерно становится проблемой государственной важности. Суть этой проблемы заключается в том, что процесс профессионального самоопределения необходимо строить так, чтобы выбор был сделан в полном соответствии с прогрессивно возрастающими интересами, возможностями личности и потребностями общества.

Список источников

1. Агеева И. Д. Парад профессий : веселые познавательные игры для учащихся 5–10 классов // Последний звонок. 2007. № 7. С. 3–8.
2. Береснева Н. В. Классный час «В поисках своего призвания» : по теме «Мир профессий и твое место в нем» // Последний звонок. 2008. № 8. С. 11–12.
3. Бякова Н. В. Групповая профориентационная игра «Путь в профессию» // Воспитание школьников. 2011. № 1. С. 49–56.
4. Гайворонская Т. А. Поиграем в экономику : конкурсная программа для учеников 9 класса // Последний звонок. 2006. № 12. С. 13–14.
5. Гризик Т. День пожарной охраны // Дошкольное воспитание. 2007. № 4. С. 111–113.
6. Дейстер И. В. Все работы хороши – все профессии важны : семейная сценка // Последний звонок. 2008. № 12. С. 2–3.
7. Казарова Е. Проблема выбора : программа психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения // Школьный психолог : Прил. к газ. «Первое сентября». 2007. № 2. С. 17–23.
8. Ковальчук Г. «Есть такая профессия!» : КВН к Дню спасателя // Здоровье детей : Прил. к газ. «Первое сентября». 2006. № 24. С. 35–41.
9. Некрасов Е. Московский уголовный розыск // Детская энциклопедия. АиФ. 2008. № 7. С. 1–56.
10. Усова Н. В. Любимая профессия всегда дарит радость! // Воспитание школьников. 2011. № 3. С. 33–38.

11. Ярхо В. Редкая «профессия» : О фальсификаторах древних рукописей // История : Прил. к газ. «Первое сентября». 2006. № 4. С. 31–33.

References

1. Ageeva I. D. Parade of professions : fun educational games for students of grades 5–10 // Last call. 2007. № 7. P. 3–8.

2. Beresneva N. V. Class hour «In search of your vocation» : on the topic «The world of professions and your place in it» // Last call. 2008. № 8. P. 11–12.

3. Vyakova N. V. Group career guidance game «The way to the profession» // Education of schoolchildren. 2011. № 1. P. 49–56.

4. Gaivoronskaya T. A. Let's play economics : a competitive program for 9th grade students // Last bell. 2006. № 12. P. 13–14.

5. Grizik T. Fire protection Day // Preschool education. 2007. № 4. P. 111–113.

6. Deister I. V. All works are good — all professions are important : a family scene // Last bell. 2008. № 12. P. 2–3.

7. Kazarova E. The problem of choice : a program of psychological and pedagogical support for professional self-determination // School psychologist : Adj. to the gas. «The first of September». 2007. № 2. P. 17–23.

8. Kovalchuk G. «There is such a profession!» : KVN for the Day of the rescuer // Children's health : Adj. to the gas. «The first of September». 2006. № 24. P. 35–41.

9. Nekrasov E. Moscow Criminal Investigation Department // Children's Encyclopedia. AiF. 2008. № 7. P. 1–56.

10. Usova N. V. Favorite profession always gives joy! // Education of schoolchildren. 2011. № 3. P. 33–38.

11. Yarkho V. Rare «profession» : About forgers of ancient manuscripts // History : Adj. to the gas. «The first of September». 2006. № 4. P. 31–33.

Информация об авторах

Д. А. Казанцева – профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор;

В. И. Красильников – доцент кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Российской академии медико-технических наук;

С. Я. Казанцев – профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор.

Information about the authors

L. A. Kazantseva – Professor of the Department of Pedagogics of Educational and Scientific Complex of Psychology of Performance of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;

V. I. Krasilnikov – Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Medical Sciences, Professor, Member of Russian Academy of Medical and Technical Sciences;

S. Ya. Kazantsev – Professor of the Department of Criminalistics of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.

The article was submitted 13.07.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 378.046.4

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-318-322>

НИОН: 2015-0066-1/22-257

MOSURED: 77/27-011-2022-01-456

Дополнительное профессиональное образование: понятие, особенности, виды

Владислав Викторович Качалов

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
п. Старотеряево, Московская область, Россия, vk2007@bk.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы существующей системы дополнительного профессионального образования. Указывается на значение развития дополнительного профессионального образования (как элемента системы непрерывного образования) для экономического развития нашей страны. Характеризуются виды дополнительного профессионального образования: повышение квалификации и профессиональная переподготовка. Делается вывод о принципиальной возможности реализации целей, стоящих перед дополнительным профессиональным образованием в настоящее время.

Ключевые слова: повышение квалификации, профессиональная переподготовка, обучение в течение всей жизни, непрерывное образование

Для цитирования: Качалов В. В. Дополнительное профессиональное образование: понятие, особенности, виды // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 318–322. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-318-322>.

Original article

Additional professional education: concept, features, types

Vladislav V. Kachalov

Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev village, Moscow region, Russia, vk2007@bk.ru

Abstract. The issues of the existing system of additional professional education are discussed. The importance of the development of additional professional education (as an element of the system of continuing education) for the economic development of our country is indicated. The types of additional professional education are characterized: advanced training and professional retraining. The conclusion is made about the fundamental possibility of realizing the goals facing additional vocational education at the present time.

Keywords: professional development, professional retraining, lifelong learning, continuing education

For citation: Kachalov V. V. Additional professional education: concept, features, types. Bulletin of economic security. 2022;(1):318–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-318-322>.

Дополнительное профессиональное образование является одним из видов образования в Российской Федерации. Само название отражает его специфические особенности. Во-первых, это образование дополнительное, т. е. оно получается к уже имеющемуся определенному образованию. Осваивать дополнительные профессиональные программы могут только лица, имеющие либо получающие среднее профессиональное и (или) высшее образование. Во-вторых, это образование профессиональное, т. е. направлено на

получение, прежде всего, навыков по осуществлению конкретного рода трудовой деятельности.

Дополнительное образование, наряду со вторым и последующими высшими образованиями [2], позволяет обеспечить непрерывное образование на протяжении всей жизни (lifelong learning, иногда используется словосочетание continuing education – «непрерывное образование» [4, с. 23]), что необходимо в современных условиях. Как отмечается в научной литературе, «дополнительное профессиональное об-

разование является ключевым элементом системы непрерывного профессионального образования, обеспечивающим эффективное и своевременное удовлетворение системой образования потребностей и запросов, возникающих на современном рынке труда, посредством сохранения и развития кадрового потенциала инновационной экономики, переобучение кадров в соответствии с изменяющимися образовательными и технологическими стандартами» [5, с. 30].

Как указывают исследователи, в последние годы наша страна поставила перед собой комплексную задачу: «создание (практически с нуля) нового рынка – рынка непрерывного образования» [1, с. 247]. Это жизненно необходимо, чтобы не допустить дальнейшее отставание в экономическом развитии. Как следствие, роль дополнительного профессионального образования будет возрастать.

В соответствии с ч. 1 ст. 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ «Об образовании»), «дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды».

После вступления в силу нового закона ФЗ «Об образовании» система дополнительного профессионального образования утратила ряд специфических черт:

«1) по результатам освоения дополнительных профессиональных программ больше не выдаются документы о квалификации государственного образца;

2) отменены федеральные государственные требования по программам, предполагающим получение дополнительной квалификации к высшему образованию, в том числе по программам МВА;

3) отменена государственная аккредитация дополнительных профессиональных программ;

4) в несколько раз уменьшен минимально допустимый срок освоения программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки (по программам профессиональной переподготовки с 500 до 250 часов, по программам повышения квалификации – с 72 до 18 часов);

5) из системы ДПО исключено понятие «краткосрочного повышения квалификации» [3].

Это сделало дополнительное профессиональное образование более гибким, способным быстро адап-

тироваться под имеющиеся запросы как работодателей, так и работников.

Дополнительное профессиональное образование призвано позволить повышать свой профессиональный уровень или приобретать новые профессии, когда в этом возникает необходимость. Времена, когда человек, окончив университет, всю жизнь мог пожинать плоды своего обучения, давно прошли. Научно-технический прогресс не стоит на месте, и вместе с ним постоянно появляются новые профессии, а старые зачастую требуют таких навыков, о которых раньше никто и не помышлял. Например, всего несколько десятков лет назад не существовало даже представлений о блокчейне или криптовалютах, а сейчас специалисты в этих областях одни из самых востребованных и высокооплачиваемых.

Действующее российское законодательство часто предусматривает обязательность периодического дополнительного профессионального образования для отдельных категорий лиц (например, педагогических работников, врачей, государственных гражданских служащих, судей, полицейских и т. д.).

Программы дополнительного профессионального образования позволяют получить необходимые навыки без отрыва или с минимальным отрывом от своей профессиональной деятельности.

В зависимости от реализуемых дополнительных профессиональных программ можно выделить два вида дополнительного профессионального образования: повышение квалификации и профессиональная переподготовка.

В соответствии с ФЗ «Об образовании»:

«Программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации» (ч. 4, ст. 76 ФЗ «Об образовании»);

«Программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации» (ч. 5, ст. 76 ФЗ «Об образовании»).

Формальным критерием разграничения данных видов дополнительного профессионального образования служит срок их освоения. В соответствии с приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам»² минимально допустимый срок освоения программ повышения квалификации не может быть менее 16 часов, а срок освоения про-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Российская газета. 28.08.2013. № 190.

грамм профессиональной переподготовки – менее 250 часов.

Важно отличать повышение квалификации и профессиональную переподготовку в рамках дополнительного профессионального образования от повышения квалификации и переподготовки рабочих и служащих, осуществляемых в рамках профессионального обучения. Иными словами одни и те же или схожие термины («повышение квалификации», «переподготовка») используются в нормативных документах применительно к двум разным видам образования, что, как показывает практика, часто вызывает некоторую путаницу.

Дополнительное профессиональное образование осуществляется по дополнительным профессиональным программам.

«Содержание дополнительной профессиональной программы определяется образовательной программой, разработанной и утвержденной организацией, осуществляющей образовательную деятельность, если иное не установлено законом, с учетом потребностей лица, организации, по инициативе которых осуществляется дополнительное профессиональное образование» (ч. 6 ст. 76 ФЗ «Об образовании»).

В отдельных случаях должны разрабатываться и утверждаться типовые дополнительные профессиональные программы (ч. 7 ст. 76 ФЗ «Об образовании»). Тогда дополнительные профессиональные программы, разработанные образовательной организацией должны, отвечать типовым дополнительным профессиональным программам.

В соответствии с ч. 9 ст. 76 ФЗ «Об образовании» «содержание дополнительных профессиональных программ должно учитывать профессиональные стандарты, квалификационные требования, указанные в квалификационных справочниках по соответствующим должностям, профессиям и специальностям, или квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, которые устанавливаются в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о государственной службе».

Эти положения призваны обеспечить не только соблюдение определенных формальных требований к содержанию получаемого образования, но и в конечном итоге запросы практики – органов и организаций, в которых лица, получившие дополнительное профессиональное образование, будут осуществлять свою служебную или трудовую деятельность.

Применительно к программам профессиональной переподготовки следует отметить, что они «разрабатываются на основании установленных квалификационных требований, профессиональных стандартов

и требований соответствующих федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального и (или) высшего образования (курсив мой – В. К.) к результатам освоения образовательных программ» (ч. 10 ст. 76 ФЗ «Об образовании»).

Здесь хотелось бы обратить особое внимание на необходимость соответствия программ профессиональной переподготовки требованиям ФГОС высшего или среднего профессионального образования. Это связано с тем, что переподготовку можно рассматривать как своеобразный неформальный аналог среднего профессионального или высшего образования (так как она направлена «на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации»). Подчеркнем, именно неформальный аналог. Рассматривать диплом о переподготовке как замену диплома о среднем профессиональном или высшем образовании в большинстве случаев нельзя.

Обучение по дополнительным профессиональным программам может «осуществляться как единовременно и непрерывно, так и поэтапно (дискретно), в том числе посредством освоения отдельных учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей), прохождения практики, применения сетевых форм, в порядке, установленном образовательной программой и (или) договором об образовании» (ч. 11 ст. 76 ФЗ «Об образовании»). Такой гибкий подход к реализации дополнительных профессиональных программ позволяет обеспечить эффективность образовательного процесса обучающегося совместно с основной трудовой деятельностью.

Дополнительная профессиональная образовательная программа может реализовываться в формах, предусмотренных ФЗ «Об образовании», а также полностью или частично в форме стажировки (ч. 12 ст. 76 ФЗ «Об образовании»). Последнее особенно актуально для изучения и приобретения практического опыта в конкретных сферах. Например, ФГОС СПО по специальности 40.02.02 Правоохранительная деятельность¹ предусматривает обязательное дополнительное профессиональное образование по программам повышения квалификации, в том числе в форме стажировки в профильных организациях не реже 1 раза в 3 года преподавателей, отвечающих за освоение обучающимися профессионального учебного цикла (п. 7.15).

«Формы обучения и сроки освоения дополнительных профессиональных программ определяются образовательной программой и (или) договором об образовании» (ч. 13 ст. 76 ФЗ «Об образовании»). До-

¹ Российская газета (специальный выпуск). 12.12.2014. № 284/1.

полнительные профессиональные программы могут реализовываться очно, заочно, очно-заочно, с использованием дистанционных образовательных технологий или без. Конкретные сроки освоения дополнительных профессиональных программ определяются образовательной организацией (с учетом требований к минимуму часов для повышения квалификации и профессиональной переподготовки) и зависят от объема материала, который должен усвоить обучающийся.

В последнее время в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 особую актуальность приобрело использование при реализации дополнительных профессиональных программ дистанционных образовательных технологий и электронного обучения. Отдельные программы реализуются в гибридной (смешанной) форме.

«Освоение дополнительных профессиональных образовательных программ завершается итоговой аттестацией обучающихся в форме, определяемой организацией, осуществляющей образовательную деятельность, самостоятельно» (ч. 14 ст. 76 ФЗ «Об образовании»). Обратим внимание, что в отличие от программ СПО и ВО речь не идет о *государственной* итоговой аттестации, так как отсутствует требование об аккредитации дополнительных профессиональных образовательных программ.

«Лицам, успешно освоившим соответствующую дополнительную профессиональную программу и прошедшим итоговую аттестацию, выдаются удостоверение о повышении квалификации и (или) диплом о профессиональной переподготовке» (ч. 15 ст. 76 ФЗ «Об образовании»).

Указанные документы не являются документами государственного образца.

«При освоении дополнительной профессиональной программы параллельно с получением среднего профессионального образования и (или) высшего образования удостоверение о повышении квалификации и (или) диплом о профессиональной переподготовке выдаются одновременно с получением соответствующего документа об образовании и о квалификации» (ч. 16 ст. 76 ФЗ «Об образовании»).

Данное требование вытекает из того, что дополнительные профессиональные программы по своей сути должны совершенствовать уже имеющиеся компетенции, а формирование новых компетенций все равно происходит на базе уже имеющихся (полученных в процессе обучения по программам СПО и ВО).

В последние годы наша страна предпринимает ряд мер по популяризации дополнительного профессионального образования. Достаточно упомянуть такие проекты, как «Цифровые профессии»¹, «Новые

возможности для каждого»², задачей которых является, в частности, «формирование системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных знаний и приобретения ими новых профессиональных навыков, включая овладение компетенциями в области цифровой экономики всеми желающими».

Таким образом, имеющаяся в нашей стране система дополнительного профессионального образования (предусмотренная нормативными правовыми актами) в целом позволяет эффективно реализовывать стоящую перед ней цели: удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды. Осталось лишь «запустить» эту систему на полную мощность.

Список источников

1. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Под ред. Я. И. Кузьмина, И. Д. Фрумина, П. С. Сорокина. М., 2019. 284 с.
2. Качалов В. В. Второе высшее образование как элемент реализации концепции lifelong learning // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. № 3. С. 171–174.
3. Кузнецов Д. Л. Юридическое дополнительное профессиональное образование в цифровую эпоху // Закон. 2019. № 9. С. 53–64.
4. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под общ. ред. д.соц.н., к.э.н. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с.
5. Шарипова Э. Р. Профессиональная переподготовка: цели и задачи // Инженерно-педагогический вестник: легкая промышленность. 2018. № 4 (7). С. 30–34.

References

1. How to make education an engine of socio-economic development? / Edited by Ya. I. Kuzminov, I. D. Frumin, P. S. Sorokin. M., 2019. 284 p.
2. Kachalov V. V. Second higher education as an element of the realization of the concept of lifelong learning // Psychology and pedagogy of service activity. 2021. No. 3. P. 171–174.

² Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=170104387707659659367741438&cacheid=2BFE3D4F0C2CD2895747D76306FAF93D&mode=splus&base=LAW&n=319308&dst=100950&rnd=0.3170975228359167#2wevkvz9jd3s>. (дата обращения: 20.10.2021).

¹ <https://цифровыепрофессии.рф/about>.

3. Kuznetsov D. L. Legal additional professional education in the digital age // Law. 2019. No. 9. P. 53–64.
4. Continuing education is an incentive for human development and a factor of socio-economic inequalities / Under the general editorship of Doctor of Social Sciences,

- Candidate of Economics Yu. V. Latova. M. : TSSPIM, 2014. 433 p.
5. Sharipova E. R. Professional retraining : goals and objectives // Engineering and Pedagogical Bulletin : light industry. 2018. No. 4 (7). P. 30–34.

Информация об авторе

В. В. Качалов – заместитель начальника по учебной и научной работе Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

V. V. Kachalov – Deputy Head for Academic and Scientific Work of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2021; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 26.01.2021; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Социальная психология. Учебник. Под ред. А. М. Столяренко. 3-е изд., перераб. и доп. 431 с. Гриф МО РФ. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Учебник содержит полную и четко структурированную систему современных социально-психологических знаний – важного раздела психологической науки. Это знания о психологии групп и поведения человека в группах, – знания нужные для жизни и деятельности каждому образованному человеку. Развитие человека, его права и свободы учеба, труд, семья, торговля, менеджмент, преступность, культура, досуг, жизненные кризисы, пьянство, наркомания – все так или иначе вплетено в систему социально-психологических связей и зависимостей. Понимание их и умение разбираться в них – важнейшее условие жизненных успехов.

Учебник ориентирован на широкий круг читателей, использование в вузах самого различного профиля, готовящих кадры, чья деятельность требует достаточной социально-психологической компетентности.

Содержание учебника включает весь минимум социально-психологических знаний, предусмотренных федеральными государственными образовательными стандартами. Оно открывает и возможность его профилирования при подготовке будущих профессионалов разных направлений деятельности.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-323-329>

НИОН: 2015-0066-1/22-258

MOSURED: 77/27-011-2022-01-457

Опыт подготовки курсантов университета МВД России к вожатской деятельности в детском оздоровительном лагере

Екатерина Александровна Никитская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, katamax@yandex.ru

Аннотация. Организация каникулярного детского отдыха является важнейшим педагогическим фактором в сохранении и преумножении психологического, физического, нравственного здоровья детей и подростков, развития активной, социализирующей и созидающей личности несовершеннолетнего. Подготовка вожатых для работы с детьми и подростками в детских оздоровительных лагерях является стратегической задачей в воспитательно-образовательной деятельности гражданских и ведомственных университетов гуманитарного профиля. В статье автором представлено описание опыта по организации подготовки курсантов института психологии служебной деятельности к работе с несовершеннолетними в детском оздоровительном лагере.

Ключевые слова: вожатый, детский оздоровительный лагерь, несовершеннолетний, временный детский коллектив, летняя педагогическая практика

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-013-00247.

Для цитирования: Никитская Е. А. Опыт подготовки курсантов университета МВД России к вожатской деятельности в детском оздоровительном лагере // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 323–329. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-323-329>.

Original article

Experience of training cadets from a university of the Russian Ministry of Internal Affairs in youth recreation camps

Ekaterina A. Nikitskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, katamax@yandex.ru

Abstract. Organization of children's holiday recreation is the most important pedagogical factor in preservation and multiplication of psychological, physical, moral health of children and teenagers, development of active, socializing and creative personality of a minor. Training counselors to work with children and teenagers in children summer camps is a strategic task in educational and pedagogical activity of civil and departmental universities of humanitarian profile. The author describes her experience in organizing the training of cadets of the Institute of Psychology of Service to work with minors in a children's health camp.

Keywords: counselor, children's recreation camp, underage, temporary children's group, summer pedagogical practice

Acknowledgements: The publication was prepared within the framework of the RFBR-supported scientific project № 20-013-00247.

For citation: Nikitskaya E. A. Experience of training cadets from a university of the Russian Ministry of Internal Affairs in youth recreation camps. Bulletin of economic security. 2022;(1):323–9. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-323-329>.

Формирование временного детского коллектива в детском оздоровительном лагере является, по сути, одним из главных компонентов цели работы вожато-

го. Это важно понимать потому, что, с одной стороны, главным «социальным субъектом» лагерной смены является именно отряд, который в норме должен

© Никитская Е. А., 2022

стать коллективом, а с другой стороны, в силу ряда специфических характеристик, временный детский коллектив способен гораздо более эффективно, чем иные формальные и неформальные группы детей, решать многие педагогические задачи [4].

Для успешного решения педагогических задач необходимо знать признаки временного детского коллектива, которые отличают его от постоянной детской группы. К таковым традиционно относят следующие:

1. *Кратковременность функционирования* – на взаимодействие детей и педагогов, а значит и на достижение поставленных в лагере педагогических целей во временном детском коллективе отводится ограниченное время, как правило одна смена. Это повышает психолого-педагогическую ценность каждого дня организации взаимодействия в детском коллективе.

2. *«Сборный» контингент детей* – как правило, отряды формируются из детей, ранее не собиравшихся таким составом, а значит зачастую не знакомых друг с другом, собранных из разных мест жительства, разных социальных слоев, с неодинаковым творческим, интеллектуальным, психоэмоциональным потенциалом и т. д. Это подчеркивает важность понимания вожатым необходимости разнообразных, адекватных и доступных детскому восприятию форм организации педагогического взаимодействия. Вместе с тем, следует отметить, что данный признак несколько нивелируется в ДОЛ «Русичи», в котором проходят практику курсанты университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Спецификой данного лагеря является, то, что в этот лагерь ежегодно прибывают

дети сотрудников полиции и контингент детей мало обновляется. Это же создает дополнительные сложности для педагогов, так как дети уже достаточно хорошо знают лагерь, а вот вожатые из числа курсантов наоборот – приезжают в лагерь впервые. Также еще одной особенностью лагеря является относительная социальная ровность контингента детей – дети сотрудников полиции. С одной стороны, это облегчает ряд задач для вожатых, но с другой стороны по отзывам вожатых создает некоторое напряжение. Дети не редко пользуются тем, что их родители выше по званию и должности, чем курсанты и начинают бравировать этим при общении.

3. *Аутентичность и автономность существования* – дети, приезжающие в лагерь, хотя и на непродолжительное время, но перестают находиться в привычных социальных условиях и ролях, к которым они привыкли вне лагеря в «обычной жизни». Это означает, что дети интегрируются в особую социальную среду, в которой им важно содействовать в формировании новых отношений, помочь определиться в них, проявить себя в тех или иных видах деятельности и раскрыть (или приобрести!) новые качества в новых социальных реалиях.

4. *Открытый характер жизнедеятельности* – практически круглосуточная жизнь детей на виду друг у друга. Это накладывает вполне конкретные обязательства и ответственность каждого сверять и при необходимости корректировать собственные ценности, нормы и установки с требованиями окружающей социальной среды и каждого члена временного детского коллектива.

<i>Характеристика временного детского коллектива</i>	<i>Практическая значимость для вожатого</i>
1. <i>Кратковременность</i>	– психолого-педагогическая ценность каждого дня в лагере; – четкое представление плана работы; – методическая оснащенность вожатого на весь период смены в лагере
2. <i>Сборный контингент</i>	– знание основных психовозрастных характеристик детей; – актуализация личностного подхода в работе с детьми; – владение различными методами организации взаимодействия и стилями общения с детьми
3. <i>Аутентичность и автономность</i>	– помощь детям в адаптации к новым социальным условиям; – содействие в приобретении новых социальных ролей и качеств; – содействие в раскрытии творческих способностей ребенка
4. <i>Открытость</i>	– способствование усвоению основных этических и практических норм социального бытия; – установление доверительных отношений внутри коллектива; – формирование необходимого баланса «желание/возможности» во взаимоотношениях и взаимодействии внутри коллектива

Вожатому важно осознавать, что формирование временного детского коллектива в лагере происходит не в один-два дня – это целенаправленный, поступательный и творческий процесс, вряд ли всегда имеющий однозначный и предсказуемый сценарий. Однако целый ряд моментов, способствующих возникновению особых, доверительных, а значит искомым в психолого-педагогическом смысле отношений в отряде, имеет универсальную логику, об основных компонентах которой вожатому важно иметь представление. Как показывает практика, внимательная реализация этих компонентов способствует успешному формированию временного детского коллектива в лагере. Итак, необходимо обратить внимание как минимум на три ключевых составляющих – это: «Знакомство», «Внутриотрядная рефлексия» и «Управление временным детским коллективом». Именно решению этих вопросов посвящена система подготовки вожатых в университете МВД России имени В.Я. Кикотя.

I. Знакомство.

Одной из первых и главных задач организационного периода смены является установление прочных контактов между детьми, а также между детьми и вожатыми. Грамотно проведенное знакомство друг с другом позволит заложить основы доверительной и взаимоуважительной атмосферы в отряде, создать социально-психологический климат принятия друг друга.

Фактически знакомство является первым шагом создания временного детского коллектива, который позволит начать формирование субъектной позиции детей в отряде и сообщить творческий импульс для последующего раскрытия их креативных качеств. Становится ясным – чем быстрее ребята хорошо узнают друг друга и начнут выстраивать взаимодовверительные отношения, тем лучше. Для этого можно применить разнообразные формы, например, вместе приготовить творческие визитки-бейджи.

В самом начале общения с детьми в отряде здорово могут помочь так называемые «игры на знакомство», количество которых велико, и любой вожатый может выбрать для себя наиболее приемлемые. В течение первых же минут знакомства начинает происходить сплочение отряда, что также является важнейшим этапом формирования временного детского коллектива. Данный момент важен для того, чтобы между ребятами начали преодолеваются естественные коммуникативные барьеры, формироваться чувство доверия и зарождалось стремление к конструктивному взаимодействию и сотрудничеству. Для этого также можно применить специальные игровые формы, направленные на сплочение ребят.

Во время проведения игр на знакомство и сплочение вожатому важно не упустить целый ряд важных психолого-педагогических моментов: составить

первичный психологический портрет каждого, определить проблемные точки в отряде, а также выявить социально-психологические роли в отряде. На основе этого станет возможным начать формировать актив отряда, распределить «зоны деловой ответственности» среди ребят, проводить совместное планирование и организацию разнообразных мероприятий [1].

Как правило, в любом лагере есть сложившиеся традиции, «святыни», законы, которые особым образом чтутся и оберегаются – от общелагерного знамени до отрядных значков или иных персональных знаков отличия. На объединение и сплоченность детей во временном детском коллективе эффективным образом работает усвоение законов и традиций лагеря, которые могут иметь как универсальный характер и содержание, так и частный, т. е. специфический для конкретного лагеря. Главным психолого-педагогическим основанием их действенности является акцентировка на общности и неукоснительности их соблюдения и исполнения для всех. Грубейшей педагогической ошибкой является предъявление ребятам требования исполнения того или иного закона или традиции, принятых в лагере, и неисполнение таковых представителями педагогического коллектива. Ребята должны четко понимать, что в лагере неукоснительно и всеми без исключения реализуется принцип «Единого педагогического требования», неисполнение которого приводит к серьезным проблемам в организации педагогического взаимодействия и в целом формированию воспитательно-развивающей среды лагеря.

Одной из педагогических задач и важным результатом этапа «знакомства» является сформированное у детей чувство неотъемлемой причастности к отряду и в целом к лагерю. Для ребят важно понимание того, что каждая смена в лагере, начиная с самого первого дня, – это уже история лагеря, причем уникальная и неповторяющаяся, и каждый из ребят – это уже живая и уникальная строка в этой истории.

II. Внутриотрядная рефлексия.

Как известно, рефлексия является одним из основных социально-психологических механизмов социализации человека. Для личности – это всегда внутренний диалог, в котором человек рассматривает, оценивает, принимает или отвергает те или иные ценности, свойственные различным институтам общества, обществу сверстников, значимым лицам и т. д. [5; 6]. Рефлексия становится общеотрядной составляющей жизни ребят, главными и незыблемыми характеристиками которой является диалоговость и ценность личности каждого в отряде. Только в этом случае внутриотрядная рефлексия может способствовать формированию и развитию доверительных отношений во временном детском коллективе, а значит помочь ребятам формироваться и конструктивно из-

меняться в результате осознания и переживания той реальности, в которой они живут, а также своего места в этой реальности.

Одной из ярких и педагогически эффективных форм внутриотрядной рефлексии является так называемый «Огонек» или «Отрядная свечка» – это всегда особая форма общения ребят внутри отряда, позволяющая каждому высказаться, поделиться своими мыслями и переживаниями, а также научиться слушать, слышать и понимать другого, а для вожатого – это замечательный метод педагогической работы, который позволит вожатому достичь важные цели в своей работе. Как показывает педагогический опыт работы различных детских оздоровительных лагерей, существуют различные виды «Огоньков», а именно: знакомства, аналитический, проблемный (конфликтный), тематический, прощальный [2; 3].

«*Огонек Знакомства*» – это, как правило, самый первый «Огонек» в отряде, который выполняет сразу несколько функций. Это и собственно знакомство всех в отряде, и формирование первичных представлений об отряде и перспективах совместной деятельности, и первичная психолого-педагогическая диагностика, и снятие барьеров общения, и нивелирование неизбежных адаптационных напряжений и конфликтов. Но главное – это создание доверительной и конструктивной атмосферы внутриотрядного взаимодействия и взаимоотношений, без чего просто невозможно дальнейшее формирование детского коллектива.

«*Аналитический Огонек*» – форма внутриотрядной рефлексии, в ходе которого анализируется прожитый день, проведенное дело, события того или иного периода лагерной смены. Главной задачей «аналитических огоньков» является привитие навыков конструктивного общения, коллективного анализа и обсуждения, прожитого вместе, а также уважения к мнению своего товарища. Здесь необходимо, чтобы ребята научились осознавать свои успехи и неудачи как одинаково важные для дальнейшего развития собственных отношений и взаимодействия, а также чувствовать потребность в осмыслении происходящих вокруг них событий.

«*Конфликтный...*» или «*Проблемный Огонек*» – возможно, самый непростой, как для вожатого, так и для ребят. Из самого названия видно, что здесь происходит в высшей степени эмоционально напряженный и предельно откровенный разговор. Необходимость проведения такого рода разговора может быть продиктована констатацией обнаруженного внутри отряда конфликта или возникновением неординарной ситуации. Важно, чтобы откровенный разговор не перешел в осуждение человека, но был нацелен на осмысление возникшей проблемы, ее оценку и, что главное, на поиск и нахождение положительно-го выхода из ситуации. Завершение такого «Огонька»

должно быть всегда на позитивной ноте, даже несмотря на, может быть, весь «ужас» произошедшего.

«*Тематический Огонек*» представляет собой форму внутриотрядной рефлексии с использованием метода дискуссии, беседы, доверительного разговора. Из названия следует, что предметом такого «Огонька» может быть практически любая тема, но очевидным образом актуальная и захватывающая для ребят данного отряда (а значит, данного возраста!). Отсюда следует, что выбирать «мелкие» или «изъезженные» темы для разговора ненужно. Выбираются темы серьезные, даже философские, затрагивающие интересы и чувства ребят в их возрасте. Эти темы могут быть предложены самими ребятами или сформулированы вожатым. Результатом проведения этого вида «Огоньков» может и должно стать углубление знаний о человеке, расширение общего кругозора, развитие навыков формулирования собственных мыслей, формирование жизненной позиции и ценностных ориентаций.

«*Прощальный Огонек*» – это сопряженный с особым эмоциональным состоянием отряда «огонек», который целиком и полностью связан с пониманием и ощущением приближающегося расставания. За всей эмоциональностью и даже, порой, надрывностью этого отрядного мероприятия, вожатому важно не потерять его психолого-педагогическую нить. Для этого необходимо создать атмосферу оптимизма и перспективности. Подведение общих внутриотрядных итогов, осмысление достигнутого вместе, подчеркивание важнейших совместных «приобретений» обязательно должно сопрягаться с размышлениями о планах встреч, переписок и, что самое главное, о возможностях применения, всего полученного в отряде и лагере опыта в своей дальнейшей жизни, учебе, отношениях, чувствах и т. д.

В силу особого воспитательно-развивающего потенциала внутриотрядной рефлексии, при проведении тех или иных ее форм важно помнить основные правила, соблюдение которых позволит формировать временный детский коллектив более эффективно: создание и поддержка доброжелательной и доверительной атмосферы внутри отряда; уважение личного мнения и уважение общего мнения (решения); критика не с целью унижения, а с целью поиска лучшего решения; избегание повышенных и тем более оскорбительных тонов в разговоре; добровольность при высказывании своего мнения; все, что обсуждалось и о чем говорилось в рефлексивных разговорах, остается внутри отряда и может выйти наружу только по разрешению всех без исключения членов отряда.

III. Управление временным детским коллективом

Понимание оптимального и целесообразного соотношения понятий и практики управления, самоуправления и самоорганизации в жизнедеятельности

временного детского коллектива является важнейшей инструментальной и содержательной стороной деятельности всего педагогического коллектива лагеря, в том числе вожатого, по крайней мере в той ее части, которая касается вопроса формирования временного детского коллектива.

В книге А. В. Мудрика «Социальная педагогика» подробно раскрывается психолого-педагогическое содержание и значение понятий управления, самоуправления и самоорганизации в жизнедеятельности воспитательной организации как этапа создания условий для развития и ценностной ориентации личности [6, с. 151–174]. Так, по мнению автора, управление – «это сознательное использование руководителями отношений власти, имеющихся ресурсов (материальных, организационных, личностных и т. д.), научных знаний для получения результатов, как можно полнее реализующих задачи и цели социального воспитания». Очевидно, что на макроуровне управленческой функцией обладает руководство лагеря, но на микроуровне, т. е. на уровне первичной группы (в данном случае – отряда) в руках вожатого имеется серьезный и легитимный инструмент, позволяющий ему педагогически целесообразно конфигурировать имеющиеся в его распоряжении личностные качества, межличностные отношения, материальные и иные ресурсы. Однако опытными педагогами давно замечено, что брать на себя все нити правления в отряде является весьма энергоемким, «нерентабельным», педагогически неоправданным и в конечном счете, непрофессиональным делом. Поэтому организация отрядного самоуправления давно стала педагогической основой из основ практически любого лагеря.

Важно отметить, что как правило формирование органов самоуправления в отряде происходит в Организационный период, а именно на организационном сборе отряда (одно из ключевых отрядных дел оргпериода), где кроме закрепления норм и общих для всех правил жизни в отряде и определения перспектив совместной жизни, как раз и происходят выборы органов самоуправления. Впрочем, в течение основного периода смены, естественно, возможны (а, порой, даже необходимы) определенные «кадровые» корректировки в этой составляющей процесса формирования временного детского коллектива.

С самых первых дней отрядного взаимодействия с ребятами особым и важнейшим условием эффективного функционирования отрядного самоуправления является правильно проведенная диагностика отряда на предмет выявления ребят с лидерскими качествами. Не будет ошибкой сказать, что оперативно выявленные и педагогически грамотно используемые лидерские качества ребят и сам Лидер являются не только инструментом самоуправления, но и важным

залогом успешной и качественной психолого-педагогической работы вожатого в течение всей смены.

Наряду с управлением и самоуправлением во временном детском коллективе важно иметь в виду и особенности самоорганизации – «самопроизвольно протекающих процессов регулирования, в основе которых лежат обычаи, стереотипы, традиции, особенности лидерства, нормы неформальных отношений, субъективные особенности и другие социально-психологические феномены» [6, с. 162]. В сфере самоорганизации отрядной жизни весьма эффективны неформальные санкции (как позитивные – похвала, повышение авторитетности, так и негативные – насмешки, ограничение взаимодействия, игнорирование), поэтому феномен отрядной самоорганизации может иметь как конструктивный, так и негативный характер. Учет и использование конструктивного потенциала самоорганизации ребят помогает достичь баланса между управлением и самоуправлением, а значит позволяет более эффективно формировать временный детский коллектив.

Непосредственная подготовка курсантов университета МВД России, будущих инспекторов по делам несовершеннолетних к работе в ДОЛ имеет несколько традиционных этапов, реализуемых в том числе в рамках программы учебной педагогической практики (летняя педагогическая практика). Программа направлена на формирование общепрофессиональной, профессиональной и профессионально-специализированной компетентности курсантов, обучающихся по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения.

Учебная практика включает два базовых этапа:

1. Учебно-подготовительный этап – **психолого-педагогические учения**, организуемые в форме учебно-исследовательских мастерских вожатого на базе Московского университета МВД имени В.Я. Кикотя (1 неделя);

2. Производственно-практический этап – **социально-психолого-педагогическая деятельность** с детьми и подростками в условиях детского летнего оздоровительного лагеря (от 3 недель).

Проведение педагогической практики в детских оздоровительных лагерях на первом этапе получения первичных профессиональных знаний умений и навыков осуществляется стационарно на базе университета, способом проведения второго этапа является выезд курсантов в детский оздоровительный лагерь – «полевая база» педагогической практики университета.

Особенность педагогической практики в ДОЛ заключается в ее направленности на профессионально-практическую подготовку курсантов, служит связующим звеном между теоретическим обучением и будущей социально-педагогической деятельностью

курсантов по профилактике девиантного поведения детей и подростков в различной по видам социальной среде. Педагогическая практика по форме организации учебной деятельности является психолого-педагогическими учениями курсантов, проводится на 3 курсе (6 семестре). Первый этап практики проводится в виде «Учебно-исследовательских мастерских» в течение всего семестра – 1 раз в неделю, либо технологией концентрированно погружения в виде учебно-исследовательского сбора «Мастерская вожака». Общее количество часов первого этапа практики (учебно-подготовительный этап) составляет 36 ч, из них: аудиторных – 18 ч и самостоятельная работа курсантов – 18 ч. Второй этап практики (производственно-практический этап) проводится на 3 курсе (6 семестре) в летний период, непосредственно в детских оздоровительных лагерях, в течение трех недель. В ходе практики курсанты совершенствуют знания, умения и навыки по следующим дисциплинам общепрофессионального и профессионально-специализированного циклов: «Педагогика», «Социальная педагогика», «Теория и методика воспитания», «Коррекционная педагогика», «Психология развития и возрастная психология», «Педагогическая психология», «Теория обучения и педагогические технологии», «Методика и технология работы социального педагога», «Психологическое консультирование и психологическая психокоррекция», «Организация досуга детей и подростков».

Вместе с тем отличительной особенностью данного вида деятельности курсантов является то, что курсанты по приказу министра МВД начинают работать вожатыми на 2 курсе, то есть еще до начала прохождения психолого-педагогических учений. Данный факт создавал некоторые дополнительные сложности для курсантов, направляемых в ДОЛ. В связи с этим, кафедрой педагогики УНК ПСД с 2018 года в качестве экспериментальной апробации было предложено включить новый аспект практико-ориентированного подхода в образование курсантов, основанный на межвузовском взаимодействии. Университетом МВД России имени В.Я. Кикотя подписаны договоры о сотрудничестве с рядом вузов, в том числе с ФГОУ ВО МПГУ. Студенты МПГУ обучаются по схожим специальностям и направлениям подготовки с курсантами университета МВД, проходят практику в детских оздоровительных лагерях, имеют в учебном плане дисциплины идентичные с учебным планом университета МВД, однако, подготовка к работе в ДОЛ у студентов имеет более насыщенную психолого-педагогическую подготовку, включая обучение по дополнительной программе повышения квалификации «Вожатый». Данный факт, а также (что более важно) то, что восприятие учебного материала от сверстников, прошедших работу в ДОЛ и обладающих про-

фессиональными компетенциями, воспринимается с большим коэффициентом эффективности нежели от преподавателя в рамках учебной дисциплины. Руководством кафедры педагогики и института-факультета психологии служебной деятельности было одобрено проведение добровольных занятий в рамках самоподготовки, которые получили название «Я-Вожатый, Я-Педагог, Я-Профессионал». Занятия проводятся в течение месяца один раз в неделю, в зависимости от расписания студентов и курсантов. Каждое занятие длится в среднем 120–150 минут.

Целью цикла мероприятий стало организация и проведение занятий с элементами тренинга ознакомительно-познавательного характера по вопросам вожатской деятельности, а также осуществление обмена опытом по работе с детьми и подростками в условиях детского оздоровительного лагеря. Студенты проводили занятия с курсантами второго курса. В ходе работы были обозначены теоретико-методологические основы работы вожатых в детских лагерях, через тренинговые форы работы, тематические «кейсы», квест-игры. В ходе взаимодействия были рассмотрены ключевые проблемные точки вожатской работы, с которыми могут столкнуться курсанты, работая в ДОЛ «Русичи», в качестве вожатых: тоска по родителям и по дому, протестное поведение воспитанников, конфликтность среди детей, проявление вредных привычек, неприезд родителей в родительский день, первая любовь, недопонимание между сверстниками и прочее.

Особый интерес у курсантов вызвала квестовая форма работы, которую они опробовали на себе. Как известно, технология квеста способна не только расширить кругозор, но и позволяет применить на практике теоретические знания в области педагогики и психологии, конфликтологии, юриспруденции, формируя профессиональные умения и навыки. Согласно правилам, курсантам предстояло пройти пять станций, на которых их ждали задания: разработать и провести быструю игру (возраст и специфика была обозначена на карточках), организовать флеш-моб, озвучить видеофрагмент по проблемам подросткового возраста ряд других. На заключительном этапе курсанты принимали участие в мастер-классе по изготовлению «слаймов», целью которого было научить простому способу поднять настроение детям и конструктивно заполнить свободное время в любую погоду.

Интересным моментом явилось то, что несмотря на то, что занятия изначально планировались для курсантов 2 курса, которые не работали в ДОЛ, в середине цикла к ним присоединились (по собственной инициативе) курсанты 3 курса. Курсанты 3 курса объяснили свое подключение к занятиям заинтересованностью теми формами работы, которые предлагали

студенты МПГУ. Курсанты единогласно выразили мнение, что несмотря на опыт работы в ДОЛ, проводимые занятия расширяют их знания и формируют необходимые умения для работы с детьми. Занятия были завершены итоговым круглым столом, на котором студенты, курсанты, преподаватели МПГУ и университета МВД обменялись концептуальными идеями по вопросам подготовки студентов и курсантов к практике в ДОЛ. Согласно принятой резолюции, было озвучено, что данные межвузовские мероприятия способствуют развитию устойчивой мотивации к получению будущей профессии, приобретению опыта реальной деятельности в условиях ДОЛ, актуализируют и закрепляют знания, полученные на семинарах и лекциях. В связи с этим кафедра педагогики УНК ПСД в дальнейшем будет совершенствовать и расширять проведение данных мероприятий.

Список источников

1. Афонасьев С. П. Чем занять детей в пришкольном лагере, или сто отрядных дел : метод. пособие / С. Афонасьев, С. Коморин ; Метод. центр «Вариант». Кострома : РЦНИТ «Эврика-М», 1998. 109 с.
2. Евсеева И. Г., Тихомиров С. Н., Пчелинцева Д. Г. Социально-педагогическое сопровождение несовершеннолетних в условиях городского лагеря (вожатское дело) : учебно-практическое пособие. Рязань : ИП Коняхин А.В. (Book Jet). 2021. 182 с.
3. Володина С. А. Психолого-педагогическое сопровождение деятельности вожатого : Методические рекомендации / С. А. Володина, Н. Ю. Галой, И. А. Горбенко [и др.] // под общ. ред. Е. А. Левановой, Т. Н. Сахаровой. М. : МПГУ, 2017. 140 с.
4. Галой Н. Ю. История вожатского дела : Методические рекомендации / Н. Ю. Галой, И. А. Горбенко, Л. А. Долинская [и др.] // под общ. ред. Е. А. Левановой, Т. Н. Сахаровой. М. : МПГУ, 2017. 200 с.
5. Мудрик А. В. Социализация человека : учебное пособие. М. : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2010.
6. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учебник для студ. высш. учеб. заведений. 7-е изд. М. : «Академия», 2009.

References

1. Afonasyev S. P. What to do with children in a school camp, or a hundred squad cases: method. manual / S. Afonasyev, S. Komorin ; Method. the «Option» center. Kostroma : RCNIT «Eureka-M», 1998. 109 p.
2. Evseeva I. G., Tikhomirov S. N., Pchelintseva D. G. Socio-pedagogical support of minors in the conditions of an urban camp (counselor's case) : an educational and practical manual. Ryazan : IP Konyakhin A. V. (Book Jet). 2021. 182 c.
3. Volodina S. A. Psychological and pedagogical support of the counselor's activity : Methodological recommendations / S. A. Volodina, N. Y. Galoy, I. A. Gorbenko [et al.] // under the general editorship of E. A. Levanova, T. N. Sakharova. M. : MPSU, 2017. 140 p.
4. Galoy N. Yu. History of the vzhatsky case : Methodological recommendations / N. Yu. Galoy, I. A. Gorbenko, L. A. Dolinskaya [et al.] // under the general editorship of E. A. Levanova, T. N. Sakharova. M. : MPSU, 2017. 200 p.
5. Mudrik A. V. Human Socialization : a textbook. M. : MPSI ; Voronezh : MODEK, 2010.
6. Mudrik A. V. Social pedagogy : textbook for students. higher. studies. establishments. 7th ed. M. : «Academy», 2009.

Информация об авторе

Е. А. Никитская – кандидат педагогических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Nikitskaya – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.06.2021; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 17.02.2022.

The article was submitted 08.06.2021; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 17.02.2022.

Научная статья

УДК 796.011.1:37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-330-333>

ИПОН: 2015-0066-1/22-259

MOSURED: 77/27-011-2022-01-458

Анализ функциональных свойств дыхательной системы спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне

Евгений Анатольевич Никоноров¹, Андрей Николаевич Кулиничев²,

Андрей Александрович Третьяков³, Александр Владимирович Апальков⁴

¹ Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, п. Старотеряево, Московская область, Россия

^{2,3,4} Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Аннотация. Служебный биатлон популярен среди сотрудников органов внутренних дел России. Этот вид спорта относится к служебно-прикладным видам. Им занимаются сотрудники различных подразделений и возрастов. Также проводятся регулярные соревнования различного уровня. Занятия служебным биатлоном способствуют развитию общей выносливости, скоростно-силовой выносливости, координации, точности во время стрельбы. Помимо физических способностей формируются морально-волевые качества. Неотъемлемой частью системы подготовки в любом виде спорта является анализ уровня подготовленности. Большая роль во время подготовки в служебном биатлоне отводится функциональному состоянию сердечно-сосудистой и дыхательной систем. Можно отметить, что оценка функционального состояния данных систем является интегральным показателем подготовленности занимающихся. Регулярный анализ динамики показателей избранных систем дает возможность оценить адаптационный потенциал и адекватность предлагаемых физических нагрузок. Проанализировать функциональное состояние дыхательной системы сотрудников органов внутренних дел, занимающихся служебным биатлоном было предложено в рамках цели исследования. В исследовании приняли участие члены сборной команды по служебному биатлону Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. Приводятся результаты исследования, делается ряд выводов.

Ключевые слова: служебный биатлон, функциональное состояние, дыхательная система, сотрудники ОВД, тренировочное занятие, спирография

Для цитирования: Никоноров Е. А., Кулиничев А. Н., Третьяков А. А., Апальков А. В. Анализ функциональных свойств дыхательной системы спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 330–333. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-330-333>.

Original article

Analysis of the functional properties of the respiratory system of athletes specializing in service biathlon

Evgeny A. Nikonorov¹, Andrey N. Kulinichev², Andrey A. Tretyakov³, Alexander V. Apalkov⁴

¹ Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Staroteryaev village, Moscow region, Russia

^{2,3,4} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

Abstract. Service biathlon is popular among the employees of the internal affairs bodies of Russia. This kind of sport belongs to service and applied kinds. It is handled by employees of various departments and ages. There are also regular competitions at various levels. Employment biathlon contributes to the development of general endurance, speed-strength endurance, coordination, accuracy during shooting. In addition to physical abilities, moral and volitional qualities are formed. An integral part of the training system in any sport is the analysis of the level of preparedness. An important role during training in service biathlon is assigned to the functional state of the cardiovascular and respiratory systems. It can be noted that the assessment of the functional state of these systems is an integral indicator

© Никоноров Е. А., Кулиничев А. Н., Третьяков А. А., Апальков А. В., 2022

of the preparedness of the trainees. Regular analysis of the dynamics of indicators of selected systems makes it possible to assess the adaptive potential and the adequacy of the proposed physical activity. It was proposed to analyze the functional state of the respiratory system of employees of the internal affairs bodies involved in official biathlon within the framework of the research goal. The study involved members of the official biathlon team of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina. The results of the study are shown and some conclusions are made.

Keywords: service biathlon, functional state, respiratory system, police officers, training session, spirography

For citation: Nikonorov E. A., Kulinichev A. N., Tretyakov A. A., Apalkov A. V. Analysis of the functional properties of the respiratory system of athletes specializing in service biathlon. Bulletin of economic security. 2022;(1):330–3. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-330-333>.

Введение. Служебный биатлон является одним из неотъемлемых служебно-прикладных видов спорта в системе ОВД России [5]. Спартакиады и чемпионаты органов внутренних дел не проходят без соревнований по служебному биатлону.

Особое отношение отводится тренировочным занятиям спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне. Спортсмены должны иметь хорошую беговую подготовку, а также должны на высоком уровне владеть ручным боевым оружием [4; 5]. Следует отдельно выделить направления в подготовке спортсменов – это физическая подготовка и огневая.

Большое внимание в подготовке по служебному биатлону уделяется функциональному состоянию кардио-респираторной системы [1; 2; 5]. Отдельно можно выделить дыхательную систему, потому как спортсмен должен умело пользоваться внешним дыханием во время преодоления соревновательной дистанции. Особое внимание дыханию уделяется во время стрельбы на огневом рубеже (статическое положение). Но перед ним спортсмен должен подготовиться к стрельбе, не теряя скорости во время бега. Все это говорит о большой нагрузке на дыхательную систему спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне [3; 4; 5]. Целью исследования являлось проведение анализа функционального состояния дыхательной системы сотрудников органов внутренних дел, занимающихся служебным биатлоном.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие члены сборной команды по служебному биатлону Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. Измерения осуществлялись с помощью спирографа СМП 21/01 – «Р-Д». Испытуемым были предложены несколько проб с прибором. Сотрудники были разделены на две группы по возрасту. В первой группе было обследовано 10 сотрудников в возрасте 20–25 лет, во второй группе 8 сотрудников 35–40 лет. Все обследо-

ваемые мужского пола, являются квалифицированными спортсменами. Стаж занятий служебным биатлоном составляет не менее 5 лет. Измерения проводились в подготовительном периоде.

Результаты исследования и их обсуждение. Сотрудникам, занимающимся служебным биатлоном было предложено сделать несколько проб на спирографе. В первой пробе необходимо было дышать в покое. Спирограф обработав полученные данные внешнего дыхания спортсменов отразил их в средних результатах. Результаты представлены в таблице 1.

Полученные данные свидетельствуют о достаточно высоких результатах, характеризующих функциональное состояние дыхательной системы спортсменов, занимающихся служебным биатлоном.

Несмотря на небольшую выборку полученные результаты демонстрируют значительную разницу между группами спортсменов. Так значительно отличается показатель жизненной емкости легких (ЖЕЛ). Разница составляет более 1,5 литров. Также отличаются показатели резервного объема вдоха и выдоха (РО вд; РО выд). По-видимому, это связано с особенностями ведения стрельбы после преодоления бегового этапа. Так опытные спортсмены, можно сказать что это группа 2, огонь ведут после выдоха. Что требует определенных резервов дыхательной системы. А молодые спортсмены огонь начинают на вдохе. Показательно отличаются результаты дыхательного объема (ДО). Так у спортсменов 1 группы он составляет 2,01±0,91 литра, а во 2 группе – 0,50±0,23 литра. Можно предположить, что это связано с экономизацией деятельности дыхательной системы. Показатель частоты дыхания (ЧД) незначительно отличается. И как следствие отличия ДО, значительно отличаются результаты минутного объема дыхания (МОД). В 1 группе результат составил 16,23±2,31 л/мин, во 2 группе – 4,43±0,92 л/мин. Данные изменения связаны с оптимизацией работы дыхательной системы

Таблица 1

Показатели измерений в покое

	ЖЕЛ, л	РОвд, л	РОвыд, л	ДО, л	ЧД, цикл/мин	МОД, л/мин	ОМОД, л/мин
1 группа	6,05±0,89	2,21±0,46	1,81±0,64	2,01±0,91	12±1,56	16,23±2,31	9,47±0,63
2 группа	4,89±0,57	1,54±0,39	2,84±0,48	0,50±0,23	14±1,67	4,43±0,92	2,02±,54

Показатели измерений при выполнении тестов

	1 группа			2 группа		
	Факт.	Должн.	%	Факт.	Должн.	%
ФЖЕЛ, л	5,09±0,78	5,64	90	4,76±0,49	5,11	93
ОФВ1, л	4,39±0,45	4,67	93	4,20±0,67	4,24	99
РОфвыд, л	3,09±0,61			2,04±0,21		
РОфвд, л	1,06±0,23			1,95±0,11		
ПОС, л/с	7,82±0,68	10,30	76	10,03±0,96	9,54	105
МОС25, л/с	7,11±0,41	9,41	75	8,57±0,75	8,67	98
МОС50, л/с	6,08±0,37	6,56	92	5,46±0,46	5,98	91
МОС75, л/с	3,53±0,35	2,98	118	2,35±0,31	2,70	87
ОФВПОС, л	1,86±0,29			0,67±0,24		
ТПОС, с	0,44±0,12			0,11±0,05		
ТФЖЕЛ, с	1,66±0,31			2,13±0,16		

мы спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне. Также аппарат показал результат отклонения минутного объема дыхания от должного показателя (ОМОД). В 1 группе результат составил 9,47±0,63 л/мин, во 2 группе – 2,02±,54 л/мин.

В следующей пробе спортсменам было предложено выполнить форсированные вдохи и выдохи в течение заданного времени. Полученные результаты представлены в таблице 2.

В таблице отражены фактические результаты, которые продемонстрировали спортсмены во время выполнения пробы, должные значения и процент, отражающий разницу между фактическим и должным значениями.

Показатель объема форсированного выдоха (ФЖЕЛ) показывает разницу между объемами воздуха в легких в точках начала и конца форсированного выдоха. Разница в группах составила около 1,5 литров. Несмотря на разные результаты ФЖЕЛ, показатели объема форсированного выдоха за первую секунду (ОФВ1) незначительно различаются. Показатели резервного объема после форсированного вдоха и выдоха (РОфвыд, РОфвд) имеют разницу около 1 литра. В первой группе результат составил больше в РОфвыд, а во 2 группе в РОфвд. Пиковая объемная скорость (ПОС) указывает максимальную скорость потока, достигаемую в процессе форсированного выдоха. ПОС выше во 2 группе и составляет 10,03±0,96 л/с, данный результат выше должного значения. В 1 группе данный показатель ниже и меньше должного показателя. Возможно это связано с опытом выступления в соревнованиях и скоростью подготовки к стрельбе во время забега. Следующие показатели отражают мгновенную объемную скорость в момент выдоха 25 %, 50 %, 75 % (МОС25, МОС50, МОС75). В результатах данных показателей можно увидеть, что у спортсменов 2 группы результаты значительно снижаются. В 1 группе этот показатель имеет более высокие показатели. Объем форсированного выдоха до достижения ПОС (ОФВПОС)

в 1 группе составил 1,86±0,29 литров, во 2 группе – 0,67±0,24 литров. У спортсменов старшей группы, как видно, данный показатель в 3 раза меньше. Время достижения пиковой объемной скорости (ТПОС) во 2 группе составило 0,11±0,05 секунд, а в 1 группе 0,44±0,12 секунд. И в данном показателе прослеживается умение более опытных спортсменов оптимально владеть внешним дыханием. Хотя время форсированного выдоха в 1 группе меньше (1,66±0,31 секунд), чем во 2 группе (2,13±0,16 секунд).

Заключение. Современные подходы в подготовке квалифицированных спортсменов направлены на развитие специфических проявлений физических способностей с различными вариантами производительности (анаэробным и аэробном). Служебный биатлон является не исключением. В связи с чем большая роль отводится поддержанию на должном уровне функционального состояния дыхательной системы.

Результаты произведенных проб дыхательной системы спортсменов, специализирующихся в служебном биатлоне, говорят о высоком уровне функционального состояния дыхательной системы. При этом важны показатели высокой работоспособности в анаэробных и аэробных режимах работы. Можно отметить, что опыт выступления на соревнованиях различного уровня формируют специфические умения управлять внешним дыханием, что качественно отражается на функциональном состоянии дыхательной системы.

Список источников

1. Ванюшин Ю. С. Функциональное состояние спортсменов по показателям кардиореспираторной системы / Ю. С. Ванюшин // Перспективные направления в области физической культуры, спорта и туризма. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 47–50.
2. Кардашевская М. В. Анализ функционального состояния легкоатлетов, специализирующихся в беге средние дистанции с учетом показателей дыха-

тельной системы / М. В. Кардашевская, М. И. Давыдов // Современная наука : актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2020. С. 146–148.

3. Медведев И. Н. Оценка функции внешнего дыхания у студентов, занимающихся игровыми видами спорта / И. Н. Медведев, О. В. Марандыкина, Ф. Р. Сибгатулина, М. С. Антонова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 4 (194). С. 298–303.

4. Слепцова Я. А. Функциональное состояние органов внешнего дыхания спортсменов стрелков / Я. А. Слепцова // Современные проблемы физической культуры и спорта. Материалы II региональной научно-практической конференции молодых ученых. 2016. С. 72–73.

5. Черменев Д. А. Система подготовки спортсменов в служебном биатлоне / Д. А. Черменев // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 583–586.

References

1. Vanyushin Yu. S. The functional state of athletes according to the indicators of the cardiorespiratory

system / Yu. S. Vanyushin // Promising areas in the field of physical culture, sports and tourism. Materials of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. P. 47–50.

2. Kardashevskaya M. V. Analysis of the functional state of athletes specializing in middle-distance running taking into account indicators of the respiratory system / M. V. Kardashevskaya, M. I. Davydov // Modern science : topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. 2020. P. 146–148.

3. Medvedev I. N. Assessment of the function of external respiration in students engaged in playing sports / I. N. Medvedev, O. V. Marandykina, F. R. Sibgatulina, M. S. Antonova // Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2021. № 4 (194). P. 298–303.

4. Sleptsova Ya. A. Functional state of the respiratory organs of athletes shooters / Ya. A. Sleptsova // Modern problems of physical culture and sports. Materials of the II regional scientific and practical conference of young scientists. 2016. P. 72–73.

5. Chermenev D. A. System of training athletes in service biathlon / D. A. Chermenev // The era of science. 2019. № 20. P. 583–586.

Информация об авторах

Е. А. Никоноров – начальник кафедры административного права и административной деятельности полиции Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, доцент;

А. Н. Кулиничев – заместитель начальника кафедры физической подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат педагогических наук, доцент;

А. А. Третьяков – доцент кафедры физической подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат педагогических наук, доцент;

А. В. Апальков – старший преподаватель кафедры физической подготовки Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат педагогических наук.

Information about the authors

E. A. Nikonorov – Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police of the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

A. N. Kulinichev – Deputy Head of the Department of Physical Training of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

A. A. Tretyakov – Associate Professor of the Department of Physical Training of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor;

A. V. Apalkov – Senior Lecturer of the Department of Physical Training of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Candidate of Pedagogical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 16.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 355:37

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-334-338>

НИОН: 2015-0066-1/22-260

MOSURED: 77/27-011-2022-01-459

Система подготовки военнослужащих ФРГ (историко-педагогический аспект зарубежного опыта)

Василий Дмитриевич Самойлов

Академия военных наук, Омск, Россия, vas.samoylow2016@yandex.ru

Аннотация. Система профессиональной подготовки военнослужащих ФРГ зародилась в Пруссии после эпохи наполеоновских войн. Были определены цели обучения и воспитания офицеров, привитие им навыков мышления и аналитики, внедрены общеобразовательные дисциплины. На подобную систему подготовки офицеров перешли военные организации стран Западной Европы и США, а тенденция на формирование и развитие аналитических способностей офицеров приобрела международный характер.

Ключевые слова: система подготовки, офицерские кадры ФРГ

Для цитирования: Самойлов В. Д. Система подготовки военнослужащих ФРГ (историко-педагогический аспект зарубежного опыта) // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 334–338. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-334-338>.

Original article

The system of training of military personnel of Germany (historical and pedagogical aspect of foreign experience)

Vasily D. Samoilov

Academy of Military Sciences, Omsk, Russia, vas.samoylow2016@yandex.ru

Abstract. The system of professional training of German military personnel originated in Prussia after the era of the Napoleonic Wars. The objectives of training and education of officers, instilling them with thinking and analytical skills, were defined, and general education disciplines were introduced. Military organizations of Western Europe and the United States have moved to such a system of training officers, and the trend towards the formation and development of analytical abilities of officers has become international.

Keywords: the system of training, the officer corps of Germany

For citation: Samoilov V. D. The system of training of military personnel of Germany (historical and pedagogical aspect of foreign experience). Bulletin of economic security. 2022;(1):334–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-334-338>.

Введение. Возникновение системы подготовки офицеров в ФРГ связано с 1808 г., когда генерал Карл Хорст предложил проект реформы армии [1; 6, с. 59; 8; 9], одно из важных положений которого заключалось в том, что для получения офицерского звания не надо было обязательно быть дворянином.

Образование (от нем. *bildung*) означает процесс усвоения знаний для внутреннего формирования личности, а также результат, как способность распоряжаться освоенными знаниями и умениями, духовная база осознания своего места в окружающем мире, упорядочение опыта и действий, личных переживаний. Образование – это интеллектуальная, професси-

ональная и нравственная зрелость офицера на основании овладения им широкими и глубокими знаниями [2, с. 113], причем, «образование шире, чем обучение, так как оно выходит за рамки профессии» [3, с. 472].

Становление систем обучения и воспитания связано с реформатором Пруссии начала XIX века, служившим и в Российской империи, генерал-майором Карлом фон Клаузевицем (1780–1831). Его труд «О войне» до сих пор является одним из учебных пособий по военной теории. Именно Клаузевица прусская армия считала автором своей «Библии» военной теории, в процессе освоения которой подготовка офицеров охватывает их обучение и воспитание военным

специальностям, а также развивает в них способности к творческому мышлению [4, с. 121].

Материалы и методы. Развитие современной системы подготовки военнослужащих ФРГ связано с созданием в 1957 г. Академии Руководящего состава Бундесвера, представляющей собой многоуровневый, международный учебно-научный комплекс (УНК), основная территория которого расположена в «Казармах Клаузевица» [5, с. 122]. В УНК обучаются офицеры видов ВС для назначения на командно-штабные, в том числе генеральские и адмиральские должности. Основные учебно-воспитательные задачи УНК решаются на курсах: основной подготовки старших офицеров; подготовки офицеров службы Генштаба; повышения квалификации (усовершенствования) в целях взаимодействия с другими странами, гражданскими и военными организациями; участия в формировании военной политики на национальном и международном уровне.

Организационно УНК состоит из штаба, факультетов и курсов переменного состава, двухгодичные Курсы подготовки штабных офицеров (КПШО) для самых успевающих офицеров (до 12,5 % от ежегодного набора), как центральный элемент подсистем воспитания и обучения для решения главной задачи воспитания КПШО – формирования старших офицеров на ценностно-ориентированном подходе с высокой квалификацией, способных эффективно выполнять служебные обязанности, уверенных в будущем.

Особенностями образовательных программ является направленность на изучение концепций развития видов ВС, организации и проведения совместных операций. На реализацию этой тенденции в системе подготовки военнослужащих отводится более 50 % общего бюджета учебного времени. В связи с этим особенность связана с совместным обучением и воспитанием офицеров, что осуществляют кафедры стратегии и политики безопасности, руководства и управления, общественных наук, центр координации совместных операций. Содержание учебной программы совместного обучения офицеров ориентировано на практику применения концепции «Управление кризисами» по разным сценариям международной обстановки.

Обучение начинается с семинара «Введение в научную деятельность», затем изучаются дисциплины: военная политика и стратегия, бундесвер и общество, основы организации и управления Вооруженными Силами, а также управление видами ВС ФРГ. Развитие систем обучения и воспитания ориентировано на овладение офицерами методикой самостоятельного принятия решений на командных уровнях в интересах оперативного планирования операций НАТО по поддержанию мира в рамках мандата ООН, на разработку оперативного плана развертывания и примене-

ния оперативно-тактических групп (общевойсковых). Воспитательное значение совместного обучения состоит в демонстрации слушателям взаимосвязи национальных политических решений от интересов ОВС НАТО, участия в реализации принятых решений ряда гражданских организаций, в формировании умений и навыков планирования операций в объединенных штабах [6, с. 61].

Основным элементом подсистемы обучения офицеров являются кафедры: кафедра социального образования, главный элемент подсистемы воспитания и реализации проблемных вопросов влияния социальных наук на процесс «осознания офицером себя и своего окружения». Примерно 5 % общего бюджета учебного времени отведено преподавателям, приглашаемым из разных государственных структур (до 400 человек) [5, с. 124]. Это обеспечивает высокий уровень мотивации обучения, его соответствие современным требованиям, а также отражает тенденцию на увеличение доли гражданских преподавателей в системе подготовки военнослужащих ФРГ.

Учебно-материальное обеспечение УНК обеспечивает учебно-тренировочный центр академии, предназначенный для внедрения в учебно-воспитательный процесс новых моделей и технологий обучения. Восемь тренировочных модулей позволяют офицерам отрабатывать учебные вопросы в составе учебной команды (временного штаба) [5]. Организация профессионального отбора кандидатов для учебы в вузе предполагает, чтобы на начальном этапе обучения в качестве предварительного условия для получения воинского звания майор или капитан-лейтенант офицеры – кандидаты успешно прошли за 14 недель базовый экзаменационный курс – Квалификационный курс старших офицеров (ККСО). ККСО является обязательной основой для прохождения последующих курсов обучения и проводится три раза в год, включая страны, не входящие в НАТО (всего до 80 военнослужащих из 50 государств). По мнению Д. А. Румынова, всего на ККСО было подготовлено 5000 германских и 2500 иностранных офицеров [7].

Анализ системы подготовки военнослужащих ФРГ позволил выявить тенденцию на их совместное международное обучение и воспитание, а в подсистеме воспитания офицеров ФРГ преобладает социокультурная тенденция [5, с. 127–129]. Новые задачи воспитания составляют: повышение межкультурной компетенции офицеров, изучение ими неправительственных организаций, информационно-психологическое воздействие на людские ресурсы, взаимодействие с общественностью, потенциал СМИ и др.

Обсуждение. Из опыта повседневной и военной деятельности бундесвера по открытым источникам, а также при исполнении автором своих служебных обязанностей (1992–1994 г.), при посещении Между-

народного центра подготовки офицеров миротворческих сил под эгидой ООН в Хаммельбурге (Бавария, октябрь 2000 г.) следует, что система подготовки военнослужащих ФРГ реализует фактор многонациональности. Академия поддерживает связи с учебными центрами США, Соединенного Королевства (СК), Франции, Италии, Канады, а также Польши, Чехии, Албании и Эстонии. Особый тренд составляют связи системы подготовки военнослужащих ФРГ с государствами центра, юга и востока Европы и ранее входившими в СССР.

Качество подготовки кадров составляет объективный фактор в части выполнении бундесвером задач для улучшения обороноспособности страны. Руководящие кадры проходят профессиональную подготовку в военных вузах и учебных центрах для соответствия формируемых компетенций требованиям, предъявляемым к профессиональной деятельности.

Подготовка офицерского состава и кандидатов в офицеры сухопутных войск (СВ) в ВС ФРГ проводится на базе 15 видовых учреждений, включая: офицерскую школу СВ (г. Дрезден); унтер-офицерскую школу СВ (г. Делич); учебный центр СВ (г. Мюнстер, объединяет учебные центры бронетанковых войск и войсковой разведки); центр оперативной подготовки СВ (г. Вильдфлеккен); центр боевой подготовки СВ (г. Летцлинген); центр подготовки к операциям (миссиям) ООН (г. Хаммельбург); центр подготовки к специальным операциям (г. Пфуллендорф); пехотная школа (г. Хаммельбург); школа подготовки войск к действиям в горах и в зимних условиях (г. Миттенвальд); артиллерийская школа (г. Идар-Оберштайн); школа войск РХБЗ (г. Зонтхофен); школа армейской авиации (г. Бюккебург); школа воздушно-десантных войск и военно-транспортной авиации (г. Альтенштадт); техническая школа СВ (г. Аахен); инженерно-строительная школа (г. Ингольштадт) [14, с. 623].

Для кандидатов в кадровые офицеры и офицеры по контракту сроком 12–15 лет последующая подготовка включает:

А. Обучение в одном из двух университетов бундесвера (около четырех лет), где кандидаты в офицеры получают высшее гражданское образование без отрыва на прохождение военной практики или изучение военных дисциплин;

Б. После получения диплома о высшем гражданском образовании выпускники обучаются на втором (специализированном) офицерском курсе (три месяца) в офицерской школе СВ. В ходе подготовки слушатели изучают тактику (57 % учебного времени, основные виды боя – наступление и действия в ходе операции по стабилизации обстановки в кризисном регионе), специальные военные дисциплины, совершенствуют физическую подготовку (11 %) и командные навыки;

В. Третий офицерский курс (подготовка по предназначению, обучение 10 месяцев) на базе школ родов войск, в частях и подразделениях.

Общая продолжительность типового процесса подготовки военнослужащего бундесвера для службы на первичных офицерских должностях в СВ ВС ФРГ составляет в среднем 6,5 лет [7].

Результаты. Военные эксперты отмечают, что за последние 10 лет профили подготовки претерпели значительные изменения. Это касается прежде всего того, что ныне бундесвер ориентирован на свои обязательства по блоку НАТО (так называемый расширенный спектр задач). Участие в боевых операциях за рубежом предъявляет к системе подготовки военнослужащих иные требования и в корне отличается от осуществления оборонительной стратегии в рамках одного государства, что наблюдалось в военной доктрине ФРГ предыдущих лет. К примеру, задача разведгруппы заключается в определении местоположения сил противника, не раскрывая места своего пребывания. Миротворческие подразделения, напротив, открыто обозначают факт своего присутствия: а) в несении службы на контрольно-пропускных пунктах; б) при обеспечении безопасности в зонах разграничения сторон конфликта; в) в ходе проведении контрольных полицейских мероприятий, что характерно для подготовки руководящего состава бундесвера.

В отчетах по подготовке офицеров выявлены критические замечания в части того, что содержание обучения в вузах бундесвера преломляется из-за динамики объективных и субъективных условий складывающихся ситуаций, но такие факты не носят системный характер [14, с. 624]. В связи с несоответствием между реальностью и новыми требованиями обращено внимание на издание многочисленных приказов и предписаний по улучшению качества подготовки руководящих кадров бундесвера. Для каждого нового набора курсантов в УНК министерство публикует «Указания по обучению».

Процесс подготовки офицеров – это не просто освоение ими знаний согласно учебному плану и учебным дисциплинам. В ходе обучения важными аспектами стали: рефлексия, приобретаемый опыт и самопознание будущего руководителя; харизма личности, неотраженная в учебниках. В качестве методов реализуются: индивидуальный стиль управления; ситуационное моделирование, когда руководитель из личного арсенала знаний, умений, навыков и компетенций способен выбрать наиболее оптимальное поведение для сложившейся ситуации; способ лично-социально-деятельного подхода к обучению подчиненных индивидуально и в составе коллектива, который заключается в реализации первых двух методов. Тем самым подчиненные (коллективы) знакомятся со

стилями индивидуального и группового воздействия своего руководителя, что способствует укреплению повседневного и боевого взаимодействия, а также роли офицера-руководителя для принятия решений в условиях служебной и боевой деятельности в соответствии со стилем руководства вышестоящих командиров.

Важным аспектом в подготовке руководящего звена управления для потребностей бундесвера признается необходимость повышения качества контроля за сокращением используемых материальных ресурсов, что давно отличает командно-административные кадры бундесвера, включая фирмы и предприятия двойного и гражданского типа предназначений. Основные задачи по развитию миротворческого контингента, а также урезание бюджетных средств правомерно в связи с тем, что стагнация нужд бундесвера влияет на процесс подготовки офицеров и создает риски для военнослужащих, участвующих в операциях за рубежом [7; 14]. Базу системы подготовки офицеров для бундесвера составляют информационные компьютерные технологии. Несомненно, арсенал представлений, личных знаний, умений и навыков немецких управленцев ориентируется на теорию и практику применения современного вооружения, военной и специальной техники.

В связи с этим компетенции практического свойства интегрированы для накопления умений и навыков у офицерских кадров, с одной стороны, чтобы в краткие сроки осуществить профессиональную подготовку подчиненных, с другой – чтобы каждый офицер-воспитатель стал специалистом-практиком по проблемным вопросам вооружения и военной техники в условиях ситуационного моделирования возможных условий их применения в учебно-боевой и боевой обстановке, что связано с устойчивостью формируемых знаний, умений и навыков управления [14, с. 625].

Более обстоятельно по фактическому состоянию и тенденциям развития существующей системы профессионального образования кадров для потребностей руководства бундесвера автором представлены научные работы, которые составили теоретические выводы и практические рекомендации в процессе реализации научно-квалификационной работы, включая: а) развитие теории и практики военного образования в вузах Вооруженных Сил РФ применительно к системе высшего профессионального образования ФРГ [9, с. 73–78]; б) преобразование ныне существующей системы высшего образования офицеров Вооруженных Сил РФ с целью совершенствования ее моделей и технологий и формирования государственного заказа [10]; в) обоснование комплекса современных требований к системе высшего образования офицеров Вооруженных Сил РФ с учетом внедрения приемле-

мого зарубежного передового опыта [11; 12]; г) концептуальные основы организации и осуществления высшего образования отечественных офицеров не в качестве магистров [13].

Заключение. Система профессиональной подготовки офицерских кадров в части их обучения, воспитания и всестороннего обеспечения в ФРГ представляет собой эффективно функционирующую общность адаптивных к условиям современных миротворческих и учебно-боевых модулируемых компонентов. При этом обучение офицерских кадров различных звеньев управления ориентировано на приобретение обучающимися необходимых морально-волевых качеств, устойчивых теоретических представлений, знаний и практических умений, навыков, в том числе для карьерного роста успешно подготовленных офицеров.

В качестве перспектив системы подготовки кадров для бундесвера выделим: межвузовскую интеграцию в составе УНК; ценностно-ориентированное обучение офицеров методами ситуационного моделирования условий их деятельности; международный характер обучения, включая миротворческие операции; гуманизм подготовки; увеличение доли гражданских преподавателей в УНК; социокультурный и модульно-секционный аспекты обучения, воспитания и обеспечения подготовки кадров.

Список источников

1. Шлыков, В. В. Тенденции развития военного профессионализма // Международный российско-американский семинар, 12–13 февраля 2001 г. : Тезисы доклада. М. : Совет по внешней и оборонной политике, 2001.
2. Фисенко, П. И. Система подготовки офицерских кадров бундесвера в военно-учебных заведениях Федеративной Республики Германии (Критический анализ) : дис. ... канд. пед. наук. М.: ВПА, 1977. 224 с.
3. Müller, F. Probleme des Bildungswesen in der Bundeswehr. In: Begabung, Schule und Gesellschaft. Frankfurt am Main : 1964.
4. Лэннинг, М. Л. Сто великих полководцев. М. : Вече, 1998. 480 с.
5. Международная конференция «Основные направления военного строительства в европейских странах», 28 февраля – 2 марта 2001 г. : Тезисы докладов. М. : Межрегиональный общественный фонд поддержки военной реформы (РФ), 2001. 148 с.
6. Теория и практика воспитания военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации : учебное пособие. М. : ВУ, 2003. 377 с.
7. Румынов, Д. А. Система подготовки офицеров вооруженных сил ФРГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/426/podgotovka-officerov-vs-frg> (дата обращения: 18.01.2021).

8. Самойлов, В. Д. Совершенствование системы высшего образования офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации : дис. ... д-ра пед. наук. М. : ВУ, 2002. 534 с.

9. Самойлов, В. Д. Развитие теории и практики военного образования в вузах Вооруженных Сил Российской Федерации : монография. М. : ОА ВС РФ, 2001. 131 с.

10. Самойлов, В. Д. Система высшего образования офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации : монография. М. : ОА ВС РФ, 2002. 189 с.

11. Самойлов, В. Д. О современных требованиях к системе высшего образования // ALMA MATER. 2002. № 11. С. 54–56.

12. Самойлов, В. Д. Систему высшего образования российских офицеров на уровень современных требований // Открытое образование. 2002. № 6. С. 65–73.

13. Самойлов, В. Д. О концепции высшего образования офицеров // Высшее образование в России. 2002. № 6. С. 77–79.

14. Сайтова, Д. А. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Образование в военно-инженерном деле : теория и практика». 9–11 декабря 2020 г. Часть II. Тюмень: ТВВИКУ, 2020. С. 623–625.

References

1. Shlykov, V. V. Trends in the development of military professionalism // International Russian-American Seminar, February 12–13, 2001 : Theses of the report. Moscow : Council on Foreign and Defense Policy, 2001.

2. Fisenko, P. I. The system of training officers of the Bundeswehr in military educational institutions of the Federal Republic of Germany (Critical. analysis) : dis. ... candidate of pedagogical sciences, M., 1977. 224 p.

3. Müller, F. Probleme des Bildungswesen in der Bundeswehr. In: Begabung, Schule und Gesellschaft. Frankfurt am Main : 1964.

4. Lanning, M. L. One hundred great commanders. Moscow : Veche, 1998. 480 p.

5. International Conference «Main directions of military construction in European countries», February 28–March 2, 2001 : Abstracts of reports. M. : Interregional foundation for the support of the military reforms (RF), 2001. 148 p.

6. Theory and practice of education of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation : textbook. M. : VU, 2003. 377 p.

7. Romanianov, D. A. System of training of officers of the armed forces of Germany. URL: <http://www.modernarmy.ru/article/426/podgotovka-oficerov-vs-frg> (accessed: 18.01.2021).

8. Samoilov, V. D. Improving the system of higher education of officers of the Armed Forces of the Russian Federation : dis. ... doctor of pedagogical sciences. Moscow: VU, 2002. 534 p.

9. Samoilov, V. D. Development of the theory and practice of military education in the Armed Forces of the Russian Federation : monograph. M. : OA of the Armed Forces of the Russian Federation, 2001. 131 p.

10. Samoilov, V. D. System of higher education of officers of the Armed Forces of the Russian Federation : monograph. M. : OA of the Armed Forces of the Russian Federation, 2002. 189 p.

11. Samoilov, V. D. About modern requirements to the system of higher education // ALMA MATER. 2002. № 11. P. 54–56.

12. Samoilov, V. D. The system of higher education of Russian officers at the level of modern requirements // Open education. 2002. № 6. P. 65–73.

13. Samoilov, V. D. About the concept of higher education of officers // Higher education in Russia. 2002. № 6. P. 77–79.

14. Saitova, D. A. Collection of materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation «Education in military engineering : theory and practice». December 9–11, 2020. Part II. Tyumen : TWICE, 2020. P. 623–625.

Информация об авторе

В. Д. Самойлов – корреспондент Вестника Сибирского отделения Академии военных наук, доктор педагогических наук, кандидат военных наук, профессор, ветеран военной службы, полковник запаса, пенсионер МВД России, полковник внутренней службы в отставке.

Information about the author

V. D. Samoilov – Correspondent of the Bulletin of the Siberian branch of the Academy of Military Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Military Sciences, Professor, Veteran of military service, Colonel of the reserve, pensioner of the Ministry of Internal Affairs of Russia, retired colonel of the internal service.

Статья поступила в редакцию 29.12.2021; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 29.12.2021; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 10.03.2022.

Научная статья

УДК 796:005.591.6

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-339-341>

НИОН: 2015-0066-1/22-261

MOSURED: 77/27-011-2022-01-460

Индивидуализация учебно-тренировочного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» на основе динамической и статической направленности физических нагрузок

Александр Лукич Славко

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, slavko-a@mail.ru

Аннотация. В научной статье поднимается проблема совершенствования учебно-тренировочного процесса изучения дисциплины «Физическая подготовка» на основе индивидуализации физической нагрузки. Дан анализ применения динамических и статических направленностей физических нагрузок. Проведено обоснование применения динамических и статических направленностей физических нагрузок при организации учебно-тренировочного процесса в очно-заочно режиме по дисциплине «Физическая подготовка» курсантов образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: индивидуализация, образование, физическая подготовка, динамическая направленность, статическая направленность, физическая нагрузка, курсант, физическое развитие, физические качества, умения, навыки, тактическая подготовка

Для цитирования: Славко А. Л. Индивидуализация учебно-тренировочного процесса по дисциплине «Физическая подготовка» на основе динамической и статической направленности физических нагрузок // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 339–341. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-339-341>.

Original article

Individualization of the training process in the discipline «Physical training» on the basis of the dynamic and static direction of physical loads

Alexander L. Slavko

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, slavko-a@mail.ru

Abstract. The scientific article raises the problem of improving the educational and training process of studying the discipline «Physical training» based on the individualization of physical activity. The analysis of application of dynamic and static directions of physical loads is given. The rationale for the use of dynamic and static directions of physical activity in the organization of the educational and training process in full-time and part-time mode in the discipline «Physical training» of cadets of educational organizations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia was carried out.

Keywords: individualization, education, physical training, dynamic orientation, static orientation, physical activity, cadet, physical development, physical qualities, skills, tactical training

For citation: Slavko A. L. Individualization of the training process in the discipline «Physical training» on the basis of the dynamic and static direction of physical loads. Bulletin of economic security. 2022;(1):339–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-339-341>.

В современных условиях, когда образовательный процесс в высших учебных организациях страны протекает в очно-заочной и дистанционной форме, особенно в системе МВД России актуален вопрос оптимизации выбора средств и методов развития

профессионально важных физических качеств курсантов. Одними из основных задач, стоящими перед профессорско-преподавательским составом кафедр физической подготовки, особенно на начальном этапе обучения, является подготовка курсантов в довольно

© Славко А. Л., 2022

короткие сроки к применению физической силы и несению службы по охране общественного порядка, а также подготовка к успешной сдаче комплексного экзамена по основам профессиональной деятельности, а в дальнейшем – формирование профессиональных компетенций по данной дисциплине.

Все это возможно, как отмечают ученые В. В. Шиян, Б. К. Каражанов, К. С. Сариев [1; 2], благодаря хорошо развитым физическим качествам, которые составляют основу для успешного овладения умениями и навыками применения боевых приемов борьбы.

Проанализируем характер физической нагрузки, которую испытывает сотрудник правоохранительных органов при применении физической силы. Для эффективного выполнения боевых приемов борьбы требуются от сотрудника силовые действия динамического и статического характера. Так, для ограничения передвижения правонарушителя используются сковывающие захваты и обхваты, для этого необходимо развитие статической силы. А для выполнения боевых приемов борьбы, а в частности болевого приема – взрывная сила. Так же применение физической силы сотрудником правопорядка связано с выполнением преследования убегающего правонарушителя. Следовательно, организм сотрудника полиции должен быть готов к нагрузкам динамического и статического характера.

В основном действия сотрудника правоохранительных органов, связанные с применением физической силы, очень сходны с действиями спортсменов таких видов спорта, как борьба, рукопашных бой и других видов единоборств.

Анализ научной литературы по данной проблематике позволяет отметить, что ведущие ученые в сфере физической культуры и спорта Л. П. Матвеев [3], Б. И. Тараканов [4] констатируют, что развитие физических качеств и функциональных возможностей (систем) имеет одно из основных значений для успешного обладания технически сложными двигательными действиями и является совместно с психологической, технической, тактической подготовкой составной частью подготовки спортсмена к достижению успехов, особенно в единоборствах.

При организации учебно-тренировочного процесса очно-заочного режима, направленного на решение поставленных задач, его эффективность в основном зависит от правильного выбора методик развития физических качеств и функциональных систем.

Проводя исследования развития физических качеств у спортсменов, занимающихся единоборствами, В. А. Панков выявил, что комплексному развитию таких физических качеств, как сила, быстрота, ловкость, выносливость, как отмечено в исследовании «Специальная физическая подготовка в видах спор-

тивных единоборств» [5] уделяется при организации тренировочного процесса довольно мало внимания, часто используется только узкий спектр физических упражнений, направленный на развитие только одного физического качества, наиболее характерного для данного вида спорта. Кроме того, В. А. Панков в данном исследовании указал, что «такая односторонняя направленность ... в отдельных случаях может причинять ущерб здоровью».

Данную концепцию необходимо учитывать особенно при составлении индивидуальных учебно-тренировочных программ заочного и дистанционного обучения. В основном при составлении данных программ акцент делается на наиболее слабо развитые физические качества и выполняется физическая работа в однонаправленном порядке, как свидетельствуют исследования ученых А. Г. Ширяева, В. И. Филимонова [6], необходимо выполнять индивидуализацию учебно-тренировочного процесса, обращая внимание на уровень физической нагрузки и подбирать методы и средства с учетом физической, технической, тактической подготовленности курсантов, слушателей.

При проведении исследования развития физических качеств борцов высокой квалификации при сравнении тренировочных нагрузок, выполняемых в динамическом и статическом режимах А. А. Карелин [7] сделал вывод, что выполнение физических нагрузок только в динамическом режиме не способствуют развитию статической силы, которая имеет для борцов довольно важное значение. А вот применение физических упражнений со статическим напряжением способствует не только развитию статической силы, но и, по мнению исследователя, «служит фундаментом для выполнения большого объема физической работы с максимальными нагрузками», а так же является «неиспользованным резервом повышения работоспособности борцов».

Гистологические исследования А. В. Самсоновой [8] свидетельствуют, что при выполнении физических упражнений в изометрическом режиме увеличивается объем мышц и поверхность их прикрепления к костям, а так же увеличивается саркоплазма и число митохондрий, и тем самым подтверждая исследования А. А. Карелина, о развитии не только статической силы, но и выносливости. Опираясь на концепцию В. А. Панкова, и данные приведенные выше, можно заключить, что при организации учебно-тренировочных занятий использование упражнений динамического или статического характера способствует эффективности развитию физических качеств и формированию двигательных умений и навыков.

Но в условиях дистанционного, заочного обучения возникают сложности с развитием статической

силы, если в очном режиме ее развитие происходит при помощи физических упражнений и во время борцовских схваток, которые проводятся на практических занятиях по определенному заданию преподавателя и когда проявляются максимальные статические усилия, способствующие развитию, то в дистанционном режиме, развитию данного качества следует уделить особое внимание и развивать ее с использованием физических упражнений с собственным весом, с отягощениями или за счет волевого напряжения мышц. Рекомендуемая продолжительность данных упражнений от 20 и более секунд в максимальном напряжении.

В ходе нашего исследования можно сделать вывод, что достижение оптимизации учебно-тренировочного процесса по дисциплине «Физическая подготовка», организованного в очно-заочном режиме, возможно только благодаря индивидуализации, и осуществляется на основе динамической и статической направленности физических нагрузок с учетом физической, психологической, технической, тактической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Список источников

1. Шиян В. В., Каражанов Б. К., Сариев К. С. Влияние анаэробных нагрузок на динамику показателей работоспособности квалифицированных дзюдоистов // Теория и практика физ. культуры. 1991. № 4. С. 19–20.
2. Шиян В. В. Влияние физического утомления спортсмена на надежность проявления двигательного навыка борца // Теория и практика физ. культуры. 2000. № 6. С. 36.
3. Матвеев Л. П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. М., 2010. 340 с.
4. Тараканов Б. И. Педагогические основы управления подготовкой борцов. СПб., 2000. 162 с.

Информация об авторе

А. Л. Славко – доцент кафедры физической подготовки учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

A. L. Slavko – Associate Professor of the Department of Physical Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.01.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 10.03.2022.

The article was submitted 26.01.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 10.03.2022.

5. Панков В. А. Специальная физическая подготовка в видах спортивных единоборств [Электронный ресурс] // Теория и практика физ. культуры. 2004. № 4.
6. Ширяев А. Г., Филимонов В. И. Бокс и кик-боксинг : учебное пособие для студ. высших учеб. заведений. М. : Академия, 2007. 240 с.
7. Карелин А. А., Иванюженков Б. В., Нелюбин В. В. Модель высококвалифицированного борца : монография. Новосибирск, 2005. 272 с.
8. Самсонова А. В. Гипертрофия скелетных мышц человека : монография. СПб., 2011. 203 с.

References

1. Shiyan V. V., Karazhanov B. K., Sariev K. S. The influence of anaerobic loads on the dynamics of performance indicators of qualified judoists // Theory and practice of physics. culture. 1991. No. 4. P. 19–20.
2. Shiyan V. V. The influence of physical fatigue of an athlete on the reliability of the manifestation of the motor skill of a wrestler // Theory and practice of physical culture. 2000. No. 6. P. 36.
3. Matveev L. P. General theory of sports and its applied aspects. M., 2010. 340 p.
4. Tarakanov B. I. Pedagogical fundamentals of wrestlers training management. St. Petersburg, 2000. 162 p.
5. Pankov V. A. Special physical training in the types of martial arts [Electronic resource] // Theory and practice of physics. culture. 2004. No. 4.
6. Shiryaev A. G., Filimonov V. I. Boxing and kickboxing : a textbook for students. higher studies. institutions. M. : Academy, 2007. 240 p.
7. Karelin A. A., Ivanyuzhenkov B. V., Nelyubin V. V. Model of a highly qualified wrestler : monograph. Novosibirsk, 2005. 272 p.
8. Samsonova A.V. Hypertrophy of human skeletal muscles : monograph. SPb., 2011. 203 p.

Научная статья

УДК 378

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-342-345>

НИОН: 2015-0066-1/22-262

MOSURED: 77/27-011-2022-01-461

Изменение эффективности обучения при переходе на дистант

Светлана Викторовна Фрумина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, frumina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены результаты исследований отечественных и зарубежных авторов, определивших влияние пандемии на эффективность обучения через призму эмоционального интеллекта. Определено, что обучающиеся с высоким уровнем эмоционального интеллекта менее подвержены стрессу и демонстрируют более высокие результаты академической успеваемости.

Ключевые слова: эффективность обучения, пандемия, дистанционное обучение, уровень стресса

Для цитирования: Фрумина С. В. Изменение эффективности обучения при переходе на дистант // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1. С. 342–345. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-342-345>.

Original article

Change in learning efficiency during the transition to distant

Svetlana V. Frumina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, frumina@mail.ru

Abstract. The results of studies that have determined the impact of the pandemic on the effectiveness of training are considered. It has been determined that learners with a high level of emotional intelligence are less stressed and learn better.

Keywords: learning efficiency, pandemic, distance learning, stress level

For citation: Frumina S. V. Change in learning efficiency during the transition to distant. Bulletin of economic security. 2022;(1):342–5. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-1-342-345>.

Многочисленные исследования, проведенные отечественными и зарубежными авторами, направленные на изучение влияния на академическую успеваемость позитивно и негативно воздействующих факторов, подтверждают, что эмоциональность (способность к восприятию и выражению эмоций) является важным предиктором среднего балла успеваемости [1].

Следовательно, можно предположить, что негативные эмоции могут отрицательно сказаться на результатах обучения и наоборот. Однако повышенная эмоциональность, связанная со стрессом обучающихся в период обучения в условиях пандемии, показала неоднозначные результаты.

Радикальная перестройка образовательного процесса, повлекшая за собой кардинальные изменения практики взаимодействия студентов и преподавателей в условиях пандемии, повысила важность исследования эффективности обучения через призму психологического состояния студентов, изменения в

котором наблюдалось в период перехода на дистант. Пандемийный период развития образования подтвердил, что учебный процесс стремительно трансформируется и переходит к гибридным формам, сочетающим офлайн и дистанционные методы обучения, оказывающие непосредственное влияние на успеваемость обучающихся.

Исследование, проведенное ВШЭ [2], определило, что переход на дистанционный формат повысил стрессовое состояние порядка 41 % всех обучающихся, причем наиболее уязвимыми группами оказались студенты, обучающиеся на социальных и гуманитарных специальностях, а также студенты, проживающие в семьях с невысоким уровнем доходов (рис. 1).

Используя автоматический сбор данных из социальных сетей, ученые университетского консорциума больших данных обнаружили, что основные пики стресса студентов, связанные с образовательным процессом, относятся к критике дистанционных форматов, страхе перед сессией, повышением количества

заданий и отказом переходить на дистант, которые впоследствии кардинально изменяются требованиями перевести на дистант [3] (рис. 2).

Вместе с тем, зарубежные исследования, проведенные учеными Ф. Алам, К. Янг и др., основанные на измерении стресса у студентов во время пандемии коронавируса посредством оценки по семи пунктам 5-балльной шкалы ярости Likert – от 0 «Совсем не напряженный» до 5 «Чрезвычайно напряженный» – подтвердили, что академическая успеваемость студентов и уровень стресса зависит от эмоционального интеллекта [4].

Учеными была разработана модель, позволяющая охватить конкретные области стресса, которые были подвержены пандемии COVID-19: учебная нагрузка, социальная изоляция, отношения с коллегами и преподавателями, учеба в аудитории и физические нагрузки на территории кампуса. Результаты корреляции показали значительную положительную взаимосвязь между ЭИ и успеваемостью (0,48, $p < 0,01$) и значительную отрицательную взаимосвязь между ЭИ и стрессом во время учебы (0,39, $p < 0,05$). Связь между дистанционным обучением и академической успеваемостью (-0,36, $p < 0,01$), дистанционным обучением и стрессом (-0,43, $p < 0,01$) [4].

В работах Мельничук М. и Феклина В. было выявлено, что между эффективностью обучения и контактной офлайн работой существует тесная зависимость. Авторы определили, что отдельным студентам недостаточно слушать лекции в записи или в онлайн формате и существует потребность очного общения с лектором. Отмеченная выборка студентов активно проявляет себя на семинарских занятиях и в научной деятельности. Успеваемость таких студентов выше в среднем примерно на 3,5 балла (по 10 балльной шкале) [1].

Вместе с тем, несмотря на ограничения в социальном взаимодействии, пандемия подчеркнула важность эмоционального интеллекта во время стрессовых ситуаций [5]. Примечательно, что студенты с высоким уровнем ЭИ продемонстрировали во время

Рис. 1. Студенты, отметившие повышение уровня стресса в разрезе направлений подготовки (% от числа ответивших)

пандемии низкий уровень стресса, а также лучшую успеваемость, в то время как обучающиеся с низким уровнем ЭИ показали высокую подверженность стрессу и снижение эффективности обучения.

Следовательно, в условиях неопределенной эпидемиологической ситуации, когда возможен массовый временный переход на онлайн изучение дисциплин, следует принять во внимание практику гибкого обучения с использованием гибридных форм. Сочетание практики дистанционного и офлайн образования с одновременной выработкой инструментов психологической поддержки обучающихся, снижающей уровень стресса, позволит адаптироваться к смешанному формату и освоить новые образовательные технологии, что повлияет на успеваемость и эффективность обучения.

Список источников

1. Мельничук М. В., Калугина О. А. Эффективность обучения иностранному языку в вузе : компоненты эмоционального и интеллектуального // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 8. С. 2627–2632.
2. Мониторинг экономики образования, 2020. Том II Высшее образование и рынок труда / сост. Н. Б. Шугаль. М. : НИУ ВШЭ, 2021. с. 38.

Рис. 2. Основные пики стресса студентов, связанные с переходом на дистант

3. Качество высшего образования в период пандемии: управление на основе больших данных / Проект Университетского Консорциума исследователей больших данных (ТГУ, СВФУ, САФУ, ВятГУ, СевГУ, ТолГУ).

4. Fahad Alam, Qing Yang, Muhammad Yaseen Bhutto and Nadeem Akhtar. The Influence of E-Learning and Emotional Intelligence on Psychological Intentions : Study of Stranded Pakistani Students. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.715700/full>.

5. Kellie J Goodlet, Erin Raney, Kelsey Buckley, Titilola Afolabi, Lindsay Davis, Rebekah M Fekkether, Maura Jones, Suzanne Larson, Shawn Tennant. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Emotional Intelligence of Student Pharmacist Leaders. *Am J Pharm Educ.* 2021 Jul 22; doi: 10.5688/ajpe8519.

References

1. Melnichuk M. V., Kalugina O. A. The effectiveness of teaching a foreign language at a university: components of emotional and intellectual // *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2021. Vol. 14. No. 8. pp. 2627-2632.

2. Monitoring of the education economy, 2020. Volume II Higher Education and the labor market / comp. N. B. Shugal. M.: HSE, 2021. p. 38.

3. The quality of higher education during the pandemic: management based on big data / Project of the University Consortium of Big Data Researchers (TSU, NEFU, SAFU, VyatSU, SevSU, TolSU).

4. Fahad Alam, Qing Yang, Muhammad Yaseen Bhutto and Nadeem Akhtar. The Influence of E-Learning and Emotional Intelligence on Psychological Intentions : Study of Stranded Pakistani Students. <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.715700/full>.

5. Kellie J Goodlet, Erin Raney, Kelsey Buckley, Titilola Afolabi, Lindsay Davis, Rebekah M Fekkether, Maura Jones, Suzanne Larson, Shawn Tennant. Impact of the COVID-19 Pandemic on the Emotional Intelligence of Student Pharmacist Leaders. *Am J Pharm Educ.* 2021 Jul 22; doi: 10.5688/ajpe8519.

Библиографический список

1. Зверева Н. И., Сулова Н. Ю., Косов М. Е. Социальное проектирование как инструмент разработки инфраструктурной поддержки развития социального предпринимательства в регионах России : образовательный и акселерационный аспекты // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2016. № 2.

2. Сулова Н. Ю., Косов М. Е. Инновационный подход к управлению процессами интеграции системы образования, вузовской науки и бизнеса для развития предпринимательской среды // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России.* 2015. № 6.

3. Сулова Н. Ю., Косов М. Е. Развитие методологии системного подхода к управлению образовательным комплексом как сложной экономической системой в современных условиях неравновесности // *Вестник Академии экономической безопасности МВД России,* № 1, 2013, С. 67–72.

4. Косов М. Е., Ахмадеев Р. Г. Расходы на научные исследования: налоговые послабления // *Вестник Московского университета МВД России.* 2015. № 2. С. 224–229.

5. Косов М. Е. Три фазы экономического исследования // *Вестник Московского университета МВД России.* 2011. № 8.

6. Косов М. Е. Экономическая система с позиции концепции равновесия // *Вестник Московского университета МВД России.* 2011. № 3.

7. Архипов А. Ю., Рогова Т. М. Современные тенденции развития экспорта образовательных услуг вузов : мировой опыт, российская практика, региональный потенциал / Ростов н/Д, 2013.

8. Архипов А. Ю., Рогова Т. М., Савченкова И. Н., Фурса Е. В. Высшие учебные заведения в привлечении, обучении и адаптации иностранных студентов (на примере Южного федерального университета). *Terra Economicus.* 2013. Т. 11. № 1–2. С. 124–128.

9. Рогова Т. М. Экспорт образовательных услуг российских вузов : барьеры и перспективы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Южный федеральный университет. Ростов н/Д, 2013.

10. Фурса Е. В., Рогова Т. М. Международная учебная миграция : тенденции и особенности современного развития // *Journal of Economic Regulation.* 2012. Т. 3. № 3. С. 42–51.

Bibliographic list

1. Zvereva N. I., Surova N. Yu., Kosov M. E. Social design as a tool for developing infrastructural support for the development of social entrepreneurship in the regions of Russia: educational and acceleration aspects // *Education. The science. Scientific personnel.* 2016. № 2.

2. Surova N. Yu., Kosov M. E. An innovative approach to managing the processes of integration of the education system, university science and business for the development of the entrepreneurial environment // *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* 2015. № 6.

3. Surova N. Yu., Kosov M. E. Development of the methodology of a systematic approach to the management of the educational complex as a complex economic system in modern conditions of disequilibrium // *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia.* № 1. 2013. P. 67–72.

4. Kosov M. E., Akhmadeev R. G. Expenses for scientific research: tax breaks // *Bulletin of the Moscow*

University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 2. P. 224–229.

5. Kosov M. E. Three phases of economic research // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 8.

6. Kosov M. E. The economic system from the perspective of the concept of equilibrium // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 3.

7. Arkhipov A. Yu., Rogova T. M. Modern trends in the development of the export of educational services of universities: world experience, Russian practice, regional potential / Rostov-on-Don, 2013.

8. Arkhipov A. Yu., Rogova T. M., Savchenkova I. N., Fursa E. V. Higher educational institutions in attracting, training and adapting foreign students (using the example of the Southern Federal University). Terra Economicus. 2013. Vol. 11. № 1–2. P. 124–128.

9. Rogova T. M. Export of educational services of Russian universities: barriers and prospects. Dissertation for the degree of Candidate of Economic Sciences / Southern Federal University. Rostov-on-Don, 2013.

10. Fursa E. V., Rogova T. M. International educational migration: trends and features of modern development // Journal of Economic Regulation. 2012. Vol. 3. № 3. P. 42–51.

Информация об авторе

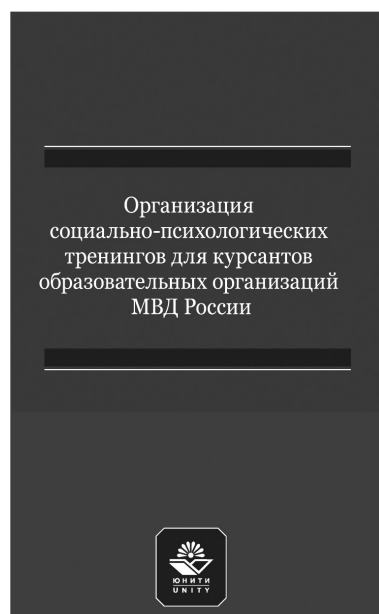
С. В. Фрумина – доцент департамента общественных финансов Финансового факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

S. V. Frumina – Associate Professor of the Department of Public Finance of the Faculty of Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 11.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.

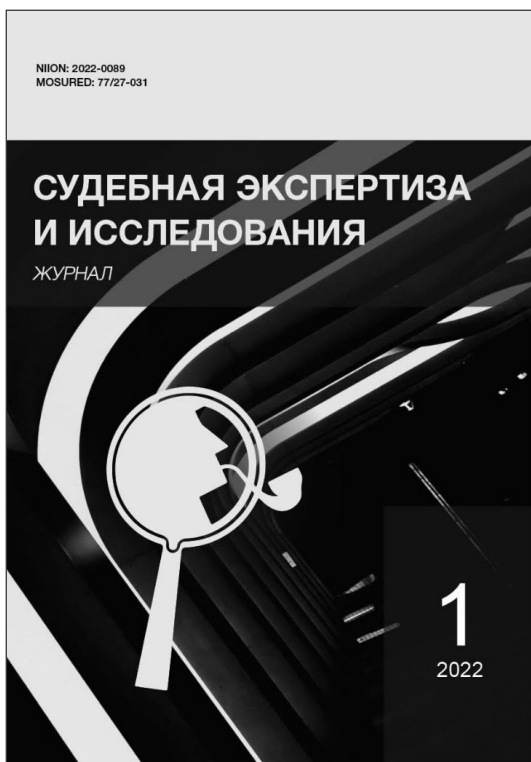
The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 11.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Организация социально-психологических тренингов для курсантов образовательных организаций МВД России. Учебно-методическое пособие. Михайлова С. Ю. и др. 159 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлены программы социально-психологических тренингов, направленных на реализацию практико-ориентированного и компетентностного подходов в профессиональном обучении курсантов-психологов. Цель тренингов – необходимость развития сферы профессионального самосознания сотрудников полиции с учетом специфики их профессиональной деятельности, связанной с повышенным уровнем напряженности и риска, дефицита времени и информации при принятии решения и других факторов. Основные идеи пособия неоднократно были апробированы на практике и в научных разработках в рамках научной школы «Психологическое обеспечение эффективности служебной деятельности», созданной на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя и возглавляемой доктором психологических наук, профессором Сергеем Николаевичем Федотовым и доктором психологических наук, профессором Игорем Борисовичем Лебедевым.

Для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, практических психологов МВД России, адъюнктов и профессорско-преподавательского состава.

Журнал «Судебная экспертиза и исследования» приглашает к сотрудничеству аспирантов, докторантов и соискателей, а также всех заинтересованных лиц.

Главный редактор журнала: заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Университета правоохранительной службы Монголии, почетный член Литовского криминалистического общества, член Международного сообщества судебных экспертов, доктор юридических наук, профессор **Надежда Павловна Майлис**.

Журнал расширяет платформу для дискуссий ученых и практиков по насущным вопросам назначения, организации, проведения всех видов судебных экспертиз, а также производства исследований, в том числе с применением инновационных технологий.

Адрес редакции:
123298, г. Москва, ул. Ирины Левченко, д.1.
e-mail: sud-ekspertiz@mail.ru
телефон: +7 499 740-68-30